
АВСТРАЛІЯ
и
ПОЛЯРНЫЯ СТРАНЫ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

составленный преподавателями географіи

А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ.

2-ое, исправленное и дополненное изданіе.

1-е изданіе Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущено** въ ученич. библ. средн. и старш. возр. гимн., муж. и жен., реал. уч., учит. инст. и сем.
Уч. Ком. М. Фин. **допущено** для учен. библ. коммерч. учебн. зав.

Цѣна **2** руб.

Изданіе **Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.**
Москва—1907.

АВСТРАЛІЯ
и
ПОЛЯРНЫЯ СТРАНЫ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

составленный преподавателями географіи

А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ.

II изданіе,
исправленное и дополненное,
Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко.

1-е изданіе Учен. Ком. М. Н. П. **допущено** въ ученич. библ. средн. и старш. возр. гимн., муж. и жен., реал. учил., учит. инст. и сем. и въ безпл. нар. библ. и чит. Учен. Ком. М. Ф. **допущено** въ ученич. библ. коммерч. учеб. зав.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и Ко. Пименовская ул., соб. домъ.
1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВЪ.

На отдѣльныхъ листахъ:

Въ текстѣ:

ПРЕДИСЛОВІЕ КО II-му ИЗДАНІЮ.

Въ настоящее изданіе сборника, кромѣ Австраліи и Океаніи, вошли еще въ качествѣ самостоятельнаго отдѣла, описанія полярныхъ странъ. Относящіяся къ этимъ странамъ статьи частью перенесены сюда изъ другихъ сборниковъ, въ которыхъ они были выключены при печетаніи вторымъ изданіемъ, частью — подобраны вновь. То же самое относится и къ рисункамъ. Намъ казалось, что такое соединеніе описаній, посвященныхъ полярнымъ странамъ, въ одномъ мѣстѣ, представитъ гораздо болѣе удобствъ для читателя и дастъ ему возможность составить болѣе цѣльную и законченную картину.

Москва.
7 декабря 1906 г.

Озеро Вакатипу на Новой Зеландіи.

АВСТРАЛІЯ.

Въ Западной Австраліи.

(А. П.)

Западная Австралія, занимающая пространство въ 975.876 кв. миль, составляетъ почти треть всего Австралійскаго материка и могла бы вмѣстить въ себѣ девять европейскихъ государствъ: Австро-Венгрію, Великобританію съ Ирландіей, Францію, Германію, Италію, Грецію, Швейцарію, Сербію и Черногорію. Пертъ, вонючій городишко съ узкими улицами, гдѣ прежніе обитатели строили свои жилища, тѣсня другъ друга вслѣдствіе угнетавшаго ихъ чувства одиночества, служитъ теперь столицей этой обширной колоніи и резиденціей премьера.

Западной Австраліи суждено играть важную роль среди колоній Южнаго материка, и въ Пертъ съѣзжаются изъ сосѣднихъ областей всякаго рода негоціанты. Австралійскій купецъ—человѣкъ совсѣмъ особаго типа: необыкновенно предпріимчивый, энергичный и проницательный, онъ не любитъ долго держаться стараго пути; невзирая ни на какія опасности, онъ смѣло берется за новое дѣло, которое почти всегда увѣнчивается блестящимъ успѣхомъ.

Всего восемнадцать мѣсяцевъ тому назадъ улица Веллингтона въ Пертѣ была полузаброшенная песчаная дорога, служившая только для проѣзда ломовиковъ со станціи желѣзной дороги. Теперь это одна изъ самыхъ многолюдныхъ улицъ.

Въ Пертѣ есть теперь много хорошихъ, красивыхъ магазиновъ, въ которыхъ можно найти англійскіе, американскіе, французскіе товары, напримѣръ, магазины башмачныхъ издѣлій, готоваго платья. Пертская аптека, напр., могла бы сдѣлать честь любой европейской столицѣ. Она находится въ красиво отстроенномъ новомъ зданіи; отдѣленіе, гдѣ производится розничная продажа, украшено пальмовыми деревьями, папоротниками и другими растеніями; приготовленіе лѣкарствъ поручается только опытнымъ врачамъ. Теперь есть въ Пертѣ и театръ, и обще-

ственный садъ съ гладко подстриженными лужайками, среди которыхъ плещутъ фонтаны; сюда по вечерамъ собирается пертская публика послушать пѣвцовъ, оркестръ, полюбоваться зеленымъ бархатомъ травы и красивымъ видомъ на широкую рѣку.

Пертъ расположенъ на правомъ берегу рѣки Сванъ, которая впадаетъ въ Индѣйскій океанъ и близъ устьевъ которой лежитъ другой важный городъ Западной Австраліи, Фримантль. На извилистыхъ берегахъ Свана, между Пертомъ и Фримантлемъ, высится цѣлый рядъ высокихъ утесовъ, поросшихъ густымъ и красивымъ лѣсомъ.

Тѣ, кому приходилось близко знакомиться съ Австраліей, нерѣдко высказываютъ предположеніе, что эта страна скоро станетъ одною изъ великихъ міровыхъ державъ, при чемъ Западная Австралія будетъ играть самую важную роль въ этомъ федеральномъ государствѣ. Если такому пророчеству суждено сбыться, то берегъ Индѣйскаго океана станетъ главнымъ торговымъ портомъ Австраліи, и надо надѣяться, что къ тому времени на немъ появится надежная гавань. До сихъ поръ суда могутъ находить себѣ безопасный пріютъ лишь у прибрежій Албани, но этотъ городъ никогда не будетъ торговымъ центромъ, такъ какъ лежитъ далеко отъ золотоносныхъ районовъ, составляющихъ главный источникъ государственныхъ доходовъ. Лучшимъ, или вѣрнѣе, единственнымъ, торговымъ портомъ на западномъ берегу нужно считать Фримантль, хотя этотъ портъ ничѣмъ не защищенъ отъ прибоя морскихъ волнъ и становится недоступнымъ для судовъ даже при самомъ незначительномъ вѣтрѣ.

На южномъ берегу торговымъ центромъ служитъ городъ Эсперансъ, лежащій близъ залива, носящаго то же названіе. Если отправиться моремъ изъ Албани и держать путь на сѣверо-востокъ, то, проѣхавъ двѣсти сорокъ миль, наткнешься на группу скалистыхъ острововъ, гладко отшлифованныхъ вѣковымъ прибоемъ морскихъ волнъ. Издали они кажутся одѣтыми синею дымкой и представляютъ очень красивое зрѣлище, но вблизи—это не что иное, какъ безобразныя глыбы сѣрыхъ камней. Эти острова составляютъ архипелагъ Ретертъ. Множество такихъ острововъ, расположенныхъ по одной линіи въ неравномъ разстояніи другъ отъ друга, охраняютъ, частью даже заграждаютъ, входъ въ заливъ Эсперансъ. Свирѣпыя морскія волны, дробясь объ эти скалы, утрачиваютъ часть своей силы, и такимъ образомъ бухта становится безопасною для судовъ. У восточной, самой глубокой ея части, находится городъ и устроенная правительствомъ дамба.

Самый городъ Эсперансъ пустыненъ и мраченъ и представляетъ довольно мало интереса для туристовъ. Здѣсь, какъ въ большинствѣ австралійскихъ городовъ, есть крупныя фирмы, которыя торгуютъ за разъ всѣмъ, въ чемъ только могутъ нуждаться золотопромышленники: маши-

нами, мясомъ, одеждой, взрывчатыми веществами, моднымъ товаромъ, даже содержатъ библіотеки.

Часто случается, что три-четыре человѣка покидаютъ городъ, селятся гдѣ-нибудь неподалеку и образуютъ колонію подъ тѣмъ предлогомъ, что занятое ими мѣсто содержитъ золотую руду. Къ нимъ вскорѣ присоединяется джентльменъ, торгующій прохладительными и спиртными напитками безъ всякаго патента; затѣмъ появляется еще человѣкъ, который на восточномъ берегу торговалъ сукнами, но который здѣсь становится завѣдующимъ пріисками и искуснымъ совѣтчикомъ.

Отъ Эсперанса начинается великій сѣверный трактъ, пролегающій черезъ золотоносные районы. На разстояніи трехсотъ ярдовъ отъ города этотъ путь перерѣзанъ песчаными холмами вышиною болѣе сорока футовъ, а за ними тянется широкая равнина, вся усѣянная солеными озерами. Ни въ какой пустынѣ не чувствуется такъ ясно вся необъятность простора, какъ среди этихъ солончаковъ, озаряемыхъ блѣднымъ свѣтомъ луны. Разобщенный со всякою другою жизнью, какъ привидѣніе неслышно ступаетъ путникъ по остаткамъ великаго воднаго бассейна, среди мертвыхъ нынѣ острововъ и фигурныхъ тѣней, бросаемыхъ ихъ берегами. Удивительно, какъ путешествіе по такой мѣстности возбуждаетъ любовь къ водѣ даже въ тѣхъ людяхъ, которые въ городахъ привыкли употреблять воду только при купаньѣ: бутылки водки остаются нераскупоренными по цѣлымъ недѣлямъ, и путешественники жадно пьютъ прѣсную воду, кое-гдѣ встрѣчающуюся на пути. Къ сожалѣнію, водоемы съ прѣсною водой попадаются слишкомъ рѣдко, иногда отстоятъ другъ отъ друга на разстояніи шестидесяти миль и болѣе, потому почти каждая миля отмѣчена какимъ-нибудь трагическимъ случаемъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ на этомъ пути погибло отъ жажды стадо въ 16.000 овецъ. Въ тѣ дни, когда всѣ устремились на сѣверъ Зап. Австраліи, изъ ея южныхъ селеній двинулись цѣлыя толпы народа; каждый изъ путниковъ взялъ съ собой по мѣху съ водой, въ полной увѣренности, что имъ придется пройти не болѣе тридцати миль. Оказалось, что предстоявшій имъ путь былъ гораздо длиннѣе и лежалъ по безводнымъ мѣстамъ; путниковъ стала мучить жажда; многіе изъ нихъ погибли, и смертность была бы ужасна, если бы правительство не выслало для ихъ спасенія двадцати верблюдовъ, нагруженныхъ мѣхами съ прѣсною водой. Птицы цѣлыми стаями носятся вслѣдъ за путешественниками. Случалось видѣть, какъ вороны по недѣлямъ слѣдовали за партіей путешественниковъ, останавливались тамъ, гдѣ люди располагались на отдыхъ, питались остатками ихъ пищи и снова пускались вслѣдъ за ними въ путь. Погибшихъ отъ жажды людей обыкновенно погребаютъ тамъ, гдѣ ихъ застигнетъ смерть. Въ тридцати пяти миляхъ отъ Норсемана прибита къ дереву дощечка съ надписью: „Въ память о Генрихѣ Петер-

сонѣ: род. 1849 г., умеръ отъ жажды 23 ноября 1895 г.“. Въ двѣнадцати ярдахъ отъ этого мѣста находится могила, на которой положено все состояніе усопшаго—чашка, кусокъ мыла и тарелочка. Петерсонъ умеръ, не оставивъ духовнаго завѣщенія, и его наслѣдство осталось при немъ. Все мѣсто вокругъ могилы поросло колючимъ кустарникомъ, иглы котораго вонзаются въ тѣло даже сквозь одежду и причиняютъ красноватую опухоль и нестерпимый зудъ; такой кустарникъ встрѣчается и въ другихъ частяхъ Австраліи. Мѣстами попадаются на пути полуобгорѣвшіе остатки лошадей и верблюдовъ: эти животныя очевидно погибли отъ жажды, были развьючены и сожжены.

Единственныя существа, которымъ привольно живется въ сосѣдствѣ соленыхъ озеръ, это—змѣи, особая порода „гоанна“ и чешуйчатая полосатая ящерица, извѣстная подъ названіемъ „горнаго сатаны“. По виду это что-то среднее между маленькимъ крокодиломъ и миніатюрнымъ носорогомъ: пресмыкающееся, надѣленное рогомъ, удивительнымъ безобразіемъ и рѣдкимъ добродушіемъ; отъ человѣка ему нужно только одно—позволеніе ловить мухъ, которыя садятся на его одежду. Всякій мало-мальски изнѣженный человѣкъ въ Австраліи держитъ у себя пару этихъ мухолововъ; здѣсь такіе помощники особенно нужны, такъ какъ и безъ того приходится выдерживать большую борьбу съ различными насѣкомыми: москитами, муравьями, термитами и др. Бѣлые муравьи забираются въ комнаты, облѣпляютъ стѣны и потолки такъ, что ихъ приходится обметать щетками; лягушки, змѣи безцеремонно пробираются на террасы и забираются въ самые драгоцѣнные сосуды—сосуды съ водой. Чтобы хоть сколько-нибудь защититься отъ несносныхъ москитовъ, приходится по цѣлымъ днямъ курить сигары и сидѣть въ клубахъ табачнаго дыма; отъ этого постояннаго куренья пересыхаетъ горло и еще болѣе усиливается мучительная жажда, безъ того возбуждаемая невыносимымъ зноемъ.

Жара здѣсь доходитъ до того, что термометръ иногда цѣлую ночь показываетъ больше 100 градусовъ Ф.; напрасно непривычные къ такой жарѣ европейцы надѣются освѣжиться ваннами: вода въ водопроводныхъ трубахъ доходитъ чуть ли не до температуры кипѣнія. Подуетъ ли вѣтеръ,—его дыханіе удушливо и знойно, будто исходитъ изъ раскаленнаго горна; вмѣсто желанной прохлады онъ приноситъ цѣлыя тучи песка, сорванные по пути листья и вѣтки. Подымется ли буря,—она рѣдко сопровождается дождемъ: слышатся грозные раскаты грома, молнія, сверкая озаряетъ объѣденныя муравьями деревья, которыя съ трескомъ падаютъ на землю—зрѣлище величественное, но слишкомъ опасное для того, чтобы доставлять удовольствіе. Пройдетъ съ полчаса, утихнетъ буря, и снова москиты примутся за свой кровавый пиръ. Впрочемъ, благодаря обширности Западной Австраліи, тропическая жара не вездѣ отравляетъ

жизнь колонистовъ: есть мѣста съ очень умѣреннымъ и пріятнымъ климатомъ. Разнообразіе климатическихъ условій и необыкновенное плодородіе почвы могли бы сдѣлать Австралію одною изъ самыхъ богатыхъ странъ свѣта, а между тѣмъ земледѣліе, садоводство, разведеніе винограда ведутся здѣсь такъ небрежно, что Западная Австралія, которая не должна бы имѣть ни одного привознаго яблока или груши, почти всѣ фрукты получаетъ со стороны. Лимоны привозятся сюда на почтовыхъ судахъ со Средиземнаго моря. Апельсины, которые могли бы расти здѣсь въ какомъ угодно количествѣ, теперь щедро доставляются изъ Аделаиды, Мельбурна, Тасманіи и друг. Оливковыя деревья роскошно растутъ въ юго-западной части колоніи, но нигдѣ не культивируются. Такая небрежность много зависитъ отъ устарѣлыхъ методовъ обработки земли, тормозящихъ дѣло.

Кромѣ того, разведеніе фруктовыхъ деревьевъ требуетъ для начала большого капитала, а въ настоящее время въ колоніи мало такихъ людей, которые могутъ ждать по нѣскольку лѣтъ барышей на свои затраты, хотя выгоды предстоятъ большія и несомнѣнныя. Судя по теперешнимъ цѣнамъ на фрукты, разведеніе фруктовыхъ деревьевъ должно бы быть однимъ изъ самыхъ доходныхъ занятій; а такъ какъ населеніе всего гуще въ той части колоніи, гдѣ почва не поддается воздѣлыванію, то эти цѣны едва ли существенно измѣнятся въ продолженіе многихъ лѣтъ. Какъ фруктопроизводительная страна, Западная Австралія имѣетъ одно важное преимущество, которое всегда будетъ выдвигать ее на первый планъ: она на двѣнадцать дней пути лежитъ ближе къ европейскимъ рынкамъ, чѣмъ фруктовые центры восточной Австраліи, что очень важно при доставкѣ такого нѣжнаго продукта, какъ плоды.

Много вреда фруктовымъ садамъ наносятъ въ Австраліи кролики, привезенные когда-то изъ Европы однимъ спортсменомъ для охоты. Тѣ, чье знакомство съ этими звѣрками ограничивается Старымъ Свѣтомъ, томъ, съ трудомъ повѣрятъ, что они отлично лазятъ по деревьямъ и проволочнымъ изгородямъ; у нѣкоторыхъ кроликовъ есть когти длиною въ $^1/_4$ дюйма, при помощи которыхъ они могутъ довольно долго оставаться въ висячемъ положеніи, уцѣпившись за какой-нибудь предметъ. Австралійское правительство въ настоящее время очень озабочено изысканіемъ средствъ для ихъ уничтоженія.

Одинъ изъ главныхъ источниковъ богатства Западной Австраліи составляютъ также ея лѣса. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ правительство предполагало даже учредить особый департаментъ лѣсной торговли. Лѣса, изъ которыхъ добывается по преимуществу строевой матеріалъ, находятся въ юго-западной части колоніи, между 31° и 35° южной широты, что безъ сомнѣнія обусловливается тѣмъ, что климатъ этой части, болѣе или менѣе гористой, благодаря близости моря влажнѣе и умѣреннѣе,

чѣмъ въ другихъ частяхъ; это подтверждаютъ и наблюденія, производимыя на здѣшнихъ метеорологическихъ станціяхъ. Лѣсистая мѣстность занимаетъ пространство въ 30.000 кв. миль, при чемъ хорошій строевой лѣсъ встрѣчается не ближе чѣмъ на разстояніи пяти-семи миль отъ берега, а самые лучшіе его сорта растутъ на возвышенностяхъ, отстоящихъ отъ береговой линіи на 15—20 миль. Главная порода деревьевъ— эвкалиптъ; здѣсь встрѣчается 6 видовъ эвкалипта, изъ которыхъ безъ сомнѣнія самый цѣнный Eucalyptus marginata. Этотъ лѣсъ, какъ строительный матеріалъ, пріобрѣлъ себѣ всемірную извѣстность; если онъ срубленъ въ холмистой мѣстности и въ надлежащую пору, то онъ оказывается почти недоступнымъ для сверла; поэтому на него бываетъ большой спросъ при постройкѣ плотинъ, судовъ, желѣзнодорожныхъ шпалъ и всякаго рода сооруженій; у мѣстныхъ жителей онъ также въ большомъ употребленіи при настилкѣ половъ, при наведеніи стропилъ, изготовленіи мебели. Eucalyptus marginata не скоро воспламеняется и доставляетъ лучшій древесный уголь, потому что не такъ быстро обращается въ золу, какъ большинство эвкалиптовыхъ породъ. Изъ другихъ деревьевъ заслуживаетъ вниманія сандальное дерево, обладающее сильнымъ, но пріятнымъ запахомъ. Оно въ большомъ количествѣ вывозится въ Китай, гдѣ изъ него добываютъ опміамъ; за послѣднее время стали вывозить въ небольшомъ количествѣ растительное масло, также добываемое изъ сандальнаго дерева.

Портъ Аделаида и его окрестности.

(Циммермана.)

Если бъ не увѣренность, что, пересѣкши экваторъ, мы находимся въ южномъ полушаріи, а не въ Европѣ, то съ перваго взгляда, прибывъ въ Аделаиду, всякій могъ бы подумать, что попалъ въ одинъ изъ городовъ доброй старой Англіи, особенно если при этомъ еще вспомнить тревожную дѣятельность и живымъ ключомъ бьющую жизнь, какими подхватывается путешественникъ въ молодыхъ городахъ Сѣверной Америки. Ожидая и здѣсь встрѣтить нѣчто подобное, я, напротивъ того, пораженъ былъ относительной тишиной и спокойствіемъ, какія засталъ въ этомъ молодомъ городѣ. Сходя съ дебаркадера желѣзной дороги, я едва доискался извозчика, чтобы перевезть чемоданъ въ гостиницу. А въ самомъ отелѣ никого не оказалось въ передней, такъ что я не зналъ, куда дѣться съ своимъ багажомъ. Наконецъ-то появился джентльменъ съ весьма важной осанкой и, узнавъ о моемъ желаніи занять комнату, позвалъ слугу, который, подхвативъ мой чемоданъ, повелъ меня наверхъ въ назначенный мнѣ номеръ.

Господствовавшая тишина и вообще весь чинный складъ жизни въ

домѣ—все напоминало подобныя гостиницы въ Лондонѣ. Тогда какъ въ любомъ американскомъ отелѣ общая пріемная зала кишитъ народомъ, шумно разговаривающимъ и совершающимъ тутъ же свои дѣла и даже свои торги, словно на биржѣ,—здѣсь царствуетъ ничѣмъ не нарушаемое спокойствіе и глубокое молчаніе. Пріѣзжіе сходятся въ назначенный часъ къ завтраку или обѣду, чинно садятся за общій столъ, изрѣдка перемолвивъ, и то лишь шопотомъ, слово-другое съ сосѣдомъ. За столомъ соблюдается своего рода чинный этикетъ. Лакеи во фракахъ съ блестящими пуговицами подаютъ требуемыя блюда въ разныхъ затѣйливыхъ сосудахъ на такихъ же серебряныхъ подставкахъ, и все это для того, чтобы накормить васъ просто ростбифомъ или бараниной и картофелемъ. Порядокъ дня наблюдается тотъ же, что былъ на пароходѣ, который привезъ меня сюда: въ тотъ же часъ подается завтракъ, потомъ полдникъ и обѣдъ, такъ что переѣзжающіе сюда англичане вполнѣ сохраняютъ свои привычки, съ какими освоились въ отчизнѣ. Послѣ стола постояльцы расходятся въ разныя стороны. Въ гостиницѣ рѣдко кто остается оттого уже, что отведенный вамъ номеръ— не что иное, какъ спальня, гдѣ, кромѣ кровати, стула и умывальника, нѣтъ ни стола и никакой иной мебели. Кому вздумается писать или читать, тотъ отправляется въ нарочно для того отведенную общую комнату, гдѣ на столѣ лежатъ всевозможныя газеты и гдѣ находятся также всякія письменныя принадлежности. Но и сюда посѣтители заходятъ больше передъ самымъ обѣдомъ, въ ожиданіи созывающаго ихъ звонка.

Не только гостиница напоминаетъ складъ жизни въ старой Англіи, но и самый городъ, хотя и новый и чрезвычайно правильно по компасу выстроенный, какъ будто цѣликомъ перенесенъ сюда изъ какого-нибудь англійскаго графства. Архитектура домовъ, или скорѣе отсутствіе всякой архитектуры, устройство подъемныхъ оконъ, магазины и размѣщеніе въ нихъ разныхъ товаровъ, самые эти товары, начиная отъ простого гвоздя и до модной шляпки послѣдняго фасона, отъ малѣйшихъ игрушекъ англійскаго бебэ и до велосипеда и крикета, этой всеобщей игрушки взрослыхъ англичанъ, аптеки и торгующіе виномъ, такъ называемые бáры — все вывезено изъ Англіи. Даже цвѣты на окнахъ какъ будто пересажены сюда изъ англійскихъ теплицъ. Торгующіе въ магазинахъ комми, съ ихъ тщательно причесанными, лоснящимися волосами съ проборомъ посрединѣ, какъ будто только что пріѣхали съ Риджинсъ-стрита въ Лондонѣ. А въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ торговой суетни, вы увидите такіе же коттеджи, по одному для каждой семьи особо, какими отличаются англійскіе города. Да и встрѣчающіеся на улицѣ большею частью кровные англичане. Словомъ, все—какъ люди, такъ и дома, и экипажи—поразительно напоминаетъ Великобританію и носитъ

на себѣ ея отличительный отпечатокъ. Нѣмецкая поговорка гласитъ: „отчизну не унесешь съ собою на пяткахъ“. Это, пожалуй, примѣнимо къ нѣмцамъ, но ужъ никакъ не къ англичанамъ, которые, какъ мы видимъ, нашли средства чуть ли не цѣликомъ перенести съ собою отчизну изъ одного полушарія въ другое. Этимъ отчасти и объясняется то обстоятельство, что изъ всѣхъ переселяющихся націй англичанинъ менѣе всего страдаетъ тоской по родинѣ: пересаживая въ чужой край всю обстановку, къ которой привыкъ сызмала, онъ вездѣ на земномъ шарѣ чувствуетъ себя, какъ дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заставляетъ и нѣмца, и француза пріурочиться къ своему уставу домашняго строя, который считаетъ какъ бы идеальнымъ и который вводитъ всюду на чужбинѣ, вопреки даже не совсѣмъ подходящимъ климатическимъ и другимъ мѣстнымъ условіямъ.

Аделаида разбивается рѣкою или вѣрнѣе потокомъ Торренсомъ на двѣ части, на сѣверную и южную. Въ послѣдней совершается собственно коммерческая дѣятельность, тогда какъ въ сѣверной находятся большею частью виллы и коттеджи семействъ, въ средѣ которыхъ, окончивъ торговыя дѣла, отдыхаютъ обыкновенно дѣльцы отъ своихъ дневныхъ занятій, пользуясь тутъ болѣе широкимъ просторомъ и свѣжимъ воздухомъ среди мало занятыхъ еще полей и парковъ. Обѣ части города раздѣляются не только рѣчкою Торренсомъ, но еще довольно обширнымъ паркомъ, растянувшимся по обѣ ея стороны, а соединяются онѣ тремя мостами.

Южная Аделаида, т.-е. настоящій городъ, занимаетъ довольно ограниченное, почти со всѣхъ сторонъ замкнутое пространство. Главная поперечная улица, Кингъ-Вильямъ-стритъ, пересѣкаетъ городъ съ сѣвера на югъ по самой серединѣ и раздѣляетъ его на двѣ равныя и симметричныя части, на восточную и западную. На этой улицѣ и находятся важнѣйшія официальныя зданія, а именно: городская дума, казначейство, окружный судъ и почтамтъ. На той же улицѣ находится нѣсколько гостиницъ и отелей, а близъ почтамта собирается большая часть омнибусовъ, служащихъ для постояннаго сообщенія центра города съ окрестностями и болѣе отдаленными мѣстами. Галантерейные и другого рода магазины также находятся здѣсь, но главное мѣсто этого рода розничной и мелочной торговли собственно въ сѣверной части города, на такъ называемомъ Рендль-стритѣ, пролегающемъ съ востока на западъ.

Одна сторона этой самой многолюдной улицы находится постоянно въ тѣни, а другая обращена въ теченіе дня къ солнцу; но, замѣтимъ кстати, не сѣверная, какъ было бы у насъ на сѣверномъ полушаріи, а напротивъ — южная, такъ какъ здѣсь солнце въ полдень проходитъ по сѣверной половинѣ неба. Было бы нестерпимо жарко на каменномъ тротуарѣ подъ солнечными лучами, когда даже въ тѣни здѣсь въ лѣт-

нее время обыкновенно свыше двадцати пяти градусовъ по Реомюру. Для избѣжанія такого неудобства вдоль всей улицы надъ южнымъ тротуаромъ возведены навѣсы изъ гальванизированной бѣлой жести, предохраняющіе пѣшеходовъ отъ солнечныхъ лучей и дождя. Тутъ-то въ магазинахъ подъ навѣсами и производится главнѣйшая торговля готовыми платьями, обувью, табакомъ, разными галантерейными товарами, выписываемыми большею частью изъ Англіи, Франціи и Америки. Тутъ имѣются мясныя, овощныя и другія лавки, снабжающія жителей разными съѣстными припасами. Надо замѣтить, что въ Аделандѣ нѣтъ собственно рынка. То, что здѣсь называютъ рынкомъ, не что иное, какъ мѣсто, покрытое простыми навѣсами, подъ которыми собираются наѣзжающіе въ извѣстные дни фермеры и поселяне изъ ближнихъ и дальнихъ селеній съ тѣмъ, чтобы сбыть тутъ произведенія своего хозяйства. Доставляемые ими продукты скупаются большею частью зеленщиками и мясниками. Обыватели города снабжаются уже изо дня въ день въ ближайшихъ къ ихъ дому мясныхъ и овощныхъ лавкахъ, разсыпанныхъ въ разныхъ концахъ города въ значительномъ количествѣ. Мнѣ, однако, не случалось видѣть, чтобы хозяйки или хозяева изъ болѣе достаточнаго класса сами закупали свою провизію, какъ это дѣлается обыкновенно въ Америкѣ и у насъ. Здѣсь, напротивъ, для этого съ ранняго утра разсылаются слуги верхомъ на лошади.

Впрочемъ, городъ вообще не рано пробуждается отъ ночного отдыха: до восьмого часа улицы почти пусты и магазины заперты. Кое-гдѣ развѣ прогремитъ двухколесная телѣга мясника или хлѣбника съ запасами для постоянныхъ покупщиковъ, или покажется приставленный отъ думы рабочій, подметающій мостовую. Раньше всѣхъ открываются мясныя и овощныя лавки, также булочныя, а по мостовой скачутъ въ галопъ верховые съ большими корзинами подъ мышкой, и, забравъ, что нужно, въ лавкѣ, возвращаются домой. Затѣмъ уже часу въ девятомъ начинаютъ открываться табачныя и другія мелочныя лавки, а позже всѣхъ модные и галантерейные магазины. По мостовой грохочутъ уже омнибусы, влекомые четверкою добрыхъ коней цугомъ и сверху до низу биткомъ набитые пріѣхавшими изъ своихъ дачныхъ квартиръ банкирами, негоціантами, клерками и вообще всякимъ дѣловымъ людомъ. Выѣзжаютъ извозчики и становятся по очереди въ рядъ, занимая середину мостовой. По тротуарамъ мужчины и женщины спѣшнымъ шагомъ направляются къ своимъ занятіямъ. Теперь недосугъ предаваться постороннимъ дѣламъ; какъ пріѣзжающіе, такъ и пѣшеходы едва успѣваютъ по дорогѣ просмотрѣть въ газетѣ самыя свѣжія новости, сообщаемыя по телеграфу прямо изъ Лондона.

Другое дѣло послѣ ленча, т.-е. полдника: тогда наступаетъ болѣе досужая пора. Въ это время до обѣда, т.-е. до шести часовъ, появляется

на улицахъ здѣшняя аристократія, какъ называютъ тутъ вообще всякаго рода богачей, не справляясь о томъ, какимъ путемъ добыто богатство. Джентльмены и лэди прогуливаются и толкутся подъ навѣсами южнаго тротуара на Рендль-стритѣ, снуютъ по магазинамъ, гдѣ, впрочемъ, болѣе перебираютъ и осматриваютъ модные товары, чѣмъ покупаютъ.

Въ Аделандѣ всего около 145.000 жителей, а со всѣми къ ней примыкающими пригородами свыше 160.000. Но при видѣ густой толпы пѣшеходовъ и частой ѣзды омнибусовъ, конно-желѣзной дороги и экипажей можно подумать, что тутъ обитаетъ чуть ли не цѣлый милліонъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь мало кто остается дома: всѣ съ утра уже спѣшатъ на улицу, все равно по дѣлу или бездѣлью. Оттого здѣсь рѣдко кого можно застать у себя дома.

Къ шести часамъ лэди и джентльмены спѣшатъ домой обѣдать, и вслѣдъ затѣмъ магазины запираются, такъ что все закрыто уже засвѣтло, исключая баровъ и табачныхъ лавокъ и еще нѣкоторыхъ ресторановъ, гдѣ обѣдаютъ холостяки, не успѣвшіе обзавестись своимъ хозяйствомъ. Послѣ солнечнаго заката на улицахъ встрѣчается уже мало народу, и одни только фонари вдоль тротуаровъ освѣщаютъ предавшійся покою городъ. Такъ продолжается изо дня въ день всю недѣлю до субботы.

Но вотъ наступила суббота, и какъ удивился я, выйдя вечеромъ послѣ обѣда на улицу и увидавъ, что магазины и лавки не заперты, а, напротивъ, сіяютъ въ полномъ блескѣ. Еще ярче освѣщены театры и концертныя залы. А на улицахъ публика толчется словно на раутѣ: народъ толпится не только по тротуарамъ, но пѣшеходы заняли даже всю мостовую, такъ что ѣзда по ней почти совсѣмъ прекратилась. По временамъ лишь омнибусы, проходя шагомъ, едва пробираются сквозь густую толпу, состоящую большую частью изъ простого люда. Тутъ показались такія личности, какихъ вовсе нельзя встрѣтить въ городѣ въ иные дни: широкоплечіе, неуклюжіе рабочіе съ заскорузлыми руками, дебелыя жены ихъ; нѣмцы-фермеры со всею семьею, т.-е. съ женой и кучею дѣтей малъ-мала меньше. Попадаются, между прочимъ, суровыя, подозрительныя физіономіи, съ которыми непріятно было бы встрѣтиться въ безлюдномъ мѣстѣ. Онѣ невольно напоминали мнѣ бывшихъ ссыльныхъ въ Австраліи.

Вотъ для какой публики магазины и лавки предстали въ праздничномъ освѣщеніи! Здѣшней аристократіи теперь совсѣмъ не видно на улицѣ. Дѣло скоро объяснилось. По англійскому обычаю въ воскресенье не дозволяется ни работать, ни торговать, ни даже предаваться какимъ-либо увеселеніямъ: весь этотъ день слѣдуетъ посвятить церкви. Этотъ обычай, напоминающій еврейскій шабашъ, англичане точно такъ же,

какъ и все остальное, перенесли съ собой съ сѣвернаго полушарія въ южное. Богачи-аристократы, конечно, вознаграждаютъ себя за воскресную скуку во всѣ остальные дни недѣли. Но рабочему люду недосугъ въ будни, а потому онъ и избралъ для себя субботу съ тѣмъ, чтобы послѣ проведенныхъ въ потѣ лица трудовыхъ дней хоть разъ въ недѣлю отвести душу и насладиться городскими удовольствіями. Для этого же и во всѣхъ мастерскихъ и на заводахъ рабочихъ разсчитываютъ въ этотъ день тотчасъ послѣ полудня. Получивъ заработанную въ теченіе недѣли плату, они со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ спѣшатъ затѣмъ въ городъ, гдѣ закупаютъ разныя нужныя и ненужныя для нихъ вещи, посѣщаютъ театры, концерты и до полуночи проводятъ время на улицѣ, заходя въ рестораны или бары. Вообще въ субботу вечеромъ здѣшніе торговцы выручаютъ значительную прибыль.

Послѣ полуночи газъ въ магазинахъ потухаетъ и улицы пустѣютъ. А на слѣдующій затѣмъ день городъ словно вымеръ. На улицахъ не видать уже ни скачущихъ съ корзинами верховыхъ, ни телѣгъ, ни омнибусовъ; магазины заперты, тротуары обезлюдѣли. Кое-гдѣ лишь на перекресткахъ собирается пять-шесть молодыхъ приказчиковъ и, покуривая изъ коротенькихъ трубочекъ, неистово зѣваютъ отъ скуки. Однѣ только церкви открываютъ свои двери для богомольной публики. По окончаніи службы въ нихъ джентльмены и разряженныя лэди съ маленькими молитвенниками въ рукахъ выходятъ изъ храмовъ и чинно расходятся по домамъ. А церквей здѣсь, надо прибавить, много. Архитектура ихъ здѣсь зачастую мало чѣмъ отличается по наружности отъ архитектуры обыкновенныхъ домовъ; такъ что церковь не сразу замѣтишь по маленькому, часто вовсе незамѣтному крестику на фронтонѣ. Лучше всего можно еще узнать ее по вывѣшиваемой обыкновенно наружу черной доскѣ, на которой золотыми буквами начертано объявленіе о часахъ, въ какіе имѣетъ производиться служба въ воскресенье. Богослуженіе отправляется обыкновенно утромъ съ завтрака, въ полдень и вечеромъ до обѣда.

Жители, осужденные почему-либо имѣть свои квартиры въ самомъ городѣ, покидаютъ его въ воскресенье, съ тѣмъ чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ парковъ и нагорныхъ полей по сосѣдству съ Аделаидой. После полудня омнибусы начинаютъ свои поѣздки въ загородныя мѣста, и даже нѣкоторые изъ поѣздовъ желѣзной дороги разрѣшаются по воскресеньямъ, по крайней мѣрѣ, до ближайшихъ дачныхъ станцій. Отправляющіеся на такія дальнія прогулки обыкновенно берутъ съ собою разные съѣстные припасы и лакомства. Расположившись на зеленомъ лугу, гдѣ-нибудь въ тѣни деревьевъ, они закусываютъ на чистомъ воздухѣ. Впрочемъ, въ паркахъ и другихъ посѣщаемыхъ гуляющими мѣстахъ всегда находятся рестораны, которымъ, вопреки воскресенью,

разрѣшается продажа какъ съѣстного, такъ и напитковъ. Въ этомъ отношеніи англичане являются замѣчательными формалистами и въ нѣкоторомъ родѣ фарисеями. Для того, чтобы торговля въ ресторанахъ и гостиницахъ за городомъ не послужила соблазномъ, не показалась нарушеніемъ воскреснаго устава, они присоединили къ послѣднему законное постановленіе, въ силу котораго гостиницамъ и ресторанамъ разрѣшается принимать проѣзжающихъ путешественникомъ и продавать имъ какъ съѣстное, такъ и напитки. Путешественниковъ считается всякій, кто не живетъ въ мѣстѣ пребыванія гостиницы, а прибылъ туда откуда бы то ни было, лишь бы не ближе, какъ за двѣ мили. Пріѣзжающіе изъ города для прогулокъ, конечно, тоже считаются такими путешественниками, а потому всегда и принимаются въ загородныхъ отеляхъ и снабжаются тамъ всѣмъ необходимымъ для подкрѣпленія силъ.

Къ любимымъ прогулкамъ здѣшнихъ жителей относится между прочимъ поѣздка на ближайшія къ городу высоты, такъ называемыя Лофтиранжа. Эти самыя высокія возвышенности въ малогористой колоніи Южной Австраліи тянутся, подобно валу въ три тысячи футовъ вышиною, съ сѣвера на югъ, пролегая верстахъ въ пяти на востокъ отъ города. Тамъ можно видѣть туземную растительность въ ея настоящемъ состояніи, безъ примѣси подавляющей и изгоняющей ее европейской флоры, которая вездѣ уже успѣла проникнуть въ болѣе населенныя мѣста. Воспользовавшись хорошей погодой, я разъ отправился туда же пѣшкомъ.

Въ горы ведетъ хорошо поддерживаемое шоссе. Подымаясь все выше и выше, я, наконецъ, очутился среди настоящей австралійской флоры. По скатамъ горъ растетъ скудная туземная трава: издали кажется вамъ, будто голыя скалы покрыты легкимъ зеленымъ налетомъ или плѣсенью, а мѣстами обнажаются плѣшины. Трава эта не похожа на нашу: она какая-то шероховатая, тусклая, такъ что поэтическое выраженіе — „бархатная мурава“, придаваемое нашимъ лугамъ, вовсе непримѣнимо здѣсь. Здѣшніе луга съ виду напоминаютъ скорѣе суровый плюшъ, чѣмъ бархатъ. Но всего болѣе поразилъ меня здѣсь мелкій кустарникъ, которымъ мѣстами покрыты болѣе отлогіе скаты. Онъ весь состоитъ изъ колючихъ растеній, большею частью изъ рода акацій, и пройти этимъ кустарникомъ можно развѣ въ здоровыхъ кожаныхъ брюкахъ, хотя кусты не выше колѣна. Здѣшніе поселяне называютъ его „скрубъ“. Этотъ колючій скрубъ внутри страны тянется иногда на сотни миль по равнинѣ, представляя весьма сильное препятствіе для путешественниковъ. Кое-гдѣ кустарникъ смѣняется разсыпанными по вершинамъ и скаламъ эвкалиптами, а мѣстами эти деревья, сплотившись, образуютъ небольшія рощи. Что за унылый видъ представляютъ эвкалипты, все равно стоятъ ли они поодиночкѣ или сплотившись въ лѣса! Свѣтло-бурая кора лу-

пится, и висящіе клочья, словно грязное тряпье, окружают голый ствол. Сучья и вѣтви дерева, величиною съ наши осины, начинаются лишь на значительной высотѣ и, подымаясь кверху, образуютъ кудрявую, но не густую макушку. Узкіе, сухіе, пепельно-зеленаго цвѣта висячіе листья по формѣ напоминаютъ серпъ. Напрасно искалъ я тѣнистаго мѣстечка подъ деревьями: вездѣ просвѣчиваетъ солнце.

Все кругомъ—и покрытыя скудной травой темно-бурыя скалы съ плѣшинами, и тусклый цвѣтъ лугового дерна, и скрубъ съ его обильными колючками, и малотѣнистые эвкалипты съ ихъ ободранной корой—представляло унылый, какъ будто выжженный солнцемъ ландшафтъ. Но, благодаря холмамъ и долинамъ съ ихъ мрачными рытвинами, и тутъ, такъ же, какъ и вездѣ, природа являетъ своего рода прелесть и величіе: растительность какъ будто не успѣла еще развернуться вполнѣ и, увядая, она служитъ только наземомъ для почвы, на которой со временемъ разрастется иная, болѣе пышная флора. И въ самомъ дѣлѣ: подымаясь на гору, я замѣтилъ, что даже сюда, на эти еще никѣмъ не занятыя высоты успѣла уже проникнуть чужеземная растительность. По сторонамъ дороги разросся мѣстами нашъ шиповникъ, покрытый розовыми цвѣтами; въ поляхъ здѣсь и тамъ попадались наши желтые одуванчики, а кое-гдѣ изъ-подъ туземной травы краснѣли головки клевера. Съ перевала горы, до котораго я поднялся, открылся прекрасный видъ на городъ, на дальнее море и на разсыпанныя между ними селенія и фермы съ ихъ фруктовыми садами и виноградниками по скатамъ холмовъ.

Возвращаясь въ городъ, я прошелъ паркомъ, въ которомъ между эвкалиптами и фикусами росли тополи, дубы и другія растенія европейской породы. Подъ однимъ изъ дубовъ я увидѣлъ четырехъ мальчиковъ, внимательно высматривавшихъ что-то въ вѣтвяхъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ полѣзъ на дерево и сталъ осматривать оказавшееся наверху отверстіе въ стволѣ. Я думалъ, ужъ не охотятся ли они здѣсь за двуутробкой, которая днемъ прячется обыкновенно въ дуплахъ. Но оказалось не то: они просто разыскивали воробьиныя гнѣзда, чтобы добыть оттуда яйца. Лѣтъ съ десятокъ тому назадъ кому-то вздумалось привезти сюда изъ Европы нѣсколько паръ воробьевъ для того, чтобы они уничтожали вредныхъ для растительности гусеницъ. Воробьи добросовѣстно исполняли предназначенную имъ должность, и гусеницы стали менѣе безпокоить фермеровъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ воробьи въ короткій срокъ расплодились чрезмѣрно, какъ здѣсь размножается вообще все, что привозится сюда изъ Европы, и стали цѣлыми стаями нападать на фруктовые сады, огороды и особенно на пшеничныя поля. И вотъ теперь воробьи въ свою очередь сдѣлались страшной заразой для фермеровъ до такой степени, что послѣдніе во что бы то ни стало хотятъ

окончательно уничтожить въ краѣ этихъ пернатыхъ пришельцевъ. Точно такою же заразой для сельскихъ хозяевъ оказались еще кролики и зайцы, тоже вывезенные сюда какимъ-то спортсменомъ съ цѣлью охоты.

Мельбурнъ.

(По Дайберу, Шанцу и др.)

Какъ только нашъ пароходъ сталъ на якорь внутри бухты за моломъ, тотчасъ передъ глазами развернулась картина оживленной портовой жизни.

По ту сторону широкаго мола, по которому взадъ и впередъ снуютъ локомотивы съ товарными вагонами, стоятъ огромныя паровыя суда: могучій бѣлый пароходъ компаніи „Messageries maritimes“ дымитъ всѣми трубами, готовясь отплыть; англійскіе грузовые пароходы, ходящіе въ Африку, принимаютъ кладь. Дальше въ море, вправо, стоятъ на якоряхъ многочисленные корабли, между ними два военныхъ японскихъ, со своими оригинальными флагами. Налѣво виднѣется устье рѣки Ярры; прямо передъ нами подымаются огромныя фабричныя трубы, свидѣтельствующія о промышленной дѣятельности страны, — однимъ словомъ, всюду чувствуется близость крупнаго міровoго города.

У конца мола стоитъ станція желѣзной дороги порта Мельбурнъ, отстоящая отъ самаго города на $2^1/_2$ мили. Поѣздъ несется мимо домовъ и улицъ, черезъ мутныя, грязно-желтыя воды Ярры, гдѣ стоитъ множество небольшихъ судовъ, и сразу переноситъ насъ въ самый центръ города,—на станцію на улицѣ Флиндеръ-Стритъ.

Столица австралійской колоніи Викторіи—Мельбурнъ—расположена на живописной, слегка холмистой равнинѣ у рѣки Ярра-Ярра, на разстояніи шести километровъ отъ впаденія ея въ заливъ Портъ Филиппъ. По переписи 1899 г. Мельбурнъ имѣетъ 469.680 жителей и по населенности стоитъ во главѣ всѣхъ австралійскихъ городовъ.

Собственно городъ, „Сити“, состоитъ только изъ восьми главныхъ улицъ, поднимающихся кверху отъ рѣки; онѣ пересѣкаются подъ прямымъ угломъ еще пятью главными улицами. Между послѣдними идутъ параллельныя, болѣе узкія улицы, предназначенныя спеціально для грузового движенія, и эти меньшія улицы носятъ названія большихъ, съ прибавкою слова „литтль“—маленькій, наприм., Коллинсъ-стритъ и Литтль-Коллинсъ-стритъ, Буркъ-стритъ и Литтль-Буркъ-стритъ и т. д.

Главныя улицы Мельбурна имѣютъ одну милю въ длину, 99 фут. въ ширину. Съ тѣхъ поръ, какъ земля въ центрѣ города неимовѣрно вздорожала, монументальныя торговыя зданія стали воздвигать и на второстепенныхъ улицахъ, особенно позади береговой станціи Флин-

деръ-стритъ; это мѣсто сдѣлалось главнымъ центромъ ввозной торговли. Австралійцы имѣютъ хорошій обычай называть нѣкоторыя городскія улицы по имени великихъ людей, такъ что въ Мельбурнѣ встрѣчается масса улицъ, которыя носятъ имя людей, работавшихъ надъ открытіемъ, развитіемъ и подъемомъ страны.

Особеннаго вниманія въ Мельбурнѣ заслуживаетъ чистота не только на главныхъ, но и на второстепенныхъ улицахъ, — такая, какой не встрѣтишь ни въ одномъ городѣ Австраліи.

Улица въ Мельбурнѣ.

Постройки Мельбурна строятся только изъ кирпича и бетона, такъ какъ въ окрестностяхъ совсѣмъ нѣтъ строительнаго камня. Общественныя зданія города, по большей части огромныя строенія красивой архитектуры, не только не уступаютъ такимъ же зданіямъ европейскихъ столицъ, но въ большинствѣ случаевъ превосходятъ ихъ величавостью замысла. Особенное вниманіе привлекаютъ многочисленныя оригинальныя и пышныя зданія банковъ и дворцы элегантныхъ „Мельбурнскаго“ и „Австралійскаго“ клубовъ. Мѣшаетъ только одно обстоятельство— неслыханно быстрое развитіе города; кризисы, пережитые городомъ и всей страной, часто отражаются слишкомъ ясно на его постройкахъ, такъ что тамъ и сямъ незаконченное, незавершенное встрѣчается на

ряду съ законченнымъ, рядомъ съ двѣнадцатиэтажными массивными общественными зданіями даже и на лучшихъ улицахъ находятся низкія и узкія лавки, крытыя тесомъ и волнистымъ желѣзомъ, а мѣстами даже попадаются пустующіе незастроенные участки земли. На восточномъ концѣ „Буркъ-стрита" подымается на небольшомъ возвышеніи роскошное зданіе колоніальнаго парламента въ классическомъ стилѣ, съ фасадомъ изъ песчаника; великолѣпная постройка почти совсѣмъ закончена и только благодаря превратностямъ судьбы ей не хватаетъ купола, который долженъ увѣнчать передній фасадъ, да не достроены боковыя крылья.

Но даже въ своемъ нынѣшнемъ видѣ это зданіе парламента производитъ огромное впечатлѣніе! 140 ступеней ведутъ къ величественному, украшенному колоннами портику, раздѣленному на 9 частей и имѣющему 140 фут. въ длину. Внутреннее убранство — зала Викторіи, со статуей королевы Викторіи, роскошно обставленныя залы засѣданій, богатая библіотека и т. д. – соотвѣтствуетъ пышному римско-дорическому стилю внѣшности зданія.

Каждая изъ семи австралійскихъ колоній, считая Тасманію и Новую Зеландію, имѣетъ свое самостоятельное государственное устройство; только недавно (въ 1899 г.) образовался союзъ—„Федерація"—изъ шести колоній, расположенныхъ на материкѣ Австраліи и островѣ Тасманіи, и теперь, хотя каждая колонія сохранила свое управленіе, всѣ онѣ (кромѣ Новой Зеландіи) подчинены одному общему правительству. Общее „федеральное" управленіе въ главныхъ чертахъ сходно съ управленіемъ отдѣльныхъ колоній.

Во главѣ управленія каждой колоніи стоитъ парламентъ и губернаторъ. Право издавать законы во всѣхъ австралійскихъ колоніяхъ принадлежитъ парламенту, состоящему изъ законодательнаго совѣта и законодательнаго собранія. Законодательное собраніе является выразителемъ интересовъ всего населенія. Въ каждой колоніи выборы происходятъ одновременно во всѣхъ избирательныхъ округахъ. Избирателями являются всѣ жители колоній, не моложе 21 года, британскіе подданные; въ Южной Австраліи и Новой Зеландіи женщины, удовлетворяющія этимъ условіямъ, также могутъ быть избирателями; находящіеся подъ судомъ или осужденные исключаются изъ избирательныхъ списковъ. Подача голосовъ тайная: избиратель въ каждомъ округѣ получаетъ списокъ кандидатовъ, вычеркиваетъ имена всѣхъ, кромѣ одного, и опускаетъ списокъ въ ящикъ: при этомъ списокъ складывается такъ, что никто не видитъ имени кандидата, за котораго подается голосъ. Когда всѣ голоса поданы, ихъ сосчитываютъ и результатъ объявляютъ избирателямъ. Получившій большинство голосовъ становится членомъ законодательнаго собранія. Всякія попытки подкупа и запугиванья строго на-

казываются. Кандидатъ въ члены законодательнаго собранія не можетъ быть членомъ государственнаго совѣта и не долженъ состоять на государственной службѣ. Во всѣхъ колоніяхъ члены законодательнаго собранія выбираются на три года и получаютъ вознагражденіе отъ 500 до 3.000 руб. въ годъ, пользуясь безплатнымъ проѣздомъ по желѣзнымъ дорогамъ; это даетъ возможность принимать участіе въ управленіи лицамъ, хотя и мало состоятельнымъ, но знающимъ нужды и желанія народа.

Законодательный совѣтъ состоитъ изъ опредѣленнаго или неограниченнаго числа членовъ; въ однѣхъ колоніяхъ (наприм., въ Квэнслендѣ) члены совѣта назначаются губернаторомъ пожизненно, въ другихъ (напр., въ Викторіи) — выбираются на опредѣленный срокъ. Въ большинствѣ колоній законодательный совѣтъ является представителемъ землевладѣльцевъ, крупныхъ предпринимателей и коммерсантовъ. Всѣ законопроекты, финансовые или вообще связанные съ какими-нибудь налогами, первоначально вносятся въ законодательное собраніе, которое можетъ дѣлать въ немъ всевозможныя измѣненія, тогда какъ законодательный совѣтъ можетъ только принять или отвергнуть весь законопроектъ.

Вся исполнительная власть въ колоніяхъ принадлежитъ министерству и губернатору. Губернаторъ назначается и увольняется англійскимъ королемъ и является его представителемъ въ колоніяхъ. Губернаторъ имѣетъ право принять или отклонить законопроекты, прошедшіе въ парламентѣ; ни одинъ законъ не можетъ примѣняться въ колоніяхъ безъ утвержденія губернатора, который иногда даетъ согласіе на тотъ или другой законъ лишь подъ условіемъ одобренія его королемъ Англіи. Губернаторъ не можетъ дать своего согласія на постановленія, которыя измѣняютъ отношенія колоніи къ англійскому правительству. Губернаторъ именемъ короля назначаетъ и увольняетъ чиновниковъ; онъ же является главнокомандующимъ сухопутныхъ и морскихъ силъ въ колоніяхъ. Далѣе, губернатору принадлежитъ важное право—распускать парламентъ; другимъ важнымъ правомъ губернатора въ колоніяхъ является его право помилованія преступниковъ. Назначеніемъ губернатора главнымъ образомъ и ограничивается зависимость колоній отъ Англіи.

Изъ среды парламента губернаторъ назначаетъ министровъ, выбирая лицъ, имѣющихъ одинаковые взгляды на политику страны; они должны пользоваться поддержкой большинства членовъ законодательнаго собранія и, въ случаѣ неодобренія послѣднимъ ихъ дѣйствій, всѣ вмѣстѣ выходятъ въ отставку. Губернаторъ никогда не дѣйствуетъ безъ указаній министерства; дѣло въ томъ, что губернаторъ не отвѣтственъ за свои дѣйствія передъ парламентомъ колоній, — отвѣтственны передъ нимъ только министры, а потому безъ подписи хотя бы одного изъ министровъ губернаторъ не можетъ дѣлать никакихъ распоряженій.

Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ, наприм., въ Южной Австраліи и Тасманіи, населенныя части раздѣлены на округа съ выборными провинціальными совѣтами во главѣ, завѣдующими всѣми мѣстными дѣлами подъ контролемъ парламента. Столичные города, наприм., Мельбурнъ, имѣютъ свои выборные совѣты—городскія думы, которыя завѣдуютъ всѣми дѣлами города и прилегающаго къ нему округа.

Самое оживленное движеніе, какъ и во всѣхъ англійскихъ городахъ, господствуетъ въ Мельбурнѣ въ субботніе вечера; особенно большая толпа движется между главнымъ почтамтомъ и ярко освѣщеннымъ торговымъ заломъ—„Markthalle"; послѣдній, благодаря своей непритязательной музыкѣ, будкѣ для стрѣльбы и прочимъ развлеченіямъ, имѣетъ видъ настоящей ярмарки. Семь прекрасныхъ театровъ даютъ возможность въ большей или меньшей степени наслаждаться театральнымъ искусствомъ.

Главный почтамтъ—тоже огромное зданіе, въ самомъ центрѣ столицы, на углу Елизаветинской улицы и Буркъ-стритъ, украшенное высокою стройною башней съ часами и колоколомъ, на вершинѣ которой находится сигнальная станція. Съ этой воздушной, отовсюду видимой станціи извѣстные и опредѣленные сигналы флаговъ сообщаютъ населенію Мельбурна, какая почта пришла съ прибывшими изъ далекихъ странъ кораблями. Въ почтамтѣ и вокругъ него кипитъ истая муравьиная дѣятельность. Рядъ ступеней ведетъ кверху къ крытой колоннадѣ дорическаго стиля; черезъ эту колоннаду входятъ въ различные отдѣлы почтамта. Находящійся возлѣ почтамта телеграфъ помѣщается въ прекрасномъ зданіи, возлѣ рѣки. Оно украшено двумя остроугольными башнями; но тамъ, гдѣ долженъ былъ находиться циферблатъ, за недостаткомъ часовъ прибита доска. Подобную неоконченность можно видѣть и у университета, и у естественно-историческаго музея.

Въ Австраліи повсюду, даже въ самыхъ маленькихъ мѣстечкахъ, вы встрѣтите прекрасныя учрежденія—общественныя библіотеки и читальни, которыя помѣщаются то въ скромныхъ деревянныхъ домикахъ, то въ роскошныхъ дворцахъ. Публичная библіотека Мельбурна содержитъ въ себѣ 300.000 томовъ (какъ беллетристическихъ, такъ и научныхъ книгъ) и имѣетъ читальную залу, въ изобиліи посѣщаемую публикой. Эта читальная зала открыта отъ 9 час. утра до 10 час. вечера и по своему устройству и величинѣ является единственной въ свѣтѣ.

Для больныхъ и городскихъ сиротъ въ Мельбурнѣ цѣлый рядъ учрежденій: всеобщая больница, убѣжища для дѣтей, сиротъ и слѣпыхъ и т. д. Существуетъ много школъ различныхъ направленій; во главѣ ихъ стоитъ университетъ. Этотъ послѣдній построенъ въ готическомъ стилѣ и лежитъ въ глубинѣ парка, при чемъ медицинскій факультетъ помѣщается въ особомъ зданіи. Въ отличіе отъ европейскихъ универси-

тетовъ, здѣсь въ университетѣ на ряду съ естественнымъ, медицинскимъ, юридическимъ и философскимъ факультетами существуютъ отдѣлы инженерныхъ наукъ, математики и языковъ. Получаемые въ немъ степени и дипломы стоятъ наравнѣ съ дипломами и степенями англійскихъ университетовъ. Уже двадцать лѣтъ, какъ женщины допускаются въ университетъ съ тѣми же правами, какъ мужская молодежь. Число учащихся пропорціонально сравнительно небольшому населенію. О духовномъ образованіи заботятся особые колледжи.

Столица Викторіи не имѣетъ недостатка въ церквахъ, большихъ и малыхъ, всевозможныхъ исповѣданій и стилей; соотвѣтственно много въ Мельбурнѣ и духовенства, которое на улицѣ бросается въ глаза своимъ одѣяніемъ.

Въ городѣ находятся многочисленные банки, дворцы которыхъ носятъ гордыя имена, въ родѣ „Банка Австраліи", „Англо-Шотландско-Австралійскаго банка", „Лондонскаго банка" и т. д. Одно наружное и внутреннее убранство этихъ финансовыхъ учрежденій указываетъ на крупные денежные обороты въ столицѣ Викторіи. И всюду, куда ни направишь свои шаги въ этомъ городѣ, встрѣтишь оживленную торговую дѣятельность, при чемъ все совершается безъ шума и крика, съ какой-то спокойной поспѣшностью. Полицейскіе—статные люди, одѣтые въ темное платье, безъ всякаго оружія, съ легкимъ пробковымъ шлемомъ на головѣ—исполняютъ, какъ джентльмены, свои обязанности и отличаются чрезвычайною вѣжливостью по отношенію къ публикѣ.

Оживленіе на улицахъ необычайное; электрическіе трамваи, омнибусы, кэбы, всевозможные экипажи проносятся по улицамъ, и отъ пѣшехода требуется большое вниманіе, если онъ желаетъ невредимо перейти черезъ улицу. Въ центрѣ города повсюду электрическій свѣтъ, красота магазиновъ, шумъ и толпа, точно въ большомъ европейскомъ городѣ. Необычайная толкотня около красиваго массивнаго моста Принцессы, простирающагося надъ Яррой, невольно напоминаетъ такое же оживленіе у лондонскаго моста черезъ Темзу. Ко всему этому надо прибавить австралійское небо и массу свѣта и зелени въ большихъ паркахъ и садахъ. Собственно къ городу, „Сити", примыкаютъ такія большія предмѣстья, что центръ города самъ по себѣ кажется совсѣмъ незначительнымъ; здѣсь также сплошь попадаются дома-особняки. Цѣлая превосходная система электрическихъ трамваевъ, протяженіемъ почти въ 43 англійскихъ мили, соединяетъ городъ съ предмѣстьями; дешевизна поразительная: за 3 пенса можно проѣхать 4 мили. Повсюду въ ходу только электрическіе трамваи и лишь въ предмѣстьяхъ еще кое-гдѣ пользуются лошадьми.

Совершенно особую красоту придаетъ Мельбурну цѣлый рядъ великолѣпныхъ, прекрасно устроенныхъ, содержимыхъ въ большомъ порядкѣ общественныхъ парковъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ густой первобытный кустарникъ обращенъ въ прелестные благоустроенные и богато орошаемые парки, въ которыхъ изящно соединяются англійская и австралійская растительность; эвкалипты, фикусы, араукаріи, пальмы и древовидные папоротники растутъ рядомъ съ высокими плакучими ивами, тополями, дубами, олеандрами и соснами.

Мельбурнскій ботаническій садъ вполнѣ заслуживаетъ названія жемчужины какъ по живописности, такъ и по богатству собраннаго въ немъ ботаническаго матеріала. На слегка холмистой равнинѣ тянутся вокругъ извилистаго пруда прекрасно содержимыя обширныя дерновыя лужайки; по нимъ красивыми группами, обозначенныя этикетами, разбросаны богато собранные представители субтропической и антарктической флоры; температура въ Мельбурнѣ отъ 0 доходитъ до 42° С. въ тѣни. Изъ ботаническаго сада открывается великолѣпный видъ на городъ, съ его куполами и башнями.

Въ странѣ золота и овецъ.

(Э. Циммермана.)

Поѣздъ, съ которымъ я выѣхалъ изъ Мельбурна, шелъ по направленію къ сѣверу, удаляясь отъ береговъ, омываемыхъ водами Порта Филиппа. Передъ нами во всѣ стороны стлалась бугристая площадь, поросшая скудною травою и усыпанная густыми глыбами темно-бураго, почти чернаго камня, свидѣтельствующаго о бывшей, но давно уже прекратившейся вулканической дѣятельности въ странѣ. Каменныя глыбы разсыпаны по равнинѣ въ такомъ изобиліи, что переѣздъ по ней на колесахъ оказывается крайне затруднительнымъ.

Однако, по пути къ Балларату, вся земля, какъ видно, была уже занята большею частью овцеводами. Въ этомъ можно было убѣдиться уже по тому, что обширныя площади по обѣ стороны рельсоваго пути были обнесены каменными оградами. Для нихъ переселенцы пользуются тѣми же разсыпанными подъ рукой камнями, накладывая ихъ просто рядами другъ на дружку и образуя такимъ образомъ грубыя стѣны, вышиною нѣсколько болѣе человѣческаго роста. Хотя камни ничѣмъ не сплочиваются другъ съ другомъ, но стѣна настолько толста и тверда, что становится непроницаемою не только для человѣка, но даже для динго, этого опаснаго врага овецъ. Такимъ образомъ въ мѣстахъ, лишенныхъ лѣса, камни оказались весьма пригоднымъ матеріаломъ для оградъ. За ними паслись на полной свободѣ никѣмъ неохраняемыя овцы. Коегдѣ виднѣлись почернѣвшія дощатыя хижины пастуховъ, которымъ здѣсь только и дѣла, что смотрѣть за цѣлостью ограды. Изрѣдка попадались, впрочемъ, лѣсныя пущи. Въ нихъ мѣстами переселенцы приготовляютъ

землю подъ пашню. Для этого деревья поджигаютъ снизу, потомъ спустя нѣсколько времени сваливаютъ ихъ оголенные отъ листвы остовы, оставляя пни на мѣстахъ и распахивая между ними новь. Все вмѣстѣ — и темно-бурыя глыбы камней по полямъ, и такія же ограды, и тусклые лѣса эвкалиптовъ съ подгорѣлыми стволами, и неприглядныя лачуги— представляло мрачную картину, хотя и освѣщенную, при сухомъ, чрезвычайно прозрачномъ воздухѣ, яркими лучами полуденнаго солнца.

Далѣе къ сѣверу мѣстность нѣсколько оживилась частью голыми, частью лѣсистыми холмами, показавшимися по обѣ стороны дороги, и чѣмъ ближе къ Балларату, тѣмъ выше подымались холмы. Въ то же время чаще стали попадаться большія площади съ перерытою золотоискателями хрящеватою почвою. А подъ самымъ городомъ, отстоящимъ верстъ на полтораста отъ Мельбурна, открылся видъ на гористую мѣстность, покрытую нескончаемыми грудами песка, глины и всякаго сора, извлекаемыми изъ нѣдръ земли и разсыпанными въ крайнемъ безпорядкѣ по скатамъ и вершинамъ горъ.

Расположенный на холмахъ Балларатъ, гдѣ я остановился въ гостиницѣ, представляетъ въ высшей степени своеобразную картину. Вы видите передъ собой рядъ щегольскихъ высокихъ зданій, возлѣ нихъ съ одной стороны недостроенные дома, а съ другой—кучи мусора, словно оставшіеся здѣсь слѣды недавно случившагося разрушенія, какими вездѣ сопровождаются золотые рудники. Въ главной части города, на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, посрединѣ широкой улицы тянется бульваръ. Тамъ, гдѣ онъ кончается, на спускѣ мостовой стоитъ памятникъ. Нѣсколько улицъ снабжены каменными тротуарами, остальныя же находятся въ первобытномъ состояніи и отчасти лишены даже тротуаровъ. Вокругъ этого городского центра, по долинамъ и скатамъ холмовъ, разсыпаны въ картинномъ безпорядкѣ предмѣстья съ ихъ невысокими жилищами для рабочихъ. А между домами, не только въ предмѣстьяхъ, но нерѣдко даже въ самомъ городѣ, то и дѣло попадаются элеваторы, при посредствѣ которыхъ изъ глубокихъ шахтъ выгружается золотоносный кварцъ. Балларатъ, можно сказать, построенъ на золотѣ, разумѣя это не только въ переносномъ, но въ самомъ прямомъ, настоящемъ смыслѣ. Проходя по нѣкоторымъ улицамъ, нельзя даже рѣшить сразу, изъ чего по преимуществу состоитъ городъ: изъ домовъ или изъ копей, съ ихъ высокими элеваторами и громадными сорными кучами, выкинутыми изъ глубокихъ шахтъ, проходящихъ даже подъ домами. Если бы можно было всю мѣстность обозрѣть съ высоты птичьяго полета, то взорамъ представилась бы картина крайняго безпорядка, мало походящаго на обыкновенные города.

Въ настоящее время Балларатъ, съ его населеніемъ, считается послѣ Мельбурна важнѣйшимъ городомъ колоніи Викторія, отличающимся не

только богатствомъ его обитателей, но также многими щегольскими зданіями. Городская дума, почтамтъ, публичная библіотека, разные банки и церкви по главной улицѣ, съ ея отелями и магазинами, развѣ немного въ чемъ уступаютъ такимъ же строеніямъ въ Мельбурнѣ. На той же главной улицѣ, называемой Стёртъ-стритъ, на концѣ бульвара находится памятникъ, хотя и незначительный съ виду, но заинтересовавшій меня своими надписями. Небольшая гранитная пирамида стоитъ на каменномъ пьедесталѣ. На одной сторонѣ послѣдняго золотыми буквами начертана надпись такого содержанія: „Этотъ памятникъ воздвигнутъ городскою думою для рабочихъ въ Балларатѣ. Апрѣля 21, 1880 г.“ На другой, противоположной, сторонѣ значится: „Воздвигнутъ въ честь Джемса Галловая, основателя восьмичасовой системы въ Викторіи. Родился въ Спрингфильдѣ, 28 февраля 1828 г. Скончался въ Колитвудѣ, близъ Мельбурна, 3 іюня 1860 г.“ Наконецъ, на третьей сторонѣ значится: „Восемь часовъ труда, восемь часовъ рекреаціи, восемь часовъ отдыха“.—Благодаря такой восьмичасовой системѣ, здѣшній рабочій людъ дѣйствительно пользуется нѣсколькими часами въ сутки для чтенія газетъ и разныхъ популярныхъ изданій въ здѣшней публичной библіотекѣ, гдѣ поэтому въ извѣстные часы дня всегда можно застать большое собраніе читателей. А по вечерамъ главнымъ развлеченіемъ служатъ между прочимъ театры, концерты и другія увеселительныя заведенія.

Проходя по тому же Стёртъ-стриту, я увидѣлъ на перекресткѣ подъ навѣсомъ густую толпу собравшихся тутъ джентльменовъ, частью тихо разговаривавшихъ между собой, частью праздно смотрѣвшихъ на проѣзжающихъ и проходящихъ по улицѣ. Это мѣсто называется Балларатовъ уголъ; зданіе, передъ порталомъ котораго собралась толпа, не что иное, какъ здѣшняя биржа золотопромышленниковъ. Тутъ происходятъ торги акціями мѣстныхъ рудокопныхъ компаній. Акціонеры, маклеры и разнаго рода спекуляторы продаютъ и покупаютъ бумаги, которыя то повышаются, то понижаются въ цѣнѣ, смотря по тому, съ какимъ успѣхомъ производится разработка въ окрестныхъ минахъ. Самая торговля совершается внутри зданія, въ большой залѣ биржи, гдѣ во время этой операціи раздается крикъ и гамъ тысячи голосовъ, такъ что непосвященному въ дѣло зрителю со стороны представляется здѣсь нѣчто въ родѣ собранія бѣснующихся, изъ которыхъ каждый старается перекричать остальныхъ. Выходя по окончаніи торга на тротуаръ, джентльмены успокаиваются отъ торговъ и, въ ожиданіи новыхъ предстоящихъ торговъ, предаются мирному созерцанію уличной жизни.

Благодаря рекомендательному письму, мнѣ удалось осмотрѣть одну изъ лучшихъ здѣшнихъ минъ. Шахты проникаютъ обыкновенно на шестьсотъ футовъ въ глубину. Иногда онѣ доходятъ даже до полутора тысячи футовъ. Оттуда золотоносный кварцъ выгружается посредствомъ

элеватора футовъ въ 70 вышиною. Кварцевые камни поступаютъ затѣмъ въ машинное отдѣленіе, гдѣ подвергаются измельченію посредствомъ длиннаго ряда тяжелыхъ стальныхъ ступокъ, приводимыхъ въ движеніе большими паровиками. При помощи пропускаемыхъ къ кварцу водяныхъ струй камни измельчаются въ порошокъ, который подвергается амальгамаціи со ртутью. Послѣдняя выпаривается въ ретортахъ, и затѣмъ получается уже чистое золото. Какъ въ Балларатѣ, такъ и во всемъ прилежащемъ къ нему краѣ золото добывается не иначе, какъ посредствомъ разработки кварца, выгружаемаго изъ глубокихъ шахтъ, при чемъ пользуются новѣйшими усовершенствованными пріемами и лучшими паровыми машинами.

Городокъ золотоискателей.

Я направился въ восточную часть города. Улица пролегаетъ тутъ по узкому гребню продольнаго холма, на которомъ едва нашлось мѣсто для двухъ рядовъ одноэтажныхъ строеній. По скатамъ и долинамъ, справа и слѣва, возвышаются элеваторы, при которыхъ тянутся обыкновенно барки съ паровыми машинами. Выйдя за городскую черту и свернувъ съ дороги, я остановился на выдающейся въ родѣ мыса высокой окраинѣ. Никакая фотографія, ни даже картина искуснаго художника не въ состояніи передать развернувшуюся передо мною обширную панораму. Восточный горизонтъ былъ заслоненъ грядою дальнихъ вытянувшихся полукругомъ горъ. Обнаженныя песчаныя вершины и бока ихъ желтѣли отъ яркаго освѣщенія. Изъ этой желтой основы выдѣля-

лись большія темныя груды мусора и неизбѣжные при нихъ элеваторы. А по всей обширной, погруженной въ тѣнь, долинѣ, охваченной гористымъ полукругомъ, раскинулись безпорядочными группами деревушки съ ихъ бѣлѣющими коттеджами рабочихъ, зеленѣющими садами, огородами и виноградниками.

Въ другой разъ я отправился съ однимъ знакомымъ за городъ. Миновавъ общественный паркъ, мы выѣхали изъ-за деревьевъ на просторъ и увидѣли передъ собою синюю гладь обширнаго, почти круглаго озера, величиною версты двѣ въ діаметрѣ.

Открывавшаяся передъ нами полная жизни картина поразила меня тѣмъ болѣе, что въ Австраліи вообще рѣдко встрѣчаются подобныя привлекательныя мѣстности. Какъ зеркало стлалась спокойная поверхность ясныхъ водъ, и въ ней отчетливо отражались лѣса и кустарники, почти со всѣхъ сторонъ окаймляющіе озеро. Только небольшая часть дальняго берега застроена красивыми дачами, которыя съ ихъ верандами и башенками также отчетливо виднѣлись въ водѣ въ опрокинутомъ видѣ. Съ пристани отчалилъ пароходикъ, перевозившій гуляющихъ къ противоположному берегу. Нѣсколько яхтъ, распустивъ паруса и сильно наклонясь на бокъ, бороздили водную поверхность по всѣмъ направленіямъ, а между ними тутъ и тамъ носились многовесельныя лодки, развозя по озеру веселыя компаніи. Въ болѣе удаленныхъ отъ шумнаго движенія заводяхъ, подъ сѣнью развѣсистыхъ эвкалиптовъ, очень похожихъ издали на наши плакучія ивы, сидѣли притаясь рыбаки, внимательно слѣдя за поплавками закинутыхъ въ воду удочекъ. Около часу объѣзжали мы озеро по отличному шоссе, любуясь живымъ пейзажемъ, представлявшимся намъ съ разныхъ сторонъ всякій разъ въ новомъ видѣ.

Изъ Балларата я отправился по желѣзной дорогѣ дальше на сѣверъ.

Поѣздъ все время шелъ по хребтамъ такъ называемыхъ здѣсь „Пиреней“, у которыхъ, впрочемъ, съ европейскими горами того же имени нѣтъ ничего общаго, кромѣ названія. По сторонамъ рельсоваго пути выдѣлялись отдѣльныя вершины горъ, похожихъ скорѣе на холмы. На зеленѣющихъ лугахъ, по скатамъ и долинамъ во множествѣ желтѣли яркіе цвѣты одуванчиковъ, случайно занесенныхъ сюда изъ Европы и, какъ видно, быстро распространившихся по краю. Мѣстами земля перерыта золотоискателями. Раскопки производились даже въ чащѣ лѣсовъ, которыми приходилось намъ проѣзжать. Попадалось также тамъ не мало минъ съ ихъ элеваторами. Жилища, виднѣвшіяся по дорогѣ, состояли большею частью изъ досчатыхъ домиковъ съ кирпичными трубами, какъ бы приставленными къ задней стѣнѣ дома, такъ что труба, въ которую выходитъ дымъ изъ большого открытаго камина въ комнатѣ, вся отъ основанія до верху находится снаружи строенія. Тутъ живутъ рабочіе, между которыми немало китайцевъ, промышляющихъ промывкою

золотоноснаго песка. Какъ въ Балларатѣ, такъ и вообще на золотыхъ пріискахъ встрѣчается много китайцевъ. Прежде, когда золото находилось еще въ верхнихъ слояхъ земли и добывалось промывкою золотоноснаго песка, ихъ было здѣсь еще болѣе. Живутъ они цѣлыми кучами въ отдѣльной части города, устраивая изъ досокъ лачужки, похожія скорѣе на нагроможденные другъ на друга голубятни. Стоитъ только видѣть ихъ тѣсныя, грязныя жилища, чтобы понять, что никакой европейскій рабочій, привыкшій къ нѣкоторымъ удобствамъ, не въ состояніи угоняться за китайцами по части дешевизны задѣльной платы, тѣмъ болѣе, что и скудная пища, состоящая большею частью изъ риса и маленькой чашки чая, обходится имъ также очень дешево. Благодаря этому, китайцы и могутъ работать за половинную цѣну противъ европейцевъ. Многіе изъ этихъ сыновъ небесной имперіи занимаются стиркой бѣлья. Стираютъ они хорошо и такъ дешево, что никакія прачки не въ состояніи соперничать съ ними *).

Можно замѣтить, что вездѣ въ Австраліи созидающими силами являются золото и вода. Первое служило и служитъ все еще одною изъ главныхъ притягательныхъ силъ, увлекающихъ тысячи пришельцевъ во внутрь пустыннаго края. Но безъ воды невозможно было бы ни промывать золотоносный песокъ, ни разрабатывать кварцевую руду. Безъ воды, сверхъ того, не можетъ существовать овцеводство.

Городокъ Бендиго, куда мы пріѣхали черезъ четыре часа, сталъ теперь средоточіемъ обширнаго скотоводства, развившагося въ его окрестностяхъ. Въ виду этого на одномъ изъ холмовъ близъ города устроены большіе загоны, какъ для рогатаго скота, такъ и для овецъ. Скотопромышленники сгоняютъ сюда свой живой товаръ большими партіями и оставляютъ его въ загонахъ, пока не откроется возможность препроводить скотъ по желѣзной дорогѣ въ Мельбурнъ. Тутъ же, по сосѣдству, находится бойня. Но ее—замѣчу мимоходомъ—узналъ я отнюдь не по запаху, какъ легко узнаются обыкновенно наши на большомъ пространствѣ заражающія воздухъ русскія бойни. Здѣсь, напротивъ, я догадался, что предо мною бойня тогда только, когда подошелъ къ большимъ воротамъ ея и заглянулъ во внутренніе просторные дворы, содержимые въ большой чистотѣ. Отправляясь на другой день далѣе на сѣверъ, по желѣзной дорогѣ, я на одной изъ станцій засталъ товарный поѣздъ, состоявшій изъ четырнадцати вагоновъ, биткомъ набитыхъ овцами. Для перевозки какъ овецъ, такъ и рогатаго скота употребляются обыкновенные вагоны съ рѣшетчатыми стѣнками: иначе животныя задохнулись бы въ спертомъ воздухѣ. Рѣка Муррей служитъ границей колоніи Викторіи. Противопо-

---

*) Въ нѣкоторыя колоніи Австраліи ввозъ китайскихъ рабочихъ въ настоящее время запрещенъ.

ложный правый берегъ Муррея входитъ уже въ составъ сосѣдней колоніи Новаго Южнаго Валлиса. Пройдя по берегу Муррея, я увидѣлъ на его мутно-зеленыхъ водахъ пять пароходиковъ близъ пристани. Оказывается, что въ зимніе мѣсяцы, т.-е. отъ мая до сентября, эти суда ходятъ во время половодья какъ вверхъ, такъ и внизъ по рѣкѣ, поднимаясь также по впадающимъ въ Муррей Дарлингу и Мурембиджи. Съ наступленіемъ же знойнаго, сухого лѣта вода въ рѣкахъ мелѣетъ, такъ что пароходы бываютъ вынуждены прекратить свои рейсы. Можно судить по этому, какими относительно скудными средствами воднаго сообщенія надѣлена страна отъ природы. Муррей—самая большая рѣка въ Австраліи, и въ него вливаются другіе большіе потоки.

Переѣхавъ по желѣзнодорожному мосту на другую сторону рѣки, поѣздъ, съ которымъ я отправился далѣе, остановился у пограничной таможни, и послѣ непродолжительной остановки поѣздъ помчался по довольно плоской мѣстности, частью поросшей невеселыми лѣсами эвкалиптовъ, частью покрытой неоглядными пастбищами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣса выжигались и готовились поселенцами подъ пашню. Станціи, гдѣ машина запасалась водой и топливомъ, состояли изъ простыхъ, грубо сколоченныхъ бараковъ, возлѣ которыхъ рабочіе раскинули свои походныя палатки. При одной изъ станцій, среди пустыннаго лѣса, положено даже начало новаго города. Тутъ между деревьями виднѣлись наполовину выстроенные деревянные домики; между ними по вывѣскамъ можно было узнать отель, лавку съѣстныхъ и мелочныхъ товаровъ, потомъ бараки сапожника и сѣдельника; эти ремесленники, повидимому, прежде всѣхъ поселяются въ дѣвственныхъ мѣстахъ. Послѣ трехчасового переѣзда локомотивъ остановился въ Дениликинѣ.

Дениликинъ играетъ важную роль, служа сборнымъ пунктомъ для обширнаго края, омываемаго самыми большими рѣками континента, а именно Мурреемъ и притоками его Мурембидже и Дарлингомъ и представляющаго весьма благопріятныя условія для развитія обширнаго скотоводства.

Хотя весь край, съ его городомъ Дениликиномъ, и входитъ въ составъ колоніи Новаго Южнаго Валлиса, однако, находясь слишкомъ далеко отъ столицы ея, Сиднея, и будучи связанъ рельсовымъ путемъ съ Мельбурномъ, онъ всѣми своими интересами гораздо болѣе тяготѣетъ къ сосѣдней колоніи Викторіи. Здѣшніе промышленники отправляютъ шерсть и другія произведенія скотоводства по желѣзной дорогѣ въ Мельбурнъ, а взамѣнъ того вывозятъ оттуда жизненные припасы и всякіе предметы для домашняго обихода. Здѣсь я ознакомился нѣсколько съ мѣстнымъ овцеводствомъ, посѣщая изъ Дениликина окрестныя хозяйства, или, какъ называютъ ихъ въ Австраліи, овцеводныя станціи.

Одна изъ такихъ станцій, верстахъ въ пяти отъ Дениликина, зани-

мастъ пространство въ 140.000 акровъ. Ровная мѣстность въ различныхъ направленіяхъ со всѣхъ сторонъ обведена изгородями, состоящими изъ столбовъ, въ пробуравленныя отверстія которыхъ протянуты проволоки въ пять или шесть рядовъ, лишь бы овца не могла пролѣзть. Такая проволочная изгородь обходится здѣсь по сорока фунтовъ стерлинговъ за англійскую милю, а вся она тянется миль на восемьдесятъ, такъ что расходъ на нее составляетъ уже капиталъ въ 3.200 фунтовъ стерлинговъ. Зато хозяинъ избавленъ отъ необходимости содержать большое число пастуховъ для своихъ овецъ.

Войдя въ ворота, я направился по пролегающей лугомъ дорогѣ къ небольшой группѣ эвкалиптовъ, въ тѣни которыхъ виднѣлась крыша одноэтажнаго дома. Это было жилище владѣльца станціи, или по-здѣшнему скваттера. Такое названіе заимствовано у американцевъ, но въ Австраліи оно получило иное, мѣстное значеніе. Австралійскимъ овцеводомъ можетъ быть только человѣкъ, обладающій достаточнымъ капиталомъ для того, чтобы обзавестись нѣсколькими тысячами овецъ и обнести пастбище дорого стóящей изгородью. Какъ человѣкъ богатый, занимающій притомъ обширныя пространства земель, австралійскій скваттеръ считается въ нѣкоторомъ родѣ аристократомъ; австралійскіе овцеводы не всегда пріобрѣтаютъ занятыя ими земли въ собственность, а иногда пользуются пастбищами лишь на правахъ арендаторовъ. Въ концѣ-концовъ, скваттеръ, внося исправно ренту, можетъ считаться настоящимъ владѣльцемъ неоглядныхъ занятыхъ имъ пастбищъ. Содержа при многочисленныхъ стадахъ весьма ограниченное число пастуховъ, скваттеръ во время стрижки овецъ нуждается въ большомъ числѣ рабочихъ рукъ. Въ такое время рабочіе артелями переходятъ обыкновенно отъ одной станціи къ другой, предлагая свои услуги. Но если для нихъ и не предстоитъ никакой работы, то имъ все-таки не отказывается въ пріютѣ. На станціи, которую я посѣтилъ, стрижка была уже окончена и шерсть упакована, такъ что никакого дѣла не предвидѣлось, но, несмотря на это, я засталъ тамъ человѣкъ шесть пришлыхъ рабочихъ, помѣщавшихся на ночь въ нарочно на такой случай отведенномъ баракѣ, гдѣ для нихъ готовился ужинъ. На другое утро они отправились далѣе, имѣя въ виду точно такъ же прогостить на слѣдующей затѣмъ станціи.

Въ домѣ, убранномъ не только съ надлежащимъ комфортомъ, но даже съ нѣкоторою роскошью и окруженномъ снаружи прекрасною верандою, я не засталъ самого владѣльца. Вмѣсто него тутъ жилъ управляющій съ своей семьей. Самъ же хозяинъ по окончаніи стрижки отправился въ Мельбурнъ, куда отвезена была упакованная шерсть для сдачи въ тамошній шерстяной складъ. Продавъ свою партію шерсти, скватеръ имѣетъ въ виду отправиться затѣмъ въ Лондонъ, гдѣ и проживетъ конечно большую часть вырученныхъ имъ капиталовъ. Въ свое имѣніе

владѣлецъ заѣзжаетъ лишь по временамъ, да и то на короткій лишь срокъ, пригоняя всякій разъ такъ, чтобы пробыть тамъ время стрижки, которая производится въ октябрѣ и ноябрѣ въ особо для того устроенныхъ обширныхъ баракахъ. При станціи считается до тридцати тысячъ овецъ и сверхъ того до полуторы тысячи рогатаго скота, который пасется въ особомъ отгороженномъ пастбищѣ. Лошади, около сорока штукъ, также ходятъ по волѣ, за исключеніемъ двухъ или трехъ, которыя постоянно стоятъ осѣдланными близъ дома, для того чтобы во всякій моментъ быть наготовѣ для управляющаго и его помощниковъ. Прибавимъ здѣсь, что это имѣніе далеко не изъ самыхъ крупныхъ: при иныхъ станціяхъ внутри края число овецъ считается сотнями тысячъ.

Пастухи, которымъ поручается надзоръ за рогатымъ скотомъ, исполняютъ свою должность всегда верхомъ. Обязанность ихъ состоитъ въ наблюденіи за цѣлостью изгороди, которую они объѣзжаютъ почти всю изо-дня въ день. Овчары, изъ которыхъ каждому поручается отъ трехъ до пяти тысячъ овецъ, живутъ въ отдаленныхъ лачужкахъ, иногда верстъ за пятнадцать и далѣе отъ дома владѣльца. При болѣе крупныхъ отарахъ находятся по два человѣка, но иному овчару случается проживать въ совершенномъ одиночествѣ, такъ что нерѣдко въ теченіе мѣсяца ему не приходится слышать человѣческаго голоса. Вербуя этихъ людей изъ самаго бѣднаго населенія въ Европѣ, скватеры умѣютъ повести дѣло такъ, чтобы овчаръ не могъ вырваться изъ своего одиночества. Иногда при станціи или близъ нея заводится лавка съ разными припасами, и наемникамъ отпускается изъ нея все нужное въ кредитъ. Беззаботно удовлетворяя своимъ потребностямъ, не расплачиваясь при этомъ наличными деньгами, овчаръ къ удивленію своему никакъ не можетъ выйти изъ долговъ и потому видитъ себя какъ бы прикрѣпощеннымъ навсегда къ станціи. Проводя все время въ пустынѣ, въ единственномъ сообществѣ овецъ, и развлекая себя звуками гармоники, этой замѣны классической свирѣли, онъ окончательно дичаетъ и тупѣетъ. Мнѣ казалось, что они и сами не въ состояніи дать себѣ отчета въ этомъ отношеніи...

Солнце близилось уже къ закату, когда я изъ станціи возвращался въ Дениликинъ. На сѣверномъ горизонтѣ виднѣлось желто-бурое облако, которое, какъ казалось издали, медленно подвигалось по открытому полю прямо по направленію къ городу. Не успѣлъ я, однако, дойти до отеля, какъ по улицѣ быстро пронесся сильный вихрь, взметая высоко надъ домами цѣлыя кучи песку. Солнце на западѣ представилось тускло-багровымъ кругомъ. Буря продолжалась минуты двѣ; затѣмъ вѣтеръ также внезапно утихъ, желто-бурое облако, пронесясь далѣе, пропало за лѣсомъ изъ виду, и опять наступила совершенная тишь. Такіе, по

болѣе продолжительные вѣтры нерѣдко случаются здѣсь лѣтомъ. Подымаясь внутри материка надъ песчаными пустынями, знойный вихрь несется по гладкой открытой равнинѣ, увлекая съ собой тучи мелкаго песка и покрывая имъ пространства въ нѣсколько десятковъ миль.

Въ колоніи австралійцевъ.

(Бесслера.)

Отправившись изъ Мельбурна на востокъ, путешественникъ черезъ нѣсколько часовъ ѣзды достигаетъ маленькаго, очаровательно расположеннаго у подошвы горъ городка Гилесвилль, отъ котораго почтовый трактъ ведетъ далѣе въ горы. Здѣсь, въ богато орошенныхъ ущельяхъ, взорамъ представляется роскошнѣйшая папоротниковая флора, украшенная такими экземплярами старыхъ, гигантскихъ древовидныхъ папоротниковъ, что прекраснѣе ихъ врядъ ли найдутся даже на Явѣ. Свернувъ на югъ передъ первымъ подъемомъ этого тракта, можно въ скоромъ времени попасть въ округъ, отведенный для чернокожихъ правительствомъ Викторіи; посрединѣ этого округа лежитъ станція Корандерркъ. Она находится подъ управленіемъ миссіонера, а такъ какъ сюда очень легко добраться изъ Мельбурна, то она и устроена наилучшимъ образомъ, чтобы путешествующіе англичане могли лично убѣдиться въ самоотверженной заботѣ здѣшняго правительства о туземцахъ.

Тогда какъ туземцы въ Новомъ Южномъ Валлисѣ должны сами строить свои хижины, въ Викторіи чернокожіе получаютъ совершенно благоустроенные дома. Въ Корандерркѣ было 17 такихъ домовъ, изъ нихъ три каменныхъ, а остальные—деревянные. Кромѣ того, на станціи находились еще: очень красивый одноэтажный домъ для миссіонера съ садомъ и площадками для лаунъ-тенниса и другихъ игръ, церковь (простое помѣщеніе, бывшее въ прежнее время убѣжищемъ для дѣвочекъ, межъ тѣмъ какъ мальчики жили подъ открытымъ небомъ и приходили на станцію только за ѣдой); помѣщеніе для учителя и большой сарай, употребляющійся во время сбора хмеля. Передъ домами устроены маленькія веранды, внутри находится жилая комната, спальня и мѣсто для стряпни, но туземцы и теперь еще по старой привычкѣ любятъ стряпать на открытомъ воздухѣ. Домъ бывшаго „короля" Барака имѣлъ кромѣ того на задней сторонѣ маленькую пристройку съ большимъ каминомъ. Этотъ домъ былъ построенъ прямо на землѣ, въ маленькомъ отдѣльномъ саду. Когда я въ первый разъ навѣстилъ его владѣльца, онъ курилъ трубку на верандѣ, пока его жена поджаривала во дворѣ маленькаго австралійскаго медвѣжонка на вертелѣ. Въ сѣняхъ стоялъ грубый столъ и стулъ; изъ сѣней дверь вела въ просторную общую ком-

нату, гдѣ надъ каминомъ висѣлъ плохой дешевый портретъ королевы Викторіи. „Король“ часто отдыхалъ днемъ на поставленной здѣсь кушеткѣ; для ночного отдыха служатъ находящіяся рядомъ въ спальнѣ двѣ постели съ матрацами, шерстяными одѣялами и не особенно чистыми покрывалами. Два стола, нѣсколько стульевъ, старое подслѣповатое зеркало и кое-какой европейскій хламъ дополняли обстановку.

Домъ очень неопрятенъ, и воздухъ въ немъ отвратителенъ, несмотря на открытое окно. Чернокожіе не любятъ этихъ жилищъ: они чувствуютъ себя угнетенными и несчастными въ тѣсномъ пространствѣ. Поэтому на другихъ станціяхъ я часто видалъ около домовъ хижины, устроенныя туземцами по старому образцу изъ двухъ досокъ или древесной коры на манеръ палатки. Здѣсь они проводятъ время всего охотнѣе, а въ случаѣ болѣзни можно искать ихъ здѣсь съ полной увѣренностью,—они надѣялись выздоровѣть подъ родною кровлей скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Каждый понедѣльникъ всѣ обитатели станціи получаютъ порціи муки, чаю, сахару и т. п., старики даже табакъ, распредѣленныя на всю недѣлю; по вторникамъ и пятницамъ всѣмъ вмѣстѣ выдается свѣжее мясо. Скотъ убивается тутъ же на станціи, которая имѣетъ около 350 головъ рогатаго скота. На Рождествѣ обитатели станціи одѣваются заново съ ногъ до головы и, кромѣ того, ежегодно получаютъ полный костюмъ и пару сапогъ, даже болѣе, если имъ понадобится. Они могутъ охотиться въ сосѣднемъ лѣсу, ставить ловушки и такимъ образомъ добывать себѣ лишнее жаркое; если же кому-нибудь захочется пріобрѣсти въ сосѣднемъ городѣ лакомствъ или купить тайкомъ какого-нибудь спиртнаго напитка, то ему стоитъ только поработать часа два въ день на станціи, и деньги зарабатываются легко и скоро, потому что туземцы получаютъ хорошую плату за самую ничтожную работу. Правительство развело большое поле хмеля, чтобы занять чернокожихъ, и эти послѣдніе, не изнуряя себя работой, получаютъ въ среднемъ около шиллинга ежедневно. Доходъ отъ хмеля идетъ въ казну, но, конечно, не можетъ покрыть издержекъ на поселеніе. Ежегодная доплата изъ казны для содержанія этой станціи, насчитывающей 78 жителей, равнялась круглымъ числомъ 10.000 рублей.

Переселенные сюда чернокожіе принадлежали къ разнымъ племенамъ, что въ прежнее время вело къ кровавымъ стычкамъ между ними; да и теперь миръ нарушается по временамъ. Отчаяннѣе всего дѣйствовали при этомъ вожди, которыхъ жившій въ колоніи миссіонеръ называлъ величайшими бездѣльниками. Эти вожди своею властью въ прежнее время были обязаны только грубой силѣ; достоинство вождя переходило отъ отца къ сыну и внукамъ, но только въ томъ случаѣ, если они были такіе же сильные, грубые люди, какъ ихъ предшественники, и могли до-

казать свою власть: иначе она быстро переходила къ тѣмъ, кто въ свою очередь успѣвалъ возвыситься до вождя. Даже послѣ подчиненія часто прорывалась неукротимая натура этихъ дикарей.

У жителей этой колоніи было одно общее качество, это—безобразіе. Въ противоположность прочимъ своимъ собратьямъ они были довольно тол-

Туземцы изъ колоніи Викторіи.

сты и болѣе коренасты. Между собою они говорили на „пиджинъ-инглишъ", такъ какъ уже не понимали различныхъ племенныхъ нарѣчій; но если бѣлые заговаривали съ ними на этомъ языкѣ, они были недовольны и желали слышать чистый англійскій языкъ, такъ какъ ихъ оскорбляло употребленіе пиджинъ-діалекта, который по всему Тихому океану употребляется въ сношеніяхъ съ рабочими. Они вообще не любили ничего

такого, что могло бы дать малѣйшій поводъ думать, что они не стоятъ на равной ногѣ съ бѣлыми. Было необычайно трудно заставить ихъ раздѣться для измѣренія. Сначала я не понималъ этого, такъ какъ всегда аккуратно платилъ имъ, и врядъ ли бы они могли добыть деньги болѣе легкимъ способомъ; наконецъ, замѣтилъ настоящую причину: они боялись, что, видя ихъ передъ собой раздѣтыми, я отнесусь къ нимъ какъ къ презрѣннымъ чернокожимъ, межъ тѣмъ какъ, одѣтые въ одинаковую со мною одежду, считали себя равными мнѣ. Раньше они считали части одежды частями тѣла и были не мало удивлены тѣмъ, что бѣлый, снявъ съ себя сапоги, могъ еще бѣжать. Вначалѣ они убѣгали, если, ощупывая европейца, попадали къ нему въ карманъ: они думали, что попадали внутрь его тѣла, чѣмъ причиняли ему боль, за которую онъ будетъ имъ мстить.

Въ австралійскихъ Альпахъ.

(Ленденфельда.)

Былъ жаркій лѣтній день въ началѣ января, когда я вступилъ въ густой лѣсъ, покрывающій сѣверный склонъ плато Костюшки, этого высочайшаго горнаго массива Австраліи. Со мною было два спутника, каждый ѣхалъ верхомъ и, кромѣ того, велъ за собой еще другую лошадь, нагруженную багажомъ.

Изъ Сиднея и до этого мѣста мы ѣхали частью по желѣзной дорогѣ, частью въ почтовомъ экипажѣ, а подъ конецъ въ бегги *) и на лошадяхъ. Нашъ путь лежалъ черезъ сухія, пыльныя, лишенныя тѣни равнины и гряды холмовъ, и, чтобы добраться сюда отъ Сиднея, мы употребили четыре дня. Въ полдень солнце было едва на 8° ниже зенита. Дождь въ этихъ странахъ падаетъ рѣдко и въ незначительномъ количествѣ, а температура поднимается иногда до 50° С. Деревья здѣсь стоятъ вразсыпную; ихъ кожистые серпообразные листья опущены отвѣсно внизъ и поворачиваются въ теченіе дня такимъ образомъ, что всегда подставляютъ солнцу свой узкій край и никогда не обращаются широкой стороной. Такимъ образомъ листья предохраняютъ себя отъ засыханія; кромѣ того, въ самое жаркое время дня ихъ устьица совершенно закрываются. Легко понять, что въ подобномъ лѣсу не можетъ быть никакой тѣни. Голая, лишенная растительности почва нагрѣвается съ такой силою, что дѣлается твердой и пыльной, какъ будто выжженная. Понятно, что послѣ продолжительной ѣзды по этой жаркой и унылой области я съ радостью ощутилъ первое дуновеніе ароматичнаго, влажнаго воздуха горъ.

*) Бегги — легкій четырехколесный экипажъ безъ верха, который въ большомъ ходу у колонистовъ внутри страны.

Обширныя, имѣющія видъ плоскогорья, горы Костюшка представляютъ собой огромный конденсаторъ. Вслѣдствіе меньшей толщины слоя воздуха, лежащаго надъ горами, лучеиспусканіе ночью здѣсь гораздо сильнѣе, чѣмъ внизу, на равнинѣ. Каждую ночь горы охлаждаются и содержавшаяся въ воздухѣ влага выпадаетъ изъ него въ видѣ дождя или снѣга, чаще же всего въ видѣ росы; поэтому горы здѣсь болѣе богаты водой, чѣмъ равнина.

Въ горномъ лѣсу кроны деревьевъ затѣняютъ почву и препятствуютъ испаренію. Мелкая сухая пыль равнины, одинаково вредная для глазъ и для легкихъ, здѣсь исчезаетъ и смѣняется ароматичною свѣжестью горнаго лѣса. Воздухъ болѣе влаженъ и прохладенъ. Здѣсь и тамъ, на покрытой мохомъ почвѣ, возвышаются большія округленныя гранитныя скалы. Стволы упавшихъ деревьевъ прислонились къ этимъ скаламъ. Высоко вверхъ возносятся стройные стволы старыхъ гумми-деревьевъ, и роскошный зеленый коверъ альпійскихъ травъ и цвѣтовъ одѣваетъ землю. А въ вершинахъ шумитъ вѣтеръ, навѣвая воспоминанія о далекой родинѣ.

Мы ѣхали въ южномъ направленіи, по широкому горному хребту, отдѣляющему верхнее теченіе рѣки Сноу и ручья Кракенбакъ. Тамъ и сямъ болотистыя прогалины прерывали дѣвственный лѣсъ; въ такихъ мѣстахъ деревья не могутъ расти вслѣдствіе чрезвычайной влажности почвы. Постепенно поднимаясь, мы достигли къ вечеру болѣе значительной лѣсной поляны такого рода, которая носила названіе „Boggy Plains". Здѣсь мы разсѣдлали лошадей, развели огонь и устроили чай.

Самая отличительная и рѣзко бросающаяся въ глаза особенность австралійской бивачной жизни—это чай. Первое, чѣмъ занимаются по прибытіи на мѣсто стоянки,—чай; послѣднее, что дѣлается передъ выступленіемъ въ путь,—тоже чай; и вообще, пока путешественники находятся въ лагерѣ, главное занятіе состоитъ въ приготовленіи чая. Но не только на бивакѣ, даже на дорогѣ, гдѣ только представится случай, въ любое время дня устраивается чай. Провіантъ обыкновенно упаковывается очень хорошо и имъ нельзя пользоваться въ теченіе дня, только одинъ „билли" *), въ которомъ спрятанъ пакетъ съ чаемъ и сахаромъ, привѣшивается снаружи къ багажу и легко можетъ быть добытъ каждую минуту. Каждый человѣкъ носитъ за поясомъ топоръ и такъ называемый „пин-по" **), равно какъ и спички, въ карманѣ, такъ что условія, необходимыя для приготовленія чая, всегда налицо, если только встрѣтится вода въ лѣсу. Но не только въ лѣсу или „бушѣ", какъ называютъ здѣшніе колонисты всякую глушь, но и въ городахъ количество потребляемаго чая очень велико, и поэтому нѣтъ ничего удивитель-

*) Жестяной чайникъ съ проволочной дужкой, въ которомъ приготовляется чай.
**) Маленькій оловянный стаканъ съ ручкой.

наго, что количество потребляемаго сахара, приходящееся на одного человѣка въ Австраліи, особенно въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, во много разъ превосходитъ соотвѣтствующія количества сахару въ другихъ странахъ. Австралійцы при этомъ любятъ указывать на потребленіе сахару какъ на мѣрку развитія цивилизаціи.

Врядъ ли можетъ быть что-нибудь лучше той жизни, которую мы вели на бивакѣ въ дѣвственномъ австралійскомъ лѣсу! Свободный отъ принужденности и напряженной работы, налагаемой цивилизаціей, человѣкъ здѣсь чувствуетъ себя дѣйствительно царемъ природы. Здѣсь нѣтъ никакихъ опасныхъ дикихъ звѣрей, которыхъ нужно остерегаться, нечего бояться и враждебно настроенныхъ туземцевъ, такъ какъ ихъ теперь совсѣмъ нѣтъ въ австралійскихъ Альпахъ; воздухъ и вода свободны отъ микробовъ лихорадки. Вода здѣсь въ горахъ холодна и прозрачна, воздухъ чистъ и свѣжъ и вся природа такъ хороша, какъ она только и можетъ быть въ странѣ, не имѣющей человѣческаго населенія.

На другой день, 10 января, мы поднялись своевременно, осѣдлали лошадей, напились чаю и, упаковавъ багажъ, тронулись въ путь. Ночью было очень холодно, и лужи около нашей палатки замерзли. Это тѣмъ болѣе удивительно, что высота мѣста надъ уровнемъ моря едва достигаетъ 1.000 метр., а въ ту же самую ночь температура внизу на равнинѣ была $+ 26^0$ С. Такое сильное лучеиспусканіе ночью на возвышенныхъ пунктахъ Австраліи только и возможно объяснить чрезвычайною чистотою и сухостью воздуха.

Мы ѣхали, направляясь къ югу, по болотистой, лишенной деревьевъ плоскости, на сѣверномъ краю которой мы провели ночь. Передъ нами поднимался крутой склонъ, по большей части покрытый лѣсомъ; направо онъ подходилъ къ вершинѣ, которую наши путники называли „Претти-Пойнтъ“. Лежавшій передъ нами склонъ былъ верхнею ступенью сѣверной отлогости плато Костюшки, а Претти-Пойнтъ образуетъ какъ бы сѣверо-восточный уголъ всего массива.

Горы Костюшко представляютъ значительное, въ среднемъ около 1.700 метровъ высоты, плоскогоріе, которое можно разсматривать какъ мѣстное расширеніе главнаго хребта австралійскихъ Альпъ. Онѣ лежатъ подъ $36^0 30'$ южн. ш. и $140^0 20'$ вост. д. отъ Гренвича и имѣютъ около 30 килом. въ длину и 10 въ ширину. Съ широкаго пьедестала этихъ горъ поднимаются высочайшія вершины Австраліи. Главный хребетъ находится ближе къ западному краю плато, а высочайшія вершины лежатъ въ его южной части. Чтобы достичь высочайшихъ частей плоскогорія на юго-западѣ, намъ приходилось такимъ образомъ пересѣчь его все поперекъ.

Хотя находившійся передъ нами склонъ и казался очень крутымъ, однако мы безъ особаго труда втащили на него нашихъ лошадей. Здѣсь

мы очутились уже на высотѣ 1.700 метр., въ области малорослаго лѣса, который состоитъ въ этомъ мѣстѣ не такъ, какъ въ другихъ частяхъ австралійскихъ Альпъ, изъ низкихъ эвкалиптовъ съ толстыми стволами и искривленными вѣтвями, а изъ стройныхъ прямыхъ деревцовъ, едва достигающихъ 5 сант. толщины и растущихъ такъ близко одно къ другому, что мы часто бывали принуждены прокладывать дорогу топоромъ. Однако эта работа не отнимала много времени и не отличалась утомительностью, такъ что мы скоро выбрались изъ низкаго лѣса на открытую альпійскую лужайку и, слѣдуя по ней, достигли вершины Претти-Пойнтъ (1.790 м.).

Открывающійся отсюда къ сѣверу и востоку видъ безграниченъ. Нигдѣ не видно болѣе высокой точки. Вся страна кажется волнообразной. Ряды холмовъ слѣдуютъ за рядами и отдаленнѣйшія цѣпи возвышенностей исчезаютъ въ туманной дымкѣ, которая виситъ надъ равниной. Земля имѣетъ яркій желтовато-коричневый цвѣтъ и вслѣдствіе своей сухости производитъ въ высокой степени унылое, безотрадное впечатлѣніе, которое еще усиливается благодаря контрасту съ роскошною зеленью ближайшихъ окрестностей. Какъ темнозеленый оазисъ, возвышаются горы среди этой печальной, сожженной страны, напоминающей своимъ ландшафтомъ пустыню.

Полюбовавшись панорамой и давъ отдохнуть лошадямъ, мы двинулись далѣе въ юго-западномъ направленіи.

Мы находились теперь на вершинѣ плато Костюшки; поверхность его имѣетъ волнообразный видъ; всѣ углубленія болотисты и покрыты растеніями, напоминающими степныя формы; многія возвышенія увѣнчаны скалами и даже изъ поросшихъ травою отлогихъ склоновъ выглядываютъ мѣстами темносѣрые гранитные обломки. Весь камень здѣсь—гранитъ. Ѣзда по этой плоскости очень однообразна. Я пристально всматривался въ попадавшіяся скалы и, наконецъ, нашелъ, чего искалъ,—слѣды ледниковъ. Позднѣе я видѣлъ по дорогѣ еще много подобныхъ же „бараньихъ лбовъ“, сохранившихъ слѣды и царапины ледниковъ доисторическаго періода.

Черезъ часъ ѣзды мы добрались до восточнаго края глубоко врѣзанной долины, по которой протекалъ одинъ изъ притоковъ рѣки Сноу, спустились въ нее и стали подниматься вверхъ по теченію ручья въ южномъ направленіи. Долина представляла собою рядъ террасъ. Довольно широкія болотистыя площадки соединялись одна съ другою узкими и крутыми ущельями, гдѣ намъ пришлось много повозиться съ нашими вьючными лошадьми.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды мы достигли самой верхней террасы, представлявшей большую болотистую поверхность. Почва здѣсь была мягка, илиста и состояла большей частью изъ черной грязи. Надъ нею

стлалась густая растительность, не превышающая $^1/_3$ метра и состоявшая большею частью изъ степныхъ травъ. Наши лошади ежеминутно проваливались въ эту трясину и мы должны были слѣзать, чтобы облегчить ихъ работу. Осторожно выбирая мѣста, покрытыя болѣе свѣтлою растительностью, мы подвигались впередъ, но тѣмъ не менѣе и люди, и животныя безпрестанно проваливались и ихъ надо было вытаскивать изъ черпаго болота. Мы не встрѣтили здѣсь никакихъ животныхъ, кромѣ толстыхъ, черныхъ змѣй, которыя, хотя и не были ядовиты, пугали лошадей. Ни одинъ цвѣтокъ не разнообразилъ коричневатой зелени этой травы. Мы шли по этому болоту въ теченіе 3 часовъ и когда, наконецъ, выбрались на твердое мѣсто на склонѣ рѣчной долины, почувствовали настоятельную нужду въ отдыхѣ.

Поднявшись по склону, мы перевалили черезъ гребень и на другой сторонѣ разбили лагерь въ мѣстечкѣ „Беттъ-Кампъ“, лежавшемъ у восточной окраины плато Костюшки.

Причудливыя гранитныя скалы, выступающія здѣсь изъ почвы, имѣютъ совсѣмъ другой видъ, чѣмъ тѣ, которыя попадались намъ раньше. Тѣ были похожи на валуны и имѣли округленную поверхность; поверхность этихъ была болѣе неправильна и изорвана. Такое различіе легко объясняется тѣмъ, что въ болѣе низкихъ областяхъ скалы разрушаются только благодаря химическимъ процессамъ, тогда какъ въ болѣе высокихъ къ послѣднимъ присоединяются еще и механическіе: вода, замерзающая въ трещинахъ скалъ, постепенно разрыхляетъ и разрушаетъ ихъ.

Я разсчитывалъ на слѣдующее утро подняться на вершину Костюшко, которая считается высочайшею вершиной Австраліи. Поэтому мы были сильно озабочены, когда вечеромъ надъ нами надвинулись съ юго-востока высокія перистыя облака; по примѣтамъ, вынесеннымъ мною изъ странствованій по европейскимъ Альпамъ, эти облака предвѣщали дурную погоду; мой спутникъ, въ юности бывшій морякъ, а потомъ въ теченіе долгихъ лѣтъ жившій въ горахъ и имѣвшій возможность провѣрить и собрать много примѣтъ, тоже покачалъ головою, увидѣвъ эти облака. Безпокойство за погоду возросло еще больше, когда заходящее солнце окрасило облака въ темнокрасный цвѣтъ; несмотря на это, мы старались убѣдить остальныхъ, что погода будетъ прекрасная, и дѣйствительно хорошая погода продолжалась еще $2^1/_2$ дня.

На слѣдующее утро, 11 января, въ 6 часовъ мы покинули нашъ лагерь. Палатку, провіантъ и двухъ лошадей мы оставили въ лагерѣ, а съ собой взяли только одну вьючную лошадь, на которую навьючили фотографическій аппаратъ, другіе инструменты, немного вина и провизіи. Общество наше состояло изъ трехъ человѣкъ.

Было очень холодно и ледъ затянулъ всѣ лужи. Когда тонкій ледокъ со звономъ ломался подъ копытами моей лошади, я думалъ о моихъ

друзьяхъ въ Сиднеѣ, которые теперь просыпаются, потные отъ духоты, тщетно ищутъ освѣженія въ полутеплой ваннѣ и со вздохомъ ожидаютъ наступающаго дня съ его изнурительною жарой.

Мы поднялись вверхъ къ югу отъ нашего лагеря по довольно крутому склону, поросшему малорослыми гумми-деревьями, пересѣкли два горные кряжа, снова спустились въ болотистую долину, похожую на ту, по которой мы проходили наканунѣ, поднялись по ней вверхъ и, наконецъ, очутились у подножія нашей горы, самой вершины которой отсюда однако еще нельзя было видѣть. Отъ главнаго хребта, на которомъ поднимается эта вершина, отходитъ въ восточномъ направленіи рядъ боковыхъ отроговъ, частью острыхъ и узкихъ, частью широкихъ и закругленныхъ. Нигдѣ кругомъ не видно слѣдовъ древесной растительности. Большая часть мѣстности покрыта альпійскими лугами и только мѣстами, особенно въ болѣе высокихъ областяхъ, виднѣются скалы, осыпи и снѣгъ.

Поднявшееся солнце обогрѣло насъ и разсѣяло высокія перистыя облака, которыя такъ безпокоили насъ вчера вечеромъ. Горизонтъ все расширялся. Надъ ближайшею цѣпью горъ показалась увѣнчанная снѣгомъ вершина Перисеръ и, взобравшись на небольшую вершинку, мы увидѣли вдругъ и самый главный хребетъ. Направо и налѣво склоны уходили въ глубокія долины. Въ сѣверной изъ нихъ блестѣло непривѣтливое голубое озеро, окруженное болѣе темными скалами. Нѣсколько вправо, сзади виднѣющагося передъ ними хребта, поднимается острая конусообразная скалистая вершина, на которой можно явственно различить сложенную изъ камней пирамиду. Это и должна быть гора Костюшко, считавшаяся до сихъ поръ высочайшею вершиной Австраліи; одинъ восходившій на нее инженеръ сложилъ на ея вершинѣ пирамиду изъ камней. Прямо передо мной простиралась глубокая впадина, отдѣлявшая тотъ боковой хребетъ, на которомъ я находился, отъ главнаго. Поднимавшійся напротивъ восточный склонъ главнаго хребта былъ довольно крутъ и вдоль него тянулась мощная снѣговая полоса.

Восхожденіе на горы Австраліи представляется совсѣмъ инымъ, чѣмъ въ европейскихъ Альпахъ. Главная трудность здѣсь вообще состоитъ въ томъ, чтобы добраться до горъ.

Я съѣхалъ внизъ, во впадину, и поднялся на противоположный склонъ, состоявшій изъ скалъ, засыпанныхъ въ нижней части осыпями. Безъ труда я добрался до снѣговой полосы, но она оказалась такъ высока и крута, что я принужденъ былъ совершить обходъ вправо, при этомъ пришлось пробираться по такимъ крутымъ склонамъ, что я удивлялся, какъ лошадь не сломала себѣ ногъ.

Кромѣ этой значительной снѣговой полосы на восточномъ склонѣ, недалеко отъ вершины гребня попадаются и еще полосы и пятна неисчезающаго снѣга. На западныхъ склонахъ такихъ снѣговыхъ полосъ

не существуетъ, и поэтому нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти снѣговыя пятна обязаны своимъ существованіемъ господствующимъ здѣсь зимою западнымъ вѣтрамъ. Вѣтеръ передуваетъ снѣгъ черезъ гребень горы и оставляетъ его лежать въ защищенномъ отъ вѣтра мѣстѣ съ подвѣтренной стороны. Снѣжныя массы все увеличиваются и, наконецъ, образуютъ мощныя залежи снѣга, которыя спускаются внизъ отъ верхняго края хребта. Лѣтомъ весь снѣгъ на горахъ таетъ, только эти залежи, благодаря своей толщинѣ, не могутъ растаять совсѣмъ, не смотря на сильную жару. Нижняя часть этихъ залежей продолжаетъ существовать и лѣтомъ въ видѣ снѣговой полосы, образующей въ ближайшую зиму какъ бы фундаментъ, на который наметаются новыя массы снѣгу. Въ жаркіе и сухіе годы эти снѣговыя полосы и пятна дѣлаются меньше и малочисленнѣе, чѣмъ въ холодные и дождливые, но, какъ говорили мнѣ мои спутники, совершенно не исчезаютъ никогда, такъ что съ полнымъ правомъ можно говорить о „вѣчномъ снѣгѣ“ въ австралійскихъ Альпахъ.

Въ европейскихъ Альпахъ подобныя снѣжныя полосы во многихъ мѣстахъ также спускаются ниже снѣговой линіи, но нигдѣ не остаются постоянно на такой высотѣ. Горы Костюшко лежатъ подъ той же широтой, какъ и Сіерра-Невада въ Испаніи, гдѣ однако нигдѣ не существуетъ постоянныхъ снѣжныхъ залежей на такой незначительной высотѣ.

Добравшись до вершины гребня, я увидалъ, что главный хребетъ къ сѣверу отъ того мѣста, гдѣ я находился, сразу поворачиваетъ на западъ, образуетъ плоскую сѣдловину и затѣмъ поднимается къ изящной пирамидѣ вершины Костюшко. Передо мной лежала широкая горная долина, окруженная скалистыми вершинами; за нею уходила вглубь долина рѣки Муррея, а еще дальше разстилалась необозримая страна съ безчисленными рядами холмовъ и цѣлой путаницей лѣсистыхъ долинъ.

Перебравшись не безъ усилій черезъ сѣдловину, я очутился у самой горы. Какъ я уже сказалъ, она имѣетъ конусообразную форму и спускается во всѣ стороны подъ одинаковымъ уклономъ отъ 25—30°. Ея склоны совершенно лишены растительности и состоятъ изъ крупныхъ, въ хаотическомъ безпорядкѣ наваленныхъ другъ на друга гранитныхъ обломковъ. Тамъ и сямъ изъ этихъ безпорядочныхъ кучъ высятся отдѣльныя большія скалы; мѣстами снѣговыя пятна разнообразятъ темносѣрые склоны, и все это отражается въ прозрачныхъ водахъ маленькаго озера, которое лежитъ въ широкой впадинѣ къ востоку отъ горы.

Полюбовавшись великолѣпнымъ видомъ, я привязалъ лошадь къ большому камню и началъ подниматься вверхъ по склонамъ. Я лѣзъ быстро и достигъ вершины въ $8^3/_4$ ч. утра. Хотя макушка горы и достаточно широка, однако на ней трудно двигаться свободно, такъ какъ камни осыпаются изъ-подъ ногъ. Какъ и вся вершина, макушка эта состоитъ изъ остроконечныхъ гранитныхъ обломковъ значительной величины.

Опредѣливъ высоту въ 2.215 метровъ, я занялся топографическими работами и изученіемъ открывавшейся отсюда панорамы. Видъ отсюда обширный, но однообразный. На западѣ видна область всего верхняго теченія Муррея до узкой, увѣнчанной снѣгомъ вершины горы Богонгъ— высочайшей вершины въ сосѣдней колоніи Викторіи. Далѣе къ сѣверу разстилается необозримая равнина Муррея. Ближайшія вершины массива Костюшки бросаются въ глаза своей высотою; нѣкоторыя изъ нихъ скалисты и имѣютъ рѣзкія очертанія, большая же часть ихъ имѣетъ закругленный характеръ. Ближе къ намъ тянется плато, на которомъ виднѣются пятна снѣга.

Альпійскіе луга и лѣса, покрывающіе склоны, пріятно ласкаютъ глазъ своею свѣжею зеленью; вдали все окрашено въ желтовато-коричневый колоритъ, пустынно и безжизненно. На югѣ высокая округленная вершина заграждаетъ видъ. Гора кажется выше того пункта, на которомъ я стою, но такъ какъ я знаю, что именно та гора, гдѣ я стою, есть высочайшая вершина, то и думаю, что это обманъ.

Черезъ полчаса подошли мои спутники, и я занялся фотографированіемъ открывавшейся отсюда панорамы на 14 пластинкахъ, что представляло очень трудную и кропотливую работу. Въ часъ дня я закончилъ эту работу, распаковалъ нивеллировочные инструменты, направилъ на ту высокую вершину, которая привлекла мое вниманіе, и, къ удивленію, нашелъ, что она значительно выше того пункта, гдѣ я находился! Такимъ образомъ высочайшею вершиной Австраліи оказывалась не гора Костюшко, какъ это до сихъ поръ принималось, а, вѣроятно, эта южная вершина. Нужно было на нее поднятся и именно сегодня, пока погода еще благопріятствуетъ.

Быстро собрали мы наши вещи и двинулись внизъ. Спускъ по скаламъ съ инструментами былъ рискованнымъ предпріятіемъ и мы достигли верхняго снѣгового поля, по которому я хотѣлъ спуститься, не безъ нѣкоторыхъ приключеній. Я забылъ вначалѣ, что на мнѣ надѣты шпоры, и въ результатѣ было сальто-мортале, возбудившее веселость моихъ спутниковъ въ такой степени, что одинъ изъ нихъ потерялъ равновѣсіе и самъ быстро скатился по снѣжному полю, дѣлая самыя уморительныя движенія, но, по счастью, безъ всякаго вреда для себя. Инструменты, находившіеся при насъ, также въ цѣлости скатились къ нижнему концу снѣжнаго поля, гдѣ мы и отыскали ихъ.

Безъ четверти въ пять часовъ вечера я уже стоялъ на высочайшемъ пунктѣ австралійскаго материка. Вершина такъ широка и плоска, что найти самую высокую точку представляется дѣломъ довольно затруднительнымъ. Поверхность ея покрыта камнями, между которыми кое-гдѣ пробиваются альпійскіе цвѣты высокихъ горныхъ областей; наиболѣе часто встрѣчается снѣговая астра (Aster glacialis). Видъ отсюда напо-

минаетъ видъ съ горы Костюшко, но превосходитъ его по красотѣ, такъ какъ отсюда зритель видитъ прямо передъ собою прекрасную, отчетливо вырисовывающуюся пирамиду этой послѣдней.

Я произвелъ измѣреніе какъ вершины Костюшки, такъ и другихъ болѣе высокихъ вершинъ, и нашелъ, что ни одна изъ нихъ не можетъ сравниться по высотѣ съ той, на которой я находился. Разница высотъ, по анероиду, между этой вершиной и Костюшко составляла 26 метровъ, такъ что эта гора, называемая Тоунсендъ, и есть высочайшая вершина Австраліи, достигающая высоты 2.241 метровъ.

Послѣ часового пребыванія на вершинѣ, мы тронулись въ обратный путь къ нашему лагерю. Скоро мы добрались до высокаго и скалистаго гребня, который тянется отъ вершины Тоунсендъ въ восточномъ направленіи. Этотъ гребень образуетъ южный край плоскогорія и круто обрывается къ его наружной сторонѣ, образуя иногда мѣстами склоны, превышающіе 1.000 метр. Къ самому плоскогорью гребень обрывается тоже довольно круто, но здѣсь одичалыя лошади вытоптали тропинки, которыми мы съ успѣхомъ и пользовались. Гребень незамѣтно понизился, и мы скоро вступили на плоскогоріе, гдѣ встрѣтили довольно много одичавшихъ лошадей, которыя здѣсь вообще водятся въ большомъ количествѣ.

Солнце уже зашло и вечернія сумерки окутали землю сѣрымъ покрываломъ, а мы все ѣхали по этой унылой, однообразной мѣстности. Поверхность плато здѣсь повышается и понижается мягкими волнами; нигдѣ нѣтъ крутыхъ обрывовъ, но зато нѣтъ и совсѣмъ плоскихъ мѣстъ. Большія гранитныя скалы высятся тамъ и сямъ среди альпійскихъ луговъ; иногда ихъ больше, иногда меньше. Куда ни кинешь взглядъ,—всюду одинъ и тотъ же ландшафтъ, не дающій возможности оріентироваться. Я началъ уже подумывать о томъ, какъ бы намъ не сбиться съ пути, что, принимая во вниманіе усталость насъ самихъ и лошадей, привело бы къ довольно плачевнымъ результатамъ. Однако мои опасенія были ни на чемъ не основаны. Нашъ проводникъ и спутникъ, Спенсеръ, ѣхалъ впереди съ такой увѣренностью, какъ будто онъ инстинктивно угадывалъ дорогу; мы молча слѣдовали за нимъ. Ни у кого не было охоты разговаривать и всѣ мы одинаково испытывали при этой однообразной ѣздѣ среди сумрака надвигавшейся ночи какое-то особенное чувство тоски, такъ какъ послѣ возбужденія и волненій, испытанныхъ нами въ теченіе дня, теперь уже ничто не привлекало къ себѣ нашего вниманія. Внезапно пронзительный и жалобный вой нарушилъ тишину ночи. Казалось, онъ приходилъ откуда-то изъ глубины и отдавался въ вершинахъ и гранитныхъ скалахъ. Жалобный вой становился все громче, отдѣльные голоса слились въ одинъ общій отвратительный хоръ.

— Эти проклятыя динго воютъ, какъ будто ихъ рѣжутъ на части,— сказалъ Спенсеръ.

Дѣйствительно, это были дикія собаки, которыя, собравшись на ночную охоту, устроили такой ужасный концертъ.

Испуганныя лошади пошли быстрѣе впередъ. Мы проѣхали всхолмленную равнину, спустились къ ручью и скоро достигли границы лѣса. Въ лѣсной чащѣ тьма была египетская. Спенсеръ ѣхалъ все впереди, сквозь ломающіеся сучья, низко пригнувъ голову къ шеѣ лошади. Мои опасенія, что мы не будемъ въ состояніи найти лагерь, росли съ минуты на минуту, но я не хотѣлъ высказывать ихъ вслухъ и молча ѣхалъ сзади Спенсера, вспыхивавшая по временамъ трубочка котораго лучше, чѣмъ шумъ ломаемыхъ вѣтвей, указывала мнѣ дорогу.

Наконецъ, мы подъѣхали къ крутому откосу и спустились по немъ внизъ. Лошади безпрестанно спотыкались въ темнотѣ, и когда я увидѣлъ, что крутизна склона все увеличивается, а лѣсъ все дѣлается гуще, терпѣніе мое окончательно лопнуло, и я спросилъ Спенсера, какъ далеко, по его мнѣнію, мы можемъ быть отъ лагеря. Онъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ свой путь. Наконецъ, онъ остановился, повернулся и объявилъ, что онъ не знаетъ, гдѣ мы находимся и въ какомъ направленіи должны продолжать нашъ путь. По его мнѣнію, я съ помощью компаса сумѣю лучше оріентироваться и потому я долженъ ѣхать впереди. Напрасно мы высказывали ему свое полное довѣріе и просили оставаться во главѣ нашего небольшого каравана. Онъ не могъ и не хотѣлъ. Не оставалось ничего другого, какъ ѣхать мнѣ впереди. Я зажегъ свѣчу, оріентировался съ помощью компаса и карты, которую я набросалъ днемъ, насколько это было возможно, вскочилъ въ сѣдло и поѣхалъ впередъ. Но не успѣлъ я проѣхать и десяти шаговъ какъ увидѣлъ передъ собой ровную лѣсную поляну, на которой стояла наша палатка.

— Я знаю, вы сумѣете найти лагерь,—сказалъ Спенсеръ съ сухимъ юморомъ; и я охотно простилъ ему шутку, которую онъ себѣ позволилъ, и только удивлялся искусству, съ которымъ онъ вывелъ насъ въ темнотѣ къ этому мѣсту.

Скоро поспѣлъ и ужинъ, который удался на славу. Спенсеръ выпилъ рюмку изъ своей фляжки, завернулся въ плащъ и уснулъ.

Чудно сверкали звѣзды на прозрачномъ небѣ австралійской ночи. Въ глубокой тишинѣ лежали передъ нами неясно выступавшія изъ мрака горы. Иногда издалека приносились звуки колокольчиковъ пасущихся коней. Вой динго смолкъ; миръ и спокойствіе царятъ на землѣ и вливаются въ душу...

Сидней.

(Дайбера.)

Подъ воскресенье ночью мы въѣхали въ Портъ Джаксонъ по размытому моремъ въ отвѣсныхъ скалахъ песчаника проходу. Вверху, на высокомъ выступѣ скалы сверкалъ электрическій свѣтъ маяка, и лучи его терялись въ дали океана. Бросили якорь. Мы были въ гавани Сиднея.

Въ воскресенье утромъ ослѣпительное солнце встрѣтило насъ на палубѣ. Нашъ пароходъ стоялъ далеко наружи въ величественной естественной гавани—широкой, въ нѣсколько миль длиной, расчлененной на массу заливчиковъ морской бухтѣ. Такая живописная и большая бухта врядъ ли найдется на земномъ шарѣ. Развѣ только гавань Ріо-де-Жанейро похожа на нее по величественности. Впереди нашего парохода находился маленькій островокъ, укрѣпленный по старинному круглой башней. Съ близкаго берега, справа и слѣва, отовсюду улыбались намъ хорошенькія долины, спрятавшись большей частью въ зелени пышной растительности. Вдали виднѣлось море домовъ. Это „Сити". Между домами красиво поднимались покрытые зеленью холмы, парки, сады; далеко на заднемъ планѣ картины рисовались въ туманѣ горизонта голубыя вершины Голубыхъ горъ... Панорама единственная по красотѣ!.. На волнахъ гавани качался рядъ украшенныхъ флагами всѣхъ націй судовъ, парусныхъ и паровыхъ, между ними скользили маленькіе пароходики, называемые „ферри", а надо всѣмъ раскинулось голубое безоблачное небо и струился чудно-прозрачный воздухъ, свѣжій, живительный.

Мы разстались съ пароходомъ, бывшимъ для насъ много недѣль плавучимъ домомъ. Одинъ изъ катеровъ перевезъ насъ на набережную Сиднея, гдѣ мы окончательно распростились съ нашими товарищами по плаванію. Пожатіе рукъ—и мы остались одни въ далекомъ краю Новаго Южнаго Валлиса.

Сидней лежитъ подъ 33°51'41" южной широты и 151°11'40" восточной долготы. Это главный городъ и правительственный центръ колоніи Новаго Южнаго Валлиса. Въ немъ вмѣстѣ съ предмѣстьями насчитывается около 430 тысячъ жителей.

Сидней — первый и старѣйшій городъ Австраліи. Онъ существуетъ болѣе 112 лѣтъ. Англичане проявили замѣчательную колонизаторскую проницательность въ выборѣ мѣста, на которомъ стоитъ этотъ величественный городъ. Въ свое время его основатель, право, не могъ бы найти для намѣченной имъ цѣли болѣе красиваго и удобнаго, защищеннаго и въ то же время господствующаго уголка. Самый городъ „Сити" расположенъ въ 4-хъ почти миляхъ отъ открытаго моря на

южномъ берегу Портъ-Джаксона—этой громадной гавани, дающей возможность самымъ большимъ океанскимъ пароходамъ проникать далеко въ глубь города.

Нашъ катеръ причалилъ къ набережной у пристани Сѣверогерманскаго ллойда. Множество красивыхъ маленькихъ пестро убранныхъ флагами пароходиковъ сновало по гавани. Между ними двигались паромы, переправлявшіе черезъ гавань лошадей и экипажи съ сѣдоками. По набережной съ шумомъ катились электрическіе трамваи. Расфранченная по праздничному, веселая толпа направлялась въ различныя загородныя мѣста. Все это, несмотря на величественный покой англійскаго воскресенья, произвело на насъ впечатлѣніе чего-то громаднаго, мірового города. Куда ни взглянешь—за всѣми бухтами, между зеленѣющими тамъ и сямъ городскими холмами, всюду море купающихся въ солнечныхъ лучахъ домовъ. Ни одно мѣсто въ мірѣ не можетъ при первомъ посѣщеніи произвести болѣе благопріятное впечатлѣніе, какъ при солнечномъ освѣщеніи. Къ тому же оживленная гавань представляла живописную картину: всѣ корабли въ многочисленныхъ бухтахъ и верфяхъ ласкали взоръ пестрой окраской національныхъ флаговъ и вымпеловъ. Легкій утренній вѣтерокъ развѣвалъ англійскій флагъ и надъ многими зданіями города. „Въ честь освобожденія Мэфкинга“ *), объяснилъ намъ кто-то...

Первымъ дѣломъ мы поспѣшили найти себѣ квартиру. Наше новое жилище, красивый и удобный домъ, пріютилось посреди сада, въ чисто-тропической растительности. Могучія пальмы, среди нихъ неизбѣжный эвкалиптъ, громадный фикусъ, усѣянныя цвѣтами камеліи и розовыя деревья, желто- и красно-цвѣтные сорта безсмертника, ароматичный, мягкій, но свѣжій воздухъ, наконецъ, открытый чудный видъ съ веранды на набережную, Сити и Портъ-Джаксонъ—намъ было отчего восторгаться новымъ жилищемъ.

Послѣ завтрака мы отправились прогуляться въ Сити. Наше пріятное утреннее впечатлѣніе нисколько не уменьшилось во время этого хожденья по улицамъ и паркамъ. Напротивъ, оно перешло въ открытое удивленіе: какой прогрессъ за такой короткій промежутокъ времени!..

Столица Новаго Южнаго Валлиса производитъ при первой прогулкѣ по ея главнымъ улицамъ впечатлѣніе прекраснаго города, хотя и здѣсь, какъ повсюду въ Австраліи, рядомъ съ роскошнѣйшими зданіями встрѣчаются часто совершенно примитивныя хижинки. Ботаническій садъ понравился намъ на первый взглядъ преимущественно своимъ чуднымъ мѣстоположеніемъ. Послѣ болѣе основательнаго знакомства мы открыли

*) Авторъ былъ въ Сиднеѣ во время послѣдней англо-бурской войны.

въ немъ и иныя достоинства. Массы народа бродили по прилегавшимъ къ нему паркамъ. Проповѣдники „арміи спасенія“, а также другіе апостолы различнѣйшихъ духовныхъ сектъ, помѣстившись подъ развѣсистыми фикусами, образующими здѣть цѣлыя аллеи, частью просто на землѣ, частью менѣе скромно на воздвигнутыхъ каѳедрахъ, старались обратить къ истинѣ собравшуюся вокругъ нихъ толпу или выманить пожертвованія у слушателей.

Поздно вечеромъ вернулись мы домой съ цѣлымъ запасомъ наблюденій и впечатлѣній. Освѣщеніе улицъ Сиднея показалось намъ также болѣе чѣмъ удовлетворительнымъ. Съ веранды мы еще немного полюбовались красивымъ видомъ освѣщеннаго города и безчисленныхъ, сверкавшихъ разноцвѣтными электрическими огнями катеровъ, сновавшихъ взадъ и впередъ по волнамъ гавани—картина, полная жизни и блеску.

Со слѣдующаго дня начались проливные дожди и почти не выпускали насъ изъ дому. Лило какъ изъ ведра. По краямъ улицы бѣжали, казалось, бурные горные ручьи. Такъ начиналась австралійская зима. Какъ жалко, что осадки здѣсь распредѣляются столь неравномѣрно. Зимой ихъ слишкомъ много, лѣтомъ же чувствуется недостатокъ и часто цѣлыми мѣсяцами не выпадаетъ ни капли. Три дня и три ночи продолжался дождь и только на четвертый день небо позволило себѣ маленькую паузу. Это былъ день рожденія королевы, чувствуемый празднично. Въ полдень съ одной изъ батарей раздался почетный салютъ. Его подхватили стоявшія далеко наружи въ Портъ-Джаксонѣ военныя суда. Громъ орудій, пороховой дымъ, музыка, пестрые флаги... Вечеромъ, однако, дождь снова вступилъ въ свои права и залилъ предполагавшуюся иллюминацію. Противъ Сити, на сѣверномъ берегу Портъ-Джаксона помѣстился цѣлый рядъ самостоятельныхъ мѣстечекъ. Они нигдѣ не разграничены настолько рѣзко, чтобы не представлять впечатлѣнія большого цѣлаго, и носятъ общее названіе Нордъ-Сиднея. Между Нордъ-Сиднеемъ и Сити существуетъ оживленное пароходное сообщеніе, не прерывающееся даже ночью. Почти на всемъ своемъ протяженіи Нордъ-Сидней сохраняетъ сельскій характеръ, какъ и южныя предмѣстья Сити по ту сторону гавани. Вездѣ преобладаютъ маленькіе, окруженные садами домики; широкія и безконечно длинныя улицы то тянутся въ гору, то спускаются внизъ; мѣстами встрѣчаются асфальтовыя мостовыя и почти на всемъ протяженіи дѣйствуетъ посредственное газовое освѣщеніе. Трамваи кабельные, электрическіе, на южномъ берегу—паровые, а также желѣзныя дороги сокращаютъ огромныя разстоянія. Вообще средства сообщенія хороши и, принимая во вниманіе величину концовъ, относительно дешевы. Практичное расположеніе станцій и устройство вагоновъ не оставляетъ желать ничего лучшаго; вѣжливость служебнаго персонала достойна всякаго вниманія.

Расположеніе самаго города недостаточно правильно и красиво. Городъ слишкомъ длиненъ и относительно узокъ, улицы въ немъ расположены довольно капризно. Вообще, несмотря на то, что городу немного болѣе 100 лѣтъ, онъ нѣсколько устарѣлъ. Главными артеріями Сити являются большія почти параллельныя улицы Георга и Питта, пересѣкающія городъ во всю его длину вплоть до гавани. Вторая кишитъ обыкновенно всевозможными повозками, по первой почти безостановочно снуютъ электрическіе трамваи. На обѣихъ улицахъ попадается не одно красивое, высокое зданіе, много также магазиновъ, которые своей обстановкой и размѣрами сдѣлали бы честь любому первоклассному городу Европы. Крытые стекломъ пассажи служатъ проходами между громадами домовъ Сити и поражаютъ богатствомъ своихъ магазиновъ.

Общественные сады и парки расположены не въ центрѣ города, а скорѣе на границахъ послѣдняго, при чемъ часть ихъ находится въ предмѣстьяхъ. Необыкновенные размѣры и пышность растительности этихъ парковъ дѣлаютъ честь Сиднею. Здѣсь нѣтъ недостатка въ просторѣ, воздухѣ, свѣтѣ. Это можно сказать, „легкіе“ города. Если принять во вниманіе еще сады частныхъ владѣльцевъ, въ которыхъ тонутъ виллы ихъ хозяевъ, то получится огромная площадь свободнаго, покрытаго растительностью мѣста. Неудивительно, что Сидней считается очень здоровымъ. Вообще, благодаря замѣчательному климату Австраліи, главные города ея, несмотря на значительность быстро растущаго населенія, являются одними изъ наиболѣе здоровыхъ въ мірѣ.

Изъ публичныхъ зданій Сиднея слѣдуетъ упомянуть о почтамтѣ. Громадный, украшенный статуей королевы фасадъ заканчивается двумя боковыми корпусами: одинъ выходитъ на улицу Питта, другой—съ огромными электрическими часами вверху, на улицу Георга. Посрединѣ поднимается на 250 футовъ стройная красивая башня. На верхушкѣ башни имѣется сигнальная станція, откуда извѣстными флаговыми сигналами дается знать коммерческому міру о прибытіи привозимой изъ далекихъ странъ пароходами иностранной корреспонденціи. На колоннадахъ почтамта напечатана скала красокъ для распознаванія сигналовъ. Въ колоннадахъ же выставляются предсказанія ожидаемой на сушѣ и на морѣ погоды. Около послѣднихъ постоянно толпится масса любопытныхъ. Сообщеніе о дождѣ изъ внутреннихъ колоній для жителей Сиднея несравненно важнѣе политическихъ новостей изъ какого-нибудь государства Европы. Въ коридорахъ имѣются конторки для писанія, на которыхъ, кромѣ письменныхъ принадлежностей, можно найти даже адресныя книги для всей Австраліи. Однимъ словомъ, австралійская почта устроена такъ же практично, какъ и великолѣпно. Стоимость почтамта, въ которомъ, кромѣ телеграфнаго, открыто еще желѣзнодорожное бюро, завѣ-

дующее грузовымъ движеніемъ и продажей пассажирскихъ билетовъ, составила около 4 милліоновъ рублей.

Само собою разумѣется, что рядомъ съ такимъ чуднымъ зданіемъ должны помѣщаться и достойные его сосѣди. И Сидней, дѣйствительно можетъ гордиться своими общественными постройками; среди нихъ видное мѣсто занимаютъ университетъ и обсерваторія. Университетъ стоитъ довольно далеко отъ самаго Сити, въ предмѣстьѣ. Онъ окруженъ большимъ паркомъ. Ученая дѣятельность его достигаетъ довольно высокой степени. Женщины имѣютъ въ немъ доступъ ко всѣмъ факультетамъ.

Обсерваторія находится на одной изъ возвышенностей Сити вблизи Портъ-Джаксона. Вмѣстѣ съ нею помѣщаются метеорологическая станція и сигнальная станція для приходящихъ судовъ.

Одной изъ достопримѣчательностей Сиднея является его водопроводъ. Огромная сѣть трубъ снабжаетъ Сити и его предмѣстье водой, съ которой здѣсь обращаются очень бережливо, хотя ни въ одномъ домѣ не чувствуется въ ней недостатка. Главная масса воды, потребляемая Сиднеемъ, берется изъ рѣки Непеанъ. Въ 60-ти миляхъ отъ города вода рѣки искусственнымъ образомъ перехватывается, отводится въ резервуаръ и оттуда уже доставляется въ городъ. Насосныя сооруженія подаютъ ее въ болѣе возвышенныя предмѣстья. Устройство этого громаднаго водопровода стоило болѣе 20 мил. рублей. Если принять во вниманіе, что всѣ эти постройки, сооруженія и украшенія Сиднея—сравнительно недавняго происхожденія, то нельзя не удивиться энергіи, силѣ и стойкости колонистовъ, которые, преодолѣвая массу трудностей, создали постепенно страну, начинающую уже почти оказывать давленіе на торговлю и промышленность и выступающую въ настоящее время конкуренткой міровыхъ націй.

Австралійцы, слѣдуя симпатичному англійскому обычаю, живутъ съ своими семьями въ особнякахъ, которымъ они даютъ названіе любимыхъ лицъ, красивыхъ мѣстечекъ или какія-нибудь другія остроумныя прозвища. Часто по имени дома можно узнать родину его владѣльца. Намъ встрѣчались, напримѣръ, надписи: „Тюрингенъ“, „Франкфуръ“, „Эдинбургъ“, „Глазго“ и др. Часто видишь заглавіе извѣстныхъ англійскихъ романовъ, вродѣ „Айвенго“, „Кенильвортъ“, „Кларисса“ и т. п. Нѣкоторые хозяева называютъ свои дома „Моцартомъ“, „Мимозой“ и т. д. Такіе особнячки почти исключительно одноэтажные „коттэджи“, но иногда попадаются узкія постройки съ бельэтажемъ. Первые очень удобны для хозяекъ, такъ какъ вся квартира лежитъ въ одной плоскости и не приходится знаться съ лѣстницей. По правилу впереди помѣщаются Dining-room и Draving-room, т.-е. столовая и гостиная, сзади нихъ—двѣ или три спальни, ванная и комната для прислуги. Для кухни же и кладовой существуетъ пристройка. Этотъ прак-

тичный, недопускающій въ квартиру никакого запаха планъ сохраняется и во вторыхъ, двухэтажныхъ особнячкахъ. Столовая и гостиная помѣщаются здѣсь внизу, спальни—наверху. Погребовъ и чердаковъ почти не встрѣчается. Большей частью передъ домомъ раскидывается хорошенькій садикъ, а позади дома, во дворѣ, ютятся прачечная и птичникъ. По вечерамъ, если въ мягкую австралійскую зиму выпадетъ болѣе или менѣе свѣжій денекъ, комнаты отапливаются каминами. Вся квартира, даже коридоры и кухня, освѣщаются газомъ, часто самыя кушанья готовятся также при помощи газа въ виду крайняго неудобства мѣстныхъ печей англійской конструкціи. За исключеніемъ кухни все устройство такого домика вполнѣ соотвѣтствуетъ столь характерной для англичанъ практичности. Всѣ, даже самыя скромныя квартиры снабжены ваннами, почти вездѣ проведенъ газъ. Всегда есть предложеніе меблированныхъ и немеблированныхъ особнячковъ, но цѣны на нихъ держатся довольно высокія... Иначе обстоитъ дѣло съ пищевыми продуктами. Закупка различной провизіи доставила намъ не мало разочарованій. И въ самомъ Сити, и въ предмѣстьяхъ можно найти множество мясныхъ лавокъ. Помѣщенія ихъ большей частью чисты и снабжены мраморными прилавками. Въ теченіе всей недѣли не получишь ни телятины, ни свинины: изо дня въ день предлагаютъ только говядину и баранину. Лишь по субботамъ бываютъ въ видѣ исключенія кое-какія перемѣны и разнообразіе продуктовъ. Съ хлѣбомъ дѣло обстоитъ лучше, а молоко и масло прямо отличны.

Фрукты культивируются въ Австраліи отчаси на самомъ материкѣ, отчасти на островѣ Тасманіи и отличаются прекраснымъ вкусомъ. Краснощекія австралійскія яблоки принадлежатъ безусловно къ лучшимъ сортамъ. Цѣна ихъ, какъ и грушъ, зимою по крайней мѣрѣ, очень высока. Зато питательные бананы и сочные мандарины, апельсины и лимоны хороши и дешевы. Продавцами фруктовъ и овощей являются, за рѣдкими исключеніями, итальянцы и китайцы.

Что касается спиртныхъ напитковъ, то вино производится въ самой Австраліи и въ онень значительномъ количествѣ. Туземное вино напоминаетъ вкусомъ южно-французскія и итальянскія вина. Оно очень крѣпко и содержитъ въ себѣ значительное количество алкоголя. Цѣна его несоотвѣтственно-высока, до 3 шиллинговъ бутылка. Кое-гдѣ въ Австраліи варятъ пиво, довольно вкусное, но скорѣе возбуждающее жажду, чѣмъ утоляющее ее. Главнымъ напиткомъ австралійцевъ является виски, выгнанная изъ ячменя водка, завезенная сюда изъ Шотландіи и Ирландіи. Но лучшими напитками для теплыхъ странъ были и остаются фруктовыя воды: онѣ и здоровы, и освѣжаютъ, утоляя жажду, и дешевы.

Противъ нашей квартиры въ зелени огромнаго сада прячется „Public school“, мѣстная народная школа. Ежедневно толпа дѣтей обоего пола

входила туда и возвращалась обратно или играла въ свободные часы на лужайкѣ сада. Это были дѣти всѣхъ состояній, получавшихъ здѣсь совмѣстное образованіе безъ различія положенія и вѣроисповѣданія. Отъ религіознаго воспитанія ученики мѣстной школы освобождаются, если воззрѣнія учителя слишкомъ разнятся съ убѣжденіями родителей. Начатое въ „Public school“ элементарное образованіе можетъ быть продолжено въ „Superior public school“ и закончено въ „High school“, высшей, готовящей къ университету школѣ. „High schools“ съ слегка сокращеннымъ планомъ существуютъ и для дѣвочекъ. Плата за ученіе низка, не выше 3-хъ пенсовъ въ недѣлю. Если въ семьѣ больше четырехъ дѣтей, то, начиная съ пятаго, они получаютъ безплатный доступъ въ школу. Отъ платы освобождаются часто и бѣдные. Само собою разумѣется, расходы по государственнымъ школамъ этими ничтожными взносами родитетелей не покрываются. Наряду съ общественными училищами дѣйствуетъ рядъ частныхъ, существуютъ также вечернія школы и воскресныя—религіознаго направленія.

Мы часто съ удовольствіемъ наблюдали за дѣтьми, посѣщавшими сосѣднюю Public school. Во время перемѣнъ намъ слышенъ былъ оживленный крикъ и веселый смѣхъ игравшей дѣтворы. Простое хлопанье въ ладони надзирательницы—и слишкомъ расшумѣвшіяся дѣти сразу стихали. То же хлопанье оповѣщало конецъ рекреаціи и, нѣсколько минутъ спустя, мѣсто игры пустѣло, наступала полнѣйшая тишина. Строжайшая дисциплина сохранялась и во время часовъ гимнастики, которая здѣсь производится на воздухѣ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ, лишь только дѣти научатся ходить и говорить, ихъ здѣсь пріучаютъ уже къ извѣстной самостоятельности. На общественныхъ играхъ имъ охотно позволяютъ принимать участіе въ играхъ старшихъ дѣтей. Ихъ посылаютъ съ различными порученіями и даже очень далеко. Однимъ словомъ имъ больше довѣряютъ, и они бываютъ исполнительнѣе... Въ электрическихъ трамваяхъ не только предмѣстьевъ, но часто самаго центра городского движенія можно было встрѣтить малышей, ловко и безбоязненно направляющихся своей дорогой. Мальчики-газетчики вскакивали въ переполненные вагоны, предлагая новости вечернихъ листковъ. На вѣжливый отказъ „No trank you“ они безъ всякой дальнѣйшей навязчивости уходили и, соскочивъ съ вагона, дожидались слѣдующаго, чтобы попытать счастія тамъ.

Женщина далекаго южнаго материка пользуется большимъ почетомъ. Мужъ трудится, а жена должна облегчать его жизнь, украшать и представлять его домъ. Ей позволена всякая роскошь въ границахъ матеріальныхъ средствъ мужа и она любитъ ее, быть можетъ даже черезчуръ. Она — ласкова и радушна, любезна съ собесѣдниками и никогда не сторонится чужихъ, какъ это часто встрѣчается среди настоящихъ

англичанокъ. Веселая и дѣтски наивная, она любитъ болтать. Какое превращеніе этого, первоначально чисто-англійскаго элемента...

Но не только женщина Австраліи, самъ австраліецъ, вообще, обходительный, удивительно-вѣжливый и любезный человѣкъ. Онъ охотно сообщаетъ каждое просимое свѣдѣніе. Отвѣты бываютъ ясны и такъ точны, что недоразумѣнія почти невозможны. Заплатишь на трамваѣ пенни или, смотря по дистанціи, два — кондукторъ вѣжливо говоритъ „Thank you" (благодарю васъ) и выдаетъ билетъ, а ему такъ же вѣжливо отвѣчаютъ „Thank you". Если прохожему или покупателю въ лавкѣ предлагаютъ что-нибудь, чего купить онъ не желаетъ, то онъ отклоняетъ предложеніе словами „No, trank you".

Такая вѣжливость свойственна всему населенію: и высшимъ и низшимъ классамъ, и знати, и простонародью. Никогда не приходится наблюдать, чтобы разряженная дама сторонилась въ трамваѣ или катерѣ отъ простого рабочаго, костюмъ котораго носитъ слѣды его занятія. Но и рабочій ведетъ себя джентльменомъ. Весь народъ проникнутъ извѣстнымъ демократическимъ духомъ равенства. Даже уличный мальчишка старается быть въ своемъ родѣ приличнымъ, такъ какъ съ каждымъ обращаются по его поведенію. Это приличіе и вѣжливость въ обращеніи, особенно замѣтныя въ присутствіи дамъ, сообщаютъ жизни Сиднея своеобразную прелесть, вліянію которой мы охотно поддаемся. Невѣжъ много на свѣтѣ и нѣтъ мѣста, гдѣ бы ихъ не было; но мы лично не могли ни разу пожаловаться въ этомъ отношеніи ни на одинъ изъ городовъ Австраліи. Тамъ больше вѣрятъ въ людей, и почти всегда они оказываются достойными этого довѣрія. Человѣкъ въ массѣ выше и сильнѣе, чѣмъ онъ самъ о себѣ думаетъ. Покажите человѣку, каковъ онъ, и онъ скоро будетъ знать, чѣмъ онъ долженъ быть. Это изреченіе вполнѣ оправдывается у австралійцевъ. Тамъ съ человѣкомъ обращаются по человѣчески; права всѣхъ уравнены; никого, если только онъ самъ не ведетъ себя недостойно, не считаютъ низкимъ; тамъ „человѣкъ растетъ съ своею высшею цѣлью" и ведетъ достойную человѣка жизнь.

Торговыя сношенія вносятъ также обильную струю взаимнаго довѣрія. Каждый, само собой разумѣется, считаетъ другого джентльменомъ. Часто, когда насъ не бывало дома, намъ складывали чрезъ кухонное окно масло, яйца или какой-нибудь другой заказъ просто, въ полной увѣренности, что со временемъ мы заплатимъ. Такъ довѣряютъ даже иностранцу, совершенно незнакомому человѣку. Рѣдко, должно быть, нарушаютъ это довѣріе...

Мѣстному населенію свойственна также извѣстная дѣтски-наивная черта. Возможность попраздновать упускается рѣдко. Подъ смѣющимся небомъ Австраліи охотно веселятся и люди, и кто рѣшился бы воспретить имъ это? Когда позволяетъ погода, а это бываетъ почти всегда,

вся семья отправляется за городъ — на пикникъ. Трактирчиковъ, куда можно было бы зайти, тамъ, конечно, не встрѣтишь. Кушанья и напитки захватываютъ съ собой, и часто подъ открытымъ небомъ кипятится чай.

Какъ и въ Англіи, суббота здѣсь—полупраздникъ. Крупныя торговыя заведенія и конторы закрываются въ полдень или въ часъ дня и даютъ свободу своему многочисленному служебному персоналу. Болѣе мелкія заведенія должны также закрываться послѣ 12 ч. разъ въ недѣлю по средамъ или субботамъ попремѣнно. Въ такіе дни въ городѣ и окрестностяхъ царитъ совсѣмъ праздничное настроеніе. Много мужчинъ принадлежитъ къ милиціи, и въ эти свободные часы они упражняются, облекшись въ свои красивые мундиры. Сѣдовласые старцы весело отправляютъ вмѣстѣ съ молодыми людьми свою, въ сущности невинную, гражданскую обязанность, и ихъ ученье сопровождается иногда музыкой. Въ общественныхъ паркахъ прогуливается чрезвычайно пестрая толпа. Въ укромныхъ уголкахъ подъ деревьями, а также посреди зеленыхъ лужаекъ, ходить по которымъ никакими ревностными блюстителями порядка не воспрещается, разставлены скамейки для отдыха. Все дышитъ свободно.

Подобно англичанину, австраліецъ живетъ въ широкомъ кругу своей семьи. Вечеромъ между 5 и 6-ю часами оканчиваются занятія. Одинъ вечеръ въ недѣлю проводится въ клубѣ. Обыкновенно же возвращается отецъ семейства прямо домой, усаживается съ своей семьей за столъ, болтаетъ съ дѣтьми, читаетъ вечеромъ газету, иногда музицируетъ или принимаетъ у себя друзей. Зимой съ веселымъ трескомъ пылаетъ каминъ, сообщая комнатѣ пріятную, ласкающую уютность. Въ Австраліи зябнутъ при температурахъ, которыя намъ кажутся теплыми. Зимой непрерывно дуетъ западный вѣтеръ, замѣняющій здѣсь нашъ холодный сѣверо-восточный. Для изнѣженной лѣтними жарами кожи онъ бываетъ очень чувствителенъ, хотя дѣйствительно низкой температуры ни разу не приходилось отмѣтить. Если, напримѣръ, утромъ температура воздуха бывала $+10^0$, то къ 12 часамъ уже она часто поднималась до 21^0, тогда какъ въ комнатахъ термометръ никогда не показывалъ ниже 14^0.

Въ Австраліи сильно развита клубная жизнь. Клубы представляютъ изъ себя замкнутыя общества, членомъ котораго можно состоять лишь при извѣстныхъ условіяхъ. Помѣщенія—часто цѣлые дворцы—какъ и всѣ хозяйственныя принадлежности, у нихъ собственныя. Въ Сиднеѣ также существуетъ нѣсколько клубовъ. Англійскіе клубы носятъ извѣстныя названія, вродѣ „Юніонъ“, „Англійскій клубъ“ и т. д.

Въ Сиднеѣ издается много газетъ. Руководящіе англійскіе повременные органы служатъ преимущественно мѣстнымъ и патріотическимъ

интересамъ, о заграничной же жизни, о событіяхъ, совершающихся на европейскомъ материкѣ, сообщаютъ только самыя скудныя свѣдѣнія. Зато они удѣляютъ много мѣста спортивнымъ извѣстіямъ, такъ какъ всевозможный спортъ играетъ въ Австраліи важную роль. Въ Сиднеѣ выходитъ даже „Китайскій листокъ“ на китайскомъ языкѣ.

Въ Сиднеѣ имѣется рядъ театровъ; архитектурой они мало выдѣляются среди громадныхъ домовъ Сити. Объ ихъ репертуарѣ постоянно свидѣтельствуютъ любопытной толпѣ огромныя афиши. Вкусъ публики совершенно иной, чѣмъ у насъ. Еще менѣе просвѣщенна въ данномъ отношеніи взрослая молодежь. Это направленіе проглядываетъ также въ витринахъ книжныхъ магазиновъ. Тамъ выставляются обыкновенно иллюстрированные журналы, и толпа приходитъ въ восторгъ отъ ихъ грубо выполненныхъ картинъ изъ военной жизни. Начнемъ читать заглавія выставленныхъ книгъ—большей частью это разбойничьи разсказы и „ужасные“ романы. Въ Сиднеѣ много читаютъ. Насъ часто потѣшало, что почти всѣ дамы захватываютъ съ собой книги даже на прогулки и, усѣвшись въ трамвай или на катеръ, тотчасъ же углубляются въ чтеніе ихъ, а мужчины прячутся, обыкновенно, за газетнымъ листомъ, исчезающимъ въ ихъ боковомъ карманѣ только въ концѣ пути. Часто такой трамвай имѣетъ видъ настоящаго читальнаго зала.

Съ большой страстностью предаются здѣсь всевозможному спорту, и не мало народу пораззорилось на скачкахъ, сопровождаемыхъ постоянно крупными денежными ставками.

Что касается доходности занятій въ Австраліи, то за исключеніемъ крупнаго оптоваго торговца, спекулирующаго при помощи большого капитала, въ лучшихъ условіяхъ находятся простой ремесленникъ и рабочій. Вознагражденіе ихъ значительно выше европейскаго, тогда какъ рабочее время рѣдко превышаетъ 8 часовъ. Такъ, напримѣръ, каменотесъ, мостовщикъ и каменьщикъ получаютъ по 8—10 шиллинговъ въ день, плотникъ зарабатываетъ даже 11 шилл., маляръ—10, простой поденщикъ 9 шил.; сѣдельный мастеръ, сапожникъ, портной, столяръ могутъ получать недѣльную плату въ 50—60 шиллинговъ. Рабочіе сталелитейныхъ заводовъ и въ родственныхъ послѣднимъ отрасляхъ промышленности получаютъ до 1 шилл. 6 пенсовъ въ часъ и могутъ при десятичасовомъ трудѣ зарабатывать по 15 шиллинговъ въ день. Рабочіе на фермахъ получаютъ на собственномъ содержаніи до 65 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Очень хорошо оплачиваются повара и кухарки. При этомъ въ опредѣленные дни послѣ 12 часовъ рабочіе свободны и справляютъ свой полупраздникъ. Тому, кто работаетъ сверхъ положеннаго времени или жертвуетъ свободными часами своей субботы, платится соотвѣтственно добавочное вознагражденіе. Эти несоразмѣрно-высокія рабочія платы вплоть до послѣдняго времени препятствовали подъему про-

мышленности. Австралійская промышленность пріобрѣла кое-гдѣ уже значительные размѣры, но, сравнительно съ Европой, не выросла еще изъ дѣтскаго возраста.

Малозначительной промышленности можно противопоставить обширную, міровую торговлю. Австралійская шерсть господствуетъ на міровомъ рынкѣ. Желательными продуктами являются на немъ сало и кожи дальняго южнаго материка. Богатство Австраліи углемъ и минералами (золотомъ, серебромъ, мѣдью, желѣзомъ, оловомъ, свинцомъ и т. п.) почти неисчерпаемо. Кромѣ того, вывозятъ лѣсъ, мясо, масло, пшеницу и т. д. Крупныя, извѣстныя фирмы завѣдуютъ экспортомъ и ввозомъ, распространяющимся почти на всѣ предметы необходимости. Но молодые негоціанты-служащіе, несмотря на важность довѣряемыхъ имъ мѣстъ, вознаграждаются сравнительно съ простыми рабочими довольно-таки умѣренно. Что же касается свободныхъ профессій, то о нихъ можно, не поступаясь нисколько правдой, сказать, что онѣ поставлены въ худшія сравнительно съ ремесломъ условія. Такъ, напримѣръ, частные преподаватели постоянно предлагали въ газетахъ свои услуги за плату, по австралійской обстановкѣ прямо-таки стыдную, и мы убѣдились потомъ, что подъ внѣшнимъ блескомъ австралійской жизни также скрыто много незамѣтнаго горя.

Въ Голубыхъ горахъ.

(Дайбера.)

3-го іюля 1900 года мы окончили свои приготовленія къ экскурсіи изъ Сиднея въ Голубыя горы Новаго Южнаго Валлиса, которая, по нашимъ расчетамъ, должна была продолжиться пять дней. Мы намѣревались не только проникнуть дальше внутрь страны, но также посѣтить наиболѣе возвышенные пункты страны и поближе ознакомиться въ особенностями ихъ строенія и растительностью, о которыхъ мы уже коечто слышали. Нашъ путь лежалъ изъ Сиднея по желѣзной дорогѣ въ Мунтъ-Викторію, центральный пунктъ Голубыхъ горъ.

Страна, которую мы теперь пересѣкали, была частью плоска, частью холмиста и довольно густо населена, такъ что производила такое впечатлѣніе, какъ будто Сидней составлялъ одно цѣлое со всѣми этими мѣстечками. За мѣстечкомъ Парраматтой мы уже могли убѣдиться въ роскоши растительности и плодородіи почвы. Хотя еще была зима, молодые всходы уже зеленѣли; персиковыя деревья стояли въ цвѣту, а на апельсинныхъ деревьяхъ и деревцахъ висѣли золотисто-желтые плоды. Обширныя ярко-зеленыя пастбища чередовались съ лѣсами, въ которыхъ главную роль игралъ эвкалиптъ. Вскорѣ мы перерѣзали такъ называемыя „равнины эму“, гдѣ прежде водился австралійскій страусъ; здѣсь

собственно начинается подъемъ на Голубыя горы. Однако поѣздъ входитъ въ нихъ только за мѣстечкомъ Гленброкомъ, которое лежитъ уже на 600 футовъ надъ уровнемъ моря. Дорога поднимается все выше черезъ отдѣльные участки лѣса и глубокія, часто съ отвѣсными стѣнами, ущелья, образовавшіяся въ песчаникѣ—преобладающей здѣсь горной породѣ. Минуя различныя мѣстечки, мы послѣ трехчасовой ѣзды достигли, наконецъ, Мунтъ-Викторіи, которая лежитъ на высотѣ 3.500 футовъ среди живописнаго горнаго ландшафта.

Самое мѣстечко насчитываетъ всего 300 жителей и служитъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ для жителей Сиднея, которые посѣщаютъ его очень охотно. Въ немъ имѣется одна публичная и одна частная школа, церкви различныхъ вѣроисповѣданій, нѣсколько оттелей и бордингаузовъ, недурной вокзалъ, почтовое и телеграфное бюро, нѣсколько отдѣленій различныхъ банковъ и большая зала для публичныхъ собраній. Однимъ словомъ тѣ учрежденія и удобства, которыми, напримѣръ, въ Германіи, пользуются жители городовъ, имѣющихъ не менѣе 3.000 жителей, здѣсь имѣются налицо при 300 человѣкъ населенія. Мы переночевали здѣсь и на себѣ испытали ту разницу въ температурѣ, которая обусловливается высотою мѣста: 4° тепла показались намъ очень сильнымъ холодомъ. Къ этому присоединился еще поднявшійся ночью сильный вѣтеръ съ дождемъ, не обѣщавшій намъ ничего хорошаго на слѣдующій день. Несмотря на это, мы рѣшили довести до конца задуманный нами планъ, тѣмъ болѣе, что хозяинъ гостиницы, въ которой мы остановились, увѣрялъ насъ, что погода должна измѣниться къ лучшему. Поэтому рано утромъ мы усѣлись въ открытый экипажъ съ высокими колесами, который защищался только сверху и съ боковъ клеенкой, свободно пропускавшей внутрь вѣтеръ и приносимыя имъ дождевыя капли, и тронулись въ путь.

Цѣлью нашей поѣздки были Іеноланскія пещеры, находящіяся километрахъ въ 50 отъ Мунтъ-Викторіи. Несмотря на размякшую землю, мы довольно быстро подвигались на парѣ лошадей по хорошо построенной, отчасти вырубленной въ скалахъ горной дорогѣ. Уже вскорѣ по выѣздѣ изъ Мунтъ-Викторіи наше вниманіе было привлечено выходами новыхъ горныхъ породъ. Песчаникъ постепенно смѣнился известнякомъ, окрашеннымъ вслѣдствіе примѣси желѣза. Къ сожалѣнію, видъ на многочисленныя боковыя ущелья, открывавшіяся то справа, то слѣва, былъ испорченъ сильнымъ туманомъ, но мы надѣялись вознаградить себя на обратномъ пути.

Страна около Мунтъ-Викторіи частью культивирована и занята поселеніями. Преобладаетъ здѣсь овцеводство. Дальше тянется почти непрерывный лѣсъ и кустарникъ изъ эвкалиптовъ; здѣшніе эвкалипты отличаются отъ эвкалиптовъ болѣе низкихъ областей большей красотою.

Очень хороши ихъ великолѣпные стройные стволы съ вѣтвями, перевернутыми и скрученными какъ-то по-особенному; эти вѣтви производятъ впечатлѣніе, какъ будто онѣ были скручены искусственно. Стволы періодически сбрасываютъ свою кору, и эти свѣшивающіеся внизъ длинные куски коры тоже производятъ особое впечатлѣніе. Различіе и богатство видовъ эвкалипта сказывается между прочимъ и въ цвѣтѣ коры, который переходитъ отъ свѣтло-сѣраго черезъ желтый и зеленый до темно-краснаго. Листья также различаются по формѣ, окраскѣ и величинѣ и бываютъ всевозможныхъ оттѣнковъ между блѣднымъ сѣро-зеленымъ и яркимъ свѣтло-зеленымъ: по формѣ листъ видоизмѣняется постепенно отъ узкаго ланцетовиднаго до яйцевиднаго. И невольно при этихъ наблюденіяхъ приходила въ голову мысль, не находится ли въ опредѣленной связи съ этой своеобразной красивой окраской деревьевъ удивительное опереніе птичьяго міра, всѣхъ этихъ великолѣпныхъ голубыхъ, зеленыхъ и красныхъ попугаевъ и вьюрковъ, которыхъ мы видѣли перелетывающими цѣлыми стаями между деревьями и надъ дорогой, а именно, что вслѣдствіе непрестанной борьбы за существованіе ихъ опереніе все болѣе и болѣе приспособляется къ цвѣту окружающей обстановки. Такъ, напримѣръ, одного зелено-краснаго попугая, когда онъ сидѣлъ на деревѣ, почти нельзя было отличить отъ послѣдняго — естественная защита птицы противъ ея враговъ. Подобные примѣры достаточно извѣстны и для животныхъ другихъ континентовъ. Красивы были также птицы-флейты съ чернымъ и бѣлымъ опереніемъ, которыхъ мы встрѣчали въ здѣшнихъ лѣсахъ въ большомъ количествѣ и которыя издавали не лишенные мелодичности звуки. Наше вниманіе привлекъ также пересмѣшникъ. Онъ сидѣлъ на деревѣ близъ дороги и при приближеніи нашего экипажа издавалъ крики, вполнѣ оправдывавшіе его названіе. Сперва онъ началъ смѣяться потихоньку, потомъ все громче и громче и, наконецъ, разразился презрительнымъ хохотомъ, который на насъ, слышавшихъ его впервые, производилъ весьма непріятное впечатлѣніе. Другіе пересмѣшники отвѣчали ему, и лѣсъ на далекое пространство огласился взрывами хохота, къ которому, послѣ разъясненій нашего кучера, присоединились и мы сами.

Къ полудню мы добрались до первой станціи, Гальфъ-Вай-гузъ, гдѣ покормили лошадей и сами запаслись небольшимъ провіантомъ. Небо не прояснивалось, и когда мы послѣ короткаго отдыха двинулись дальше, дождь пошелъ еще сильнѣе. Къ тому же холодъ все усиливался, и однообразіе лѣса, вырубленнаго мѣстами, гдѣ человѣкъ успѣлъ уже проявить свою дѣятельность, утомляло взоръ. Насколько красивѣе этого эвкалиптоваго лѣса обыкновенный европейскій лѣсъ съ его буками, дубами, соснами и елями! Самая листва эвкалиптовъ отличается своей сравнительной скудостью. Поставленные, въ противоположность нашимъ

лиственнымъ деревьямъ, вертикально листья собраны въ видѣ далеко отстоящихъ другъ отъ друга пучковъ на концахъ вѣтвей и свѣшиваются внизъ, свободно пропуская свѣтъ; поэтому здѣшній лѣсъ гораздо прозрачнѣе и свѣтлѣе, чѣмъ нашъ, и въ немъ всюду растетъ трава, что имѣетъ большую важность для австралійскихъ землевладѣльцевъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ гораздо скучнѣе и лишенъ тѣни. Листья эвкалиптовъ не опадаютъ періодически—явленіе, которое, кажется, свойственно всему южному полушарію.

Дорога, по которой мы ѣхали, смѣло могла быть поставлена рядомъ съ любымъ европейскимъ шоссе. Конечно, надо было затратить очень много труда, чтобы провести подобную дорогу черезъ лѣсистыя горы и твердыя скалы, мимо глубокихъ ущелій; мы то переѣзжали черезъ рѣчки, то спускались въ долины и опять поднимались на горные кряжи. Наконецъ большими зигзагами дорога спустилась внизъ на 1.200 слишкомъ футовъ къ расположеннымъ въ узкой долинѣ Іеноланскимъ пещерамъ, передъ которыми тянется длинный известняковый кряжъ. Черезъ него проложенъ туннель, при выходѣ изъ котораго въ ущельѣ расположена среди лѣса и горъ уютная, чистенькая гостиница.

Отдохнувъ и пообѣдавъ, мы отправились въ пещеры, которыя по своимъ размѣрамъ и красотѣ принадлежатъ къ однѣмъ изъ самыхъ замѣчательныхъ во всемъ свѣтѣ. Число пещеръ очень велико и тѣ изъ нихъ, которыя уже изслѣдованы, имѣютъ свои особыя названія. Между прочимъ, въ одной изъ этихъ пещеръ были найдены многочисленные остатки кенгуру и другихъ животныхъ, заключенные въ оболочку изъ углекислой извести и потому очень хорошо сохранившіеся.

Подъ предводительствомъ опытнаго проводника, вооруженные свѣчами, мы вступили внутрь горы.

Есть нѣчто поражающее въ созерцаніи результатовъ дѣйствія ничтожныхъ капелекъ воды, образующихъ такія громадныя пустоты. Давно, милліоны лѣтъ тому назадъ здѣсь со дна моря поднялся коралловый рифъ, который теперь мощнымъ хребтомъ тянется отсюда до самой Мунтъ-Викторіи; потомъ рядомъ съ нимъ отложился песокъ, изъ котораго образовались теперешніе песчаники Голубыхъ горъ. Потомъ морское дно стало сушею, а маленькія капли воды, просачиваясь сверху, начали свою непрерывную, терпѣливую работу, выдолбили въ толщѣ кораллового рифа громадныя пещеры и образовали изъ того же матеріала такія причудливыя формы, которыя врядъ ли могла бы вообразить и самая пылкая фантазія.

Мы вошли въ первую пещеру и погасили свои свѣчи. Проводникъ нажалъ кнопку, и всюду, вблизи и вдали, засверкалъ свѣтъ электрическихъ лампочекъ. Было нѣчто совершенно особенное, волшебное въ этомъ свѣтѣ, падавшемъ и отражавшемся то сверху, то съ боковъ, то

откуда-то изъ глубины. Пещера, въ которой мы находились, носитъ название „Собора"; высота ея не менѣе 160 футовъ, съ потолка свѣшиваются сверкающие бѣлымъ цвѣтомъ сталактиты различной величины и удивительно изящной формы. Въ одномъ мѣстѣ сверху свѣшивается громадный сталактитъ, имѣющій форму колонны, къ которому снизу подходитъ такой же формы сталагмитъ, только болѣе низкій, такъ что все вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе колонны, переломленой посрединѣ.

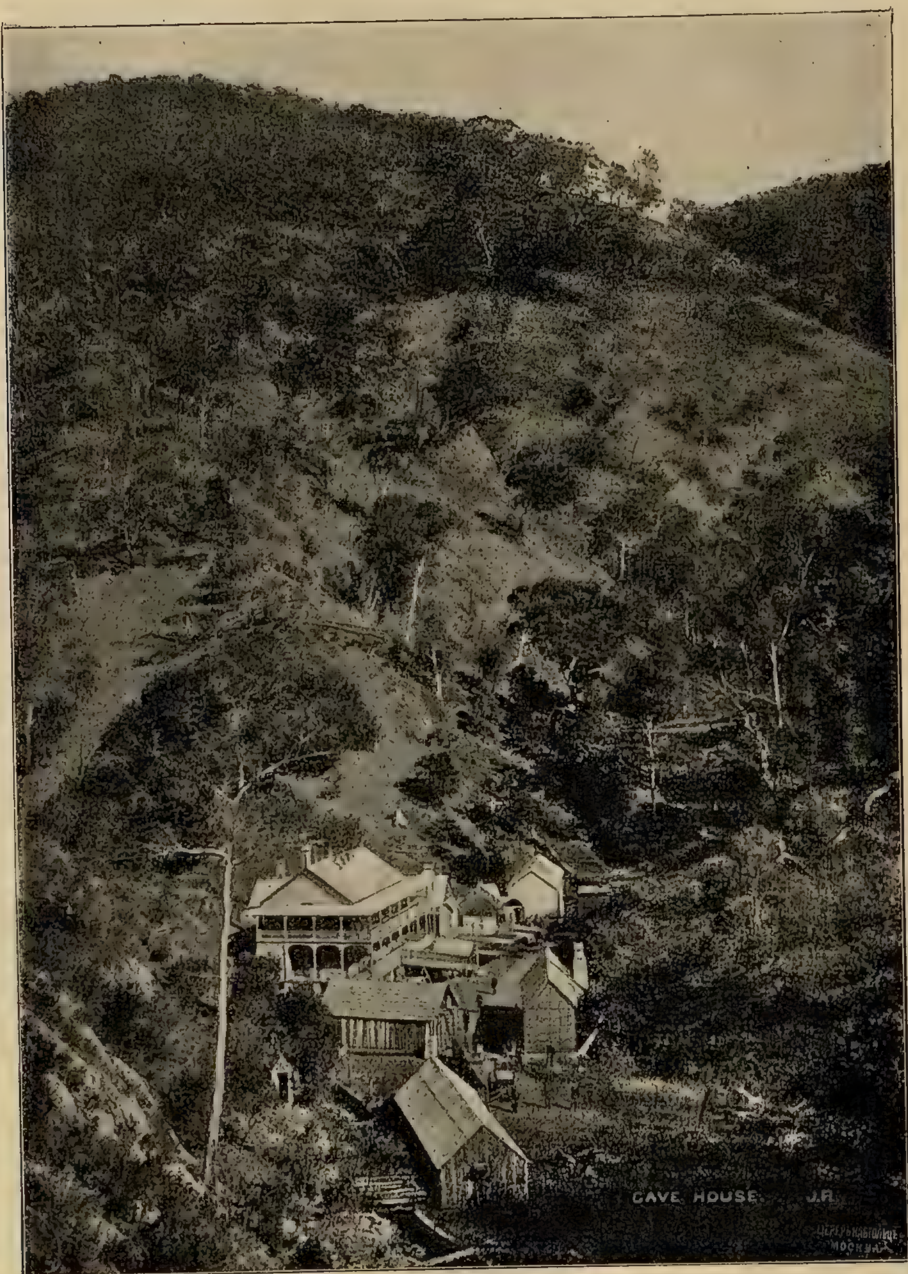
Въ числѣ пещеръ, которыя мы посѣтили, есть одна, имѣющая 600 футовъ длины и 280 футовъ ширины при высотѣ, колеблющейся отъ 1 до 100 футовъ. Сталактиты и сталагмиты изъ чистаго алебастра удивительно бѣлаго цвѣта производятъ при электрическомъ освѣщеніи поражающее впечатлѣніе. Но еще красивѣе великолѣпныя складки изъ сталактитовъ, которыя такъ нѣжны, тонки и такъ правильно расположены рядами, что до обмана глазъ напоминаютъ сложенныя занавѣси; рядъ такихъ складокъ живо напомнилъ намъ театральный занавѣсъ. Бѣлый цвѣтъ ихъ вслѣдствіе примѣси желѣза иногда переходитъ въ свѣтло-желтый и даже коричнево-красный, что только увеличиваетъ ихъ красоту.

Въ одной изъ боковыхъ пещеръ, куда мы пробрались ползкомъ, насъ ожидала новая неожиданность: нашъ проводникъ поднялся куда-то вверхъ, и вдругъ раздались звуки, напоминавшіе отдаленные аккорды органа. Эти звуки вызываются ударами палочки по ряду нѣжныхъ, чрезвычайно тонкихъ, насквозь прозрачныхъ сталактиковъ, которые по своей формѣ напоминаютъ органныя трубы.

Когда послѣ долгаго лазанья и ходьбы мы снова выбрались на свѣтъ Божій, былъ уже вечеръ, темный, сырой и мрачный. Мы позавидовали въ душѣ висѣвшимъ на потолкѣ ближайшей къ выходу пещеры летучимъ мышамъ, которыя здѣсь въ тиши и теплѣ вкушали свой зимній сонъ; наше же убѣжище на предстоящую ночь было особенно холодно, сыро и доступно вѣтру.

Въ концѣ-концовъ, однако, все проходитъ, прошла и эта холодная и сырая ночь. Дождь, лившій все время не переставая, сильно охладилъ атмосферу и къ утру перешелъ въ снѣгъ. Тѣмъ не менѣе мы рѣшились двинуться въ обратный путь, такъ какъ главную здѣшнюю достопримѣчательность—пещеры—мы уже осмотрѣли и сидѣть безъ дѣла въ гостиницѣ намъ вовсе не хотѣлось.

Мы выѣхали рано утромъ; не успѣли мы еще далеко отъѣхать, какъ на дорогѣ намъ попался дорожный сторожъ, вооруженный топоромъ, и сообщилъ, что дорога въ горахъ непроходима вслѣдствіе массы упавшихъ деревьевъ. Но такъ какъ нашъ кучеръ, несмотря на предупрежденіе, хотѣлъ ѣхать впередъ, то онъ вызвался сопровождать насъ, чтобы въ случаѣ надобности оказать помощь. Мы съ своей стороны не

Видъ въ Голубыхъ горахъ.

думали о какой-либо опасности, иначе, конечно, предпочли бы вернуться назадъ. Но когда мы уже отъѣхали нѣсколько километровъ, снѣгъ сталъ глубже, число деревьевъ, поваленныхъ бурей и лежавшихъ по сторонамъ дороги, все увеличивалось; впереди и сзади съ грохотомъ рушились большія деревья, не выдержавшія тяжести нападавшаго на нихъ снѣга, и положеніе наше стало серьезнымъ. Опасность увеличивалась еще тѣмъ, что на разстояніи нѣсколькихъ километровъ, гдѣ дорога шла по краю обрыва, мы должны были держаться ближе къ одной сторонѣ и такимъ образомъ еще болѣе рисковали быть раздавленными падающими деревьями. Вернуться назадъ мы уже не могли, такъ какъ дорога была заграждена упавшими деревьями; прокладывать путь впередъ приходилось иногда съ помощью топора. Кругомъ въ лѣсу стоялъ трескъ, какъ будто деревья выдерживали пушечную канонаду.

Снѣгъ на дорогѣ становился все выше и выше, и нашъ экипажъ медленно шагъ за шагомъ подвигался впередъ. Мы невольно удивлялись терпѣнію и выносливости нашего кучера и провожатаго, которые, стоя по поясъ въ снѣгу, то стаскивали съ дороги упавшіе стволы деревьевъ, то помогали лошадямъ сдвинуть экипажъ съ мѣста. Мы уже давно оставили всякую мысль о томъ, чтобы доѣхать сегодня до Мунтъ-Викторіи, и даже надежда добраться до ближайшей гостиницы, Гальфъ-Вай-гузъ, исчезала все болѣе и болѣе. Лошади совсѣмъ выбились изъ силъ и едва были въ состояніи тащить экипажъ. Тѣмъ не менѣе во что бы то ни стало надо было добраться до какого-нибудь убѣжища: снѣжная буря все усиливалась, и ночевать при этихъ обстоятельствахъ въ лѣсу значило обрекать себя на вѣрную смерть.

Мы рѣшились поэтому, собравъ послѣднія силы, достичь хотя бы маленькой хижины, находившейся на полдорогѣ между Іеноланскими пещерами и Гальфъ-Вай-гузомъ. Мы выпрягли лошадей, бросили экипажъ и, промокнувъ насквозь отъ снѣга и дрожа отъ холода, не имѣя ничего съѣстного, добрались кое-какъ до этой хижины, довольные уже тѣмъ, что нашли хоть какое-нибудь убѣжище отъ непогоды. О какихъ-либо удобствахъ нечего было и думать. Во всѣхъ моихъ многочисленныхъ путешествіяхъ я не видалъ ничего болѣе первобытнаго и бѣднаго, чѣмъ это жилище ирландца, бывшаго дорожнымъ сторожемъ.

„Лучше такой пріютъ, чѣмъ смерть въ лѣсу“, сказалъ нашъ кучеръ, и мы отъ всей души согласились съ нимъ.

Я посмотрѣлъ на часы; $5^1/_2$ часовъ провели мы въ борьбѣ съ непогодой и теперь было уже два часа пополудни. Вѣтеръ дулъ въ отверстіе, изъ котораго было выбито стекло, но мы по крайней мѣрѣ могли обсушиться и обогрѣться около огня. Что было особенно непріятно — это невыразимая грязь и вонь, господствовавшія въ хижинѣ, общій видъ которой наглядно свидѣтельствовалъ о крайней нищетѣ ея хозя-

нна. Тѣмъ не менѣе послѣдній въ своихъ лохмотьяхъ имѣлъ видъ человѣка, вполнѣ довольнаго своей судьбой; онъ дружески выступилъ намъ навстрѣчу и вообще произвелъ пріятное впечатлѣніе. Когда наступилъ вечеръ, онъ пригласилъ насъ раздѣлить съ нимъ его ужинъ, но мы съ благодарностью отказались и предпочли голодать.

Во всей хижинѣ не было другой мебели, кромѣ единственнаго стула и разорваннаго, донельзя грязнаго, расшатаннаго дивана. Оригинальна была также вонючая, немилосердно коптившая лампа, устроенная самимъ ирландцемъ. Она состояла изъ бутылки, въ которой прежде были пикули, а теперь было налито масло; въ маслѣ плавала свѣтильня, верхній конецъ которой былъ продернутъ черезъ пробку; эта послѣдняя въ свою очередь была вставлена въ трубку, сдѣланную изъ оловянной чайной кружки. Я уже упоминалъ о запахѣ, господствовавшемъ въ хижинѣ; если прибавить къ этому копоть лампы, дымъ и чадъ огня, забиваемые вѣтромъ назадъ изъ камина, испаренія, поднимавшіяся отъ высыхающаго платья, то станетъ совершенно понятнымъ, что мы были рады разбитому окну, чрезъ которое по крайней мѣрѣ могъ проникать свѣжій, холодный воздухъ.

Кто-то вышелъ изъ хижины посмотрѣть, не перемѣнилась ли погода и нельзя ли отправиться въ путь, но сейчасъ же вернулся назадъ и сообщилъ, что снѣгъ доходитъ ему уже до головы; не оставалось нечего другого, какъ или переждать непогоду въ хижинѣ, или дождаться помощи, которая могла быть намъ выслана, такъ какъ и въ лежавшей по дорогѣ гостиницѣ и въ Мунтъ-Викторіи знали, что мы должны были сегодня туда вернуться.

Между тѣмъ наступила ночь. Снѣжная буря смѣнилась проливнымъ дождемъ, но это было для насъ большимъ счастьемъ, такъ какъ снѣгъ осѣдалъ отъ дождя, и для насъ явилась возможность выбраться отсюда на слѣдующее утро. Сонъ не шелъ на наши уставшіе, воспаленные глаза, къ тому же въ три часа утра огонь, поддерживаемый съ большимъ стараньемъ, потухъ, и холодъ дѣлался все ощутительнѣе, тѣмъ болѣе, что мы почти сутки ничего не ѣли. Наши спутники и хозяинъ спали неподалеку, завернувшись во всѣ лохмотья, какія тутъ нашлись. Цѣлый часъ дрожали мы отъ холода и пронизывавшей насъ сырости, не рѣшаясь нарушить ихъ сонъ, наконецъ, не выдержали и хотя съ усиліями, но добудились ихъ. Хозяинъ всталъ, захватилъ свой топоръ и, несмотря на дождь, лившій потоками, и свирѣпствовавшую бурю, отправился за дровами, которыя вскорѣ и принесъ. Требовалось много искусства и настойчивости, чтобы заставить разгорѣться мокрое дерево, однако и это препятствіе было побѣждено, и мы понемногу отогрѣлись около огня.

Съ радостнымъ вздохомъ облегченія привѣтствовали мы, наконецъ,

наступившее утро. Дождь все еще лилъ, какъ изъ ведра, но наши ожиданія сбылись: снѣгъ осѣлъ болѣе, чѣмъ на футъ, и мы могли разсчитывать добраться на нашихъ усталыхъ, голодныхъ лошадяхъ до Гальфъ-Вай-гуза, гдѣ мы могли подкрѣпиться сами и перемѣнить лошадей. Нашъ ирландецъ, вооруженный топоромъ, также отправился съ нами.

На какое опустошеніе произвела буря! Не было, кажется, ни одного дерева, которое не носило бы на себѣ слѣдовъ, оставленныхъ разбушевавшимися стихіями. По дорогѣ всюду валялись упавшіе стволы, оторванныя и сломанныя вѣтви. Но здѣсь дорога была уже шире и пробираться между упавшими деревьями было легче, хотя отъ времени до времени и приходилось прибѣгать къ помощи ирландца и его топора.

Медленно брели наши усталыя лошади, зато австралійскій лѣсъ какъ будто хотѣлъ хоть немного вознаградить насъ за понесенныя тяжелыя испытанія и раскрывалъ передъ нами любопытныя картины своей животной жизни: кенгуру различнаго вида и величины прыгали черезъ дорогу и массы пестро окрашенныхъ птицъ летали и вертѣлись кругомъ насъ. Чрезвычайное количество выпавшаго снѣга и трудность отыскивать себѣ кормъ сдѣлали ихъ болѣе смѣлыми.

Къ полудню мы достигли, наконецъ, нашей ближайшей цѣли—гостиницы Гальфъ-Вай-гуза, а къ вечеру были уже въ Мунтъ-Викторіи.

Охота на кенгуру.

(Ленденфельда.)

Многіе, конечно, видали въ звѣринцѣ исполинскаго кенгуру (Macropus giganteus), такъ что мнѣ нѣтъ необходимости описывать предварительно его наружность, ростъ и масть. Однако это животное въ неволѣ — не болѣе, какъ каррикатура кенгуру на его родинѣ, въ дѣвственномъ лѣсу Австраліи. Чтобы познакомить читателя съ настоящимъ кенгуру въ естественной обстановкѣ, я приглашу его сопутствовать мнѣ на так. наз. Könguruh-drives. Könguruh-drives—это погони по котловинамъ, въ которыхъ принимаетъ участіе все мужское населеніе даннаго округа, убивая по 40—200 кенгуру за разъ. Правительство Новаго Южнаго Валлиса назначило охотникамъ вознагражденіе около 2 рублей за голову кенгуру, такъ что удачное преслѣдованіе этихъ животныхъ доставляетъ, помимо удовольствія, извѣстныя матеріальныя выгоды, тѣмъ болѣе что и шкуры ихъ цѣнятся довольно дорого. Кенгуру, особенно большіе, поѣдаютъ очень много травы, которая могла бы пригодиться для овецъ. Въ сухіе, неурожайные годы, когда для поддержанія многочисленныхъ овечьихъ стадъ дорогъ каждый стебелекъ, это становится особенно замѣтнымъ. Въ густо населенныхъ округахъ австралійскихъ колоній послѣ

подобныхъ хищническихъ охотъ за исполинскимъ кенгуру роскошное животное совершенно исчезло. Но далѣе въ глубь страны, гдѣ расположились лишь отдѣльные поселки, оно встрѣчается еще часто. Кенгуру любитъ равнины и холмистыя мѣстности, въ австралійскіе же Альпы оно никогда не заходитъ.

Охота на кенгуру бываетъ наиболѣе успѣшна на плоскихъ, слегка волнистыхъ, но безусловно открытыхъ участкахъ сѣверо-западной части Новаго Южнаго Валлиса, гдѣ только кое гдѣ въ окрестностяхъ водоемовъ небольшія чащи могутъ служить убѣжищемъ для кенгуру.

Въ одно прекрасное весеннее утро на маленькой лужайкѣ такого лѣса потягивались, пробуждаясь отъ сна, четверо мужчинъ: три мѣстныхъ жителя и я. Мухи, этотъ бичъ дѣвственнаго лѣса, уже проснулись и лѣниво жужжатъ вокругъ насъ. Пересмѣшникъ будитъ пронзительными криками сонныхъ обитателей лѣса и призываетъ ихъ къ дневному труду. Мы тоже готовимъ себѣ завтракъ, кормимъ собакъ и ловимъ лошадей. Намъ предстоитъ далекій путь. Снаряжается большая охота на кенгуру. Въ ней принимаетъ участіе все мужское населеніе округа. На долю мою и моихъ спутниковъ выпала задача занять одинъ изъ крайнихъ пунктовъ въ глуби лѣса и гнать оттуда животныхъ къ центру охоты,— плоской, голой долинѣ, въ серединѣ которой раскинулось окаймленное низкимъ кустарникомъ озеро. Намъ предстояла, такимъ образомъ, дорога почти въ 20 километровъ да, кромѣ того, мы должны были разъѣзжать по сторонамъ, чтобы спугнуть возможно большее количество кенгуру. Раскинувшись далекимъ полукругомъ, объѣзжали мы мѣсто охоты и вчера прибыли сюда. Здѣсь мы провели ночь подъ открытымъ небомъ. Было условлено, чтобы партіи, выступивъ изъ 22 различныхъ пунктовъ окружности круга 35 километровъ въ поперечникѣ, прибыли одновременно въ 4 часа дня къ упомянутой долинѣ. Утромъ, полчаса шестого, мы тронулись въ путь. Одинъ изъ моихъ спутниковъ направился вправо по горному хребту, другой— влѣво; третій и я — ѣхали по низменности, тянувшейся къ мѣсту свиданія. Намъ встрѣтилось здѣсь нѣсколько водоемовъ. Большинство уже высохло, но въ нѣкоторыхъ оставалась еще вода, теплая, мутная, даже протухшая, но все же очень освѣжавшая и коней и всадниковъ. Мы ѣхали медленно. Лѣсъ рѣдокъ, погуще въ окрестностяхъ водоемовъ. Почва между стволами камедныхъ деревьевъ преимущественно голая, лишенная растительности, особенно на склонахъ холмовъ. Въ низинахъ тамъ и сямъ встрѣчаются кусты и высокая трава.

Наши три собаки—помѣсь ищеекъ и борзыхъ—забѣжавъ далеко впередъ, рыскаютъ по чащамъ. Время отъ времени мы издаемъ австралійскій лѣсной крикъ „кууи“, отчасти чтобы вспугнуть дичь, отчасти чтобы дать знать о себѣ нашимъ товарищамъ, если они находятся случайно

на разстояніи человѣческаго голоса. Мы ѣхали, такимъ образомъ, часа два. Вдругъ на одной возвышенности вправо отъ насъ мы замѣтили стадо кенгуру. Животныя стояли какъ люди, выпрямившись на заднихъ ногахъ. Они часто нагибали голову къ землѣ, опирались на колѣни тонкихъ переднихъ ногъ и тотчасъ же поднимали голову, набравъ полный ротъ травы и мирно ее пережевывая. Увидавъ кенгуру, мой спутникъ издалъ громкій крикъ, поразительно похожій на крикъ бѣлаго какаду. Собаки были пріучены являться на этотъ крикъ, какъ на свистокъ. Онѣ тотчасъ же прибѣжали и остановились около насъ. Кенгуру не обратили никакого вниманія на крикъ. Они продолжали пастись. Мой спутникъ поѣхалъ назадъ, намѣреваясь обойти кенгуру и гнать ихъ впередъ. Собаки послѣдовали за нимъ. Я остался одинъ и наблюдалъ животныхъ въ свой полевой бинокль. Они, казалось, не подозрѣвали о нашей близости: забавлялись себѣ, чесали другъ другу спины и время отъ времени захватывали въ ротъ травы. Вдругъ раздался сзади насъ ужасный вой, въ которомъ я тотчасъ же узналъ лай дикихъ собакъ или динго. Былъ день, а динго воютъ только ночью. Услыхавъ вой, кенгуру моментально насторожились и, поднявъ головы, стали прислушиваться и приглядываться по сторонамъ. Вой повторился, и вся компанія тучей снялась съ мѣста и могучими прыжками скрылась въ лѣсу. Нѣсколько минутъ спустя мой спутникъ снова присоединился ко мнѣ; оказалось, это онъ изображалъ дикихъ собакъ и спугнулъ кенгуру, не давъ замѣтить послѣднимъ близости людей. По дорогѣ мы встрѣчали еще нѣсколько разъ отдѣльныхъ кенгуру и малочисленныя стада ихъ, которыя мы безъ особаго труда гнали впередъ.

Къ обѣду доѣхали мы до озера, отъ котораго оставалось 6—7 километровъ до сборнаго пункта, и рѣшили отдохнуть здѣсь часа полтора. Разсѣдлавъ лошадей, мы стали готовить чай и закусывать. Въ это время снова къ намъ подъѣхалъ одинъ изъ нашихъ товарищей, слѣдовавшихъ вправо и влѣво отъ насъ. Онъ также встрѣчалъ кенгуру, и мы разсчитывали на счастливую охоту. Лежа въ тѣни и предаваясь благородной лѣни, мы замѣтили вдругъ нѣсколькихъ кенгуру, которые приближались къ намъ съ мѣста охоты. Они быстро неслись впередъ, убѣгая, повидимому, отъ другой партіи. Мы вскочили и съ крикомъ замахали шляпами. Напрасно. Это были, очевидно, старыя животныя, уже знакомыя съ такой хитростью. Не смущаясь нашими жестами, продолжали они свой бѣгъ прямо мимо насъ. Они приближались сильными скачками, производя въ воздухѣ своими неуклюжими тѣлами ясно слышный свистъ. Тяжелый хвостъ животнаго, которымъ оно, прыгая, сильно ударяетъ въ ту или другую сторону, служитъ ему рулемъ для направленія въ воздухѣ. Кенгуру можетъ, такимъ образомъ, не только прыгать на данное именно мѣсто, но и лавировать между деревьями и другими препятстві-

ями, не наталкиваясь на послѣднія. Хвостъ дѣйствуетъ при этомъ не столько какъ руль, вызывая сопротивленіе воздуха, сколько обратными толчками, которые онъ, благодаря своей тяжести, сообщаетъ туловищу при внезапномъ движеніи.

Одинъ изъ моихъ спутниковъ прицѣлился. Раздался выстрѣлъ, и передній кенгуру, очевидно, старый самецъ и вожакъ стада, упалъ. Одновременно открыли скорострѣльный огонь по бѣглецамъ, не измѣнившимъ однако своего направленія, и остальные мои спутники. Я также послалъ вдогонку двѣ своихъ пули. Собаки тотчасъ же погнались за ранеными. Одинъ изъ насъ послѣдовалъ за собаками, чтобы снять скальпъ съ мертвыхъ животныхъ, и вернулся немного спустя съ 5-ю скальпами. Скальпъ и уши нужно представить правительству для полученія награды. Содрать же шкуры съ кенгуру мы не могли за недостаткомъ времени, и трудно было надѣяться получить эту возможность, вернувшись раньше, чѣмъ успѣютъ растерзать ихъ туши дикія собаки.

Полчаса второго мы снова пустились въ путь. По временамъ слышались вдали отдѣльные выстрѣлы и скорострѣльный огонь. Число кенгуру, убѣжавшихъ съ мѣста охоты и пытавшихся проникнуть сквозь нашу цѣпь, увеличивалось. Нѣкоторыхъ мы могли прогнать назадъ, но большинство, казалось, было уже знакомо съ такой охотой и предпочитало настоящія опасности тѣмъ, которыя ожидали ихъ позднѣе въ котловинѣ. Мы стрѣляли все чаще и добыли въ общемъ 17 скальповъ, оказавшись, такимъ образомъ, счастливѣе другихъ партій; своей удачей мы были обязаны тому, что большинство пытавшихся пробиться пораньше кенгуру направлялись въ сторону лѣса, по той самой низменности, по которой приближались мы.

Около трехъ часовъ пополудни передъ нами показалась чаща,—центральный пунктъ района охоты. Въ то же время мы столкнулись съ партіей, подвигавшейся влѣво отъ насъ. Теперь насъ было шестеро. Раскинувшись цѣпью съ промежутками шаговъ въ триста, мы продолжали нашъ путь. Пальба по сторонамъ все усиливалась. Я не могъ стрѣлять верхомъ и, отдавъ лошадь одному изъ своихъ спутниковъ, пошелъ дальше пѣшкомъ. Да и изъ среды другихъ охотниковъ кое-кто тоже шли пѣшкомъ. Но многіе остались на лошадяхъ и стрѣляли сидя въ сѣдлахъ. Кенгуру бѣжали теперь мимо насъ, разсѣявшись, поодиночкѣ. Они неслись по лѣсной чащѣ съ такой быстротой, что стрѣлять было очень трудно, тѣмъ болѣе что приходилось остерегаться, какъ бы не попасть въ спутниковъ. Мы такъ приноровили свой ходъ, что ровно въ 4 часа достигли опушки лѣса, тянувшейся напротивъ центра охоты. Теперь мы могли видѣть далеко передъ собой. Впереди раскинулась овальная, лишенная растительности котловина приблизительно въ километръ шириной. Въ самой глубинѣ ея виднѣлась окружавшая

небольшое озеро чаща. Отовсюду изъ прилегавшихъ лѣсныхъ опушекъ вылетали маленькіе клубы дыма. Выстрѣлы гремѣли безостановочно. На свободномъ пространствѣ металось множество кенгуру, большей частью— поодиночкѣ. Между ними валялись убитые. Раненые бѣжали внутрь чащи. Когда мы вышли на опушку, нѣкоторые кенгуру пытались еще пробиться у насъ, но ни одному это не удалось. Теперь мы могли стрѣлять свободно и встрѣчали каждое приближавшееся къ цѣпи животное градомъ пуль. Въ общемъ возбужденіи всѣ стрѣляли безъ разбору. Пули свистали кругомъ и шлепались о деревья. Трата патроновъ была необыкновенная. Собакъ, конечно, внутрь круга не пускали.

Здѣсь мы прождали еще съ полчаса, пока всѣ партіи не достигли назначенныхъ мѣстъ. Руководитель охоты объѣзжалъ цѣпь, перемѣщая кое-гдѣ людей, чтобы заполнить промежутки между стрѣлками. Раздался сигналъ изъ рога. Многіе подхватили его, и весь отрядъ двинулся къ чащѣ. Порядокъ сохранялся образцовый. Между отдѣльными стрѣлками былъ промежутокъ въ 60 метровъ, но онъ уменьшался съ каждымъ шагомъ. Встрѣчавшихся намъ по дорогѣ раненыхъ животныхъ мы добивали. Когда разстояніе между цѣпью и опушкой сократилось до 200 метровъ, а охотники были въ 20—30 метрахъ другъ отъ друга, мы остановились. Всѣ спѣшились. Собакъ пустили въ чащу. Долго сдерживаемому усердію ихъ дана была, наконецъ, свобода. Сотня слишкомъ собакъ съ невѣроятной яростью устремилась въ лѣсъ. Громкій лай и трескъ ломаемыхъ спасающимися кенгуру сучьевъ заглушали крики охотниковъ. Но только нѣсколько мгновеній могли мы прислушиваться къ этимъ звукамъ. Тотчасъ же съ обѣихъ сторонъ высыпали бѣглецы. Они высматривали въ цѣпи лазейки и, не найдя ихъ, снова исчезали въ чащѣ. Никто не стрѣлялъ. Но такъ продолжалось недолго. Ревностно преслѣдуемые собаками кенгуру вынуждены были оставить свое убѣжище. Съ бѣшеной быстротой устремились они прямо на цѣпь. Теперь выстрѣлы раздались со всѣхъ сторонъ и въ цѣпи открылся скоро сплошной огонь. Нѣкоторымъ кенгуру удалось однако пробиться. Большинство осталось на мѣстѣ. Я самъ разстрѣлялъ въ теченіе пяти минутъ пуль шестнадцать. Вскорѣ пальба стала стихать. Половина охотниковъ направилась въ чащу, чтобы прикончить раненыхъ и вытащить убитыхъ. Еще нѣсколько животныхъ приблизилось къ намъ на выстрѣлъ, но настоящая охота уже кончилась.

На широкой равнинѣ, гдѣ разыгрался финалъ этой интересной охоты, зажженъ рядъ бивачныхъ костровъ. Вокругъ нихъ сидятъ группы бородатыхъ охотниковъ. Въ большихъ котлахъ кипитъ супъ изъ хвостовъ кенгуру. Часто осушаются стаканы съ горячей водой и виски. Веселыя пѣсни раздаются въ ночной тиши. А изъ дали доносится вой дикихъ собакъ, собравшихся къ трупамъ убитыхъ... Мало-по-малу во-

царяется тишина. Охотники одинъ за другимъ протягиваются на землѣ, и ясное, звѣздное небо служитъ усталымъ людямъ и одѣяломъ, и пологомъ...

На другое утро продолжались поиски убитыхъ животныхъ, а я вернулся домой. Мнѣ говорили, что было собрано въ общемъ 167 скальповъ, такъ что на каждаго изъ 56 охотниковъ пришлось по 3 кенгуру. Многіе не принимали участія въ полученіи награды, и на долю остальныхъ выпала, такимъ образомъ, изрядная сумма, кромѣ выручки за шкуры, которыя они успѣли своевременно содрать.

Вдоль береговъ Сѣверной Австраліи.

(Земона.)

Путь отъ Рокгамптона до сѣверной оконечности Австраліи совершается не по открытому океану, но по проливу между берегомъ материка и большимъ барьернымъ рифомъ. Плаванье по этому проливу особенно интересно и пріятно. Въ каналѣ море постоянно спокойно, и пароходъ безъ качки скользитъ по гладкой поверхности водъ. По большей части плывешь въ виду скалистыхъ береговъ; въ болѣе узкихъ частяхъ видна также узкая полоса знаменитаго рифа, къ которому подходишь иногда такъ близко, что можно ясно различать даже нѣкоторыя подробности его строенія. Прежде плаваніе по рифовому каналу считалось особенно опаснымъ, такъ какъ перѣдко подводная скала или рифъ пробивали брешь въ остовѣ корабля. Теперь фарватеръ хорошо извѣстенъ, по крайней мѣрѣ, существуетъ много лоцмановъ, которые ведутъ корабль по каналу, давая возможность капитану отдохнуть во время восьмидневнаго плаванія. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя мѣста и теперь внушаютъ опасеніе, такъ что ихъ неохотно проходятъ ночью, а предпочитаютъ на якорѣ дожидаться разсвѣта.

Большой австралійскій барьерный рифъ сопровождаетъ сѣверо-восточное побережье Австраліи почти на протяженіи 2.000 км. и не имѣетъ себѣ подобнаго нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ. Онъ точно повторяетъ очертанія береговой линіи въ нѣсколько сглаженной формѣ. За начало его принимаютъ Сфейнъ-рифъ. Этотъ послѣдній не имѣетъ еще характера настоящаго барьернаго рифа и удаленъ приблизительно на 160 км. отъ берега; но вскорѣ затѣмъ каналъ суживается и далѣе къ сѣверу имѣетъ во многихъ мѣстахъ ширину отъ 8—25 км. Во многихъ мѣстахъ встрѣчаются прорывы въ рифѣ, при помощи которыхъ осуществляется сообщеніе между каналомъ и открытымъ океаномъ; нѣкоторые изъ этихъ прорывовъ очень узки, другіе достигаютъ до 15 км. ширины.

Такіе широкіе прорывы находятся всегда противъ устьевъ рѣкъ, такъ какъ прѣсная вода препятствуетъ росту коралловъ. Самый большой прорывъ лежитъ противъ устья многоводной рѣки Бурдскинъ. На югѣ рифъ начинается цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ рифовъ, которые всѣ лежатъ на огромной мели, склоняющейся къ востоку. Къ ней примыкаетъ далѣе на сѣверѣ уже настоящій рифъ, ширина котораго колеблется между 300 метр. и нѣсколькими морскими милями. Между главнымъ барьернымъ рифомъ и берегомъ материка разбросано еще значительное количество рифовъ, по большей части по-одиночкѣ; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они скучиваются настолько, что остается лишь совсѣмъ узкій фарватеръ.

Въ общемъ глубина канала довольно значительна; на сѣверѣ она составляетъ въ среднемъ отъ 20 до 40 метровъ, на югѣ отъ 70—90, въ отдѣльныхъ мѣстахъ даже 110 метровъ. Внѣшній край рифа круто опускается къ открытому морю. Непосредственно за полосою прибоя глубина достигаетъ отъ 45—145 м., а дальше морское дно опускается до глубины 700 метровъ и больше. Только въ самой сѣверной и южной части склонъ болѣе пологій. Передъ барьернымъ рифомъ разбросаны тамъ и сямъ отдѣльные коралловые островки, имѣющіе большею частію форму столовъ и круто подымающіеся изъ большихъ глубинъ.

Во время отлива рифъ вздымается какъ широкая темная полоса на нѣсколько футовъ надъ водой. На ровной, лишенной растительности поверхности его нагромождены глыбы чернаго коралловаго полипняка. Считаютъ, что поверхность рифа съ островами, выступающими изъ-подъ воды, составляетъ 4.000 квадратныхъ миль, и это огромное пространство, за исключеніемъ отдѣльныхъ, покрытыхъ мхомъ островковъ, безплодно и необитаемо. Тѣмъ не менѣе оно даетъ человѣку извѣстную жатву, представляющую довольно значительную цѣнность. Среди милліоновъ морскихъ животныхъ, обитающихъ на покрытыхъ во время прилива водою частяхъ рифа, въ особенномъ изобиліи водятся голотуріи; нѣкоторые изъ видовъ этихъ животныхъ съѣдобны и подъ названіемъ „трепангъ“ высоко цѣнятся въ Китаѣ. Большой коралловый рифъ представляетъ изъ себя одну изъ наиболѣе богатыхъ трепанговыхъ областей, привлекающихъ къ себѣ отовсюду промышленниковъ для ловли.

Ловля трепанга производится очень просто. Хозяинъ лодки, бѣлый, китаецъ или малаецъ, нанимаетъ обыкновенно для ловли австралійцевъ, которые являются болѣе дешевыми работниками, чѣмъ полинезійцы или филиппинцы. Онъ собираетъ при помощи своихъ людей трепангъ съ рифа и тутъ же приготовляетъ его. Приготовленіе состоитъ въ томъ, что голотуріи вывариваются въ водѣ, затѣмъ высушиваются и коптятся. Употребляется только лишенная известковыхъ отложеній часть кожи животнаго, а остальная кожа и внутренности выбрасываются. Въ Китаѣ тре-

пангъ цѣнится какъ лѣкарственное средство, но и независимо отъ этого сваренный изъ него супъ представляетъ довольно деликатное блюдо.

Сборъ трепанга продолжается, пока судно не будетъ нагружено и не истощится запасъ продовольствія. Голотуріи собираютъ во время отлива въ мелкой водѣ прямо руками; въ болѣе глубокихъ мѣстахъ ихъ промышляютъ при помощи гарпуна или ныряютъ, чтобы достать ихъ со дна.

Между Маккау и Бовонъ-олемъ, двумя городками съ совершенно тропическимъ обликомъ, которые однако, несмотря на обширныя сахарныя плантаціи и богатыя залежи золота, серебра, мѣди и олова въ окрестностяхъ, не достигли еще значительнаго процвѣтанія, плаваніе по каналу даетъ возможность любоваться красивыми ландшафтами. Каналъ здѣсь еще довольно широкъ, но цѣлая масса рифовъ и островковъ, разсѣянныхъ въ немъ, почти совершенно его запираютъ. Пароходъ съ трудомъ пробирается среди лабиринта лѣсистыхъ островковъ, круто вздымающихся надъ поверхностью моря, между ними и гористымъ живописнымъ берегомъ материка. Пока пароходъ пробирается по узкому проливу, передъ глазами всплываетъ изъ моря одинъ за другимъ одѣтый тропическою растительностью островъ, иногда такъ близко, что можно разсмотрѣть не только мягкія очертанія высотъ, но даже каждое дерево, каждое растеніе. Это какъ бы плаваніе по волшебному саду, гдѣ при каждомъ поворотѣ парохода, какъ по мановенію волшебнаго жезла, появляются картины одна красивѣе другой.

Тоунсвиль будущая столица, а въ настоящее время самая важная гавань сѣвернаго Квинслэнда, лежитъ на берегу обширной мелкой бухты противъ гранитнаго острова. Ея гавань довольно неудобна. Прибрежныя горы, сопровождавшія насъ во время всего путешествія, подходятъ здѣсь снова къ берегу, и городъ лежитъ у самой подошвы круто падающаго къ морю горнаго хребта, голые склоны котораго имѣютъ красновато-бурую окраску.

Характеръ всѣхъ этихъ молодыхъ городовъ на побережьѣ Квинслэнда, независимо отъ ихъ положенія, довольно однообразный: нѣсколько богаче построенныя общественныя зданія и большія лавки въ болѣе значительныхъ изъ нихъ, нѣсколько болѣе тропическій характеръ въ лежащихъ далѣе къ сѣверу—въ этомъ вся разница. Въ Австраліи выработалась особенная схема, по которой происходитъ постройка новыхъ поселеній: строятъ почтамтъ, зданіе, въ которомъ помѣщаются правительственныя учрежденія, школу и банкъ болѣе или менѣе богато, смотря по величинѣ города, но по одному и тому же уже испробованному плану. До сихъ поръ нѣтъ ни времени, ни желанія обращать вниманіе на оригинальность или стиль построекъ. Тѣмъ не менѣе Тоунсвиль съ своею большой улицей производилъ бы пріятное впечатлѣніе, если бы

не былъ такимъ пыльнымъ городомъ. Онъ не только является гаванью для вывоза продуктовъ скотоводства, шерсти и мяса громаднаго района, простирающагося далеко на западъ до рѣки Діамантины, но поблизости отъ него находятся также золотыя розсыпи, принадлежащія къ числу наиболѣе богатыхъ во всей Австраліи. Въ 130 километрахъ отъ Тоунсвиля лежитъ наиболѣе важный золотоносный районъ Квинслэнда. Изъ Тоунсвиля туда и далѣе на западъ проложена желѣзная дорога. Повсюду здѣсь въ метаморфическихъ породахъ находятъ золото и другіе драгоцѣнные металлы, и этотъ золотоносный районъ простирается отсюда въ глубь полуострова Іорка.

Къ сѣверу отъ Тоунсвиля, на сѣверо-восточномъ побережьѣ нѣтъ значительныхъ городовъ, а находятся только молодыя, возникающія поселенія, служащія мѣстомъ вывоза для продуктовъ еще мало изслѣдованной, но подающей большія надежды страны. Кромѣ металловъ вывозятъ здѣсь преимущественно сахаръ, и чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ чаще встрѣчаются сахарныя плантаціи по нижнему теченію рѣкъ; если нѣтъ другихъ грузовъ, то пароходы забиваютъ цѣлыя груды банановъ, ананасовъ, мангъ, папаи; и такимъ образомъ Сидней, который съ сѣвера получаетъ тропическіе плоды, а изъ Тасманіи и Новой Зеландіи яблоки, груши, сливы, вишни, тогда какъ Новый Южный Валлисъ и южный Квинслэндъ даютъ виноградъ, землянику, персики, лимоны, дыни, — является богатѣйшимъ рынкомъ плодовъ, гдѣ продукты тропиковъ встрѣчаются съ продуктами умѣренной зимы.

Отъ Тоунсвиля далѣе на сѣверъ пароходъ идетъ вдоль гористаго, покрытаго лѣсомъ побережья материка. Эта мѣстность почти совсѣмъ не населена, и дикій туземецъ свободно бродитъ здѣсь и только рѣдко приходитъ въ сообщеніе съ бѣлымъ человѣкомъ, одно присутствіе котораго для него, повидимому, пагубно.

Здѣсь на сѣверѣ мнѣ пришлось прожить нѣсколько недѣль и въ это время я имѣлъ возможность познакомиться съ тропическою частью Квинслэнда и изучить его фауну.

Сахарный тростникъ, рисъ и табакъ родятся здѣсь превосходно, а въ 1873 году неподалеку отсюда на рѣкѣ Пальмеръ были найдены богатыя золотыя розсыпи. Не только изъ Австраліи, но и изъ Европы и въ особенности изъ Китая устремились золотоискатели на рѣку Пальмеръ; въ это время число ихъ достигло 40.000. Но вскорѣ запасъ золота истощился, добыча дѣлалась съ каждымъ годомъ все меньше и меньше, и населеніе такъ же быстро разсѣялось, какъ появилось.

Золотая горячка привлекла именно сюда больше китайцевъ, чѣмъ сколько ихъ живетъ въ южной части Квинслэнда и въ другихъ колоніяхъ. Между ними есть купцы, спекулянты, фермеры. Во время моего пребыванія въ городѣ они съ большою торжественностью справляли

освященіе новой пагоды, во внутреннихъ помѣщеніяхъ которой, пестро и фантастически украшенныхъ, эти серьезные люди съ странными поклонами и комплиментами предлагали кушанья своимъ чрезвычайно уродливымъ идоламъ, тогда какъ наружи на площади шелъ трескъ и шумъ отъ сжигаемыхъ фейерверковъ, и это продолжалось съ утра до вечера.

Австралійцамъ очень несимпатичны всѣ привычки китайцевъ, а главное, для нихъ неудобна конкуренція китайскихъ рабочихъ. Къ тому же китайцы—не настоящіе колонисты, но глядятъ на Австралію только какъ на страну, въ которой имъ можно обогатиться. Они не привозятъ сюда своихъ женъ, и все, что имъ удастся скопить, увозятъ на родину, въ Китай, а на ихъ мѣсто пріѣзжаютъ новые, болѣе молодые. Противъ этихъ непрошенныхъ гостей придумано однако средство: для того, чтобы получить право поселиться въ Австраліи, китайцы должны теперь платить пошлину въ 200 рублей, и это, конечно, затрудняетъ переселеніе несостоятельныхъ, которые составляютъ большинство. Тѣ, которые еще остаются въ Австраліи, со временемъ вернутся на родину, и, такимъ образомъ, Австралія будетъ защищена отъ вторженія желтой расы.

Все побережье представляетъ здѣсь дикую, сильно разрушенную горную страну, сложенную изъ песчаниковъ и пересѣченную гранитными хребтами, покрытыми густымъ лѣсомъ.

Прежде всего я отправился въ гористую мѣстность между рѣкой Эндеавуръ и притокомъ ея Оакай. Равнина и болѣе низкіе хребты имѣютъ здѣсь обычный характеръ эвкалиптовыхъ зарослей. Но повсюду, гдѣ только пробивается ручей, его сопровождаетъ узкая полоса тропическихъ растеній: пальмъ, пандануcовъ, фикусовъ и другихъ. Въ особенности странно видѣть, какъ эта узкая полоса сразу, какъ будто срѣзанная ножомъ, обрывается по направленію кнаружи. Тамъ и сямъ, гдѣ почва влажна или болотиста, встрѣчаются также и густыя заросли скруба, преимущественно изъ тропическихъ растеній, а болѣе влажныя вершины высокихъ горъ всѣ сплошь одѣты роскошной тропической флорой. Во время переправы черезъ рѣку Эндеавуръ мы увидѣли на берегу, въ довольно большомъ разстояніи, двухъ крокодиловъ. Это были индѣйскіе крокодилы (Crocodilus porusus), широко распространенные по берегамъ сѣверной Австраліи, Новой Гвинеи, Малайскихъ острововъ, юго-западнаго Китая и на восточномъ побережьѣ Индіи. Эти животныя достигаютъ длины 8 метровъ и болѣе и являются опасными хищниками, схватывая и унося въ глубину крупныхъ животныхъ: телятъ, овецъ и даже людей, неосторожно приблизившихся къ водѣ. Они нападаютъ только изъ воды и, скрывшись въ какомъ-либо болѣе глубокомъ мѣстѣ, внимательно слѣдятъ за своей будущей добычей. На людей они въ общемъ нападаютъ рѣдко, и то только одинъ на одинъ.

Съ ними дѣло обстоитъ такъ же, какъ съ тиграми. Только немногіе изъ нихъ людоѣды. Однако тѣ, которые попробовали человѣческаго мяса, становятся смѣлѣе, и одно животное можетъ держать въ страхѣ цѣлую мѣстность.

На дальнѣйшемъ пути намъ попался скрубъ, въ которомъ обитали летучія собаки. Онъ состоялъ изъ высокихъ деревьевъ: фикусовъ, пальмъ, мощныхъ эвкалиптовъ. Почва была такъ болотиста, что я даже въ одномъ мѣстѣ ушелъ въ тину до колѣнъ. На вѣтвяхъ висѣли летучія собаки цѣлыми тысячами. Онѣ не разсѣяны по всему лѣсу, а предпочитаютъ отдѣльныя мѣста и деревья, на которыхъ устраиваются цѣлыми колоніями во время дневного сна. При этомъ однако не царитъ абсолютная тишина и спокойствіе, а отдѣльные экземпляры постоянно отдѣляются отъ общей массы, перелетаютъ на другое мѣсто, кричатъ и визжатъ, такъ что о ихъ присутствіи можно узнать еще издалека.

Впрочемъ, о присутствіи этихъ животныхъ даетъ знать также рѣзкій запахъ, разносимый далеко вѣтромъ. Надъ лѣсомъ постоянно парятъ орлы, выбирающіе себѣ добычу среди неосторожныхъ, которые вылетаютъ изъ-подъ защиты древесныхъ кронъ.

Я выстрѣлилъ въ самую густую кучу этихъ животныхъ и думалъ, что этотъ выстрѣлъ положитъ, по крайней мѣрѣ, дюжину летучихъ собакъ. Къ моему крайнему изумленію свалились только двѣ, тогда какъ раненыя еще крѣпче ухватились другъ за друга; по всей вѣроятности также и нѣсколько убитыхъ остались въ общей массѣ и были удержаны отъ паденія. Только нѣсколько экземпляровъ снялись съ вѣтвей и послѣ непродолжительнаго полета снова повисли въ другомъ мѣстѣ на деревьяхъ. Послѣ каждаго выстрѣла воцарялось всякій разъ страшное смятеніе, поднимался сильный крикъ, и въ трепетномъ полетѣ носились, какъ привидѣнія, эти безвредные „вампиры“ подъ кронами деревьевъ. Мы убили, такимъ образомъ, нѣсколько десятковъ летучихъ собакъ.

Далѣе мы миновали нѣсколько горныхъ хребтовъ съ крайне причудливымъ и страннымъ видомъ. Это—все гранитныя горы, крутые склоны которыхъ совершенно лишены растительности. Скалы имѣютъ почти черную окраску; вслѣдствіе вывѣтриванія отъ нихъ отдѣлились громадныя глыбы, покрывающія склоны горы, и все это вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе чего-то мрачнаго, недоступнаго. А затѣмъ наша дорога снова пошла черезъ красивые тропическіе скрубы, въ которыхъ роскошно развивались панданусы и пальмы, какъ-то ливистонія и Corypha australis, образуя чудныя рощицы. Колонисты называютъ послѣднюю капустной пальмой. Молодыя, еще нерасправившіяся вайи этой пальмы, будучи выварены въ кипяченой водѣ, а затѣмъ высушены, даютъ прекрасный матеріалъ для плетенія шляпъ. Еще другое стройное дерево,

высотою отъ 8 до 15 и даже 30 метровъ, привлекло мое вниманіе своею свѣжею зеленою листвой, напоминающей листву нашихъ лиственныхъ породъ. Мои спутники настойчиво предостерегали меня насчетъ этого растенія, которое представляетъ изъ себя не что иное, какъ громадную древовидную крапиву, знаменитую австралійскую Laportia gigans. Ядовитый сокъ листьевъ, особенно молодыхъ, дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ ядъ нашей травянистой крапивы, и ожогъ болѣе или менѣе значительнаго участка кожи, причиненный волосками, густо покрывающими обѣ стороны листа, влечетъ за собою сильное воспаленіе лимфатическихъ сосудовъ и можетъ имѣть опасныя послѣдствія. Если осторожно дотронуться кончикомъ пальца до листа, то ощущаешь сильную боль, которая распространяется на всю руку до плеча. Если ядъ попадаетъ на слизистыя оболочки, то онъ дѣйствуетъ какъ сильное раздражающее средство, а приносимый вѣтромъ съ дерева и попадая въ носъ, заставляетъ чихать. Высокія деревья менѣе опасны, но низкій кустарникъ, жгучіе листья котораго постоянно задѣваютъ за ноги лошади и всадника во время верховой ѣзды, представляетъ серьезную опасность. Особенно чувствительны къ ожогамъ лошади; онѣ становятся совсѣмъ бѣшеными, начинаютъ валяться по землѣ и на нѣсколько дней становятся негодными для ѣзды.

Другое опасное растеніе этихъ чащъ представляетъ усаженная шипами лазящая пальма (Colonus australis), которую колонисты называютъ „адвокатомъ-вьюномъ". Это растеніе, принадлежащее къ числу пальмъ ротанговъ, перекидывается съ дерева на дерево и повсюду среди чащи простираетъ свои твердые, упругіе побѣги, усаженные острыми шипами и колючками. Горе тому, кто попадетъ въ ихъ власть. Какъ въ сѣтяхъ ловкаго и цѣпкаго адвоката, онъ чувствуетъ себя пойманнымъ, и не успѣетъ высвободиться въ одномъ мѣстѣ, какъ уже запутался въ другомъ, и тщетно только выбивается изъ силъ въ неравной борьбѣ, чтобы уйти изъ объятій этого страшилища. Тамъ, гдѣ эта пальма водится въ большомъ количествѣ, передвиженіе совершенно невозможно, если предварительно не проложишь себѣ пути при помощи ножа.

Часто попадались въ этой мѣстности ярко окрашенные пчелоѣды (Merops ornatus), длинноклювыя птицы, напоминающія отчасти нашего дрозда. Ихъ зеленая основная окраска разнообразится чернымъ, коричневымъ, желтымъ и голубымъ отливами. Вообще въ тропическихъ странахъ пчелы имѣютъ гораздо болѣе враговъ, чѣмъ у насъ въ Европѣ. Кромѣ многочисленныхъ насѣкомоядныхъ птицъ, среди которыхъ пчелоѣды самые злѣйшіе враги, не мало опасности представляютъ для трудолюбивыхъ собирателей меда масса пауковъ, осъ, затѣмъ многія ящерицы и воинственные муравьи поѣдаютъ ихъ запасы. Поэтому пасѣчнику здѣсь не мало заботъ; онъ постоянно долженъ быть насторо-

жѣ, долженъ уничтожать муравьиныя поселенія, гнѣзда ихъ, находящіяся поблизости отъ улья, стрѣлять и отпугивать птицъ, чтобы получить доходъ.

На второй день нашего пути мы достигли рѣки Финнигонъ, гдѣ и разбили свой лагерь. Мы находились на высотѣ 200 метровъ надъ уровнемъ моря. Мѣстность казалась довольно привлекательной. Поблизости отъ насъ росъ прекрасный дѣвственный лѣсъ, въ которомъ мнѣ удалось собрать богатую добычу, въ особенности среди насѣкомыхъ. Непріятны были только многочисленныя наземныя піявки, которыя цѣлыми массами присасывались къ тѣлу во время экскурсій. Здѣсь я добылъ нѣсколько сумчатыхъ барсуковъ (Peramelis macrura) и сумчатыхъ куницъ (Dasyurus hollucatos).

Повсюду въ окрестностяхъ мы замѣчали слѣды туземцевъ, но ни разу не видѣли ихъ самихъ. Я очень сожалѣлъ объ этомъ, такъ какъ охотно нанялъ бы ихъ для охоты. Но дикари на сѣверѣ, гдѣ начинается настоящая глушь и дичь и гдѣ законъ не можетъ и не хочетъ ихъ защитить отъ произвола бѣлаго человѣка, несомнѣнно слишкомъ напуганы и не рѣшались показаться передъ людьми, которые цѣлыми днями бродятъ по лѣсу съ ружьями за спиной. Случалось неоднократно, что въ дикарей здѣсь стрѣляли только ради потѣхи. На югѣ это уже не проходитъ безнаказанно и влечетъ непріятныя послѣдствія для самого охотника, а здѣсь никто объ этомъ не заботится. Вообще обращеніе поселенцевъ съ черными представляетъ наиболѣе мрачную страницу въ исторіи колонизаціи Австраліи. Повсюду одна и та же исторія. Появляются бѣлые и осѣдаютъ на охотничьихъ урочищахъ черныхъ, которыя принадлежали послѣднимъ испоконъ вѣковъ. Они устраиваютъ фермы, куда чернымъ запрещается доступъ, выращиваютъ рогатый скотъ и овецъ, къ которымъ черные не смѣютъ подойти близко. Затѣмъ случается, что эти дѣти природы, не дѣлая различія между сумчатыми животными и домашнимъ скотомъ, убиваютъ вмѣсто кенгуру корову или овцу. За это бѣлый человѣкъ наказываетъ обыкновенно тѣмъ, что перестрѣливаетъ всѣхъ австралійцевъ, которые ему попадаются подъ руку. Черные, конечно, недовольны, убиваютъ изъ-за засады бѣлаго, или нападаютъ въ его отсутствіе на его ферму и убиваютъ жену и дѣтей. Затѣмъ появляется на аренѣ дѣйствія черная полиція, которая за убійство истребляетъ цѣлую массу иногда ни въ чемъ неповинныхъ туземцевъ, не давая пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ. Таковъ обычный ходъ колонизаціи, и если подобные факты встрѣчаются рѣдко на югѣ, то здѣсь, на сѣверѣ, они не представляютъ ничего необычнаго.

Такъ какъ во время нашего пребыванія въ этой мѣстности передъ нами не появился ни одинъ туземецъ, то намъ пришлось обойтись безъ ихъ помощи. Въ общемъ, однако, наша добыча была довольно обильна,

недоставало только древесныхъ кенгуру; но такъ какъ послѣдніе и не могли водиться внизу у подножія горъ, то мы рѣшились перебраться на нѣсколько дней выше, въ густой лѣсъ, и приняли приглашеніе четырехъ промывателей олова, которые жили тамъ въ устроенной изъ камней хижинѣ. Послѣдняя лежала на 400 метровъ выше нашего лагеря, и намъ пришлось нѣсколько часовъ съ трудомъ карабкаться туда, таща съ собой одѣяла, оружіе и снаряды. Такія восхожденія въ тропическомъ климатѣ, черезъ густой лѣсъ, по скользкимъ скаламъ и черезъ холодные какъ ледъ горные потоки, гораздо утомительнѣе и труднѣе, чѣмъ даже продолжительныя горныя экскурсіи въ Альпахъ съ ихъ освѣжающимъ климатомъ.

Съ мѣста, гдѣ была расположена хижина промывателей олова, открывался красивый видъ на лежащія въ окрестностяхъ горныя цѣпи въ тѣ немногія минуты, когда ихъ не заволакивалъ туманъ. Наши хозяева оказались простыми, но сердечными людьми; они открыли нѣсколько лѣтъ тому назадъ оловянныя розсыпи и поселились здѣсь, на вершинѣ горы, для ихъ разработки. Оловянная розсыпь находится на мѣстѣ прежняго оставленнаго русла рѣки и занимаетъ менѣе километра. Если имѣется вода, то промываніе олова представляетъ совершенно несложный процессъ. Содержащая олово земля помѣщается въ большіе деревянные ящики и промывается сильною струей воды, въ то же время ее хорошенько перемѣшиваютъ желѣзными лопатками. Вода уноситъ илъ и песокъ, а болѣе тяжелое олово опускается на дно ящика. Такимъ способомъ четыре человѣка добываютъ здѣсь въ недѣлю около 1.000 фунтовъ олова, на сумму около 250 рублей. Они расчитываютъ, что еще въ теченіе двухъ лѣтъ будутъ въ состояніи съ тѣмъ же успѣхомъ разрабатывать розсыпь, что дастъ имъ въ круглыхъ цифрахъ олова на 50.000 руб. Все это кажется очень заманчивымъ, но надо принять во вниманіе, что людямъ приходится предварительно долго бродить въ качествѣ „prospectors“ или металло-искателей, прежде чѣмъ они найдутъ мѣсто, годное для разработки. Въ теченіе всего этого времени проспекторъ не получаетъ никакого дохода, но несетъ довольно значительные расходы. Ему приходится бродить по ненаселеннымъ или совсѣмъ дѣвственнымъ мѣстамъ, подвергаясь всевозможнымъ лишеніямъ и находясь постоянно настороже противъ нападеній враждебныхъ туземцевъ. Если найдено удобное мѣсто, онъ обязанъ сообщить о своей находкѣ ближайшему правительственному учрежденію, чтобы получить для разработки участокъ, такъ называемый „клэмъ“. Если дѣло идетъ о разработкѣ золота или олова, то ближайшей задачей является проведеніе воды для промывки. Часто случается, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мѣсторожденіе оказывается слишкомъ бѣднымъ, не стоющимъ разработки, или быстро истощается, да и въ лучшемъ случаѣ, какъ здѣсь, продол-

жительная жизнь въ уединенной дикой мѣстности оказывается по плечу далеко не всякому.

Вершина горы была покрыта непроходимымъ лѣсомъ, въ которомъ и обитали будто бы древесные кенгуру. Мы вскорѣ убѣдились, что проникнуть въ этотъ лѣсъ для охоты за животными въ прямомъ направленіи немыслимо. Къ счастію искатели олова прорубили черезъ него просѣку, когда проводили воду изъ источника, находившагося близъ вершины горы, къ оловяннымъ розсыпямъ. Водопроводъ велъ по крутому склону горы среди густой чащи лѣса. Вода текла по выдолбленнымъ стволамъ мощныхъ пальмъ, распиленныхъ вдоль, мѣстами прямо по поверхности земли, мѣстами на высокихъ сваяхъ въ 3 метра высоты. Эти трубы то пересѣкали непроходимыя чащи, то взбирались по крутымъ скользкимъ скаламъ, на краю пропастей, трещинъ и ущелій. Все это исполинское сооруженіе, тянущееся на протяженіи почти четырехъ километровъ и проводящее воду съ высоты 500 метровъ въ лагерь, было исполнено четырьмя людьми, необладающими никакими техническими знаніями, вдали отъ всего остального міра, въ какихъ-либо три мѣсяца.

Лѣсъ поражалъ здѣсь своею красотою и пышностью, хотя во многихъ мѣстахъ и былъ совершенно непроходимъ. Древесныя крапивныя деревья, повидимому, отсутствовали. Зато влага, которая осѣдаетъ на склонахъ горъ и почти постоянно окутываетъ ихъ густымъ покровомъ тумана, благопріятствуетъ пышному развитію безконечнаго числа самыхъ разнообразныхъ растеній, образующихъ мѣстами настоящія зеленѣющія стѣны. Скалы сплошь одѣты мхами и плаунами, даже маленькія орхидеи образуютъ густыя дерновины надъ постоянно влажною каменистою почвою. Стволы исполинскихъ пальмъ и фикусовъ покрыты также папоротниками, эпифитами, орхидеями и плаунами; между тѣсными рядами стволовъ растетъ масса травянистаго и древеснаго подлѣска, и все это переплетено и сплетено всевозможными ліанами.

Карабкаться вдоль водопроводныхъ трубъ съ заряженнымъ ружьемъ въ рукѣ было довольно затруднительно, а мѣстами даже опасно, такъ какъ мы не имѣли горныхъ палокъ и наши ноги скользили по влажной скалистой почвѣ.

На высотѣ 1.100 метровъ трубы прекратились, и затрудненія при дальнѣйшемъ восхожденіи на вершину сдѣлались настолько велики, что я отказался отъ моего намѣренія, тѣмъ болѣе, что было мало вѣроятности найти древесныхъ кенгуру какъ разъ на вершинѣ горы.

Правда, мы видѣли слѣды этихъ животныхъ на древесныхъ стволахъ, но самыя животныя не попадались намъ на глаза. Возможно, что мы проходили мимо, не замѣчая ихъ, такъ какъ лиственный шатеръ надъ нами былъ совершенно непроницаемъ для глаза. Къ тому же древесные

кенгуру обыкновенно спятъ днемъ, и только ночью приходятъ въ движеніе и ощипываютъ листья деревьевъ. Безъ собаки и безъ помощи туземцевъ, которые благодаря своему чутью и остротѣ зрѣнія находятъ дичь и безъ собаки, не было никакой надежды застрѣлить древеснаго кенгуру, и потому я рѣшилъ возвратиться обратно.

Вскорѣ затѣмъ я отправился далѣе на сѣверъ къ мысу Іорку. Путь пролегаетъ сначала по узкому каналу около самаго барьернаго рифа. Тамъ и сямъ разбросаны сигнальные значки, долженствующіе облегчить плаваніе по этому опасному для мореплавателя пути. Побережье материка здѣсь низкое, ровное; гранитъ и порфиръ мало-по-малу уступаютъ мѣсто отложеніямъ песчаника, изъ которыхъ сложена вся сѣверная часть полуострова Іорка и которыя занимаютъ громадное пространство внутри Квинслэнда, въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, до самой Западной Австраліи. Отъ мыса Гренвиля восточное побережье загибаетъ къ сѣверо-западу навстрѣчу съ западнымъ побережьемъ, съ которымъ оно образуетъ мысъ Іоркъ. Барьерный рифъ отдѣляется здѣсь отъ Австраліи, простирается далѣе въ сѣверномъ направленіи и заканчивается цѣлымъ рядомъ рифовъ близъ береговъ Новой Гвинеи.

На материкѣ около самаго мыса Іорка расположенъ Сомерзетъ, ферма и станція для ловли перламутровыхъ раковинъ, одно изъ наиболѣе старинныхъ и извѣстныхъ поселеній въ сѣверномъ Квинслэндѣ. Нѣкогда здѣсь проживало довольно значительное населеніе и находилась резиденція правительственнаго учрежденія по надзору за ловлею перламутровыхъ раковинъ, теперь же это только помѣстье частнаго лица. Пышная растительность одѣваетъ берега мыса Іорка, и каналъ съ спокойною гладью водъ въ рамкѣ величественныхъ и въ то же время ласкающихъ своимъ видомъ береговъ представляетъ одинъ изъ наиболѣе привлекательныхъ ландшафтовъ всего этого побережья. Нѣсколько маленькихъ островковъ къ сѣверу отъ острова Албани густо усѣяны своеобразными красными конусами, высотою до двухъ метровъ, будто бы памятниками надъ могилами первыхъ переселенцевъ въ Австраліи, какъ въ этомъ съ серьезной миной убѣждаютъ моряки наивныхъ новичковъ, на самомъ же дѣлѣ искусными постройками очень многочисленныхъ здѣсь термитовъ.

Природа Квинслэнда.

(Земона.)

Раннимъ утромъ пустился я верхомъ въ путь. Послѣ холодной, звѣздной ночи мнѣ улыбалось свѣжее лучистое утро. Австралійской зимѣ наступалъ конецъ, и все возвѣщало о приближеніи весны; однако наступленіе весны не ознаменовывалось, какъ у насъ, распусканіемъ

листьевъ на деревьяхъ. Въ Австраліи не существуетъ періодической смѣны листвы, деревья сбрасываютъ и обновляютъ свои листья въ теченіе цѣлаго года. Но трава, выглядѣвшая желтой и засохшей въ теченіе зимы, начинаетъ развивать новые отпрыски, придавая всему ландшафту болѣе живую окраску. Воздухъ исполненъ удивительной чистоты и свѣжести, и на темно голубомъ небѣ рѣзко вырисовываются высокія, богато развѣтвленныя, покрытыя пышной листвою, но все же просвѣчивающія насквозь очертанія эвкалиптовъ. Насколько только хватаетъ глазъ, вся земля покрыта травою, и только въ глубинѣ безводнаго русла рѣки поблескиваетъ желтоватый песокъ. Когда смотришь на мѣстность съ какого-либо возвышенія, окидывая взглядомъ хребты выдающихся горъ, то кажется, что высоты и низменности, горы и долины — все одинаково покрыто лѣсомъ.

Однако, сколько ни пытаешься подобраться ближе къ этому лѣсу, онъ все уходитъ отъ насъ назадъ. Правда, мы видимъ себя окруженными со всѣхъ сторонъ деревьями, но они отстоятъ такъ далеко другъ отъ друга, что не можетъ быть и рѣчи о лѣсѣ, да въ Австраліи никогда не приходится слышать слово „forest“. Мы находимся среди типичнаго „парковаго“ ландшафта. Деревья стоятъ другъ отъ друга на разстояніи 20—30 метровъ, не допуская около себя никакихъ сосѣдей, по близости ихъ нѣтъ даже никакой заросли; широко распростертые корни ихъ, проникающіе на глубину 60—70 метровъ, быстро высасываютъ всю влагу изъ окрестной почвы и такимъ образомъ препятствуютъ появленію всякаго мало-мальски замѣтнаго соперника. Только злаки и такія растенія, которыя не пускаютъ своихъ корней глубоко въ землю черезъ поверхностный слой почвы, могутъ развиваться въ окрестности этихъ деревьевъ; нужную ей влагу трава, подобно корнямъ своихъ могучихъ сосѣдей, добываетъ изъ поверхностныхъ слоевъ почвы. Однако, притокъ этой послѣдней довольно-таки ограниченъ; если на извѣстномъ участкѣ истребить всѣ деревья, то травянистая растительность развивается болѣе прочно и бываетъ въ состояніи пропитать болѣе, нежели двойное число животныхъ.

Основываясь на этомъ, скватеры обыкновенно истребляютъ деревья на извѣстныхъ опредѣленныхъ пространствахъ, предназначенныхъ для пастбищъ, посредствомъ такъ называемаго „кольцеванія“. „Кольцеваніе“ производится двумя путями. Или съ дерева, на высотѣ половины человѣческаго роста, снимаютъ ножомъ только кору полосой въ 30—40 сантиметровъ ширины, или дѣлаютъ несравненно болѣе узкое кольцо, но зато прорубаютъ его гораздо глубже, захватывая также и находящійся подъ корою слой молодой древесины. Второй способъ болѣе надеженъ, быстрѣе дѣйствуетъ и употребляется теперь по преимуществу. Кольцованныя такимъ образомъ деревья умираютъ въ промежутокъ времени отъ 4 до 6 и, самое большее,

до 8 мѣсяцевъ. Но такъ какъ дерево эвкалиптовъ и акацій отличается значительной прочностью и твердостью, то трупы деревьевъ еще много лѣтъ остаются стоять, пока, наконецъ, не будутъ опрокинуты бурей или истреблены пожаромъ скруба. Ни одинъ ландшафтъ не производитъ столь безотраднаго впечатлѣнія, какъ мѣстность, покрытая подобными кольцованными умершими деревьями: на много миль древесныя муміи простираютъ свои засохшія безлистныя вѣтви надъ свѣжей зеленѣющей подъ ними травой, какъ бы служа предзнаменованіемъ тому, что дни австралійскаго лѣса сочтены, и онъ скоро долженъ будетъ пасть жертвой человѣка.

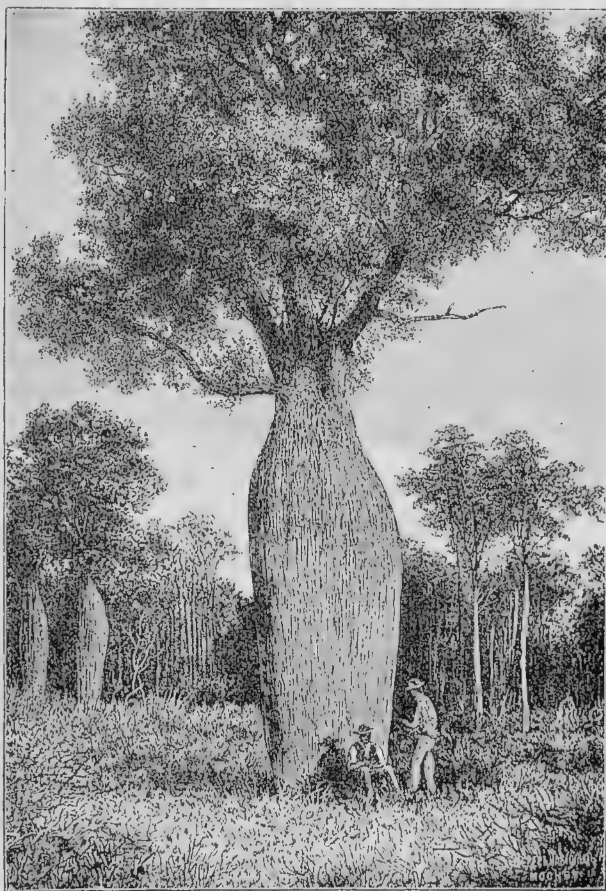
Среди подобнаго рѣдкаго лѣса разбросаны повсюду заросли, извѣстныя подъ именемъ „скруба", столько же характерныя для Австраліи, какъ и самый лѣсъ. На нѣкоторыхъ участкахъ вблизи береговъ, въ горахъ и во влажныхъ ущельяхъ сѣверной части Квинслэнда существуютъ настоящіе первобытные тропическіе лѣса, которые австралійцы обозначаютъ именемъ „тропическаго скруба". Слѣдуетъ строго различать „тропическій скрубъ" и „скрубъ" въ собственномъ смыслѣ слова: ихъ наружность совершенно различна, а условія образованія прямо-таки противоположны.

Тропическій скрубъ, какъ сказано, представляетъ изъ себя настоящій первобытный лѣсъ съ пальмами, древовидными папоротниками, фикусами, вьющимися пальмами, ліанами, орхидеями и прочими относящимися сюда растеніями. Онъ образуется тамъ, гдѣ подъ тропическимъ или субтропическимъ солнцемъ осадки выпадаютъ болѣе равномѣрнымъ образомъ. Скрубъ же, въ истинномъ значеніи этого слова, образуется тамъ, гдѣ господствуетъ настоящій австралійскій климатъ, богатые осадки чередуются съ засухами, продолжающимися иногда по нѣскольку лѣтъ. Условія его образованія стоятъ въ тѣсной связи со свойствами почвы; послѣдняя, кратко говоря, должна быть болотиста. Если изслѣдовать скрубъ въ очень сухое время, то, конечно, мѣстами его почва окажется совершенно сухой, твердой и растрескавшейся.

Совершенно иной видъ имѣетъ онъ въ болѣе влажный періодъ. Въ это время въ скрубѣ можно встрѣтить мелкія болотца, прудки, лагуны, и, вообще, почва его дѣлается мягче и болотистѣе, нежели почва открытаго лѣса. По всей вѣроятности, въ области скруба подъ поверхностнымъ слоемъ почвы находятся водонепроницаемые слои, препятствующіе быстрому просачиванію осадковъ въ глубину.

Эта значительная влажность почвы и дѣлаетъ возможнымъ существованіе болѣе густой растительности, нежели это имѣетъ мѣсто въ открытомъ лѣсѣ. При этомъ настоящій скрубъ состоитъ изъ совершенно особенныхъ видовъ растеній, приспособившихся къ вполнѣ своеобразнымъ условіямъ. Это все такія растенія, которыя требуютъ значительной влаж-

ности почвы, но въ то же самое время могутъ безъ всякаго вреда для себя въ теченіе мѣсяцевъ и годовъ купать свои листовыя кроны въ бѣдной, даже совершенно лишенной водяныхъ паровъ атмосферѣ. Въ округѣ Бернетта этимъ условіямъ прежде всего удовлетворяютъ извѣстные виды акацій; первое мѣсто занимаетъ здѣсь одна акація (Acacia parrophylla), называемая поселенцами „бригаловъ“ и представляющая главную составную часть квинслэндскаго скруба. Между ними попадаются австралійскія „чайныя деревья“, казуарины, скрубный дубъ, далѣе миртовыя и, наконецъ, отдѣльными экземплярами причудливыя „деревья-бутылки“ (Herculia quadrifida). Послѣднимъ дано такое названіе потому, что стволъ ихъ между основаніемъ и кроной бутылкообразно вздутъ. Напротивъ того, совершенно отсутствуютъ пальмы, ліаны, орхидеи и прочіе эпифиты. Чащи съ растительностью, которую мы привыкли обозначать именемъ тропической, развиваются въ Австраліи въ этихъ же широтахъ повсюду, гдѣ наряду съ влажностью почвы влаженъ и воздухъ: въ нѣкоторыхъ участкахъ берега, во влажныхъ ущельяхъ и на вершинахъ высокихъ горъ, хотя бы онѣ находились и далеко отъ берега, въ глубинѣ страны.

Бутылочное дерево.

Высота большинства деревьевъ, составляющихъ типичный скрубъ, не особенно значительна; только деревья-бутылки достигаютъ иногда громад-

ныхъ размѣровъ. Подлѣсокъ въ такомъ случаѣ встрѣчается по большей части только по опушкѣ. Точно такъ же отсутствуютъ и мхи въ качествѣ наружнаго покрова почвы; послѣдняя по большей части обнажена и на ней лишь здѣсь и тамъ въ просвѣтахъ замѣчаются слѣды травяной растительности. На стволахъ деревьевъ почти совершенно нѣтъ мховъ и лишайниковъ. Напротивъ того, для скруба характерны встрѣчающіеся здѣсь массами трупы деревьевъ, во всѣхъ стадіяхъ разрушенія покрывающіе почву. Сильные ливни размягчаютъ почву и способствуютъ паденію многочисленныхъ деревьевъ. Свойственная здѣшней атмосферѣ сухость препятствуетъ ихъ быстрому разрушенію и производитъ то, что мертвое дерево медленно высыхаетъ, не подвергаясь гніенію, не дѣлаясь жертвою растительныхъ паразитовъ и не поѣдаясь животными, какъ это бываетъ въ болѣе влажномъ климатѣ. То же относится, впрочемъ, и къ умершимъ деревьямъ открытаго лѣса.

Еще хуже, нежели „бригаловъ“ скрубъ являются такъ называемые „малле“ и „мульга“ - скрубы, покрывающіе въ южныхъ частяхъ Австраліи необъятныя пространства земли, составляя ужасъ всѣхъ путешественниковъ. Первый образованъ почти исключительно изъ одного карликоваго вида эвкалипта (Eucalyptus dumosa) или „Mallee“, стволы котораго растутъ такъ тѣсно другъ возлѣ друга, какъ у камыша или бамбука. Только на высотѣ 3—4 метровъ надъ землею они начинаютъ вѣтвиться. Черезъ подобную чащу приходится прокладывать себѣ дорогу съ помощью топора, что при значительномъ протяженіи скруба часто представляетъ громадную работу. Меньшимъ протяженіемъ, но еще большей недоступностью отличаются „мульга“-скрубы, главная составная часть которыхъ образована карликовой акаціей. Эти акаціи вооружены столь ужасными иглами и образуютъ мѣстами столь спутанныя заросли, что пробраться черезъ нихъ дѣлается прямо невозможнымъ.

Бернетъ и его притоки прорѣзали себѣ, благодаря періодически повторяющимся наводненіямъ, глубокія русла въ орошаемой ими мѣстности, почти постоянно совершенно лишенныя воды. Дно безводнаго русла во многомъ обладаетъ тѣми же условіями, какъ и скрубъ: богатымъ орошеніемъ снизу и отсутствіемъ влажности въ воздухѣ. Дѣйствительно мы видимъ, что на днѣ русла развивается растительность совершенно такая же, какъ и въ скрубѣ. Во время большихъ разливовъ надъ водою возвышаются часто только вершины деревьевъ; грунтъ, въ которомъ они держатся своими корнями, размывается, и рѣка покрывается массой вырванныхъ съ корнями деревьевъ; быстро уносимыя внизъ, они разрушаютъ берегъ, способствуя этимъ углубленію и расширенію русла рѣки.

Въ то время, какъ „чайныя деревья“ и рѣчные дубы пышно развиваются въ самомъ руслѣ рѣки, берега ея окаймлены эвкалиптами (Euca-

lyptus globulus), отличающимися отъ другихъ видовъ эвкалипта своей молочно-бѣлой корой.

Эти эвкалипты достигаютъ неимовѣрной высоты; карликовые экземпляры ихъ, которые можно видѣть въ Италіи, даютъ совершенно ложное представленіе о высокомъ и гордомъ обликѣ своихъ австралійскихъ родичей. При особенно благопріятныхъ условіяхъ Eucalyptus globulus можетъ достигать высоты почти въ 120 метровъ; нѣтъ никакой рѣдкости встрѣтить дерево въ четыре и пять метровъ въ обхватѣ. Еще болѣе громадныхъ размѣровъ достигаетъ Eucalyptus collosea западной Австраліи, а одинъ экземпляръ Eucalyptus amygdalina въ горныхъ окрестностяхъ Мельбурна имѣлъ въ высоту сто пятьдесятъ два метра, равняясь, такимъ образомъ, высотѣ Кельнскаго собора и значительно превосходя Страсбургской соборъ, соборъ св. Петра и Хеопсову пирамиду, а также секвойи Іоземитской долины въ Калифорніи, высшій экземпляръ которыхъ имѣетъ 120 метровъ въ высоту.

Когда, проѣзжая верхомъ черезъ кустарникъ, увидишь гдѣ-нибудь вдали свѣтлую кору эвкалипта, то можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что приближаешься къ руслу рѣки. Эвкалиптъ любитъ также селиться вблизи болотъ, лагунъ и озеръ, тамъ, гдѣ нѣтъ зарослей скруба. Повидимому, этотъ видъ эвкалипта любитъ болѣе влажную почву, нежели его сородичи, такъ какъ лишь въ видѣ исключенія можно встрѣтить его вдали отъ воды.

Нельзя не сказать нѣсколько словъ объ австралійскихъ дорогахъ. То, что здѣсь называютъ полевой дорогой, отнюдь не представляетъ какого-либо искусственнаго сооруженія. Эта дорога образуется сама собою, благодаря тому, что колеса почтовыхъ экипажей, повозокъ, поддерживающихъ скудное сообщеніе между двумя сосѣдними мѣстностями, слѣдуя постоянно по одной и той же линіи, мало-по-малу оставляютъ колеи въ почвѣ. Нѣтъ ничего легче, какъ провести дорогу въ Австраліи.

Лицо, завѣдывающее измѣреніемъ дорогъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими опытными мѣстными жителями, устанавливаетъ между двумя пунктами, которые должны быть соединены, кратчайшій путь, удобный для колесныхъ экипажей, и обозначаетъ его, дѣлая зарубки на деревьяхъ. Остальное должно образоваться само собою. О постройкѣ мостовъ, разумѣется, нечего и думать. Рѣки переѣзжаютъ, отыскивая подходящій бродъ. Если вода въ рѣкѣ подымается, то сообщеніе прерывается часто на нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ. Препятствія, представляемыя неровностями поверхности, по возможности, обходятся. Если поперекъ дороги упадетъ дерево, то никто не беретъ на себя труда удалить его, а предпочитаетъ дѣлать вокругъ него объѣздъ, и дорога, такимъ образомъ, мало по-малу искривляется. Только на наиболѣе проѣзжихъ доро-

гахъ кое-гдѣ принимаютъ мѣры къ ихъ искусственному улучшенію, слегка сравнивая наиболѣе трудные подъемы, устраивая въ болотистыхъ мѣстностяхъ гати самаго первобытнаго вида, или, если дорога ведетъ черезъ чащу, слегка прорубая ея края. Время отъ времени изъ поселеній посылаются нѣсколько жителей, составляющихъ „дорожную партію“, для осмотра дорогъ и исправленія наиболѣе существенныхъ поврежденій, причиненныхъ въ теченіе одного или двухъ лѣтъ дождями или наводненіями.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вдоль дороги растетъ своеобразное австралійское „травяное дерево“ (Xanthorrhoea), мощный, обыкновенно прямой стволъ котораго во много метровъ высоты несетъ наверху густую крону грубыхъ, имѣющихъ видъ травы, листьевъ. Во время цвѣтенія изъ середины этой кроны подымаются крупные цвѣточные початки.

Предпринимая экскурсіи по окрестностямъ, я былъ не мало удивленъ многочисленностью слѣдовъ дичи, которые я видѣлъ на землѣ и на деревьяхъ, а также богатствомъ птичьяго населенія, свойственнаго этому на первый взглядъ столь бѣдному лѣсу. Мой проводникъ скоро научилъ меня различать слѣды различныхъ сумчатыхъ животныхъ. На высокомъ эвкалиптѣ мы замѣтили самаго крупнаго сумчатаго древолаза, сумчатаго медвѣдя (Phascolarctos cinereus). Это очень неповоротливое созданіе, величиной примѣрно съ американскаго енота, имѣющее съ нимъ даже отдаленное сходство, но только сумчатый медвѣдь много неуклюжѣе енота. Особенно замѣчательнымъ является у него укороченный хвостъ, что отличаетъ его отъ большинства другихъ животныхъ, проводящихъ всю свою жизнь на деревьяхъ. Если наблюдать медленныя, разсчитанныя движенія животнаго, можно видѣть, что при лазаніи онъ всегда переползаетъ по развѣтвленіямъ деревьевъ, цѣпляясь своими сильными острыми когтями, и никогда не перепрыгиваетъ съ вѣтки на вѣтку; отсюда намъ дѣлается понятнымъ, что сумчатый медвѣдь не нуждается въ хвостѣ, который у другихъ живущихъ на деревьяхъ животныхъ служитъ балансомъ и летательнымъ аппаратомъ при перепрыгиваніи съ вѣтки на вѣтку. Въ этомъ отношеніи сумчатый медвѣдь напоминаетъ лѣнивцевъ, почему многіе называютъ его австралійскимъ лѣнивцемъ. Само собою разумѣется, что по своему анатомическому строенію онъ не имѣетъ ничего общаго ни съ медвѣдями, ни съ енотами или лѣнивцами; это настоящее сумчатое животное, подобно кенгуру и сумчатому барсуку, какъ оно ни мало похоже на этихъ своихъ сородичей.

Мой выстрѣлъ ранилъ животное; при паденіи ему удалось однако же уцѣпиться передними лапами за толстую вѣтку. Нѣкоторое время оно висѣло такимъ образомъ на переднихъ ногахъ, напрасно пытаясь притянуть заднія ноги и вскарабкаться совершенно на вѣтку. Такъ какъ я съ минуты на минуту ожидалъ, что животное упадетъ, то я медлилъ со

вторымъ выстрѣломъ. Однако, мой проводникъ вразумилъ меня относительно живучести и силы этихъ животныхъ, разъяснивъ, что, будучи ранеными, они могутъ держаться въ подобномъ положеніи нѣсколько часовъ, прежде нежели упадутъ на землю отъ истощенія и слабости. Мой второй выстрѣлъ дробью ранилъ голову и лѣвую переднюю ногу. Нѣкоторое время животное еще висѣло на одной только правой ногѣ, затѣмъ тяжело рухнуло внизъ и умерло спустя нѣсколько минутъ. Это была сильная, вполнѣ взрослая самка, несшая на спинѣ полугодового дѣтеныша, длиною въ двадцать сантиметровъ. Бѣдное созданіе вцѣпилось своими острыми когтями въ мертвую мать, ни за что не рѣшаясь съ ней разстаться. Я подумывалъ о томъ, чтобы взять его съ собою въ лагерь и вырастить его тамъ, но на слѣдующее утро оказалось, что животное въ теченіе ночи покинуло остывшій трупъ матери и скрылось.

Проснувшись на утренней зарѣ, я замѣтилъ, что въ вѣтвяхъ эвкалиптоваго дерева, подъ которымъ я спалъ, прыгало странное животное, нѣсколько напоминавшее своимъ длиннымъ пушистымъ хвостомъ бѣлку. Я долгое время наблюдалъ это проворное животное, не дѣлая ни одного движенія. Наконецъ, оно покинуло дерево и перебралось на его ближайшаго сосѣда, отстоявшаго отъ перваго на сто шаговъ. Когда я отрѣзалъ животному дальнѣйшую дорогу, оно снова перебѣжало на первое дерево. Дерево было низко, лишено густой листвы, стволъ его не имѣлъ никакихъ впадинъ, которыя могли бы послужить убѣжищемъ для животнаго. Оно боязливо прыгало на немъ взадъ и впередъ, не рѣшаясь, однако же, его покинуть и пытаться искать спасенія въ бѣгствѣ по ровной землѣ. Выстрѣлъ доставилъ мнѣ сильный экземпляръ самца животнаго, извѣстнаго у колонистовъ подъ именемъ „лѣсной крысы“ (Phascologale penicillata). Это сумчатое животное стоитъ близко къ плотояднымъ и насѣкомояднымъ „сумчатымъ куницамъ“ и по формѣ головы напоминаетъ нѣсколько землероекъ. Эта сумчатая крыса часто является въ качествѣ незванаго гостя и сожителя человѣческихъ жилищъ, надоѣдая по вечерамъ и ночамъ своей возней; другая, значительно болѣе крупная и сильная сумчатая крыса опасна для слабой домашней птицы и, благодаря своей хищности и кровожадности, пользуется самой плохой репутаціей.

Во время дальнѣйшихъ переходовъ намъ дважды попадались небольшія стада кенгуру. Каждый разъ кому-нибудь изъ насъ удавалось застрѣлить по одному экземпляру, одинъ изъ которыхъ оказался взрослой самкой съ недавно родившимися, весьма мало развитыми дѣтенышами въ сумкѣ.

Моя лагерная жизнь протекала совершенно равномѣрно, такъ какъ каждый часъ дня былъ отведенъ своимъ особеннымъ работамъ. Первые утренніе часы, за часъ до восхода солнца и часъ спустя, были посвящаемы охотѣ за утконосомъ.

Утконосъ (Ornithorrynchus anatinus) представленъ въ Австраліи, а слѣдовательно и во всемъ мірѣ, только однимъ живущимъ видомъ; онъ водится не во всей Австраліи, а только въ ея южной и восточной части до 18° южной широты, а также въ Тасманіи. Онъ живетъ по берегамъ текучихъ водъ, гдѣ находитъ свою пищу, и является такимъ же воднымъ животнымъ, какъ бобръ, выдра или тюлень, т.-е. приспособленъ къ отыскиванію своей пищи въ водѣ. Утконосъ можетъ держаться долгое время подъ водою, но дышать здѣсь онъ не можетъ, такъ какъ имѣетъ легкія. Днемъ онъ, по большей части, спитъ въ выкопанной имъ самимъ норѣ, на берегу рѣки. Его жилище имѣетъ два входа, одинъ—надъ водой, другой—подъ водой, которые, соединившись вмѣстѣ, ведутъ въ длинный ходъ въ 6—10—15 метровъ, подымающійся вкось отъ поверхности воды и оканчивающійся въ небольшой котловинѣ.

Я скоро открылъ, какимъ способомъ мнѣ легче всего добывать животное. Я вставалъ каждое утро еще до восхода солнца и спѣшилъ къ тѣмъ мѣстамъ рѣки, которыя по ихъ внѣшнему виду слѣдовало признать за область охоты утконоса. Утконоса можно разсчитывать встрѣтить только въ болѣе глубокихъ и широкихъ мѣстахъ рѣки, гдѣ животное можетъ глубоко нырять, совершенно исчезая изъ глазъ преслѣдователя и такимъ образомъ оставаясь въ безопасности, гдѣ вода имѣетъ медленное теченіе, а дно богато представителями какъ животнаго, такъ и растительнаго міра.

Въ періодъ австралійской зимы, т.-е. съ іюня до конца августа, когда бываютъ холодныя ночи, можно быть вполнѣ увѣреннымъ встрѣтить животное въ рѣкѣ при восходѣ и закатѣ солнца. Когда раннимъ утромъ находишься на рѣкѣ въ ожиданіи восхода солнца, то, какъ только первые солнечные лучи коснутся водяной поверхности и дѣлается возможнымъ различать отдѣльные предметы, въ рѣкѣ замѣчается какой-то предметъ длиною въ 1—2 фута, плавающій на поверхности воды наподобіе доски. Иногда онъ въ теченіе нѣкотораго времени лежитъ совершенно неподвижно, затѣмъ внезапно снова исчезаетъ и по истеченіи нѣсколькихъ минутъ выныриваетъ на другомъ мѣстѣ. Это и есть утконосъ, отыскивающій себѣ завтракъ въ илѣ рѣки. Своимъ плоскимъ длиннымъ клювомъ онъ разрываетъ рѣчной илъ, добывая оттуда личинокъ насѣкомыхъ, червей, улитокъ, особенно же двустворчатыхъ слизняковъ. Онъ не пожираетъ сейчасъ же всѣхъ своихъ находокъ, а сначала прячетъ ихъ въ своихъ обширныхъ защечныхъ мѣшкахъ. Только послѣ того, какъ они наполнились, животное, оставаясь на поверхности рѣки, принимается за размельченіе и проглатываніе пищи. Когда видишь животное, увлекаемое теченіемъ рѣки, можно быть увѣреннымъ, что оно занято размельченіемъ своей пищи.

Утконосы, подобно ехиднѣ, имѣютъ мало зубовъ, но само собой

понятно, что этотъ недостатокъ зубовъ отнюдь не является первичнымъ признакомъ несущихъ яйца млекопитающихъ. Молодой утконосъ имѣетъ, какъ на верхней, такъ и на нижней челюсти покрытые бугорками зубы, числомъ всего восемь, вполнѣ подходящіе къ зубамъ нѣкоторыхъ весьма низкоорганизованныхъ ископаемыхъ млекопитающихъ. Эти зубы быстро изнашиваются и, наконецъ, совершенно выпадаютъ, замѣняясь роговымъ утолщеніемъ краевъ челюстей. Много разъ на Бернеттѣ приходилось наблюдать мнѣ, что главная пища утконоса состоитъ изъ снабженнаго твердой раковиной слизняка; имъ бываютъ часто до верху набиты защечные мѣшки. Для размельченія подобнаго рода пищи зубы, конечно, представляютъ мало пригодный инструментъ; они слишкомъ ломки и непрочны, почему и изнашиваются такъ быстро. Одѣтые роговымъ утолщеніемъ края челюстей являются несравненно лучшими вспомогательными орудіями, для разгрызанія такихъ твердыхъ орѣховъ. Такимъ образомъ, отсутствіе зубовъ у утконоса и своеобразную замѣну ихъ роговыми пластинками слѣдуетъ, по всей вѣроятности, объяснить именно тѣмъ, что пища животнаго состоитъ главнымъ образомъ изъ раковинныхъ слизняковъ.

Когда утконосъ находится на поверхности воды, онъ можетъ при помощи своихъ мелкихъ, спрятанныхъ глубоко въ шерсти глазъ очень хорошо наблюдать за тѣмъ, что происходитъ надъ нимъ по обѣимъ берегамъ рѣки. Такой же остротой отличается его слухъ: малѣйшаго подозрительнаго звука достаточно, чтобы спугнуть трусливое животное. Такимъ образомъ будетъ совершенно напраснымъ трудомъ стараться подкрасться къ утконосу въ то время, когда онъ находится на поверхности воды. Слѣдуетъ оставаться совершенно не подвижнымъ, какъ статуя, выжидая того времени, когда онъ нырнетъ подъ воду; тогда быстро подходятъ къ тому мѣсту, гдѣ исчезло животное; когда оно появляется на поверхности, надо снова оставаться совершено неподвижнымъ. Эта тактика продолжается до тѣхъ поръ, пока не удастся подкрасться къ утконосу на разстояніе ружейнаго выстрѣла. Тогда надо съ поднятымъ ружьемъ ожидать новаго появленія дичи на поверхности воды, такъ какъ и движенія ружья было бы достаточно, чтобы испугать животное и заставить его окончательно исчезнуть. Разъ утконосъ испуганъ, можно поручиться за то, что онъ уже не появится снова въ это утро или вечеръ. Когда я выработалъ себѣ этотъ методъ охоты, то рѣдко случалось, чтобы хотя одинъ утконосъ уходилъ отъ меня, несмотря на то, что охота за нимъ считается весьма трудной у колонистовъ.

Вообще охота вначалѣ была довольно удачна; скоро однако же добыча утконосовъ прекратилась, при чемъ уменьшеніе ея вполнѣ совпадало съ временемъ наступленія болѣе теплыхъ ночей. Когда ночи еще были въ достаточной мѣрѣ холодны, то въ свѣтлые дни время отъ вре-

мени, можно еще было видѣть плавающихъ въ водѣ утконосовъ, занятыхъ отыскиваніемъ пищи. Но когда стало теплѣе, охота за утконосами окончательно прекратилась. Мои черные спутники могли сообщить мнѣ весьма мало свѣдѣній о повадкахъ животнаго, такъ какъ они за нимъ совсѣмъ не охотятся, брезгая его мясомъ; дѣйствительно, животное издаетъ непріятный запахъ рыбьяго жира даже тогда, когда съ него уже снята кожа. Съ трудомъ можно было уговорить ихъ, чтобы они оказали мнѣ помощь при раскопкѣ норъ этого, по ихъ мнѣнію, совершенно безполезнаго животнаго, изъ-за котораго не стоило и хлопотать. Совершенно иначе относились они къ ехиднѣ, мясо которой они считали за лакомство перваго сорта, ставя его даже выше мяса рогатаго скота,—высшій комплиментъ, который они только могутъ сдѣлать какому-либо кушанью. Бѣлые колонисты не преслѣдуютъ утконоса. Правда, мѣхъ его красивъ и густъ; онъ напоминаетъ нѣсколько мѣхъ крота, но имѣетъ болѣе длинный волосъ; однако жители столь теплой страны, какъ Квинслэндъ, мало нуждаются въ мѣховой одеждѣ, да и въ южныхъ, болѣе холодныхъ колоніяхъ охота за утконосомъ нигдѣ не достигаетъ сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ, такъ какъ она трудна и недобычлива, притомъ убитая дичь слишкомъ мелка для того, чтобы составить предметъ торговли.

Къ числу животныхъ, интересовавшихъ меня, принадлежала также ехидна (Echidna aculeata); она живетъ по всей Австраліи, Тасманіи и Новой Гвинеѣ и представлена двумя родами: ехидна и проехидна, изъ которыхъ каждый содержитъ только по одному виду. Внѣ этой области это робкое животное не встрѣчается нигдѣ. Оно населяетъ только густые скрубы, дѣвственные лѣса и дикія скалистыя мѣста, и только изрѣдка отдѣльные экземпляры попадаются въ рѣдкихъ кустарникахъ. Но и тамъ, гдѣ эти животныя встрѣчаются чаще, можно прожить цѣлые годы и не видать ни одного изъ нихъ, такъ какъ ехидны ведутъ ночной образъ жизни, скрываясь въ недоступныхъ мѣстахъ; лишь только имъ покажется, что угрожаетъ опасность, онѣ останавливаются на пути и, какъ бы съ помощью волшебной силы, въ нѣсколько минутъ безшумно исчезаютъ въ землѣ.

Ехидна въ общемъ животное глупое и тупоумное. Большая робость мѣшаетъ ей сдѣлаться дѣйствительно ручной, хотя постепенно она привыкаетъ къ тому, кто за ней ходитъ. Безспорно, смышленость ехидны гораздо больше, чѣмъ у всѣхъ пресмыкающихся, хотя она стоитъ въ этомъ отношеніи гораздо ниже птицъ и высшихъ млекопитающихъ, даже ниже большинства сумчатыхъ. Рѣзко бросается въ глаза ея чрезвычайно сильно выраженная любовь къ свободѣ. Эти животныя всячески стремятся уйти изъ неволи и проявляютъ при этомъ огромную энергію. Днемъ они ведутъ себя въ своей тюрьмѣ по большей части спокойно, и, кажет-

ся, вполнѣ отдаются своей судьбѣ. Зато ночью въ этихъ на взглядъ летаргичныхъ животныхъ пробуждается удивительная живость и сила воли. Изъ ящиковъ они легко выкарабкиваются; неплотно надѣтыя крышки ящиковъ бываютъ сброшены, легко сколоченные ящики, доски которыхъ не вездѣ плотно пригнаны, бываютъ разломаны съ помощью сильныхъ конечностей. Такъ какъ я платилъ чернокожимъ полную установленную мной цѣну только за живые экземпляры, и такъ какъ эти люди во время своихъ далекихъ странствій не всегда могли въ тотъ же день возвращаться въ мой лагерь, то они часто должны были держать животныхъ въ неволѣ цѣлую ночь, не имѣя, конечно, возможности носить съ собою подходящіе для этой цѣли садки. Если животныя были привязаны крѣпкими бечевками за одну или за двѣ ноги, то имъ удавалость почти регулярно въ теченіе ночи стаскивать путы, какъ бы туго они ни были затянуты. На свою кожу животныя при этомъ не обращали ни малѣйшаго вниманія. Чернокожіе ужасно сердились за понесенныя такимъ образомъ потери и помогали дѣлу тѣмъ, что прорѣзали ноги животнаго и продѣвали бечевку сквозь раны. Это средство было вѣрно, но настолько жестоко, что я запретилъ его употребленіе, лишь только узналъ объ этомъ. Тогда я сталъ давать туземцамъ съ собой небольшіе мѣшки, куда они могли завязывать животныхъ на ночь. Если мѣшки были крѣпки и тщательно завязаны,—они исполняли свое назначеніе, если же чернокожіе не завязывали внимательно, то животныя уходили.

Особое вниманіе я обратилъ также на замѣчательную двояко-дышащую рыбу—цератода (Ceratodus Forsteri). Распространеніе цератода ограничивается теперь небольшими рѣками Бернетъ и Мари, но въ прежнія геологическія эпохи онъ населялъ всю землю, какъ показываютъ найденные ископаемые остатки зубовъ. Эта рыба очень лѣнивое животное, которое обыкновенно лежитъ безъ движенія на днѣ рѣки, и разсказы о томъ, что она по временамъ выходитъ на сушу, не заслуживаютъ никакого довѣрія; также въ сухое время года въ илъ цератодъ не зарывается. Что свое легкое онъ дѣйствительно употребляетъ, какъ органъ дыханія, это я могъ наблюдать сотни разъ. Однако одновременно съ дыханіемъ легочнымъ эта рыба пользуется обыкновеннымъ жабернымъ дыханіемъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ существовать на сушѣ. Тѣмъ не менѣе легочное дыханіе имѣетъ для цератода большое значеніе и именно въ періодъ засухъ. Въ это время рѣка на большомъ протяженіи высыхаетъ, и остаются только глубокія лужи, въ которыхъ кишмя кишитъ рыба, потомъ массами околѣвающая вслѣдствіе того, что вода начинаетъ портиться; а между тѣмъ цератодъ чувствуетъ себя достаточно хорошо, такъ что легочное дыханіе служитъ ему не для житья на сушѣ, но какъ единственное средство для преодолѣнія весьма неблагопріятныхъ для жабернаго дыханія въ сухое время года условій его родныхъ водъ.

По Квинслэнду.

(Лумхольца.)

Въ началѣ іюля я закончилъ мои приготовленія для продолжительнаго путешествія. Захвативъ нѣсколько ящиковъ съ необходимыми предметами, я выѣхалъ вмѣстѣ съ проводникомъ, который долженъ былъ доставить провизію въ Минни-Даунъ, овечью ферму, расположенную на 350 миль западнѣе города Рокгамптона.

Уже давно я задумалъ это путешествіе. Западный Квинслэндъ представлялся мнѣ истиннымъ раемъ для натуралиста. Плохо освѣдомленный о жизни въ кустарниковыхъ заросляхъ Австраліи, я былъ доволенъ, что имѣю спутника по крайней мѣрѣ на первыхъ сто миль. Мой проводникъ правилъ повозкой, запряженной тремя лошадьми, что позволяло значительно сокращать наши остановки. Часто я предоставлялъ ему ѣхать впередъ, а самъ дѣлалъ прогулки въ сторону и охотился за тѣмъ, что мнѣ попадалось подъ руку. Большую часть дня я занимался одинъ или охотой или препаровкой добычи; но послѣ полудня догонялъ повозку, которую не трудно было разыскать по слѣдамъ. Около захода солнца мы располагались стоянкой на ночь и, стреноживъ лошадей, пускали ихъ на траву. Затѣмъ мы разводили большой огонь и приготовляли себѣ ужинъ, состоявшій, какъ повсюду въ австралійскихъ кустарникахъ, изъ соленаго мяса и „дампера", особаго рода хлѣба изъ пшеничной муки и воды. Изъ тѣста дѣлаютъ круглую плоскую лепешку, которую и запекаютъ въ горячей золѣ. Этотъ хлѣбъ очень пріятенъ на вкусъ, пока онъ свѣжъ, но скоро черствѣетъ и дѣлается очень твердымъ. Послѣ ужина приходилось подумать о ночлегѣ. Непроницаемый плащъ и нѣсколько шерстяныхъ одѣялъ составляли нашу постель.

Для большаго удобства мы располагались подъ повозкой противъ огня. Обыкновенно не имѣешь надъ головой ничего, кромѣ небеснаго свода; и въ западномъ Квинслэндѣ, гдѣ роса падаетъ только послѣ дождливаго періода, ничего лучше нельзя себѣ и представить, но на побережьѣ слѣдуетъ быть болѣе благоразумнымъ. Если нѣтъ возможности пользоваться палаткой, надо устроить надъ головой какую-нибудь покрышку, чтобы предохранить себя отъ росы. Для этого достаточно нѣсколько вѣтвей, но мѣстный житель обыкновенно пренебрегаетъ и этою предосторожностью.

Какъ прекрасно чувствуешь себя подъ открытымъ небомъ. Задремавъ подъ меланхолическій крикъ ночныхъ птицъ и убаюканный ихъ пѣніемъ, просыпаешься на другой день передъ восходомъ солнца, въ свѣжее восхитительное утро при мелодичныхъ крикахъ австралійской вороны, напоминающихъ звуки органа.

Начиная съ „Горъ путешественниковъ", мы увидали въ первый разъ

скрубъ, въ прямомъ смыслѣ слова непроницаемую чащу, среди которой не замѣчается разнообразія растеній, характернаго для кустарниковыхъ зарослей побережья. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ одинъ видъ акаціи (Acacia horpophylla), покрывающій почти все пространство на протяженіи нѣсколькихъ миль. Тяжелый, удушливый воздухъ стоитъ надъ этими зарослями. Отъ времени до времени одинокое бутылочное дерево нарушаетъ мертвенность сѣраго пейзажа. Пористый и губчатый стволъ этого дерева вбираетъ въ себя много влаги — свойство, которымъ пользуются фермеры во время сильныхъ и продолжительныхъ засухъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ это влагоемкое и богатое крахмаломъ дерево идетъ въ пищу скоту.

Двух- или трехдневный переходъ черезъ эту пустынную область привелъ насъ къ рѣкѣ Кометъ. На берегу этой рѣки я замѣтилъ нѣсколько казуаринъ, деревьевъ съ тусклой окраской и почти безлистныхъ, видъ которыхъ производитъ весьма тоскливое впечатлѣніе на путника; когда вѣтеръ проносится черезъ лѣсъ казуаринъ и колеблетъ ихъ вершины, кажется, что тяжелый вздохъ вылетаетъ изъ глубины лѣса.

На пути я остановился на денекъ въ одной встрѣченной нами фермѣ. Здѣсь я былъ приглашенъ къ участію въ охотѣ за кенгуру. Охотниковъ было нѣсколько, всѣ верхомъ. Мы выѣхали при заходѣ солнца; въ это время животныя выходятъ обыкновенно на пастьбу, и дѣйствительно мы скоро замѣтили одного кенгуру; тотчасъ же были спущены наши превосходныя борзыя собаки, а мы помчались за ними во всю прыть.

Бѣгъ кенгуру напоминаетъ бѣгъ галопирующей лошади, но онъ скоро замедляется; старыя животныя, въ особенности самцы, скоро утомляются и останавливаются. Затѣмъ они садятся на заднія лапы, прислонившись къ стволу какого-нибудь дерева, и борются до послѣдняго изнеможенія. Горе собакѣ, если она попадетъ въ когти животнаго: кенгуру схватываетъ ее передними лапами и распарываетъ ей брюхо большимъ пальцемъ; поэтому собаки боятся подходить слишкомъ близко.

Мы мчались за кенгуру во всю прыть; но животное стало въ оборонительную позу передъ собаками; тогда одинъ изъ охотниковъ соскочилъ и убилъ кенгуру дубинкой. Во время этой охоты было убито шесть животныхъ.

Въ разстояніи приблизительно 250 миль отъ берега мы перешли черезъ горный хребетъ, который подъ названіемъ „Большая Водораздѣльная цѣпь“ образуетъ водораздѣлъ между водами восточнаго и западнаго Квинслэнда. Низкіе холмы отмѣчаютъ линію гребня, тѣмъ не менѣе фауна того и другого склона представляетъ большія различія и природа носитъ совсѣмъ другой отпечатокъ. Спустившись съ холмовъ, замѣчаешь стаи какаду съ красными шейками, которыхъ совершенно не видно на восточномъ склонѣ. Начиная отсюда, мы находимся въ запад-

номъ Квинслэндѣ, странѣ безконечныхъ пастбищъ, гдѣ пасутся и кормятся милліоны овецъ; здѣсь начинается царство скватеровъ, въ чемъ мы имѣли вскорѣ возможность убѣдиться. Нѣтъ ничего болѣе характернаго для жизни въ кустарниковыхъ заросляхъ Австраліи, какъ встрѣча съ повозкой, нагруженной шерстью, которая постепенно выростаетъ на горизонтѣ среди обширной равнины. Восемнадцать или двадцать сильныхъ быковъ тяжелымъ шагомъ подъ лучами горячаго солнца тащатъ фуру, нагруженную кипами шерсти. Возчикъ, покрытый пылью и загорѣлый отъ солнца, шагаетъ сбоку каравана съ длиннымъ кнутомъ въ рукахъ. Его семейство помѣстилось въ палаткѣ, высокой, какъ настоящій домъ, и разбитой надъ кипами. Нѣсколько овецъ и козъ составляютъ арьергардъ.

Эти проводники фуръ зарабатываютъ хлѣбъ перевозкой шерсти со станцій дальняго запада въ прибрежные города. Вся жизнь ихъ проходитъ въ путешествіяхъ. Если они женаты и обладаютъ нѣсколькими упряжками, то они поручаютъ одну женѣ, которая такъ же хорошо справляется съ дѣломъ, какъ и мужчина.

Встрѣча большого стада овецъ указывала на близость Мини-Дауна— цѣль нашего путешествія. Я провелъ тамъ около мѣсяца и ближе познакомился съ жизнью фермы.

Разведеніе скота—главная отрасль промышленности страны—кладетъ рѣзкій отпечатокъ на всю коммерческую жизнь Австраліи. Въ болѣе старыхъ колоніяхъ земли, на которыхъ пасутся овцы и рогатый скотъ, составляютъ собственность скотоводовъ; повсюду въ другихъ мѣстахъ Квинслэнда правительство отдаетъ въ аренду землю скватерамъ, составляющимъ денежную аристократію провинціи. Нерѣдко скватеръ имѣетъ 200.000 овецъ на фермѣ, число головъ рогатаго скота достигаетъ 15.000, и нѣкоторые скотоводы не поскупятся затратить 50.000 франковъ за одного хорошо сложеннаго быка или 15.000 франковъ на улучшеніе расы скота.

Каждая ферма представляетъ изъ себя маленькую деревню. Кромѣ главнаго корпуса, занятаго самимъ скватеромъ или его управляющимъ, здѣсь еще находятся жилища рабочихъ, шерстомойня, склады для шерсти и лавки, гдѣ можно пріобрѣсти предметы первой необходимости. Около воды,—а каждая ферма имѣетъ свой прудъ, если мимо не протекаетъ рѣчки,—разбитъ садъ и огородъ, обрабатываемый чаще всего китайцами, которые считаются лучшими садоводами, но ненавидимы колонистами. Главная заслуга китайцевъ состоитъ въ томъ, что они съ неутомимымъ рвеніемъ занимаются поливкой сада утромъ и вечеромъ, независимо отъ того, сіяетъ ли солнце или идетъ дождь. Каждый китаецъ, чтобы получить право на поселеніе въ Квинслэндѣ, долженъ уплатить 750 франковъ.

При всякой фермѣ находится загонъ. Сюда загоняютъ животныхъ

передъ убоемъ или стрижкой, но главнымъ образомъ здѣсь запираютъ по утрамъ лошадей, чтобы рабочіе могли ихъ найти. Почти всѣ работы исполняются на лошадяхъ, и въ Австраліи почти всѣ умѣютъ хорошо ѣздить верхомъ. Эти обширныя пастбища требуютъ, конечно, отъ человѣка большой затраты труда, въ особенности для охраны овецъ. Промывка шерсти на побережьи стоитъ часто болѣе, чѣмъ доставка ея въ Англію. Несмотря на все это, овцеводство даетъ 30% чистаго дохода. Убой скота производится въ городахъ, куда его пригоняютъ живымъ. Что касается молока, то въ Квинслэндѣ не извлекаютъ по этой части никакого барыша; такъ, на фермѣ со стадомъ приблизительно въ 10.000 головъ рогатаго скота было всего три-четыре дойныхъ коровы. Коровъ, которыя полудики, очень трудно доить. Почти исключительно весь скотъ откармливается на убой. Куда же дѣвается все это громадное количество мяса? Большая часть его потребляется на мѣстѣ, въ Австраліи, но въ послѣднее время было построено много фабрикъ для замораживанія мяса, гдѣ оно приготовляется для вывоза. Наконецъ, значительная часть идетъ для вытапливанія жира; въ городѣ Рокгамптонѣ устроена фабрика, гдѣ ежегодно сотни тысячъ тушъ быковъ и овецъ подвергаются такой участи.

Въ Австраліи каждая мѣстность, годная для пастьбы, сейчасъ же засѣвается травой и превращается въ лугъ. Быки и коровы поѣдаютъ менѣе нѣжную траву, выросшую первоначально на такомъ лугу, затѣмъ уже пригоняютъ овецъ, которыя щиплютъ болѣе сочную траву. На разстоянія не обращаютъ вниманія. Иногда требуется переходъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы пригнать стадо на новую станцію.

Злѣйшій врагъ скватера — это здѣшній климатъ. Чтобы побѣдить продолжительные періоды засухъ, жертвой которыхъ онъ можетъ сдѣлаться, скотоводъ тратитъ громадные деньги на рытье прудовъ.

Кустарниковыя заросли, которыя рѣдѣютъ по направленію къ западу, окружаютъ еще Минни-Даунъ широкимъ поясомъ; около самой станціи преобладаетъ „бригало"—скрубъ. Вскорѣ показались и другія кустарниковыя заросли, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ развѣсистая акація (Acacia pendula): непріятный запахъ, особенно острый послѣ дождя, уже издали предупреждаетъ объ ихъ появленіи.

Скрубъ внутренней Австраліи навѣваетъ впечатлѣніе одиночества и заброшенности. Большое количество деревьевъ имѣютъ листву съ сѣроватымъ или каштановымъ оттѣнкомъ и, не давая никакой тѣни, волнуются надъ равниной и безпріютными холмами. Проходя этими зарослями, не испытываешь чувства цѣлительнаго покоя, какъ въ другихъ лѣсахъ: все сухо, опалено и мертво, какъ въ могилѣ; это пустынный ландшафтъ, гдѣ слѣды жизни разсѣяны очень скудно. Развѣ что отъ времени до времени появленіе какой-нибудь птицы или другого живот-

наго нарушить монотонность картины. Эти заросли — характерная особенность Австраліи. Иногда онѣ достигаютъ громадныхъ размѣровъ: нѣкоторыя изъ нихъ занимаютъ до 9.000 кв. миль. Можно сказать, что для Австраліи характерны кустарниковыя заросли такъ же, какъ для Монголіи—степи, для Америки—преріи, для Африки—пустыни.

Я не могъ разсчитывать на богатую зоологическую добычу въ обширныхъ скрубахъ, которые окружали ферму. Въ этомъ отношеніи и лѣсъ не представляетъ большого интереса. Нѣкогда здѣсь, такъ же какъ и во всей западной Австраліи, водилась въ большомъ количествѣ австралійская собака, но динго возбудилъ противъ себя гнѣвъ скватеровъ, которые дѣлаютъ все, чтобы его уничтожить, и дѣйствительно теперь динго встрѣчается довольно рѣдко. На большихъ хозяйствахъ держатъ даже человѣка, единственная обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы разыскивать динго и ихъ отравлять. Въ западномъ Квинслэндѣ встрѣчаются двѣ породы динго: черный съ бѣлой грудью и рыжій.

Мнѣ часто приходилось наблюдать здѣсь пауковъ, въ особенности большого волосатаго, который чрезвычайно распространенъ въ этой мѣстности. Его гнѣздо находится на глубинѣ 45 сант. и отверстіе входа ничѣмъ не прикрыто сверху, какъ у многихъ другихъ пауковъ. Чтобы испробовать ядъ этого паука, я помазалъ имъ мордочку кошки. Бѣдное животное подверглось сильной лихорадкѣ, стонало, но въ концѣ-концовъ выздоровѣло довольно скоро. Другой паукъ, распространенный въ Квинслэндѣ, чрезвычайно опасенъ даже для человѣка. Это маленькое животное, совершенно черное, съ яркимъ краснымъ пятномъ на спинѣ. Одинъ изъ этихъ страшныхъ пауковъ, которыхъ здѣсь боятся такъ же, какъ змѣй, укусилъ въ ногу одного изъ моихъ друзей: за сильною болью послѣдовалъ параличъ, продолжавшійся три дня. Больной чувствовалъ, какъ ядъ поднимается по укушенной ногѣ, затѣмъ переходитъ на нижнюю часть живота и другую ногу и подымается къ груди. Къ счастію послѣ сильной лихорадки на третій день онъ выздоровѣлъ. Этотъ паукъ обыкновенно живетъ въ старыхъ деревьяхъ, но охотно поселяется также въ домахъ, прячась днемъ въ какомъ-нибудь углу и только ночью выползая на добычу. Мнѣ удалось набрать ихъ большое количество, такъ какъ они нисколько не трусливы.

Стремясь пробраться возможно дальше на западъ, гдѣ, по моимъ соображеніямъ, должна была существовать болѣе богатая фауна, я продолжалъ мое путешествіе одинъ безъ спутника, но съ двумя лошадьми. По большей части я слѣдовалъ вдоль какой-нибудь тропинки, но когда таковой не было, я выбиралъ произвольно мой путь, направляясь куда глаза глядятъ. Каждый день я ожидалъ какого-нибудь измѣненія въ пейзажѣ, но надежда постоянно меня обманывала. Передъ моими глазами

разстилалась безконечная сѣроватая равнина, на которой росла сухая трава „митчель грисъ“ (Astrebla clymoides), среди которой тамъ и сямъ, въ особенности на берегу ручьевъ, были разбросаны отдѣльныя камедныя деревья. Небольшія рощицы однѣ вносили нѣкоторое разнообразіе въ этотъ монотонный ландшафтъ.

Достигнувъ рѣки Баркое, я былъ удивленъ, увидя вмѣсто рѣки сухое ложе съ нѣсколькими лужицами воды. Причина заключается въ томъ, что и эта рѣка, какъ большая часть рѣкъ Австраліи, образуется только насчетъ дождевой воды.

Дожди выпадаютъ не часто въ западномъ Квинслэндѣ, но когда начинается дождливый періодъ, ложе потоковъ въ одно мгновеніе ока наполняется водой, берега исчезаютъ и ширина рѣки достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколькихъ миль. Затѣмъ уровень воды такъ же быстро опускается, какъ поднялся, и жгучіе лучи солнца превращаютъ вскорѣ недавно еще широкую и полноводную рѣку въ жалкій ручей, прерываемый болотцами. Вода въ кустарниковыхъ зарасляхъ представляетъ изъ себя предметъ первой необходимости. Чтобы выкормить скотъ, скватеръ принужденъ воздвигать большія плотины, въ особенности на рѣкахъ, чтобы удержать воду и создать такимъ образомъ водный резервуаръ, который бы предохранялъ его отъ случайныхъ потерь. Въ послѣднее время для борьбы съ засухой стали рыть глубокіе колодцы.

Въ западномъ Квинслэндѣ не удивляются, когда проходитъ 8 и 10 мѣсяцевъ безъ капли дождя. Овцы и рогатый скотъ не теряютъ однако отъ этого своей дородности, благодаря прекрасному качеству травы, столь сѣрой и невзрачной на видъ. Стоитъ только пройти проливному дождю, и трава эта измѣняетъ свою окраску на ярко-зеленую. Почва здѣсь состоитъ изъ плодородной коричневой глины: не достаетъ только воды; но этотъ недостатокъ стараются возмѣстить искусственными мѣрами. При существующихъ условіяхъ, однако, трудно даже выращивать цвѣты на клумбахъ.

Воду внутри страны невозможно совершенно употреблять сырою для питья; иногда она содержитъ такое количество тины, что ее необходимо вскипятить, чтобы удалить эту грязь. Она имѣетъ то бѣлую окраску, какъ мѣлъ, то черноватую вслѣдствіе разложенія скопляющейся въ ней растительности. Это, впрочемъ, не мѣшаетъ жителямъ буша пить ее такою, какъ она есть: неразборчивость ихъ достигаетъ такой степени, что я самъ видѣлъ, какъ они утоляли свою жажду изъ лужъ, въ которыхъ разлагались трупы овецъ. Нечего и говорить, что выдѣленіе пота чрезвычайно обильно при такомъ климатѣ; къ счастію потъ такъ быстро испаряется, что тѣло постоянно остается сухимъ, даже во время верховой ѣзды подъ вертикальными лучами солнца.

Черезъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда изъ Минни-Дауна я прибылъ на стан-

цію Виндексъ, расположенную въ 650 миляхъ отъ Рокгамптона. Я былъ здѣсь принятъ съ обычнымъ въ австралійской глуши гостепріимствомъ и получилъ приглашеніе погостить нѣкоторое время на станціи, что дало мнѣ возможность подробнѣе ознакомиться съ окрестностями и ихъ фауной.

Здѣсь я присоединилъ къ своимъ коллекціямъ самое маленькое изъ сумчатыхъ животныхъ Австраліи, сумчатую мышь (Phascologale minutissima). Я увидѣлъ кошку, которая играла съ какимъ-то маленькимъ животнымъ, напоминающимъ мышь. Я выхватилъ у нея добычу и, осмотрѣвъ ее, убѣдился, что звѣрекъ принадлежитъ къ отряду сумчатыхъ. Въ его сумкѣ заключалось не менѣе восьми дѣтенышей. Нечего и говорить, съ какою радостью я опустилъ мою добычу въ банку со спиртомъ.

Изъ Виндекса я предпринялъ экскурсію въ гористую мѣстность, расположенную въ тридцати миляхъ отъ станціи. Здѣсь я убилъ великолѣпнаго бѣлаго ястреба и нѣсколько бриллiантовыхъ голубей. Эти красивыя маленькія птички чрезвычайно многочисленны въ этой мѣстности и такъ неосторожны, что пастухи ихъ убиваютъ ударомъ кнута.

Горныя цѣпи въ окрестностяхъ Виндекса сложены изъ песчаника. Здѣсь въ изобиліи растетъ спинифексъ; это названіе даютъ травѣ (Triora irritans), составляющей истинное наказаніе для путешественниковъ и дѣлающей непригодными пространства, которыя она покрываетъ иногда на протяженіи многихъ миль. Ея колючіе листья ранятъ въ кровь ноги лошадей, и даже ея молодые побѣги не годятся въ пищу скоту.

Мѣстность, гдѣ я находился, перенесла въ предшествовавшемъ году нападеніе крысъ, прикочевавшихъ съ сѣверо-запада и направлявшихся на востокъ. По словамъ свидѣтелей легіоны или арміи крысъ во время дня гдѣ-нибудь укрывались, а ночью трогались въ путь, такъ что казалось, что сама земля пришла подъ ними въ движеніе. Мнѣ разсказывали, что одинъ изъ обитателей станціи ради развлеченія положилъ на ночь кусокъ мяса на порогѣ своего жилища: такимъ образомъ ему удалось убить палкой четыреста этихъ непріятныхъ посѣтителей, привлеченныхъ запахомъ мяса. Нѣсколько сѣвернѣе простирается область Клонкурри, въ которой находятся богатѣйшія залежи мѣди, превосходящія въ этомъ отношеніи даже залежи близъ Верхняго озера въ Америкѣ. Здѣсь находятъ также золото и цѣлыя горы желѣза; но вслѣдствіе недостатка путей сообщенія эти неисчислимыя богатства остаются по большей части безъ разработки. Увѣряютъ, что Квинслэндъ со временемъ сдѣлается центромъ добыванія драгоцѣнныхъ металловъ: золото, серебро и олово встрѣчаются здѣсь въ изобиліи, а новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что страна обладаетъ также столь богатыми залежами каменнаго угля, что со временемъ побережье Квинслэнда сдѣлается важнѣйшимъ рынкомъ каменнаго угля въ южномъ полушаріи.

Во время своего пребыванія здѣсь я принялъ участіе въ одной изъ экспедицій, устраиваемыхъ черной полиціей.

Эта черная туземная полиція была создана правительствомъ Квинслэнда для защиты колонистовъ. Она квартируетъ тамъ, гдѣ туземцы признаются еще опасными для общаго спокойствія, и набирается изъ черныхъ другихъ провинцій, слѣдовательно естественныхъ враговъ тѣхъ, противъ которыхъ ими пользуются. Во главѣ ихъ стоитъ одинъ бѣлый сержантъ.

Солдаты, составляющіе черную полицію—прекрасные всадники: они вооружены карабинами и носятъ форму. Нѣсколько разъ въ году они покидаютъ свои бараки, довольно жалкія хижины, чтобы произвести объѣздъ ввѣренной ихъ попеченію довольно обширной области. Если черные убьютъ бѣлаго, то обязанность полиціи ихъ наказать; если они украдутъ скотъ, то скватеръ требуетъ, чтобы ихъ разогнали. По мѣрѣ того, какъ цивилизація проникаетъ въ Квинслэндъ, сокращаютъ число этихъ полицейскихъ; въ настоящее время существуетъ всего нѣсколько станцій на западѣ и на сѣверѣ колоніи.

Полиція мало занята во время своего пребыванія на станціи. Отдѣльные солдаты цѣлыми днями бродятъ по лѣсу, отдаваясь занятіямъ и играмъ, свойственнымъ ихъ соплеменникамъ; они охотно освобождаются отъ своей одежды, чтобы имѣть болѣе свободы въ движеніяхъ. По вечерамъ, когда была прохладная погода, они упражнялись въ метаніи бумеранга, и я съ удовольствіемъ любовался ихъ ловкостью.

Удивительно, что австралійскій народъ, принадлежащій къ столь низкой расѣ, могъ изобрѣсти орудіе, имѣющее замѣчательное свойство возвращаться къ тому, кто его бросилъ, если только на своемъ полетѣ орудіе не было задержано какимъ-нибудь препятствіемъ. Бумерангъ—это плоская изогнутая, къ концамъ утоняющаяся палка изъ твердаго, тяжелаго дерева, по большей части изъ развѣсистой или благородной акаціи. Впрочемъ, лучшій бумерангъ, какъ мнѣ довелось видѣть, былъ сдѣланъ изъ болѣе легкаго дерева. Кривизна бумеранга достигаетъ иногда прямого угла и является или результатомъ игры случая или дѣломъ человѣческихъ рукъ.

Одна сторона бумеранга сильно сплющена, другая слегка вздута, оба конца немного округлены. Свойство бумеранга возвращаться къ точкѣ отправленія зависитъ отъ его спиральной формы. Туземцы, чтобы достигнуть скручиванія, погружаютъ дерево въ воду и послѣ того кладутъ его подъ горячій пепелъ, прежде чѣмъ начать его сгибать. Эта операція повторяется отъ времени до времени, въ особенности если дерево легкое, такъ какъ изогнутіе сохраняется не особенно долго.

Въ западномъ Квинслэндѣ такъ же, какъ и во всей остальной Австраліи, можно найти и совершенно прямые бумеранги, которыми пользуются

во время войны или охоты и которые не возвращаются никогда обратно, но, попадая въ стаю утокъ или голубей, производятъ среди нихъ страшныя опустошенія.

Чтобы хорошо бросить бумерангъ, ловкость кисти руки важнѣе, чѣмъ сила; необходимо прежде всего крѣпко держать его и выпускать моментально. Трудно себѣ представить, какое большое разстояніе можетъ пролетѣть бумерангъ и какое красивое зрѣлище представляетъ онъ во время полета, постоянно вращаясь и издавая жужжаніе въ родѣ волчка. Что касается до меня, то я всегда съ удовольствіемъ любовался этою излюбленною игрою австралійцевъ и самъ упражнялся въ ней, хотя и не достигъ въ этомъ отношеніи ловкости туземцевъ. Хорошо метать бумерангъ дѣло нелегкое и необходима продолжительная практика. Немногимъ только бѣлымъ это удается, да и не всѣмъ туземцамъ.

Часто бумерангъ ударяется о землю въ десяти, двѣнадцати шагахъ отъ туземца, который его бросилъ, но его скорость не только не уменьшается, а еще увеличивается отъ этого толчка. Послѣ перваго рикошета можетъ послѣдовать второй, и орудіе продолжаетъ летѣть, поворачиваясь то налѣво, то направо. Бумерангъ только въ рѣдкихъ случаяхъ убиваетъ человѣка. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ разсказывалъ мнѣ, что онъ былъ раненъ во время стычки бумерангомъ въ бедро; рана имѣла всего два сантиметра глубины и выздоровленіе незамедлило послѣдовать; точно такъ же и лошадь его, подвергшаяся нѣсколькимъ ударамъ, оправилась очень быстро.

Лѣтніе жары давали о себѣ знать: стояла уже середина ноября. Каждый день солнце жгло своими вертикальными лучами, ни малѣйшій вѣтерокъ не освѣжалъ лица. Нигдѣ не было видно не озерка, не слышно лепета ручья,—одни только обманчивые миражи. Полное отсутствіе животной жизни; все живое попряталось отъ жгучихъ лучей солнца. Термометръ, который обыкновенно показывалъ 40° въ тѣни, поднялся до 47°. Жара была настолько велика, что я изнемогалъ даже сидя. Если поднимался легкій вѣтерокъ, то казалось, что онъ выходилъ изъ раскаленной печи. Тѣмъ не менѣе здѣсь температура была болѣе сносная, чѣмъ на рѣкѣ Діамантинѣ, гдѣ въ то же время, какъ я узналъ впослѣдствіи, жара достигала 53 градусовъ, высоты исключительной даже для тропической Австраліи. Деревья мало защищаютъ отъ лучей солнца: во время остановокъ среди дня я находилъ защиту только подъ тѣнью отъ лошади.

Къ счастію прохладныя ночи дѣйствуютъ возстановляющимъ образомъ на здоровье. Какъ только зайдетъ солнце, воздухъ, не насыщенный влагой, быстро остываетъ, такъ что можетъ произойти колебаніе температуры въ 22°. Въ такихъ случаяхъ я чрезвычайно зябъ и принужденъ былъ покрываться шерстяными одѣялами. Ко всѣмъ этимъ бѣ-

дамъ присоединился еще истинный бичъ въ образѣ мухъ. Онѣ настолько безпокоятъ васъ, что во время ѣды необходимо натянуть вокругъ себя пологъ. Въ особенности достается глазамъ, такъ что вѣки вскорѣ распухаютъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ нельзя бываетъ раскрыть глазъ. Единственное средство защиты—это закрыть лицо себѣ вуалью и то же сдѣлать съ лошадью.

— — —

Изъ жизни скваттеровъ въ Квинслэндѣ.

(С. фонъ-Котце.)

Куктоунъ вскорѣ послѣ періода дождей имѣетъ совсѣмъ привлекательный видъ. Бѣленькіе деревянные домики съ блестящими крышами изъ волнистаго желѣза тѣснятся между зелеными холмами и голубой лачугой маленькой гавани, на заднемъ планѣ которой одиноко высится огромная гора Мунтъ-Фоксъ. Тамъ и сямъ виднѣются кокосовыя пальмы; удивительно, какъ даже одна такая пальма придаетъ самому скучному ландшафту тропическій, нѣсколько сказочный характеръ. На другой сторонѣ гавани болотистый берегъ весь покрытъ мангровыми зарослями, черезъ которыя пробирается рѣка Эндавуръ, впадающая тутъ же неподалеку въ море. Совсѣмъ другимъ представляется городъ лѣтомъ. На пыльныхъ, безлюдныхъ улицахъ, среди разбросанныхъ пустыхъ бутылокъ и коробокъ отъ консервовъ, бродятъ тощія козы, а въ полдень онѣ идутъ отдыхать на веранды общественныхъ зданій. Козы и пустыя бутылки составляютъ характеристическую особенность всѣхъ городовъ сѣверной Австраліи.

Куктоунъ былъ исходнымъ пунктомъ, откуда мнѣ надлежало отправиться внутрь страны. Правительство проложило рельсы почти на 70 англ. миль вглубь страны, но затѣмъ постройка желѣзной дороги прекратилась. Два раза въ недѣлю туда и обратно отправляется поѣздъ. Расписаніе не соблюдается строго, и пассажиръ можетъ сѣсть въ поѣздъ въ любой моментъ: стоитъ только стать на насыпь и махать шляпой (носового платка большая часть здѣшнихъ пассажировъ не имѣетъ). Нашъ поѣздъ нѣсколько запоздалъ, такъ какъ машинистъ замѣтилъ въ травѣ дрофу и вмѣстѣ съ кочегаромъ отправился на охоту. Слѣдующія двѣ мили перья ощипываемой на тендерѣ птицы летѣли въ мое купэ, такъ что несмотря на жару я рѣшился закрыть окно, и заснулъ.

Послѣ почти пятичасовой ѣзды мы добрались до конца. Трудно понять, почему дорога кончается именно въ этомъ мѣстѣ: нѣсколько дальше или ближе не составило бы разницы. Станція, куда мы прибыли, состояла изъ дощатаго навѣса и очень ветхаго кабачка, въ которомъ я

въ первый разъ былъ посвященъ въ тайны мѣстной кухни. Обѣдъ—при 45° Цельсія въ тѣни—состоялъ изъ очень стараго и твердаго соленаго мяса, нѣсколькихъ огромныхъ кумала (родъ сладкаго картофеля) и горячаго, чернаго, какъ смола, чаю; чаю въ Австраліи потребляютъ больше, чѣмъ даже въ Россіи.

Дальнѣйшій путь мнѣ предстояло совершить въ почтовомъ экипажѣ. Онъ былъ запряженъ четверкой, самой жалкой четверкой, какую мнѣ когда-либо приходилось видѣть. Трудно себѣ представить, какъ отвратительно можетъ выглядѣть здѣшняя лошадь, когда трава выгорѣла, а вода высохла, какой жалкій, тощій и безнадежный видъ имѣетъ она, хотя выносливость ея уменьшается лишь въ незначительной степени. Усталые глаза, шершавая, грязная шерсть, рѣзко очерченныя ребра и хребетъ, острый какъ ножъ; прибавьте къ этому старую, всю въ заплатахъ упряжь, соотвѣтственно валкій экипажъ и во главѣ всего этого бородатаго, коричнево-краснаго отъ загара, прихрамывающаго стараго кучера, и вы будете имѣть понятіе о „королевской“ почтѣ, съ которой мнѣ предстояло отправиться въ дальнѣйшій путь.

Я облачился въ такой же костюмъ, какой былъ надѣтъ на кучерѣ. Пестрая, открытая на груди шерстяная рубашка, штаны изъ англійской кожи, первоначальная бѣлизна которыхъ должна перемѣнить всѣ оттѣнки до желто-коричневаго, прежде чѣмъ они будутъ вымыты, широкополая шляпа и башмаки безъ чулокъ,—таковъ настоящій костюмъ жителей „буша“. Въ большіе праздники къ этому добавляется еще пестрый платокъ, обернутый вокругъ шеи, и въ рѣдкихъ случаяхъ, если идетъ дождь, пиджакъ; вообще же австрійскій скваттеръ никогда не надѣваетъ верхняго платья.

Намъ нужно было проѣхать въ этомъ убійственномъ экипажѣ пятнадцать миль до конечной станціи Майтоупа, лежащей посреди заброшеннаго золотого пріиска Пальмеръ. И, безъ сомнѣнія, мнѣ пришлось бы плохо, если бы я не сдѣлалъ большей части пути пѣшкомъ. Тѣмъ не менѣе агентъ этого сообщенія взыскалъ съ меня весьма изрядную сумму, около 25 рублей. Когда все, наконецъ, было погружено въ экипажъ, мы тронулись и немедленно исчезли въ облакахъ пыли.

Итакъ, мы были въ „бушѣ“, какъ называютъ его австралійцы. Направо и налѣво, насколько хваталъ глазъ, простирался открытый парковый ландшафтъ: на изсохшихъ лугахъ стояли, на опредѣленныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, маленькія изуродованныя деревья, сожженныя и скрюченныя безжалостно палящимъ солнцемъ, изсушенныя знойнымъ вѣтромъ. Это были эвкалипты, и ихъ скудная листва совсѣмъ не давала тѣни, такъ что каждый узловатый сучокъ, каждая скрюченная вѣтвь были видны отчетливо и рѣзко. Эти причудливые карлики съ растопыренными вѣтвями казались мнѣ толпой какихъ-то бѣсноватыхъ

привидѣній, а весь этотъ оцѣпенѣвшій ландшафтъ — какимъ-то кладбищемъ растительной жизни. Удушливо-жаркая полуденная тишина, полнѣйшее отсутствіе животныхъ, яркій, непріятно-бѣлый свѣтъ, выжженная, жаждущая влаги земля и обнаженные, усѣянные черными гранитными валунами холмы вдали сливались въ одну страшную давящую гармонію, основнымъ тономъ которой, казалось, была старость, бездушная, безнадежная, невыразимо мертвая старость...

А термометръ показывалъ 50° Цельсія...

Дорога дѣлалась все хуже и хуже. Напрасно кучеръ пускалъ въ дѣло сильныя выраженія и проклиналъ на всевозможные лады каждую лошадь отдѣльно и всѣхъ вмѣстѣ, экипажъ, бушъ, колонію Квинслэндъ, Австралію, планеты и, наконецъ, всю вселенную. „Вы должны встать, — сказалъ онъ, наконецъ, — иначе мы никогда не доѣдемъ". Я молча послѣдовалъ приглашенію и зашагалъ въ гору по глубокому бѣлому песку...

Наконецъ, мы добрались до полустанка. Довольно обширная хижина, обнесенная болѣе или менѣе ветхой оградой; разорванное бѣлье, развѣшанное для просушки; двѣ въ высокой степени непривлекательныхъ туземки съ черными трубками во рту, окруженныя своимъ голымъ потомствомъ и многочисленными паршивыми собаками; затѣмъ подозрительная лужа на днѣ пересохшаго ручья; безконечное количество пустыхъ жестянокъ отъ консервовъ и разбитыхъ бутылокъ и полдюжины жалкихъ козъ, какъ будто прямо предназначенныхъ для того, чтобы изготовить изъ нихъ англійскіе кожаные штаны, и наконецъ, кругомъ ничего, кромѣ буша, мертваго, прозаическаго буша.

Самая хижина была сколочена изъ круглыхъ необдѣланныхъ древесныхъ стволовъ и покрыта корой. Эта кора, по большей части отъ эвкалиптовъ, въ извѣстное время года, послѣ дождя, отдѣляется отъ дерева широкими полосами и превосходно служитъ для подобной цѣли. Правда, нельзя сказать, чтобы такое сооруженіе выглядѣло красиво; тѣмъ не менѣе оно представляетъ сравнительно высокую ступень осѣдлости, которая начинается съ открытаго неба какъ крыши и, постепенно переходя черезъ палатку, фургонъ, траву, кору и волнистое желѣзо, доходитъ до двухъэтажнаго городского дома.

На лай собакъ въ дверяхъ появилась хозяйка дома и привѣтствовала кучера кивкомъ головы, показавъ въ то же время пальцемъ черезъ плечо на мужа, который велъ изъ скруба подставныхъ лошадей. Хозяйка, повидимому, была еще молодая женщина. На ней было грязное платье изъ дешеваго ситца, волосы свѣшивались въ безпорядкѣ надъ коричневымъ затылкомъ; лицо ея было желто и безкровно, грудь плоска, а фигура — худая и сгорбленная. Общій видъ былъ далеко не привлекателенъ. Она непріятнымъ, крикливымъ голосомъ отдала какое-то приказаніе

туземкамъ и сама стала помогать кучеру распрягать лошадей. Я замѣтилъ, что она была босая и не стѣсняясь вполголоса разспрашивала кучера обо мнѣ. Я стоялъ тутъ же, но, какъ новичокъ, чувствовалъ себя лишнимъ. Изъ моего смущенія я былъ выведенъ хозяиномъ, который, весь красный отъ жары, пыхтя, подошелъ ко мнѣ и дружески привѣтствовалъ: „добрый день, товарищъ!“, но тутъ же прибавилъ, обращаясь къ кучеру: „навѣрно, опять проклятый новичокъ!“

Кучеръ кивнулъ утвердительно и въ то же время показалъ пальцемъ на свой ротъ, а чтобы разсѣять мое недоумѣніе, прибавилъ: „вы можете рисковать смѣло: онъ продаетъ хорошій ромъ“.

Жребій былъ брошенъ, и хозяинъ повелъ насъ въ свое святая святыхъ.

Внутренность дома соотвѣтствовала его наружному виду. Внутри хижина раздѣлялась коленкоровой перегородкой на двѣ части. Меблировка жилой комнаты состояла изъ стола и двухъ скамеекъ, т.-е. просто столбовъ, врытыхъ въ землю, съ прибитыми къ нимъ тесинами и досками отъ ящиковъ. На стѣнахъ были развѣшаны другъ на другѣ одежда, инструменты, сѣдла и уздечки, изъ-подъ которыхъ виднѣлись пожелтѣвшіе и разорванные листы иллюстрацій. Полъ былъ сдѣланъ изъ термитовой кучки, которая съ этою цѣлью была разбита но отдѣльные куски, смочена и потомъ гладко утрамбована. На столѣ еще стояли эмалированныя тарелки и блюда, неубранныя послѣ обѣда. Хозяйка однимъ толчкомъ отодвинула перегородку и вынесла изъ помѣщавшейся за ней спальни бутылку и нѣсколько попорченный жестяной стаканъ. Затѣмъ она принесла въ старой жестянкѣ отъ консервовъ воды изъ кадки, стоявшей позади дома, тамъ, гдѣ подъ раскрытой крышей, игравшей роль кухни, горѣлъ огонь, и пригласила насъ къ столу. Хозяинъ далъ мнѣ въ руки бутылку и стаканъ. Я осторожно налилъ рому, добавилъ воды и залпомъ выпилъ эту смѣсь. Ни одинъ мускулъ на моемъ лицѣ не дрогнулъ: я не хотѣлъ показаться и здѣсь новичкомъ, хотя это и далось мнѣ нелегко. Послѣ меня выпили кучеръ и хозяинъ, и послѣдній обратился ко мнѣ.

— Какъ ваше имя?

Я назвалъ себя. Онъ посмотрѣлъ на меня удивленно, но потомъ разсмѣялся. „Съ вами, иностранцами, не знаешь, какъ и быть. Вѣдь это ваша фамилія! Здѣсь, въ скрубѣ, мы не желаемъ знать никакихъ фамилій; намъ нужно только имя“.

Такая фамильярность ничуть меня не обидѣла. „Мое имя—Томасъ-Августъ-Серваціи-Адальбертъ“, сказалъ я не безъ гордости.

— Значитъ, просто Томми,—воскликнулъ онъ съ радостью; послѣ чего выпилъ еще одинъ стаканъ, налилъ другой своей женѣ и, получивъ съ меня за это 2 рубля, отнесъ опять бутылку на старое мѣсто. Послѣ этого былъ поданъ жареный голубь и горячій черный чай.

Я вышелъ на дворъ и въ первый разъ обратилъ вниманіе на кучу темнокожихъ дѣтей, большей частью голыхъ, игравшихъ въ пескѣ подъ присмотромъ толстой и на рѣдкость безобразной туземки. Эта „гувернантка“ съ большимъ усердіемъ затягивалась изъ трубки и, увидя меня, стала натягивать на грудь какіе-то ситцевые лохмотья. Я подошелъ ближе; она засмѣялась, при чемъ углы ея рта скрылись на затылкѣ, и попросила у меня табаку. Въ награду она показала мнѣ „бэби“, котораго она кормила грудью и кожа котораго была бѣлаго цвѣта.

— Это госпожи,—пояснила она.—А эти,—добавила она на великолѣпномъ пиджинъ-инглишъ, указывая величественнымъ движеніемъ руки на возившуюся неподалеку толпу ребятишекъ,—это все мои.

Мой интересъ къ ея семейству, казалось, ей понравился.

— Дайте мнѣ шиллингъ, — сказала она.

— Зачѣмъ?

— Я куплю рома,—и она щелкнула языкомъ отъ удовольствія.

— Развѣ черные также пьютъ ромъ?—спросилъ я кучера, когда мы уже были за воротами.

— И даже очень,—былъ отвѣтъ. Здѣсь, неподалеку, жилъ старый негръ, который цѣлый день ходилъ вокругъ двери кабака въ надеждѣ, что ему что-нибудь да перепадетъ. Конечно, имъ запрещено давать грогъ; но въ награду за разныя мелкія услуги имъ даютъ всѣ остатки. Это, должно быть, прекрасный напитокъ, тутъ смѣшано все: пиво и вино, виски и лимонадъ. Но негръ можетъ вынести все. Однако, на этого парня смѣсь дѣйствовала плохо, и онъ дѣлался почти бѣшенымъ, и, такъ какъ ему перестали больше давать, то онъ посылалъ свою жену въ домъ работать. Ей давали въ награду стаканъ рому; она выпивала его и, держа жидкость во рту, бѣжала къ своему мужу и повелителю, цѣловала его и впрыскивала при этомъ ему въ ротъ изрядное количество огненной влаги.

Къ вечеру мы были въ Майтоунѣ. Здѣсь кончалась ѣзда въ экипажѣ и надо было пересаживаться въ сѣдло. Ферма Вротамъ-Паркъ, куда я направлялся, поручила одному изъ людей, содержащихъ здѣсь почтовыя станціи, приготовить для меня верховую лошадь и проводить меня до фермы. Мой багажъ нагрузили на вьючную лошадь, и мы тронулись; за нами тронулись и двѣ довольно облѣзлыя собаки, принадлежавшія моему проводнику,—обыкновенно здѣшній скваттеръ не можетъ жить безъ собаки, на нее онъ переноситъ весь свой запасъ нѣжности и она, дѣйствительно, вмѣстѣ съ лошадью является его единственнымъ товарищемъ въ этой безжизненной пустынѣ.

Мы закурили трубки, и самъ собою завязался разговоръ. Темой его была большей частью лошадь. Австраліецъ прямо-таки боготворитъ лошадь. Когда молодой скваттеръ, всю жизнь ничего не видѣвшій, кромѣ

скота, лошадей, загона и пустыни, попадаетъ въ большой городъ, онъ проходитъ равнодушно мимо чудесъ современной цивилизаціи, въ родѣ электрическаго трамвая, и прямо идетъ на конную площадь или ярмарку скота. Тамъ онъ садится на верхнюю перекладину загородки и сидитъ полдня, буквально пожирая глазами лошадей; потомъ удовлетворенный идетъ домой. Ничто, даже ромъ, не можетъ побѣдить въ немъ этой страсти.

Внутри страны ѣздятъ на лошади или ходятъ пѣшкомъ, а въ послѣднее время стали пользоваться еще и верблюдами. Обыкновенно скваттеръ довольствуется двумя лошадьми: верховой и вьючной. Иногда онъ долженъ вести послѣднюю, но чаще всего она идетъ сама, какъ собака; путешественникъ съ вѣчной трубкой въ зубахъ, погруженный въ свои мечты, можетъ ни о чемъ не заботиться, такъ какъ лошадь обыкновенно лучше его самого знаетъ дорогу. На ночь имъ связываютъ переднія ноги, подвязываютъ одной изъ нихъ колокольчикъ на шею и пускаютъ въ скрубъ, гдѣ онѣ могутъ найти себѣ хотя и скудное пропитаніе. О кормѣ лошади скваттеръ не заботится. Днемъ она должна работать, а ночью ей предоставляется свобода; она можетъ спать или ѣсть (если только найдется что-нибудь ѣсть). Утромъ она снова должна тащить своего хозяина. Случается иногда, особенно въ незнакомыхъ мѣстахъ, что лошадь ночью уходитъ далеко, миль за 20 отъ мѣста ночлега, и тогда утромъ приходится идти пѣшкомъ по ея слѣдамъ—удовольствіе не изъ пріятныхъ при здѣшней жарѣ...

Стемнѣло, когда мы добрались до почтовой станціи, гдѣ жила семья моего провожатаго; но, хотя жена его и продавала грогъ, помѣщенія для меня не оказалось.

— Когда я вышла замужъ,—разсказывала мнѣ эта женщина,—у насъ было три комнаты для пріѣзжающихъ. Но теперь въ одной помѣщаются дѣти, въ другой,—туземная прислуга, а третью съѣли бѣлые муравьи. Впрочемъ, если вы хотите спать съ дѣтьми, или съ туземцами...

Я поспѣшилъ отказаться и рѣшилъ устроить свой ночлегъ подъ открытымъ небомъ. Безъ палатки можно было обойтись свободно, такъ какъ дождя и даже росы въ это время года здѣсь не бываетъ совершенно. Я выкопалъ ножомъ небольшую яму, набросалъ вѣтвей, прикрылъ ихъ сверху сухой травой, подъ голову положилъ вьюкъ, подстелилъ подъ себя одѣяло, другое натянулъ сверху, и былъ готовъ.

Но я не принялъ во вниманіе москитовъ.

Что собственно нужно москитамъ въ этихъ выжженныхъ пустыняхъ, представляется мнѣ удивительнымъ. Какъ могутъ существовать здѣсь ихъ личинки, которыя, какъ извѣстно, развиваются въ водѣ, представляетъ тоже загадку, на которую я не могу дать отвѣта. Правда, каждый небольшой водоемъ, каждая ничтожная лужица, оставшаяся послѣ дождя,

кишмя кишитъ ими. Но откуда берутся тѣ миллiарды ихъ, которые встрѣчаются въ самыхъ сухихъ уголкахъ, я не знаю. Мученія, которыя могутъ причинить москиты неопытному человѣку, не захватившему съ собой сѣтки, прямо-таки невѣроятны. Единственное спасеніе—трубка, но курить нельзя до безконечности, а проклятыя насѣкомыя жалятъ такъ, что вскорѣ все лицо покрывается шишками. Къ счастью, на помощь мнѣ явился мой хозяинъ. Когда я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, онъ прежде всего посовѣтовалъ мнѣ обзавестись на будущее время сѣткой отъ москитовъ; потомъ онъ вложилъ свой указательный палецъ въ ротъ и вслѣдъ затѣмъ высоко поднялъ его кверху.

— Вѣтеръ дуетъ съ запада.—Съ этими словами онъ провелъ черту въ пескѣ слѣва отъ меня.—Теперь соберите скорѣе навозъ, кладите его вдоль черты и зажигайте вотъ съ этого конца.—Я, не разсуждая, поспѣшилъ исполнить все. Онъ самъ помогъ мнѣ собрать навозъ, который валялся кругомъ во множествѣ, а я сложилъ его въ стѣнку и поджегъ, какъ было указано. Она начала тлѣть какъ трутъ, и отъ нея повалилъ густой, ѣдкій дымъ и, благодаря легкому бризу, какъ разъ надъ моею постелью.

— Выровняйте теперь, чтобы было прямѣй,—сказалъ онъ, когда я смотрѣлъ на свое довольно-таки небрежно сдѣланное сооруженіе. — „Развѣ не все равно?“—„Но такъ выглядитъ некрасиво“, и съ этими словами онъ сталъ на колѣни и заботливо, даже любовно выровнялъ стѣнку.

Даже въ скрубѣ есть педанты!

— И это будетъ горѣть всю ночь?—спросилъ я.

Онъ смѣрилъ линію вытянутой рукой и затѣмъ, посмотрѣвъ на свои часы, сказалъ тономъ, не допускавшимъ сомнѣній: „Будетъ горѣть до четверти седьмого утра, а тогда мы будемъ уже за завтракомъ“. Потомъ, прежде чѣмъ уйти, онъ провелъ еще двѣ поперечныхъ линіи въ пескѣ и сказалъ: „Видите, когда огонь придетъ сюда, значитъ полночь. Здѣсь—два, здѣсь—четыре часа! Теперь, если вы проснетесь ночью, вы будете знать, сколько времени, и вамъ не нужно зажигать спичку и смотрѣть на часы“.

Съ этими словами онъ простился и ушелъ.

Каждый скваттеръ, можетъ быть на основаніи собственнаго горькаго опыта, чрезвычайно скупъ на спички. Обыкновенно, когда онъ вечеромъ собирается закурить свою трубку, онъ идетъ къ костру, обжигаетъ себѣ пальцы объ уголья и послѣ многихъ безуспѣшныхъ попытокъ все-таки ухитряется положить на табакъ раскаленный уголекъ: только бы не тратить спички. Но если въ это самое время пройдетъ мимо торговецъ ромомъ, онъ, не колеблясь ни минуты, отдастъ рубль за глотокъ грога.

На ферму я добрался черезъ восемь дней.

Ферма „Вротамъ-Паркъ“ имѣетъ около 1.000 квадратныхъ англійскихъ миль пастбищъ. Въ мой пріѣздъ туда ея населеніе состояло изъ четырехъ бѣлыхъ, одного китайца, 20 туземцевъ, 40 собакъ, 800 лошадей и 35.000 штукъ рогатаго скота. Овцеводство и разведеніе рогатаго скота и въ настоящее время составляютъ главную промышленность Квинслэнда; въ немъ насчитывается всего до 18 милліоновъ овецъ и до 6 милліоновъ рогатаго скота. Поэтому неудивительно, что, несмотря на техасскую лихорадку и страшныя засухи послѣднихъ лѣтъ, уничтожившія огромныя стада, все-таки вывозъ золота и металловъ не можетъ идти въ сравненіе съ шерстью, мясомъ, рогами, экстрактомъ, костями, саломъ, шкурами и всѣми другими продуктами скотоводства.

Но разведеніе овецъ и разведеніе рогатаго скота—двѣ совсѣмъ разныя вещи, и въ то время, какъ побережье, сѣверъ и сѣверо-западъ колоніи предоставлены въ большей части послѣднему, западная часть колоніи занята „обезьяной“, какъ обыкновенно называетъ скваттеръ овцу. Овцы требуютъ для себя лучшей травы, и прежде всего травы, которая не должна имѣть сѣмянъ, столь обычныхъ послѣ періода дождей въ горахъ: эти острыя, ланцетовидныя сѣмена запутываются въ шерсть и дѣлаютъ ее никуда негодной; иногда они проникаютъ въ тѣло и могутъ даже убить животное. Вообще сѣмена травы представляютъ одинъ изъ бичей скруба. Они всюду крѣпко вцѣпляются въ платье и колютъ васъ, пока ваше терпѣніе не лопнетъ и вы, усѣвшись около дороги, не начнете вытаскивать поодиночкѣ эти тысячи иголокъ. Куда бы вы ни повернулись, они всюду подстерегаютъ васъ, а разъ такое сѣмечко попало въ тѣло, оно странствуетъ по всему организму, какъ швейная игла, и часто причиняетъ тяжелыя страданія.

Большія скотоводческія станціи внутри страны обыкновенно сдаются правительствомъ за арендную плату и большею частью на 21 годъ. Но въ послѣднее время правительство розбило многія изъ нихъ на небольшіе сравнительно участки и роздало ихъ мелкимъ фермерамъ. Если погода благопріятствуетъ и дождь выпадаетъ во-время, то здѣсь можно сдѣлать блестящія дѣла со скотомъ. Но случается и такъ, что изсиня-стальное небо мѣсяцами остается безоблачнымъ, изсушая и сжигая землю; тогда погибаетъ трава и послѣдніе водоемы мало-по-малу высыхаютъ. Тогда рано утромъ и по вечерамъ издали доносится глухое мычанье, которое, какъ хоръ проклятій, несется кверху, въ эту непреклонную, безжалостную безконечность: мольба животныхъ о водѣ! И тогда скваттеръ изо дня въ день ѣздитъ на своей замученной лошади по этой бѣлой пустынѣ и считаетъ свои потери; онъ видитъ бѣдный скотъ, который съ мольбою смотритъ на него, прося только объ одномъ — о водѣ, и чувствуетъ себя такимъ безсильнымъ и безпомощнымъ.

А между тѣмъ такой піонеръ цивилизаціи за столь невѣрное возна-

гражденіе промѣнялъ все, что краситъ жизнь. Онъ терпитъ голодъ и жажду; его мучаетъ лихорадка; онъ испытываетъ всю безконечную скуку медленно проживаемыхъ безцвѣтныхъ годовъ. Въ то время, когда ему казалось, что будущность его обезпечена, онъ выписалъ къ себѣ жену, построилъ домъ, его дѣти растутъ безъ товарищей; но онъ надѣется, что еще черезъ два-три года онъ можетъ бросить все и вернуться на побережье, въ міръ цивилизованныхъ людей. Однако года приходятъ и проходятъ вновь, жена уже состарилась, дѣти выросли невоспитанными, тупыми и неразвитыми. Только одинъ годъ хорошихъ дождей,—но онъ не приходитъ, а вмѣсто него является банковый инспекторъ, и имущество скваттера распродается съ аукціона.

Всѣ постройки на станціи сдѣланы изъ обыкновеннаго дерева, которое растетъ въ скрубѣ, и крыты корой. Но цѣнность такой станціи, не принимая, конечно, въ расчетъ ея положенія и количества выпадающаго дождя, заключается не столько въ жилыхъ постройкахъ, сколько въ загонахъ и заборахъ, которые обыкновенно требуютъ наибольшихъ затратъ. Впрочемъ, станція, на которой разводятъ овецъ, снабжается ими въ гораздо большихъ размѣрахъ. Зато овцеводство по отношенію къ разведенію рогатаго скота стоитъ такъ же, какъ интенсивная культура по отношенію къ лѣсному хозяйству.

Забора на границѣ станціи, гдѣ занимаются разведеніемъ рогатаго скота, обыкновенно не дѣлается. Послѣ того, какъ животныхъ привели на вновь арендованный участокъ земли, ихъ обыкновенно сторожатъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Они скоро привыкаютъ къ новой мѣстности, выбираютъ себѣ какой-нибудь водоемъ мѣстомъ для ежедневнаго отдыха и послѣ этого почти уже не требуютъ присмотра. Послѣ періода дождей, когда трава поднялась, скваттеръ объѣзжаетъ свои владѣнія и загоняетъ коровъ и телятъ въ загоны, гдѣ на нихъ и выжигаютъ клеймо станціи. Каждый владѣлецъ заявляетъ правительству свою марку, которая въ Квинслэндѣ, напримѣръ, состоитъ изъ двухъ буквъ и одной цифры; этотъ знакъ выжигается при помощи раскаленнаго желѣза на шкурѣ животнаго на точно опредѣленномъ мѣстѣ. Кромѣ того, чтобы легче было узнавать скотъ, сидя на сѣдлѣ, животнымъ вырѣзаютъ нижнюю часть уха въ формѣ треугольника, четырехугольника, звѣзды и т. п. Это „выжиганіе" производится, впрочемъ, не такъ, какъ въ Америкѣ, съ помощью лассо. Для этого здѣсь устроены особые загоны, въ которыхъ животное загоняется въ узкій проходъ и тамъ его схватываютъ и держатъ. Вся операція происходитъ очень быстро и, повидимому, не причиняетъ животному сильной боли, но такой способъ все-таки портитъ шкуру, и тотъ, кто изобрѣлъ бы безвредный и хорошій способъ мѣтить животныхъ, былъ бы принятъ въ Австраліи съ распростертыми объятіями.

Три бѣлыхъ работника на станціи (четвертый бѣлый, еще молодой

человѣкъ, былъ управляющій) принадлежали къ тѣмъ неимѣющимъ родины бродягамъ, которые влачатъ свое бѣдное существованіе за кулисами обычнаго міра. Это—люди, которые, можетъ быть, занимали прежде высокое положеніе, или, наоборотъ, еще только на-дняхъ избѣжали тюрьмы. Они странствуютъ по обширнымъ, ненаселеннымъ пространствамъ съ узелкомъ лохмотьевъ за спиною, съ собакой въ качествѣ товарища, съ кускомъ соленаго мяса для ужина и каждый день разсчитывая встрѣтить смерть въ этой забытой Богомъ пустынѣ. И чѣмъ больше они странствуютъ, тѣмъ болѣе чуждаются общества другихъ людей. Каждому изъ такихъ странниковъ станціи на западѣ даютъ ночлегъ и кое-что поѣсть. Правда, тамъ, гдѣ такіе странники очень часты, это гостепріимство обходится дорого; но, съ другой стороны, подъ руками всегда есть рабочіе, а это тоже что-нибудь стоитъ за тысячу миль отъ берега, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ. Кромѣ того, раскинутыя на огромныхъ пространствахъ станціи всецѣло зависятъ отъ милости и расположенія духа каждаго такого странника, который всегда можетъ бросить зажженную спичку въ сухую траву и спалить сотни миль пастбища и заборовъ. Поэтому часто можно слышать на станціи такой разговоръ:

— Нѣтъ,—говоритъ скваттеръ,—это слишкомъ много для меня! Вы сегодня восемнадцатый, который проситъ у меня мяса. У меня здѣсь не бойня.

— Тогда продайте мнѣ немного соли,—предлагаетъ прохожій съ непріятной усмѣшкой.

— Соли? Зачѣмъ?

— Ружье у меня есть и...

Скваттеръ даетъ мяса; лучше выбросить пару фунтовъ, чѣмъ рисковать потерять, можетъ быть, лучшаго быка на всей станціи. И такимъ образомъ никто здѣсь не остается голоднымъ, кромѣ, можетъ быть, самого владѣльца станціи.

Вообще, жизнь на станціи не изъ легкихъ. Большая часть времени проходитъ въ работѣ съ топоромъ или заступомъ, въ долгой, безконечно долгой ѣздѣ по горамъ и равнинамъ, ночномъ караулѣ и т. п. Живя на такой станціи, нужно умѣть дѣлать все. Тамъ повалился заборъ или быкъ увязъ въ болотѣ; то нужно доить коровъ или раскладывать отраву для динго; то надо чинить сѣдло или отбирать плохихъ быковъ и жеребцовъ, которые портятъ стадо. Только въ извѣстное время года, когда выпалъ дождь (если онъ вообще былъ), наступаетъ собственно работа по стаду. Тогда приходится отправляться въ скрубъ, каждый разъ на одну или двѣ недѣли, собирать тамъ еще немѣченныхъ телятъ или отъѣвшихся быковъ и пригонять ихъ на станціи. Тогда приходится спать на жесткой землѣ, отдавать себя на съѣденіе москитамъ и муравьямъ. Рано утромъ, до разсвѣта надо идти по высокой мокрой травѣ,

дрожа отъ холода, съ уздечкой на рукѣ отыскивать свою лошадь. Затѣмъ, жаркій, томительно-долгій день, большею частью безъ воды; глаза слѣпнутъ отъ ослѣпительнаго блеска солнца; каждое мгновеніе можно ожидать, что придется скакать галопомъ среди густого лѣса; наконецъ, въ облакѣ разъѣдающей пыли, съ крикомъ и проклятіями, съ пересохшимъ горломъ и воспаленной кожей, медленно, среди сотни головъ скота, возвращается такой погонщикъ къ своей лагерной стоянкѣ. И въ заключеніе приходится караулить этотъ скотъ ночью, такъ какъ загоны устроены далеко не вездѣ. Умирая отъ усталости, ѣздитъ онъ вокругъ неспокойнаго стада и благодаритъ Создателя, если оно не разбѣжалось. Южный Крестъ медленно поворачивается около своей оси, такъ медленно, пока, наконецъ, не настанетъ полночь. Теперь-то онъ свободенъ! И онъ, не умываясь и не раздѣваясь, падаетъ на землю и засыпаетъ.

И вдругъ—громкій окрикъ. Онъ просыпается, вскакиваетъ и протираетъ глаза. Уже поздно, и костеръ почти погасъ. Издали доносится шумъ, напоминающій раскаты грома; дрожитъ, кажется, самая земля. Это—„стампеда".

Онъ бросается къ уздечкѣ и бичу, которые лежатъ около подушки (мѣшокъ, наполовину наполненный мукой), и исчезаетъ въ темнотѣ. Первая попавшаяся лошадь поймана. Путы сняты, уздечка накинута, и онъ мчится впередъ черезъ темный лѣсъ, ввѣряя свою жизнь и свои колѣни инстинкту лошади. Вотъ кто-то упалъ и лежитъ на дорогѣ, барахтаясь въ темнотѣ, но ждать некогда. Мимо!

И бѣшеная скачка продолжается до тѣхъ поръ, пока удастся заскакать впередъ и остановить обезумѣвшихъ животныхъ. Отчего ими овладѣваетъ такой безпричинный страхъ, неизвѣстно. Внезапно, среди глубокой ночи и сна, все стадо вскакиваетъ и черезъ нѣсколько секундъ исчезаетъ изъ виду.

Когда отберутъ извѣстное число головъ, ихъ посылаютъ на ярмарку куда-нибудь на побережье или въ большіе города на югъ, или въ одинъ изъ большихъ заводовъ, гдѣ животныхъ убиваютъ и замораживаютъ. Такое стадо заключаетъ иногда до 2.000 головъ и больше и часто идетъ до мѣста назначенія годъ или полтора. Тогда погонщику приходится ѣхать по 18—20 часовъ, не слѣзая съ сѣдла, и такъ день за днемъ. Но бываетъ и такъ, что внезапно разлившаяся рѣка преграждаетъ дорогу, и приходится ждать иногда не одну недѣлю, пока спадетъ вода; или попадется хорошее пастбище, на которомъ можно откормить скотъ (законъ запрещаетъ такому находящемуся въ пути стаду дѣлать менѣе 6 миль въ день) и тогда опять начинается новое безпокойство.

Но и это еще не все. Часто быки гибнутъ въ дорогѣ отъ недостатка воды и корма. Изъ стада въ 900 головъ, которое было отпра-

влено съ одной станціи внутри страны въ Буркъ, самый сѣверо-западный городъ Новаго Южнаго Валлиса, 600 быковъ погибло въ три дня отъ жажды. Почти въ то же время въ другомъ стадѣ, направлявшемся въ Сидней, въ одну ночь погибло 785 быковъ изъ тысячи, наѣвшись ядовитой травы, которая росла на мѣстѣ стоянки.

Образу жизни вполнѣ соотвѣтствуетъ и пища. Соленое мясо, мука, чай и сахаръ—главные элементы, изъ которыхъ составляются кушанья на западѣ. Единственная посуда—легкій металлическій горшокъ; приспособленія для ѣды—металлическій стаканъ, карманный ножъ и 10 пальцевъ. Есть, впрочемъ, счастливцы, которые возятъ съ собой эмалированную тарелку и ложку. Въ скрубѣ для приготовленія хлѣба употребляютъ овечью шкуру; на нее насыпаютъ муку, подбавляютъ щепотку соды съ кислотой, подливаютъ воды и, замѣсивъ лепешки, жарятъ ихъ на угольяхъ. Для той же цѣли употребляется съ успѣхомъ и кусокъ коры, оторванный отъ дерева, а золотоискатели возятъ съ собой цинковый листъ въ формѣ корыта, въ которомъ они, кромѣ приготовленія хлѣба, также промываютъ гальку и моютъ бѣлье. Неизмѣнною принадлежностью ѣды является чай, который также приготовляется очень просто: въ горшокъ съ кипящей водой всыпается полная горсть черныхъ листьевъ, затѣмъ слѣдуетъ пригоршня сахара,—и кушанье готово. Есть, впрочемъ, такіе кутилы, которые подбавляютъ еще консервированнаго молока; но они рѣдки. Чаю въ Австраліи потребляется громадное количество какъ въ городахъ, такъ и въ скрубѣ. Его пьютъ утромъ, среди дня и вечеромъ. Чай пьютъ черный, какъ чернила, и благодаря долгому кипяченію такой вяжущій, что даже двойное количество сахару не можетъ уничтожить этого непріятнаго привкуса. Пріѣхавшему сюда европейцу кажется удивительнымъ, что даже въ большихъ отеляхъ къ мясу, картофелю и капустѣ подается чашка сладкаго чаю. Но онъ скоро привыкаетъ къ этимъ возбуждающимъ первы средствамъ, такъ что не можетъ уже обходиться безъ нихъ. Очень сильно распространено также потребленіе спиртныхъ напитковъ. Въ Квинслэндѣ спиртные напитки обложены очень высокой пошлиной, но тайное винокуреніе процвѣтаетъ. Самымъ распространеннымъ напиткомъ является ромъ, который поддѣлывается безбожно. Анилиновыя краски, оливковое масло, сѣрная кислота, чай, кайенскій перецъ,—все валится туда для крѣпости. Одинъ акцизный чиновникъ, недалеко отъ Брисбаня, самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ трактирщикъ, наливавшій ромъ, нечаянно брызнулъ себѣ на рукавъ нѣсколько капель, и жидкость проѣла дыры на рукавѣ. И все это выноситъ крѣпкій желудокъ скваттера!

Въ скрубѣ.

(Земона.)

Мнѣ хотѣлось засвѣтло добраться до нашего вновь разбитаго лагеря, который былъ въ 30-ти километрахъ отъ станціи Коронго, гдѣ я находился, и потому я рѣшилъ ѣхать безъ всякой дороги, напрямикъ, кратчайшимъ путемъ, руководствуясь только привезеннымъ мною изъ Европы карманнымъ компасомъ. Въ 12 ч. дня я выѣхалъ изъ Коронго и имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлыхъ 6 часовъ до захода солнца. Времени было вполнѣ достаточно, чтобы проѣхать какихъ-нибудь 30 километровъ, и я нисколько не торопился. Дорогой, перебираясь черезъ рѣчку, я увлекся охотою на утокъ, которыя мирно плыли по теченію, и потратилъ на это лишнихъ полчаса. День выдался чудный, теплый, но не удушливо-жаркій, небо было сине и безоблачно, а по землѣ, между высокими эвкалиптами разстилался на необозримое пространство пушистый коверъ свѣжей молодой зелени. Я ѣхалъ благополучно уже цѣлый часъ, когда вдругъ передо мною возникло совершенно неожиданное препятствіе: я попалъ въ скрубъ, который широко и, казалось, безконечно далеко раскинулся въ обѣ стороны. Что было дѣлать —обойти препятствіе и такимъ образомъ отклониться, можетъ быть, на много миль отъ начертаннаго пути или же, не отклоняясь отъ прямого направленія, попытаться пробраться верхомъ сквозь ужасную чащу? Я смѣло рѣшился на послѣднее и, не долго думая, приступилъ къ дѣлу. Несмотря на то, что скрубъ этотъ былъ не изъ самыхъ густыхъ, пробираться черезъ него было нелегко и чрезвычайно мѣшкотно. Деревья росли такъ близко одно отъ другого, что проѣхать между ними было немыслимо. Вѣтви то и дѣло хлестали меня по лицу и страшно безпокоили мою лошадь. Почва, сплошь покрытая валежникомъ, представляла изъ себя тысячу западней, въ которыхъ путались и застрявали ноги моего коня. Нѣкоторыя лошади при подобныхъ условіяхъ значительно облегчаютъ трудную задачу всадника и ведутъ себя чрезвычайно храбро и рѣшительно, такъ что лучше всего бросить поводъ и предоставить самому животному выбирать наиболѣе подходящій путь. Мой старый „Шамиль“ къ сожалѣнію не принадлежалъ къ этому типу лошадей: онъ легко пугался, сбивался съ толку и передъ каждымъ препятствіемъ выражалъ желаніе повернуть обратно. Къ тому же у него была милая привычка поворачивать голову и кусать меня за ноги каждый разъ, какъ я посредствомъ шпоръ пытался воодушевить его на какой-нибудь смѣлый подвигъ. Можно себѣ представить, какъ я обрадовался, когда чрезъ $^{3}/_{4}$ часа скрубъ сталъ рѣдѣть, и я, наконецъ, очутился среди кустарника. Я поскакалъ впередъ, но все время въ головѣ моей вертѣлось

опасеніе вновь повстрѣчаться со скрубомъ. То, чего я боялся, случилось, и около 4-хъ часовъ дня я былъ опять въ томъ же положеніи, но на этотъ разъ, ободренный первой удачной попыткой, уже не колебался, а сразу рѣшилъ проникнуть сквозь чащу. Пробираться на этотъ разъ было еще труднѣе и мѣшкотнѣе, такъ что приходилось неоднократно слѣзать съ лошади и изо всѣхъ силъ тащить въ поводу своего упирающагося коня. Въ одномъ мѣстѣ изъ чащи вынырнули и побѣжали предо мной двѣ большія черныя птицы, своимъ видомъ и величиною напоминавшія индюшекъ, но скоро скрылись въ густой чащѣ. Должно быть это были сорныя куры, которыя имѣютъ странное обыкновеніе сгребать огромныя кучи помета и класть въ нихъ свои яйца, изъ которыхъ птенцы вылупляются вслѣдствіе равномѣрной теплоты разлагающагося вещества. Эту птицу очень трудно застрѣлить безъ собаки, потому что она убѣгаетъ отъ человѣка и скрывается въ густой чащѣ. Собаки же, преслѣдуя птицу, заставляютъ ее взлетѣть, и охотникъ, руководствуясь лаемъ, находитъ птицу, которую на лету очень легко стрѣлять, потому что онѣ вообще очень плохо летаютъ. Я попытался застрѣлить одну изъ нихъ и напрасно потерялъ не мало времени. Только въ шестомъ часу я вышелъ на просторъ изъ второго скруба. Въ 6 часовъ должно было зайти солнце, и мысль, что мнѣ придется ѣхать безъ дороги, въ совершенно незнакомой мѣстности да въ непроглядной тьмѣ, не особенно улыбалась мнѣ. Вслѣдствіе разныхъ встрѣчныхъ препятствій и проволочекъ я совершенно сбился съ толку, потерялъ счетъ пройденныхъ мною верстъ и не могъ сообразить, далеко ли еще до цѣли моего путешествія. Я только могъ съ достовѣрностью сказать, что очень мало отклонился отъ прямого направленія. Въ шесть часовъ стало быстро темнѣть, а передо мною все еще разстилался безконечный кустарникъ. Мнѣ было извѣстно, что около десяти часовъ взойдетъ луна и что промежутокъ отъ захода солнца до восхода луны самое непріятное время для путешествія верхомъ, но все же я стремился впередъ на своемъ усталомъ конѣ. Какъ только зашло солнце, я выбралъ себѣ путеводную звѣзду, руководствуясь которою, бодро ѣхалъ впередъ. Ночь была прохладная, ясная, было довольно темно, и только звѣзды мерцали на небѣ. Вдругъ я увидѣлъ, что нахожусь на границѣ скруба, какъ мнѣ показалось, совершенно непроходимаго, и я долженъ былъ сознаться, что о дальнѣйшемъ путешествіи сегодня нечего и думать. Я все же поѣхалъ по опушкѣ сначала влѣво, потомъ вправо, но скоро бросилъ всѣ попытки, убѣдившись, что скрубъ не рѣдѣетъ. Я боялся совершенно потерять направленіе. Съ отчаянія я даже попробовалъ проникнуть сквозь чащу, но, сдѣлавъ шаговъ сто, къ счастію вернулся, иначе мой бѣдный конь непремѣнно поплатился бы своими ногами за мое легкомысліе, потому что въ лѣсу было непроглядно темно, а болотистая, вязкая почва были сплошь покрыта бу-

реломомъ. Ничего не оставалось другого, какъ покориться судьбѣ и, разсѣдлавъ лошадь, расположиться тутъ же на ночлегъ. Такое положеніе дѣлъ не представляетъ изъ себя ничего особеннаго, и, когда находишься въ Австраліи, не особенно задумываешься, если необходимость заставляетъ спать подъ открытымъ небомъ, безъ всякой палатки и теплой одежды. Скверно было только то, что я ничѣмъ не могъ защититься отъ сильнаго ночного холода, да къ тому же не было ни воды, ни подходящаго пастбища для моей усталой лошади.

Но всего этого нельзя было измѣнить. Я разсѣдлалъ лошадь и спуталъ ей переднія ноги. Обыкновенно путешественники берутъ съ собою путы, соединенные цѣпью, и мы употребляли ихъ въ нашемъ лагерѣ. Но такъ какъ на этотъ разъ мнѣ предстояло, какъ я думалъ, только непродолжительное путешествіе, то я ими не запасся и долженъ былъ спутать ноги моей лошади ремнемъ отъ сѣдла. Первой моей заботой было развести хорошій костеръ и, по счастію, у меня оказалась коробка съ восковыми спичками. Къ сожалѣнію не нашлось рѣшительно ничего съѣстного.

Разложивъ хорошій костеръ и натаскавъ про запасъ побольше хворосту, я занялся устройствомъ своего ложа возлѣ огня. Подушку замѣняло сѣдло, а одѣяло лошадиный чепракъ. Рядомъ съ собою я положилъ ружье, шляпу и шпоры, а въ десяти шагахъ отъ костра неподвижно стоялъ мой конь, отдыхавшій отъ напряженной дневной работы, равнодушный къ тощей травѣ, которая росла на опушкѣ скруба. Я растянулся на своемъ ложѣ съ твердымъ намѣреніемъ не дать погаснуть костру и зорко наблюдать за лошадью, но скоро мои мысли стали путаться и, утомленный, я заснулъ. Когда я проснулся черезъ часъ, картина не измѣнилась: огонь еще горѣлъ, и лошадь моя стояла на томъ же мѣстѣ. Кругомъ меня царила глубокая тишина. Вдругъ мнѣ послышался легкій звонъ колокольчиковъ, доносившійся изъ того направленія, куда я стремился въ теченіе цѣлаго дня. Въ нашемъ лагерѣ, выгоняя лошадей на пастбище, мы имѣли обыкновеніе привязывать имъ колокольцы для того, чтобы легче разыскать ихъ. Неужели же это мой лагерь находился отъ меня всего въ нѣсколькихъ километрахъ? Я сталъ прислушиваться и долгое время не слышалъ ничего; опять раздался звонъ далекихъ колокольцевъ и на этотъ разъ такой характерный, что я не могъ ошибиться. Я попытался еще разъ пѣшкомъ проникнуть сквозь скрубъ, руководясь звономъ, и думалъ вернуться за лошадью и продолжать путь верхомъ, если найду мало-мальски порядочную дорогу. Но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я уже убѣдился въ невозможности своего предпріятія, потому что въ темнотѣ немыслимо было бы пересѣчь скрубъ, даже если бы онъ простирался всего шаговъ на сто. Я снова прилегъ и немного вздремнулъ. Когда я опять проснулся, то замѣтилъ,

что конь мой встрепенулся отъ своего оцѣпенѣнія и, недовольный ближайшимъ пастбищемъ, медленно удалялся. Этого я не могъ допустить. Когда я приблизился съ уздечкой въ рукахъ, мой Шамиль сильно заволновался и сталъ удирать, подымая одновременно обѣ опутанныя переднія ноги и отталкиваясь задними. Такъ какъ онъ уже успѣлъ значительно опередить меня, то прошло около получаса, пока мнѣ удалось поймать его. Во время своей погони за лошадью въ ночной темнотѣ я неоднократно оглядывался на огонь, стараясь не потерять его изъ виду, чтобы опять вернуться къ нему. Поймавъ лошадь, я первымъ дѣломъ хотѣлъ вернуться къ костру, но напрасно вглядывался въ темноту—пламени не было видно. Вѣроятно, гоняясь за лошадью, я потерялъ его изъ виду, но мнѣ казалось, что я прекрасно знаю, въ какомъ направленіи онъ находится, и потому я увѣренно и храбро зашагалъ впередъ, ведя въ поводу лошадь. Я шелъ и шелъ, а огня все еще не было видно. Скрубъ становился чаще, и мнѣ стало ясно, что я иду по невѣрному направленію. Я вернулся, пошелъ вправо, потомъ влѣво, по всѣмъ направленіямъ, надѣясь увидать огонь, но напрасно. Взошла луна и своимъ магическимъ свѣтомъ освѣтила этотъ заколдованный лѣсъ, въ которомъ всѣ пути мнѣ были заказаны и который отнималъ у меня то немногое, что я имѣлъ при себѣ.

Когда я остановился, чтобы отдохнуть, и тихо стоялъ, переводя духъ, я замѣтилъ, что вблизи отъ меня прыгаетъ маленькое животное, не больше кролика, и издаетъ какой-то хрюкающій призывный звукъ. Это былъ самецъ бандикутъ (Perameles obesula), насѣкомоядное сумчатое животное. Мое ружье, вмѣстѣ съ патронташемъ, сѣдломъ, шпорами и шляпой осталось на мѣстѣ моего ночлега, и я не могъ даже поохотиться за дичью, которую при лунномъ свѣтѣ очень нетрудно застрѣлить. Я опять сталъ блуждать по всѣмъ направленіямъ, ведя въ поводу лошадь, надѣясь, ожидая и постоянно обманываясь. Я подошелъ къ громадному лежащему на землѣ дереву, изъ дупла котораго съ ворчаніемъ и завываніемъ выскочила цѣлая стая какъ бы молодыхъ собакъ. Я не сомнѣвался, что наткнулся на гнѣздо самки динго, и нѣсколько дней спустя отправился отыскивать его, чтобы взять щенковъ, но никакъ не могъ снова найти это мѣсто. Много часовъ прошло въ безпрерывномъ блужданіи, и наконецъ я почувствовалъ, что едва держусь на ногахъ отъ усталости. Мой конь послушно слѣдовалъ за мной въ поводу. Ночь была чудная, лунная и далеко не такая холодная, какъ предшествующая, и это, конечно, мнѣ было на руку. Около часу ночи я убѣдился, что всѣ мои поиски въ ночномъ мракѣ совершенно безсмысленны, тѣмъ болѣе что огонь, никѣмъ не поддерживаемый, вѣроятно, давно ужъ погасъ. Самое лучшее, что я могъ сдѣлать – это лечь и отдохнуть до разсвѣта, а тамъ опять продолжать свои поиски при дневномъ

свѣтѣ. Я отыскалъ подходящее мѣсто на опушкѣ скруба, привязалъ къ дереву лошадь и снова зажегъ костеръ — спички, съ счастію, оказались у меня въ карманѣ—и заснулъ, какъ убитый, на голой землѣ, ничѣмъ неприкрытый, рядомъ съ костромъ. Отъ времени до времени я просыпался и подбрасывалъ въ огонь хворосту. Мой конь стоялъ у своего дерева, уныло понуривъ голову, а я думалъ: „такъ тебѣ, братъ, и надо“, —и снова крѣпко засыпалъ. Наконецъ ночь миновала, и, несмотря на то, что она длилась всего 12 часовъ, мнѣ казалось, что я никогда не проводилъ болѣе длинной. Теперь при свѣтѣ дня я могъ впервые обозрѣть поле моихъ ночныхъ блужданій. Я увидѣлъ, что нахожусь на краю очень густого скруба, который былъ тѣмъ непроходимѣе, что въ немъ было много болотистыхъ мѣстъ и заглохшихъ прудовъ. Однако мои поиски мѣста моего перваго ночлега днемъ были такъ же напрасны, какъ и ночью. Вездѣ я находилъ свои собственные слѣды, но они относились къ моему блужданію по лѣсу послѣ потери имущества. Чрезъ два часа я рѣшилъ, что нужно что-нибудь предпринять, прекрасно сознавая, что всякимъ промедленіемъ нисколько не улучшу своего положенія, а только измучаю голодомъ и жаждою себя и свою лошадь. Поэтому, не долго думая, я рѣшительно вскарабкался на неосѣдланную спину Шамиля и, держась сѣверо-западнаго направленія, сталъ пробираться сквозь скрубъ, хотя перспектива возвращенія въ лагерь безъ шапки, ружья, патронташа и сѣдла, подобно побѣжденному полководцу, была не изъ блестящихъ.

Не стану описывать этой непріятной поѣздки на неосѣдланной лошади, на тощій желудокъ. Черезъ часъ я уже выѣхалъ изъ скруба и приближался къ рѣкѣ, которая текла съ юго-запада на сѣверо-востокъ, вслѣдствіе чего я заключилъ, что это долженъ быть Аубурнъ. Я ѣхалъ вдоль берега внизъ по теченію рѣки, а солнце, которое подымалось все выше и выше, безпощадно жгло мой затылокъ и непокрытую голову. Чрезъ три четверти часа вдали показалось что-то бѣлое; и когда я стремительно помчался впередъ, оказалось, что это бѣлое пятно было не что иное, какъ одна изъ палатокъ моего новаго лагеря.

Туземцы Австраліи.

(Земона.)

Я прожилъ среди этихъ дѣтей природы почти девять лѣтъ и могъ успѣшно изучить ихъ физическое, умственное и нравственное состояніе. На ряду съ нѣкоторыми другими расами австралійцы занимаютъ особенно низкое мѣсто среди современнаго человѣчества. Звѣрообразными уродами назвать австралійцевъ, на мой взглядъ, нельзя. Объ этомъ не можетъ

быть и рѣчи. Мнѣ эти лица, съ ихъ типическими для всей Австраліи чертами, нравятся даже больше физіономій многихъ другихъ расъ, особенно монголовъ, африканскихъ бушменовъ и эскимосовъ. Часто кажутся уродливыми сильная худоба тѣла, особенно длинныхъ, но прямыхъ ногъ, и слабое развитіе икръ. Впрочемъ, ни у какой другой расы вообще мускулатура икръ не достигаетъ такого полнаго развитія, какое свойственно кавказской.

Общая худоба австралійцевъ и особенно наиболѣе дикихъ племенъ объясняется въ значительной степени пищей, которую они добываютъ себѣ преимущественно изъ животнаго царства. Сумчатыя, ехидны, птицы, змѣи, ящерицы, черепахи, рыбы, личинки жуковъ, яйца птицъ и гадовъ, раки и ракушки составляютъ основной элементъ ея. Многія дикія племена Квинслэнда не пренебрегаютъ и человѣческимъ мясомъ, и жирный китаецъ считается у иныхъ особенно лакомымъ блюдомъ. Добываніе мясной пищи составляетъ особенность мужчинъ, а женщины откапываютъ въ скрубѣ съѣдобные корни, собираютъ грибы и пальмовые орѣхи, клубни овощей, сѣмена травъ, медъ, сладкую смолу и эвкалиптовую манну. Къ сожалѣнію, туземная австралійская растительность очень бѣдна съѣдобными плодами и крахмалистыми корнями. Все, что растетъ здѣсь въ дикомъ видѣ, мало питательно, а воздѣлываніе какихъ-либо растеній—кокосовыхъ пальмъ, банановъ, таро и ямса—австралійцамъ неизвѣстно. Такимъ образомъ худоба ихъ зависитъ отчасти отъ ихъ пищи, преимущественно мясной и бѣдной крахмаломъ и сахаромъ. Но когда въ распоряженіи туземцевъ мучная пища находится въ изобиліи, какъ, напр., во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ собираются плоды съ деревьевъ араукаріи (A. Bidwilli), или же тамъ, гдѣ туземцы соприкасаются съ бѣлымъ населеніемъ и легко получаютъ отъ него муку и сахаръ, они выглядятъ менѣе жалкими; встрѣчаются среди нихъ даже толстые и жирные люди. Въ общемъ австралійцы уступаютъ бѣлымъ въ силѣ, недостатокъ которой возмѣщается у нихъ однако ловкостью. Ростъ ихъ колеблется въ среднихъ предѣлахъ около 1,65 метра. Богатырскія фигуры встрѣчаются такъ же рѣдко, какъ и карлики. Цвѣтъ кожи у племенъ, живущихъ при рѣкѣ Бернеттъ, былъ исключительно темно-коричневый. Онъ преобладалъ и въ области рѣки Мари, и у чернокожихъ Брисбана, и у племенъ округа Кука. Въ послѣдней мѣстности замѣчалъ я также болѣе свѣтлые оттѣнки; кое-гдѣ попадались даже свѣтло-коричневыя особи и семейства. Ихъ надо считать за случайныя видоизмѣненія, каковыя встрѣчаются и у всѣхъ темнокожихъ расъ, а не за отдѣльный типъ. Окраска ихъ волосъ—темно-черная. Растительность и у мужчинъ, и у женщинъ густая. Усы и борода мужчинъ густые и длинные. Кромѣ того, у мужчинъ и прочія части тѣла, особенно ноги, довольно густо покрыты волосами.

Волосы на головѣ у нихъ нельзя назвать ни курчавыми, какъ у негровъ или папуасовъ, ни гладкими и щетинистыми, какъ у малайцевъ. Вѣрнѣе всего назвать ихъ волнистыми; иногда они бываютъ съ длинными, иногда съ мелковатыми завитками. Кости черепа очень крѣпки и форма его въ общемъ выпукла и удлинена. Вмѣстимость черепа очень незначительна. Надбровныя дуги рѣзко выдаются впередъ. Почти всегда встрѣчается умѣренное искривленіе зубовъ.

Носъ австралійца построенъ очень своеобразно. Носовыя крылья широки и плоски, такъ что большія ноздри представляютъ собою поперечныя отверстія. Вѣроятно, эта особенность лицъ австралійцевъ дала поводъ нѣкоторымъ наблюдателямъ и путешественникамъ говорить о сходствѣ ихъ съ обезьянами. Сравненіе въ высшей степени неудачно и натянуто, но наблюденіе само по себѣ правильно, такъ какъ это положеніе ноздрей напоминаетъ слегка человѣкоподобную обезьяну. Основаніе же носа сравнительно со лбомъ вдавлено, и онъ посаженъ глубоко. Эта форма носа является наиболѣе характерною особенностью физіономій австралійцевъ и съ различною степенью рѣзкости выражена въ каждомъ лицѣ. Скулы у нихъ почти всегда широки, верхняя челюсть выпукла, ротъ большой, губы толстыя, но не отвислыя; лобъ умѣренно низкій, часто суживается слегка кверху и обыкновенно откинутъ нѣсколько назадъ; брови сильно выступаютъ впередъ.

Австраліецъ.

По своему культурному развитію австралійцы стоятъ на ступени, соотвѣтствующей каменному вѣку древнихъ европейцевъ. Обработка металловъ и примѣненіе ихъ здѣсь абсолютно неизвѣстны. Впрочемъ, нѣкоторыя племена, соприкасаясь съ европейцами, успѣшно пользуются доставленными имъ послѣдними стальными ножами и топорами, которые они предпочитаютъ самодѣльному каменному оружію. Все оружіе и утварь туземнаго производства выдѣлывается изъ камня, раковинъ, костей, дерева, древесины и звѣриныхъ жилъ. Это обстоятельство само по себѣ не свидѣтельствуетъ еще объ очень низкой степени культуры. Характеристическою особенностью того каменнаго вѣка, въ которомъ

живутъ и понынѣ австралійцы, является скорѣе несовершенство и грубость пользованія имѣющимся въ распоряженіи матеріаломъ. Каменные топоры, напримѣръ, только грубо отесаны, а не отшлифованы и не отполированы, какъ у папуасовъ и полинезійцевъ. Только нѣкоторыя племена, какъ, напримѣръ, живущія у Ганноверскаго залива и во многихъ мѣстностяхъ Викторіи, достигли въ этомъ отношеніи большаго успѣха. Они умѣютъ чисто отесывать и гладко шлифовать камни. Умѣнье сверлить камни нигдѣ не встрѣчается. То же убожество и несовершенство и въ выработкѣ всякой утвари, всякаго оружія изъ любого матеріала. Стоитъ посмотрѣть только на безобразныя дубины, на неуклюжіе несимметричные щиты, на грубыя плетушки. Въ формахъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда искусства и фантазіи. Украшенія или совсѣмъ отсутствуютъ, или находятся въ примитивномъ состояніи. Это—параллельныя, большей частью прямыя линіи, служащія для штриховки треугольниковъ и четыреугольниковъ. Тамъ и сямъ грубая, неловкая мазня должна напоминать людей и животныхъ.

Изящные узоры, которыми въ видѣ украшенія татуируютъ кожу жители Новой Гвинеи, особенно женщины и дѣвушки, замѣняются въ Австраліи рядомъ параллельныхъ глубокихъ и длинныхъ рубцовъ на груди или спинѣ,— грубѣйшій и безобразнѣйшій способъ татуировки. Кромѣ этихъ украшеній, въ ходу еще при ночныхъ танцахъ на „корробори“ обмазыванье или полосатое малеваніе охрой, мѣломъ или углемъ. Въ такихъ случаяхъ волосы убираются еще птичьими перьями, особенно желтыми хохлами бѣлыхъ какаду. Кое-гдѣ встрѣчаются ожерелья и фартуки изъ скрѣпленныхъ рядами перьевъ, зубовъ или раковинъ. Но нѣкоторыя племена обходятся безъ всякихъ украшеній.

Дротикъ, палица и щитъ—вотъ главное оружіе туземцевъ на всемъ материкѣ, и примѣняется оно съ большимъ искусствомъ. Дротики бросаются при помощи особой метательной доски и съ такой поразительной мѣткостью, что опытный воинъ на разстояніи 70 шаговъ попадетъ безъ промаху въ цѣль величиною съ ладонь. Деревянная дубина также очень излюбленное оружіе и на охотѣ, и на войнѣ, и ею пользуются не только для удара, но и для метанья. Но особенно характерное для австралійцевъ оружіе — бумерангъ, — болѣе или менѣе согнутая, иногда даже угловатая, плоская палка, объ удивительномъ кругообразномъ, правильно-эллиптическомъ полетѣ которой много уже говорили и писали. Это замѣчательное оружіе распространено по всей Австраліи, что объясняется его способностью летѣть очень далеко и высоко и замѣнять такимъ образомъ лукъ и стрѣлы, употребленіе которыхъ въ Австраліи неизвѣстно. Въ заключеніе можно упомянуть о длинной заостренной палкѣ изъ твердаго дерева, которою пользуются женщины при откапываньи съѣдобныхъ корней; но при случаѣ она обращается въ оружіе противъ враговъ.

Ни одно изъ австралійскихъ племенъ не обладаетъ умѣньемъ лѣпить глину, обжигать ее и дѣлать такимъ образомъ сосуды для приготовленія пищи, а между тѣмъ это искусство процвѣтаетъ у папуасовъ на близкомъ южномъ побережьѣ Новой Гвинеи. Европеецъ позднѣйшаго каменнаго періода обладалъ имъ также. Слѣдовательно культурное состояніе современныхъ австралійцевъ во многомъ соотвѣтствуетъ древнѣйшему каменному періоду или палеолитической эрѣ. Однако нынѣшній австраліецъ превосходитъ человѣка палеолитической эры въ томъ отношеніи, что онъ приручилъ уже дикую собаку до степени домашняго животнаго и при своемъ переселеніи въ Австралію захватилъ ее съ собой. Собака встрѣчается впервые въ позднѣйшую эпоху каменнаго періода Европы. Она была и первымъ домашнимъ животнымъ, прирученнымъ туземцами Америки.

За неимѣніемъ нужной посуды австраліецъ не можетъ варить себѣ пищу; отъ только коптитъ и жаритъ ее надъ огнемъ, на горячихъ камняхъ и въ золѣ. Но тамъ, гдѣ ему приходится вступать въ сношенія съ бѣлымъ населеніемъ, онъ тотчасъ же сознаетъ все преимущество настоящаго поварского искусства и охотно вымѣниваютъ жестяную посуду, которую сдѣлать себѣ, по недостатку матеріала, самъ онъ не можетъ.

Землю австралійцы на всемъ материкѣ совершенно не умѣютъ обрабатывать. Всѣ они бродячіе охотники, и этимъ главнымъ образомъ объясняются ихъ нахожденіе на столь низкой ступени умственнаго развитія, отсутствіе эстетическаго вкуса и многіе ихъ нравы и обычаи. Бродячая жизнь австралійцевъ, сопровождающая у нихъ къ тому же отсутствіемъ рогатаго скота, вьючныхъ животныхъ, лошадей и, слѣдовательно, имущества, которое можно было бы возить съ собой, — словомъ, полнымъ лишеніемъ собственности, прививаетъ имъ непостоянство. А въ каждомъ дѣлѣ какъ разъ постоянство является надлежащимъ фундаментомъ успѣха.

Мыслительныя сбособности у австралійца значительно слабѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ дикихъ народовъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло. Земледѣлецъ, культивируя даже лишь кокосовыя пальмы, ямсъ, таро или бананы, предусматриваетъ будущее, работаетъ надъ тѣмъ, что принесетъ ему пользу гораздо позднѣе, думаетъ о времени, когда посаженное теперь дерево выраститъ и украсится плодами, знаетъ время созрѣванія плодовъ, наблюдаетъ смѣну временъ года или муссоновъ, много обдумываетъ понятіе времени, научается такимъ образомъ глубже мыслить, больше соображать, точнѣе разсчитывать. Съ другой стороны, умъ и чувства австралійцевъ образцово развиты въ вопросахъ охоты. Ихъ наблюдательность, сметка, память и извѣстная способность заключать по тѣмъ или инымъ знакамъ и слѣдамъ о мѣстѣ пребыванія и

настоящемъ положеніи дичи удивительны. Напомнимъ еще ихъ поразительную ловкость въ употребленіи оружія, и станетъ понятно, почему всякая австралійская дичь оказывается безпомощною добычей этихъ охотничьихъ племенъ.

Поэтому совершенно ошибочно думать, что австралійцы представляютъ изъ себя полуголодную жалкую расу, которая съ трудомъ влачитъ свое существованіе среди суровыхъ жизненныхъ условій. Скорѣе наоборотъ. Обиліе дичи, сравнительно съ числомъ туземцовъ, такъ велико, что при нормальныхъ условіяхъ каждый туземецъ ежедневно можетъ легко добыть себѣ и семьѣ сколько угодно мяса. Я имѣю въ виду, конечно, не крупную дичь, въ родѣ кенгуру и эму, но многочисленныхъ сумчатыхъ звѣрковъ, которыми кишатъ лѣса. Зоркіе чернокожіе попросту вытаскиваютъ ихъ изъ ихъ логовищъ и норъ въ дуплахъ деревьевъ.

Говорятъ, что чисто ночная жизнь огромнаго числа млекопитающихъ затрудняетъ ихъ выслѣживаніе. Это невѣрно, и здѣсь мы какъ разъ видимъ противное. Въ охотѣ австраліецъ достигъ наибольшаго совершенства; при помощи разныхъ хитростей онъ умѣетъ завладѣть дичью; онъ подражаетъ призывнымъ крикамъ птицъ, употребляетъ для приманки живыхъ и искуственныхъ птицъ; голосами пернатыхъ хищниковъ онъ вспугиваетъ рѣчную дичь и загоняетъ ее въ самодѣльныя сѣти; устраиваетъ правильныя преслѣдованія кенгуру. Для рыбной ловли употребляются ручныя сѣти. Неповоротливую рыбу, какъ, напримѣръ, цератода, достаютъ ныряя. Но для другихъ породъ туземцамъ приходится устанавливать поперекъ бухтъ и рѣчныхъ рукавовъ загородки изъ хвороста и только тогда уже приступать къ самой ловлѣ. Кромѣ того, особенно въ приморскихъ мѣстностяхъ, примѣняется тяжелая многозубчатая острога. Уженье же почти всюду, гдѣ чужеземное вліяніе не сказывается, неизвѣстно. Впрочемъ, у отдѣльныхъ племенъ встрѣчаются крючки изъ дерева или птичьихъ когтей. Быть можетъ, это ихъ изобрѣтеніе. Извѣстно оно въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но дальнѣйшаго распространенія не получило.

При болѣе близкомъ знакомствѣ съ туземцами, на каждомъ шагу сталкиваешься съ присущею ихъ уму неспособностью разсчитывать и соображать. Мои люди обманывали меня иногда увѣреньями въ своей прилежной работѣ, когда было очевидно, что цѣлый день они били баклуши. Имъ недоставало умѣнья обмануть потоньше, похитрѣе. Сколько разъ могли бы они провести меня, принося отдѣльно ехидну-самку и ея взрослаго уже дѣтеныша, чтобы получить такимъ образомъ двойное вознагражденіе: открыть обманъ я не имѣлъ возможности, а платилъ всегда одинаково за каждую безъ различія самку и за каждаго самостоятельнаго дѣтеныша. Но ни одинъ изъ моихъ чернокожихъ не додумался до

этой простой мысли: они всегда приносили мнѣ мать съ почти самостоятельнымъ дѣтенышемъ въ сумкѣ, и это дѣлалось не изъ честныхъ побужденій, а по недостатку хитрости. Впрочемъ, я былъ бы несправедливъ, если бы не оговорился, что мои люди были въ общемъ вполнѣ честными; я могъ имъ довѣрять больше, чѣмъ во время прежнихъ путешествій своимъ африканскимъ, а позднѣе малайскимъ слугамъ. Однако и австралійцы не прочь бывали обмануть меня, если для этого не требовалось сложныхъ мыслительныхъ операцій. Нѣкоторые давали иногда на предложенные имъ вопросы лживые отвѣты, но въ общемъ они были правдивы. Ни одному изъ нихъ не приходило въ голову сочинить какую-нибудь лживую сказку; для этого имъ не хватало фантазіи.

Неразвитому уму соотвѣтствуетъ и неразвитый, хотя въ общемъ довольно благозвучный, языкъ. Почти каждое племя говоритъ особымъ діалектомъ, подробное изученіе которыхъ установило однако ихъ родственность и тожественность языка во всей Австраліи. Развѣ только на сѣверо-востокѣ ея попадаются примѣси языка папуасовъ. Основной чертой австралійской рѣчи является многосложность словъ.

Количество словъ, поскольку они обозначаютъ существующіе предметы, особенно названія частей тѣла человѣка и животныхъ, наименованія животныхъ и растеній и опредѣленія степеней родства, довольно велико. Но я замѣтилъ, что туземцы далеко не располагаютъ отдѣльными словами для всѣхъ предметовъ, которые они различаютъ фактически. Всѣхъ ядовитыхъ змѣй, которыя живутъ тамъ во множествѣ легко отличимыхъ разновидностей, они опредѣляютъ однимъ словомъ— „wonge“, тогда какъ для огромнаго удава (Python spilotes) существуетъ отдѣльное названіе „biu“. Различныя породы дикихъ гусей и утокъ назывались безъ различія—„monarum“, всѣ черепахи — „miaro“. Еще замѣтнѣе недостатокъ обозначеній для различныхъ красокъ. Мои люди отличали собственно только бѣлое—„bambar“, черное — „ngurue“ и пестрое—„beiar“. Послѣднее названіе примѣнялось одинаково и къ красному, и къ зеленому, и къ голубому, и къ желтому. Языкъ австралійцевъ необыкновенно бѣденъ словами, выражающими понятія, потому что и самыхъ понятій не существуетъ. Такъ, у нихъ нѣтъ собирательныхъ для обозначенія группы животныхъ и растеній. У нѣкоторыхъ племенъ числительныя доходятъ только до трехъ.

Туземцы, живущіе при рѣкѣ Бернеттѣ, считаютъ: garro (одинъ), boo (два), koromde (три), wogaro (четыре) и черезъ сочетаніе boo koromde (пять), а что больше пяти, обозначается словомъ mdian — множество. Дальнѣйшій счетъ при помощи пальцевъ или черезъ умноженіе, какъ я рѣшительно убѣдился, отсутствуетъ. Если туземецъ приносилъ мнѣ тѣхъ или другихъ животныхъ въ количествѣ, большемъ пяти, то онъ не умѣлъ обозначить его иначе, какъ соотвѣтствующимъ

количествомъ нарѣзокъ на деревянной палкѣ. Безъ послѣдней онъ чувствовалъ себя совсѣмъ неувѣреннымъ и безпомощнымъ. Память дикаря въ этомъ направленіи была мало развита, и онъ не могъ нанести изъ головы правильное количество черточекъ на другую палку, если ихъ было раньше болѣе семи или восьми. Тѣ изъ чернокожихъ, которые понимали немного англійскій языкъ, могли употреблять правильно англійскія числительныя не далѣе шести, за которымъ всякая увѣренность пропадала и выбирались совершенно произвольныя числа. Одинъ изъ моихъ слугъ долго прожилъ среди скваттеровъ и выдѣлялся среди другихъ своимъ развитіемъ, но когда дѣло доходило до высшихъ чиселъ или до такихъ трудныхъ умноженій, какъ опредѣленія количества ехиднъ, принесенныхъ въ теченіе трехъ дней по три, то и его увѣренность пропадала. Нѣкоторыя племена западныхъ округовъ Викторіи употребляютъ при счетѣ пальцы, и хотя ихъ числительныя доходятъ только до трехъ, а слово рука обозначаетъ пять, они ухитряются, при помощи комбинацій этихъ словъ съ знаками (поднимание отдѣльныхъ пальцевъ или всей руки), доводить исчисленіе до ста. Но эти племена и вообще стоятъ выше тѣхъ, съ которыми я познакомился въ Квинслэндѣ. Впрочемъ, и уроженцевъ Квинслэнда можно пріучить къ довольно сносному счету, если начать ихъ образованіе въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Всѣ отчеты миссіонеровъ, имѣвшихъ возможность обучать большое количество австралійскихъ дѣтей, почти единогласно приводятъ насъ къ слѣдующему заключенію: въ самомъ началѣ ученья дѣти туземцевъ и европейцевъ не

Туземецъ изъ Квинслэнда.

проявляютъ почти никакого различія въ способности наблюдать, схватывать сущность дѣла. Чернокожія дѣти сначала даже превосходятъ бѣлыхъ въ чтеніи, письмѣ, рисованіи, топографіи и географіи; простыя счетныя операціи не составляютъ для нихъ также особенной трудности. Но чѣмъ дальше подвигается ученье къ области отвлеченнаго мышленія, къ грамматикѣ и высшимъ отраслямъ ариѳметики, тѣмъ замѣтнѣе становится ихъ тупость и неспособность. Нѣтъ ничего удивительнаго, что дѣти успѣшно усваиваютъ себѣ письмо, чтеніе и рисованіе, такъ какъ и взрослые австралійцы бываютъ очень искусны въ разслѣживаніи всевозможныхъ знаковъ, оставленныхъ бѣжавшею дичью на землѣ, травѣ, деревьяхъ. Кромѣ того, они очень ловко обмѣниваются извѣстными сигналами другъ съ другомъ: кладутъ, напримѣръ, въ особомъ направленіи заостренную палочку, наносятъ на древесную кору опредѣленныя насѣчки, пересылаютъ вѣстовыя палки съ различными вырѣзками и помѣтками. Нѣкоторыя племена представляютъ въ этомъ отношеніи прямо-таки нѣчто удивительное.

Туземка изъ Квинслэнда.

Впрочемъ, естественно, что успѣхъ миссій среди столь низко стоящаго и бродячаго населенія, какъ австралійцы, сводится къ нулю. Какъ воздѣйствовать миссіонеру на среду, которая сегодня здѣсь, завтра тамъ и никакъ не можетъ усидѣть на одномъ мѣстѣ? Всѣ попытки пріучить австралійцевъ къ осѣдлой жизни приходится считать неудавшимися. Если на югѣ материка кое-гдѣ удалось соединить въ маленькіе поселки немногихъ представителей близкихъ къ полному вымиранію племенъ, и они держатся тамъ волей-неволей до тѣхъ поръ, пока не умретъ послѣдній изъ нихъ, то вѣдь это нельзя же назвать успѣхомъ въ дѣлѣ пріученія туземцевъ къ осѣдлости. Иногда скваттеры обращаются къ ихъ содѣйствію для сгона стадъ рогатаго

скота на опредѣленный участокъ. Ѣзда за стадами, отыскиваніе отбившихся маленькихъ кучекъ скота доставляетъ туземцемъ удовольствіе на нѣсколько недѣль; но немного спустя тоска по свободной, ничѣмъ не ограниченной бродячей жизни овладѣваетъ ими и они уходятъ иногда отъ хорошаго хозяина, отказываются отъ привлекательнѣйшихъ европейскихъ наслажденій.

Повсюду, гдѣ туземцы соприкасаются съ бѣлымъ населеніемъ, они скоро и вѣрно вымираютъ. Въ округѣ Бернетта, гдѣ европейцы водворились всего какихъ-нибудь 20 лѣтъ тому назадъ и даже теперь населяютъ обширныя равнины лишь очень рѣдко, число туземцевъ уменьшилось болѣе, чѣмъ наполовину. Главною причиной этого является алкоголизмъ и еще болѣе куреніе опіума—единственное, чему они удивительно успѣшно научились у бѣлыхъ и особенно китайцевъ и къ чему питаютъ роковую привязанность.

Между моими слугами было также нѣсколько курильщиковъ опіума. Неспособные ни къ чему другому, они совершенно погибали и, казалось, обречены были на близкую уже смерть... Вредное вліяніе оказываетъ также перенятое у европейцевъ платье или, вѣрнѣе сказать, лохмотья, на которые они соблазнились въ силу присущей имъ страсти къ подражанію и которые оказались для нихъ, какъ и вообще часто для низко стоящихъ дикарей, нездоровыми. Съ одеждой надо умѣть обращаться. А для дикихъ, которые никогда ея не мѣняютъ, носятъ безъ разбору и въ жару, и въ холодъ и, промочивъ, высушиваютъ на себѣ, она является очень и очень опаснымъ даромъ культуры.

Можно ли говорить о религіи людей, въ языкѣ которыхъ слова для выраженія отвлеченныхъ понятій почти не встрѣчаются и у которыхъ нѣтъ никакого культа высшаго существа? Идолопоклонства, жертвоприношенія, молитвы по всей Австраліи неизвѣстны... По свидѣтельству многочисленныхъ наблюдателей, проживших долгое время среди племенъ Новаго Южнаго Валлиса и Квинслэнда, большинство дикарей не проявляетъ никакой вѣры въ высшее сверхчеловѣческое существо. Но зато повсюду господствуетъ вѣра въ привидѣнія, тѣни умершихъ, не похороненныхъ надлежащимъ образомъ или заколдованныхъ волшебниками. Это подтвердили и мои личныя наблюденія надъ чернокожими, среди которыхъ я жилъ.

Боязнь привидѣній особенно рѣзко замѣчается въ томъ, что ночью никто изъ туземцевъ не хочетъ отходить отъ костра, а ночныхъ охотъ здѣсь совершенно не бываетъ. Съ вѣрой въ духовъ и тѣни покойниковъ связаны довольно усовершенствованныя, но очень видоизмѣняющіяся по мѣстностямъ похоронныя церемоніи. Въ центральномъ Квинслэндѣ трупы предварительно высушиваются въ дуплахъ деревьевъ, а затѣмъ уже закапываются въ землю или тѣ же дупла. Многія племена воздвигаютъ

особые деревянные подмостки, чтобы сушить покойниковъ въ безопасности отъ динго и другихъ звѣрей. Иногда дикари коптятъ трупы покойниковъ надъ дымомъ, и прежде чѣмъ похоронить, таскаютъ ихъ нѣкоторое время вслѣдъ за племенемъ. При погребеніи трупы или кости обертываются древесной корой. Во многихъ мѣстностяхъ юго-западной Австраліи покойниковъ сжигаютъ.

Вмѣстѣ съ боязнью привидѣній распространена повсюду вѣра въ волшебство и колдовство. Болѣзнь и смерть явленія—по понятію дикаря—не естественныя: ихъ посылаютъ волшебники другихъ племенъ, а колдуны своего племени могутъ противодѣйствовать имъ и лѣчить ихъ различными фокусами.

Нѣкоторыя болѣе развитыя южныя и западныя племена Австраліи стоятъ и въ религіозныхъ воззрѣніяхъ на нѣсколько высшей ступени. Они вѣрятъ въ одного или многихъ добрыхъ и злыхъ духовъ, каждому изъ которыхъ даютъ особое имя и приписываютъ особенныя качества и свойства. Главный духъ является у нихъ родоначальникомъ племени и въ то же время творцомъ всего міра. Но и у этихъ племенъ религіозныя воззрѣнія крайне туманны и запутаны, и они совершенно не чествуютъ еще своихъ, такъ сказать, только нарождающихся боговъ. Въ сказкахъ у нихъ нѣтъ недостатка. Одинъ изъ моихъ чернокожихъ слугъ очень любилъ дѣлиться со мной этими простѣйшими проявленіями человѣческой фантазіи.—„Одинъ чернокожій былъ очень скверный человѣкъ; вотъ, пришли другіе и бросили всѣ въ него свои копья; тогда онъ обернулся „Canara“ (ежомъ), а копья стали иглами“.—„Одинъ юноша любилъ болтать безъумолку. Тогда кто-то сказалъ ему: ты долженъ болтать не переставая! И вотъ, онъ сталъ лягушкой“.—Одна совсѣмъ славная сказочка повѣствуетъ о дружбѣ ребенка съ одной ядовитой змѣей „Wonge“. Когда родители убиваютъ змѣю, умираетъ и дитя. Что же касается текста ихъ пѣсенъ, то онъ обыкновенно менѣе поэтиченъ и ограничивается большей частью короткими фразами и изреченіями, каковыя и повторяются безъ конца. Иногда онѣ вмѣстѣ съ мелодіями заимствуются у дальнихъ племенъ, и часто пѣвцы исполняютъ свои номера на совершенно незнакомомъ для нихъ діалектѣ. Мелодіи кажутся европейцу монотонными и дѣтскими. Пѣніе и танцы сопровождаются хлопаньемъ въ ладоши, постукиваніемъ въ тактъ палками или дубинами о землю или о щиты. Для низкаго культурнаго уровня австралійцевъ характерно, что, несмотря на ихъ страсть къ музыкѣ и танцамъ и обыкновеніе аккомпанировать послѣднимъ ритмичнымъ шумомъ, только у нѣкоторыхъ племенъ западной Австраліи можно встрѣтить примитивнѣйшій музыкальный инструментъ—барабанъ, да и то въ самомъ ужасномъ, грубомъ видѣ. Что же касается всего востока, то здѣсь полное отсутствіе музыкальныхъ инструментовъ—общее правило.

Соціальное положеніе дикарей находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ ихъ кочевой и охотничьей жизни. Отсутствіе земледѣлія не прикрѣпляетъ ихъ къ опредѣленному клочку земли. Какъ только охота изрядно поистребитъ дичь извѣстнаго округа, приходится передвигаться дальше. Такъ живутъ они въ импровизированныхъ палаткахъ изъ сучьевъ или въ листвѣ кустовъ, или въ землянкахъ. Собственности у каждаго ровно столько, сколько онъ и его семья въ состояніи захватить и таскать съ собою въ далекихъ скитаніяхъ племени; а оружіе и предметы потребленія такъ просты, что каждый легко можетъ приготовить ихъ лично. Все это столь малоцѣнно, что рѣшительно не въ состояніи возбудить жадность другого. Въ результатѣ сплоченіе въ болѣе или менѣе значительные союзы, какъ мѣра защиты, представляется здѣсь рѣшительно ненужнымъ. Отдѣльныя племена защищаютъ только свои обширные охотничьи округа. Но границы здѣсь повсюду очень уважаются. Никто безъ разрѣшенія не отважится проникнуть въ округъ чужого племени, и ссоры изъ-за перехода границъ случаются очень рѣдко.

У туземцевъ существуетъ своего рода судъ на случай убійства. Одинъ черный слуга, посланный со станціи, возвратился въ сопровожденіи пожилого человѣка и двухъ женщинъ, принадлежащихъ къ тому же племени, какъ и онъ самъ. Затѣмъ онъ убилъ этого человѣка и завладѣлъ обѣими женщинами; одной изъ нихъ удалось однако какъ-то убѣжать и разсказать своимъ соплеменникамъ о томъ, что случилось. Ея разсказъ вызвалъ всеобщее негодованіе: четырнадцать человѣкъ, вооруженныхъ копьями и другимъ оружіемъ, сбѣжались къ станціи, чтобы отомстить за убійство. Виновникъ спрятался у бѣлыхъ, которые, считая его хорошимъ слугой, не только не выдали его, но дали нѣсколько ружейныхъ залповъ, чтобы напугать австралійцевъ и заставить ихъ разойтись. Такъ какъ послѣ того въ теченіе трехъ или четырехъ дней не было новыхъ враждебныхъ попытокъ, то австраліецъ уже счелъ себя внѣ опасности. Но однажды, когда онъ отошелъ отъ станціи за лошадью, онъ былъ убитъ людьми своего племени. Подобныя исторіи, впрочемъ, далеко не рѣдки.

Въ Тасманіи.

(Э. Циммерманна.)

Пароходъ, на которомъ я занялъ каюту съ тѣмъ, чтобы переправиться въ Тасманію, лишь подъ вечеръ покинулъ пристань въ Мельбурнѣ. Выбравшись по извилинамъ рѣки Ярры-Ярры въ портъ Филиппъ, онъ прошелъ по спокойнымъ водамъ залива и ночью вступилъ въ опасный своими мелями и коралловыми рифами Бассовъ проливъ. Прежде здѣсь погибало не мало судовъ, но въ настоящее время моряки хорошо озна-

комились съ здѣшними подводными камнями, и, благодаря еще воздвигнутымъ по берегамъ маякамъ, плаваніе по этимъ водамъ стало вполнѣ безопасно. Несмотря на сильное волненіе, нашъ пароходъ благополучно перерѣзалъ проливъ и на разсвѣтѣ вступилъ въ глубоко вдавшійся въ землю заливъ. Этотъ заливъ составляетъ какъ бы продолженіе устья рѣки Тамора, такъ что не разберешь даже, гдѣ собственно кончается рѣка и гдѣ начинается заливъ. Самъ Таморъ то расширяется, то вновь суживается между отлогими берегами, и съ палубы казалось, будто пароходъ узкими протоками пробирается изъ одного озера въ другое. По обѣ стороны весело зеленѣли освѣщенные яркими лучами утренняго солнца берега. Мѣстами поднимались холмы, по отлогимъ скатамъ которыхъ попадались деревянные домики фермеровъ, окруженные фруктовыми садами, которыми славится Тасманія. А вдали, сквозь сизую дымку, виднѣлись очерки высокихъ горъ, служащіе какъ бы общимъ фономъ веселаго пейзажа.

Пересѣкая одно изъ озеръ, пароходъ шелъ мимо вдавшейся въ болотистый берегъ заводи Тамъ, въ глубинѣ ея, на поверхности спокойныхъ водъ плавали два черныхъ лебедя. Прекрасны они съ ихъ чернымъ перомъ, которое слегка отливаетъ глянцевитымъ буроватымъ оттѣнкомъ, съ ихъ ярко-краснаго цвѣта клювомъ и змѣеобразно извивающеюся длинною шеей. Но еще великолѣпнѣе были эти лебеди, когда, испуганные шумомъ парохода, они, поднявшись съ воды и вытянувъ длинныя шеи, распустили свои окаймленныя ярко-бѣлыми перьями крылья. Издали казалось, будто по воздуху неслись траурные плерезы. Поднявшись надъ лѣсомъ, они скоро спустились къ болоту, гдѣ вѣроятно приготовили себѣ гнѣзда. Въ эту самую пору, а именно въ ноябрѣ мѣсяцѣ, лебеди несутъ яйца въ свои большія, изъ водяныхъ растеній сдѣланныя гнѣзда. До заселенія Тасманіи англичанами черные лебеди большими стаями покрывали здѣшнія рѣки и озера. Но колонисты безпощадно истребляли ихъ, собирали ихъ яйца, захватывали птицъ даже живьемъ во время линьки, когда онѣ не могутъ летать, и теперь скорѣе встрѣтишь здѣсь прирученныхъ лебедей въ зоологическихъ садахъ, нежели въ дикомъ состояніи, на волѣ.

Около полудня пароходъ присталъ къ берегу тамъ, гдѣ двѣ рѣчки, сливаясь вмѣстѣ, образовали широководный Таморъ. Тутъ, въ окруженной съ трехъ сторонъ горами лощинѣ, пріютился городокъ Ланцестонъ.

Послѣ шумнаго, оживляемаго кипучею дѣятельностью Мельбурна, Ланцестонъ показался мнѣ скромнымъ, малолюднымъ мѣстечкомъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ болѣе старымъ городамъ въ колоніяхъ. Ланцестонъ былъ основанъ уже въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, когда островъ былъ еще населенъ чернокожими и служилъ мѣстомъ ссылки преступниковъ, или „конвиктовъ“, какъ называютъ ихъ

англичане. Въ настоящее время сюда уже давно не высылаютъ болѣе преступниковъ изъ Англіи, а чернокожее племя окончательно вымерло. Несмотря на столь мрачное прошлое, Тасманія по своему живописному гористому мѣстоположенію все-таки самая привлекательная изъ всѣхъ австралійскихъ колоній. Не даромъ колонисты прозвали ее Швейцаріей южнаго полушарія. Какъ въ европейскую Швейцарію, такъ точно и сюда наѣзжаютъ охотники до прекрасныхъ видовъ любоваться природою въ здѣшнихъ, хотя и не очень высокихъ горахъ. Даже подъ самымъ Ланцестономъ я видѣлъ настоящій швейцарскій ландшафтъ. Проходя въ одномъ мѣстѣ черезъ рѣчку, я остановился среди моста въ виду мрачнаго, но живописнаго ущелья Тамора. Высокія черно-бурыя, мхомъ и мелкими кустами поросшія, скалы съ обѣихъ сторонъ стѣсняютъ здѣсь русло потока. Быстрыя воды, плеща и бушуя по уступамъ и камнямъ, съ шумомъ прорываются на просторъ сквозь задерживающія ихъ тѣснины. Чудный видъ представляютъ эти недоступныя крутизны. По другую сторону моста рѣка, выбившись на просторъ, расширяется и течетъ уже спокойнѣе. Тутъ стоитъ купальня, а возлѣ нея, сажени на двѣ надъ водою, торчитъ скалистая глыба. При мнѣ купалось здѣсь съ дюжину мальчиковъ. Они взбирались на верхушку скалы и съ веселымъ крикомъ бросались оттуда въ синюю глубь.

Я перешелъ по мосту на другую сторону и направился по берегу внизъ по теченію къ ближайшему лѣсу. Онъ состоялъ, правда изъ тѣхъ же эвкалиптовъ и акацій, какъ и на материкѣ Австраліи, но зелень здѣсь казалась свѣжѣе и ярче. Подойдя къ краю песчанаго берега, я на желтоватомъ пескѣ спугнулъ двухъ престранныхъ ящерицъ. Величиною съ большую жабу, онѣ по всему тѣлу покрыты острыми колючками свѣтло-бураго цвѣта. Оба звѣрка быстро шмыгнули по землѣ и скрылись подъ песчаной грудой. Я присѣлъ на берегу и сталъ поджидать, не покажутся ли они опять. Вскорѣ ящерицы дѣйствительно вышли изъ-подъ груды и лѣниво побрели по песку, такъ что я успѣлъ хорошо осмотрѣть ихъ. Это были такъ называемые молохи, получившіе у колонистовъ прозвище „колючаго чорта“. Они прозваны такъ оттого, что на маленькой головкѣ ихъ торчатъ двѣ довольно крупныя колючки, словно два рога. Несмотря на страшную наружность, и про этого чорта можно сказать, что онъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ. И точно, укусить своимъ маленькимъ ртомъ ящерица не можетъ, а колючки или шипы ея такъ слабы, что ее нетрудно схватить руками. Эти молохи кладутъ яйца, зарывая ихъ въ песокъ. Мѣсяца черезъ два подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей изъ нихъ вылупляются маленькіе чертенята, или молохи.

На слѣдующее затѣмъ утро я отправился по желѣзной дорогѣ, пересѣкающей весь островъ съ сѣвера на югъ до города Гобарта. Го-

Лѣсъ папоротниковъ въ Тасманіи.

ристая мѣстность, по которой пролегаютъ рельсы, отличается живописными видами. Нашъ поѣздъ то извивался змѣеобразными изворотами у подножія горъ, то шелъ по ихъ крутому скату, такъ что съ одной стороны отъ насъ высились покрытыя зеленью скалы, а съ другой—обрывомъ спускалась отвѣсная круча, поросшая густымъ кустарникомъ. Далеко внизу, въ долинѣ, орошаемой ручейкомъ, виднѣлись домики фермеровъ съ ихъ фруктовыми садами или лачужки пастуховъ, близъ которыхъ по скатамъ паслись стада овецъ.

Покрывающія островъ горы, поросшія лѣсами, мало способствуютъ развитію какъ земледѣлія, такъ и овцеводства. Зато тасманцы обратились къ фруктовому садоводству, и въ этомъ отношеніи за ними неоспоримо осталась пальма первенства. И дѣйствительно, какъ климатическія, такъ и вообще мѣстныя условія благопріятствуютъ разведенію всякаго рода фруктовъ, изъ которыхъ въ городахъ изготовляютъ варенья и сиропы для вывоза за границу.

Названія нѣкоторыхъ изъ станцій по желѣзной дорогѣ въ Гобартъ невольно обращаютъ на себя вниманіе. Такъ, одна изъ нихъ, при которой находилось нѣсколько фермерскихъ домиковъ и двѣ или три мелочныя лавки, называется Іерихонъ, а другая при мѣстечкѣ съ населеніемъ въ нѣсколько сотъ душъ—Іерусалимъ. Тутъ же по сосѣдству протекаетъ и рѣчка Іорданъ. Такія названія приданы незначительнымъ мѣстечкамъ набожными миссіонерами.

Переваливъ на другую сторону хребта, поѣздъ быстро спустился въ долину и, промчавшись по берегу рѣки, подкатилъ къ станціи въ Гобартѣ.

Эта скромная столица колоніи Тасманіи живописно раскинулась на холмистомъ берегу рѣки. Съ одной стороны рѣка разлилась словно море, а съ другой—позади города, почти непосредственно надъ уровнемъ синихъ водъ, поднимаются двѣ высокія горы, носящія громкія имена Нельсона и Веллингтона. Хотя всего только около четырехъ тысячъ футовъ вышины надъ уровнемъ моря, эти горы производятъ однако довольно грандіозное впечатлѣніе, особенно когда подъѣзжаешь къ городу со стороны моря. Въ этой мѣстности, ограниченной съ одной стороны водами рѣки, а съ другой—горами, и расположился амфитеатромъ чистенькій городокъ съ его парками и садиками, съ его башнями и шпицами церквей, которыми изобилуетъ Гобартъ.

Въ Гобартѣ я посѣтилъ не очень большой музей. Онъ заинтересовалъ меня тѣмъ, что въ немъ сохранились еще нѣкоторые остатки вымершаго туземнаго племени. Въ шкапахъ за стекломъ, видѣлъ я здѣсь простые снаряды и орудія самаго первобытнаго свойства какіе употреблялись весьма малоразвитыми дикарями. Деревянныя копья у тасманцевъ просто заострялись на концахъ и не снабжались даже ни рыбьими ко-

стями, ни острыми камнями, какъ у австралійскихъ негровъ. Тутъ же лежали молотки, сдѣланные изъ кремня или изъ зеленаго камня такъ называемаго грюнштейна. Неправильные куски этихъ камней просто вставлены въ расщепъ деревянной рукоятки и прикрѣплены къ ней посредствомъ древесныхъ волоконъ. Въ шкапахъ висѣло также нѣсколько небольшихъ сѣтей и грубо сплетенныхъ корзинъ. Но тутъ не видать никакихъ слѣдовъ одѣянія, такъ какъ тасманцы ходили совершенно нагіе. Иногда только они накидывали на плечи шкуру кенгуру. Можно судить по этому, на какой низкой ступени развитія находились эти дикари. По словамъ первыхъ колонистовъ въ краѣ, тасманцы не занимались ни земледѣліемъ, ни скотоводствомъ. Они не строили даже жилищъ. Иногда только собирали они кое-какъ изъ сучьевъ шалашъ для защиты отъ вѣтра.

Исторія обитателей Тасманіи изобилуетъ возмущающими человѣческое чувство эпизодами. Колонисты, собираясь цѣлыми компаніями, охотились по чернокожимъ, какъ по звѣрю. Администрація учиняла настоящія облавы на нихъ. Пастухи и фермеры, выходя въ поле не иначе, какъ съ заряженными ружьями, безъ разсужденій убивали всякаго встрѣчнаго дикаря. Правда, туземцы, по мѣрѣ силъ и возможности, не оставались, конечно, въ долгу и нерѣдко отплачивали поселенцамъ, пуская въ ходъ краснаго пѣтуха.

Наконецъ, колонисты настоятельно потребовали, чтобы правительство избавило ихъ окончательно отъ сосѣдства дикарей. Администрація вслѣдствіе этого и задумала прибѣгнуть къ болѣе гуманнымъ мѣрамъ: въ 1835 году переловлена была послѣдняя шайка чернокожихъ и отправлена на одинъ изъ острововъ къ сѣверу отъ Тасманіи. Этотъ остатокъ туземнаго племени состоялъ всего изъ 300 человѣкъ. Несмотря на попеченія, какія оказали имъ на островѣ, дикари быстро умирали; немногихъ оставшихся затѣмъ въ живыхъ переселили, наконецъ, на южный берегъ Тасманіи, гдѣ сердобольные миссіонеры довершили истребленіе племени, одѣвая дикарей въ европейское платье и обращая ихъ въ христіанство, пока, наконецъ, въ Гобартѣ не скончалась послѣдняя представительница жалкаго чернокожаго племени.

Въ музеѣ стоятъ также чучела животныхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя встрѣчаются въ одной только Тасманіи. Тутъ между прочимъ находится сумчатый волкъ. Въ прежнее время это былъ довольно опасный хищникъ на островѣ, но теперь онъ попадается чрезвычайно рѣдко. Величиною съ борзую собаку, онъ отличается темно-бурою гладкою шерстью съ поперечными темными полосами на спинѣ. Какъ выраженіемъ заостреннаго рыла, такъ и длиннымъ гладкимъ хвостомъ этотъ хищникъ съ виду напоминаетъ скорѣе собаку, нежели волка. Еще рѣже встрѣчается теперь другое животное, которое наводило такой

ужасъ на колонистовъ, что они прозвали его „сумчатымъ дьяволомъ“. Складомъ тѣла сумчатый дьяволъ напоминаетъ нѣсколько медвѣжонка; онъ съ виду такой же неуклюжій, съ большой головой, широкимъ рыломъ и короткими ушами. Но сумчатый дьяволъ покрытъ довольно жесткою черною шерстью; только на толстой шеѣ у него бѣлая полоска въ родѣ ошейника. Морда его изобличаетъ сильную злобу. Это и въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно лютое животное, такъ что даже собаки колонистовъ не отваживались нападать на него. Однако, пользуясь ружьями и капканами, жители скоро избавились отъ опаснаго хищника.

Въ настоящее время, когда на островѣ не стало ни дикарей, ни хищныхъ животныхъ, можно смѣло пускаться по здѣшнимъ горамъ и лѣсамъ, не опасаясь нападеній, тѣмъ еще болѣе, что по острову проложены отличныя шоссе, благодаря которымъ этотъ край сдѣлался вполнѣ доступнымъ не только для пѣшеходовъ, но и для экипажей. Одна изъ этихъ дорогъ переваливаетъ черезъ гору Веллингтонъ. Поднявшись однажды по ней на высоту, я скоро очутился среди дикой горной мѣстности. По скатамъ и ущельямъ зеленѣютъ мрачные лѣса эвкалиптовъ. Они достигаютъ здѣсь громадныхъ размѣровъ. Нѣкоторыя деревья поднимаются саженъ на пятьдесятъ въ вышину. Одно изъ нихъ я обошелъ кругомъ, и оно оказалось въ двѣнадцать обхватовъ.

Въ лѣсной чащѣ показалась стая красивыхъ, такъ называемыхъ здѣсь хохлатыхъ, голубей. Статное тѣло этой небольшой птицы, съ хохолкомъ на головѣ, покрыто перьями разныхъ цвѣтовъ, съ прелестными неуловимыми оттѣнками, начиная отъ свѣтло-оливковаго по спинкѣ и переходя къ алому на шейкѣ и блестяще-бронзовому на крыльяхъ. Не даромъ эта птица считается самою красивою изъ всѣхъ голубиныхъ породъ.

Въ Гобартѣ мнѣ на дѣлѣ пришлось убѣдиться въ набожномъ настроеніи обитателей. Не только по воскреснымъ днямъ, но даже въ будни по улицамъ встрѣчаются лэди и джентльмены, спѣшащіе съ молитвенниками въ рукахъ на богослуженіе либо въ тотъ, либо въ другой изъ здѣшнихъ храмовъ.

Въ Тасманіи вообще, а въ Гобартѣ въ особенности, болѣе чѣмъ гдѣлибо въ другихъ колоніяхъ, сохранились англійскіе нравы, англійскій складъ жизни и вообще отличительныя черты англійскаго характера.

ОКЕАНІЯ.

Портъ Моресби и его окрестности.

(Р. Земона.)

Около часа дня бросили мы якорь въ хорошо защищенной гавани порта Моресби. Вслѣдствіе многочисленныхъ мелкихъ рифовъ фарватеръ этой гавани не совсѣмъ безопасенъ для большихъ судовъ, но тѣмъ не менѣе портъ Моресби является самымъ важнымъ и самымъ населеннымъ поселкомъ во всей британской Новой Гвинеѣ. Бѣлые домики, разсѣянные въ живописномъ безпорядкѣ по холмамъ, съ блестящими оконными стеклами и желѣзными крышами, и стада рогатаго скота, бродившаго по лужайкамъ, придавали всей картинѣ много оживленія.

Весь поселокъ бѣлыхъ, несмотря на то, что онъ распланированъ въ видѣ города, производитъ скорѣе впечатлѣніе возникающаго дачнаго мѣстечка и состоитъ всего изъ нѣсколькихъ домиковъ, складовъ и амбаровъ. Зданія разбросаны отдѣльно, то близъ берега, то между холмами, окаймляющими море. Зданія правительственныхъ учрежденій и домъ губернатора лежатъ на холмѣ, возвышающемся на 130 футовъ надъ уровнемъ моря и господствующемъ надъ окрестностями. Имѣется здѣсь также одна лавка и гостиница для пріѣзжающихъ съ обширнымъ салономъ, билліардомъ и восемью номерами. Съ веранды гостиницы открывается чудный видъ на море, деревушку папуасовъ и весь небольшой поселокъ.

На берегу мы встрѣтили толпу закованныхъ въ цѣпи арестантовъ-папуасовъ, работавшихъ надъ исправленіемъ дороги. Это были люди, приговоренные къ каторжнымъ работамъ отъ 3 до 10 лѣтъ за убійство, дѣяніе, которое, по ихъ понятіямъ, не только не считается преступнымъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже вмѣняется въ обязанность. Всѣми мѣрами англійское правительство старается смягчить нравы дикарей, но его власть фактически простирается только на побережье и немногія мѣстечки внутри страны. Большинство же туземцевъ продолжаютъ жить такъ же, какъ жили ихъ праотцы.

На берегу насъ встрѣтилъ одинъ изъ миссіонеровъ лондонской миссіи и предложилъ намъ переночевать на станціи миссіи. Миссіонерскія строенія лежатъ довольно далеко отъ поселка бѣлыхъ, къ сѣверо-западу отъ нихъ, и состоятъ изъ церкви, помѣщеній для бѣлыхъ миссіонеровъ, темнокожихъ учителей и воспитанниковъ миссіи.

Лондонское миссіонерское общество совершенно своеобразно справляется со своею задачей. Кромѣ бѣлыхъ миссіонеровъ, оно приспосо-

бляетъ къ этой дѣятельности очень много мѣстныхъ жителей съ острововъ Тихаго океана, которые подготовляются къ своей будущей роли въ спеціальныхъ миссіонерскихъ школахъ, разсѣянныхъ въ Таити, Роротонга и въ Самоа. Эти темнокожіе миссіонеры работаютъ подъ наблюденіемъ бѣлыхъ. Менѣе взыскательные къ жизненнымъ условіямъ, они обходятся миссіи дешевле, и потому она имѣетъ возможность содержать и высылать большее количество миссіонеровъ, чѣмъ если бы ограничилась только одними бѣлыми проповѣдниками Евангелія. У туземцевъ темнокожіе миссіонеры пользуются меньшимъ авторитетомъ, чѣмъ бѣлые, но зато они завоевываютъ сердца туземцевъ умѣніемъ глубоко вдуматься

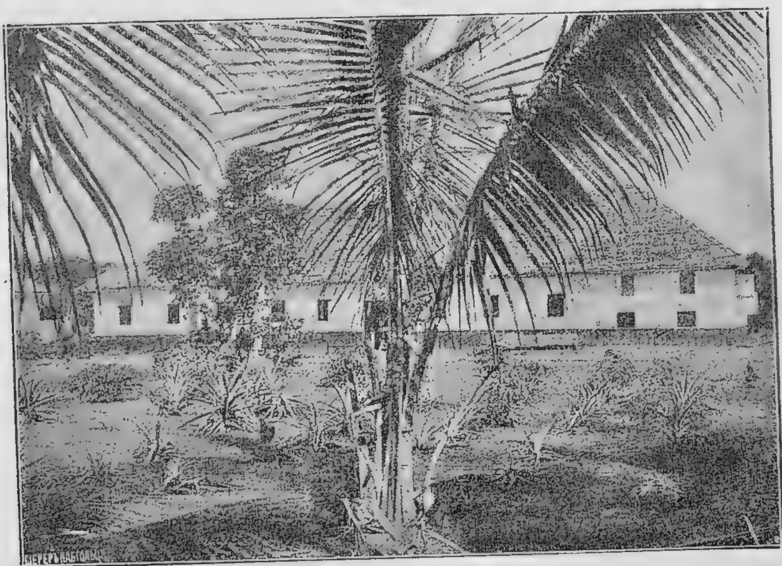
Домъ служащихъ бѣлыхъ на Новой Гвинеѣ.

въ душевную жизнь дѣтей природы и приноровить истолкованіе евангельскихъ истинъ къ наивному пониманію дикарей. Въ ревностной вѣрѣ и преданности своему призванію они не уступятъ никакому бѣлому, и здѣсь, находясь подъ постояннымъ надзоромъ, ихъ дѣятельность очень благотворна.

Изъ своихъ путешествій по западной Африкѣ я вынесъ сильное предубѣжденіе противъ темнокожихъ миссіонеровъ, но здѣсь оно оказалось совершенно неосновательнымъ. Это зависитъ вѣроятно отъ того, что въ Новой Гвинеѣ темнокожихъ миссіонеровъ постоянно и строго контролируютъ ихъ бѣлые начальники. Уже съ малыхъ лѣтъ собираютъ туземныхъ дѣтей въ миссіонерскія школы порта Моресби, гдѣ вырабатываютъ изъ нихъ учителей для родного имъ народа. Результаты въ общемъ удо-

влетворительны, хотя, по завѣренію руководителей этихъ школъ, папуасы много уступаютъ полинезійцамъ въ понятливости и въ упорномъ трудолюбіи, и только самые интеллигентные изъ нихъ способны на то, что въ среднемъ доступно любому миссіонеру изъ Самоа или Таити. Ниже зданія миссіи, у самаго моря, расположена деревня туземцевъ, а противъ нея, на небольшомъ островкѣ, другая побольше.

Здѣсь я впервые увидѣлъ знаменитыя свайныя постройки папуасовъ. Своимъ видомъ онѣ невольно вызываютъ въ памяти такія же постройки доисторической Швейцаріи и даютъ представленіе о томъ времени, когда наши предки еще не знали примѣненія металловъ и изготовляли всѣ свои

Домъ туземныхъ рабочихъ на Новой Гвинеѣ.

орудія изъ камня, кости, рога и дерева. Обитавшіе здѣсь туземцы были еще совершенно дѣтьми каменнаго вѣка. Большинство домовъ стояло на крѣпкихъ, часто криво выросшихъ мангровыхъ стволахъ, которые омываются водой во время прилива, тогда какъ въ отливъ они стоятъ на сухой или почти сухой почвѣ. Конечно, такія деревни могутъ возникать только въ мѣстахъ, хорошо защищенныхъ отъ прибоя волнъ. Поэтому ихъ чаще всего можно встрѣтить въ бухтахъ или подъ прикрытіемъ лежащаго противъ берега рифа или мели. Цѣлесообразность свайныхъ построекъ стала намъ скоро понятна. Отдѣльныя папуасскія племена постоянно враждуютъ между собою. Жители побережья въ особенности боятся нападеній обитателей горъ, находящихся внутри страны, и безъ всякаго основанія приписываютъ имъ невѣроятную дикость

Въ случаѣ нападенія, жители свайныхъ построекъ въ челнокахъ, которые находятся тутъ же подъ рукой, могутъ легко уплыть въ море, прежде чѣмъ непріятель успѣетъ переправиться къ ихъ дому съ берега. Однако польза, которую приносятъ свайныя постройки во время половодья, превращается въ одну иллюзію во время отлива, и я никакъ не могъ уяснить себѣ ихъ цѣлесообразность въ этомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что со стороны нападающихъ нужно предположить достаточно смѣтливости, чтобы отложить свои набѣги до времени отлива. Впрочемъ, жители сосѣднихъ съ портомъ Моресби деревень сами опасные воины и строятъ свои свайныя постройки въ морѣ не изъ боязни нападенія, а просто по старой привычкѣ, не принимая во вниманіе и не вдаваясь въ первоначальный смыслъ этой мѣры предосторожности.

Впослѣдствіи мнѣ случалось видѣть свайныя деревни, построенныя гораздо дальше въ морѣ, такъ что даже во время отлива дома оставались въ водѣ.

Въ глубинѣ страны жители деревень ограждаютъ себя отъ внезапныхъ нападеній совершенно инымъ способомъ. Кромѣ обыкновенныхъ домовъ, на низкихъ сваяхъ, они устраиваютъ себѣ еще нѣсколько хижинъ на вершинахъ деревьевъ, спрятанныхъ тамъ среди сучьевъ и густой листвы, подобно гнѣздамъ, на высотѣ 20—30 метровъ. Въ случаѣ нападенія, все населеніе бросается къ этимъ деревьямъ-крѣпостямъ и скрывается тамъ. Наверху находится масса заранѣе заготовленныхъ камней, метательныхъ копій, которыми они легко могутъ защититься отъ непріятеля и, главнымъ образомъ, не допустить его подрубить могучій стволъ дерева.

Все населеніе порта Моресби состоитъ приблизительно изъ 1.000 человѣкъ и принадлежитъ къ двумъ совершенно различнымъ племенамъ. Коренными владѣтелями страны является племя койтапуанеровъ; они составляютъ сухопутное населеніе, питаются плодами и овощами своихъ плантацій и занимаются охотой. Ихъ считаютъ волшебниками, приписываютъ имъ власть надъ дождемъ и поэтому боятся до смѣшного.

Населеніе, принадлежащее ко второму племени—спотосъ, занимается рыболовствомъ и мореплаваньемъ. Они основались здѣсь уже позднѣе, съ разрѣшенія племени койтапуанеровъ и мѣняютъ свой рыбный уловъ и гончарныя производства своихъ женщинъ на плоды и добычу охоты первыхъ. Они предпринимаютъ смѣлыя плаванья съ торговой цѣлью до Папуасскаго залива. Несмотря на свое численное превосходство надъ племенемъ койтапуанеровъ, они чувствуютъ себя гостями, а не завоевателями. Удивительно, что при постоянной и мирной совмѣстной жизни каждое племя сохранило свой собственный діалектъ, рѣзко отличающійся одинъ отъ другого. Столкновеній между обоими племенами, повидимому, не бываетъ, но въ общемъ, населеніе всѣхъ трехъ деревень

чрезвычайно безпокойное; они постоянно ссорятся между собою и этимъ отягчаютъ жизнь миссіонерамъ. Особенною жестокостью и упрямствомъ отличаются жители лежащей на островкѣ деревни.

Черезъ деревни туземцевъ насъ провели къ зданію миссіи. Вечеромъ ученики миссіонерской школы спѣли нѣсколько гимновъ, на мотивъ англійскихъ хораловъ, и народныхъ пѣсенъ, переведенныхъ бѣлыми миссіонерами на туземный языкъ. Съ веранды миссіонерскаго дома открывался чудный видъ на окрестныя деревни, на жилища бѣлыхъ и на гавань въ рамкѣ береговъ. Мы долго сидѣли, покуривая трубки, наслаждаясь прохладой прекрасной тропической ночи и слушая любопытные разсказы нашего радушнаго хозяина. На другой день, около 10-ти часовъ утра, мы снялись съ якоря и прибыли въ Хулу только черезъ два дня, потому что вѣтеръ все время не благопріятствовалъ намъ, то дулъ съ противной стороны, то наступало полное безвѣтріе, которое принуждало насъ бросить якорь.

Постройка на деревѣ.

Хула — это типичное свайное селеніе. Когда приближаешься къ нему съ моря, то неожиданно открывается совершенно своеобразный видъ разсѣянныхъ по водѣ, на протяженіи нѣсколькихъ километровъ, хижинъ. Судя по бѣглому взгляду, селеніе это имѣетъ приблизительно до тысячи человѣкъ. Изъ туземцевъ мы сначала увидѣли только однѣхъ женщинъ да дѣтей; мужчины всѣ были на рыбной ловлѣ. Туземцы этой части побережья, до мѣстечка Арома, отличаются отъ своихъ восточныхъ и западныхъ сосѣдей высокимъ ростомъ и хорошимъ, стройнымъ и крѣп-

кимъ тѣлосложеніемъ. Меня поразили нѣкоторыя дѣвочки, особенно хорошо сложенныя и почти красивыя, даже съ европейской точки зрѣнія. Волосы у нихъ темно-русые и представляютъ переходы отъ курчавыхъ завитковъ до волнистыхъ локоновъ. Повидимому, съ годами волосы темнѣютъ, но совершенно черными почти никйгда не дѣлаются. Цвѣтъ кожи туземцевъ коричневый, и многіе изъ нихъ, въ особенности женщины, украшены татуировкой на лбу, носу, груди, спинѣ и рукахъ, и рѣдко на ногахъ. Татуировка состоитъ изъ довольно большихъ черточекъ и точекъ, изъ которыхъ образуются красивые и разнообразные узоры. Къ ушамъ часто подвѣшиваютъ цѣлые пучки черепаховыхъ пластинокъ, которыя своею тяжестью сильно оттягиваютъ и непомѣрно расширяютъ отверстія, продѣланныя въ ушахъ. Дѣвушки часто втыкаютъ цвѣты въ уши или въ браслетъ, украшающій ихъ руку. На шею, въ видѣ украшенія, чаще всего подвѣшивается пластинка изъ перламутровой раковины, вырѣзанная въ формѣ серпа. Дѣти и дѣвушки были здѣсь чрезвычайно довѣрчивы и то и дѣло приносили мнѣ всякихъ ящерицъ и насѣкомыхъ. Почти весь день около нашей веранды возилось цѣлое общество малышей, которые не покидали насъ и во время нашихъ экскурсій.

Мальчики до юношескаго возраста ходятъ нагіе, дѣвочки же отъ пяти или шести лѣтъ начинаютъ носить юбки изъ волоконъ кокосовой пальмы, верхняя же часть тѣла и ноги остаются здѣсь, какъ и вездѣ въ Новой Гвинеѣ, на всю жизнь непокрытыми.

Мы доставляли туземцамъ большое удовольствіе, когда дѣлали съ съ нихъ фотографическіе снимки, но стоило не малаго труда отдѣлить одно какое-нибудь лицо, чтобы не увѣковѣчить на пластинкѣ 30 или 40 изображеній. Мнѣ однажды захотѣлось снять отдѣльно хорошенькую молодую дѣвушку и даже удалось поставить ее одну въ непринужденной позѣ. Я сталъ наводить аппаратъ, а за мною и рядомъ со мною толпилась цѣлая куча ликующихъ дѣтей, любопытныхъ женщинъ, ухмыляющихся мужчинъ. Моя модель сначала радовалась выпавшей на ея долю чести; но когда она замѣтила, что служитъ центромъ всеобщаго продолжительнаго вниманія, то наивную дикарку, которой никакія гувернантки не внушали скромности и стыдливости, охватило чувство стыда. Она закрыла обѣими руками глаза, и ничто не могло побудить ее встать снова непринужденно и свободно. Во время этого происшествія я ясно увидѣлъ, какъ измѣнился у нея цвѣтъ лица и изъ коричневаго сдѣлался темнѣе, гуще, потому что кровь бросилась ей въ лицо, и не имѣй она коричневаго цвѣта кожи, можно было бы сказать, что она покраснѣла. Во всякомъ случаѣ психологическая причина, заставившая ее покраснѣть, была та же, что и у насъ, и интересно то, что у темнокожаго дикаря чувство стыда выражается такъ же, какъ у культур-

ныхъ бѣлыхъ,—приливомъ крови къ щекамъ и прикрываніемъ обѣими руками глазъ и лица.

Между дѣвочками, въ возрастѣ отъ шести до восьми лѣтъ, было два прехорошенькихъ существа, въ которыхъ какой-нибудь темнокожій Рафаэль нашелъ бы воплощеніе папуасскихъ ангеловъ. Намъ очень захотѣлось снять съ нихъ фотографіи, но не такъ-то легко было заставить застѣнчивыхъ малютокъ отдѣлиться отъ общей группы своихъ сверстницъ и встать передъ аппаратомъ. Однако наши просьбы и уговоры старшихъ дѣтей помогли, и онѣ хотѣли было стать, когда вмѣшались матери, которыя подошли во время долгихъ переговоровъ и не дали своего разрѣшенія на сегодня, обѣщая привести дѣтей на другой день. Мы были немного озадачены, потому что совершенно не понимали причины запрета, но терпѣливо дождались слѣдующаго дня, когда нашелся ключъ къ загадкѣ; намъ торжественно привели обѣихъ дѣвочекъ, почти сплошь покрытыхъ разнообразными украшеніями: въ волоса были воткнуты перья и гребни, на шеѣ красовались украшенія изъ перламутровыхъ раковинъ и ожерелье изъ зубовъ динго, а на ногахъ и рукахъ были одѣты браслеты, сплетенные изъ травъ и сдѣланные изъ раковинъ и зубовъ,— однимъ словомъ, онѣ представляли изъ себя два маленькихъ папуасскихъ музея. Казалось, что всѣ фамильныя украшенія были собраны и навьючены на два маленькихъ тѣльца. Повидимому, люди вездѣ тѣ же, и папуасскія матери ни на волосъ не отличаются отъ остальныхъ женщинъ, особенно, когда дѣло коснется фотографическихъ снимковъ.

По рѣкѣ Фляй.

(Д. Альбертиса.)

Въ 10 часовъ утра 23-го мая нашъ пароходъ „Нева“ подъ всѣми парами завернулъ въ устье рѣки Фляй, и флаги итальянскій и Новаго Южнаго Валлиса дружно затрепетали надъ водами этой величайшей рѣки Новой Гвинеи. Около полудня мы бросили якорь у западнаго берега острова Кивай, близъ маленькой деревушки, состоящей всего изъ трехъ убогихъ хижинъ — длинныхъ и широкихъ, открытыхъ съ двухъ концовъ построекъ, возведенныхъ на сваяхъ на высотѣ трехъ-четырехъ метровъ отъ сырой, илистой почвы. Платформа четвертой хижины, по всей вѣроятности, заливается водой во время прилива. Европеецъ могъ бы, пожалуй, подумать, что только лягушки въ состояніи обитать на этомъ болотистомъ побережьѣ, хотя и покрытомъ роскошными плантаціями кокосовыхъ пальмъ.

Послѣ проливного дождя небо прояснилось и весь день стояла чудная погода. Мы плывемъ вверхъ по теченію рѣки, которая имѣетъ здѣсь до пяти футовъ глубины, хотя въ руслѣ ея мѣстами попадаются мели,

которыя нашъ пароходъ минуетъ безъ особыхъ затрудненій. На ночь мы останавливаемся у береговъ острова Кано, чтобы запастись дровами и провести ночь. Островъ Кано утопаетъ въ чащѣ саговыхъ пальмъ и мускатныхъ деревьевъ, покрытыхъ крупными душистыми плодами. Берега рѣки, повидимому, населены довольно плотно и покрыты богатыми плантаціями банановъ и кокосовыхъ пальмъ; то тамъ, то сямъ изъ чащи подымается дымокъ. Но туземцы не показываются, и только завываніе собакъ выдаетъ ихъ присутствіе.

28-го мы остановились на якорѣ близъ острова Валькеръ, чуднаго мѣстечка, поросшаго могучими деревьями. Берега покрыты сплошь ползучими ліанами; длиннолистный ротангъ обвиваетъ гигантскіе стволы деревьевъ и подымается до самыхъ макушекъ. Папоротники внѣдряются своими корнями въ стволъ каждаго дерева, орхидеи свѣшиваются съ каждой вѣтки. Но самымъ лучшимъ украшеніемъ лѣса является „муккуна“—растеніе, которое одѣваетъ деревья какъ бы ожерельями своихъ красновато-желтыхъ цвѣтовъ. Цвѣты эти имѣютъ болѣе 12 сант. длины и около 2 ширины; собранные въ соцвѣтіе изъ 18—20 штукъ, они образуютъ гроздь длиною по крайней мѣрѣ въ 2 фута.

Но наступаетъ приливъ, и мы должны двинуться въ путь. Мы проплываемъ вдоль береговъ маленькаго архипелага, изумруднаго отъ покрывающей его растительности. Я прислушиваюсь къ крику райскихъ птицъ.

Одинъ островъ смѣняется другимъ, и всѣ они одѣты густой чащей зелени. Бѣлыя цапли взлетаютъ передъ нами, садятся и затѣмъ снова улетаютъ при приближеніи судна.

Въ числѣ моей сегодняшней добычи находится цѣлый выводокъ летучихъ мышей, найденныхъ мною въ дуплѣ стараго дерева, и нѣсколько пепельныхъ птицъ съ бѣлоснѣжными грудками. Семь или восемь этихъ птицъ сидѣли на единственномъ деревѣ, уцѣлѣвшемъ на размываемомъ теченіемъ островкѣ. Горе всякому насѣкомому, которое рисковало пролетать мимо крылатой семьи. Два или три охотника тотчасъ же устремлялись за неосторожнымъ и ударомъ клюва, щелканіе котораго было слышно издалека, приканчивали его существованіе. Мнѣ случилось наблюдать, какъ эти птицы цѣлыми часами неподвижно сидѣли на макушкѣ дерева и затѣмъ, выслѣдивъ добычу, стремительно бросались на нее.

30-го мая мы вступили въ область, которую еще не посѣщалъ ни одинъ бѣлый: для меня начинается настоящая экспедиція. Рѣка становится болѣе глубокой и однообразной. Чѣмъ далѣе мы подвигаемся, тѣмъ растительность дѣлается все бѣднѣе. Лѣвый берегъ почти лишенъ древесной растительности; только одинокія хлѣбныя деревья, ивы и трава покрываютъ его. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воды растетъ въ большомъ изобиліи большое дерево съ свѣтло-зеленой листвой; издали ка

жется, что оно покрыто черными плодами, но при нашемъ приближеніи мнимые плоды съ рѣзкими криками взлетаютъ въ воздухъ. Это летучія собаки, которыя громадными стаями по цѣлымъ днямъ спятъ на деревьяхъ, въ ожиданіи ночи, когда онѣ пролетаютъ невѣроятно большія пространства, разыскивая себѣ пропитаніе.

Правый берегъ менѣе бѣденъ; правда, это уже не величественные лѣса нижняго Фляй, но все-таки попадается множество плодовыхъ растеній, по большей части намъ совершенно незнакомыхъ, да мѣстами одиноко растущія высокія деревья, сплошь покрытыя эпифитною растительностью и своимъ видомъ напоминающія наши тополя, обвитые плющомъ.

Рѣка все время извивается, но главное направленіе остается сѣверозападнымъ. Берега плоски, взоръ проникаетъ далеко въ безлюдныя пространства, поросшія травой и тростникомъ. Вечерній пролетъ водяныхъ птицъ вноситъ нѣкоторое разнообразіе въ монотонность пейзажа и разсѣиваетъ на время нашу скуку. Пролетаютъ сотни баклановъ, журавлей, которые ютятся въ пустыхъ стволахъ вдоль рѣки, а маленькія цапли, словно часовые, стоятъ на акаціяхъ, и кажется, что это не птицы, а бѣлые цвѣты.

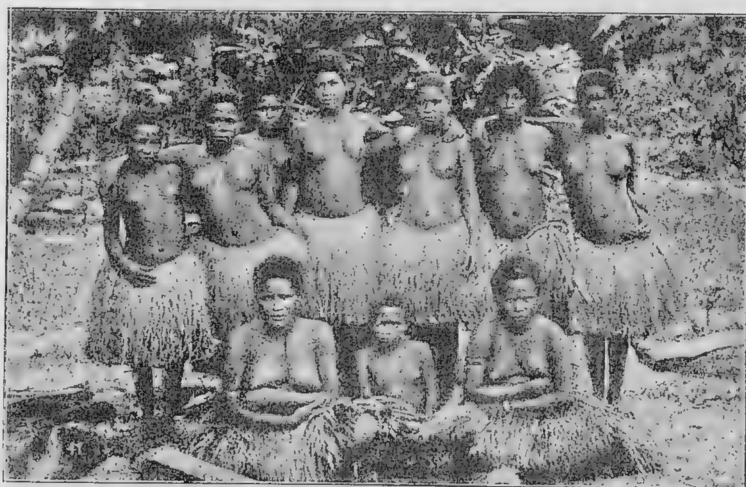
Иногда пейзажъ измѣняется; снова появляются лѣса, покрывающіе невысокіе холмы. Берега становятся выше и круто обрываются, обнаруживая слои красной глины и бѣлаго туфа. Вотъ показалось озеро, за нимъ плантація, а дальше деревня, но безъ всякихъ признаковъ какой-нибудь жизни.

5-го числа, въ тотъ самый моментъ, когда мы снимались съ якоря, изъ заводи внезапно появилось пять большихъ барокъ съ туземцами, одежда, вооруженіе и крики которыхъ обнаруживали враждебныя намѣренія. Вся эта масса двинулась на насъ; начальники были украшены перьями райскихъ птицъ и какаду, а воины—ожерельями изъ раковинъ. Съ своей стороны я поспѣшилъ завѣрить ихъ въ моихъ мирныхъ намѣреніяхъ и велѣлъ бросить въ воду нѣсколько закупоренныхъ бутылокъ съ разными подарками. „Нева“ прибавила ходу, и мы, не дожидаясь нападенія, быстро стали удаляться, оставляя за собой наши плавучія посылки. Свистокъ парохода и шесть холостыхъ выстрѣловъ изъ револьвера произвели общее смятеніе и бѣгство.

Къ вечеру мы бросили якорь и предприняли маленькую экскурсію въ лодкѣ по небольшому притоку рѣки, къ деревушкѣ, расположенной въ разстояніи одного километра отъ берега. Между двумя непроходимыми тростниковыми стѣнами лѣниво катятся воды этой рѣчонки, съ поверхности подернутыя густымъ ковромъ водяныхъ растеній. Мы подвигаемся съ трудомъ, то на веслахъ, то съ помощью шестовъ и наконецъ въѣзжаемъ въ обширную заводь, почти сплошь покрытую большими бѣлыми и лиловыми кувшинками и массою другихъ растеній изящнаго вида.

цѣлая стая дикихъ утокъ, вспугнутая нашимъ приближеніемъ, разлетается въ разныя стороны. Здѣсь же я увидѣлъ впервые въ Новой Гвинеѣ цаплю гигантскихъ размѣровъ (Mycteria Australis),—видъ, считавшійся до сихъ поръ растространеннымъ только въ Австраліи. Я не рѣшался стрѣлять въ нее изъ боязни спугнуть туземцевъ въ деревнѣ.

Солнце склонялось къ горизонту и своими почти горизонтальными лучами озаряло одинъ изъ наиболѣе живописныхъ пейзажей земли папуасовъ. Съ одной стороны невысокій холмикъ, одѣтый бархатистой зеленью, глядится въ тихія воды озера, съ другой—надъ лужайкой, всего въ 150 метрахъ отъ рѣки, возвышаются хижины туземцевъ. Наше приближеніе произвело большое смятеніе среди туземцевъ; они стали покидать свои хижины, а нѣкоторые, обезумѣвъ отъ страху, пустились бѣжать въ лѣсъ. Тщетно я дѣлалъ имъ миролюбивые знаки и кричалъ, стараясь удержать ихъ,—это только усиливало общее бѣгство. Къ тому же одинъ изъ моихъ людей, которымъ я строго-настрого запретилъ стрѣлять, увидѣвъ поросятъ, не могъ удержаться, чтобы не застрѣлить одного изъ нихъ, и такимъ образомъ разрушилъ всѣ надежды на возможность вступить въ сношенія съ туземцами.

Женщины Новой Гвинеи.

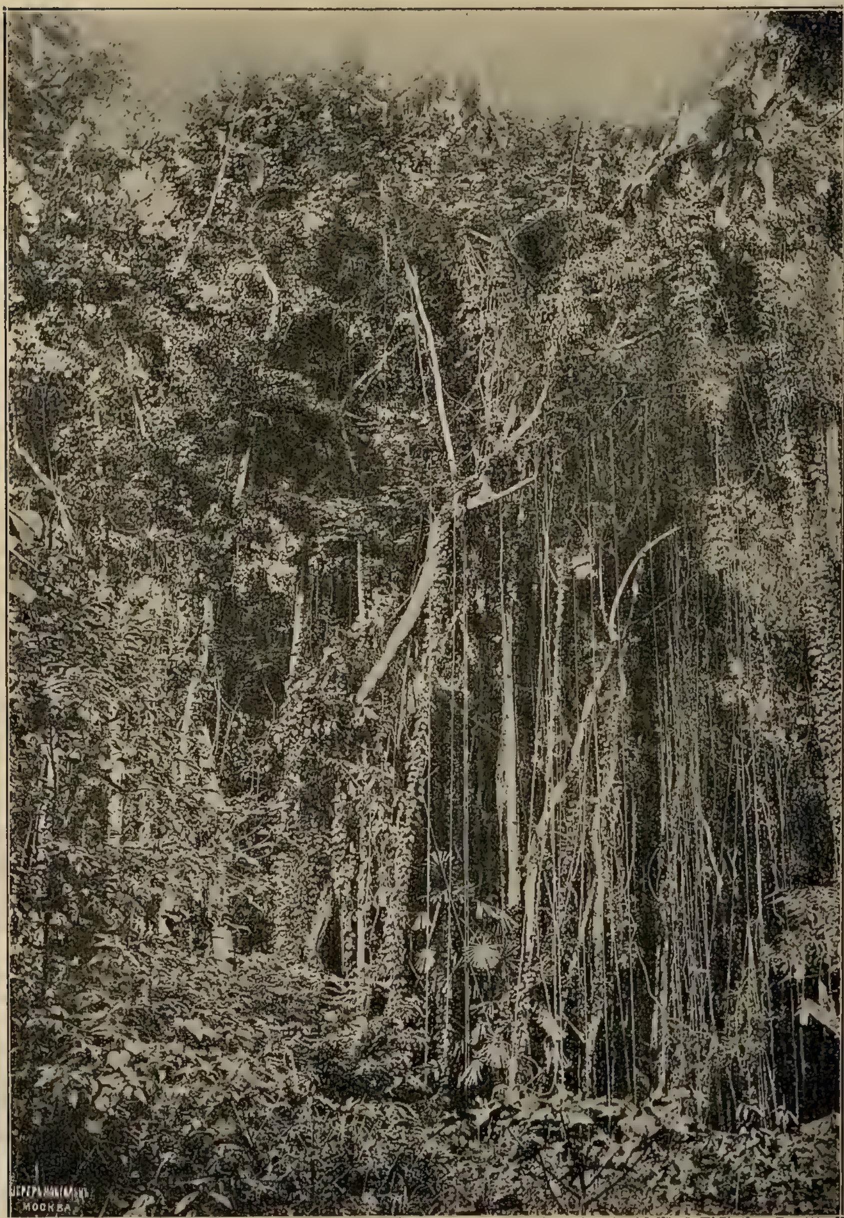
Пока мы занимались приготовленіемъ ужина изъ мяса убитаго поросенка, на рѣкѣ показались три челнока, съ пятью или шестью женщинами въ каждомъ. Онѣ спокойно приближались къ берегу, такъ какъ наша загорѣвшая кожа не давала имъ возможности различить насъ издали; но какъ только онѣ признали въ насъ чужихъ, онѣ на мгновеніе какъ бы застыли отъ ужаса, а потомъ тревожно стали перебѣгать

съ одного конца лодки на другой и наконецъ быстро уплыли въ обратную сторону.

Посѣтивъ на другой день опустѣвшую деревушку, я нашелъ въ ней много любопытныхъ вещей: во-первыхъ, голову, или вѣрнѣе кожу, содранную съ человѣческаго черепа, тщательно выдѣланную и превращенную въ забавную и въ то же время ужасную игрушку. Для того чтобы собрать кожу и вынуть изъ нея черепъ, въ затылочной области былъ сдѣланъ большой надрѣзъ, и образовавшаяся пустота была набита землей. Уши сморщились и стали совсѣмъ маленькими, но волосы и брови сохранились довольно хорошо; широко открытый ротъ и глаза были покрыты мелкою пылью; нѣсколько цвѣтныхъ черточекъ довершали это ужасное произведеніе искусства. Кромѣ того, нашлось нѣсколько череповъ, выкрашенныхъ въ красную краску съ зарубками на лобной кости, множество нижнихъ челюстей, также выкрашенныхъ, съ зубами, прикрѣпленными воскомъ. Ихъ, повидимому, нанизываютъ на шнурокъ и носятъ въ видѣ ожерелья.

Мы нашли также большой запасъ табаку очень хорошаго качества, который жители, вѣроятно, обмѣниваютъ на раковины, украшающія ихъ военное одѣяніе. Нашли мы также нѣсколько юбокъ, составляющихъ женскую одежду, плащи, сплетенные изъ травы и украшенные цвѣтной бахромой, кинжалы изъ костей казуара, небольшія лопаточки, весла съ круглымъ концомъ, выкрашенныя бѣлой или черной краской, и цѣлую массу стрѣлъ. Судя по многочисленнымъ рубцамъ на черепахъ, можно предполагать, что туземцы не прочь поохотиться и на людей и что во всякомъ случаѣ они опасные воины.

Однако впереди меня ожидало нѣчто еще болѣе интересное. Выйдя изъ хижины, я увидѣлъ небольшой круглый навѣсъ, устроенный вокругъ ствола засохшаго дерева на высотѣ почти 6 метровъ отъ поверхности земли. Покрытое пальмовыми листьями, это сооруженіе походило на огромный зонтикъ или грибъ и защищало отъ дождя и непогоды платформу, поставленную на столбахъ, на высотѣ 2 метровъ отъ земли, и покрытую толстымъ слоемъ листьевъ. Сверхъ листьевъ на платформѣ лежали двѣ узкихъ колоды изъ коры, крѣпко связанныя ротанговыми веревками. Я осторожно раскрылъ одну изъ этихъ колодъ и нашелъ тамъ скелетъ женщины, еще покрытый ссохшейся кожей, выкрашенной въ красный цвѣтъ, вѣроятно охрой, часто употребляемой туземцами. Предварительно, какъ я думаю, было удалено мясо. Тѣлу было придано положеніе, которое живому человѣку показалось бы крайне неудобнымъ: ноги были прижаты къ груди, такъ что колѣнки упирались въ подбородокъ, а сложенныя накрестъ руки находились на одномъ уровнѣ съ основаніемъ всей фигуры. Что скелетъ принадлежалъ женщинѣ, можно было легко догадаться уже потому, что надъ лобною костью на черепѣ было замѣтно вдавленіе, произведенное тесемкой, поддерживающей мѣшокъ, въ

Тропическій лѣсъ на Новой Гвинеѣ.

которомъ женщины обыкновенно носятъ различныя тяжести. Во второмъ сверткѣ оказался скелетъ мужчины, вѣроятно, предварительно очищенный отъ мяса, такъ какъ никакихъ признаковъ разложенія я не замѣтилъ, несмотря на то, что кора была насквозь промочена дождемъ. Внутри было много насѣкомыхъ, яицъ и куколокъ, но все-таки не достаточно, чтобы приписать имъ уничтоженіе мягкихъ частей тѣла. Судя по костямъ черепа и малому количеству зубовъ, субъектъ этотъ дожилъ уже до преклоннаго возраста.

Эти свертки цѣликомъ были слишкомъ велики для моего парохода, поэтому я извлекъ изъ нихъ скелеты, упаковалъ ихъ въ мѣшки и отправилъ на судно, а чтобы хоть чѣмъ-нибудь искупить свое святотатство, оставилъ въ одной изъ хижинъ значительное количество подарковъ для туземцевъ.

Въ то время, какъ въ мѣстахъ, посѣщаемыхъ европейцами, туземцы обыкновенно предаютъ покойниковъ погребенію, въ болѣе удаленныхъ мѣстечкахъ ихъ сохраняютъ въ бальзамированномъ или, вѣрнѣе, въ высушенномъ состояніи внутри хижинъ. Мнѣ показывали одинъ такой трупъ, висѣвшій на лѣстницѣ посрединѣ хижины. Въ полутьмѣ, царствовавшей въ помѣщеніи, глаза усопшаго, искусно раскрашенные, казались живыми. Грудь его была украшена ожерельемъ, а руки и ноги—браслетами изъ раковинъ, на головѣ находилась корона, сплетенная изъ сухихъ травъ и раскрашенная въ яркіе цвѣта. Отъ времени до времени мумію раскрашиваютъ красною известью въ смѣси съ масломъ изъ кокосовыхъ орѣховъ.

Благополучно добравшись до парохода, мы снялись съ якоря и продолжали наше путешествіе вверхъ по рѣкѣ Фляй.

Мѣстность становится выше, теченіе быстрѣе, а мутная вода показываетъ, что въ горахъ идетъ дождь. Нашъ провіантъ быстро уменьшается и это принудило насъ пристать къ берегу, чтобы поохотиться. Не успѣлъ я войти въ лѣсъ, какъ собака моя бросилась по слѣдамъ казуара, который однако скрылся въ густой чащѣ ліанъ, среди которыхъ мнѣ пришлось прорубать себѣ дорогу ножомъ. Вдругъ послышался выстрѣлъ, затѣмъ другой, а за ними радостные возгласы и крики моихъ спутниковъ. Когда я впопыхахъ подбѣжалъ къ нимъ, то оказалось, что одинъ изъ нихъ убилъ казуара. Бѣдная птица билась еще на землѣ и защищалась отъ собаки своимъ страшнымъ клювомъ.

Мы не замѣтили нигдѣ ни слѣда присутствія человѣка, но красота лѣса превзошла всѣ мои ожиданія. Тамъ и сямъ муккуна еще свѣшивается съ деревьевъ своими восхитительными гирляндами, но, повидимому, здѣсь она все болѣе уступаетъ мѣсто другому растенію того же семейства, которое одѣваетъ вершины деревьевъ густою массою листьевъ и зеленовато-желтыхъ цвѣтовъ.

Съ каждымъ днемъ мы приближаемся къ области горъ. Берега становятся болѣе крутыми и сложены изъ кварца, кремня и известняковъ, прикрытыхъ красной и бѣлой глиной. Моихъ людей сильно волнуетъ вопросъ, найдемъ ли мы золото; но промывка показала, что песокъ содержитъ только мелкую желѣзняковую пыль. Рѣка суживается; природа становится все роскошнѣе; попадается масса разнообразныхъ птицъ.

Однажды мы замѣтили на берегу нѣсколько туземцевъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами. Увидя насъ, они въ страхѣ скрылись въ лѣсу. Я разставилъ моихъ людей въ видѣ стражи, а самъ взобрался въ хижину по старому стволу высотою въ 8 метровъ, замѣняющему лѣстницу. Въ этой хижинѣ было десять очаговъ, вѣроятно, по числу живущихъ въ ней семействъ. Эти очаги имѣли видъ углубленныхъ ящиковъ, длиною въ три, а глубиною въ полтора фута, и были наполнены пепломъ вровень съ поломъ. Надъ очагами на полкахъ были разложены различныя хозяйственныя принадлежности, а на стѣнахъ красовались топорики и ножи изъ зеленаго камня, наконечники стрѣлъ и молотки изъ кремня или известняка, стрѣлы изъ рыбьихъ костей, клыки кабановъ, замѣняющіе ножи, и кости казуара, употребляемыя вмѣсто вилокъ; различныя принадлежности костюма, сплетенныя изъ травъ, ожерелья изъ собачьихъ и крокодиловыхъ зубовъ; когти, ноги сорныхъ куръ и головы змѣй, которыя, вѣроятно, служатъ амулетами. Череповъ совсѣмъ не было, но я нашелъ большое количество курчавыхъ париковъ и штукъ пятнадцать головъ казуаровъ. Полное отсутствіе глиняной посуды; вмѣсто ведеръ четырехугольные сосуды изъ древесной коры. Въ хижинѣ чисто прибрано, что свидѣтельствуетъ объ извѣстной степени культурности населенія.

17-го іюня я видѣлъ впервые находящіеся внутри страны горныя цѣпи. Эти папуасскіе Альпы, отъ которыхъ мы находились еще на разстояніи по крайней мѣрѣ 80 км., подымаются одни надъ другими подобно гигантамъ неодинаковой высоты. Начинаясь отъ самой рѣки, вся мѣстность повышается ступенями до главной цѣпи горъ.

Съ каждымъ часомъ путешествіе наше становится затруднительнѣе: люди страдаютъ отъ лихорадки, провіантъ замѣтно истощается, рѣка дѣлается все мельче и мельче, и мы уже раза два задѣли килемъ за гальки дна. Счастье, что у самаго берега мы еще нашли фарватеръ глубиною около 2 метровъ.

Во время одной остановки я взобрался на холмъ высотою въ 85 метровъ и съ восторгомъ увидѣлъ оттуда грандіозную цѣпь горъ Виктора Эммануила—цѣль моего продолжительнаго, полнаго превратностей путешествія. Эта цѣпь простирается съ юго-запада на сѣверо-сѣверо-востокъ, и безбрежное море зелени, раскинутое передо мной, замираетъ у ея подошвы.

Но на порогѣ обѣтованной земли передъ нами всталъ страшный при-

Свайныя постройки.

зракъ голода. Несмотря на всѣ мои старанія растянуть провіантъ на возможно продолжительный срокъ, онъ все же приходитъ къ концу, а съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули равнинную мѣстность, казуары и кабаны совсѣмъ не встрѣчаются, птицы попадаются рѣдко. Рыбы также нѣтъ, вѣроятно, вслѣдствіе быстраго теченія и каменистаго русла. Тѣмъ не менѣе я стараюсь поддержать мужество моихъ людей, разсказывая имъ про золото, которое намъ предстоитъ найти.

Несмотря на мелководье, теченіе рѣки чрезвычайно быстро: два якоря едва могутъ удержать на мѣстѣ нашу „Неву". По ночамъ идутъ проливные дожди, тревожащіе нашъ сонъ. Кромѣ того, приходится защищать „Неву" отъ огромныхъ стволовъ, увлекаемыхъ теченіемъ. Къ довершенію нашихъ бѣдъ многіе люди изъ экипажа заболѣваютъ лихорадкой.

Мѣстность, повидимому, населена, такъ какъ многочисленныя тропинки взбѣгаютъ по холмамъ. Но во время продолжительной прогулки я набрелъ только на одну покинутую хижину, въ которой я нашелъ брошку изъ кости казуара. Провизіи не было никакой, и я принесъ только два экземпляра райскихъ птицъ.

Черезъ нѣсколько дней уровень воды отъ дождей сталъ подниматься, и мы рѣшили двинуться дальше. Съ первыхъ же шаговъ начинается упорная борьба, съ одной стороны, съ быстротою теченія, съ другой—съ галечникомъ, увлекаемымъ рѣкой. Вдругъ сильный толчокъ потрясъ все наше судно, и мы увидѣли, что теченіе натолкнуло нашу „Неву" со страшной силой на громадный пень. Судно закачалось, дало течь и стало наполняться водой. Поднялось страшное смятеніе на палубѣ, и казалось, что наступилъ послѣдній часъ для нашего бѣднаго маленькаго парохода. Брошенный якорь направляетъ наше судно на каменистую мель, и къ довершенію всего съ мачты сваливается парусъ и застреваетъ между румпелемъ и лѣстницей, дѣлая ихъ совершенно безполезными. Вода спадаетъ все болѣе и болѣе, и на двѣ трети „Нева" находится надъ водой, такъ что мы можемъ въ бродъ добраться до берега.

Ложе рѣки усѣяно камнями вулканическаго происхожденія, снесенными сюда безъ сомнѣнія съ внутренней цѣпи горъ, пересѣкающей большую часть Новой Гвинеи. Берега, напротивъ, сложены изъ коралловаго известняка съ отпечатками морскихъ раковинъ, что указываетъ на поднятіе всей южной части острова. Во время этой невольной остановки я дѣлаю экскурсію вдоль берега, чтобы пополнить нашъ запасъ провизіи и изучить дальнѣйшее теченіе рѣки. Мѣстами русло ея суживается настолько, что „Нева" только съ трудомъ могла бы пробиться среди отвѣсныхъ береговъ; шумъ отъ текущей воды указываетъ на незначительную глубину. Одинъ изъ моихъ спутниковъ, мало привычный къ хожденію по лѣсу, попалъ ногой въ гнѣздо осъ. Въ это время мы

какъ разъ взбирались на холмъ; я оборачиваюсь на его отчаянные крики и вижу, что онъ катается по землѣ, закрывъ руками шею и лицо и крича, что цѣлая туча стрѣлъ поразила его. Съ трудомъ мнѣ удалось убѣдить его, что все дѣло въ укусахъ насѣкомыхъ.

Птицы встрѣчаются рѣдко; мнѣ удалось убить только двухъ вѣнечныхъ голубей и трехъ какаду; ни слѣда млекопитающихъ животныхъ. Лѣсъ поражаетъ своимъ блескомъ, хотя и лишенъ цвѣтовъ: всевозможные папоротники, орхидеи и бегоніи, тысячи ліанъ съ разноцвѣтной листвой на каждомъ шагу приковываютъ вниманіе путника.

28-го іюня послѣ продолжительнаго совѣщанія съ механикомъ я принужденъ наконецъ дать приказъ о возвращеніи. Мои люди въ восторгѣ отъ этого рѣшенія, но мнѣ горько до слезъ: возвращаться, когда былъ такъ близко къ цѣли! Но что дѣлать; весь экипажъ почти страдаетъ лихорадкой, и было бы безуміемъ рисковать дальше.

Константиновскій портъ и его обитатели.

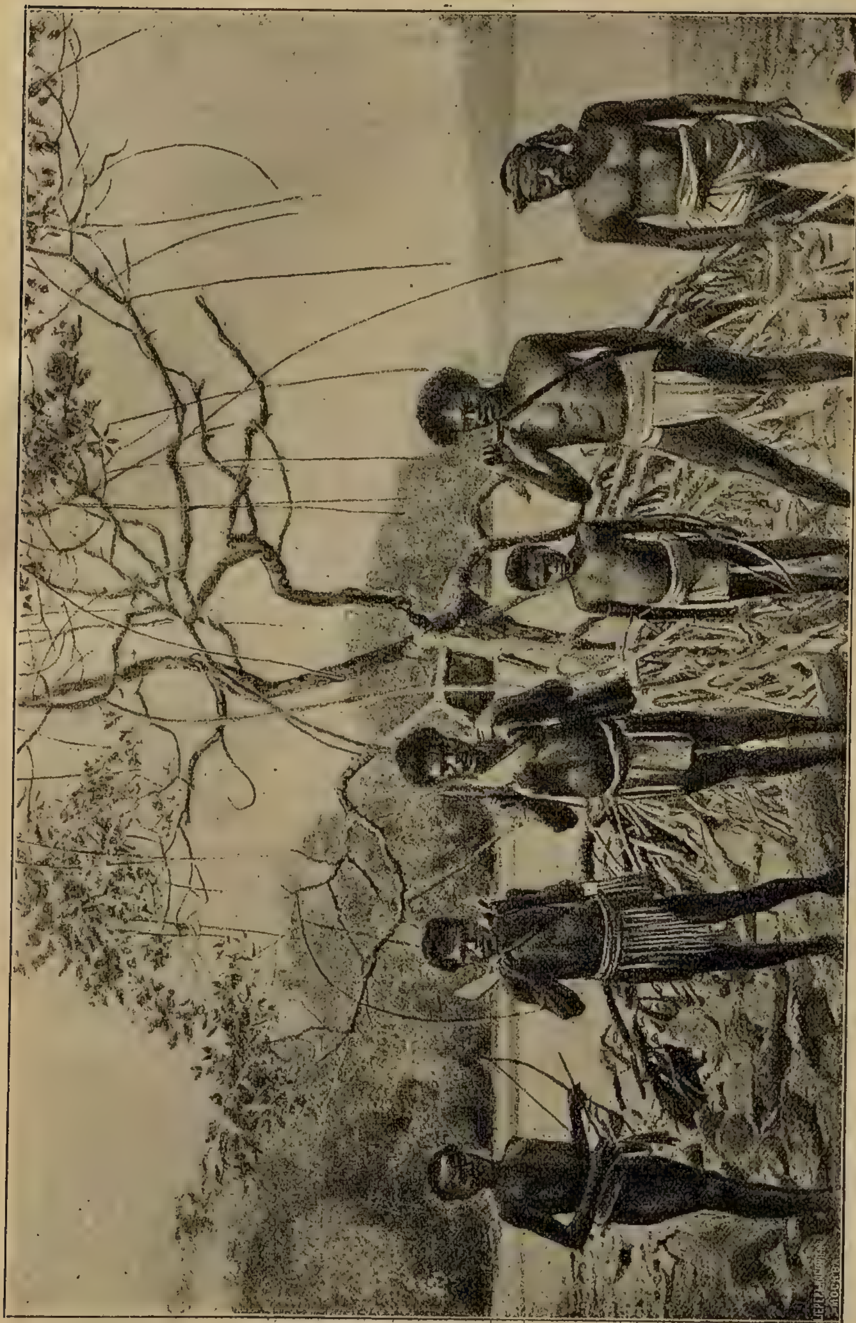
(О. Финша.)

Прошло уже не мало времени съ тѣхъ поръ, какъ мы бросили якорь въ Константиновскомъ портѣ, а на берегу, который находился отъ насъ всего въ нѣсколькихъ километрахъ, все еще не было замѣтно никакихъ признаковъ жизни. Только отъ времени до времени изъ густолиственной чащи первобытнаго лѣса доносились рѣдкіе возгласы птицъ. Да и немудрено: вся природа томилась подъ знойными лучами полуденнаго солнца; а въ это время дня даже пернатое царство обыкновенно безмолствуетъ. Только какая-то неутомимая птица не могла угомониться, да гдѣ-то густымъ басомъ кричалъ воронъ и раздавались рѣзкіе крики попугаевъ и какаду.

Но вотъ наши спутники новобританцы нарушили вдругъ всеобщую тишину радостнымъ возгласомъ: „канаки, канаки!“ Ихъ зоркіе глаза распознали своихъ чернокожихъ собратьевъ, притаившихся на берегу въ густой чащѣ лѣса. Дѣйствительно, тамъ вырисовывался длинный рядъ темныхъ фигуръ, которыя безмолвно и неподвижно, подобно статуямъ, стояли въ чащѣ лѣса и оттуда, должно быть, уже давно слѣдили за нами. Теперь все ожило и зашевелилось. Я постарался припомнить все, что зналъ на мѣстномъ нарѣчіи. И скоро съ обѣихъ сторонъ посыпались возгласы: „Korwetta oh!“, „эва! (другъ)“, „o tamole! (мужчины)“, „oh mem!“ (отецъ), „Маклай!“ и т. д. Съ тѣхъ поръ, какъ русскій путешественникъ Миклуха-Маклай посѣтилъ этотъ берегъ, туземцы въ каждомъ путешественникѣ видѣли долгое время новаго Маклая. Англійскій правительственный комиссаръ былъ названъ этимъ именемъ и принятъ мѣстными жителями, какъ братъ, и на мою долю выпала та же честь.

Я приказалъ немедленно спустить лодку и причалить къ берегу. Чернокожіе не очень-то спѣшили вступить съ нами въ сношенія; повидимому, они трусили, да и у нашихъ матросовъ душа ушла въ пятки при видѣ дикарей, вооруженныхъ метательными копьями, луками и стрѣлами. Не успѣла еще лодка причалить къ берегу, какъ я уже выскочилъ изъ нея въ воду, подошелъ къ туземцамъ и сталъ надѣлять ихъ всякими мелкими вещицами и дружески пожимать руки то тому, то другому изъ нихъ. Въ скоромъ времени мнѣ настолько удалось завоевать симпатіи и довѣріе этихъ людей, что они наводнили всю мою лодку, пожелавъ посѣтить наше судно. Появился и такъ называемый царь Бонгу, который, впрочемъ, въ своей осанкѣ не имѣлъ ничего царственнаго и отличался отъ своей свиты развѣ только своей тучностью и слоновой болѣзнью правой ноги. Лицо и тѣло его были окрашены въ черный цвѣтъ, что служитъ у всѣхъ папуасовъ признакомъ траура,— и эта окраска придавала его наружности крайне непривлекательный видъ, но зато добродушное и ласковое выраженіе старческаго лица сразу располагало въ его пользу. Я сдѣлалъ ему и его свитѣ нѣсколько подарковъ, которые доставили имъ не мало радости, и съ наступленіемъ сумерекъ они покинули наше судно съ полнымъ убѣжденіемъ, что германскій Маклай, какъ они назвали меня впослѣдствіи въ отличіе отъ русскаго и англійскаго Маклаевъ, совсѣмъ не плохой малый и что съ нимъ можно жить; подобное же заключеніе вынесъ и я о моихъ новыхъ друзьяхъ. Но мои люди совсѣмъ не раздѣляли моего взгляда, потому что между ними было нѣсколько чернокожихъ, пересказавшихъ имъ не мало ужасовъ, которые стряслись надъ ними во время посѣщенія Новой Гвинеи на промысловыхъ англійскихъ шкунахъ. Возбужденное воображеніе разыгралось настолько, что одинъ изъ чернокожихъ сталъ увѣрять меня, что онъ слышитъ удары веселъ и приближеніе цѣлаго флота лодокъ, которыя въ темнотѣ незамѣтно подкрались къ намъ и до поры до времени схоронились въ чащѣ нависшихъ надъ водой деревьевъ. Въ своей тревогѣ они не могли отдѣлаться отъ твердаго убѣжденія, что на насъ должно совершиться нападеніе, и ихъ паника заразила и нашихъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые стали даже вооружаться. Однако рекогносцировка показала, что всѣ эти страхи были лишь плодомъ возбужденной фантазіи, и на водѣ не оказалось ни единой лодки. Только пѣніе цикадъ, крики таллегалъ и летающихъ собакъ нарушали ночную тишину, да гдѣ-то возились и квакали зеленыя лягушки.

На другой день утромъ мы навѣстили нашихъ новыхъ друзей въ ихъ деревнѣ Бонгу, считающейся одной изъ наиболѣе значительныхъ въ этой части бухты Астролябіи и скрывающейся за береговымъ лѣсомъ. Нѣсколько мужчинъ ожидали насъ, сидя въ глубокомъ молчаніи на пескѣ, и только по моей просьбѣ они помогли намъ вытащить лодку на

Туземцы въ мангровыхъ заросляхъ.

берегъ, который здѣсь, какъ и на всемъ побережьѣ бухты, очень неудобенъ для причаливанія. Наше появленіе въ деревнѣ сначала произвело не малое смятеніе между женщинами, и только у немногихъ старухъ хватило мужества не обратиться въ бѣгство. Мы сдѣлали имъ нѣсколько подарковъ, которые настолько успокоили ихъ, что онѣ стали сзывать остальныхъ женщинъ.

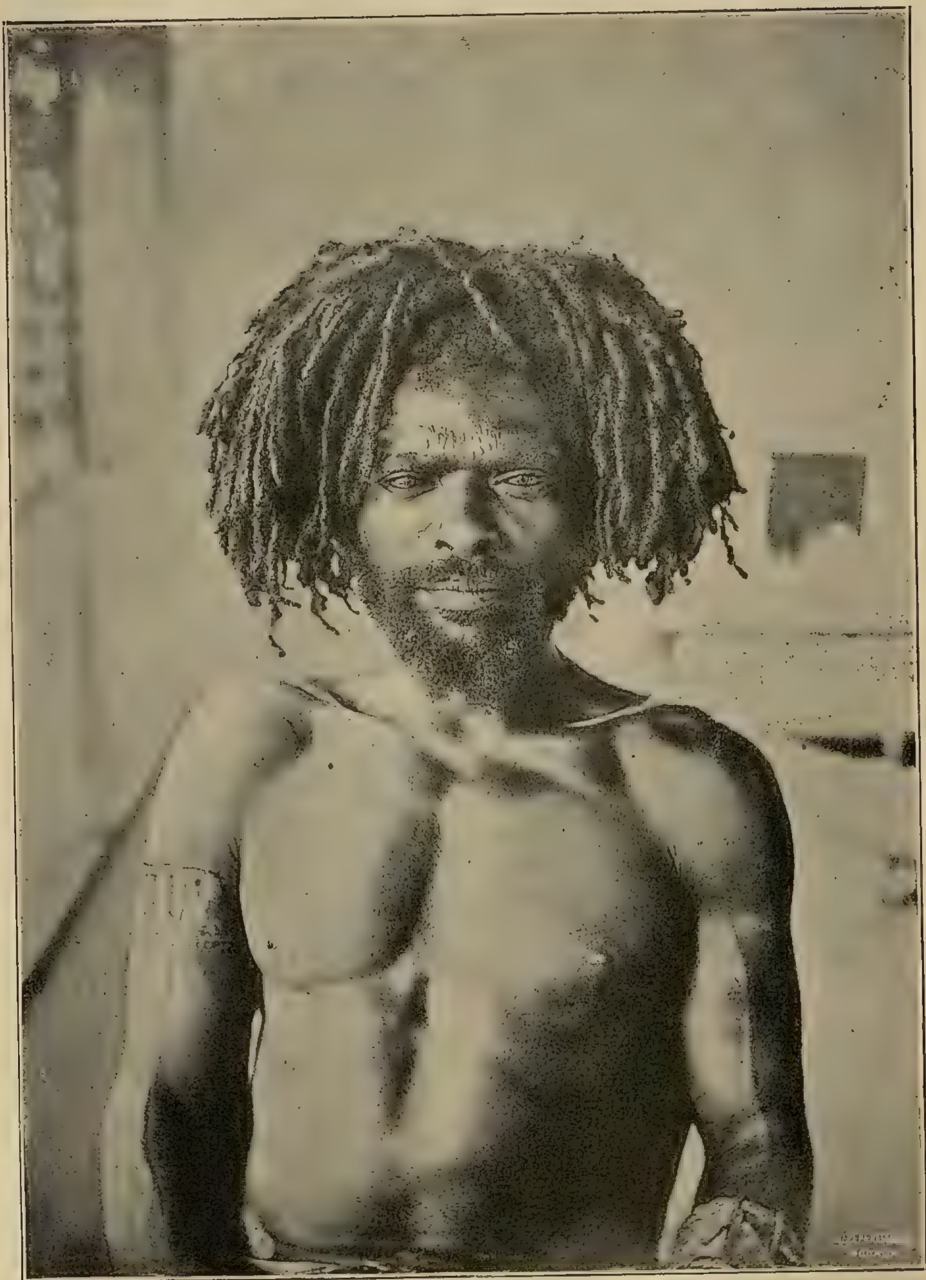
Обитатели бухты Астролябіи имѣютъ свѣтло-шоколадный цвѣтъ кожи и не отличаются крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Хорошо сложенные люди встрѣчаются въ видѣ исключенія.

Старики обыкновенно коротко стригутъ волосы и мажутъ ихъ черной краской. У молодыхъ женщинъ волосы на головѣ раздѣлены на длинныя завитыя и спутанныя пряди, которыя отъ краски, грязи и сала превращаются въ твердыя сосульки и свѣшиваются до глазъ, что считается особенно красивымъ. Гораздо тщательнѣе убираютъ голову молодые мужчины, которые вообще охотники наряжаться, въ особенности холостые. Какой-нибудь папуасскій щеголь проводитъ за своей прической не меньше времени, чѣмъ любая европейская модница. Посредствомъ длиннаго зубчатаго бамбуковаго инструмента, замѣняющаго гребень, волосы расчесываются и взбиваются, такъ что, высоко топорщась на головѣ, они образуютъ какъ бы облако. Кромѣ того, ихъ еще смазываютъ краской, землей и другими веществами и украшаютъ цвѣтами и перьями. Гораздо меньше обращаютъ вниманія на свою прическу пожилые; для нихъ важно только, чтобы на затылкѣ висѣли всклокоченныя и отъ грязи и другихъ веществъ искусственно спутанныя космы волосъ. Видно, что и здѣсь, какъ и у другихъ народовъ, искусство играетъ не малую роль при сооруженіи прически.

Волосы папуасовъ сперва растутъ совершенно гладко и только, достигнувъ извѣстной длины, начинаютъ завиваться спирально, подобно пробочнику. Когда волосы мало-мальски подрастутъ, то они сбиваются и легко перепутываются, особенно на концахъ, гдѣ образуются комки волосъ въ родѣ локоновъ. Эти послѣдніе, смотря по желанію, или расчесываются и тогда превращаются въ вышеописанное облако, или же образуютъ отдѣльныя пряди и космы. Часто считаютъ взбитые въ видѣ облака волосы папуасовъ за одну изъ характерныхъ признаковъ этой расы, но это неправильно, такъ какъ такой видъ придается имъ искусственно.

По своей наружности жители Константиновскаго порта привлекательнѣе новобританцевъ уже потому, что они носятъ хоть какое-нибудь одѣяніе, тогда какъ тѣ ходятъ совершенно нагими.

Одѣяніе папуаса состоитъ изъ такъ называемаго „маль“, куска матеріи длиною въ нѣсколько метровъ, сдѣланнаго изъ обработанной древесной коры и похожаго на „тапу“ полинезійцевъ. Эта матерія тща-

Папуасъ.

тельно окутываетъ бедра и пропускается между ногами. Только маленькіе мальчики ходятъ совершенно нагими, тогда какъ дѣвочки съ самаго ранняго дѣтства носятъ вокругъ бедеръ передники, называемые также „маль“ и представляющіе единственную форму женской одежды во всей Новой Гвинеѣ. Изготовляется она изъ раздвоенныхъ волоконъ кокосовыхъ листьевъ, а для болѣе нарядной одежды употребляются съ этой цѣлью волокна саговой пальмы, которыя сверхъ того часто окрашиваются въ красную краску или въ продольныя желтыя, черныя и красныя полоски. Передники эти или окутываютъ всю фигуру, образуя такимъ образомъ нѣчто въ родѣ доходящихъ до колѣнъ юбочекъ, или же одѣваются только спереди или сзади въ родѣ передниковъ.

Что касается до украшеній, то чаще всего встрѣчаются браслеты, сплетенные изъ травъ или ліанъ. Женщины носятъ ихъ на верхней части руки, а мужчины сверхъ того и на ногахъ, подъ самыми колѣнями. Эти ручные и ножные браслеты часто очень красиво разукрашены раковинами каури, которыя вообще играютъ видную роль въ нарядѣ папуасовъ. Такъ, напримѣръ, основаніе конусообразныхъ раковинъ оттачиваютъ въ гладкія пластинки и изъ нихъ приготовляютъ ожерелья. Гораздо болѣе цѣнятся собачьи зубы, которые у всѣхъ меланезійскихъ народовъ, подобно тому какъ нѣкогда и у нашихъ предковъ, считаются весьма дорогимъ матеріаломъ для изготовленія всякаго рода украшеній. Женщины обыкновенно должны довольствоваться двумя собачьими зубами, которые подвѣшиваются къ ушамъ въ видѣ серегъ, тогда какъ мужчины носятъ цѣлыя ожерелья изъ зубовъ, черепаховыя кольца и тому подобное. Самымъ драгоцѣннымъ украшеніемъ мужской груди служитъ кабаній клыкъ, тогда какъ женщинамъ дозволяется носить на груди только скорлупу раковины Ovula-omum. Вообще у всѣхъ дикихъ племенъ мужчины наряжаются гораздо болѣе женщинъ. Татуировка, которая въ тѣхъ странахъ, гдѣ она въ обычаѣ, украшаетъ преимущественно тѣло женщинъ, здѣсь, какъ и на всемъ побережьѣ залива Астролябіи, неизвѣстна. Однако мнѣ неоднократно случалось видѣть на кожѣ папуасовъ въ видѣ украшенія рубцы отъ заживших ранъ, происшедшихъ вслѣдствіе прижиганія. Гребни украшаютъ только прическу мужчинъ, женщины же ихъ не носятъ. Впрочемъ, эти гребни употребляются не для расчесыванія волосъ, а скорѣе для всклокочиванія ихъ или для царапанья кожи головы, а при случаѣ вмѣсто вилки, на которую этотъ длиннозубчатый инструментъ наиболѣе походитъ.

Мужчины имѣютъ постоянно при себѣ двоякаго рода сумки изъ крѣпкаго плетенья; однѣ небольшія на груди для табака, талисмановъ, орѣховъ арековой пальмы и прочихъ мелочей, другія побольше на плечахъ съ известкой, ложечками и костяными щипчиками для раскалыванія орѣховъ, рѣзанья и скобленія. Сумки женщинъ имѣютъ болѣе зна-

чительные размѣры и носятся на тесемкахъ, подвязываемыхъ къ передней части головы. Къ такому способу носки женщины привыкаютъ съ ранней молодости и такимъ способомъ легко перетаскиваютъ значительные грузы. На женщинѣ лежитъ здѣсь весь трудъ переноски овощей съ плантаціи въ деревню, снабженіе домочадцевъ водою и топливомъ. Кромѣ того, онѣ таскаютъ съ собою въ небольшихъ мѣшкахъ еще грудныхъ дѣтей, молодыхъ собакъ и поросятъ.

Почти всѣ папуасскія деревни располагаются на открытой площадкѣ, опоясанной дѣвственнымъ лѣсомъ, и состоятъ изъ нѣсколькихъ десятковъ разбросанныхъ въ безпорядкѣ хижинъ, возлѣ которыхъ растутъ чахлыя кокосовыя пальмы, бананы, декоративныя растенія и по большей части нѣсколько кустовъ кайенскаго перцу. Обыкновенно деревня распадается на группы изъ нѣсколькихъ домовъ, при чемъ каждая такая группа имѣетъ свое названіе и соединяется съ остальными узкими тропинками, прорѣзывающими дѣвственный лѣсъ. Плантаціи часто значительно удалены отъ поселковъ.

Жилища Бонгу въ противоположность большинству папуасскихъ построекъ, стоятъ непосредственно на землѣ и поэтому съ большимъ правомъ могутъ быть названы хижинами.

Крыша хижины образуетъ прямой конекъ и спускается съ обѣихъ сторонъ до самой земли. Передній фронтонъ снабженъ небольшой дверью, надъ которой часто строится навѣсъ, а передъ дверью устраивается небольшая узкая платформа. Такъ какъ хижины предназначены преимущественно для того, чтобы въ нихъ проводить ночь и скрываться въ дурную погоду, то ихъ внутреннее убранство крайне просто. Пара бамбуковыхъ скамеекъ, гдѣ спятъ мужчины и сохраняется утварь (горшки, деревянныя блюда) и съѣстные припасы,—вотъ и все. Къ балкамъ крыши привѣшиваются корзинки и узлы, въ которыхъ хранятся тщательно упакованныя въ листья болѣе цѣнныя вещи, какъ-то: головные уборы изъ перьевъ и т. п. Посреди хижины устроенъ очагъ, въ которомъ постоянно поддерживается огонь, хотя кушанья по большей части варятъ на открытомъ воздухѣ.

Удивительно, что мѣстное населеніе, повидимому, незнакомо съ искусствомъ добывать огонь и поэтому въ каждой хижинѣ постоянно тлѣютъ уголья медленно горящаго дерева и въ папуасской деревнѣ никогда не изсякаетъ огонь. Въ случаѣ, если огонь все же погаснетъ, обитателямъ побережья приходится идти за нимъ къ жителямъ нагорныхъ деревень, которые умѣютъ добывать огонь.

При вступленіи нашемъ въ деревню насъ привѣтствовалъ нашъ вчерашній гость и вмѣстѣ съ другими мужчинами подвелъ насъ къ какому-то сооруженію, по мѣстному называемому „борла“ и похожему не то на большой столъ, не то на платформу, покоющуюся на четырехъ столбахъ,

Борла встрѣчается во всякой деревнѣ почти противъ каждой хижины и служитъ любимымъ мѣстомъ отдохновенія для мужчинъ, которые здѣсь же ѣдятъ и пьютъ, а затѣмъ высыпаются, не подвергаясь назойливости со стороны свиней и собакъ. Женщины туда не допускаются и въ крайнемъ случаѣ имъ разрѣшается только сидѣть подъ этимъ сооруженіемъ.

Въ Бонгу, какъ и почти во всѣхъ папуасскихъ деревняхъ, существуетъ общественное собраніе, называемое здѣсь „буамбрамба". Въ немъ проводятъ ночь холостые мужчины и находятъ пріютъ чужестранцы. По своему внѣшнему виду буамбрамба не отличается отъ прочихъ жилищъ деревни и только значительно больше ихъ да, кромѣ одной двери, имѣетъ еще другую въ заднемъ фасадѣ. Нѣсколько яичныхъ скорлупъ отъ сорныхъ куръ да нижнія челюсти свиней, напоминавшихъ о бывшихъ здѣсь пиршествахъ, — вотъ все, что украшало это зданіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, впрочемъ, были придѣланы большіе деревянные барабаны, похожіе на корыта съ толстыми стѣнками. Въ эти барабаны бьютъ толстыми дубинками для подачи сигналовъ окрестнымъ поселкамъ. Глухой звукъ ихъ настолько силенъ, что въ ночной тишинѣ его можно слышать за нѣсколько миль. Такимъ образомъ всѣ важныя событія сообщаются окрестнымъ жителямъ, которые по характеру ударовъ превосходно умѣютъ отличать въ чемъ дѣло, предстоитъ ли празднество, нападеніе или стряслось какое-нибудь несчастье.

Блуждая по буамбрамбѣ и заглядывая во всѣ ея уголки, я случайно наткнулся на выдающееся произведеніе скульптуры по дереву—это былъ такъ называемый „тэлумъ". Такъ называются здѣсь фигуры, сдѣланныя по большей части изъ дерева и изображающія человѣческое существо.

Въ Бонгу мнѣ случалось видѣть тэлумъ, высѣченные и изъ плотной глинистой массы. Найденная деревянная фигура поражала также своею величиною, около 8 фут. Она была вырѣзана изъ цѣльнаго куска дерева, если только терминъ рѣзьба приложимъ къ каменному періоду, когда, какъ извѣстно, не существуетъ металлическихъ инструментовъ и, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о настоящей рѣзьбѣ. Найденный мною деревянный колоссъ носилъ названіе Тэлумъ-муль и изображалъ папуаса, голова котораго занимала болѣе половины длины всей фигуры; онъ, несмотря на грубыя ошибки въ пропорціяхъ, долженъ считаться перворазряднымъ произведеніемъ искусства каменнаго вѣка. Невольно изумляешься прилежанію и терпѣнію папуаса, который, несмотря на несовершенство первобытныхъ инструментовъ, не отступилъ передъ такой колоссальной работой, не имѣющей никакой практической подкладки. Миссіонеры, конечно, признали бы въ этихъ невинныхъ изображеніяхъ всѣ признаки язычества и, найди они эту фигуру, поспѣшили бы уничтожить ее. Но нѣтъ сомнѣнія, что тэлумы не имѣютъ никакого

отношенія къ религіи, а относятся скорѣе къ исторіи, такъ какъ, подобно нашимъ памятникамъ, изображаютъ знаменитыхъ людей, предковъ и т. п.

Найденной мною фигурѣ пришлось, вѣроятно, пережить много поколѣній, и только благодаря прочности дерева ее еще не источили бѣлые муравьи. Настоящее поколѣніе тоже плохо заботилось о ней, и я нашелъ ее въ развалившейся хижинѣ, гдѣ былъ сваленъ всякій хламъ и въ томъ числѣ пара жестянокъ, боченки, принадлежавшіе когда-то Миклухѣ-Маклаю, и очень интересная балка длиною въ 12 футовъ съ прекрасно выполненной рѣзьбой.

Папуасы бухты Астролябіи живутъ еще вполнѣ въ періодѣ каменнаго вѣка, такъ какъ ввезенное сюда Миклухой-Маклаемъ желѣзо внесло мало измѣненій въ ихъ бытъ. Изъ оставленныхъ здѣсь русскимъ путешественникомъ вещей сохранилось очень немного, при чемъ жители особенно старались обратить на нихъ наше вниманіе восклицаніями „Маклай!“ Нѣсколько старыхъ стамесокъ и рубанковъ, жестянки, русскія военныя пуговицы, да стеклянныя бусы—вотъ и все, что намъ удалось увидѣть.

Мы совсѣмъ не ожидали найти здѣсь рогатый скотъ и потому не мало были удивлены, когда на насъ уставились своими выпуклыми глазами быкъ и корова изъ породы индійскихъ зебу, а затѣмъ стремительно помчались отъ насъ. Оказалось, что Миклуха-Маклай въ 1883 году привезъ этихъ животныхъ на суднѣ „Скобелевъ“ и подарилъ ихъ мѣстнымъ обывателямъ. Единственныя домашнія животныя, которыя до того разводились и содержались мѣстными обитателями, — это свиньи и собаки. Первыя являются потомками двухъ дикихъ видовъ свиней, имѣющихся въ Новой Гвинеѣ. Маленькіе поросяты и щенки — это любимцы папуасскихъ дамъ. Мнѣ часто случалось видѣть женщинъ, кормящихъ грудью, кромѣ своего ребенка, еще и поросенка. Не мудрено, что животныя эти дѣлаются чрезвычайно ручными и по пятамъ слѣдуютъ за своей хозяйкой, которая такъ же неохотно разстается съ своимъ любимцемъ, какъ любая дама у насъ съ свой комнатной собачкой.

Папуасскую собаку можно скорѣе всего сравнить съ маленькимъ динго. Шерсть у нея гладкая, ростъ небольшой и сложеніе тщедушное, голова похожа на лисью, но морда не острая, а тупая, уши стоячія, острыя. Своеобразная особенность папуасскихъ собакъ состоитъ въ томъ, что онѣ не лаютъ, а завываютъ. Онѣ очень пугливы и по своей малорослости непригодны къ охотѣ. Подобно своему хозяину, папуасская собака питается преимущественно растительною пищей, и любимая ѣда ея—кокосовые орѣхи. Надо предполагать, что вслѣдствіе этого мясо ея, столь цѣнимое папуасами, недурного вкуса. Собакъ разводятъ главнымъ образомъ ради мяса. Впрочемъ, только во время большихъ торжествъ, продолжающихся иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней, употре-

бляютъ въ пищу мясо собакъ и свиней, и съ этою цѣлью туземцы приносятъ часто издалека этихъ животныхъ на общую трапезу. Куръ на этомъ побережьѣ, какъ и во всей Новой Гвинеѣ, содержатъ въ очень ограниченномъ количествѣ и не съ цѣлью пользоваться ихъ мясомъ и яйцами, а исключительно изъ-за перьевъ. Въ особенности цѣнятся бѣлыя пѣтушиныя перья, которыя составляютъ любимое украшеніе молодыхъ людей.

Предпринимая экскурсіи по окрестностямъ, мы ближе познакомились съ плантаціями туземцевъ, которыя здѣсь, какъ и вообще въ Новой Гвинеѣ и во всей Меланезіи, находятся часто на значительномъ разстояніи отъ деревень и расположены у подножія горъ или среди дѣвственнаго лѣса. Обработать и обнести оградой поле, занимающее иногда нѣсколько гектаровъ,—работа далеко не легкая и очень мучительная для людей, владѣющихъ только каменными орудіями. Передъ дѣвственными дебрями туземецъ безсиленъ, и много еще остается здѣсь дѣла для рукъ человѣческихъ. Съ помощью каменной сѣкиры мужчины срубаютъ небольшія деревья, обрубаютъ вѣтви у большихъ, отчасти уже разрушенныхъ огнемъ деревьевъ, такъ что остаются только одни голые стволы, недолго сопротивляющіеся гніенію во влажномъ тропическомъ климатѣ.

Обработка поля, расчистка лѣса и постройка ограды совершаются всѣми жителями деревни сообща. Въ этомъ округѣ ограды достигаютъ высоты человѣческаго роста и сооружаются изъ дикаго сахарнаго тростника, который впослѣдствіи иногда пускаетъ корни въ землю, и такимъ образомъ постройка получаетъ особенную крѣпость. Изъ опасенія дикихъ свиней, воротъ въ оградѣ не дѣлаютъ, а только устраиваютъ различныя приспособленія для перелѣзанія черезъ нея.

Огороженная земля дѣлится на части соразмѣрно съ величиной каждаго семейства. Первоначальную обработку земли производятъ мужчины при помощи остроконечной палки, всѣ же остальныя полевыя работы лежатъ на женщинахъ. Земля на осмотрѣнномъ мною полѣ была тщательно взрыхлена и какъ бы просѣяна. Стебли ямса обвивали жерди, воткнутыя правильными рядами, а между ними росли другія овощи, совсѣмъ какъ это бываетъ у насъ на хмельникахъ; въ то время какъ разъ поспѣвалъ ямсъ. Въ папуасскомъ хозяйствѣ различные сорта овощей созрѣваютъ не одновременно, а непосредственно одинъ за другимъ. Отъ марта до августа таро (Collocasia), главный пищевой продуктъ папуасовъ, затѣмъ отъ августа до ноября ямсъ. Кромѣ того, разводятъ бататы, сахарный тростникъ, бананы, мелкій сортъ бобовъ. На побережьѣ залива Астролябіи кокосовая пальма разводится искусственно, и то въ ограниченномъ количествѣ, такъ что въ этихъ мѣстностяхъ кокосовые орѣхи, а также саго принадлежатъ къ второстепеннымъ предметамъ пропитанія.

Кромѣ культивированныхъ овощей, папуасы употребляютъ, конечно, въ пищу и разные фрукты, орѣхи и даже почки дикорастущихъ деревьевъ. Но все это такъ же, какъ плоды рѣдко встрѣчающагося въ бухтѣ Астролябіи хлѣбнаго дерева, играетъ второстепенную роль въ пищѣ папуасовъ.

Что касается до наркотическихъ средствъ, то въ этомъ отношеніи наибольшее значеніе имѣетъ табакъ и бетель. Посѣтивъ сѣверное и юго-восточное побережье Новой Гвинеи, я убѣдился, что табакъ разводится здѣсь повсемѣстно и даже служитъ предметомъ мѣновой торговли. Мѣстные жители всего сѣверо-восточнаго побережья не знаютъ никакихъ приспособленій для куренія табака, и когда я предлагалъ кому-нибудь изъ нихъ свою трубку, они не знали, что съ ней дѣлать. Изъ свѣжихъ, слегка подсушенныхъ листьевъ табака они дѣлаютъ сигары и сигаретки, которыя завертываютъ въ зеленый древесный листъ. Конечно, такая сигара горитъ очень плохо и во время куренья необходимо имѣть подъ рукой горячіе уголья, чтобы поминутно снова зажигать ее. Но папуасамъ достаточно раза два хорошенько затянуться, а затѣмъ сигара передается другому курильщику, отъ него переходитъ къ третьему и т. д. Часто мои новые друзья изъ порта Константина самымъ добродушнымъ образомъ вынимали у насъ изо рта горящую сигару, чтобы, затянувшись разъ-другой, снова возвратить ее намъ. Мы, конечно, не могли свыкнуться съ этимъ страннымъ обычаемъ туземцевъ и старались снабдить ихъ окурками, которые пользовались среди нихъ большимъ успѣхомъ, чѣмъ жесткій крошеный табакъ, извѣстный имъ уже черезъ Миклуху-Маклая. Насколько большое значеніе придаютъ туземцы табаку, видно уже изъ того, что при появленіи иностранцевъ они въ видѣ привѣтствія кричатъ: „косъ, косъ“ („табаку, табаку“).

На ряду съ табакомъ наибольшимъ распространеніемъ во всей Меланезіи пользуется употребленіе бетеля, безъ котораго не могутъ обойтись ни старики, ни молодые, ни мужчины, ни женщины. Бетель, какъ извѣстно,—плодъ арековой пальмы. Это одна изъ красивѣйшихъ породъ пальмъ, распространенныхъ въ Меланезіи, съ прямымъ стволомъ, весьма пригоднымъ для построекъ. Зеленые, при созрѣваніи желтѣющіе плоды арековой пальмы не больше каленаго орѣха или мирабели и растутъ гроздеобразными пучками. Подъ плотной, волокнистой оболочкой, которую удаляютъ посредствомъ костяного инструмента, похожаго на рѣзецъ, находится ядро, величиною и видомъ своимъ напоминающее мускатный орѣхъ. Ядро это употребляется не одно, а въ соединеніи съ жженой, измельченной известью и листьями и цвѣтомъ перца. Европейцамъ бетель не нравится, хотя ѣдко-кислый вкусъ его оставляетъ послѣ себя во рту свѣжесть и облегчаетъ дыханіе. Отъ употребленія бетеля языкъ, губы и слюна окрашиваются въ красный цвѣтъ, а зубы отъ

долгаго употребленія дѣлаются не только красными, но даже коричневыми и черными. Терминъ „жевать бетель" возникъ отъ того, что ядро арековой пальмы предварительно тщательно разжевывается, а потомъ уже къ нему прибавляется известь и перецъ. Известь сохраняютъ здѣсь въ закругленныхъ фляжкахъ, которыя часто очень художественно разукрашены, такъ же какъ и принадлежащія къ нимъ „ложки", которыя, впрочемъ, называются такъ совершенно неправильно, потому что онѣ скорѣе похожи на длинные узкіе костяные или деревянные ножи, къ смоченному слюной плоскому концу которыхъ пристаетъ небольшой кусочекъ извести.

Бетелевая пальма культивируется здѣсь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ и потому орѣхи ея принадлежатъ къ числу предметовъ мѣновой торговли.

Не менѣе бетеля распространено во всей Океаніи употребленіе „ковы". Въ Новой Гвинеѣ употребленіе ковы ограничено немногими мѣстностями, и оно здѣсь замѣняется напиткомъ „кеу", добываемомъ, такъ же какъ и кова, изъ одного вида перца (Piper methystocum). Обычаи и церемоніи при питьѣ кеу совершенно сходны съ океанійскими. Только здѣсь, вмѣсто молодыхъ дѣвушекъ, которыя жуютъ тамъ предварительно стебли и листья этого растенія, эта обязанность падаетъ на молодыхъ парней. Отвратительный вслѣдствіе способа своего приготовленія напитокъ употребляется только мужчинами въ особенно торжественныхъ случаяхъ, и туземцы никогда не предлагаютъ его чужестранцамъ.

Изъ другихъ растеній я неоднократно видѣлъ въ бухтѣ Астролябіи дынное дерево, арбузы и тыквы, извѣстные здѣсь подъ однимъ общимъ именемъ „арбусъ". Самое названіе уже показываетъ, что растенія эти не мѣстныя, а привезены сюда все тѣмъ же Миклухой-Маклаемъ, какъ это намъ подтвердили сами туземцы. Миклуха-Маклай первый сталъ разводить здѣсь культурныя растенія, хотя надо сознаться, что туземцы далеко не въ такой широкой степени воспользовались этимъ подаркомъ, какъ этого ожидалъ, вѣроятно, русскій путешественникъ.

Я никогда не думалъ, что здѣсь среди дикарей Новой Гвинеи мнѣ пригодятся тѣ немногія русскія слова, которыя мнѣ были извѣстны, но въ рѣчи туземцевъ постоянно звучали слова: „тапоръ", „ножа", „бика", „глѣба" и т. п., этимъ, впрочемъ, и исчерпывались ихъ познанія въ русскомъ языкѣ.

Въ обмѣнъ за всякую бездѣлушку туземцы требовали непремѣнно топоръ или сѣкиру. За ножъ они давали меньше, а такіе предметы, какъ зеркала, бусы, кольца, прельщали только женщинъ и молодыхъ людей. Хотя дикари во многихъ отношеніяхъ совершенныя дѣти, но все же они гораздо практичнѣе послѣднихъ, и любой папуасскій мальчишка

предпочтетъ кусокъ обручнаго желѣза горсти бисера. Пестрая европейская мишура, которой думаютъ прельстить такъ называемыхъ дикарей, привлекаетъ, пожалуй, ихъ вниманіе, но спросъ на нее продолжается недолго. Всѣ помыслы ихъ направлены на практическую сторону жизни, и потому для нихъ не можетъ быть ничего желаннѣе желѣза, такъ какъ они не имѣютъ никакого понятія о сплавѣ и ковкѣ, и желѣза въ какой-нибудь удобной для нихъ формѣ. Такъ, напримѣръ, большой гвоздь—весьма завидный для нихъ предметъ, такъ какъ изъ него можно сдѣлать необходимое орудіе, при чемъ туземцы оттачиваютъ его остріе, подобно тому какъ это они искусно дѣлаютъ съ своими каменными или сдѣланными изъ раковинъ сѣкирами.

Самое распространенное и необходимое орудіе всѣхъ племенъ, живущихъ еще въ періодѣ каменнаго вѣка—это сѣкира, и туземцы охотно замѣняютъ каменное лезвіе кускомъ желѣза.

Туземцы, рѣдко приходившіе въ соприкосновеніе съ европейцами, мало цѣнятъ ножи, и послѣдніе распространяются среди нихъ очень медленно. Рѣзать мясо можно также успѣшно кускомъ бамбука съ острыми краями или раковиной.

Вообще орудій у папуасовъ немного; кромѣ только что указанныхъ сюда относятся каменные топоры, отбитые осколки, отточенные въ видѣ рѣзца, острые зубы—вотъ и все. Вмѣсто рубанка они употребляютъ рыбью чешую. Какъ обитатели побережья, жители порта Константина занимаются также рыболовствомъ, при помощи сѣтей, удочекъ и гарпуновъ, но не такъ ловки въ этомъ дѣлѣ, какъ можно было бы ожидать. То же самое нужно сказать и о мореплаваніи, такъ какъ я замѣтилъ здѣсь только небольшіе челноки. Они состоятъ, какъ повсюду въ Новой Гвинеѣ, изъ выдолбленнаго ствола дерева, къ которому для устойчивости присоединяется длинная балка, прикрѣпленная къ челноку на нѣкоторомъ разстояніи при помощи двухъ поперечныхъ тоненькихъ балокъ. Къ бокамъ челнока, а также къ носу и къ кормѣ зачастую еще пришиваются доски, при чемъ носъ и корма, а также весла украшаются рѣзьбой.

На островахъ Адмиралтейства.

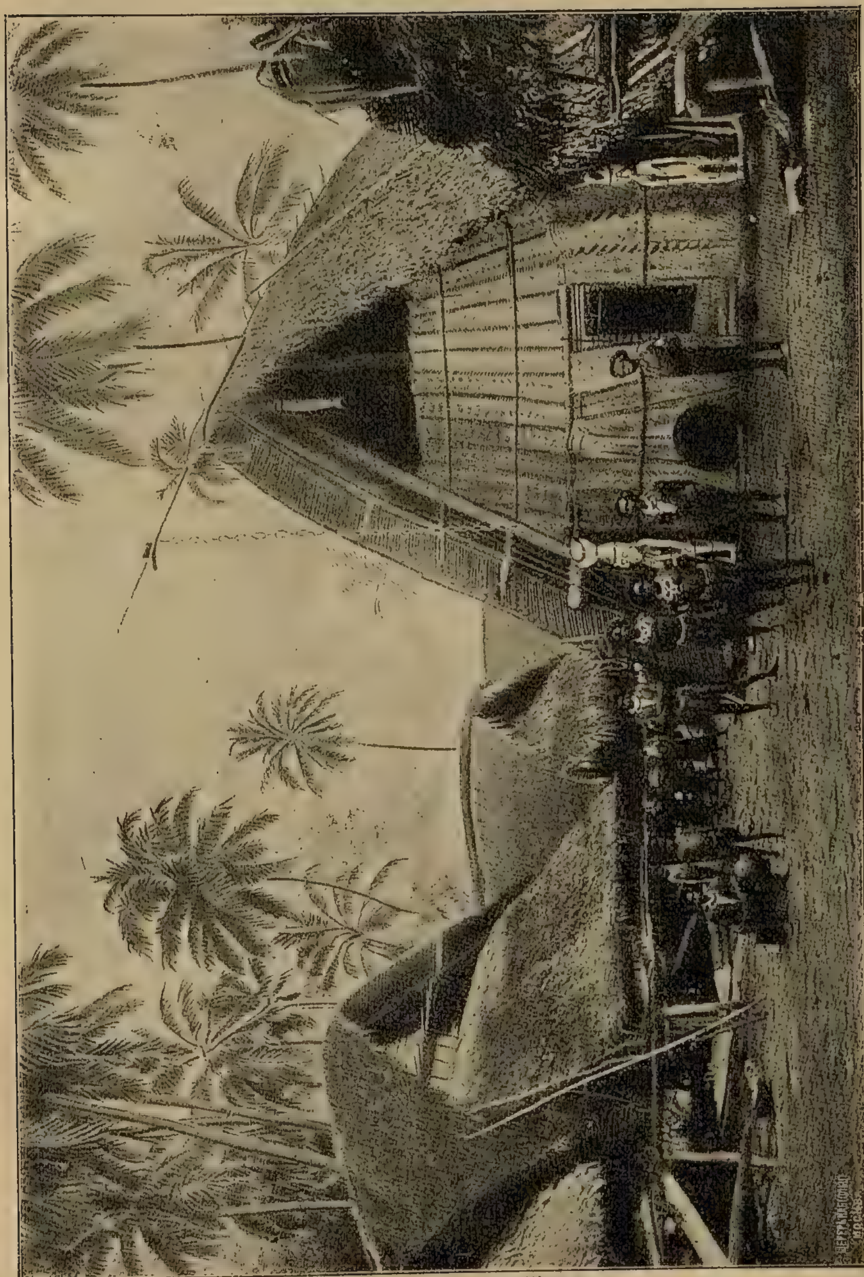
(Н. Миклухи-Маклая.)

21-го августа 1879 г. наша шкуна лавировала на сѣверѣ острововъ Адмиралтейства, которые были въ виду, но на значительномъ разстояніи. Къ полудню болѣе свѣжій вѣтерокъ позволилъ намъ приблизиться настолько, что я могъ разсмотрѣть и узнать контуры горъ большого острова, а по нимъ опредѣлить положеніе небольшихъ островковъ, лежащихъ подъ самымъ берегомъ его. Мнѣ не трудно было убѣдить шкипера зайти въ портъ Андра, сказавъ ему, что онъ можетъ разсчи-

тывать тамъ на хорошую добычу трепанга и на порядочную якорную стоянку. Мѣстность мнѣ была хорошо извѣстна, почему я могъ послужить на этотъ разъ лоцманомъ, что было очень кстати, такъ какъ зыбь мѣшала разсмотрѣть рифы. Я указалъ шкиперу на западный проходъ за островомъ Андра, потому что на востокъ отъ него находится много рифовъ. Шкуна благополучно прошла черезъ баръ между рифами, и легкій вѣтерокъ позволилъ войти въ лагуну и бросить якорь на десятисаженной глубинѣ. Со стороны моря островокъ этотъ представляется низкимъ, но покрытымъ густою растительностью. Нигдѣ между деревьями, если смотрѣть съ моря, нельзя разглядѣть ни деревни, ни даже хижины. Единственно голубоватый дымокъ, который вился и разстилался въ одномъ мѣстѣ надъ островкомъ, доказывалъ присутствіе человѣка. Какъ только мы зашли за рифъ, то увидали надъ отлогимъ песчанымъ берегомъ ряды кокосовыхъ пальмъ, надъ которыми высился лѣсъ, а внизу, между пальмами, стали показываться крыши хижинъ; вдоль же берега можно было разглядѣть группы туземцевъ. Нѣкоторые приготовляли пироги къ спуску, другіе спокойно ожидали, пока шкуна броситъ якорь. Дѣти особенно волновались, перебѣгали отъ одной группы къ другой, и можно было разслышать ихъ крики и хохотъ. Женщины стояли и сидѣли поодаль отъ хижинъ; вся обстановка доказывала, что приходъ европейскаго судна сдѣлался и здѣсь явленіемъ не необыкновеннымъ. Мой хорошій бинокль позволялъ мнѣ разглядывать всѣ подробности, узнавать хижины, осматривать разнообразныя группы туземцевъ, слѣдить за движеніями людей. Наконецъ, двѣ небольшія пироги стали медленно приближаться къ шкунѣ, рекогносцируя ее. По разговорамъ и по жестамъ было замѣтно, что никто на пирогахъ не узнаетъ шкуны, что туземцы не видятъ на ней ни одного знакомаго лица (я былъ единственнымъ человѣкомъ, котораго они могли бы узнать). Между приближающимися я и самъ не могъ признать ни одной знакомой физіономіи. Неожиданно раздавшійся возгласъ: Макрай! убѣдилъ меня, что нашелся одинъ изъ туземцевъ, узнавшій меня. Между людьми на пирогахъ завязался оживленный разговоръ, въ которомъ мое имя часто слышалось. Результатомъ разговора было то, что туземцы одинъ за другимъ влѣзли на трапъ, а затѣмъ на палубу. Всѣ они окружили меня, протягивая руки, гладя по плечу и по спинѣ и т. п., повторяя мое имя съ повтореніемъ: „уянъ", „уянъ" (хорошій, хорошій!) и „кавасъ", „кавасъ" (другъ, другъ!). Особенно суетился туземецъ, который первый узналъ меня. Это былъ небольшой человѣкъ лѣтъ сорока, съ очень подвижною и хитрою физіономіею; его звали Кохемь, что онъ мнѣ самъ объявилъ, ударяя себя по груди. Онъ убѣждалъ меня сейчасъ же съѣхать на берегъ и, нагнувъ голову набокъ и приложивъ руку къ щекѣ, показывалъ, чтобы я отправился ночевать въ деревню. При

помощи небольшого лексикона діалекта этого островка, составленнаго мною еще въ 1877 году, мнѣ удалось объяснить Кохему и его товарищамъ, что капитанъ пришелъ сюда за жемчужными раковинами, за черепахой, за трепангомъ и что если всего этого найдется много, то судно останется здѣсь долго, и что имъ будутъ даны большіе и маленькіе ножи, красная бумажная матерія, стеклянный бисеръ. Моя рѣчь произвела большой эффектъ и прерывалась только словами „уянъ“ (хорошо) „ксанга“ (много), „кавасъ“, „кавасъ“ (другъ, другъ). Увѣренія туземцевъ, что всего много и трепанга и перламутра, очень понравились шкиперу, который просилъ меня сказать туземцамъ, чтобы на другой же день съ ранняго утра они стали бы привозить трепангъ и жемчужныя раковины на шкуну. Покончивъ эти переговоры, я съѣхалъ съ Кохемомъ и съ другими туземцами на берегъ и былъ встрѣченъ толпою мальчиковъ и дѣвочекъ, которые всѣ кричали; кто кричалъ „Макрай“, кто „уянъ“, кто протягивалъ руку и оралъ „буаябъ, буаябъ!“ (бисеръ, бисеръ!). На берегу я узналъ дѣйствительно нѣсколькихъ туземцевъ, съ которыми часто былъ въ сношеніяхъ въ 77-мъ году. Я отправился по знакомой тропинкѣ вдоль берега и осмотрѣлъ всю деревню, которая показалась мнѣ этотъ разъ меньше, чѣмъ при первомъ моемъ посѣщеніи. И людей какъ-то показалось мнѣ меньше. Сѣвъ у одного изъ „умъкамаль“ (общественная хижина для мужчинъ) и указавъ жестомъ моей немногочисленной свитѣ также присѣсть, я досталъ мою записную книгу 77-го года и сталъ читать громко записанныя въ ней имена жителей деревни. Эффектъ былъ изумительный, всѣ вскочили и стали орать: „Макрай, уянъ! уянъ! уянъ!“ Когда они поуспокоились, я снова сталъ называть имена; нѣкоторые отзывались, но нѣкоторые отвѣчали: „риматъ“ (умеръ), иногда прибавляя „салаху“ (непріятель), что значило вѣроятно, что человѣкъ былъ убитъ непріятелями. При нѣкоторыхъ именахъ окружавшіе меня туземцы прибавляли имя какой-нибудь деревни, что означало вѣроятно, что названный субъектъ ушелъ туда-то. Однимъ словомъ, туземцы скоро почувствовали, что нашли во мнѣ стараго знакомаго, который немного понимаетъ ихъ, интересуется ими и не думаетъ причинить имъ какой-либо вредъ, или обмануть ихъ при торгѣ, которымъ, какъ они скоро убѣдились, я не занимался. Я роздалъ взятый съ собою бисеръ женщинамъ и дѣтямъ,—каждая или каждый подходили ко мнѣ съ листикомъ съ ближайшаго куста, на который я отсыпалъ понемногу „буаябъ“, находившійся у меня въ небольшой стклянкѣ. Физіономію, украшеніе, одежду подходящаго я внимательно осматривалъ, а затѣмъ записывалъ его имя, прибавляя для памяти какую-нибудь особенность физіономіи или тѣлосложенія, чтобы потомъ узнать его.

Тѣмъ изъ дѣтей, которыхъ физіономія, расторопность или услужли-

Деревня папуасовъ.

вость мнѣ болѣе нравились, я повязывалъ поверхъ локтя по ленточкѣ красной матеріи, которою дѣти остались очень довольны и которая стала предметомъ зависти остальныхъ.

Солнце уже зашло и начало темнѣть, когда я вернулся на шкуну.

На другой день торгъ съ туземцами на шкунѣ начался съ самаго разсвѣта. Когда часамъ къ шести я вышелъ на палубу, то увидалъ кучи трепанга разнаго рода, а также груды жемчужныхъ раковинъ, которыя туземцы въ это утро уже успѣли собрать на рифахъ. Была низкая вода и рифы чернѣли на далекомъ разстояніи въ морѣ; на нихъ копошились женщины и дѣти, собирая всякую всячину: трепангъ и жемчужныя раковины для продажи, разныхъ моллюсковъ и маленькихъ рыбокъ для собственнаго стола. Мужчины въ пирóгахъ переѣзжали отъ рифа къ шкунѣ, сдавая свой грузъ и получая въ замѣнъ „самель" (обручное желѣзо). Картина была оживленная и интересная. Я остался на палубѣ и слѣдилъ за окружающимъ. Нѣсколько болѣе лѣнивыхъ туземцевъ, или такихъ, за которыхъ работали ихъ жены или сыновья, выѣхали въ пирóгахъ, наполненыхъ разными вещами, которыя предлагали купить. На пирóгахъ этихъ можно было видѣть разнаго рода копья, большія деревянныя блюда, сѣти для ловли рыбъ, глиняные горшки, такъ называемыя „куръ" (непромокаемыя корзины), разнаго рода украшенія, носимыя туземцами, и т. п. Я обратилъ особенное вниманіе на горшки, которые были тщательно сдѣланы и орнаментированы; всѣ ихъ, хотя и разной величины, можно было подвести подъ двѣ формы. Одни—съ однимъ отверстіемъ и съ немногими украшеніями, для варки; другіе, съ двумя отверстіями и съ орнаментомъ вокругъ ихъ, для прѣсной воды. Обѣ формы имѣли круглое дно. Я пріобрѣлъ одинъ съ двумя отверстіями. Орнаментъ состоялъ изъ рядовъ продолговатыхъ выемокъ (сдѣланныхъ, вѣроятно, небольшою заостренною палочкою), расположенныхъ совершенно подобнымъ образомъ, какъ татуировка женщинъ. Туземецъ, у котораго я купилъ горшокъ, объяснилъ мнѣ, что горшки дѣлаются женщинами на большомъ островѣ, что въ одно отверстіе вливаютъ воду, а черезъ другое наливаютъ воду въ ротъ. Другая вещица, замѣченная мною, былъ кинжалъ съ двумя лезвіями, сдѣланными изъ иглъ большого ската. Иглы эти очень острыя, снабженныя по краямъ въ видѣ пилы загнутыми внизъ острыми прибавками, представляютъ при своей ломкости очень опасное оружіе. Всаженныя въ незащищенное одеждою тѣло туземца и почти навѣрное ломаясь въ ранѣ, онѣ могутъ причинить почти неминуемую смерть раненому. Деревянная ручка этого кинжала представляла примитивно-вырѣзанную человѣческую фигуру. Кучи трепанга между тѣмъ росли на палубѣ, и шкиперъ потиралъ себѣ руки, такъ какъ большая часть привезеннаго трепанга оказалось очень хорошаго достоинства. Шкиперъ платилъ здѣсь за трепангъ кусками обручнаго желѣза. Онъ сказалъ мнѣ,

что сегодня еще приступитъ къ сооруженію коптилки на палубѣ и что не уйдетъ отсюда, не выловивъ весь трепангъ на рифахъ кругомъ. Позавтракавъ и взявъ съ собою койку и записную книгу, я отправился на берегъ. Отъ крика и шума на шкунѣ у меня разболѣлась голова, такъ что, съѣхавъ на берегъ и выбравъ подходящее большое дерево, недалеко отъ хижинъ туземцевъ, я былъ очень радъ подвѣсить мою койку и, растянувшись на ней, отдохнуть. Какъ только я вышелъ на берегъ, ко мнѣ навстрѣчу прибѣжало трое изъ отмѣченныхъ мною вчера вечеромъ красными ленточками дѣтей; другія работали, вѣроятно, на рифѣ. Эти трое были: мальчикъ Качу и двѣ дѣвочки—Пинрасъ и Аса. Качу, лѣтъ 13, имѣлъ энергическую и интеллигентную физіономію; Пинрасъ, лѣтъ 12 или 13, могла назваться недурненькою дѣвочкою даже въ европейскомъ смыслѣ; Аса—веселая, подвижная и очень услужливая дѣвочка лѣтъ 9, не болѣе. Они оставались весь день при мнѣ, если же и уходили, то скоро возвращались и старались предупреждать малѣйшее мое желаніе. Качу очень ловко привязалъ койку къ указаннымъ сучьямъ большого фикуса и принесъ мнѣ нѣсколько молодыхъ кокосовыхъ орѣховъ для питья. Послѣ шума и суеты шкуны, въ тѣни громадныхъ деревьевъ съ красивой панорамой островковъ, моря и горъ,—я положительно наслаждался отдыхомъ; но предаваться долго этой „dolce far niente“ оказалось не легко, такъ какъ все окружающее было такъ интересно.

Сперва я обратилъ вниманіе на жилища туземцевъ. Хижины тянутся по сторонамъ тропинки, идущей параллельно песчаному берегу моря; онѣ стоятъ иногда одиноко у тропинки, иногда группами по 3 или 4. Около дерева, подъ которымъ была подвѣшена моя койка, находились пять хижинъ, изъ которыхъ одна представляла такъ называемый здѣсь „умъ-камаль“ или просто „камаль“, т.-е. большая хижина, гдѣ мужчины проводятъ свободное время, ѣдятъ, принимаютъ гостей и т. п. „Камаль“ служитъ тоже спальнею для неженатыхъ мужчинъ и для ночевокъ посѣтителей изъ другихъ деревень. Остальныя хижины, называемыя просто „умъ“, были семейныя хижины. Послѣднія обыкновенно немного меньше, но гораздо ниже первыхъ, т.-е. „камаль“. Семейныя хижины имѣли четырехугольную форму съ небольшимъ дворикомъ, обнесеннымъ высокою изгородью передъ входомъ. Кромѣ высокихъ наръ, на которыя садятся мужчины во время ѣды, на дворикахъ находится очагъ, состоящій изъ трехъ, спеціально для этой цѣли выбранныхъ камней, между которыми разводится огонь и ставятся горшки. Дворики, главнымъ образомъ, устроены, чтобы избѣгнуть при домашней работѣ, ѣдѣ, отдыхѣ и т. п. назойливости свиней, которыхъ не мало бѣгаетъ въ деревнѣ. Крыши обоего рода хижинъ спускаются чуть не до земли, такъ что боковыхъ стѣнъ почти не видно съ внѣшней стороны хижины. Двери „умъ-камаль“, сравнительно съ дверями семейныхъ хижинъ, широки и

часто украшены рядомъ бѣлыхъ раковинъ, деревянными фигурками по сторонамъ входа или рѣзными столбиками. У хижинъ сидѣло нѣсколько старухъ и дѣтей; мѣновая торговля отвлекла къ шкунѣ и на рифы всѣхъ мужчинъ и многихъ женщинъ.

Ежедневная жизнь туземцевъ здѣсь, вслѣдствіе нерѣдкихъ посѣщеній европейскихъ судовъ, потеряла уже ту первобытность и отчасти монотонность, которыя мнѣ такъ нравились на берегу Маклая, куда, какъ я самъ испыталъ, по 28 мѣсяцевъ, а иногда еще дольше, не заходятъ суда. Спокойная жизнь туземцевъ при приходѣ торговыхъ судовъ смѣняется лихорадочною работою: каждый старается наловить больше трепанга, жемчужныхъ раковинъ и т. п. Платою являются пока: лишній наперстокъ (употребляемый какъ мѣра), бисеръ, кусокъ обручнаго желѣза, кусокъ красной бумажной матеріи и т. п.

Возгласы нѣсколькихъ женщинъ, которымъ ихъ мужья или сыновья привезли со шкуны значительное количество бисера, прервали мои размышленія. Большинство женщинъ занялось нанизываніемъ бисера, только одной изъ нихъ не досталось ничего. Такъ какъ она была татуирована и не казалась особенно пугливой, я послалъ мальчика Качу за ней; хотѣлось разсмотрѣть внимательно здѣшнюю татуировку и нарисовать портретъ женщины. Нѣсколько показанныхъ стеклянныхъ бусъ приманили ее къ моей койкѣ. Лицо, руки, грудь, животъ, спина, верхняя часть ногъ ея были испещрены перекрещивающимися рядами линій, состоящихъ изъ шрамовъ отъ небольшихъ надрѣзовъ. Такъ какъ цвѣтъ кожи женщинъ (какъ и всѣхъ жителей острововъ Адмиралтейства вообще) не былъ особенно свѣтелъ, то татуировка была хорошо видна только въ близкомъ разстояніи и при особенномъ освѣщеніи. Общій эффектъ ея былъ далеко не такой замѣчательный, какъ татуировки наколами на островахъ Полинезіи. Шрамы были отъ 4-хъ до 6-ти миллиметровъ длины и отъ 1-го до $^1/_2$ миллиметра ширины. Кромѣ этихъ шрамовъ, расположенныхъ линіями, на плечахъ этой женщины виднѣлось нѣсколько плоскихъ пятенъ, произведенныхъ прижиганіемъ помощью небольшихъ угольковъ, которые кладутъ на кожу горящими и оставляютъ на ней, пока они не превратятся въ пепелъ. Описывать расположеніе татуировки было бы и длинно и сложно, поэтому я принялся рисовать портретъ женщины, намѣреваясь особенно тщательно нарисовать именно татуировку. Исполненіе этого желанія однако не удалось. Послышался зовъ съ приближавшейся пироги, и оригиналъ моего будущаго рисунка вскочилъ и бросился къ берегу. Въ пирогѣ находился, какъ оказалось, мужъ этой женщины, вернувшійся изъ деревни съ большого острова Адмиралтейства. Онъ привезъ съ собою разныя вещи, вѣроятно подарки пріятелей, къ которымъ онъ ѣздилъ, а также деревянное блюдо для кушанья съ вареннымъ таро. Видъ послѣдняго и во мнѣ возбудилъ аппе-

„Умъ-камаль“ на Новой Гвинеѣ.

титъ, и я направился къ группѣ, расположившейся около входа одной изъ хижинъ. Любезный мужъ, возвращаясь съ хорошаго завтрака, не забылъ свою молодую жену. Онъ привезъ остатки съѣденнаго имъ завтрака (или можетъ быть ужина). Когда я подошелъ ближе, то увидалъ, что женщина держала большую кость въ рукахъ и зубами отрывала куски еще кое-гдѣ висѣвшаго мяса. По формѣ кости мнѣ легко было признать ее за верхнюю половину человѣческаго бедра. Это былъ первый разъ, что я увидалъ собственными глазами на о-вахъ Адмиралтейства положительный примѣръ людоѣдства. Женщина, казалось, ѣла съ большимъ аппетитомъ и передала, наконецъ, почти голую кость другой женщинѣ, ея сестрѣ, уже ожидавшей очереди поѣсть мяса и не трогавшей большой кусокъ таро, который находился у ней въ рукѣ. Стоявшій рядомъ ребенокъ, дѣвочка лѣтъ трехъ, слѣдила за старшими завистливыми глазенками. Черезъ часъ времени, приблизительно, я замѣтилъ въ рукахъ этой маленькой дѣвочки ту же, но уже совершенно очищенную кость. Между таро на блюдѣ находилось нѣсколько кусковъ темнаго мяса, вѣроятно человѣческаго: они были слишкомъ велики для кусковъ мяса кускуса и безъ всякаго жира, чтобы оказаться мясомъ свиньи. Не купивъ таро, я вернулся къ своей койкѣ, надѣясь докончить начатый портретъ. Хотя, какъ и утромъ, ко мнѣ подошли нѣсколько женщинъ и дѣтей, но между ними татуированной женщины не было. У каждой изъ присутствующихъ было на тѣлѣ и на лицѣ по нѣсколько татуированныхъ фигуръ и линій, но сравнительно въ очень незначительномъ количествѣ и мало замѣтныхъ, такъ какъ женщины эти уже были пожилыя и старыя, почему имѣли кожу болѣе темную и морщинистую. Видя, что я интересуюсь татуировкой, одна изъ нихъ достала откуда-то кусокъ обсидіана и плоскимъ камнемъ отбила нѣсколько маленькихъ осколковъ. Выбравъ одинъ и замѣтивъ, что я внимательно слѣжу за нею, она вздумала показать мнѣ свое искусство на одной изъ сидѣвшихъ около нея дѣвочекъ, которая однако же убѣжала. Тогда я протянулъ ей мою руку и указалъ ей на мѣсто выше локтя. Она рѣзнула меня нѣсколько разъ, что причинило весьма незначительную боль.

Однако же, несмотря на разнообразныя наблюденія, голова у меня попрежнему болѣла, и я по временамъ прикладывалъ руку ко лбу и закрывалъ глаза на нѣсколько секундъ. Это было замѣчено туземцами. Я могъ понять, что они говорили обо мнѣ и головной боли. Въ заключеніе разговора одна изъ женщинъ почти насильно подвела находившуюся вблизи дѣвочку Пинрасъ. Убѣдившись, что приходится исполнить общее желаніе старшихъ, послѣдняя усердно принялась за дѣло, которое состояло въ томъ, что, схвативъ обѣими руками мою голову, Пинрасъ стала сжимать ее періодически изо всѣхъ силъ. Я предоставилъ свою голову въ полное ея распоряженіе. Сдавливаніе перешло въ рас-

тираніе кожи головы двумя пальцами, при чемъ массажистка надавливала растираемое мѣсто насколько могла. Когда правая рука ея устала, она стала дѣлать это и лѣвой, при чемъ я замѣтилъ, что сила пальцевъ лѣвой руки ея не уступала силѣ правой. Ощущеніе было пріятное: я при этомъ какъ бы пересталъ чувствовать боли, почему и не подумалъ о кокосовомъ маслѣ и охрѣ, которыми были смазаны ея руки. Когда Пинрасъ кончила, я насыпалъ, къ ея большому удовольствію и великой зависти остальныхъ женщинъ и дѣвочекъ, полную пригоршню мелкихъ бусъ изъ стклянки. Нѣсколько дѣвочекъ стали предлагать мнѣ массировать голову, при чемъ я могъ замѣтить, что ни одна изъ женщинъ, вѣроятно, изъ страха передъ мужемъ, не рискнула предложить мнѣ свои услуги въ этомъ отношеніи. Солнце уже садилось, и пирога одна за другой подходили и были быстро втаскиваемы на отлогій песчаный берегъ.

Архипелагъ Бисмарка.

(Дайбера.)

Слегка волнующееся море несетъ нашъ пароходъ къ сѣверу, вдаль отъ удивительнаго міра тропиковъ. Кругомъ съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули Брисбанъ, однообразная картина. Ни одинъ пароходъ, ни одно судно не пересѣкаетъ нашъ путь. Тамъ, за этимъ моремъ, находятся коралловые рифы и чудныя страны, покрытыя лѣсами изъ пальмъ. Нашъ пароходъ принужденъ дѣлать только 10 узловъ въ часъ; такая осторожность и медлительность необходимы здѣсь вслѣдствіе мелей и рифовъ. Море здѣсь богато коралловыми рифами. Большая часть ихъ еще остаются неизвѣстными морякамъ; поэтому приходится постоянно прибѣгать къ промѣрамъ. Извѣстны особенно только тѣ рифы, около которыхъ произошли крушенія пароходовъ.

Около 4 часовъ пополудни мы проходимъ мимо нѣсколькихъ низменныхъ коралловыхъ острововъ и къ вечеру мы должны достигнуть нашей ближайшей цѣли — Гербертсгее на Новой Помераніи. Навстрѣчу дуетъ сильный вѣтеръ, и мы подвигаемся медленнѣе, чѣмъ ожидали. На поверхности моря плаваютъ разные куски деревьевъ, между прочимъ сломанная мачта и доски корабля. Но это вовсе не означаетъ, что здѣсь передъ тѣмъ было крушеніе какого-нибудь корабля; часто такіе обломки носятся по волнамъ цѣлыми годами.

Около полудня слѣдующаго дня мы увидѣли на горизонтѣ очертанія горной цѣпи. Онѣ принадлежатъ полуострову Новой Помераніи, вдающемуся на сѣверъ съ острова Бисмарка.

Пароходъ можетъ плыть близко отъ берега этого полуострова, такъ какъ здѣсь берегъ крутой и море близъ береговъ имѣетъ значительную глубину. Море и небо кажутся сегодня свинцоваго цвѣта, воздухъ на-

полненъ парами, тяжелъ и душенъ. Температура 31° въ тѣни. Плаваніе вдоль береговъ Новой Помераніи въ высшей степени привлекательно. Горныя цѣпи, покрытыя густыми первобытными лѣсами, спускаясь постепенно къ берегу, проносятся нескончаемой красивой вереницей мимо насъ. Тяжелыя облака лежатъ въ ущельяхъ этихъ лѣсистыхъ горъ. У береговъ блеститъ слегка волнующееся море. Высоко взлетаютъ бѣлыя пѣнистыя волны на выдающіяся въ море скалы. На плоскихъ песчаныхъ мѣстахъ можно было замѣтить иногда темнокожаго туземца, который съ любопытствомъ смотрѣлъ на большое судно, столь рѣдкое въ этомъ заброшенномъ уголкѣ. Далѣе къ сѣверу лѣсъ порой прерывается зелеными лужайками.

Около 5 часовъ мы пришли въ каналъ св. Георга. Направо отъ насъ, на восточной сторонѣ, исчезали въ туманѣ и облакахъ горы Новаго Мекленбурга; налѣво, съ запада, виднѣлись „Мать“ и „Дочь“ — двѣ большихъ горы Новой Помераніи,—вулканы, которые теперь лишь рѣдко обнаруживаютъ дѣятельность. На обоихъ находятся большія отложенія сѣры. Архипелагъ Бисмарка такъ же, какъ и Новая Гвинея, замѣчателенъ частыми землетрясеніями, по большей части мѣстными. Въ теченіе трехъ лѣтъ въ мѣстности около гавани Фридриха-Вильгельма (на Новой Гвинеѣ) было пятнадцать землетрясеній, восточнѣе этого мѣста, на горѣ Заштель—тридцать одно, въ Зилебашѣ—шестьдесятъ одно и въ Гербертсгее—восемьдесятъ землетрясеній; при этомъ только въ рѣдкихъ случаяхъ землетрясенія наблюдались одновременно и на Новой Гвинеѣ, и на Бисмарковыхъ островахъ.

Изъ окна парохода можно было видѣть нѣсколько плантацій на берегу: низенькіе, покрытые желѣзомъ дома и деревья съ правильно расположенными вѣтвями.

Наконецъ показывается вдали городъ Гербертсгее. Поселенія и плантаціи встрѣчаются все чаще и чаще. Великолѣпныя рощи пальмъ съ различными оттѣнками зелени радуютъ глазъ; на заднемъ планѣ поднимается на высоту около 600 метровъ гора Варцинъ. Съ берега до насъ доносится благоуханіе. Нашъ пароходъ бросаетъ якорь на значительномъ разстояніи отъ берега; къ намъ приближается челнъ, на которомъ развѣвается нѣмецкій флагъ. Бѣлый человѣкъ, въ бѣломъ одѣяніи, съ бѣлой шляпой на головѣ, рѣзко отдѣляется отъ бронзовыхъ почти голыхъ меланезійцевъ, гребущихъ веслами. Это ѣдетъ почта, которая пріѣзжаетъ на каждый приходящій пароходъ, привозитъ и беретъ письма. Съ каждой минутой число лодокъ, плывущихъ къ намъ, увеличивалось. Врачъ разрѣшилъ намъ высадиться на берегъ, и пассажиры шумной толпой съ пѣснями и криками размѣстились въ шлюпкѣ. Къ ихъ пѣснямъ присоединялись пѣсни дикихъ, доносившіяся съ берега.

Островъ этотъ — благословенная страна. Насколько можно охватить

взглядомъ, тянутся великолѣпныя сочно-зеленыя рощи кокосовыхъ пальмъ и среди нихъ бѣленькіе домики туземцевъ. Направо открывается большая бухта, близъ которой виднѣются хижины Матупи, совершенно утопая въ зелени. Картина замыкается на горизонтѣ двумя величественными вулканами—„Мать“ и „Дочь“.

Гербертсгее защищенъ горами острова какъ отъ сѣверо-западнаго муссона, такъ и отъ юго-восточнаго пассата; часть влаги, несомой этими вѣтрами, остается на склонахъ горъ; поэтому въ Гербертсгее осадковъ выпадаетъ, несмотря на частыя грозы, меньше и ихъ распредѣленіе по временамъ года болѣе равномѣрно. Этимъ объясняется и общій ландшафтъ, напоминающій садъ, и сильный ростъ стройныхъ пальмъ, и необыкновенный ростъ богатыхъ плантацій.

Населеніе острова представляетъ большой интересъ для туриста. Меланезійцы, которые везли насъ съ парохода на островъ, были стройные, сильные люди, различной окраски кожи, отъ свѣтло-коричневой до темно-бронзовой, иногда переходящей почти въ черный цвѣтъ. Въ чертахъ лица они представляли такое разнообразіе, что сейчасъ же становилось яснымъ ихъ различное происхожденіе. На островахъ Бисмаркова архипелага и въ прилежащихъ странахъ живетъ множество племенъ, которые по языку и обычаямъ настолько отличаются одно отъ другого, что они не понимаютъ другъ друга, между тѣмъ живутъ другъ отъ друга въ нѣсколькихъ часахъ пути. Они составляютъ классъ рабочихъ на плантаціяхъ; обыкновенно ихъ нанимаютъ на нѣсколько лѣтъ сряду. Племена эти быстро вымираютъ. Уже теперь есть нѣкоторые совершенно обезлюдѣвшіе острова, на которыхъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ жили послѣдніе представители исчезнувшаго племени.

Почти каждый меланезіецъ носитъ на верхней части руки браслетъ, за который онъ втыкаетъ свою трубку, когда онъ не куритъ. Уши часто бываютъ совершенно обезображены; мягкая нижняя часть нерѣдко вытянута на 10 сантиметровъ и свѣшивается на плечо. Иногда въ ней виситъ небольшая цѣпочка изъ раковинъ. Въ носъ продѣваются всевозможныя вещи, иногда двѣ палочки, которыми протыкаютъ крестъ-накрестъ носовую перегородку. Но самое замѣчательное — это украшеніе волосъ. Жители Новаго Мекленбурга выбриваютъ необыкновенныя фигуры на затылкѣ съ помощью куска стекла. Жители архипелага часто обкладываютъ свои волосы толстымъ слоемъ извести, добываемой ими изъ пережженныхъ раковинъ; эта известь засыхаетъ у нихъ на головѣ, и тогда кажется, что голова покрыта толстымъ бѣлымъ колпакомъ. Этотъ колпакъ спадаетъ черезъ нѣсколько дней; отъ этой операціи волосы становятся красноватаго цвѣта (напоминающаго цвѣтъ ковалловъ) и голова дѣлается похожей на губку или кучу ковалловъ. Черезъ нѣкоторое время волосы принимаютъ красный цвѣтъ и, наконецъ, опять

переходятъ въ черный. Известь—хорошее средство отъ извѣстныхъ насѣкомыхъ, кромѣ того, свѣтлые волосы считаются у меланезійцевъ признакомъ красоты.

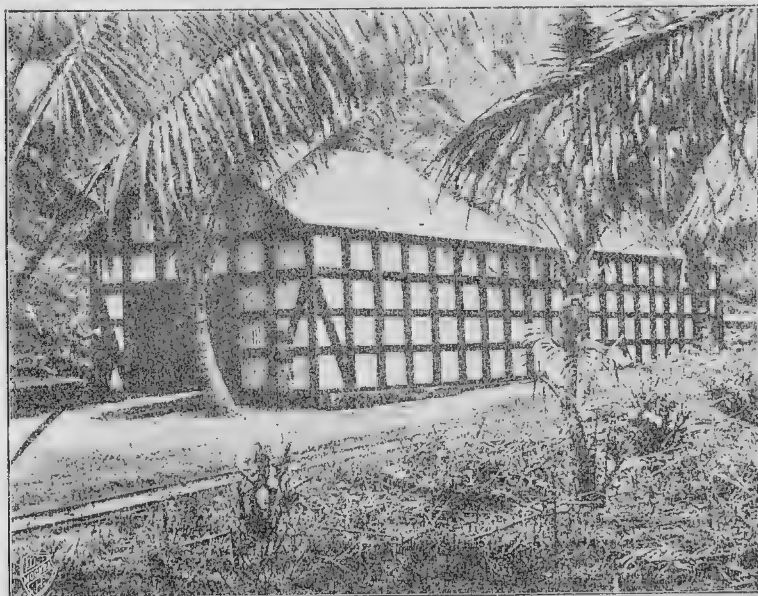
На груди, плечахъ и верхней части рукъ у мужчинъ можно часто видѣть выпуклые рубцы. Когда мальчикъ становится взрослымъ, ему вырѣзываютъ на указанныхъ мѣстахъ посредствомъ острой раковины раны и оставляютъ ихъ открытыми до тѣхъ поръ, пока онѣ не зарубцуются въ видѣ выпуклыхъ шрамовъ. Подобнымъ же образомъ поступаютъ и австралійскіе туземцы.

Отъ жеванія бетеля зубы и губы по большей части кирпично-краснаго цвѣта. Ожерелья изъ стеклянныхъ бусъ, а также и изъ пуговицъ составляютъ украшеніе, носимое не безъ чувства гордости. Очень любятъ они также всякую старую шляпу, картузъ, носовой платокъ, особенно когда они цвѣтные. Кое-гдѣ можно встрѣтить меланезійца, одѣтаго въ европейскія брюки, въ которыхъ онъ кажется очень комичнымъ среди своихъ собратій, почти совершенно голыхъ, имѣющихъ на себѣ только „лава-лава“, т.-е. платокъ вокругъ бедеръ. Повидимому, у этихъ дѣтей природы нѣтъ строгаго различія между „твоимъ“ и „моимъ“; то, что они взяли у европейца незаконнымъ образомъ, составляетъ всегда предметъ украшенія; эту чужую вещь они носятъ съ гордостью, открыто и заявляютъ, когда ихъ спрашиваютъ, такъ чистосердечно и наивно: „прежде это принадлежало тебѣ, теперь это — мое“, что европеецъ только въ рѣдкихъ случаяхъ рѣшится прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ. Но меланезіецъ не долго носится съ своимъ украшеніемъ. Нахвалившись имъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, онъ передаетъ его своему брату, тотъ отдаетъ его затѣмъ пріятелю, и вещь европейца переходитъ такимъ образомъ изъ рукъ въ руки по всему племени. Если подарить одному меланезійцу пару чулокъ, то его добродушіе не позволитъ ему надѣть оба; онъ будетъ ходить съ гордостью въ одномъ, а его братъ или другъ будутъ щеголять въ другомъ.

Меланезійскія женщины очень безобразны. На самомъ дѣлѣ, это рабочія животныя своихъ мужей. Если мужчина не наймется до извѣстнаго срока на какую-нибудь плантацію, онъ обыкновенно дома не работаетъ. Разводятъ растенія женщины, и на нихъ лежатъ всѣ тяжести работы. Съ тяжелой ношей, а нѣкоторыя сверхъ того и съ дѣтьми, которыхъ онѣ несутъ въ платкахъ, обвязанныхъ около груди, женщины работаютъ вездѣ, спускаясь съ горъ къ морю, мужчины же въ это время занимаются всякимъ вздоромъ.

Одни мужчины носятъ головной уборъ изъ пѣтушиныхъ перьевъ, другіе носятъ въ рукахъ страшныя изображенія, вырѣзанныя изъ дерева, напоминающія птичій клювъ; эти украшенія они надѣваютъ во время танцевъ то на голову, то на лицо.

На берегу построенъ рядъ хорошенькихъ бѣлыхъ домиковъ. Надъ однимъ развѣвается нѣмецкій флагъ; тамъ живетъ генералъ-губернаторъ нѣмецкихъ владѣній. Тутъ же красуется только что открытый отель съ громкимъ названіемъ „Князь Бисмаркъ". Безчисленныя кокосовыя пальмы образуютъ настоящій лѣсъ, далеко уходящій во всѣ стороны. Часто на одномъ деревѣ можно видѣть рядомъ цвѣты, зачатки плодовъ, полузрѣлые, дающіе молоко, и совершенно спѣлые орѣхи. Каждая кокосовая пальма приноситъ плоды круглый годъ. Одна даетъ каждый мѣсяцъ отъ двадцати до двадцати пяти орѣховъ. На настоящихъ плантаціяхъ кокосовой пальмы однако часть цвѣтовъ вырѣзывается, такъ что одна пальма

Фабрика копры.

приноситъ въ годъ не болѣе восьмидесяти орѣховъ, но вслѣдствіе этого они лучше обыкновенныхъ по качеству и гораздо крупнѣе.

Кокосовая пальма, быть можетъ, самая красивая и самая полезная изъ всѣхъ пальмъ. Внизу, близъ почвы, стволъ толстъ, кверху онъ дѣлается тоньше, и чѣмъ выше дерево, тѣмъ тоньше верхушки ствола. Колоссальные перистые листья, числомъ отъ 10 до 70, образуютъ на вершинѣ дерева красивую крону. Кокосовые орѣхи — важнѣйшій предметъ вывоза съ здѣшнихъ острововъ. Изъ совершенно зрѣлыхъ плодовъ, или копры, добываютъ масло, а остатки перерабатываютъ въ мыло. Главная гавань по торговлѣ копрой — Сингапуръ.

Хорошая дорога тянется черезъ плантаціи. Съ обѣихъ сторонъ ея

поднимаются высокіе стволы мальвоваго дерева. Между рѣдкими рядами молодыхъ кокосовыхъ пальмъ растетъ хлопчатникъ и дерево капокъ.

Хлопчатникъ принадлежитъ къ семейству мальвовыхъ растеній. Его разводятъ съ успѣхомъ отъ экватора до 36° сѣверн. и южн. широты. Листья — сердцевидной формы и имѣютъ нѣсколько лопастей. Желтые крупные цвѣты его необыкновенно красивы. Стебель достигаетъ 2 метровъ высоты. Плодъ представляетъ коробочку, которая по созрѣваніи разрывается, освобождая сѣмена, снабженныя нѣжными, тонкими, бѣлыми волосками. Замѣчательный видъ имѣетъ третье важное для острововъ растеніе — капокъ (Eriodendron aufractuosum). Это—огромное дерево съ зеленой гладкой, корой и вѣтвями, расположенными такъ правильно, въ горизонтальномъ положеніи, что кажется, будто это сдѣлано искусственно. Стволъ почти до кроны одинаковой толщины. Цвѣты его похожи на цвѣты апельсиноваго дерева. Дерево приноситъ плоды въ видѣ многогнѣздной коробочки, раскрывающейся по созрѣваніи. Кромѣ сѣмянъ, въ коробочкѣ находится тонкая, съ шелковистыми блестками, цѣнная шерсть. Дерево даетъ на Новой Помераніи хорошій доходъ.

Прошло нѣсколько часовъ, и, несмотря на раннее время и вѣтеръ, тропическая жара сдѣлалась чувствительной. Мы освѣжились кокосовымъ молокомъ, свѣтлымъ, почти безцвѣтнымъ, съ своеобразнымъ, но пріятнымъ вкусомъ. Въ орѣхѣ было такъ много освѣжительнаго напитка, около $1^1/_2$ литра, что мы при всемъ желаніи не могли выпить все и должны были вылить остатокъ.

Необычайно маленькія птички съ черно-синимъ блестящимъ опереніемъ и длиннымъ клювомъ, похожія на колибри, порхали на желтыхъ большихъ цвѣтахъ хлопчатника, и великолѣпныя ярко-черныя бабочки, около 10 сант. въ размахѣ крыльевъ, перелетали черезъ дорогу, когда мы возвращались къ берегу.

Та же шлюпка, съ оригинальными гребцами, на которой мы пріѣхали съ парохода, взяла насъ теперь обратно.

Было около 4 часовъ пополудни, когда мы прибыли къ острову Матупи. Островъ, покрытый густымъ пальмовымъ лѣсомъ изъ высокихъ „коралловыхъ“ деревьевъ казуаринъ, которыя по своему облику напоминили намъ наши сосны, нѣжными свѣтло-зелеными бананами и широколиственными темно-зелеными хлѣбными деревьями, представлялъ картину роскошной тропической растительности. Эту картину дополняли расположенныя на берегу хижины туземцевъ, выстроенныя изъ древесныхъ стволовъ, кокосовыхъ волоконъ и пальмовыхъ листьевъ; ихъ бурый цвѣтъ рѣзко выдѣлялся на сочной зелени окружающей растительности.

Лодка, управляемая голыми, сильными туземцами, пристала къ берегу. Намъ ранѣе говорили, что эти люди не знаютъ цѣны деньгамъ, и чтобы мы за ихъ работу платили не деньгами, а кусками матеріи, та-

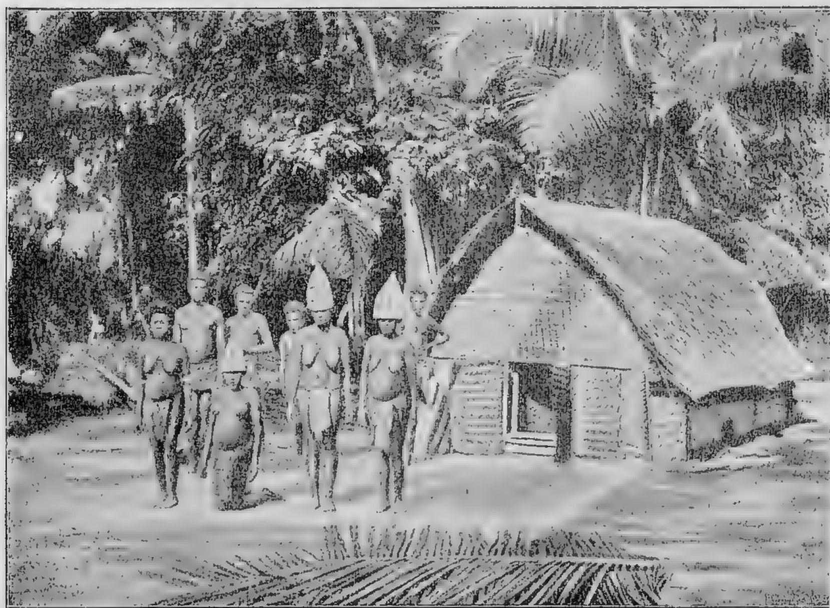

У береговъ Новой Гвинеи.

бакомъ или чѣмъ-либо подобнымъ; впослѣдствіи эти слова не совсѣмъ подтвердились.

Мы приготовили полдюжины воротничковъ, каждому гребцу по одному, и передали ихъ по прибытіи на берегъ рулевому; онъ съ радостью принялъ подарки и быстро спряталъ ихъ къ себѣ въ ящикъ у руля.

Первое, что намъ бросилось въ глаза по высадкѣ на берегъ, была доска, на которой былъ нарисованъ германскій орелъ и подъ нимъ подпись: „Императорское нѣмецкое почтовое агентство". Нѣсколько человѣкъ поселенцевъ привѣтствовало насъ и приглашало зайти къ нимъ. И дѣй-

Деревня на Новой Помераніи.

ствительно, почтовое агентство заслуживаетъ вниманія; помимо того, что оно служитъ для сношеній европейцевъ, разсѣявшихся по прилежащимъ островамъ, въ домѣ былъ даже небольшой музей, заключавшій въ себѣ предметы домашняго обихода, утварь, украшенія и оружіе туземцевъ. Тутъ были, напримѣръ, изображенія людей и звѣрей, сдѣланныя изъ дерева и окрашенныя, оружіе и другіе предметы весьма искусной отдѣлки. Мечи, копья были искусно приготовлены изъ камня (обсидіана), кромѣ того кистени, стрѣлы, сосуды для питья, глиняная посуда и т. п.

Хижины меланезійцевъ были всѣ открыты, такъ какъ воровать здѣсь нечего и некому. Только у нѣкоторыхъ домовъ мы могли замѣтить нѣкоторый признакъ прогресса: входъ въ хижину былъ закрытъ крышкой

отъ сундука—конечно, нѣмецкаго производства—и заперть висячимъ замкомъ. Какія сокровища хотѣлъ скрыть отъ взоровъ постороннихъ владѣлецъ этого дома? Далѣе наше вниманіе мы обратили на замѣчательно хорошо сдѣланныя, длинныя „canoe“—лодки, тщательно покрытыя пальмовыми листьями и лежавшія на пескѣ. Онѣ были съ бѣлыми полосами и пестро окрашены. Тутъ же на пескѣ лежала цѣлая куча красивыхъ плоскихъ коралловъ.

Съ громкимъ и веселымъ смѣхомъ насъ сопровождала въ нашей прогулкѣ толпа чернокожихъ дѣтей. Проворно, какъ кошки, взлѣзали они по тонкимъ стволамъ пальмъ, не охватывая ногами дерева, и вызывали наше общее удивленіе. Наступилъ вечеръ. Посѣтивши двѣ церкви острова — католическую и протестантскую, мы вернулись на нашъ пароходъ.

Отъѣздъ нашъ отъ острова Матупи былъ назначенъ на 6 августа. У насъ оставалось достаточно времени, чтобы еще разъ посѣтить островъ; намъ представилась возможность присутствовать на таинственномъ танцѣ „дукъ-дукъ“, который былъ назначенъ въ честь одного европейца, уѣзжавшаго съ острова. Мы прибыли на островъ въ лодкѣ, украшенной флагомъ. Знойно-яркое солнце обливало насъ своими жгучими лучами, и мы были рады найти защиту отъ него въ тѣни высокоствольныхъ пальмъ. Насъ сопровождала толпа любопытныхъ, взрослыхъ и дѣтей, такъ падкихъ на табакъ; женщины, мужчины и дѣти всѣ курятъ, кто только можетъ курить. Нѣкоторыя изъ дѣтей были положительно красивы. Впрочемъ у нихъ мнѣ бросился въ глаза чрезмѣрно развитой животъ, что вѣроятно объясняется обиліемъ крахмала въ пищѣ.

Жители этого маленькаго острова знаютъ уже давно, что климатъ Матупи очень здоровъ, гораздо лучше, чѣмъ неподалеку, въ Гербертсгее. Поэтому они обыкновенно устраиваютъ свои поля на „материкѣ“—такъ называется тамъ полуостровъ Новой Помераніи, а сами живутъ на Матупи. Свои плантаціи туземцы обрабатываютъ очень тщательно, такъ же, какъ и европейцы. Конечно, женщины и дѣти исполняютъ при этомъ главныя работы. Такая плантація мало чѣмъ отличается отъ плантацій бѣлыхъ, главнымъ образомъ другими воздѣлываемыми растеніями. Житель Новой Помераніи воздѣлываетъ главнымъ образомъ ямсъ и таро — ихъ главнѣйшій пищевой продуктъ. Во то время, какъ женщины и дѣти работаютъ въ полѣ, мужчины идутъ ловить рыбу. Туземцы добродушны, по-дѣтски довѣрчивы и любезны въ обращеніи.

Старшина острова Матупи сообщилъ намъ, что танецъ „дукъ-дукъ“ состоится на расчищенной и огороженной полянѣ въ лѣсу. Этотъ старшина былъ весьма оригиналенъ. На короткихъ волнистыхъ волосахъ у него сидѣла фуражка почтоваго вѣдомства, прикрывая бородатое лицо. Старикъ жевалъ бетель и съ комической гордостью носилъ свою фуражку—знакъ власти. Старшины въ нѣмецкихъ колоніяхъ назначаются

правительствомъ, и такъ какъ здѣсь, среди дикарей, точно такъ же, какъ и въ Европѣ и вездѣ на землѣ, богатство доставляетъ и власть, то на эти мѣста выбираются только тѣ, кто пользуется среди своихъ сродичей вслѣдствіе извѣстнаго достатка большимъ вліяніемъ. Нашъ старшина выставлялъ на показъ свое богатство въ одеждѣ. Подъ его рубашкой, бывшей нѣкогда бѣлой—это былъ навѣрно единственный житель Матупи, который имѣлъ рубашку—виднѣлись цвѣтные платки; опоясанъ онъ былъ бѣлой лава-лавой.

Когда мы прибыли на мѣсто, назначенное для пляски, насъ привѣтствовалъ предводитель, крѣпко пожавъ каждому изъ насъ руку и произнеся обычное привѣтствіе по-нѣмецки; вѣроятно, это единственныя слова, которыя онъ зналъ на нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ говорилъ онъ только на смѣшномъ пиджи-инглишъ *) языкѣ. Его санъ не помѣшалъ ему сѣсть съ своими сродичами на землю, на цыновки изъ пальмовыхъ листьевъ, ударять пальцами въ продолговатый барабанъ, пѣть однообразную пѣсню, подъ которую прибывшіе между тѣмъ плясуны исполняли своеобразный танецъ. Эти плясуны пользуются большимъ почетомъ, считаются волшебниками и имѣютъ особые знаки, которые не долженъ знать никто изъ непосвященныхъ, особенно женщины. Послѣднія не могутъ совсѣмъ даже присутствовать при танцахъ—за исключеніемъ бѣлыхъ женщинъ.

Танецъ состоялъ изъ шаговъ въ тактъ съ изгибаніями и представлялъ дѣйствительно нѣчто интересное только потому, что эти люди при исполненіи своего танца надѣли особыя маски; эти маски среди шумящаго отъ вѣтра пальмоваго лѣса производили дѣйствительно сильное впечатлѣніе. Головной уборъ спускался до самой шеи, такъ что лицо было совсѣмъ скрыто. Маска представляла высокій, острый колпакъ изъ очень тонко сплетенныхъ и окрашенныхъ въ черную краску кокосовыхъ волоконъ и была разукрашена различными фигурами. На концѣ колпака развѣвался пучокъ бѣлыхъ и черныхъ пѣтушьихъ перьевъ. Верхняя часть туловища была окутана одеждой изъ многочисленныхъ пальмовыхъ листьевъ, такъ что, казалось, это шли бочки на тонкихъ голыхъ ногахъ.

Черные внимательно смотрѣли на танецъ и слушали однообразное пѣніе и ритмическіе удары барабана, такъ какъ танцующій дукъ-дукъ представляетъ духъ умершаго; этотъ духъ, по вѣрованію туземцевъ, появляется иногда на островѣ, т.-е. на Новой Помераніи (но не на остальныхъ островахъ), и наказываетъ всякаго, кому случится пройти по мѣсту, назначенному для дукъ-дука, если онъ не принадлежитъ къ кастѣ танцоровъ. Особенно преслѣдуются женщины, которыя изъ любопытства подслушиваютъ дѣла мужчинъ. Наказаніе состоитъ въ томъ, что танцорамъ платятъ извѣстное число каури, денегъ-раковинъ или диварра. Но что скрывается за этимъ таинственнымъ дукъ-дукъ, и есть ли какой-

*) Англійскій языкъ съ китайскимъ произношеніемъ.

нибудь тайный смыслъ всего этого обряда, трудно установить: жрецы дукъ-дукъ свято охраняютъ свою тайну. Одно можно сказать объ этомъ: новыхъ членовъ принимаютъ въ союзъ еще мальчиками.

Когда кто-нибудь пожелаетъ вступить въ этотъ тайный союзъ, его приводятъ еще молодымъ мальчикомъ на танецъ, т.-е. онъ платитъ диварра и имѣетъ право посѣщать мѣсто танцевъ и смотрѣть на нихъ. Такъ продолжается много лѣтъ. Только гораздо позднѣе, и дорогой цѣной, уплатой 50—75 марокъ, онъ можетъ быть посвященъ во всѣ тайны союза и выступить самъ какъ танцоръ дукъ-дукъ, олицетворяя духъ одного изъ умершихъ. Тогда онъ дѣлается изъ простого вѣрующаго посвященнымъ, мудрымъ.

Одежда по окончаніи танца должна быть тщательно спрятана, такъ какъ для непосвященныхъ вмѣстѣ съ духомъ должна исчезнуть и одежда. Тайный союзъ послѣдователей дукъ-дукъ, опираясь на невѣжество и легковѣріе черныхъ, пользуется огромнымъ вліяніемъ на островѣ.

По окончаніи танцевъ мы охотно приняли приглашеніе одного изъ живущихъ здѣсь нѣмцевъ, который угостилъ насъ прохладительнымъ напиткомъ и подарилъ намъ стрѣлы туземцевъ. Отдѣлка оружія и утвари вызываютъ удивленіе всякаго, кто внимательно ихъ разсматриваетъ, и свидѣтельствуютъ о большомъ искусствѣ и прилежаніи туземцевъ, а также и о нѣкоторомъ вкусѣ. Какъ красиво, напр., украшены копья и стрѣлы разнообразными нарѣзками! Какъ искусно обдѣланъ ящичекъ, въ которомъ хранятся приготовленные для жеванія орѣхи бетеля, нарѣзанные кусками и обложенные известью и листьями перца.

Точно такъ же и музыкальные инструменты не рѣдко встрѣтить на этихъ островахъ. На Новой Помераніи часто встрѣчается деревянный инструментъ съ тремя зубцами и натянутой струной.

Жители Новаго Мекленбурга употребляютъ въ качествѣ музыкальнаго инструмента довольно длинную трубку изъ бамбука съ отверстіями на концахъ. Музыкантъ усаживается, граціозно закладывая одну ногу на другую, приставляетъ верхнее отверстіе трубы ко рту и дуетъ въ нее, другой рукой открывая то совсѣмъ, то наполовину нижнее отверстіе трубы.

У жителей Новаго Мекленбурга есть еще одинъ волшебный инструментъ. Если какому-нибудь бѣдняку нечѣмъ больше питаться, онъ прячется за деревьями въ лѣсу, неподалеку отъ селенія и начинаетъ играть на своемъ инструментѣ. Раздаются отрывистые звуки, которые производятъ свое дѣйствіе на жителей деревни. Всякій приходитъ и приноситъ „кайкай“, т.-е. на пропитаніе, что онъ можетъ дать. Обыкновенно даютъ бананы, кокосовые орѣхи, куски мяса до половины свиной туши. Все это кладется передъ деревомъ, и никто не заботится и не спрашиваетъ о томъ, кто играетъ. Когда спрятавшійся бѣднякъ сочтетъ достаточнымъ

для своего пропитанія, что ему дали доброхотные жертвователи, музыка прекращается.

Танецъ дукъ-дукъ.

При этомъ посѣщеніи острова намъ представился случай увидѣть настоящихъ „людоѣдовъ", которыхъ привезли сюда съ Адмиралтейскихъ острововъ въ качествѣ работниковъ. По своему виду они рѣзко отли-

чаются отъ туземцевъ Новой Помераніи и Архипелага Бисмарка вообще. Не только цвѣтъ кожи каннибаловъ былъ значительно темнѣе, но и ихъ волосы, не обезображенные известью, были болѣе курчавы и чернѣе, и въ выраженіи лицъ этихъ боязливыхъ людей было что-то грубое; у нихъ не было того добродушія, свободнаго смѣха, который такъ идетъ къ некрасивымъ лицамъ жителей Новой Помераніи и сообщаетъ ихъ лицамъ веселость и что-то дѣтское. Но все-таки эти сильные высокіе люди были очень живописны въ своихъ лавалава, съ искусно сдѣланными браслетами и подвѣсками въ ушахъ и высоко взбитыми волосами.

Къ вечеру нашъ пароходъ шелъ обратно въ Гербертсгее. Намъ махали на прощаніе флагами, и черные, большой толпой собравшіеся на берегу, кричали намъ „ура!"

На Соломоновыхъ островахъ.

(Гессе-Вартега.)

Далекіе Соломоновы острова составляютъ наименѣе извѣстное владѣніе европейцевъ. До 1900 года они составляли нѣмецкую колонію, а въ 1900 г. большая часть ихъ была уступлена Англіи.

Когда идетъ рѣчь о Полинезіи, то всѣ думаютъ прежде всего о наиболѣе извѣстныхъ островахъ, какъ, наприм., Самоа, Фиджи, Тонга, и представляютъ себѣ ихъ какъ типъ всѣхъ тысячъ острововъ, которыми усѣянъ Великій океанъ. Въ воображеніи такихъ людей рисуются красивые, счастливые туземцы, какъ, напримѣръ, самоанцы, украшенные цвѣтами, пышная тропическая растительность, окружающая ихъ хижины, вѣчно ясное небо; такимъ людямъ кажется верхомъ счастья—побывать на этихъ островахъ и прожить тамъ нѣсколько лѣтъ.

Къ сожалѣнію, не всѣ острова таковы, какъ Самоа, по крайней мѣрѣ, Соломоновы острова. Правда, растительность тамъ такая же, какъ и на первыхъ, но только если европейцы попытались бы поселиться въ этою „раю земномъ", они, вѣроятно, въ скоромъ времени были бы перебиты туземцами, если только не сдѣлались бы ранѣе жертвою убійственныхъ лихорадокъ, свирѣпствующихъ по берегамъ.

Исторія Соломоновыхъ острововъ полна такихъ печальныхъ эпизодовъ, и хотя архипелагъ этотъ былъ открытъ уже давно и находится поблизости отъ австралійскаго континента, однако на всѣхъ, болѣе чѣмъ сотнѣ острововъ, живетъ мало европейцевъ, обитающихъ преимущественно на мелкихъ островахъ, гдѣ они чувствуютъ себя въ сравнительной безопасности отъ жестокихъ туземцевъ.

Съ моря Соломоновы острова производятъ мрачное впечатлѣніе. Когда я въ маѣ 1900 года на нѣмецкомъ крейсерѣ плылъ отъ архипелага Бисмарка къ Самоа, мы плыли иногда вблизи береговъ; море, здѣсь

еще неизслѣдованное, усѣяно между островами скалами, и мы были очень обрадованы, когда, наконецъ, оно осталось позади насъ и передъ нами открылась широкая гладь океана. Угрожающе подымаются на самомъ большомъ островѣ, Бугэнвиллѣ, цѣпи вулканическихъ горъ, возвышаясь одна надъ другой, споря другъ съ другомъ смѣлыми, изломанными очертаніями; онѣ подымаются непосредственно отъ берега на высоту двухъ и трехъ тысячъ метровъ, а надъ всѣми ними царитъ вулканъ Бальби, высотой болѣе 3 тысячъ метровъ,—высшая гора на всемъ архипелагѣ. Къ югу отъ Бугэнвилля мы прошли мимо Сортландскихъ острововъ, на которыхъ нѣсколько миссіонерствъ, купцы и плантаторы всей нѣмецкой части Соломоновыхъ острововъ нашли возможность основаться. Всѣ остальные острова представляютъ совершенно неизслѣдованную область. Командиръ нашего крейсера намѣревался пристать къ этимъ островамъ. Они лежатъ всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Бугэнвилля, съ которымъ туземцы ведутъ оживленную торговлю. Жители этихъ острововъ, по справедливости, считаются самыми коварными и злобными врагами всѣхъ чужеземцевъ; причину этого надо видѣть ни въ комъ другомъ, какъ въ испанцахъ, которые въ прошлые вѣка такъ ужасно хозяйничали вездѣ. Имъ принадлежитъ и открытіе большей части этимъ острововъ. При открытіи этихъ острововъ испанцами отношенія къ нимъ туземцевъ были, однако, самыя лучшія. Одинъ изъ современниковъ описываетъ дружескія встрѣчи, которыя устраивали туземцы повсюду испанскимъ кораблямъ; правда, онѣ иногда сопровождались страшными доказательствами дружбы. Когда, например, испанцы прибыли къ берегамъ острова Изабелла, князь острова послалъ испанскому генералу въ подарокъ кусокъ убитаго мальчика.

То, что испанцы встрѣчали подобныя дружескія чувства, было понятно, но не нужно было организовать экспедиціи внутрь острововъ, когда, напримѣръ, въ семь дней были сожжены всѣ дома и склады туземцевъ, а сами они всѣ до послѣдняго перебиты. Затѣмъ испанцы отняли у ничего не ожидавшихъ туземцевъ ихъ лодки, заманили ихъ на корабли, чтобы перехватить всѣхъ, или же предпринимали новые набѣги на страну.

Вслѣдъ за испанцами прибыли англійскіе рабовладѣльческіе корабли, чтобы захватить хитростью и силой туземцевъ и отвезти на плантаціи въ Квинстоунъ или на острова Фиджи, откуда они врядъ ли когда-либо могли попасть на родину. Удивительно ли послѣ этого, что населеніе Соломоновыхъ острововъ такъ враждебно относится къ бѣлымъ и платитъ имъ за зло зломъ. Въ то время, какъ они должны были защищаться отъ чужестранцевъ со стороны моря, на большихъ островахъ, особенно на Бугэнвиллѣ, жили враги ихъ племени, съ которыми они живутъ въ непрерывной враждѣ и отъ которыхъ они отличаются и по

языку. Даже жители побережья имѣютъ свои различныя нарѣчія; и на Бугэнвиллѣ, который имѣетъ всего около 10.000 квадр. килом. съ тридцатью тысячами жителей, тѣмъ не менѣе существуетъ болѣе тридцати различныхъ языковъ.

На Бугэнвиллѣ въ послѣднее время опять основалось миссіонерство. Такъ какъ туземцы внутренней части острова никогда не приходятъ къ берегамъ, то они еще до сихъ поръ не видѣли бѣлыхъ и при первомъ появленіи чуждыхъ имъ людей бѣжали въ лѣса. Но когда они увидѣли, что бѣлые имъ ничего дурного не дѣлаютъ, ихъ страхъ улегся и они понемногу возвратились. По словамъ миссіонеровъ, они такіе же высокіе и сильные люди, какъ и прибрежные жители. Конечно, они совершенно не одѣваются; когда нѣмецкій миссіонеръ, желая завязать знакомство съ однимъ князькомъ, подарилъ ему кусокъ ткани, тотъ свернулъ его медленно и сунулъ подъ руку.

Житель Соломоновыхъ острововъ.

Деревни ихъ бываютъ расположены, какъ средневѣковые города въ Европѣ, на крутыхъ вершинахъ горъ или выступахъ скалъ для защиты отъ разбойническихъ нападеній прибрежныхъ жителей. Для этой же цѣли они держатъ на самыхъ высокихъ деревьяхъ сторожей, которые живутъ на вѣтвяхъ въ особыхъ домахъ; сообщеніе съ „земными людьми" поддерживается при помощи лѣстницъ, сплетенныхъ изъ ліанъ.

То здѣсь, то тамъ можно видѣть и по берегу океана деревни прибрежныхъ жителей; расположены онѣ или на крутыхъ скалахъ, или на деревьяхъ. Нѣкоторые изъ такихъ „домовъ на деревьяхъ" находятся на 20 и 30 метровъ выше поверхности земли и издалека имѣютъ видъ

огромныхъ птичьихъ гнѣздъ. Въ поперечникѣ они имѣютъ около шести метровъ и обнесены кругомъ галлерей.

Главное занятіе жителей острова Бугэнвилля составляетъ приготовленіе копій, луковъ и стрѣлъ, въ чемъ они большіе мастера. Копья и стрѣлы обыкновенно бываютъ усѣяны многочисленными, обращенными назадъ зазубринами, такъ что разъ, напримѣръ, стрѣла вошла въ тѣло, ее невозможно вынуть оттуда. Бывшіе прежде въ употребленіи кистени теперь замѣняются желѣзными топорами, которые привезли имъ европейскіе торговцы взамѣнъ за туземные продукты. Туземцы приготовляютъ также очень красивыя лодки съ высоко загнутыми носами; въ нѣкоторыя изъ такихъ лодокъ могутъ сѣсть до пятидесяти человѣкъ. Женщины изготовляютъ глиняную посуду и цыновки. На Сортландскихъ островахъ не выдѣлываютъ вовсе оружія; зато туземцы этихъ острововъ ѣздятъ съ европейскими товарами, матеріями, бусами, ножами, табакомъ, пріобрѣтенными ими отъ купцовъ, къ побережью Бугэнвилля, отстоящаго только въ пяти часахъ пути, или сѣвернѣе къ острову Бука, и тамъ вымѣниваютъ на привезенные товары оружіе.

Вообще среди туземцевъ этихъ острововъ идетъ оживленная мѣновая торговля. Раковины, которыя служатъ обыкновенной монетой на архипелагѣ Бисмарка, на Соломоновыхъ островахъ не въ такомъ ходу; островитяне могутъ считать только до десяти, а въ нѣкоторыхъ областяхъ только до пяти. Поэтому они удовлетворяютъ свои потребности мѣновой торговлей. Даже враждующіе другъ съ другомъ жители побережья и горные жители ведутъ живой обмѣнъ продуктами и такъ, что они при этомъ не видятъ другъ друга. Именно, въ лѣсу между двумя мѣстностями извѣстны такія мѣста, куда прибрежные жители приносятъ цѣнимые горными туземцами соленую воду и другіе предметы. Придя туда вторично по прошествіи нѣкотораго времени, они находятъ вмѣсто исчезнувшихъ товаровъ другіе, которые оставили имъ горные туземцы.

Женщины на Бугэнвиллѣ ведутъ дѣятельную жизнь. Онѣ не только готовятъ кушанье и работаютъ по хозяйству, но и обрабатываютъ плантаціи, должны сносить продукты земледѣлія къ берегу и т. д. Обиліе женщинъ влечетъ за собой полное рабство ихъ и смертность дѣтей. Каждый имѣетъ столько женъ, сколько онъ можетъ купить; еще недавно при смерти господина часть его женъ избивалась, а остальныя дѣлились между сыновьями умершаго.

Было бы большой ошибкой обобщать обычаи, которые господствуютъ на одномъ островѣ Соломонова архипелага. Такъ, напр., туземцы всей этой области извѣстны какъ страстные охотники за черепами. Не всегда при этомъ бываетъ людоѣдство; многія экспедиціи предпринимаются ими только затѣмъ, чтобы собрать возможно большее число человѣческихъ головъ; жертвой этого ужаснаго обычая пало уже много бѣлыхъ. Одинъ

англійскій докторъ разсказываетъ, что за голову человѣка, который почему-либо сдѣлался ненавистнымъ въ какой-нибудь деревнѣ, назначается извѣстное вознагражденіе. Убійство обыкновенно совершается профессіональнымъ „охотникомъ за человѣческими черепами", который для этого разузнаетъ всѣ привычки обреченнаго на смерть человѣка, его образъ жизни и его сосѣдей, такъ какъ товарищи присужденнаго къ смерти стараются въ свою очередь, подыскавъ удобный моментъ, убить самого охотника. Головы убитыхъ выставляются какъ украшеніе въ общественныхъ домахъ, и если строятся такіе дома, то они сопровождаются обыкновенно убіеніемъ рабовъ, которые при этомъ съѣдаются. На островѣ Шоазель такіе охотники изъ одной только жажды къ убійству обезлюдили цѣлые округа, а теперь это тѣмъ легче сдѣлать, такъ какъ англійскіе катера привезли туда большое количество огнестрѣльнаго оружія. Европейскіе купцы рано или поздно дѣлаются также жертвами убійцъ. Каждый годъ становятся извѣстными такіе случаи.

Въ то время какъ на восточныхъ островахъ такъ хозяйничаютъ убійцы, на нѣмецкихъ островахъ Бугэнвиллѣ и Бука этотъ безчеловѣчный обычай неизвѣстенъ.

Каждый островъ имѣетъ свои собственные обычаи, на каждой береговой полосѣ говорятъ своимъ языкомъ, къ тому же туземцы сами по своей наружности, волосамъ и украшеніямъ также представляютъ большія различія. Напримѣръ, жители острова Бука имѣютъ совершенно черную кожу, на Бугэнвиллѣ—сѣро-черную, на Шоазелѣ—темно-коричневую, на о-вѣ Изабеллы—свѣтло-коричневую. На архипелагѣ Бисмарка туземцевъ острова Бука охотно берутъ въ качествѣ работниковъ на плантаціяхъ; изъ нихъ также набираются по большей части черные солдаты. Это—большіе, сильные люди съ серьезнымъ, почти мрачнымъ выраженіемъ лица. Большинство ихъ имѣютъ на лицѣ, верхней части рукъ и груди, какъ украшеніе, надрѣзы, а на нѣкоторыхъ восточныхъ островахъ даже молодыя дѣвушки имѣютъ такія же украшенія на лицѣ.

Интересенъ головной уборъ, который на островѣ Бука должны носить юноши до женитьбы. Они должны отправиться въ особенныя, скрытыя въ лѣсахъ, хижины, гдѣ они получаютъ плетеную шляпу въ видѣ пузыря; волосы растутъ въ шляпу. Когда волосы вырастутъ достаточно, такъ что шляпа выполнена и удерживается ими, тогда они вмѣстѣ съ шляпой обрѣзаются, и молодой человѣкъ можетъ вступать въ бракъ.

Каролинскіе острова.

(Дайбера.)

Приблизительно три съ половиной дня продолжается однообразное путешествіе отъ земли Императора Вильгельма до Понапе. Это самый

важный и большой, хотя и не самый населенный изъ острововъ Каролинской группы. Дважды мы проходили мимо острововъ, причисляющихся къ Адмиралтейскому архипелагу, и тогда можно было ясно различить хижины чернокожихъ туземцевъ, скрытыя между кокосовыми пальмами, а затѣмъ снова путешествіе наше тянулось съ прежнимъ однообразіемъ и передъ глазами разстилались лишь одна вода да сводъ небесный.

11-го августа мы пересѣкли экваторъ подъ самымъ 150° восточной долготы. Жара становилась съ часа на часъ невыносимѣе; въ тихомъ, неподвижномъ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго дуновенія, а дымъ прямо, какъ столбъ, подымался въ высь изъ трубы нашего парохода. Все жаждало хоть малѣйшаго вѣтерка!

Желанный вѣтерокъ набѣжалъ только ночью, и пошелъ дождь, но душный воздухъ мало освѣжился. Утро было хмурое, сѣренькое. Около 8 часовъ утра 13 августа мы были на широтѣ Понапе, одного изъ многочисленныхъ острововъ Каролинскаго архипелага. Эти острова по большей части расположены на большомъ разстояніи другъ отъ друга и разсѣяны на поверхности, приблизительно равной Средиземному морю. Они представляютъ изъ себя атоллы чисто каралловаго происхожденія и между ними возвышаются только пять вулканическихъ острововъ. Издали Понапе имѣетъ видъ длиннаго острова, постепенно повышающагося съ юго-востока на сѣверо-западъ, съ причудливо изрѣзанными вершинами горъ. Островъ имѣетъ нѣсколько мелководныхъ гаваней, и мы направились къ сѣверной изъ нихъ, которая считается наилучшей и на которой находятся зданія правительственныхъ учрежденій.

Дождь, который, какъ намъ сказали, выпадаетъ на островѣ Понапе въ очень большомъ количествѣ, пересталъ, хотя очертанія горъ до полудня скрывались въ туманѣ. Цѣлыхъ полтора часа намъ пришлось дожидаться лоцмана у входа въ гавань, и на досугѣ мы стали разглядывать странныя образованія скалъ и горныхъ вершинъ, которыя уже своею формою изобличаютъ вулканическое происхожденіе. На берегу, повидимому, насъ уже замѣтили, потому что на крышѣ одного изъ строеній взвился германскій флагъ.

Когда, наконецъ, прибылъ лоцманъ, бывшій въ то же время и капитаномъ гавани, мы узнали, что пріѣхали совершенно неожиданно и что никто не знаетъ ничего опредѣленнаго о новой линіи сѣверо-германскаго Ллойда. Никакія вѣсти о послѣднихъ политическихъ событіяхъ не дошли до этой страны, отрѣзанной отъ всего міра. Послѣдняя почта была отправлена на Каролинскіе острова въ январѣ 1900 года! Поэтому европейцы, живущіе въ Понапе, очень обрадовались и удивились, когда узнали, что будутъ имѣть восемь разъ въ году непосредственное почтовое сношеніе съ Европой, попремѣнно, разъ черезъ Гонконгъ и разъ черезъ Сидней.

Мы стали въѣзжать въ гавань, очень мелководную и защищенную отъ моря громаднымъ кольцомъ коралловыхъ рифовъ, въ которомъ только въ одномъ мѣстѣ остался узкій прорывъ для въѣзда судовъ. Между этимъ громаднымъ барьернымъ рифомъ и островомъ находится цѣлый рядъ атолловъ. Образованіе атолловъ началось уже и на большомъ рифѣ.

Среди коралловъ мадрепоры—самые прилежные и дѣятельные строители острововъ. Эти животныя, состоящія изъ слизистыхъ клѣточекъ, выдѣляютъ известковую массу, которая покрываетъ ихъ сплошь. Размноженіе происходитъ какъ путемъ почкованія, такъ и яйцами, при чемъ новыя поколѣнія не отдѣляются отъ старыхъ, а скрѣпляются съ ними однимъ общимъ густымъ известковымъ слоемъ, сообщающимъ всей колоніи съ его живыми и отмершими членами большую устойчивость, и образуютъ какъ бы живой стволъ, изъ котораго выростаютъ все новые и новые коралловые отростки. Обломавшіяся части падаютъ на живую почву, море приноситъ раковины и другіе остатки растительной и животной жизни и все это покрывается известью и образуется крѣпкій валъ, или коралловый рифъ. Когда такой рифъ достигнетъ поверхности воды, кораллы отмираютъ, и онъ превращается въ твердый известковый валъ, который все увеличивается, вслѣдствіе застревающихъ на немъ морскихъ отбросовъ, и наконецъ превращается въ выступающій изъ воды островъ. Коралловыя постройки должны имѣть подъ собою твердую скалистую почву, не глубже 40 метровъ отъ поверхности морской воды. Онѣ или непосредственно примыкаютъ къ видимой береговой линіи и тогда образуютъ такъ называемый береговой рифъ, или же идутъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега и отдѣляются отъ него полосою воды—такъ возникаютъ барьерные рифы. Часто кораллы окружаютъ скрытый подъ водою островъ, и тогда на поверхности моря видно только одно коралловое кольцо, которое вмѣсто суши опоясываетъ тихую морскую гладь, такъ называемую лагуну. Такая коралловая постройка называется атолломъ и принимаетъ очень неправильныя очертанія, иногда эллипсиса и только въ рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ видъ круга. Въ лагунѣ бываетъ одинъ, а иногда и нѣсколько входовъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ атолловъ расположены невидимые для глаза подводные рифы, очень опасные для мореплавателей. На аттолахъ часто выростаютъ, безъ всякой помощи человѣка, лѣса кокосовыхъ пальмъ.

Своеобразная, трехгранная форма кокосоваго орѣха много способствуетъ распространенію и размноженію кокосовыхъ лѣсовъ. Пальма эта, какъ извѣстно, растетъ по большей части на берегу морей или рѣкъ. Зрѣлые орѣхи часто падаютъ въ воду и плывутъ по ней. При этомъ одна изъ граней орѣха погружается въ воду, образуя какъ бы киль, а вѣтеръ свободно дуетъ на верхнюю поверхность его и гонитъ впередъ, пока орѣхъ не застрянетъ гдѣ-нибудь на побережьѣ или корал-

ловомъ рифѣ, гдѣ пускаетъ корни и въ скоромъ времени превращается въ великолѣпную пальму.

Атоллы бываютъ въ жаркомъ поясѣ, такъ какъ кораллы могутъ жить только въ водѣ, температура которой никогда не падаетъ ниже 18° С. Поэтому въ Атлантическомъ океанѣ они, сравнительно, рѣдки, въ Индѣйскомъ океанѣ ихъ больше, а богаче всего ими Тихій океанъ.

Медленно и осторожно въѣзжали мы въ гавань Понапе, огибая многочисленные мелкіе коралловые островки, густо поросшіе мангровыми деревьями. Въ тропическихъ странахъ этотъ кустарникъ окаймляетъ морскіе или рѣчные болотистые берега, и покрываетъ ихъ непроницаемой чащей, такъ какъ вѣтви ихъ опускаются въ болотистую почву, гдѣ пускаютъ новые корни. Такимъ образомъ возникаетъ новое самостоятельное растеніе. Море способствуетъ произрастанію этого растенія, требующаго много солей для того, чтобы развиваться хорошо и пышно. Древесина мангровыхъ деревьевъ очень цѣнна, а кора—хорошее красящее и дубильное вещество. Около Понапе мангровыя деревья вырастаютъ прямо со дна моря, которое въ такихъ мѣстахъ не глубже одного фута. Вода здѣсь долго застаивается и издаетъ дурный запахъ.

Плыть на нашемъ большомъ суднѣ, которое сидѣло въ водѣ на $26^1/_2$ футовъ, было чрезвычайно опасно. Но вотъ, наконецъ, мы бросили якорь близъ маленькаго островка, въ трехъ километрахъ отъ гавани Лонгаръ.

Въ водѣ, возлѣ киля нашего судна, возились акулы и громадныя рыбы-мечи, выжидая добычу. Когда имъ кинули изъ кухни отбросы, онѣ моментально повернулись на спины, такъ что рты ихъ очутились на верху. На островкѣ, къ которому мы пристали, стоитъ домъ капитана гавани, нѣсколько хижинъ туземцевъ и амбары, куда на ботикахъ мы переправили кладь привезенную для Понапе, а именно, около 70 тоннъ рельсовъ, доски и т. д., и приняли оттуда 400 тоннъ „каменныхъ“ орѣховъ.

Этотъ орѣхъ, извѣстный въ торговлѣ подъ названіемъ растительной слоновой кости, есть не что иное, какъ затвердѣвшій однородный бѣлокъ сѣмени слоновой пальмы (Phytelephas macrocarpa), родина которой—Южная Америка. Плодъ слоновой пальмы похожъ на большую ягоду съ сладкимъ, съѣдобнымъ мясомъ и шестью или семью орѣхообразными сѣменами. Бѣлокъ сѣмени, сначала жидкій, потомъ мягкій, какъ миндаль, въ концѣ-концовъ превращается въ твердую, какъ кость, массу бѣловатаго, блѣдно-зеленаго или свѣтло-коричневаго цвѣта, къ которой вполнѣ подходитъ названіе „каменный орѣхъ“. Растительная слоновая кость легко поддается токарной обработкѣ, рѣзьбѣ и окраскѣ и поэтому употребляется для изготовленія разнороднаго га-

лантерейнаго товара, какъ-то: костяныхъ пуговицъ, поддѣльныхъ кораллов и поддѣльной бирюзы.

Переправа съ нашего судна въ гавань Лонгаръ, которая во времена владычества испанцевъ называлась С.-Яго, продолжалась очень долго, потому что воды было чрезвычайно мало и даже въ лодкахъ приходилось все время ѣхать зигзагами. Солнце жгучими лучами нагрѣвало воду, и мы были рады, когда, наконецъ, причалили къ берегу. Слѣды недавняго пребыванія здѣсь испанцевъ были видны на каждомъ шагу. Куда ни ступитъ нога этого наихудшаго изъ колонизаторовъ, испанца, вездѣ, вмѣсто культурнаго прогресса и благосостоянія, замѣтны лишь одни слѣды разрушенія, насильственныхъ мѣръ надъ туземцами и его учрежденіями и вообще полнѣйшій упадокъ.

Пара старыхъ, покрытыхъ ржавчиной пушекъ старинной конструкціи, безъ лафетовъ, стояла на берегу. Старая крѣпостная стѣна съ бойницами, воротами и подъемнымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ безводный крѣпостной ровъ, окружала это маленькое мѣстечко. Цитадель крѣпости уничтожена послѣ перехода Каролинскихъ острововъ во владычество нѣмцевъ (въ 1889 году они были куплены за 25 мил. испанскихъ пезетъ—$8^1/_2$ мил. рублей). Германія живетъ въ ладу и мирѣ съ туземцами, тогда какъ испанцевъ они ненавидѣли и постоянно враждовали съ ними, такъ какъ обращеніе послѣднихъ съ обитателями Каролинскихъ острововъ, а въ особенности съ жителями Понапе было крайне грубо. Стоило только какому-нибудь изъ испанскихъ солдатъ появиться внѣ крѣпостной стѣны, его неминуемо убивали. Теперь все стало иначе, и каролинцы рады перемѣнѣ владычества.

Зданіе казеннаго правленія относится еще къ временамъ испанскаго владычества и лежитъ на возвышенности. Небольшой, очень красивый садикъ лежитъ въ серединѣ построеннаго вокругъ него четырехугольникомъ деревяннаго зданія, очень представительнаго, но уже изрядно попорченнаго. Комнаты высоки, просторны, и резиденція губернатора производитъ впечатлѣніе довольно уютной квартиры. За домомъ простирается огромный садъ, съ массою красивыхъ уголковъ для отдыха и съ всевозможными тропическими растеніями. Этотъ еще молодой садъ, пожалуй, единственное благоустроенное мѣстечко на всемъ островѣ. Онъ не обнесенъ оградою, доступенъ всѣмъ и переходитъ, наконецъ, въ огромную поляну, на которой стоитъ нѣчто въ родѣ казармы. Темнокожія фигуры въ желтыхъ костюмахъ, съ шапками нѣмецкаго образца, стояли въ дверяхъ или слонялись по полянкѣ. Повидимому, ихъ не такъ безпокоила невыносимая жара тропическаго лѣтняго дня, какъ насъ.

Простенькая церковь, украшенная образами дѣтски первобытнаго письма, тоже пріютилась внутри крѣпостного вала. Три настоятеля и семь братьевъ-монаховъ живутъ за тонкими дощатыми стѣнами малень-

каго монастыря. Они приняли насъ очень радушно, показали церковь и надѣлили цвѣтами изъ маленькаго монастырскаго садика. Посѣтивъ монастырь, мы вышли изъ тѣсныхъ крѣпостныхъ воротъ, перешли узкій подъемный мостъ и очутились среди дикой природы Каролинскихъ острововъ. Дорога вся поросла травой, растительность одичала и среди банановъ, ананасовъ и дынныхъ деревьевъ росъ и процвѣталъ бурьянъ и протягивались отъ дерева къ дереву ліаны. Далѣе шелъ низкій кустарникъ, а за нимъ первобытный лѣсъ, который сплошь покрываетъ весь островъ.

Нѣмцы еще не дѣлали попытокъ съ разведеніемъ плантацій, хотя по-

Домъ на Каролинскихъ островахъ.

дошвы горъ и равнины, не занятыя туземцами, повидимому, очень пригодны для этой цѣли. Почва въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень плодородна и лучше всего произрастаетъ на ней, какъ намъ говорили, какао и такъ назыв. манильская конопля, чему способствуетъ, конечно, подходящій климатъ. Кромѣ того, въ Понапе очень удобно разводить скотъ, а расчистивъ первобытный лѣсъ, можно было бы разсадить тамъ и благородные сорта деревьевъ.

Кокосовая пальма въ самомъ Понапе не особенно хорошо произрастаетъ, но главные предметы вывоза все-таки копра и каменные орѣхи.

Насъ поразило также большое количество одичавшихъ ананасовъ, которые разрослись и въ оградѣ, и близъ крѣпостной стѣны,—словомъ

вездѣ, гдѣ только было возможно, и представляли изъ себя чудные экземпляры. Родина этого безусловно лучшаго овоща тропиковъ—Бразилія. Растеніе это имѣетъ длинные, узкіе, колючіе, по краямъ мохнатые листья. Простой, короткій стволъ кончается наверху кроной изъ листьевъ, подъ которыми сидитъ масса маленькихъ голубыхъ цвѣтовъ, изъ которыхъ образуются впослѣдствіи желтыя ягоды, срастающіяся другъ съ другомъ и образующія соплодіе съ очень нѣжнымъ вкусомъ и пріятнымъ ароматомъ. Ананасы разводятъ или корневыми отростками или садятъ въ землю кроны спѣлыхъ ананасовъ. Европейцы распространили это растеніе во всѣхъ тропическихъ странахъ и теперь его повсемѣстно разводятъ въ большомъ количествѣ, въ особенности же въ Вестъ-Индіи и на Багамскихъ островахъ, откуда ихъ отправляютъ въ Европу цѣлыми кораблями. Незрѣлые плоды можно прекрасно перевозить на далекія разстоянія и ихъ цѣлыми милліонами привозятъ въ сѣверную Европу изъ Вестъ-Индіи и Африки. Кромѣ того, листья ананаса состоятъ изъ волоконъ, длиною въ 1 метръ, которыя называются льномъ бромелія. Въ Бразиліи и въ Вестъ-Индіи изъ нихъ вырабатываются прекрасныя тончайшія кисейныя ткани, а изъ болѣе грубыхъ волоконъ изготовляются бичевки, веревки и канаты.

Туземцы главнымъ образомъ разводятъ таро, которое рядомъ съ плодомъ хлѣбнаго дерева составляетъ ихъ главную пищу.

Пять вулканическихъ острововъ Каролинской группы состоятъ изъ вывѣтрившагося базальта. Въ Понапе эта порода встрѣчается въ кристаллическомъ состояніи въ видѣ колоннъ, которыя прежде шли на постройку зданій. Съ древнихъ временъ въ Понапе сохранилось не мало гигантскихъ построекъ, которымъ нѣтъ равныхъ по величинѣ на всемъ побережьѣ Тихаго океана. Огромныя базальтовыя глыбы, въ 3—4 кубическихъ метра, взгромождены другъ на друга и образуютъ четырехугольную стѣну, внутри которой возвышается вторая такая же стѣна, а внутри второй третья. Вся постройка имѣетъ видъ крѣпости и вѣроятно прежде была воздвигнута съ этою цѣлью. Внутри послѣдней стѣны находятся гробницы древнихъ царей. Никто не знаетъ, какъ были построены эти гигантскія стѣны, и среди туземцевъ не существуетъ даже никакихъ преданій на этотъ счетъ. Судя по найденнымъ скелетамъ, народъ, строившій ихъ, принадлежалъ къ той же расѣ, какъ и нынѣшніе обитатели Каролинскихъ острововъ. Эти гигантскія стѣны находятся на маленькихъ, прилежащихъ къ Понапе, островкахъ, которые, вмѣстѣ взятые, образуютъ какъ бы одинъ общій городъ мертвецовъ, прорѣзанный многочисленными каналами. Судя по разсказамъ туземцевъ, внутри острова находится еще больше такихъ построекъ, но до сихъ поръ еще никто изъ европейцевъ не проникъ въ дебри первобытнаго лѣса Понапе. Впрочемъ, существованіе кокосовыхъ пальмъ въ глубинѣ

страны, на высокихъ горахъ, показываетъ, что тамъ когда-то жили люди, потому что кокосовая пальма вдали отъ моря появляется только какъ культурное растеніе.

Внѣ крѣпостного вала, въ гавани Лангаръ, находится всего нѣсколько домовъ европейцевъ и хижины туземцевъ. Подобно обитателямъ Маріанскихъ, Маршальскихъ и прочихъ острововъ Каролинскаго Архипелага, жители Понапе—микронезійцы. Они принадлежатъ къ той переходной расѣ, которую нельзя рѣзко отличить ни отъ меланезійцевъ, ни отъ полинезійцевъ. Во всякомъ случаѣ они далеко превосходятъ меланезійцевъ во всѣхъ отношеніяхъ. Сложены они крѣпко и хорошо, женщины ростомъ немного ниже мужчинъ. Цвѣтъ кожи у нихъ чрезвычайно разнообразенъ и можно встрѣтить коричневую окраску всѣхъ переходныхъ тоновъ отъ самаго свѣтлаго до самаго темнаго коричневаго цвѣта. Черные волосы совершенно гладки, хотя можно встрѣтить головы съ волнистыми волосами. Чудные бѣлые зубы придаютъ многимъ лицамъ почти что красивый видъ. Одѣяніе чрезвычайно разнообразно и во многихъ мѣстахъ совершенно европейскаго покроя. Мужчины, которые еще не успѣли поддаться европейской культурѣ, носятъ желтыя юбки, сдѣланныя изъ волоконъ пальмовыхъ листьевъ или изъ хибискуса. Женщинъ, въ прежнемъ одѣяніи „лава-лава“, видно очень мало; по большей части онѣ вполнѣ одѣты и носятъ короткія юбочки и нѣчто въ родѣ кофты. Татуировка, которая прежде была въ большомъ ходу, и теперь встрѣчается часто на икрахъ женщинъ, въ очень красивыхъ узорахъ. Рѣже можно ее видѣть на мужчинахъ. Искусно сотканныя туземныя ткани тоже отошли въ область прошедшаго. Широкіе шарфы, которые прежде носились съ гордостью, теперь встрѣчаются рѣдко и ежедневнымъ украшеніемъ остались только поясъ да головная повязка. Дѣвушки, а часто и молодые люди, носятъ на головѣ прелестные благоухающіе вѣнки, будто у нихъ вѣчный праздникъ. Они имѣютъ привѣтливую и привлекательную наружность и граціозно кланяются. Плодородная почва доставляетъ жителямъ Понапе пропитаніе безъ всякаго съ ихъ стороны труда и поэтому они облѣнились и боятся работы. Да и въ самомъ дѣлѣ, къ чему напрягать свои силы, когда все необходимое достается безъ всякаго труда, само собою? Море изобилуетъ рыбой, но добровольно никто не пойдетъ на ловлю, потому что гораздо легче и удобнѣе добыть для утоленія своего голода ананасы, таро, плодъ хлѣбнаго дерева, дыни и тыквы. Мясную пищу употребляютъ рѣдко. Особенно лакомымъ блюдомъ считаются собаки, которыя содержатся исключительно для кулинарныхъ цѣлей и особеннымъ образомъ откармливаются. Кромѣ собакъ, изъ домашнихъ животныхъ встрѣчаются еще кошки, свиньи, козы и немного рогатаго скота.

Хижины жителей выстроены изъ бамбуковыхъ палокъ и крыты паль-

мовыми листьями. Внутри онѣ раздѣлены на нѣсколько помѣщеній, снабженныхъ необходимою утварью. Кухня находится въ отдѣльной пристройкѣ, и тутъ же вблизи мы увидѣли еще третью постройку, запертую большимъ европейскаго типа замкомъ, для защиты отъ непрошенныхъ гостей; здѣсь, вѣроятно, хозяинъ всѣхъ этихъ строеній хранитъ свое лучшее оружіе, украшенія и другія драгоцѣнности. Дома состоятельныхъ туземцевъ имѣютъ то же распредѣленіе помѣщеній, только они уже сколочены изъ досокъ, а нерѣдко встрѣчаются въ Понапе и каменныя постройки, принадлежащія туземцамъ.

Какъ у всѣхъ островитянъ Тихаго океана, языкъ каролинцевъ представляетъ собою картину полнаго раздробленія. На островахъ господствуетъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ нарѣчій, такъ что зачастую жители архипелага совершенно не понимаютъ другъ друга.

Семь туземныхъ племенъ управлялись въ Понапе пятью царями, которые однако были не равнаго достоинства. Подчиненные дерзали приближаться къ своимъ царямъ не иначе, какъ на четвереенькахъ—этого требовалъ старинный строгій обычай, котораго никто не дерзалъ нарушить. Такимъ же образомъ привѣтствовали сначала и европейцевъ, но теперь этотъ унизительный способъ смѣнился обычнымъ нѣмецкимъ привѣтомъ.

И посейчасъ туземцами управляютъ ихъ цари, но только номинально, и имъ однимъ дозволено многоженство. Въ Понапе очень явно выраженъ кастовый духъ, и никогда высшія касты не смѣшиваются съ низшими.

Въ былое время мѣновая торговля была въ цвѣтущемъ состояніи, да и сейчасъ она заслуживаетъ вниманія. Къ предметамъ мѣновой торговли принадлежатъ: самодѣльныя ткани, паруса, веревки, снаряды для рыбной ловли, волокна китайской кожи, деревянная посуда, черепаха и разныя сдѣланныя изъ нея вещи, а въ особенности порошокъ желтаго корня куркумы. Еще въ глубокой древности было извѣстно красящее свойство порошка, добываемаго изъ деревянистаго корня растенія Curcuma longa. Въ Понапе его употребляютъ въ сыромъ видѣ, на другихъ островахъ Каролинскаго архипелага его сушатъ и ведутъ этимъ предметомъ бойкую торговлю.

Внутри страны Понапе теперь совершенно безлюденъ. Къ пышному побережному поясу изъ мангровыхъ деревьевъ непосредственно примыкаетъ подымающійся постепенно въ гору первобытный лѣсъ, настолько опутанный ліанами, что проникнуть въ него, повидимому, невозможно. Но насколько роскошно развивается на Каролинскихъ островахъ растительное царство, изобилующее прекрасными представителями арековой и другихъ пальмъ, бананами, бамбукомъ, гвоздичными деревьями, померанцами, сахарнымъ тростникомъ, таро, хлѣбнымъ деревомъ, разными видами хибискуса и т. д., настолько бѣдна фауна архипелага.

Изъ млекопитающихъ имѣются только однѣ крысы, да и тѣ, вѣроятно, завезены кораблями и теперь часто служатъ бичомъ для всей страны. Изъ нѣсколькихъ видовъ летучихъ мышей особеннаго вниманія заслуживаютъ летучія собаки, которыя питаются плодами.

Царство птицъ нѣсколько богаче, и найдено уже около 80 различныхъ видовъ, принадлежащихъ къ птицамъ индо-малайскаго архипелага. Особенное вниманіе обращаютъ на себя прелестно разрисованныя красногрудыя птички изъ породы попугаевъ, наши болотныя совы, грачи, а изъ пѣвцовъ какая-то родственная нашимъ дроздамъ птичка. Зато бабочекъ масса и онѣ пестрой вереницей носятся въ воздухѣ.

Новая Каледонія.

(Бесслера.)

Когда подъѣзжаешь къ Новой Каледоніи съ запада, передъ глазами прежде всего встаетъ изъ воды высокій, голый, рѣзко очерченный горный кряжъ, который по мѣрѣ приближенія превращается въ рядъ низкихъ холмовъ, поросшихъ рѣдкимъ лѣсомъ. Холмы эти подходятъ почти къ самому берегу, такъ что между ними и моремъ находится только узенькая полоска земли. Унылое впечатлѣніе, производимое бѣдностью растительности, нѣсколько смягчается разбросанными впереди маленькими островками, которые, хотя тоже не могутъ похвастаться богатствомъ и разнообразіемъ растительности, однако для путешественника, не избалованнаго долгимъ морскимъ переѣздомъ, представляютъ всю прелесть разнообразія. Выдающіеся далеко впередъ мысы образуютъ красивыя бухты, представляющія удобныя якорныя стоянки. При въѣздѣ въ самую значительную изъ нихъ, въ концѣ которой лежитъ Нумеа, главный городъ колоніи французскихъ ссыльныхъ, можно замѣтить налѣво маленькій островокъ, совершенно окруженный высокими, чрезвычайно толстыми стѣнами; это—одно изъ мѣстъ, гдѣ живутъ ссыльные; на высотахъ праваго холмистаго берега построены казармы и оттуда сверху внизъ угрожающе смотрятъ пушки. Между ними лежитъ городъ, который отсюда, благодаря своимъ высокимъ каменнымъ постройкамъ, выглядитъ лучше, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности. Гавань очень удобна и доступна даже для самыхъ большихъ судовъ, которыя могутъ подходить вплотную къ пристани, выстроенной у самаго берега.

Островъ славится богатствомъ нѣкоторыми металлами: никкелемъ, хромомъ и кобальтомъ; зато почва его не особенно плодородна, тѣмъ не менѣе на ней произрастаютъ таро, ямсъ, бананы, а также рисъ, маисъ, кофе, сахарный тростникъ, кокосовая пальма и многія другія растенія. Большія надежды возлагаются на разведеніе рогатаго скота, для овецъ же климатъ и луговая растительность оказываются неблаго-

пріятными. Поэтому почти всѣ съѣстные припасы для бѣлыхъ привозятся на островъ, что, конечно, удорожаетъ содержаніе ссыльныхъ. Послѣдними обыкновенно пользуются при проведеніи дорогъ и постройкѣ правительственныхъ зданій. Поэтому дороги въ окрестностяхъ Нумеи находятся въ превосходномъ состояніи, а большинство общественныхъ зданій, включая сюда казармы и тюрьмы, представляютъ солидныя каменныя постройки, кругомъ которыхъ ютятся дома, крытые волнистымъ желѣзомъ и имѣющіе, какъ всѣ дома подъ тропиками, видъ бараковъ.

Вообще же Нумеа представляетъ мало привлекательнаго. Улицы широки, не защищены отъ солнца и пыльны; двѣ гостиницы, имѣющіяся въ городѣ, плохи, французскій театръ нѣсколько лучше. Достопримѣчательностей въ городѣ нѣтъ. Два раза въ недѣлю на площади „кокосовыхъ пальмъ", находящейся въ центрѣ города, играетъ оркестръ музыкантовъ изъ ссыльныхъ. Это единственное развлеченіе для здѣшнихъ жителей, не принадлежащихъ къ ссыльнымъ; на случай возмущенія послѣднихъ здѣсь расположены значительные отряды войскъ и, кромѣ того, въ гавани всегда стоитъ нѣсколько военныхъ кораблей. Впрочемъ, общественная безопасность на островѣ не оставляетъ желать ничего лучшаго; преступленія случаются крайне рѣдко, несмотря на то, что на островѣ живетъ около 4.000 ссыльныхъ, пользующихся полной свободой и подчиненныхъ только полицейскому надзору. Эту категорію составляютъ тѣ преступники, которые по отбытіи своего наказанія могутъ покинуть островъ не ранѣе, какъ проживъ тамъ опредѣленное число лѣтъ, соотвѣтствующее степени ихъ наказанія. Приговоренные болѣе чѣмъ къ 8-милѣтнему наказанію навсегда остаются на островѣ. Число ссыльныхъ, заключенныхъ въ тюрьмахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя лежатъ на маленькихъ островкахъ, окружающихъ главный островъ, достигаетъ почти 8.000. Кромѣ ссыльныхъ, здѣсь живетъ еще около 6.000 бѣлыхъ, изъ которыхъ около 600 иностранцевъ, т.-е. не французовъ, главнымъ образомъ англичанъ. Такъ какъ у меня не было рекомендательныхъ писемъ къ губернатору, то я и не могъ посѣтить здѣшнія тюрьмы и казармы. Здѣсь не только воспрещенъ самый доступъ въ нихъ, но даже на значительномъ разстояніи отъ построекъ поставлены щиты съ надписями, воспрещающими подъ угрозой большого штрафа подходить ближе къ строеніямъ.

Городъ мало оживленъ, хотя въ немъ есть нѣсколько магазиновъ, въ которыхъ можно найти всевозможные предметы роскоши; однако кажется, что въ городѣ почти нѣтъ жителей. Оживленіе придаютъ только ссыльные, которые отдѣльными партіями работаютъ въ гавани, на улицахъ, въ домахъ и т. п.; обыкновенно при такой партіи бываетъ всего одинъ надзиратель, вооруженный револьверомъ.

Въ Нумеа путешественникъ видитъ исключительно однихъ бѣлыхъ;

что касается здѣшнихъ туземцевъ, то ихъ здѣсь почти совсѣмъ незамѣтно и только случайно можно наткнуться на процессію черныхъ дѣтей, воспитывающихся безплатно въ пансіонѣ при миссіи, когда они подъ наблюденіемъ миссіонеровъ выходятъ на прогулку. Если кто желаетъ видѣть туземцевъ, которыхъ, по послѣдней французской переписи, на островѣ живетъ еще до 37.000, тотъ долженъ отправляться внутрь острова.

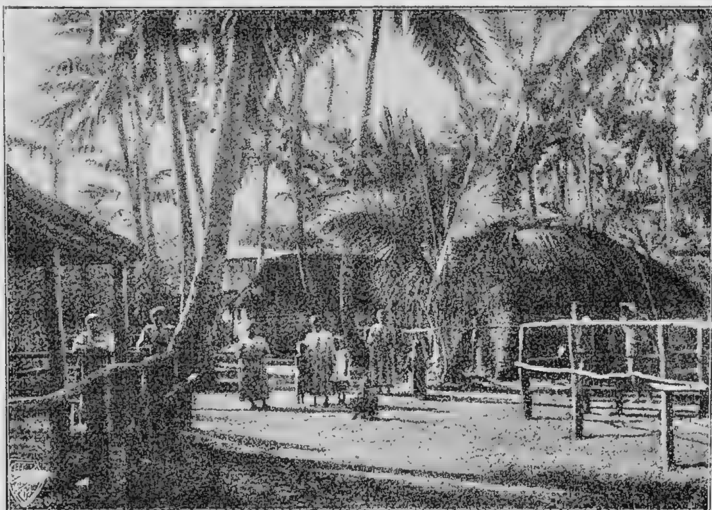
Недалеко отъ Нумеа находятся двѣ миссіонерскія станціи, съ расположенными возлѣ нихъ деревушками канаковъ; если удастся нанять въ городѣ кучера съ парой хорошихъ лошадей, то по хорошему шоссе въ часъ можно доѣхать до первой станціи „La Conception", а еще черезъ полчаса и до второй—С.-Луи. Дорога къ нимъ очень живописна; сначала она идетъ вдоль морского берега, а потомъ уклоняется въ глубь страны; здѣсь по обѣимъ сторонамъ дороги тянется лѣсъ, который главнымъ образомъ состоитъ изъ деревьевъ, называемыхъ „ніоли" и принадлежащихъ къ семейству миртовыхъ. Мѣстные жители думаютъ, что именно благодаря этимъ деревьямъ островъ свободенъ отъ лихорадокъ. Къ сожалѣнію, деревья по большей части имѣютъ жалкій и уродливый видъ; они напоминаютъ кустарникъ и рѣдко образуютъ прямые и высокіе стволы; часто попадаются также и хвойныя деревья, которыя хотя и достигаютъ значительной высоты, однако мало вытягиваютъ свои вѣтви въ ширину, что придаетъ имъ также печальный видъ.

Поселеніе La Conception лежитъ на невысокомъ холмѣ; оно состоитъ изъ небольшой церкви и расположенныхъ возлѣ нея каменныхъ построекъ, превосходящихъ ее своими размѣрами; поселеніе это не что иное, какъ пансіонъ, въ которомъ живетъ около 100 дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 7 до 15 лѣтъ. У подножія холма, отчасти скрытая въ лѣсу, раскинулась деревушка канаковъ.

С.-Луи обстроенъ не такъ хорошо, какъ La Conception, и имѣетъ только школу для дѣтей туземцевъ; эта школа лежитъ при самомъ выходѣ изъ двухъ большихъ, слившихся между собой деревень, которыя непосвященному глазу кажутся однимъ нераздѣльнымъ цѣлымъ, однако управляются двумя вождями.

Жители всѣхъ трехъ деревень принадлежатъ къ одному племени. Мужчины—средняго роста, съ очень темно-коричневымъ цвѣтомъ кожи и безобразны; черные курчавые волосы и густая, волнистая борода окаймляютъ лицо; ротъ и губы велики, а губы, кромѣ того, и толсты; носъ широкъ и сильно приплюснутъ у основанія; ушныя раковины, благодаря кусочкамъ дерева, которые прежде продѣвались въ уши, сильно отвисаютъ назадъ; тѣло иногда мускулистое, но руки и ноги всегда удивительно слабы. Женщины нѣсколько меньше ростомъ, цвѣтъ кожи у нихъ тоже темно-коричневый, переходящій въ различные оттѣнки до свѣтло-коричневаго; красавицъ между ними мнѣ не попадалось. По внѣшности

онѣ похожи на мужчинъ, только курчавые черные волосы образуютъ на головѣ шапку гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ у первыхъ. Одежда ихъ состоитъ изъ рубашки, закрывающей тѣло отъ шеи до пятъ; мужчины одѣваются въ европейское платье. Онѣ носятъ немного украшеній и по большей части довольствуются одной гребенкой съ многочисленными зубцами. Эти людоѣды, когда-то вызывавшіе страхъ, теперь говорятъ немного по-французски и много потеряли въ своей оригинальности, зато они много переняли у бѣлыхъ, при чемъ не всегда хорошее; до сихъ поръ еще они не научились цѣнить чистоту. Какъ христіане, они всѣ имѣютъ только по одной женѣ; дѣти ихъ всѣ крещены. Насколько они привержены къ христіанству, можно видѣть изъ слѣдующаго случая, ко-

Видъ на Новой Каледоніи.

торый разсказывали мнѣ въ Нумеа. Одинъ канакъ на вопросъ миссіонера, почему онъ не былъ въ церкви, сказалъ: „но вѣдь ты не далъ мнѣ табаку“.

Дома въ деревняхъ, которыя я посѣтилъ, имѣютъ форму четырехугольника, эллипсиса или круга; послѣднюю форму имѣютъ, впрочемъ, только тѣ дома, которые предназначены для совѣщаній; обыкновенные жилые дома бываютъ четырехугольные или эллиптическіе и окружены изгородью. Стѣны сдѣланы или изъ пальмовыхъ листьевъ, или изъ древесной коры, или изъ соломенныхъ щитовъ, обмазанныхъ землею и мѣстами выбѣленныхъ; крыши также крыты соломой. Окна отсутствуютъ, низенькая дверь ведетъ въ мало заманчивую внутренность; твердо утоптанная земля представляетъ полъ; посрединѣ находится очагъ, на которомъ въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, совсѣмъ однако нехолодныхъ,

горитъ постоянный огонь. Кухонная посуда и другая хозяйственная утварь почти отсутствуетъ, нѣтъ также и хорошихъ цыновокъ, которыя на другихъ островахъ можно найти почти во всякой хижинѣ, если только она не изъ самыхъ бѣдныхъ.

Постройка общественныхъ домовъ, предназначенныхъ для совѣщаній, производится съ гораздо большею заботливостью и искусствомъ. Надъ старательно сдѣланной цилиндрической стѣной, остовъ которой состоитъ изъ бамбуковыхъ жердей, крѣпко связанныхъ другъ съ другомъ, возвышается высокая конусообразная крыша, которая иногда бываетъ подперта посрединѣ столбомъ. Этотъ столбъ украшенъ рѣзьбой, и отъ него идутъ перекладины къ обѣимъ сторонамъ узкой двери. Внутренность совершенно пуста и черна отъ копоти; очагъ въ тѣхъ хижинахъ, которыя не имѣютъ столба посрединѣ, находится посрединѣ или нѣсколько сбоку. Въ С.-Луи была хижина совѣта, состоявшая просто изъ одной крыши, опиравшейся на столбы и прикрывавшей нѣсколько возвышенную, хорошо утоптанную площадку. Эта хижина была общественная, круглыя же принадлежали вождямъ.

Въ противоположность другимъ деревнямъ, находящимся на островѣ, гдѣ европейское вліяніе еще не свило прочнаго гнѣзда и женщины исполняютъ почти всѣ работы, въ La Conception и С.-Луи работаютъ исключительно мужчины. Если придти въ деревню днемъ, то въ ней застанешь однѣхъ только женщинъ, мужчины же всѣ работаютъ въ полѣ. Только вожди свободны отъ работы, а средства къ пропитанію доставляетъ имъ племя. Также и мальчики старшаго возраста въ школѣ С.-Луи должны пріучаться къ работѣ; утромъ и вечеромъ отъ 4—6 часовъ они работаютъ на открытомъ воздухѣ, а самую жаркую пору дня проводятъ внутри зданій. Учителя, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать, съ одобреніемъ отзывались о ихъ способностяхъ и успѣхахъ; нѣкоторые даже изучали латынь.

Работаютъ туземцы исключительно для себя. Впрочемъ, туземцы обязаны каждый мѣсяцъ работать для правительства опредѣленное число часовъ или дней.

Вообще, на Новой Каледоніи, какъ и на всѣхъ островахъ Тихаго океана, гдѣ существуютъ колоніи европейцевъ, ощущается недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Правительство, конечно, располагаетъ огромною рабочею силой въ лицѣ ссыльныхъ, но нѣкоторыя работы все-таки должны выполняться привозными рабочими, которые до сихъ поръ добывались съ Ново-Гебридскихъострововъ, Соломонова архипелага и др. Въ послѣднее время правительство рѣшило вывозить рабочихъ изъ Тонкина, которые должны оказаться очень подходящими. Когда рабочій вопросъ будетъ разрѣшенъ въ благопріятномъ для европейцевъ смыслѣ, Новая Каледонія безъ сомнѣнія, быстро сдѣлается одной изъ важнѣйшихъ колоній Франціи.

Сандвичевы острова.

(А. Краснова.)

27-го сентября я покинулъ Іокогаму на пароходѣ „China", направлявшемся черезъ Гонолулу въ Санъ-Франциско. Нѣсколько часовъ быстраго хода—и берега страны Восходящаго Солнца скрылись въ волнахъ безбрежнаго океана. Мы очутились въ полной суроваго величія пустынѣ темныхъ, мрачныхъ волнъ. Ни паруса, ни дымка встрѣчнаго парохода, ни дельфиновъ, ни летающихъ рыбъ—ничего, кромѣ громадныхъ, но плоскихъ, необычайной ширины волнъ, усыпительно раскачивающихъ судно.

Эти волны—темныя, черно-зелено-синія, негостепріимныя. Только при вступленіи въ тропическій поясъ онѣ становятся привѣтливѣе, спокойнѣе и голубѣе. Но и здѣсь воздухъ дующаго постоянно пассата не имѣетъ ни тепла, ни мягкости и бархатистости изнѣживающаго воздуха Индѣйскаго океана. Грандіозность воднаго горизонта и мертвенность его поражаютъ. Рѣдко когда пролетитъ одинокая птица, и это пернатое существо за 2000 миль отъ ближайшей суши, летящее за судномъ, кажется такимъ же чуждымъ этой лишенной жизни суровой равнинѣ, какъ голубь, выпущенный Ноемъ во время всемірнаго потопа. Такъ проходитъ болѣе недѣли. По мѣрѣ приближенія къ коралловымъ рифамъ Сандвичевыхъ острововъ сцена мѣняется. Являются чайки съ длинными загнутыми клювами, настолько еще ручныя, что ихъ можно ловить на лету руками. Появляются летучія рыбы, дельфины начинаютъ кувыркаться въ водѣ, и вотъ являются и самые рифы. Вы ихъ не видите глазами. Они не возвышаются совершенно надъ уровнемъ океана, на нихъ не растетъ ни кокосовыхъ пальмъ, ни другихъ присущихъ атолламъ растеній; нѣтъ, на безбрежной равнинѣ синяго волнующагося моря вы видите совершенно гладкое какъ зеркало, полное, круглое озеро воды среди океана, рѣзко ограниченное кольцомъ изъ бѣлыхъ бушующихъ буруновъ, отчетливо выдѣляющихся на синевѣ неба. Отчего здѣсь бушуютъ и вздымаются прибойныя волны—глазъ не видитъ, и этотъ барьеръ изъ неистово негодующихъ, высоко плещущихъ валовъ среди сравнительно спокойнаго океана — производитъ совершенно особое, глубокое впечатлѣніе.

Эти одинокіе, погруженные въ водѣ океана атоллы одни нарушаютъ однообразіе плаванія. Жизнь течетъ вяло. Съ нетерпѣніемъ ждете вы завтрака и обѣда, когда длинные столы съ безконечнымъ разнообразіемъ хорошо приготовляемыхъ яствъ будутъ накрыты безмолвными, одѣтыми въ бѣлыя кофты китайскими лакеями. Лакеи, матросы, кочегары, лоцманы, словомъ, вся команда и прислуга на этихъ пароходахъ тихоокеанскихъ линій—китайская, и по мѣрѣ того какъ предпріимчивость англосаксовъ дѣлаетъ ихъ господами надъ Тихимъ океаномъ, истинными хозяевами его становятся желтолицые.

Путь между Японіей и Сандвичевыми островами знаменуется тѣмъ, что, выигрывая въ кругосвѣтномъ плаваніи при движеніи на востокъ одинъ день, вы имѣете два четверга или двѣ пятницы или вообще два дня одного наименованія въ первую недѣлю пути. Будь это на французскомъ или нѣмецкомъ пароходѣ, этотъ лишній день жизни пассажиры постарались бы ознаменовать чѣмъ-либо особеннымъ. Но въ обществѣ англичанъ онъ проходитъ такъ же томительно скучно, какъ и всѣ остальные. Поэтому я былъ очень радъ, когда, наконецъ, запахло берегомъ и намъ объявили, что завтра утромъ мы бросимъ якорь въ виду Гонолулу.

Островъ Оагу, гдѣ расположенъ Гонолулу, какъ и большинство Сандвичевыхъ островов, окруженъ коралловымъ барьеромъ. Подъ его защитою, среди тихихъ водъ голубого моря, ласково плещущагося о лавовое скалистое побережье, спокойно можетъ заниматься рыболовствомъ миролюбивый канакъ. Здѣсь же можетъ, не боясь бури и ургановъ, укрываться утлая флотилія небольшихъ пароходиковъ современныхъ гавайцевъ, совершающихъ правильные рейсы между островами, посѣщая всѣ главные, т.-е. Гаваи, Мауи, Мигокаи, Мигокани, Оагу и Кауи.

Мы, какъ сказано, подошли къ островамъ ночью, и только на слѣдующее утро, проснувшись и выйдя на палубу, могли во всей красотѣ наблюдать чудную панораму города Гонолулу.

Для русскаго человѣка, не покидавшаго своего отечества, можно будетъ составить нѣкоторое представленіе о столицѣ Гавайской республики, если онъ будетъ сравнивать ее и ея окрестности съ нашимъ южнымъ берегомъ Крыма, напр., съ окрестностями Ялты. То же чудное голубое море спереди, тотъ же амфитеатръ невысокихъ, зеленѣющихъ, по временамъ купающихся въ облакѣ, горъ, та же бухта съ пріютившимся на берегу городкомъ. Но на этомъ и кончается сходство.

Бухта Гонолулу гораздо шире, амфитеатръ горъ стоитъ дальше отъ берега, оставляя широкую долину справа; береговая полоса заканчивается довольно высокимъ бурымъ усѣченнымъ конусомъ потухшаго кратера вулкана — Diamond head. Растительность острова болѣе южная, тропическая; наконецъ, самъ Гонолулу по величинѣ больше и раскинулся на болѣе значительное разстояніе. Въ немъ насчитываютъ до тридцати тысячъ жителей. Но, какъ у Ялты, только двѣ-три береговыхъ улицы носятъ торговый, дѣловой характеръ, — остальное тонетъ въ зелени садовъ съ чудной вѣчно зеленой субтропической растительностью, среди которой высятся кроны кокосовыхъ, финиковыхъ и стройныхъ королевскихъ пальмъ (Oreodoxa regia).

Хотя мы бросили якорь довольно рано, въ $8^1/_2$ часовъ, однако добраться до берега мнѣ удалось только въ 10 часовъ вечера, когда городъ былъ погруженъ въ сонъ, и мы едва могли найти гостиницу. Послѣдняя, какъ и всѣ гостиницы Гонолулу, имѣла совершенно европейскій

или, если хотите, американскій характеръ, представляя довольно комфортабельное и чистенькое помѣщеніе, окруженное садомъ, въ которомъ высились кроны пальмъ и другихъ тропическихъ деревьевъ; изъ-за нихъ, озаренныя луною, виднѣлись вершины горъ острова Оагу. Но, утомленный передрягами по переѣзду, я отложилъ осмотръ окрестностей моего помѣщенія до другого раза и погрузился въ крѣпкій сонъ.

На другой день слуга-китаецъ, одѣтый въ полуевропейскій костюмъ, разбудилъ меня, приглашая къ завтраку на чистѣйшемъ англійскомъ языкѣ. Ни до, ни послѣ того я не встрѣчалъ въ другихъ мѣстахъ, мною посѣщенныхъ, ни въ Японіи, ни въ Америкѣ, ни на Явѣ китайцевъ, которые европеизировались бы въ такой степени, какъ на Сандвичевыхъ островахъ. Это чуть ли не единственное мѣсто на земномъ шарѣ, гдѣ многіе изъ нихъ отказались отъ національнаго костюма, носятъ европейское платье, стригутся по-европейски и носятъ американскія шляпы. Многіе изъ нихъ женаты на туземкахъ, свободно говорятъ по-англійски и есть болѣе десятка занимающихъ государственныя должности, являясь прекрасными общественными дѣятелями. „Я то же самое, что канакъ", говорятъ такія натурализовавшіеся здѣсь жители Небесной имперіи, явно показывая, что китаецъ въ такой же степени способенъ ассимилироваться, какъ и всякій другой, если только его поставить въ надлежащія для того условія. Въ Америкѣ, гдѣ на него смотрятъ, какъ на низшую расу, онъ слишкомъ гордъ, чтобы признать превосходство американской культуры, въ Китаѣ онъ окруженъ слишкомъ косной массой. На Сандвичевыхъ островахъ онъ окруженъ людьми, равными съ нимъ по культурѣ, и онъ охотно сливается съ ними. Между тѣмъ, число китайцевъ-сандвичанъ не мало, и китайскую физіономію вы встрѣтите на каждомъ шагу на улицѣ, на проселочныхъ дорогахъ, на полѣ. Изъ нихъ состоитъ значительный процентъ чернорабочихъ, мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ—особенно въ западной части Гонолулу, почти наполовину состоящей изъ сыновъ Небесной имперіи и потому даже обликомъ своимъ нѣсколько похожей на китайскую колонію.

Но центральная и восточная, особенно береговыя части города производятъ совершенно иное впечатлѣніе, и я едва вышелъ изъ дверей сада моей гостиницы, какъ почувствовалъ себя въ американскомъ городѣ, выросшемъ подъ тропическимъ небомъ океана. Это былъ, правда, молодой зарождающійся американскій городъ, но со всѣми отличительными его чертами, такъ что, гуляя по его улицѣ, вы забываете, что попираете почву Полинезіи. Я сравнивалъ Гонолулу съ Ялтою, несмотря на то, что Гонолулу много больше послѣдней. То же море, съ фономъ горъ сзади, та же бухта, тотъ же характеръ расположенія города. Но Ялта — еще дикій, полуварварскій по своимъ удобствамъ городъ по сравненію съ столицею Гавайи. Четыре или пять, параллельно берегу идущихъ улицъ за-

строены трехъ-четырехъэтажными домами, въ зеркальныхъ окнахъ которыхъ выставлены всевозможные европейскіе товары, въ сравненіи съ которыми выборъ нашихъ ялтинскихъ показался бы столь же жалкимъ, какъ выборъ товаровъ сельской лавочки послѣ городского магазина. Прекрасные магазины модъ, книжныя лавки, громадная безплатная читальня, библіотека, кондитерскія, фотографіи — все носитъ американскій пошибъ. Улицы прекрасно вымощены, снабжены широкими тротуарами и, какъ вездѣ въ Америкѣ, цѣлый рядъ конокъ всегда къ услугамъ пѣшехода. Вечеромъ электричество заливаетъ своимъ свѣтомъ оживленныя улицы, лишенныя, однако, всякой оригинальности.

Но стоитъ только сѣсть на одну изъ конокъ, и она быстро вывезетъ васъ изъ узкой полосы „Сити“, чтобы помчать по широкимъ, прекрасно шоссированнымъ улицамъ, окруженнымъ огромными палисадниками, за которыми скрываются прекрасные каменные коттэджи и дачи. Впрочемъ, только тѣ части Гонолулу, которыя прилегаютъ непосредственно къ его „Сити“, имѣютъ описываемый характеръ. Выше городъ начинаетъ принимать болѣе безпорядочный характеръ. Преобладаютъ маленькія, наскоро сколоченныя изъ досокъ дачки, окруженныя маленькими и молоденькими палисадниками съ цвѣтущими олеандрами, китайскими розами и кактусами. Это преимущественно жилища португальцевъ.

Самая западная, зарѣчная часть города можетъ быть названа азіатскою по преимуществу. Здѣсь не дома, а наскоро сколоченные изъ досокъ бараки съ узкими лабиринтами, проходами между ними, всюду виднѣются китайскія вывѣски, носъ обоняетъ китайскіе ароматы.

Въ этомъ же кварталѣ, на задворкахъ, затертые пришлымъ азіатскимъ пролетаріатомъ живутъ главнымъ образомъ и туземцы острова, или, говоря точнѣе, остатки этихъ туземцевъ, такъ какъ канаки — это населявшее нѣкогда Сандвичевы острова полинезійское племя подъ вліяніемъ американской культуры угасаетъ съ феноменальной быстротой. Въ противоположность краснокожимъ индѣйцамъ Америки, канаки — сильное, способное къ физическому труду и прогрессу племя. Поселившись на Сандвичевыхъ островахъ уже въ историческую эпоху, будучи изолированы отъ сношеній съ другими народами, попавъ на острова, гдѣ, кромѣ захваченныхъ ими съ собою свиней, не было ни одного домашняго животнаго и гдѣ только таро, чахлые кокосы и плоды хлѣбнаго дерева были единственными культурными растеніями, продукты которыхъ разнообразили пищу, доставляемую моремъ, канаки естественно не могли развить той высокой культуры, какую развила Японія подъ вліяніемъ китайской цивилизаціи.

До открытія Гавайскаго архипелага Кукомъ острова эти уже были заселены около 5-ти столѣтій. Населенію не было извѣстно ни искусство прясть, ни употребленіе металловъ, ни горшечное искусство. Оружіе при-

готовлялось изъ твердаго дерева или камня, преимущественно изъ мелкозернистой лавы, а плугъ замѣняла заостренная палка. Пользуясь столь первобытными орудіями, канаки строили однако жилища продолговатой формы, сплетая стѣны ихъ изъ травы и особаго рода туземнаго папоротника. Посуду имъ замѣняли плоды громадной тыквы, изъ которой они дѣлали горшки и тарелки. Они выдалбливали изъ стволовъ деревьевъ прекрасные челноки, которыми они управляли съ ловкостью, свойственною только полинезійцамъ, плавая въ нихъ нагими или одѣтыми въ одежды, образованныя изъ такъ называемаго „тапа“ или луба нѣкоторыхъ туземныхъ деревьевъ. Конечно, эти одежды были не болѣе чѣмъ простые пояса стыдливости у обыкновенныхъ гражданъ, и только цари и высшіе сановники носили мантіи, представлявшія шедевръ терпѣнія и искусства. Мантіи эти, равно какъ и шлемы, формою напоминавшіе древнегреческіе, дѣлались изъ перышекъ маленькихъ желтенькихъ птичекъ, немного крупнѣе канарейки, которыя вставлялись въ соотвѣтственно сплетенную тончайшую сѣтку. Теперь всѣ эти орудія и утварь сандвичанъ можно видѣть на островѣ — далеко отъ селеній, въ исключительныхъ случаяхъ, а въ обыкновенное время въ музеяхъ.

Религія древнихъ канаковъ состояла въ боготвореніи силъ природы, главнымъ образомъ духовъ, завѣдующихъ различными проявленіями вулканическихъ силъ, дѣйствовавшихъ на архипелагѣ. Посредниками между этими богами и людьми было духовенство, и главная сила послѣдняго заключалась въ наложеніи такъ называемыхъ *табу*, или запрещеній, нарушеніе которыхъ наказывалось смертью. Такъ, напр., женщинамъ запрещалось ѣсть вмѣстѣ съ мужчинами, были установлены дни, когда нельзя было плавать въ лодкахъ, зажигать огней или даже издавать звуковъ. Въ такіе дни даже собакамъ надѣвали намордники, а куръ и пѣтуховъ запирали въ особые ящики. Людоѣдство было совершенно неизвѣстно на островахъ. Туземцы вѣрили также въ колдуновъ и заклинателей — и вѣра въ этихъ послѣднихъ была такъ велика, что одно ихъ обѣщаніе, что тотъ или другой человѣкъ умретъ черезъ извѣстный срокъ, имѣло слѣдствіемъ смерть этого послѣдняго.

Въ такомъ положеніи находилось населеніе острововъ, когда они были открыты европейцами.

Какъ и вездѣ, главными продуктами цивилизаціи, принесенными европейцами, были пьянство и заразныя болѣзни. Жившіе весь свой вѣкъ среди чистаго воздуха и на незагрязненной почвѣ, туземцы оказались необыкновенно неустойчивыми къ тѣмъ болѣзнямъ и заразамъ, которыя были принесены европейцами. Особенно стала здѣсь свирѣпствовать холера и жертвою ея сдѣлалось около половины населенія острововъ. Сношенія съ Китаемъ, главнымъ образомъ имѣвшія цѣлью продажу сандальнаго дерева — главнаго богатства острововъ, вырубая лѣса котораго,

короли пріобрѣтали оружіе, суда и шелковые товары, платя за это бѣшеныя деньги,—эти сношенія познакомили жителей Сандвичевыхъ острововъ съ проказою, которая сдѣлалась настолько распространенной, что теперь пришлось отдать цѣлый островъ Молокаи прокаженнымъ, ссылая туда всѣхъ получившихъ эту болѣзнь.

Наконецъ, въ 1898 году Сандвичевы острова были присоединены къ Соединеннымъ Штатамъ въ качествѣ новой территоріи и туземцамъ предопредѣлена участь всѣхъ другихъ темнокожихъ народовъ, мирно угасающихъ подъ эгидою американскаго орла. Какую же роль играютъ теперь въ этой республикѣ гавайцы?

Они не имѣютъ права голоса. Земли, принадлежавшія королю и дворянству, теперь всѣ перешли въ руки или крупныхъ европейскихъ капиталистовъ, или компаній, и во многихъ мѣстахъ канаку некуда выпустить корову или даже курицу. Правда, миссіонеры сдѣлали туземцевъ христіанами, выучили ихъ читать и писать, издаютъ для нихъ газеты, поучаютъ въ церквахъ. Они заставили ихъ смѣнить ихъ легкіе костюмы на американскіе и замѣнить легкія травяныя хижины деревянными бараками. Но они, съ другой стороны, обложили ихъ тяжелыми податями и научили пить водку. Не имѣя ни капитала, ни земли, канакъ превратился въ батрака. Но безпечное прошлое, не знавшее тяжелой борьбы за существованіе въ переполненныхъ населеніемъ городахъ, не научило, конечно, канака беречь деньги. Онъ готовъ отдать послѣднюю копѣйку ближнему, слѣдуя евангельскому правилу, но онъ не получаетъ отъ него ничего, когда самъ впадаетъ въ нужду. Онъ прокучиваетъ, не думая о завтрашнемъ днѣ, всѣ свои деньги и не выходитъ изъ долговъ. И потому этотъ законный владѣлецъ страны ходитъ здѣсь въ лохмотьяхъ, живетъ въ сырыхъ баракахъ и дѣлается жертвою всевозможныхъ, заносимыхъ китайскою чернью, болѣзней.

Безправный, пока едва терпимый канакъ быстро стремится къ вымиранію. Въ 1866 году было 57 тысячъ туземцевъ, въ 1872 году — уже только 49, теперь ихъ не болѣе 34. Но даже это населеніе въ будущемъ не можетъ надѣяться остаться канаками. Всѣ ихъ національныя черты жизни исчезли. Это уже американцы по языку, по обычаямъ, вѣрѣ и одеждѣ. Только право украшать себя вѣнками цвѣтовъ да по вечерамъ пѣть національныя пѣсни — вотъ что осталось отъ правъ канака.

Такова участь этихъ жителей „рая Тихаго океана“.

Природа Гавайскихъ острововъ.

(И. Б.)

Подъ 158°16′ восточной долготы и 21°26′ сѣверной широты, на островѣ Оагу, Сандвичевой группы, въ трехъ часахъ пароходнаго пути

отъ столицы Гонолулу, читатель найдетъ на картѣ поселеніе, носящее названіе Вайанае, административный центръ вайанайскаго округа. Расположено это селеніе на западномъ краю острова, у самаго берега, при устьѣ маленькой рѣчки. Мѣстность, по которой оно свободно раскинулось, представляетъ покатую къ морю долину, начинающуюся оврагами въ гористой центральной части острова и постепенно расширяющуюся по мѣрѣ приближенія къ океану. Съ восточной, сѣверной и южной сторонъ горизонтъ окаймленъ капризною, неправильною, но живописною линіей горныхъ хребтовъ, и только съ западной разстилается безконечный океанъ, то сливаясь съ небомъ въ голубомъ туманѣ, то отдѣляясь отъ него большею интенсивностью своей голубой окраски.

Видимыя отсюда горы когда-то были покрыты роскошными лѣсами сандаловаго дерева; теперь же, послѣ многихъ лѣтъ хищническаго хозяйства, онѣ голы. Лишь по оврагамъ, да у основанія горъ виднѣется лѣсъ, вершины же и склоны зеленѣютъ только благодаря кустарникамъ и кое-какой травѣ. Послѣ долгихъ засухъ, (а въ лѣтнее время засухи составляютъ обычное явленіе), онѣ бурѣютъ. Не надо забывать, впрочемъ, что все это относится лишь къ этимъ западнымъ и юго-западнымъ частямъ островов. Иначе выглядятъ восточныя и сѣверо-восточныя. Атмосферическіе осадки сѣверо-восточнаго пассата, задерживаясь горными цѣпями, обильно орошаютъ тѣ стороны, отчего онѣ и покрыты сплошь богатою тропическою растительностью. Зимою, при южномъ и юго-западномъ вѣтрахъ, дожди нерѣдки и по сю сторону горъ, и въ этотъ сезонъ вайанайскіе склоны тоже убираются въ веселую зелень. Изрѣдка въ это время перепадаютъ и настоящіе тропическіе ливни съ такими ураганами, что непривычному человѣку поневолѣ становится жутко. Деревья выворачиваются съ корнями цѣлыми тысячами, рѣченка разливается, превращаясь въ могучій потокъ, вѣтеръ страшно гудитъ и громовые удары, одинъ другого ужаснѣе, слѣдуютъ другъ за другомъ почти безъ перерыва. Во время такого урагана все дрожитъ и стонетъ отъ внезапныхъ, неправильныхъ порывовъ вѣтра, ревъ котораго сливается съ ревомъ морского прибоя; земля на дюймъ и больше покрывается зелеными наносами мелкихъ листьевъ мимозы, а оконныя стекла — слоемъ морской соли. Растительность сильно страдаетъ. Такія бури случаются въ декабрѣ или январѣ; но и въ это время температура лишь въ видѣ исключенія спускается до 15° С.; обыкновенно она колеблется, не исключая и ночи, между 20°—25° С. При влажности и этой температурѣ даже сильный вѣтеръ проходитъ какъ бархатъ по кожѣ, не рѣжетъ и не раздражаетъ.

Крутые склоны горъ изборождены сверху внизъ многочисленными овражками—вѣковая совокупная работа дождей и вѣтровъ. Когда падаетъ дождь, по каждой изъ этихъ бороздъ цѣпью небольшихъ пѣня-

щихся водопадовъ льется вода. Картина выходитъ очень красивая, особенно при солнечномъ освѣщеніи, производящемъ радугу. Радуга, иногда двойная и тройная, составляетъ на островахъ такое обыкновенное явленіе, что ихъ называютъ „радужными островами“.

Горы—вулканическаго происхожденія и состоятъ изъ старыхъ лавъ, пепла и другихъ вулканическихъ выбросовъ. Долина отчасти наносная, отчасти коралловая. Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ тоньше слои глины и песка, тѣмъ чаще проглядываетъ сѣрая коралловая постройка, пересѣкаемая тамъ и сямъ черными потоками застывшей лавы. Гдѣ нѣтъ наноса, каменистая коралловая почва съ виду напоминаетъ неровную глинистую дорожную грязь, изборожденную колесами и копытами и затвердѣвшую отъ мороза. Иглы настолько остры, что лишь привычныя ноги туземца могутъ ходить по ней безъ сапогъ. Какъ извѣстно, кораллы возводятъ свои постройки не сплошь, а оставляя мѣстами круглые и овальные промежутки, почему коралловое поле покрыто ямами различныхъ размѣровъ и разной глубины. Такъ какъ все это заросло мимозой, лантаной и проч., то скотъ нерѣдко проваливается въ нихъ и искалѣчивается объ ихъ острые шипы. Существованіе коралловыхъ полей на высотѣ нѣсколькихъ десятковъ футовъ доказываетъ, что и здѣсь когда-то было море и что, слѣдовательно, самый островъ постепенно подымается вулканическими силами. Этотъ фактъ подтверждается старожилами, по словамъ которыхъ еще на ихъ памяти можно было въ лодкѣ проѣзжать съ моря въ такія мѣста, гдѣ теперь растетъ сахарный тростникъ. Возможно, что морскія волны, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и до сихъ поръ гуляютъ подъ этой долиной: при буреніи артезіанскихъ колодцевъ буръ, пройдя слои коралла и лавы, попадалъ иногда въ бездонные резервуары морской воды.

Судя по общему виду окрестныхъ горъ, приходится заключить, что долина эта вмѣстѣ съ сосѣдними представляетъ дно громаднаго кратера, стѣнка котораго, прилегающая къ морю, почему-то разрушилась. Это подтверждается скалистыми обрывками тѣхъ же породъ, изолированно торчащими изъ воды у самаго берега.

Если самыя горы еще на памяти старожиловъ были покрыты лѣсомъ сандала, вырубленнаго и вывезеннаго въ Китай и Европу, то коралловыя прибрежныя части долины, въ свою очередь, сплошь были покрыты панданусомъ, отъ котораго нынѣ лишь тамъ и сямъ остались отдѣльные экземпляры. Это красивое, но мало полезное дерево съ воздушными корнями и фруктомъ, напоминающимъ кедровую шишку, величиною съ голову ребенка, зеленую, мясистую; каждая его вѣтвь, наподобіе хвойныхъ, кончается пучкомъ листьевъ; только листья—не иглы, а зазубренные, длинные, въ родѣ кукурузныхъ. Изъ этихъ листьевъ туземцы приготовляютъ простыя рогожи.

Теперь вся долина, особенно въ нижнихъ своихъ частяхъ, покрыта такъ называемой алгаробой (Prosopis juliflora). Лѣтъ десять тому назадъ кому-то изъ мѣстныхъ европейцевъ вздумалось вывезти изъ Аризоны эту мелколистную мимозу, быстро вырастающую въ самыхъ сухихъ мѣстностяхъ до размѣровъ большого, тѣнистаго дерева.

Попытки культивированія ея удались сразу: скоро она расплодилась сама и покрыла густымъ лѣсомъ всѣ прибрежныя части острова. Въ этихъ мѣстахъ тѣнистое, защищающее отъ тропическаго солнца дерево уже однимъ этимъ представляетъ большое удобство. Безъ алгаробы страдающіе отъ засухи юго-западные берега острова были бы пустыней. На этомъ не ограничиваются доставляемыя ею выгоды. Кромѣ тѣни, благодарное дерево, съ виду напоминающее отчасти акацію, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ обильно устилаетъ подъ собой землю своими сладкими большими стручьями, похожими на сладкіе стручки, которые продаются въ Россіи, какъ народное лакомство. Эти стручья составляютъ въ лѣтніе мѣсяцы главную пищу скота.

Насколько введеніе и культивированіе алгаробы было благодѣяніемъ, настолько же вреднымъ оказался ввозъ на острова въ 1858 г. другого растенія, воспитываемаго въ нашихъ оранжереяхъ, какъ декоративный цвѣтокъ,—лантаны. Ей здѣсь такъ понравилось, что она быстро расселилась по всей группѣ, заполонила и сдѣлала никуда негодными цѣлыя долины, превратившись при этомъ изъ травянистаго цвѣтка въ высокій, густой, колючій кустарникъ, въ которомъ прячется всадникъ. Она заглушила всякую другую кустарниковую и травянистую растительность и сдѣлалась неприступною крѣпостью для дикихъ свиней и козъ. Своимъ быстрымъ распространеніемъ она обязана ввезенной одновременно съ Зондскихъ острововъ птичкѣ майнѣ съ цѣлью истребленія вредныхъ насѣкомыхъ. Майна обманула ожиданія хозяевъ и начала питаться сладкими, похожими на можжевеловыя, ягодами лантаны, сѣмена которой быстро разноситъ по всей территоріи. По виду и полу-прирученному состоянію, она представляетъ нѣчто среднее между нашимъ дроздомъ и сорокой,—немного меньше послѣдней и больше перваго, съ бурыми, бѣлыми и черными перьями, желтымъ клювомъ и такими же ногами. Вопросъ о лантанѣ и майнѣ сдѣлался однимъ изъ жгучихъ экономическихъ вопросовъ. И та и другая смѣются надъ всѣми попытками уничтоженія.

Нѣчто подобное случилось и съ небольшимъ звѣркомъ мангустой (Herpestes griseus), похожимъ на нашего хорька, который былъ ввезенъ съ того же острова Явы нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ цѣлью уничтоженія крысъ. Наскучивъ крысами, онъ взялся за куръ и другую домашнюю птицу и сдѣлался сущимъ наказаніемъ. Здѣсь въ Вайанае его пока мало; зато на островѣ Гавайи съ нимъ не знаютъ, что дѣлать.

Всѣ эти примѣры, на ряду съ австралійскими кроликами, показываютъ, съ какою осторожностью нужно относиться къ выбору новыхъ колонистовъ растительнаго и животнаго царствъ; съ какими неисчислимыми и часто непредвидѣнными послѣдствіями бываютъ сопряжены этого рода нововведенія.

Но настоящимъ украшеніемъ Вайанае является роща высокихъ, стройныхъ кокосовыхъ пальмъ, оставшаяся въ наслѣдство отъ прошлыхъ, болѣе трудолюбивыхъ и менѣе эгоистичныхъ поколѣній. Говорятъ, этой рощѣ около 200 лѣтъ.

Всѣ мы видѣли кокосовыя пальмы на картинкахъ, видѣли и живые, молодые, мало чѣмъ похожіе на взрослое дерево экземпляры въ оранжереяхъ, но все это не даетъ понятія о настоящей пальмовой рощѣ. Послѣдняя на европейца все-таки производитъ сильное и трудно выразимое впечатлѣніе. Среди нашей растительности нѣтъ рѣшительно ничего аналогичнаго, и потому такая роща прежде всего напоминаетъ вамъ, что вы не дома, а гдѣ-то далеко въ гостяхъ. Темно-сѣрые или черные ровные стволы, безъ вѣтки или сучка, ракетами взвиваются на 14—15-саженную высоту и тамъ вдругъ разсыпаются зеленой перистой кроной, составленной изъ двусаженныхъ листьевъ; у основанія послѣднихъ гнѣздятся орѣхи, величиной съ человѣческую голову, по формѣ напоминающіе гречневыя зерна. Особенно красива такая роща въ свѣтлую лунную ночь, когда, равномѣрно покачиваясь, полупрозрачныя верхушки обрисовываются черными силуэтами на темно-синемъ фонѣ звѣзднаго неба. Смотришь и не вѣришь, сонъ или дѣйствительность.

Въ экономическомъ отношеніи кокосовая пальма очень благодарное растеніе. Она приноситъ ежегодно около 100 орѣховъ на сумму, по мѣстнымъ цѣнамъ, въ 3 доллара (6 рублей); первую жатву даетъ черезъ 7—8 лѣтъ и поливки требуетъ лишь первое время, пока не укрѣпится; принимается легко и не брезгаетъ ни песчаной, ни каменистой почвой. Лѣтъ десять тому назадъ у одного обывателя въ Гонолулу былъ въ самомъ городѣ участокъ земли въ нѣсколько десятинъ, съ которымъ онъ не зналъ что дѣлать: цѣны на землю стояли низкія, продавать не хотѣлось, строиться тоже было невыгодно, и онъ порѣшилъ свое недоумѣніе тѣмъ, что засадилъ участокъ 3.000 кокосовыхъ орѣховъ. Посадилъ и думать забылъ. Прошло восемь лѣтъ, выросла кокосовая роща; владѣлецъ умеръ, а его наслѣдники безъ труда и хлопотъ сдѣлались обладателями годового дохода въ 18.000 рублей, которымъ и будутъ пользоваться по меньшей мѣрѣ 200 лѣтъ. Вотъ какъ вознаграждаетъ богатая природа благоразумный, хотя и небольшой человѣческій трудъ.

И несмотря на это, подражателей въ культурѣ кокосовой пальмы на Гавайскихъ островахъ сравнительно мало. Въ Вайанае, на мѣсто ста-

рыхъ деревьевъ, умирающихъ съ каждымъ годомъ десятками, только маленькій участокъ засаженъ новыми. Здѣсь всѣ ушли въ сахаръ, дающій немедленный доходъ. Большинство хозяйствъ устроилось на чужой, казенной или частной землѣ: никому не охота дѣлать затраты, оплачивающіяся только черезъ 8 лѣтъ. Что касается крупныхъ собственниковъ, то они не помышляютъ ни о землѣ, ни о кокосовыхъ орѣхахъ, а довольствуются веселою жизнью въ столицѣ или за границей.

Было бы слишкомъ долго останавливаться на всѣхъ диковинкахъ растительнаго царства этой богатой оранжереи. Здѣсь растетъ все, что ни посадишь, растетъ роскошно и оплачивается хорошо. Проѣзжая Вайанайской долиной, чего только не увидишь! Внизу, у берега, кромѣ кокосовыхъ растутъ и финиковыя пальмы, хотя, за недостаткомъ тепла, даютъ плодъ низшаго качества. Растетъ и хлѣбное дерево, плоды котораго, величиной съ человѣческую голову, въ свѣжемъ видѣ имѣютъ непріятный терпентинный вкусъ и запахъ. При печеніи этотъ вкусъ теряется, и плодъ дѣлается съѣдобнымъ, хотя и не особенно заманчивымъ. Чтобы питаться имъ, нужна привычка. То же можно сказать и о многихъ тропическихъ плодахъ и фруктахъ, напримѣръ, крокодильей грушѣ, такъ смакуемой туземцами, объ ихъ „таро“ и „пои“, о плодахъ кавалерской звѣзды, папайи и т. д. Многимъ изъ этихъ деликатесовъ русскій предпочтетъ привычную гречневую кашу, ржаной хлѣбъ и капусту.

Очень обыкновенны здѣсь роскошныя манговыя деревья, апельсинныя, лимонныя, гранатовыя, камфарныя, которыми откармливаютъ свиней. Немного выше тянутся пустопорожнія поля, заросшія гигантскими кактусами (Opuntia Tuna). Еще далѣе, у подножья горъ, гдѣ больше влаги, по тѣнистымъ оврагамъ и ущельямъ растетъ уже настоящій лѣсъ изъ апельсинныхъ деревьевъ, гуавъ и сотни другихъ рѣдкостныхъ породъ. Все это переплетено разнообразнѣйшими вьющимися растеніями.

Эти мѣста, расположенныя на высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ, считаются самыми благопріятными для культуры кофе. Въ болѣе жаркихъ мѣстностяхъ, напр. въ Гватемалѣ, кофейныя деревья предпочитаютъ садить въ лѣсу, въ тѣни деревьевъ, чтобы предохранить молодыя растенія отъ вреднаго для нихъ палящаго солнечнаго зноя. Иногда съ этою цѣлью между кофейными деревьями садятъ бананы, которые къ тому времени, когда кофе достаточно укрѣпится въ ихъ тѣни, отживаютъ свою короткую жизнь. Здѣсь нѣкоторые поселенцы тоже садятъ въ лѣсу, очищая послѣдній лишь отъ вьющихся растеній, что сильно уменьшаетъ расходы по расчисткѣ.

Очистивъ лѣсъ, поселенецъ вырываетъ заступомъ $1\frac{1}{2}$ — 2-хфутовыя ямки въ рыхломъ черноземѣ на такихъ разстояніяхъ, чтобы на акрѣ помѣстилось 800 деревьевъ. Молодыя растенія онъ покупаетъ у

сосѣдей или разводитъ самъ изъ сѣмянъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ. Посадкой въ сущности и оканчивается его трудъ. Чтобы деревья не обрастали у корня травой, ихъ обкладываютъ мелкимъ хворостомъ.

Кофейное дерево даетъ первую, настоящую жатву лишь на четвертомъ году. Въ этотъ годъ оно приноситъ уже въ среднемъ по 2 фунта съ растенія. Чѣмъ старше дерево, тѣмъ больше урожай. Нѣкоторые старые экземпляры даютъ и до 20 фунтовъ, а живетъ дерево отъ 30 до 40 лѣтъ.

Съ виду кофейное дерево одно изъ красивѣйшихъ деревьевъ съ роскошными, блестящими, какъ бы покрытыми лакомъ темнозелеными листьями. И величиной, и цвѣткомъ, и общимъ видомъ оно больше всего похоже на нашу вишню. Еще больше похожъ на вишню плодъ. Это такая же красная, мясистая ягода, съ тою разницей, что его твердое зернышко состоитъ изъ двухъ половинокъ, на которыя само распадается при вылущиваніи. Каждая изъ половинокъ съ бороздкой посрединѣ и есть то, что мы называемъ кофейнымъ зерномъ въ домашнемъ обиходѣ. Въ вишнѣ цѣнится лишь вкусная, мясистая оболочка, въ кофе—только зерно. Мясо кофейной ягоды безвкусно, терпко и не съѣдобно. Свѣжее зерно не имѣетъ кофейнаго вкуса, а скорѣе вкусъ сырыхъ турецкихъ бобовъ. Кофейный вкусъ и ароматъ пріобрѣтаются только послѣ годичнаго лежанія и послѣдующаго поджариванія. Послѣднее требуетъ нѣкотораго искусства, главнымъ образомъ равномѣрности и умѣнія остановить процессъ на извѣстной степени, чтобы не обуглить кофе и не лишить его аромата.

Вынутыя изъ мясистой оболочки половинки оказываются покрытыми еще тонкой, пергаментной кожурой. Отъ мяса зерна освобождаются особой машинкой въ родѣ большой кофейной мельницы, въ которой ягоды пропускаются между валомъ и окружающимъ его полымъ цилиндромъ. Потомъ оно сушится въ тѣни или сушильнѣ и, наконецъ, еще разъ пропускается черезъ ту же машинку, только иначе регулированную, на этотъ разъ освобождаясь отъ перепончатой оболочки, провѣваясь и выходя уже въ томъ видѣ, въ какомъ мы его видимъ въ продажѣ.

Сборъ кофейныхъ ягодъ ничѣмъ не отличается отъ сбора вишенъ въ нашихъ садахъ и доступенъ дѣтямъ не менѣе, чѣмъ взрослымъ. Созрѣваютъ плоды не сразу, а постепенно, въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ, такъ что деревья приходится обирать понемногу каждый день. Чтобы не лазить высоко при сборѣ, съ растенія, когда оно достигнетъ 6—7-футовой высоту, снимаютъ верхушку, отчего оно идетъ вширь, въ вѣтви и даетъ больше ягодъ.

На островѣ Гавайи кофе культивируется уже въ большихъ размѣрахъ и поступаетъ на рынокъ. Это кофе по качеству оказалось превосходнымъ. Его ароматъ сильнѣе и пріятнѣе мокко.

Въ животномъ царствѣ здѣсь прежде всего замѣчательно полное отсутствіе какихъ бы то ни было крупныхъ хищныхъ звѣрей. Всѣ звѣри, обильно населяющіе горы и лѣса, представляютъ лишь одичавшія домашнія породы: дикія свиньи, лошади, рогатый скотъ, козы, крысы и мыши; изъ птицъ: индюки, утки, куры, фазаны, павлины, нѣсколько туземныхъ видовъ мелкой птицы.

Полное отсутствіе змѣй и пресмыкающихся вообще, за исключеніемъ развѣ маленькаго двухдюймового вида ящерицы, очень милаго и полезнаго, питающагося молью и комарами, существа, которое всякій старается залучить къ себѣ въ домъ. Даже лягушекъ нѣтъ ни одной. Это тропическая страна безъ всякихъ неудобствъ тропическихъ странъ. При такихъ условіяхъ по всѣмъ оврагамъ, лѣсамъ и трущобамъ можно прогуливаться съ такою же безопасностью, какъ по собственному саду.

Изъ морскихъ животныхъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть объ акулахъ. Ихъ очень много и притомъ крупныхъ. Какъ-то здѣсь околѣлъ мулъ, и его трупомъ рѣшено было воспользоваться для охоты за акулами. Привязанный къ берегу цѣпью, онъ былъ выброшенъ въ море. Не больше какъ черезъ полчаса явилось цѣлое стадо акулъ, принявшихся оспаривать лакомство другъ у друга. Напрасно пронизывали ихъ съ берега пулями во всѣхъ направленіяхъ: онѣ не обращали на это никакого вниманія. Тогда снаряжена была большая лодка, въ которую сѣли двое американцевъ и ветеранъ-китоловъ изъ португальцевъ. Охота была довольно рискованная, такъ какъ акула легко могла ударомъ хвоста перевернуть лодку и поохотиться за охотниками. Послѣ нѣсколькихъ новыхъ безуспѣшныхъ выстрѣловъ американцы предоставили поле китолову съ гарпуномъ. Ловкимъ ударомъ онъ всадилъ желѣзный стержень въ бокъ самаго большого животнаго. Оно метнулось, чуть-чуть не опрокинуло лодку и исчезло въ морѣ, оставивъ въ рукахъ охотника изуродованный гарпунъ. Тогда прибѣгли къ особому патентованному гарпуну съ защепкой. Новый ударъ по другой акулѣ, и на этотъ разъ успѣшный. Жертва была сильно ранена, и вода кругомъ окрасилась кровью. Поспѣшно отпускали веревку, чтобы дать время обезсилѣть животному; затѣмъ направились къ пристани и начали тащить. Подведя полумертвую акулу къ лодкѣ, обмотали ея хвостъ въ петлю и, при помощи блоковъ и ворота, втянули наверхъ. Во время вытаскиванія изъ пасти животнаго посыпались ноги мула съ подковами, ребра, жестянка отъ консервовъ, а за ними хищникъ изрыгнулъ почему-то и свою собственную громадную печень. Это было въ воскресенье, и все разноцвѣтное населеніе деревни сбѣжалось посмотрѣть. Съ большою торжественностью взвалили добычу на двѣ желѣзнодорожныхъ платформы и при всеобщемъ ликованіи покатили къ заводу. Здѣсь съ нея прежде всего было снято нѣсколько фотографическихъ снимковъ.

Акула оказалась 14 футовъ длины и 33 пуда вѣсомъ. Въ ея открытую пасть могъ свободно пролѣзть самый рослый человѣкъ. Отвратительное впечатлѣніе производили ея маленькіе глазки стеклянно-сѣраго, водянистаго цвѣта, проглядывавшіе изъ небольшой щели въ кожѣ, а также ужасная окровавленная морда.

Трупъ былъ разсѣченъ и раздѣленъ. Американцы взяли себѣ челюсть и зубы. Печень взялись съѣсть португальцы, а китайцы по довольно высокой цѣнѣ пріобрѣли плавники, считающіеся у нихъ лакомствомъ.

—

Въ океанской деревнѣ.

(И. Б.)

Отъ природы Вайапае перейдемъ къ ея обитателямъ.

По-здѣшнему, это—плантація. Съ нашей русской точки зрѣнія, это скорѣе всего заводское село. Какъ во всякомъ фабричномъ селѣ, центральнымъ пунктомъ, понятно, является фабрика, въ данномъ случаѣ сахарный заводъ, большая, сложенная изъ кирпича и желѣза, несгораемая постройка съ двумя высокими дымовыми трубами. Она представляетъ центръ для сотни разсыпанныхъ вокругъ маленькихъ, яркой бѣлизны, дощатыхъ домиковъ, по которымъ расквартировано все пестрое населеніе. Если не считать дюжины пріютившихся у самаго берега рыбацкихъ хижинъ туземцевъ, да еще десятка канакскихъ семействъ, существующихъ Богъ вѣсть какъ и чѣмъ въ своихъ маленькихъ усадьбахъ, всѣ остальные обитатели села такъ или иначе зависятъ отъ завода и его сахарной плантаціи. Исчезни плантація—исчезнетъ и самое поселеніе и превратится въ ничтожную рыбацкую деревушку.

На первомъ планѣ поэтому стоитъ рабочее населеніе самой плантаціи, состоящее изъ японцевъ, китайцевъ, португальцевъ, немногихъ туземцевъ, островитянъ Таити и, наконецъ, бѣлыхъ.

Японцы и отчасти китайцы и португальцы ввозятся по контрактамъ на 3 года. По истеченіи срока большинство возвращается домой, а меньшинство остается на островахъ, продолжая работать на тѣхъ же плантаціяхъ безъ контракта, на условіяхъ еще менѣе выгодныхъ, или, скопивъ небольшія деньги, устраивается независимымъ арендаторомъ клочка земли, лавочникомъ, прачкой, прислугой и т. п.

На самомъ концѣ села, на берегу рѣчки, помѣщаются деревянные, снаружи и изнутри начисто выбѣленные бараки, представляющіе въ общемъ форму буквы *п* и состоящіе изъ маленькихъ каморокъ съ дощатыми перегородками, расположенныхъ подъ одной крышей. Каждая изъ нихъ снабжена окномъ и дверью. Передъ дверями проходитъ веранда съ навѣсомъ. Посрединѣ двора, обнимаемая постройкой, стоитъ общая кухня.

Войдя въ каморку, имѣющую сажени полторы въ длину и столько же въ ширину, вы прежде всего увидите устланныя цыновкой нары, занимающія половину пространства. Часть этихъ наръ отгорожена сѣткой изъ рѣдкаго полотна для защиты отъ комаровъ и предназначена для ночного отдыха. Спятъ или прямо на цыновкахъ, подкладывая подъ головы вмѣсто подушки маленькую деревянную колодочку, или подстилаютъ прямо одѣяло. Матрацевъ нѣтъ. Спятъ въ платьѣ, въ которомъ ходятъ.

Кромѣ наръ, въ каморкѣ иногда стоитъ небольшой столъ. Нѣтъ ни стульевъ, ни какой-либо другой мебели. По стѣнамъ можно встрѣтить лубочное изображеніе микадо и его жены, случайную фотографію родственниковъ или знакомыхъ, обломки зеркала съ гребнемъ и зубной щеткой. Тутъ же развѣшаны кухонные и другіе инструменты, между которыми иногда можно увидѣть совершенно оригинальные столярные, мало похожіе на общепринятые европейскіе: особой формы пилу, рубанокъ и проч. Вотъ и все несложное убранство квартиры японскаго рабочаго.

Второе мѣсто по числу между рабочими занимаютъ китайцы. Японцевъ на плантаціи работаетъ 150 человѣкъ, а китайцевъ 100. Живутъ послѣдніе тоже въ отдѣльныхъ баракахъ, проѣзжая мимо которыхъ улицей видишь сквозь листву деревьевъ только ихъ начисто выбѣленные зады и не подозрѣваешь, какой грязный, оригинальный, обособленный мірокъ скрывается въ нихъ и за ними. Фасадъ хотя и обращенъ къ морю, но отдѣляется отъ него полупрѣснымъ, полусоленымъ болотомъ, заросшимъ кустарникомъ и дикимъ высокимъ портулакомъ. Пространство между постройками и болотомъ представляетъ сплошную кучу мусора, на которой въ одинъ рядъ выстроены три хлѣва. Это кухни для варки пищи.

Всякій баракъ снабженъ длиннымъ, крытымъ крылечкомъ и раздѣленъ деревянной перегородкой на двѣ небольшія комнаты. Каждая изъ комнатъ нѣсколько напоминаетъ межпалубныя каюты эмигрантскихъ пароходовъ. У двухъ незанятыхъ окномъ и дверью стѣнъ висятъ въ два этажа четыре койки: двѣ внизу, двѣ наверху, такъ что въ комнаткѣ помѣщаются восемь человѣкъ. Посрединѣ небольшой столъ, а вокругъ него, вмѣсто стульевъ, въ безпорядкѣ стоятъ опрокинутые ящики. Здѣсь по вечерамъ идетъ игра въ кости. Двери и стѣны облѣплены длинными вертикальными кусками красной бумаги, на которыхъ начертаны всякаго рода привѣтствія, пожеланія, изреченія, стихи, въ родѣ: „миръ дому сему“, „счастье всякому, кто отворяетъ эти двери“, „пусть деньги приходятъ какъ вѣтеръ“ и т. д. Въ одной комнатѣ я нашелъ съ дюжину книгъ, на китайскомъ языкѣ; между ними были календарь, оракулъ и нѣсколько романовъ.

Какъ рабочій, китаецъ лучше японца. Правда, онъ слабосиленъ и работаетъ медленно, но зато ровно. Онъ не нуждается въ постоянномъ

понуканіи и больше дисциплинированъ. Какъ земледѣлецъ, онъ не имѣетъ конкурентовъ. Здѣшніе собственники и арендаторы очень охотно сдаютъ китайцамъ отдѣльные клочки земли, которые почему-либо не желаютъ или не могутъ эксплоатировать сами. На такихъ клочкахъ китаецъ разводитъ рисъ, таро, бананы, иногда устраиваетъ огородъ. Обработка рисоваго поля—очень хлопотливое дѣло. Прежде всего весь участокъ надо устроить террасами, уровень которыхъ разнился бы на нѣсколько дюймовъ. Затѣмъ часть его надо засѣять и устроить систематическое орошеніе. Когда рисъ взойдетъ ровно и густо на одной террасѣ, его надо разсадить правильными маленькими пучками по всему остальному пространству. Любо посмотрѣть, съ какою геометрическою правильностью и тщательностью совершается эта разсадка, несмотря на то что работать приходится по колѣна въ грязи. Выростаетъ рисъ, днемъ и ночью его надо оберегать отъ всякихъ хищниковъ, особенно отъ маленькой рисовой птички, которая, подобно воробьямъ, налетаетъ цѣлыми стаями. Въ извѣстный періодъ созрѣванія риса китаецъ съ утра до вечера прохаживается по своему полю, стрѣляя и гоняя птичку. Меня приводила въ изумленіе ихъ изобрѣтательность въ устройствѣ всякаго рода пугалъ, изъ которыхъ многія автоматически, силою вѣтра, махаютъ руками, вертятся, барабанятъ въ керосиновыя жестянки и т. п.

Португальцы по численности занимаютъ на плантаціи третье мѣсто. Взрослыхъ рабочихъ здѣсь около 16%.

Въ противоположность японцамъ и китайцамъ, между которыми женатые представляютъ исключеніе, португальцы рѣдко бываютъ холостыми, при чемъ семья въ 7—8 человѣкъ дѣтей представляетъ заурядное явленіе; нѣкоторыя доходятъ до 14. При такихъ условіяхъ казарменная жизнь невозможна, почему ихъ и размѣщаютъ въ отдѣльныхъ, разбросанныхъ по селу домикахъ. Послѣдніе построены по тому же плану: двѣ, рѣдко три комнаты съ общей верандою, на которую выходятъ двери; сзади и по сторонамъ прорублены небольшія окна. Полы дощатые, печей никакихъ, такъ какъ стряпаютъ португальцы отдѣльно, на дворѣ, въ устраиваемыхъ ими самими изъ камня большихъ, похожихъ на русскіе, очагахъ. Убранство: постель, столикъ, два-три деревянныхъ стула, иногда зеркальце или лубочная картинка, чаще оклеенный газетными иллюстраціями и американскими рекламами уголъ и уже непремѣнно если не цѣлый иконостасъ, то хоть нѣсколько католическихъ иконъ. Не всякая семья занимаетъ цѣлый домикъ; меньшія изъ нихъ тѣснятся въ одной, двухъ комнатахъ. Вокругъ дома слѣды попытокъ садоводства и огородничества, мало удачныхъ за неимѣніемъ воды.

Всѣ общественныя учрежденія: судъ, школа и т. д., находятся на главной улицѣ селенія. Зданіе вайанайскаго суда и связанной съ нимъ тюрьмы, болѣе извѣстное въ публикѣ подъ названіемъ „тыквы", по

внѣшности своей ничѣмъ не отличается отъ другихъ барачныхъ построекъ и ужъ никакъ не напоминаетъ ни по стилю, ни по величинѣ мрачныхъ мѣстъ заточенія другихъ странъ свѣта. Тутъ не видно и слѣдовъ казенщины; это такой же веселенькій, дощатый, выбѣленный известкой домикъ, какъ и всѣ другіе. Правда, прилегающій къ нему сзади небольшой дворъ обнесенъ дощатымъ заборомъ, но куры свободно перелетаютъ черезъ эту преграду въ обоихъ направленіяхъ. Фасадомъ своимъ онъ смотритъ на улицу. Изъ-подъ прикрывающаго отъ солнца навѣса видны двѣ всегда открытыя настежь двери; одна изъ нихъ ведетъ въ комнату жены полисмена и тюремщика, исполняющей въ отсутствіе мужа его обязанности, другая — въ самую „залу судебныхъ засѣданій", раздѣленную низенькой деревянной рѣшеткой на двѣ половины. Въ первой помѣщается каѳедра судьи и столъ шерифа, а вторая уставлена скамьями для публики. Единственнымъ украшеніемъ бѣлыхъ стѣнъ служатъ два телефона, связывающіе судъ со всѣми сколько-нибудь населенными пунктами острова и предоставляемые безплатно въ распоряженіе всѣхъ и каждаго, да нѣсколько фотографій бѣглыхъ, отыскиваемыхъ полиціей китайцевъ, съ надписью: 25 долларовъ награды за поимку.

Судебныя засѣданія бываютъ очень рѣдко, такъ какъ, несмотря на самый разнообразный составъ населенія, преступленія въ его средѣ составляютъ очень рѣдкое явленіе. Большая часть привлекаемыхъ къ отвѣтственности—пьяные нарушители благочинія и воскресныхъ законовъ, воспрещающихъ извѣстнаго рода занятія въ день субботній; иногда пойманные за азартной игрой японцы или курящіе опій китайцы. Преступленій противъ собственности, несмотря на то, что никто не запираетъ дверей ни днемъ, ни ночью, почти совсѣмъ не бываетъ. Это даетъ возможность вайанайскому судьѣ проживать почти все время на маленькой фермѣ и предаваться тамъ мирному занятію выращиванія таро. Онъ туземецъ - канакъ, еще молодой, и кое - какъ калякаетъ по - англійски. Судьей его назначили лишь года два тому назадъ, а до тѣхъ поръ онъ былъ машинистомъ на желѣзной дорогѣ.—Я очень радъ, что нашелъ легкую работу,—нерѣдко повторялъ онъ въ интимныхъ бесѣдахъ со мною.

Такимъ образомъ, зала судебныхъ засѣданій почти всегда свободна; открытыя настежь двери, свободное пользованіе тѣнью и телефономъ сдѣлали ее любимымъ убѣжищемъ коннаго и пѣшаго, а также мѣстомъ всякаго рода собраній общественнаго характера. По вечерамъ здѣсь собирается хоръ, въ которомъ принимаютъ участіе мужчины, женщины и дѣти и которымъ съ гитарой въ рукахъ управляетъ одна изъ учительницъ. Поются пѣсни канакскія, англійскія и испанскія, и настолько хорошо, что хоръ сдѣлался извѣстнымъ на островахъ; время отъ времени на маленькомъ пароходѣ онъ объѣзжаетъ болѣе населенные пункты и даетъ концерты.

На той же главной улицѣ, но на противоположномъ ея концѣ, у самой рѣчки стоитъ вайанайская школа. Большой участокъ казенной земли, примыкающій сзади къ пальмовой рощѣ, представляетъ сплошной зеленый лугъ, раздѣляемый низкимъ частоколомъ на двѣ половины. На одной изъ нихъ расположено зданіе школы, состоящее изъ двухъ большихъ дощатыхъ построекъ, а на другой—домикъ учителя, утопающій въ зелени и цвѣтахъ. Главный школьный домъ представляетъ два большихъ зала, раздѣленныхъ широкими раздвижными американскими дверьми; отворивъ послѣднія, учитель, по желанію, можетъ превратить оба класса въ одинъ. У дверей на небольшомъ возвышеніи помѣщается его каѳедра, а возлѣ нея фисгармонія. Весь классъ занятъ низенькими партами, а стѣны увѣшаны географическими картами, черными досками и другими школьными аксессуарами. Ученики и ученицы (школа смѣшанная) по возрасту и познаніямъ разбиты на 3 класса. Первые два помѣщаются въ главномъ зданіи, а третій, для маленькихъ дѣтей,—во флигелѣ. Учитель-американецъ (съ содержаніемъ отъ правительства въ 1.200—2.400 рублей въ годъ) имѣетъ двухъ помощницъ-каначекъ, такъ что для каждаго класса имѣется особый учитель. Всѣхъ учениковъ и ученицъ 120. Большая часть ихъ проживаетъ въ самомъ селѣ, а остальные—кто верхомъ, кто пѣшкомъ—собираются съ сосѣднихъ фермъ и поселковъ.

Что больше всего поражаетъ непривычнаго посѣтителя при входѣ въ эту школу—это ея пестрый этнографическій характеръ. Такого чудеснаго образчика международнаго расоваго сближенія подъ одной кровлей, кажется, не найдется нигдѣ на свѣтѣ. Это настоящій букетъ изъ дѣтей всѣхъ цвѣтовъ и странъ. Рядомъ съ блѣдненькой, бѣлокурой, голубоглазой, скромной нѣмецкой Гретхенъ сидитъ бронзовый, черноглазый, бойкій гавайскій мальчишка, а за ними, бокъ о бокъ, португальская дѣвочка мавританскаго типа и блѣдно-желтенькій китайчонокъ съ шустрыми узенькими глазенками и косичкой, нѣсколько разъ обвороченной вокругъ выбритой головки. Не менѣе интересны смѣшанные типы. Вотъ, напримѣръ, дѣти одной семьи, въ жилахъ которыхъ течетъ нѣмецкая, китайская и полинезійская кровь; а вотъ другіе, гдѣ смѣшались еврей, канакъ и американецъ. Разнообразію сочетаній нѣтъ конца.

Занятія въ школѣ начинаются въ 8 часовъ утра и продолжаются до 3-хъ съ часовымъ промежуткомъ въ 12 часовъ для завтрака и нѣсколькими небольшими перемѣнами между отдѣльными уроками. Они чрезвычайно разнообразны. Физическія работы въ школьномъ саду, хоровое пѣніе свѣтскихъ пѣсенъ подъ аккомпаниментъ фисгармоніи, маршировка и тому подобныя полугимнастическія, полутанцовальныя упражненія очень часто смѣняютъ ариѳметику, географію и другіе школьные предметы.

Передъ сахарнымъ заводомъ, съ выходомъ на главную улицу, стоитъ большой дощатый, покрытый сѣрою масляною краской баракъ, украшенный парой воловьихъ роговъ, символомъ хозяйственности. Это такъ называемый „оффисъ", по-русски контора, — административный центръ вайанайскаго хозяйства. Нѣсколько перетянутыхъ проволоками деревянныхъ столбовъ служатъ опорой для вьющихся растеній, защищающихъ его отъ солнца. Надъ баракомъ возвышается деревянная башенка съ призывнымъ колоколомъ, а надъ нею на высокомъ стержнѣ торчитъ жестяной пѣтухъ. Подъ навѣсомъ крылечка—почтовый ящикъ и нѣсколько скрывающихся за проволочной сѣткой объявленій. Внутреннее убранство такъ же просто, какъ и внѣшность. Низкая деревянная рѣшетка отдѣляетъ предназначенный для посѣтителей уголъ отъ остального пространства, занятаго несгораемыми кассами и столами. На стѣнахъ карты гавайской группы, острова Оагу, округа и плантаціи, а также фотографическіе снимки ландшафтовъ и сценъ мѣстности и завода.

Въ какое бы время дня вы ни пришли въ контору, между шестью часами утра и пятью вечера, вы всегда найдете тамъ молодого американца въ синихъ рабочихъ штанахъ и цвѣтной холщевой рубахѣ, безъ жилета и сюртука, съ трубкой или жвачкой табаку во рту. Это бухгалтеръ, онъ же и кассиръ плантаціи. Несмотря на толпу присутствующихъ, на ихъ громкіе споры надъ самымъ ухомъ, онъ прилежно работаетъ, углубившись въ книги и ариѳметическія выкладки. Когда работы нѣтъ, онъ укладываетъ ноги на письменный столъ и охотно принимаетъ участіе въ разговорахъ.

Будучи хозяйственно-административнымъ центромъ и почтовой конторой, оффисъ въ то же время играетъ роль сельскаго аристократическаго клуба. Узнать новости, поболтать о политикѣ, послушать анекдоты, а то и просто посидѣть и провести время, не говоря уже о служащихъ, туда заходятъ прохожіе и проѣзжіе.

Служащіе живутъ въ отдѣльномъ кварталѣ. Для нихъ на лужайкѣ среди пальмовой рощи выстроенъ цѣлый рядъ коттэджей, составляющихъ нѣчто въ родѣ небольшой улицы. Въ общемъ, это самая красивая улица, какую я когда-либо встрѣчалъ; она напоминаетъ скорѣе богатую оранжерею, чѣмъ улицу. Каждый домъ покрытъ вьющимися растеніями и окруженъ садомъ изъ олеандровъ, рѣдкихъ сортовъ пальмъ и проч. Вся эта роскошь здѣсь, конечно, ничего не стоитъ и создана въ часы досуга самими жильцами. Всякій дворикъ носитъ на себѣ отпечатокъ національнаго вкуса своего автора. Англичане и американцы, наприм., довольствуются тщательнымъ содержаніемъ гладко выкошеннаго лужка (lawn), на которомъ лишь тамъ и сямъ виднѣется деревцо или кустикъ, тогда какъ нѣмцы совсѣмъ зарываются въ цвѣты и зелень.

Несмотря на дешевизну рабочихъ рукъ, машина работаетъ здѣсь всюду, гдѣ только ею можно замѣнить ручной трудъ. Отдѣльныя, раз-

бросанныя по сосѣднимъ долинамъ поля всѣ связаны съ заводомъ рельсовыми путями для доставки тростника и развозки рабочихъ на мѣста работы. Такого пути у плантаціи около $22^1/_2$ верстъ при трехъ локомотивахъ и 100 вагонахъ. Обработка полей совершается паровыми плугами, для чего имѣются два громадныхъ локомобиля со всѣми принадлежностями. Самую дорогую статью однако составляетъ искусственное орошеніе. Съ этою цѣлью устроены два резервуара для сохраненія дождевой воды и пробуравлено нѣсколько артезіанскихъ колодцевъ. Стальныя корыта, проводящія воду на поля, часто тянутся по нѣсколько верстъ. Самый заводъ снабженъ всѣми новѣйшими усовершенствованіями и освѣщенъ электричествомъ.

Относительно сбыта своего продукта здѣшніе сахарозаводчики находятся въ безусловной зависимости отъ могущественной корпораціи американскихъ сахарныхъ королей, захватившихъ все это производство и полный контроль надъ рынкомъ въ Штатахъ въ свои руки, и, несмотря на безпошлинный ввозъ, гавайцы не могутъ сбыть тамъ ни одного фунта безъ согласія и разрѣшенія корпораціи,—согласія, которое, конечно, какъ все въ Америкѣ, не дается даромъ.

Рано, чуть забрезжится свѣтъ надъ горами, долгій пронзительный паровой свистокъ будитъ спящее село. Черезъ полчаса за нимъ слѣдуетъ другой, возвѣщающій начало трудового дня. При близости къ экватору это бываетъ круглый годъ почти въ одно и то же время,— около $5^1/_2$ часовъ. Рабочіе всѣхъ цвѣтовъ и націй со своими надсмотрщиками, механики, сахаровары и еще раньше самъ управляющій уже на ногахъ. Пыхтятъ поджидающіе локомотивы; съ лопатами и кирками на плечахъ, въ широкополыхъ соломенныхъ шляпахъ толпами спѣшатъ къ нимъ рабочіе; еще нѣсколько минутъ—и они уже мчатся на открытыхъ платформахъ по берегу моря къ сосѣднимъ долинамъ, огибая горные кряжи.

Дымъ валитъ столбомъ изъ высокой трубы, гудятъ и стучатъ ровнымъ темпомъ заводскія машины. Управляющій и его клеркъ отдаютъ распоряженія собравшимся у оффиса коннымъ надсмотрщикамъ. Тамъ и сямъ одна за другою отворяются двери независимыхъ канаковъ, и изъ нихъ, протирая глаза и потягиваясь, показываются заспанныя фигуры хозяевъ въ неглиже и хозяекъ въ ситцевыхъ балахонахъ. Тяжело громыхая, изъ конюшни выѣзжаютъ громоздкія телѣги, влекомыя тройками и четверками муловъ и лошадей. Одна за другою открываются лавки, и къ 7 часамъ маленькій муравейникъ уже въ полномъ ходу.

Въ ранніе часы, когда свѣтъ еще борется съ мглою и на горизонтѣ еще виднѣется созвѣздіе Южнаго Креста, люблю я пройтись по берегу моря и посмотрѣть, какъ маленькіе краббы роютъ норки въ прибрежномъ влажномъ пескѣ. Юркнувъ въ нору, они набираютъ на днѣ ея

между суставами лапокъ одной стороны щепотку песку и, пробравшись снова бокомъ на свѣтъ Божій, быстрымъ, ловкимъ движеніемъ, какъ щелчкомъ, бросаютъ его на разстояніе 1—2 аршинъ. Однимъ изъ самыхъ раннихъ посѣтителей бываетъ морская цапля. Выбравъ стратегическій пунктъ на линіи, до которой доходятъ волны, вытянувъ шею, неподвижно, какъ окаменѣлая, стоитъ она на своихъ длинныхъ ногахъ, внимательно высматривая, не выброситъ ли волна чего-нибудь съѣдобнаго. Вотъ катится по отмели неосторожный краббъ; стрѣлой налетаетъ на него цапля и мигомъ прячетъ въ свою утробу. Спугните ее, и со страннымъ, жалобнымъ воплемъ расправитъ она неуклюжія крылья и улетитъ на сосѣднее болото. На смѣну ей, посвистывая и порхая съ мѣста на мѣсто, является стадо куликовъ, которые принимаются тоже искать чего-то па пескѣ. Въ сосѣднихъ алгаробахъ, окруженныхъ, какъ плакучія ивы, тонкими прядями свѣшивающихся внизъ вѣтвей, трещатъ неугомонныя майны и раздается отчетливое „та-ка-та!“ красавца дикаго голубя съ рябенькимъ ожерельемъ вокругъ фіолетовой шейки.

Въ воздухѣ тепло и влажно; тонкій прозрачный паръ подымается надъ водою. Волна за волной набѣгаетъ на низкіе коралловые прибрежные островки и отмели, разбиваясь о нихъ каскадами бѣлоснѣжной пѣны. Кое-гдѣ махнетъ хвостомъ рѣзвящійся дельфинъ, покажется широкая спина черепахи или плавникъ акулы. Невдалекѣ качается кокетливая яхта, привезшая наканунѣ толпу любопытныхъ туристовъ. Искрятся алмазами въ водяныхъ брызгахъ первые солнечные лучи и заливаютъ своимъ розовымъ цвѣтомъ проглядывающія изъ зелени бѣленькія хижины.

У берега горятъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ небольшіе костры, и каначки хлопочутъ вокругъ надъ приготовленіемъ завтрака отправляющимся на ловлю мужьямъ. Эти послѣдніе возятся со своими лодчонками, укладывая въ нихъ сѣти и крючки. А вотъ одинъ, управляя маленькимъ парусомъ, качаясь и скользя съ волны на волну, приближается къ берегу съ ночного лова. Завидѣвъ его издали, жена уже ждетъ у самой воды, чтобы помочь втащить лодку; смѣло ступаетъ она по поясъ въ воду, не снимая блузы, хватаетъ за носъ выброшенную валомъ лодку и быстро взбѣгаетъ съ нею за линію прибоя. Ихъ окружила любопытная толпа. Кто пришелъ купить, а кто просто посмотрѣть, что привезъ на этотъ разъ усталый сосѣдъ. Съ серьезностью опытныхъ рыболововъ, вооруженные удочками и жестянками отъ креветокъ, прохаживаются по берегу туземные и португальскіе мальчики, въ то время, какъ ихъ босоногія сестренки рѣзвятся здѣсь же, играютъ съ моремъ, то догоняя волну, то убѣгая отъ нея съ хохотомъ, или собираютъ разноцвѣтные камешки и ракушки.

Восемь часовъ. Деревенская аристократія спѣшитъ домой къ завтраку.

Слышится продолжительный звонъ школьнаго колокольчика, и босоножки всѣхъ цвѣтовъ и націй, съ книжками, тетрадками и грифельными досками подъ мышкой, кучками направляются къ школѣ.

А вотъ отворяются и двери лѣчебницы, гдѣ на крылечкѣ уже поджидаютъ доктора нѣсколько завернутыхъ въ красныя одѣяла японцевъ съ печальными физіономіями. Здѣсь вскрываются нарывы, извлекаются занозы, вырываются зубы, и послѣ всѣхъ этихъ разнородныхъ операцій маленькіе буддисты выходятъ съ еще болѣе вытянутыми физіономіями, медленно тащась къ своимъ квартирамъ. Ихъ смѣняютъ португальскія бабы въ широкихъ платкахъ, окруженныя кучами дѣтей.

Пустѣетъ широкая улица, только изрѣдка прогремитъ проѣзжающая телѣга или проскачетъ на лошади молодой канакъ, спугнувъ стаю копошившихся на дорогѣ майнъ и голубей. Деревенскія собаки съ громкимъ лаемъ бросаются вслѣдъ за нимъ, подымая столбомъ уличную пыль. Время отъ времени свистнетъ локомотивъ, и переѣдстъ черезъ улицу нагруженный тростникомъ поѣздъ.

Прибытіе каботажнаго парохода разъ въ недѣлю производитъ оживленіе, шумъ и суету. Между пристанью и конторой взадъ и впередъ то и дѣло катаются вагончики, и среди улицы выростаютъ груды мѣшковъ, ящиковъ и бочекъ, надъ которыми возятся приказчики и купцы съ тачками и телѣжками. У самой конторы собирается толпа и идётъ раздача почтовой корреспонденціи. Звенитъ телефонный колокольчикъ, шутки и остроты сыплются со всѣхъ сторонъ.

Въ полдень рабочій завтракъ. Кто работаетъ поближе, бѣжитъ въ ресторанъ или къ себѣ домой, но главный контингентъ рабочихъ завтракаетъ въ полѣ; туда посылаются спеціальные поѣзда, нагруженные ведерками, жестянками, кульками и плетеночками съ рисомъ, тщательно завернутыми въ тряпочки.

Послѣ завтрака начинается нагрузка сахара. Нагруженные доверху мѣшками, опять забѣгали вагончики между пристанью и заводомъ. Съ берега мѣшки спускаются въ лодку и доставляются на пароходъ. Отсюда сахаръ пойдетъ въ Гонолулу, а потомъ въ Санъ-Франциско, на рафинадный заводъ своего короля.

Въ это полуденное время и зимою и лѣтомъ становится довольно жарко, хотя не жарче, чѣмъ въ наши іюньскіе и іюльскіе полдни. Сѣверо-восточный пассатъ значительно умѣряетъ температуру и дѣлаетъ работу подъ открытымъ небомъ сносной, особенно при нѣкоторой привычкѣ. Вспоминая русскую страдную пору, когда, обливаясь потомъ, бабы жнутъ, а мужчины косятъ въ однѣхъ сорочкахъ, то и дѣло подбѣгая къ жбану съ квасомъ, мнѣ кажется, что здѣсь легче.

Въ пять часовъ, а по субботамъ въ четыре — общая забастовка. Усталые рабочіе тѣмъ же манеромъ возвращаются по желѣзнымъ доро-

гамъ домой и прежде всего спѣшатъ выкупаться. Улица пустѣетъ, оставаясь въ полномъ распоряженіи куръ, маинъ и собакъ. Въ больницѣ идетъ вечерній пріемъ, закрывается контора, и у дверей ея ночной сторожъ занимаетъ свой обычный постъ.

Въ шесть — обѣдъ и полная тишина, только изъ ресторана доносится оживленный говоръ на какомъ-то смѣшанномъ англійско-нѣмецко-полинезійскомъ нарѣчіи, прерываемый хохотомъ и стукомъ ножей и вилокъ.

Послѣобѣденный часъ посвящается уходу за садами и цвѣтниками. Вотъ цѣлая семья туземцевъ, любителей цвѣтоводства, усердно трудится надъ ручнымъ насосомъ и связанной съ нимъ гуттаперчевой кишкой. Старикъ-кузнецъ поливаетъ изъ ведерки свои бананы и олеандры, нѣсколько японцевъ стригутъ траву ручною косилкой. Брызжутъ фонтаны, въ атмосферѣ разливается влажная свѣжесть и ароматъ цвѣтовъ съ примѣсью того характернаго запаха, который всякій разъ издаетъ при поливаніи высохшая, жаждущая земля.

Яркимъ золотомъ загорѣлся западный небосклонъ. Горитъ море, горятъ проходящія фантастической процессіей разноцвѣтныя облака. Что ни вечеръ, то другая картина, другіе формы и цвѣта. Увеличенное багровое солнце, прячась за синія воды, бросаетъ сквозь листы деревьевъ свои косые прощальные лучи на тонущіе въ цвѣтахъ и зелени кокетливые бѣлые домики. Проскользнувъ по верхушкамъ пальмъ и позолотивъ ихъ на ходу нѣжными красками, пурпуровыми, синими и фіолетовыми, ложатся они на изрытыя, растерзанныя вертикальныя стѣны стараго кратера. Зелеными гирляндами повисла на нихъ спускающаяся по оврагамъ растительность, и длинныя тѣни ложатся по долинѣ отъ одиноко торчащихъ скалъ и утесовъ. Высокія вершины кажутся еще выше; онѣ какъ будто силятся приподняться изъ окутывающей ихъ синеватой дымки и заглянуть, куда и зачѣмъ прячется это дивное солнце. Тщетно тянутся за нимъ, покачивая перистыми головками, стройныя кокосовыя пальмы. Пользуясь неприступностью, маины устраиваютъ тамъ свое вечернее генеральное рандеву, трещатъ и кричатъ на всю окрестность, спѣша передать другъ другу многочисленныя приключенія долгаго дня. Время отъ времени раздается пронзительный крикъ павлина, и, разсѣкая крыльями воздухъ, проносится къ своему гнѣзду запоздалый голубь. Стрекозы порхаютъ во множествѣ въ погонѣ за комарами, и, запрятавшись въ траву, громко призываетъ сверчокъ свою подругу.

Сумерекъ, какъ извѣстно, почти не бываетъ въ тропическихъ странахъ. Чуть закатится солнце — уже наступаетъ ночь, и блѣдная луна вступаетъ въ свои права. Вездѣ засвѣтились огни. Изъ португальскаго квартала доносятся звуки гармоники, а изъ зданія юстиціи — стройное хоровое пѣніе. Два канакскихъ мальчишка перекликаются издали тирольскими трелями; Богъ знаетъ, кто ихъ этому выучилъ. Въ китай-

скомъ и японскомъ кварталахъ, запрятавшись въ норы, играютъ въ карты и кости. У лавокъ собираются кучки, слышится смѣхъ и оживленный разговоръ. Проходя мимо школы, можно видѣть американца-учителя, растянувшагося въ лонгшезѣ на террасѣ своего училища и при свѣтѣ сильной лампы погрузившагося въ чтеніе романа. Энергическіе громкіе протесты раздаются по сосѣдству: это семейственная нѣмка хлопочетъ надъ укладываніемъ въ постель своихъ ребятишекъ.

На верандѣ плантаціоннаго дома собралось цѣлое общество. Дымится персидскій порошокъ, дымятся гаванскія сигары, примѣшивая свой ароматъ къ запаху благоухающаго сада, а изъ гостиной несутся громкіе полные аккорды Шопеновскаго вальса. Съ высоты тверди небесной смотритъ на все это и слушаетъ серебристый мѣсяцъ.

Въ 9 часовъ колоколъ ночного сторожа оповѣщаетъ всѣ званія и состоянія, что пора спать. Потухаютъ огни, умолкаютъ пѣсни, и остается онъ одинъ бесѣдовать съ луною и звѣздами.

По Гавайскимъ островамъ.

(И. Б.)

Гавайскіе острова обязаны своимъ происхожденіемъ двумъ глубокимъ параллельнымъ трещинамъ земной коры, чрезъ которыя въ теченіе многихъ вѣковъ, постепенно повышая поверхность, изливалась въ громадныхъ количествахъ жидкая лава. Эти трещины идутъ очень близко другъ къ другу съ сѣверо-запада на юго-востокъ и покрыты на своемъ протяженіи цѣлымъ рядомъ вулкановъ, счетомъ около 15-ти, изъ которыхъ лишь два, на крайнемъ юго-востокѣ, еще находятся въ дѣятельномъ состояніи. Въ этой вулканической группѣ по мѣсту и времени образованія различаютъ четыре вулканическихъ центра. Островъ Кауаи, самый меньшій, въ геологическомъ отношеніи самый древній, лежитъ на крайнемъ сѣверо-западѣ. Вторымъ по порядку и величинѣ является островъ Оагу съ двумя большими потухшими вулканами. И Кауаи и Оагу не представляютъ нынѣ никакихъ слѣдовъ вулканической дѣятельности. Третьимъ центромъ служитъ вулканическая группа, лежащая далѣе къ юго-востоку, возлѣ острова Мауи, а четвертымъ, самымъ большимъ по размѣрамъ и геологически новѣйшимъ, является островъ Гавайи съ его пятью грандіозными вулканами.

Такимъ образомъ, дѣйствіе вулканическихъ силъ обнаруживается постепенно въ одномъ и томъ же юго-восточномъ направленіи и притомъ съ возрастающей силой. То же явленіе въ частности наблюдается и на самомъ островѣ Гавайи. Изъ пяти его вулкановъ самый старый, совер-

шенно потухшій, расположенъ на крайнемъ сѣверо-западѣ острова, а самымъ послѣднимъ, новѣйшимъ и дѣятельнѣйшимъ вулканомъ острова и всей земли является Килауэа, стоящій на крайнемъ юго-восточномъ пунктѣ.

Кратеръ Килауэа считается наибольшимъ изъ дѣйствующихъ вулкановъ земного шара. Его окружность равняется 12-ти верстамъ, а поперечникъ 3—$4^1/_2$ версты.

Но въ чемъ же особенность гавайскихъ вулкановъ?

Во-первыхъ, въ большихъ размѣрахъ кратеровъ, какіе возможны только въ самыхъ слабыхъ пунктахъ земной коры. При такихъ размѣрахъ такъ называемыя взрывчатыя изверженія, какъ на Везувіи, почти невозможны. Здѣсь нѣтъ вулканическаго пепла, разбрасываемаго по окружности и постепенно поднимающаго кратеръ до высокаго остраго конуса лишь съ небольшимъ отверстіемъ посрединѣ; нѣтъ и высокаго столба дыма и огня, какъ на Везувіи, благодаря которымъ вулканъ можно видѣть за сотню верстъ; нѣтъ шума и треска, слышнаго издалека. Если бы не знали напередъ, что подымаетесь на вулканъ, то очутиться на самомъ краю кратера было бы сюрпризомъ: подъемъ настолько постепенный, что подумаешь, ѣдешь по ровной мѣстности. Нужно сдѣлать 40 верстъ, чтобы подняться на высоту какихъ-нибудь 4000 футовъ, и около 100 верстъ для высоты въ 14000 футовъ.

Вторая особенность заключается въ физическихъ и химическихъ свойствахъ лавы. Всѣ гавайскія лавы принадлежатъ къ такъ называемымъ „основнымъ“, т.-е. содержащимъ сравнительно небольшое количество кремневой кислоты (40—50%) и значительное — извести и магнезіи. Благодаря такому составу, онѣ болѣе жидки, чѣмъ обыкновенныя, „кислыя“ (65—66% кремневой кислоты); онѣ медленнѣе остываютъ и слѣдовательно при вытеканіи изъ кратеровъ расплываются вокругъ на большія разстоянія, образуя конусъ съ обыкновенно широкимъ основаніемъ при сравнительно небольшой высотѣ.

Такимъ образомъ вулканы эти представляютъ нѣчто въ родѣ почтенныхъ размѣровъ колодцевъ, наполненныхъ расплавленнымъ камнемъ. Какъ въ обыкновенномъ колодцѣ колеблется уровень почвенной воды, такъ и въ этихъ кратерахъ, вслѣдствіе измѣняющихся условій давленія внутри земли, уровень лавы то понижается, образуя большія озера лавы съ возвышенными берегами, то повышается, достигая береговъ и переливаясь черезъ нихъ. Въ послѣднемъ случаѣ, вслѣдствіе застыванія наружныхъ слоевъ жидкости въ соприкосновеніи съ атмосферой и болѣе холодными твердыми берегами, кольцеобразный уровень самаго кратера постепенно подымается, и вулканъ принимаетъ видъ сковороды, наполненной кипящей лавой. Стѣнки сковороды и уровень жидкости въ ней выше уровня окружающей плоскости. При дальнѣйшемъ поднятіи жид-

кость или прямо переливается потоками поверхъ стѣнокъ кольца, или, прорывая послѣднія въ слабыхъ пунктахъ, затопляетъ окружающую мѣстность.

Если повышеніе продолжается еще дальше, окружающая мѣстность превращается въ свою очередь въ колодецъ большихъ размѣровъ, образуя большій кольцеобразный кратеръ, и т. д. Наступившее внезапное уменьшеніе давленія и пониженіе уровня уберетъ всю жидкую лаву въ глубину первоначальнаго центральнаго колодца, оставивъ лишь большія концентрическія ямы, спускающіяся къ нему въ формѣ амфитетра.

На островъ Гавайи можно попасть не иначе, какъ изъ столицы Гонолулу, откуда каждые 10 дней отправляются въ этомъ направленіи каботажные пароходы, пристающіе по дорогѣ ко всѣмъ болѣе или менѣе населеннымъ промежуточнымъ пунктамъ группы. Благодаря этимъ остановкамъ, нагрузкамъ и выгрузкамъ товаровъ, путешествіе до города Гило, единственной пристани острова Гавайи, длится до полутора сутокъ.

Было 2 часа пополудни, когда мы оставили Гонолулу. Погода стояла хорошая, солнечная, какъ это обыкновенно бываетъ на подвѣтренной сторонѣ. Впрочемъ, Гонолулу, благодаря близости горъ и ущелью, прорѣзывающему здѣсь защищающій его отъ сѣверо-восточнаго пассата горный кряжъ, имѣетъ нѣкоторыя климатическія особенности. Черезъ это ущелье два-три раза въ день прорывается вѣтеръ, и тогда небо внезапно заволакивается облаками и идетъ дождь. Черезъ полчаса, часъ оно опять проясняется, и опять свѣтитъ и грѣетъ яркое солнце. Такое частое чередованіе дождя и солнечнаго свѣта какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ растительности, почему гавайская столица, въ противоположность остальнымъ юго-западнымъ берегамъ, совсѣмъ утонула въ растительности. Города почти не видно. Только тамъ и сямъ проглядываетъ изъ земли красная крыша дома, церковный шпицъ или башенка общественнаго зданія. Впрочемъ, впереди у самой пристани пріютилась обнаженная торговая барачно-ярмарочная часть, построенная на американскій ладъ. Непосредственно за нею, на отлогой покатости, вплоть до подножія высокихъ обрамляющихъ восточный горизонтъ горъ, раскинулся огромный тѣнистый садъ изъ всякаго рода пальмъ, манговыхъ и другихъ деревьевъ, подъ сѣнью которыхъ размѣстилась гавайская столица. Налѣво, къ сѣверу, синѣютъ Вайанайскія горы, а между ними и городомъ черезъ сплошную полоску банановыхъ, таровыхъ, рисовыхъ и тростниковыхъ полей и плантацій, пересыпанныхъ группами деревьевъ, отдѣльными фермами и полосками, тянется желѣзная дорога. Направо горизонтъ ограничивается высокимъ выдающимся въ море мысомъ оригинальной формы, напоминающимъ верхнюю часть бокала. Это небольшой потухшій кратеръ.

Не очень большая, но довольно глубокая и оживленная гавань наполнена пароходами, парусными судами, окружена элеваторами, доками

и проч. У берега цѣлый лѣсъ мачтъ, а въ отдаленіи на рейдѣ грозно качаются американскіе, англійскіе, французскіе и японскіе броненосцы. Гавайскіе острова по географическому своему положенію составляютъ центральный пунктъ сѣверной половины Тихаго океана и въ то же время единственную промежуточную станцію между материками Америки, Азіи и Австраліи, гдѣ суда дальняго плаванія имѣютъ возможность освѣжить и пополнить свои запасы топлива и провизіи. Въ этомъ смыслѣ торговое и военное значеніе острововъ громадно.

У подножія кратера, на самомъ берегу, зеленѣетъ большая кокосовая роща, среди которой раскинулись группами кокетливые дачные домики. Это Ваикики—любимое мѣсто морскихъ купаній горожанъ. Конно-желѣзная дорога связываетъ его съ столицей, отъ которой оно отстоитъ на полчаса пути.

Самая пристань есть нѣчто въ родѣ коралловой прибрежной лагуны, входъ въ которую обозначается рядомъ красныхъ пловучихъ буевъ. Обнимающія ее и горизонтально-ровныя коралловыя поля обнажаются во время отлива и тогда представляются чѣмъ-то въ родѣ мелкаго болота, среди котораго тамъ и сямъ торчатъ на сваяхъ какія-то спеціальныя постройки. Всѣ эти доки, элеваторы и соединяющіе ихъ рельсовые пути, взгромоздившіеся на высокихъ віадукахъ, голый американскій барачный квадратъ, загроможденный грудами строительнаго матеріала, складами товаровъ и проч., портятъ впечатлѣніе. Глазъ отдыхаетъ, когда посмотришь черезъ все это на раскинувшійся сзади огромный тропическій садъ, на высящіяся, покрытыя лѣсомъ горныя вершины или, обернувшись назадъ, взглянешь на изумрудныя береговыя воды, незамѣтно переходящія въ стальную синеву океана, и на охватывающую островъ прибрежную кайму бѣлоснѣжной пѣны отъ разбивающихся о кораллы морскихъ валовъ.

Обыкновенные пароходы причаливаютъ и стоятъ у самой пристани. Въ ожиданіи отъѣзда отъ нечего дѣлать смотришь съ высоты палубы на этотъ огромный дощатый баракъ, въ американскомъ же стилѣ и вкусѣ, гдѣ суетится разноцвѣтная толпа народа. Тяжелыя фуры ломовыхъ извозчиковъ грузно и шумно тащатся рядомъ съ легкими одноконными извозчичьими дрожками. По угламъ размѣстились уличные торговцы—„бѣлые“, продающіе лимонадъ, фрукты, печенья. Между ними рѣзко выдаются туземныя женщины, торгующія вѣнками и гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ,—единственная торговая спеціальность бѣднаго, по волѣ судебъ выброшеннаго на городскія улицы, канака.

Несмотря на политическіе перевороты,—ни одного мундира, ни одной каски, ничего военнаго, полицейскаго, офиціальнаго. Даже цилиндровъ не видно. Во всякое время года—ничего, кромѣ соломенныхъ шляпъ, свѣтлыхъ лѣтнихъ статскихъ костюмовъ мужчинъ и такихъ же свѣтлыхъ широкихъ блузъ женщинъ, изрѣдка перетянутыхъ кушакомъ или

лентой у болѣе молодыхъ и кокетливыхъ. Красивыхъ людей мало и они встрѣчаются преимущественно между туземцами, португальцами и метисами. Что касается американокъ, то всѣ здѣсь, какъ и въ Калифорніи, имѣютъ какой-то общій птичье-шаблонный видъ: худенькія, бѣлокурыя, съ острыми выдающимися клювами-носиками, раззолоченными зубами и выраженіемъ не то испуга, не то заботы и непріязни на лицѣ, быстро и механически смѣняющихся приторно-сладкой, офиціальной улыбкой при встрѣчѣ и разговорѣ.

Какъ въ итальянскихъ и греческихъ портахъ, вокругъ парохода какъ лягушки ныряютъ бронзовые туземные мальчики, искусно подымая со дна бросаемыя имъ пассажирами мелкія монеты. Имъ ничего не стоитъ проплыть туда и обратно до стоящаго на рейдѣ судна, ихъ не смущаютъ никакія акулы, и море кажется ихъ родною стихіей.

Но вотъ и свистокъ, одинъ, другой. Что-то зашипѣло, что-то дрогнуло. Застучали машины, замахали платки и шляпы, и пароходъ двинулся въ путь.

— Алога-нуи!.. Good-bye!..

Выйдя изъ гавани и обогнувъ вышеупомянутый мысъ, пароходъ продолжаетъ идти вдоль береговъ. Глазамъ открывается видъ на широкія прибрежныя равнины, покрытыя огромными свѣтло-зелеными полями сахарнаго тростника, среди которыхъ тамъ и сямъ ютится группа бѣленькихъ домиковъ или торчитъ высокая дымовая труба завода. За ними все тѣ же прорѣзываемыя долинами и глубокими оврагами зеленѣющія горы, вершины которыхъ тонутъ въ облакахъ.

Весь островъ въ прибрежныхъ частяхъ опоясывается свѣжею зеленью благодарной алгаробы. Но что за цвѣта! Какое богатство и разнообразіе красокъ и неуловимыхъ оттѣнковъ! Поистинѣ радужные острова, рожденные изъ глубины водъ, чтобы вдохновлять художниковъ и поэтовъ.

Когда на слѣдующее утро я вышелъ на палубу, солнце только что всходило, воздухъ былъ прозраченъ какъ кристаллъ и передъ глазами съ необыкновенною отчетливостью развертывалась прелестная панорама почти всего острова Гавайи. Онъ представлялся какъ бы составленнымъ изъ трехъ гигантскихъ муравьиныхъ кучъ, трехъ конусовъ съ широкими основаніями и плоскогорьемъ посрединѣ. Эти три муравьиныхъ кучи суть три главныхъ вулкана острова Гавайи: налѣво, къ востоку Мауна-Кеа (въ переводѣ — бѣлая гора), правѣе, къ юго-востоку Мауна-Лоа (далекая гора) и посрединѣ Гуалалаи (круглая). Въ это время (конецъ іюля) ни на одной изъ нихъ уже не было ихъ зимней снѣговой шапки. Только вооруженнымъ глазомъ можно было различить тамъ и сямъ во впадинахъ и трещинахъ небольшія пятна и полоски неуспѣвшаго растаять снѣга.

Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ острову, тѣмъ болѣе возвышенные берега заслоняютъ картину. Вотъ горы и совсѣмъ исчезли, уступивъ мѣсто

мертвымъ и пустыннымъ берегамъ, вдоль которыхъ, туда и обратно, мы проблуждали весь этотъ день, посѣтивъ многіе ихъ пункты, одинъ другого безотраднѣе, нагружаясь и разгружаясь и простаивая по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ. Врядъ ли было бы что и для кого выгружать здѣсь, если бы рельсовые пути не связывали этихъ стоянокъ съ плантаціями и поселеніями внутри страны.

Островъ Гавайи, какъ я уже замѣтилъ, есть геологически сравнительно новое образованіе, составленное сплошь изъ покрывающихъ другъ друга послойно широкихъ потоковъ лавы, изливавшихся періодически изъ пяти его вулкановъ. На этой юго-западной сторонѣ, за отсутствіемъ дождей и вѣтровъ, лава почти не вывѣтривалась и не измѣнялась. Ея нынѣшній видъ врядъ ли чѣмъ отличался отъ того, какой имѣла она нѣсколько вѣковъ тому назадъ, непосредственно послѣ изверженій. Она только побурѣла, порыжѣла отъ воздуха и при застываніи потрескалась, какъ трескается глина на высыхающемъ болотѣ. Мѣстность, однако, нисколько не напоминаетъ болота. Здѣсь нѣтъ ни капли воды; выпадающіе изрѣдка зимою дожди немедленно всасываются высохшей пористой лавой какъ губкой. Лишь кое-гдѣ виднѣется впадающій въ море пересохшій овражекъ съ пріютившейся въ немъ рыбацкой хижиной. Окруженная большими буграми земля постепенно поднимается вверхъ до горизонта, представляя совершенно оригинальный пейзажъ, до нѣкоторой степени напоминающій бессарабскую холмистую степь, пустыни Палестины или расходившееся грязное, внезапно застывшее въ бурый камень море. Время отъ времени бурые бугры пересѣкаются широкими потоками свѣжей черной лавы. Жутко здѣсь и хочется поскорѣе уѣхать.

Наскучивъ долгой стоянкой въ какомъ-то подобномъ мѣстѣ, мы сошли на берегъ. Нѣсколько китайскихъ хлѣвовъ среди разорванныхъ, безпорядочно наваленныхъ глыбъ чернаго и бураго камня да нѣсколько грязныхъ китайцевъ составляютъ все, что можно увидѣть въ этомъ неуютномъ мѣстѣ. Начинающаяся здѣсь желѣзная дорога, соединяющая пристань съ плантаціей внутри острова, нисколько не украшаетъ и не оживляетъ этого уголка, гдѣ нѣтъ ни дерева, ни тѣни, ни капли воды. Зайдя въ китайскую харчевню, мы заказали себѣ по чашкѣ кофе съ неизбѣжнымъ по законамъ американской гастрономіи будто бы яблочнымъ пирогомъ. Подавшій ихъ грязный китаецъ съ отпавшей кистью руки, вмѣсто котрой онъ носилъ кожаный футляръ, можетъ быть и не былъ прокаженнымъ, но былъ настолько подозрителенъ, что до кофе никто не рѣшился дотронуться. Зато куры нашли яблочный пирогъ очень вкуснымъ. Какъ ни мерзко было на пароходѣ, всѣ торопились обратно. По дорогѣ, къ великой радости нашей, попался канакъ, продававшій свѣжіе роскошные ананасы по баснословно дешевой цѣнѣ, и мы закупили всю кучу въ запасъ на будущее.

На этомъ берегу, нѣсколько южнѣе, погибъ Кукъ въ свалкѣ съ туземцами за похищенную лодку. Здѣсь, среди группы деревьевъ, окруженный укрѣпленными на столбахъ цѣпями, стоитъ небольшой каменный обелискъ. Это памятникъ великому мореплавателю, выстроенный по частной подпискѣ его соотечественниками. На немъ надпись: „Памяти великаго мореплавателя капитана Джемса Кука, который открылъ эти острова 18-го января 1778 года и палъ въ этомъ мѣстѣ 17-го февраля 1779 года“.

Однако не весь юго-западный берегъ выглядитъ такъ печально. Время отъ времени, благодаря исключительнымъ условіямъ орошенія, попадаются веселые, оживленные оазисы.

Къ вечеру мы начали огибать островъ къ востоку. Пустыня кончилась, и передъ глазами начали проходить совсѣмъ другія картины. Животворящая сила пассата тотчасъ выразилась превращеніемъ бурыхъ голыхъ холмовъ въ большія, исчезающія на горизонтѣ, покатыя къ морю равнины, покрытыя сплошнымъ ковромъ прекрасной кормовой травы. Большія стада скота бродятъ на этомъ просторѣ; тамъ и сямъ виднѣются группы деревьевъ, фермы и поселки съ раскрашенными въ свѣтлыя краски домиками. Мирный, почти русскій пейзажъ.

У самыхъ береговъ синеватая зелень безконечныхъ луговъ иногда уступала мѣсто свѣтло-зеленымъ правильнымъ полосамъ тростниковыхъ плантацій.

Взглянувъ на море, я замѣтилъ какія-то странныя существа, порхающія надъ водой. Никогда прежде я ихъ не видалъ и не могъ догадаться, что это такое. Съ виду они были похожи на огромныхъ стрекозъ съ вытянутыми горизонтально, длинными, узкими, полупрозрачными крыльями, а по величинѣ и формѣ тѣло напоминало сельдей. Выскочивъ изъ воды впередъ парохода, какъ бы принимая его за хищника и стараясь спастись, они пролетали значительныя разстоянія въ нѣсколько десятковъ и даже сотенъ метровъ и снова исчезали въ волнахъ.

— Что это такое?—спросилъ я у стоявшаго вблизи матроса.

— Это летающія рыбы. Странно видѣть, что рыба летаетъ, не правда ли? Кто не знаетъ, что есть такая рыба, тотъ и не повѣритъ, пожалуй. Вотъ вернусь домой въ Норвегію, въ свое село, и буду разсказывать всякую небылицу про морского змія и про людей съ однимъ глазомъ во лбу,—всему повѣрятъ! А заикнись про летающую рыбу, такъ тутъ самъ родной отецъ тебѣ скажетъ: — Ну, это ты уже врешь, братецъ!..

Помолчавъ немного, онъ продолжалъ:

— А рыба вкусная! Въ Гонолулу на рыбномъ рынкѣ продаютъ иногда. Ловить ее трудно, хотя другой разъ такъ разлетится, что на палубу десятками попадаетъ. Очень ужъ шуму боится.

— На Барбадосѣ въ Вестъ-Индіи отъ ея ловли цѣлый промыселъ. Сотни рыбаковъ компаніей выѣзжаютъ раннимъ утромъ и загребаютъ ее тысячами маленькой сѣткой, натянутой на обручъ. Только надо, чтобъ очень тихо было: малѣйшій стукъ, плескъ, кашель — и улетѣло все стадо, поминай какъ звали!

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ востоку, низкіе степные берега постепенно повышались, дѣлались обрывистыми, наконецъ поднялись къ облакамъ въ видѣ отвѣсныхъ утесовъ Когальскихъ горъ. Исчезли фермы и стада, и природа, дикая, величественная, вступила въ свои права. То, что представлялось глазамъ моимъ до поздняго вечера, было рядомъ самыхъ живописныхъ картинъ, какія я когда-либо видѣлъ. Берега Фирвальдштетскаго озера и нѣкоторые береговые пейзажи Италіи напоминаютъ ихъ только отчасти. Не скажу, чтобы послѣдніе были менѣе живописны: то и другое имѣетъ свой особый художественный характеръ, затрогивающій въ душѣ другія струны; сравнивать трудно.

Пароходъ двигался вдоль сѣвернаго берега Гавайи, всего въ какой-либо верстѣ отъ него. Налѣво на 40 верстъ разстилался проливъ, за которымъ едва виднѣлись гористые берега Мауи, а направо подымались къ облакамъ Когальскія горы, покрытыя сплошнымъ, непролазнымъ тропическимъ лѣсомъ. Достигнувъ пролива, онѣ вдругъ какъ будто обломились; часть упала въ океанскую пучину (въ этомъ мѣстѣ страшная глубина) и обнажила сѣрые и черные базальтовые разрывы. На послѣднихъ ясно различается горизонтальная слоистость покрывающихъ другъ друга лавовыхъ потоковъ. Но этого мало. Благодаря случившемуся когда-то внезапному поднятію всего берега, которое, можетъ быть, и было причиной облома, отвѣсныя скалы растреснулись до самаго основанія и образовали длинный рядъ равнобедренныхъ треугольниковъ съ острыми вершинами и округленными боками. Горы выглядятъ правильными фестонами, и раздѣляющіе ихъ глубокіе овраги внизу до того суживаются, что представляются лишь въ видѣ щелей, куда, кажется, трудно просунуть руку. Вся мѣстность служитъ памятникомъ какого-то страшнаго вулканическаго переворота. Тамъ и сямъ съ вершинъ этихъ горъ серебряными лентами въ нѣсколько тысячъ футовъ низвергаются прямо въ океанъ горные потоки. На нѣкоторой высотѣ они вдругъ разсыпаются въ жемчужныя брызги, въ которыхъ радужными цвѣтами играетъ заходящее солнце.

Понятно, что въ такомъ мѣстѣ ни о земледѣліи, ни о скотоводствѣ не можетъ быть и рѣчи. Только великая природа можетъ вести и ведетъ здѣсь свое хозяйство. Лѣса полны оленями, свиньями, лошадьми и другими одичавшими животными, которыя чувствуютъ себя въ этихъ естественныхъ крѣпостяхъ въ полной безопасности.

Только темная ночь, незамѣтно окутавшая живописные берега, согнала меня съ палубы въ мою каюту.

На зарѣ мы уже приближались къ городу Гило, главному населенному пункту острова Гавайи, конечной цѣли пароходнаго плаванія. Солнце только что показалось изъ глубины водъ на восточномъ горизонтѣ, и намъ пришлось простоять на рейдѣ около часа въ ожиданіи пока проснется городокъ. Да никто и не торопился,—такъ хорошо было кругомъ.

Бухта Гило въ небольшомъ масштабѣ очень напоминаетъ Неаполитанскую, если изъ картины удалить Везувій. Это такой же, занимающій 3/4 круга, резервуаръ голубой воды, окруженный невысокими, но живописными берегами, обрамленными не менѣе живописнымъ, тонущимъ въ синеватой дымкѣ горнымъ ландшафтомъ. Зелень всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, начиная отъ изумрудныхъ тростниковыхъ полей и кончая темною зеленью лѣсовъ, представляетъ основной фонъ пейзажа, набросаннаго среди голубыхъ водъ и лазореваго неба. Какъ и въ Неаполитанской бухтѣ, вся прибрежная линія представляется непрерывнымъ рядомъ кокетливыхъ домиковъ, то разбросанныхъ въ одиночку, то скучивающихся группами въ тѣни банановъ, манговъ и кокосовыхъ деревьевъ. Часть круга, ограничивающая гавань съ юго-восточной стороны, есть нѣчто въ родѣ естественной плотины,—узкая, далеко убѣгающая въ море полоса земли, кончающаяся послѣ небольшого перерыва маленькимъ островкомъ, занятымъ кокосовой рощей. Островокъ такъ и называется Кокосовымъ и служитъ для обитателей любимымъ мѣстомъ загородныхъ экскурсій.

Городъ Гило, съ населеніемъ въ 10 т., занимаетъ послѣ столицы Гонолулу первое мѣсто. По обыкновенію тропическихъ городовъ онъ тоже скрывается въ оранжерейной чащѣ настолько, что его почти не замѣтишь. Только одна параллельная съ гаванью улица выдвинула рядъ свѣтлыхъ домиковъ, въ окнахъ которыхъ играетъ золотомъ восходящее солнце.

Не люблю я городовъ, но Гило нельзя не полюбить. Да и слово „городъ“ къ нему какъ-то не идетъ и если примѣняется, то лишь за бѣдностью языка. Это и не городъ, и не деревня, а самая большая оранжерея, какую я когда-либо встрѣчалъ. Высадившись на берегъ, сразу вступаешь въ широкія тѣнистыя аллеи, почему-то называемыя улицами, обрамленныя справа и слѣва всевозможными диковинками тропической флоры. Цвѣты всѣхъ формъ и красокъ, дикіе и культурные, маленькіе и большіе, знакомые и никогда невиданные глядятъ отовсюду, высовываются изъ всякой щели, взбѣгаютъ по деревьямъ и свѣшиваются оттуда гирляндами надъ головой, — облѣпляютъ низенькіе, крашеные частоколы и такіе же низкіе каменные заборы, у которыхъ ютится и глушитъ все, что помельче, дикая, роскошная волкомерія, высотой въ человѣческій ростъ, усѣянная букетами бѣлыхъ и нѣжно-розовыхъ цвѣ-

товъ. По сторонамъ улицъ, вмѣсто тротуаровъ, въ тѣни деревъ круглый годъ, не переставая, журчатъ хрустальные ручьи. Тѣнисто, влажно-прохладно, воздухъ напоенъ ароматомъ цвѣтовъ. Совсѣмъ забываешь о близости къ экватору. Красивенькіе, тщательно выточенные и размалеванные разноцвѣтными красками одноэтажные коттэджи стоятъ другъ отъ друга на почтительномъ разстояніи, отдѣляясь садами, лужками, цвѣтниками, а то и просто глухими, заросшими чѣмъ Богъ послалъ, пустырями.

Городъ занимаетъ столько мѣста, что, за исключеніемъ упомянутой выше набережной, гдѣ сконцентрировались лавки и конторы, жителей почти не видно ни на улицахъ, ни въ домахъ. Мужчины ушли куда-то дѣлать свое дѣло, дѣти въ школѣ, а хозяйки хлопочутъ гдѣ-либо въ кухнѣ или на задней верандѣ. Нѣтъ тутъ ни конныхъ, ни желѣзныхъ, ни электрическихъ дорогъ, нѣтъ ни громыханья телѣгъ, ни пыли. Тишина полнѣйшая. Лишь изрѣдка по гладкой шоссейной мостовой безъ шума пронесется легкое боггэ женщины-врача, объѣзжающей своихъ кліентовъ, покажется прохожій, прогалопируетъ верхомъ дѣвица. Въ извѣстные часы раздаются мѣрные звуки церковнаго колокола, и у папертей показываются нѣсколько набожныхъ женщинъ; въ другіе часы на улицы высыплютъ толпы идущихъ въ школу или возвращающихся изъ нея дѣтей, нарушающихъ привычную тишину своимъ веселымъ смѣхомъ. Настоящее оживленіе замѣчается только къ вечеру, послѣ обѣда, когда всѣ отъ мала до велика собираются на верандахъ и молодежь обоего пола примется гулять, пѣть и рѣзвиться веселыми группами. Таковъ Гило съ внѣшней стороны.

Въ отношеніи населенія онъ представляетъ такую же пестроту, какъ и вся страна. Изъ его 10 т. населенія 34% японцевъ, 23% туземцевъ канакской расы, 15% португальцевъ, 13% китайцевъ, столько же метисовъ и бѣлыхъ туземцевъ и лишь 2% бѣлыхъ иностранцевъ (кромѣ португальцевъ). Достаточный, вліятельный, всѣмъ заправляющій классъ состоитъ почти исключительно изъ бѣлыхъ и полубѣлыхъ, главнымъ образомъ изъ американскихъ миссіонеровъ и ихъ потомковъ. Остальные—рабочіе или мелкіе собственники въ родѣ нашихъ мѣщанъ. Даже помимо имущественнаго или образовательнаго ценза бѣлая кожа составляетъ, если не de jure, то de facto, нѣчто въ родѣ дворянскаго паспорта. Очевидно, что здѣсь, какъ всюду на свѣтѣ, человѣкъ прежде всего долженъ имѣть порядочныхъ родителей. Американскіе миссіонеры не задумываются водворять цензъ бѣлой кожи даже въ дѣлѣ религіи. Здѣсь на одной и той же улицѣ вы увидите двѣ стоящія рядомъ протестантскія церкви одного наименованія; одна предназначена для бѣлокожей аристократіи, другая—для бѣдныхъ туземцевъ. Тотъ же принципъ проводится и въ школу. Бѣлые избѣгаютъ посылать дѣтей своихъ въ общія правитель-

ственныя училища. Для нихъ спеціально устроена правительствомъ такъ называемая привилегированная школа, содержимая на общія (бюджетныя) средства. Но и этимъ они недовольны и отдаютъ предпочтеніе платнымъ частнымъ училищамъ. Туземный канакскій языкъ совсѣмъ исключенъ изъ преподаванія.

Восхожденіе на Килауэа.

(И. Б.)

Было часовъ семь утра, когда мы покинули Гило и отправились по дорогѣ къ кратеру Килауэа. Вслѣдъ за экипажемъ канакскій мальчикъ велъ верховыхъ лошадей, чтобы дать намъ возможность продолжать путь тамъ, гдѣ кончается дорога и начинается горная тропинка.

На четвертой милѣ отъ Гило передъ нами открылись безконечныя пространства невоздѣланной земли, покрытыя сплошь высокими древовидными и другими папортниками. Такой картины я еще нигдѣ не встрѣчалъ. Она скорѣе напоминаетъ ландшафты и флору каменноугольнаго періода, чѣмъ какой-либо современный пейзажъ. Странно видѣть эти живые остатки далекой старины, когда животная жизнь на землѣ ограничивалась безпозвоночными да немногими амфибіями. Такъ и кажется, что вотъ-вотъ вынырнетъ изъ-за кустовъ какой-нибудь динозавръ или археоптериксъ.

Направо и налѣво, исчезая на горизонтѣ, тянулись эти зеленыя стены, переходя впереди въ темную зелень лѣсного пояса.

Дорога хорошая, шоссейная. Она строилась гавайскимъ правительствомъ и въ то время, когда мы проѣзжали, была еще не совсѣмъ окончена: оставалось 7 миль изъ 30, отдѣляющихъ Гило отъ кратера Килауэа. Теперь дорога окончена вся, и путешественники могутъ проѣзжать все разстояніе не выходя изъ экипажа.

На восьмой или девятой милѣ (подъ милей я всегда разумѣю англійскую—въ $1^1/_2$ версты) миновавъ кокосовую рощу, представляющую рѣдкое явленіе на 500-футовой высотѣ, мы въѣхали въ первый лѣсъ, состоящій почти исключительно изъ панданусовъ, съ ихъ пучкообразно расходящимися на концахъ вѣтвей длинными, линейными листьями и множествомъ воздушныхъ, тѣсно переплетенныхъ между собою корней. Мѣстами они смѣнялись тѣнистыми коа (Acacia Koa). Въ тѣни послѣднихъ, въ видѣ подлѣска, какъ въ нашихъ лѣсахъ лѣсной орѣшникъ, ютились довольно большія кофейныя деревья, которымъ собственникъ, очевидно, предоставилъ полную свободу бороться за свое существованіе со всякой дикой зарослью.

Время отъ времени попадались канакскіе домишки, и нашъ возница останавливался и велъ съ обитателями дружескую бесѣду.

Но вотъ и настоящій, дѣвственный тропическій лѣсъ. Какъ ни хорошъ онъ, но я ожидалъ большаго. Размѣры деревьевъ гавайскаго лѣса не представляютъ ничего выдающагося. Онъ скорѣе ниже, чѣмъ выше обыкновенной русской мѣрки. Съ перваго взгляда это, пожалуй, обыкновенный лиственный лѣсъ, не могущій спорить по высотѣ не только съ какими-нибудь калифорнскими секвойями, на вершины которыхъ нельзя взглянуть, не свихнувъ шеи или по меньшей мѣрѣ не потерявъ шапки, но даже съ обыкновенными хвойными лѣсами нашей родины. Темнотой и тѣнистостью онъ тоже не отличается. Наши дубовыя, буковыя, каштановыя и липовыя рощи куда тѣнистѣе.

Главнымъ элементомъ этого лѣса является такъ называемая на мѣстномъ языкѣ „огіа-легуа", почтенное дерево, по внѣшнему виду нѣсколько напоминающее нашъ вязъ. Стволъ его сѣраго или темнаго цвѣта, довольно корявый, суковатый, непрямой и для постройки не годится. Зато это дерево, подобно большинству здѣшнихъ древесныхъ породъ, отличается необыкновенною твердостью и представляетъ прекрасный матеріалъ для столярныхъ работъ, не говоря уже о свойствахъ его, какъ топлива. Его кора употребляется туземцами для окраски тканей. Листва на немъ небогатая; листья малые, кожистые. Красивымъ, даже очень красивымъ оно дѣлается только во время цвѣтенія, покрываясь сверху донизу большими ярко-красными цвѣтами. Въ этомъ видѣ огіа какъ нельзя больше напоминаетъ рододендры Гималаевъ.

Второе по количеству и росту мѣсто въ лѣсу принадлежитъ древовидному папоротнику. Его толстый стволъ, черный, мягкій какъ губка, составленный изъ продольныхъ, плохо связанныхъ между собою сосудистыхъ пучковъ, явственно видимыхъ, подымается безъ листьевъ или вѣтвей до высоты 3—4 саженъ и тамъ, какъ пальма, выпускаетъ изъ верхушки цѣлый пукъ большихъ папоротниковыхъ листьевъ. Нѣчто въ высшей степени оригинальное, красивое, но несовременное. Изъ центра макушки его туземцы извлекаютъ большія количества нѣжнѣйшей ваты бураго цвѣта. Папоротникъ растетъ въ такихъ количествахъ, что въ былые годы эта вата составляла предметъ торговли съ Калифорніей; ею начиняли матрацы и т. п. Неудобство ея для этихъ цѣлей въ томъ, что отъ долгаго тренія волокна превращаются въ пыль. Самый стволъ мѣстные жители употребляютъ для мощенія тропинокъ и дорогъ въ болотистыхъ мѣстахъ. Кромѣ того, испеченный въ природныхъ паровыхъ печахъ кратера, онъ даетъ сердцевину, по вкусу нѣсколько похожую на сыръ, плохой, конечно. Туземцы не только кормятъ ею свиней, но и ѣдятъ сами. Въ этомъ видѣ протертая съ молокомъ и сахаромъ че-

резъ сито, испеченная сердцевина дастъ кашу, могущую удовлетворить и болѣе гастрономическія требованія.

Третьимъ по распространенности въ этомъ лѣсу деревомъ является дикій гавайскій бананъ. Вездѣ, гдѣ случится сколько-нибудь тѣнистое и влажное углубленіе, непремѣнно растетъ ихъ цѣлая группа. Своими красивыми формами они придаютъ много прелести лѣсному пейзажу. Плоды этого дикаго банана меньше, но вкуснѣе и ароматичнѣе обыкновенныхъ, культурныхъ, называемыхъ здѣсь китайскими.

Въ промежуткахъ между упомянутыми растеніями въ видѣ обильной заросли растетъ много другихъ видовъ: нѣсколько породъ шелковичнаго дерева; изъ одного изъ нихъ простымъ распластываніемъ коры деревяннымъ молоткомъ прежніе гавайцы приготовляли свои „капа", единственную извѣстную имъ, такъ сказать, природную ткань. Часто встрѣчается дикое кофейное дерево, а также мирты, ава (Piper Metisticum), изъ корней котораго и до сихъ поръ еще приготовляютъ опьяняющій напитокъ, древовидныя батуры и множество видовъ меньшихъ папоротниковъ.

Но отличительною, сразу бросающеюся въ глаза особенностью лѣса является необыкновенное обиліе всякаго рода и вида вьющихся растеній и паразитовъ, осаждающихъ и облѣпляющихъ кругомъ всякое дерево, всякій сукъ до того, что часто трудно узнать, гдѣ хозяинъ и гдѣ гости. Послѣдніе до того переплетаютъ весь лѣсъ, что пройти черезъ него безъ топора положительно невозможно. Плохо приходится бѣдной огіа отъ этихъ непрошенныхъ нахаловъ, закрывающихъ ей солнце и впивающихся въ нее своими присосками. Безъ нихъ деревья навѣрно были бы и выше, и свѣжѣе, и зеленѣе. Нѣкоторыя изъ ползучихъ породъ взбираются на верхушки самыхъ высокихъ деревьевъ и такъ ихъ покрываютъ, что сколько ни вглядывайся, не различишь, какое дерево служитъ имъ опорой; вы видите сплошную гору стеблей и листьевъ, до того густую и переплетшуюся, что некуда всадить пальца. Такова, напр., бугенвилія. Зато когда эта гора зелени покроется сплошь яркими, красными цвѣтами,—что за прелесть! Бугенвилію нерѣдко разводятъ у домовъ, и тогда она покрываетъ всю крышу, драпируетъ стѣны и превращаетъ постройку не то въ нору, не то въ птичье гнѣздо.

Весьма красивую оригинальность лѣса составляютъ еще многочисленные, прикрѣпляющіеся подобно нашей омелѣ на вѣтвяхъ деревьевъ въ видѣ большихъ птичьихъ гнѣздъ, папоротники съ сплошными, неразрѣзанными, ланцетовидными и широкими листьями прекраснаго свѣтло-зеленаго цвѣта съ чудными фіолетовыми жилками. Иногда просто удивляешься, какъ помѣщается такое большое растеніе на такой маленькой вѣточкѣ. Очевидно, что послѣдняя служитъ ему не для питанія, а лишь точкой опоры.

Но всего, что есть въ этомъ лѣсу, не опишешь. Пока ѣдешь по дорогѣ и лишь смотришь направо и налѣво на его зеленыя стѣны, кромѣ богатства вьющихся растенiй, вышеупомянутыхъ папоротниковъ да красивыхъ цвѣтовъ, ничто васъ не поражаетъ. Но попробуйте сойти и проникнуть въ эту чащу хоть на нѣсколько десятковъ шаговъ, и вы почувствуете себя сразу, какъ, должно быть, чувствуетъ муравей, забредшiй въ копну только что скошенной травы. Никакiя встрѣчаемыя въ самыхъ дикихъ дебряхъ русскаго лѣса препятствiя не даютъ понятiя о томъ, съ чѣмъ приходится бороться здѣсь. Поваленныя деревья, кучи нагроможденнаго хвороста можно или обойти или перелѣзть. Здѣсь васъ окружаетъ снизу, сверху, съ боковъ сплошная, густая зеленая ткань. Нога точно на кочковатой болотной трясинѣ, если ее слегка покрыть хворостомъ и травою. Вы падаете на каждомъ шагу, цѣпляясь за невидимыя препятствiя, скользите по какимъ-то буграмъ и попадаете выше колѣна въ невидимыя, иногда наполненныя водою, ямы. Ноги вязнутъ между корнями, а при вытаскиванiи обувь нерѣдко остается въ глубинѣ, и ее приходится нащупывать и вылавливать руками. То вдругъ вы попадаете на папоротники такой густоты, что проходите по ихъ верхамъ, какъ по пружинному матрацу. Направо, налѣво, впереди сотни и тысячи переплетшихся войлокомъ корней, стволовъ, вѣтвей, нитей. Вамъ приходится раздирать все это руками, рубить ножомъ или топоромъ. Приходится подымать ноги выше пояса, проползать на четверенькахъ по тоннелямъ изъ сбитой зелени—и все это не въ темнотѣ, а въ зеленомъ полумракѣ, несмотря на яркiй солнечный день. Благодаря всякаго рода изворотамъ собственнаго тѣла, вы уже черезъ 20—30 шаговъ потеряли всякое понятiе о направленiи. Заблудиться здѣсь такъ же естественно, какъ въ арабскомъ кварталѣ африканскаго городка, и отваживаться идти безъ компаса и топора далѣе нѣсколькихъ шаговъ отнюдь не слѣдуетъ. Вѣдь въ нѣкоторыхъ направленiяхъ лѣсъ тянется на сто и больше миль, не прерываясь. Что если бы здѣсь были тигры, барсы, удавы, ядовитыя змѣи? Со всѣмъ оружiемъ въ такомъ мѣстѣ человѣкъ былъ бы безпомощенъ и беззащитенъ. Развѣ въ этихъ условiяхъ можно что-либо увидѣть заблаговременно и, увидавъ, развѣ можно защищаться? Чисто какъ муха въ паутинѣ!

Величайшимъ преимуществомъ гавайскихъ лѣсовъ является именно отсутствiе какихъ бы то ни было крупныхъ и мелкихъ хищниковъ, гадовъ, комаровъ, муравьевъ и т. п. Вообще путешествiе по нимъ не сопряжено ни съ какими опасностями. Съ компасомъ и топоромъ въ рукахъ и съ достаточной дозой настойчивости и терпѣнiя по нимъ можно гулять какъ по собственному саду. Чувство полной безопасности среди всѣхъ механическихъ затрудненiй дѣлаетъ ползанiе и карабканье по этому лѣсу положительно прiятнымъ. Вы какъ бы купаетесь въ этомъ

морѣ зелени, безпечно и довѣрчиво отдаваясь всѣмъ ея прихотливымъ ловушкамъ и капризамъ.

Хотя время отъ времени здѣсь и раздается веселое щебетаніе, а иногда и музыкальныя трели какихъ-то красненькихъ и желтыхъ птичекъ, но, съ точки зрѣнія животной жизни, лѣсъ мертвъ какъ могила. При такомъ обиліи растительной пищи бѣдность его насѣкомыми и птицами просто удивительна. Можетъ быть, ихъ еще не успѣли занести. Тотъ, кто впустилъ бы сюда нѣсколько канареекъ, соловьевъ и подобныхъ имъ тварей, оказалъ бы большую услугу лѣсу.

На 22-й милѣ намъ пришлось оставить экипажъ и пересѣсть на верховыхъ лошадей, такъ какъ далѣе дорога была еще въ строящемся, т.-е. самомъ безпорядочномъ, состояніи. Впереди виднѣлась длинная, исчезавшая на горизонтѣ, прямолинейная, широкая лѣсная просѣка. На мягкомъ, мѣстами прерывавшемся полотнѣ лежали временные рельсы, по которымъ на вагонеткахъ катали землю для насыпей. Около трехсотъ заключенныхъ, присланныхъ изъ столичной тюрьмы, работали подъ надзоромъ тюремныхъ надсмотрщиковъ сразу въ нѣсколькихъ пунктахъ линіи. Это была довольно пестрая толпа, составленная изъ китайцевъ, японцевъ, туземцевъ и бѣлыхъ. Одѣты они были такъ, что половина холщеваго костюма была коричневая, а другая половина синяя. Въ Соединенныхъ Штатахъ осужденныхъ одѣваютъ въ полосатую матерію національнаго американскаго флага, въ которой красныя и синія полосы чередуются между собой. Многіе работали почти голые. Тутъ же невдалекѣ стояли ихъ временные тюремные бараки.

Проѣхавъ нѣсколько миль по неудобному, раскопанному и размякшему отъ дождей пути, гдѣ всѣ естественныя удобства были уничтожены, а искусственныя еще не созданы, мы не безъ удовольствія увидѣли, наконецъ, мѣсто, гдѣ просѣка и работа кончались.

Далѣе дорога лежала по старой, нетронутой еще тропинкѣ. Настоящій лѣсъ здѣсь тоже кончается и уступаетъ мѣсто чахлой, бѣдной заросли. Наносная почва и черноземъ исчезаютъ, повсюду проглядываетъ голая лава.

Огіа принимаетъ карликовый, полузасохшій видъ, древовидные папоротники встрѣчаются все рѣже и рѣже, уступая мѣсто меньшимъ, обыкновеннымъ видамъ. Причина всего этого не столько въ высотѣ мѣста (около 3.000 ф.), сколько въ отсутствіи перегноя и вывѣтрившейся лавы. Ѣхать приходится по сравнительно свѣжимъ полямъ лавы, такъ называемой *„пагое-гое“*, сѣровато-темнаго цвѣта съ особымъ характернымъ блескомъ, который сравниваютъ съ блескомъ шелковистой матеріи, но который мнѣ болѣе напоминаетъ блескъ желѣза въ свѣжемъ изломѣ или нѣкоторыхъ видовъ наждаковой бумаги.

Мѣстами, гдѣ растительность не заслоняетъ восточнаго горизонта, открываются роскошные виды назадъ. Виднѣется чуть не вся отлогая

половина острова, городъ Гило и далекій, исчезающій въ туманѣ океанъ. Пробираясь по извилистой тропинкѣ среди густыхъ папоротниковъ, мы разъ или два неожиданно наткнулись на кавалькады туристовъ, женщинъ и мужчинъ. Стройныя, фешенебельныя лэди въ черныхъ амазонкахъ въ такой тропической глуши, гдѣ скорѣе ожидаешь наткнуться на тигра или слона, были большимъ сюрпризомъ.

Но вотъ сквозь кусты и деревья промелькнула полевая изгородь, первый признакъ близости человѣческаго жилья. Послѣ шестичасового путешествія шагомъ, дѣлавшагося съ непривычки утомительнымъ, и въ ожиданіи увидѣть, наконецъ, всесвѣтное чудо, мы ощутили внезапный подъемъ силъ и духа и пришпорили лошадей.

До сихъ поръ за всю дорогу отъ Гило, кромѣ лавы всѣхъ родовъ, не встрѣчалось никакого намека на близость дѣйствующаго вулкана. Первымъ его признакомъ были струи водяного пара, подымающагося здѣсь и тамъ изъ расщелинъ земли въ видѣ бѣлыхъ облаковъ. Заросли рѣдѣли и смѣнялись небольшими заброшенными полями и лощинами, гдѣ въ большомъ количествѣ цвѣли одичавшія розы. Онѣ были чуть ли не единственнымъ знакомымъ растеніемъ. Вся остальная флора имѣла чуждый, свойственный лишь этимъ островнымъ высотамъ характеръ. Нельзя не замѣтить особеннаго богатства брусничной семьи. Лучшимъ ихъ представителемъ является здѣсь *„огело“* (Vaccinium reticulosum), растущая въ такомъ изобиліи, что стоитъ остановиться на нѣсколько минутъ, чтобы набрать цѣлую шапку ягодъ. Она служитъ пищей не только здѣшнимъ дикимъ гусямъ (совершенно особая гавайская порода, которую можно видѣть лишь въ большихъ зоологическихъ садахъ Европы), но является къ столу у всякаго обывателя въ видѣ самыхъ разнообразныхъ блюдъ. Какъ ни хороши ея русскіе родственники: клюква, брусника, черника и проч., но всѣ мы не безъ патріотическаго прискорбія должны были признать гавайскую огело за царицу извѣстныхъ видовъ брусничной расы. По величинѣ, формѣ и цвѣту ягоды ближе всего къ клюквѣ, но слаще и вкуснѣе послѣдней.

Черезъ нѣсколько минутъ, выѣхавъ изъ закрывающаго все кустарника, мы очутились на большой, открытой площади, съ которой глазамъ сразу открылась богатая панорама на огромный конусъ Мауна-Лоа и всю далекую окрестность.

Невдалекѣ, на краю обрыва, стоитъ новое, выкрашенное въ сѣрый цвѣтъ двухъ этажное деревянное зданіе въ англо-саксонскомъ стилѣ съ угловой башней и широкой верандой, съ пристройками, флигелями и службами. Это и есть извѣстный путешественникамъ Volkano-house, отель, по удобствамъ и чистотѣ могущій играть роль первокласснаго въ любомъ городѣ средней руки. Вокругъ него отовсюду изъ трещинъ земли клубился паръ, какъ будто догорало зажженное поле.

— Но гдѣ же вулканъ?—спросилъ я встрѣтившаго насъ у подъѣзда учтиваго управляющаго, пока слуги принимали отъ насъ лошадей.

— Вулканъ? А вотъ потрудитесь взглянуть отсюда. И, взявъ меня за руку, онъ подвелъ къ самому краю обрыва, отстоявшаго отъ подъѣзда на нѣсколько шаговъ.

То, что я увидѣлъ, было грандіозно, ново и оригинально, но никакъ не согласовалось съ моими понятіями о дѣйствующихъ вулканахъ.

Мы стояли на краю довольно крутого обрыва, спускающагося террасами саженей на сто внизъ. Въ этомъ мѣстѣ онъ покрытъ зеленымъ лѣсомъ, между которымъ тамъ и сямъ мелькаетъ сбѣгающая внизъ тропинка. Это самая отлогая часть кратера. Направо и налѣво лѣсъ исчезаетъ, и голыя стѣны, то выше, то ниже, дѣлаются совершенно вертикальными. Онѣ уходятъ вдаль и тамъ гдѣ-то на противоположной сторонѣ снова соединяются въ видѣ невысокой горной цѣпи, обнимая собою огромное кольцеобразное пространство около 12 верстъ въ окружности. Это и есть кратеръ Килауэа.

Читатель еще менѣе представитъ себѣ, въ чемъ дѣло, вообразивъ, что въ то время, какъ онъ стоитъ среди волнистой степи съ конусомъ Мауна-Лоа на горизонтѣ, передъ его ногами земля вдругъ ушла бы внизъ на сотню саженей и образовала почти круглую яму съ вертикальными стѣнками. Стѣнки обрывистыя, черныя, бурыя, сѣрыя и всѣхъ промежуточныхъ между ними цвѣтовъ. Несмотря на стосаженную высоту, на которой вы стоите, глазъ не можетъ видѣть всего дна, а лишь большую его часть, и то, что онъ видитъ, есть море черной, какъ смола, застывшей лавы. Это, дѣйствительно, море съ волнами всѣхъ видовъ, большими и малыми, но неподвижными, застывшими, окаменѣвшими, какъ бы по внезапному велѣнію волшебной силы. Ни деревца, ни кустика, никакихъ признаковъ жизни на всемъ громадномъ пространствѣ. Черная пустыня, настоящее царство смерти, тамъ и сямъ прорѣзываемое глубокими трещинами. Бѣловатыя, желтыя и бурыя линіи, образовавшіяся отъ осадковъ буры, сѣры и т. п. изъ проникающихъ чрезъ трещины паровъ, виднѣются на немъ какъ барашки на гребняхъ волнъ. Изъ дна, изъ стѣнокъ и наверху вдоль всего кольца прорываются клубы водяного пара. Вдали и нѣсколько вправо поднимается цѣлая туча этихъ паровъ, отсвѣчивающая ночью и вечеромъ кровавымъ заревомъ далекаго пожара. Вотъ и все, что можно видѣть отъ вулкана изъ оконъ отеля.

Въ тотъ же вечеръ мы взяли верховыхъ лошадей и гида и въ компаніи съ другими туристами отправились къ самому дѣйствующему центру.

Солнце скрылось за стѣной Мауна-Лоа, и тропическая ночь съ обычной быстротой окутывала мракомъ окрестности, когда наша длинная кавалькада нырнула въ черную пропасть кратера. Какъ тѣни двигались впереди двое провожатыхъ съ фонарями въ рукахъ. Осторож-

нымъ шагомъ спускались привычныя лошади по крутой и капризной тропинкѣ, пробираясь межъ скалами, деревьями и кустами. Мелкій дождикъ моросилъ въ лицо влажной солоноватой пылью. Пробѣгая по острымъ гранямъ камней и утесовъ, рѣзвый, свѣжій вѣтеръ насвистывалъ унылую пѣсню и, развѣвая плащи и шали, подгонялъ насъ сзади. Гдѣ-то впереди горѣло зловѣщее, багровое зарево, отсвѣчивающее кровавыми красками на черныхъ тучахъ: послѣднія быстро бѣжали надъ головами какъ бы въ испугѣ отъ того, что имъ пришлось быть случайными свидѣтелями въ этомъ страшномъ и непріятномъ мѣстѣ.

Благодаря горному свѣжему воздуху, усталость какъ рукой сняло. Вмѣсто нея чувствовался необыкновенный приливъ энергіи и подъемъ духа, какихъ я давно не испытывалъ въ прибрежныхъ низинахъ. Ухо чутко прислушивалось къ завыванію вѣтра, а глазъ внимательно слѣдилъ, какъ потухали и снова разгорались впереди недобрые огни.

Вопреки разсудочной увѣренности, подъ вліяніемъ обстановки, казалось, что безсознательная природа говоритъ объ опасности и совѣтуетъ быть насторожѣ. Въ связи съ ожиданіемъ увидѣть нѣчто грозное, величественное и необыкновенное, нервное возбужденіе принимало какой-то мрачный оттѣнокъ. Всѣмъ намъ было жутко, хотя мы и не говорили объ этомъ. Мы ѣхали молча, опустивъ поводья и предоставивъ лошадямъ полную свободу. Тропинки нельзя было различить въ темнотѣ, хотя въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ и поворотахъ какіе-то выбѣленные известью ящики и камни указывали путь.

Выѣхавъ изъ лѣса и пройдя значительную часть спуска по голой мѣстности между разбросанными въ безпорядкѣ глыбами черныхъ камней, мы, наконецъ, достигли ровнаго дна кратера. Оно оказалось однако вовсе не такимъ ровнымъ, какимъ выглядѣло сверху днемъ. Тутъ были и холмы, и овраги, и долины, и воздушные мостики, кое-какъ переброшенные черезъ широкія трещины, въ глубинѣ которыхъ еще свѣтилась краснокалильная лава.

Прошло болѣе часа, пока мы добрались до сложенной изъ камня загородки для лошадей, чтобы послѣднія не затерялись и не погибли среди опасной пустыни. Привязавъ лошадей внутри и тщательно заложивъ выходъ, мы отправились дальше пѣшкомъ вслѣдъ за вожатыми, поднимаясь на какой-то холмъ. На вершинѣ его внезапно выдѣлилась изъ мрака постройка, нѣчто въ родѣ крытаго, просторнаго, защищаемаго съ трехъ сторонъ каменнаго сарая. Это наблюдательный постъ для туристовъ, устроенный на самомъ краю второго, внутренняго кратера. Здѣсь есть скамьи, костеръ, вода, вино, бутерброды и, что всего важнѣе, телефонъ на всякій случай. И днемъ и ночью вы застанете здѣсь толпу любителей природы и сильныхъ ощущеній, которые не полѣнились собраться со всѣхъ концовъ міра, проѣхать моря и континенты,

чтобы, укрывшись отъ дождя и вѣтра, провести здѣсь нѣсколько часовъ въ нѣмомъ созерцаніи величественнѣйшей, исполненной ужаса и прелести, единственной въ своемъ родѣ картины геенны огненной. Вулканъ былъ въ мало дѣятельномъ состояніи. Не слышно было ни грома, ни взрывовъ, ни подземнаго гула. Звуки были настолько слабы, что заглушались свистомъ вѣтра, и только когда послѣдній утихалъ, прислушавшись внимательно, можно было различить нѣчто напоминающее шумъ морского прибоя или ледохода на рѣкѣ.

Чтобы представить себѣ нагляднѣе то, что увидѣли мы, пусть читатель вообразитъ себя стоящимъ почти въ серединѣ большого кратера, который имѣетъ 12 верстъ въ окружности при 3—4$^1/_2$ верстахъ въ діаметрѣ и 100 саженяхъ глубины; на дно этого кратера мы спустились изъ отеля и ѣхали по нему болѣе часа. Пусть читатель представитъ себѣ, что въ то время, какъ онъ стоитъ на этой горизонтальной и сравнительно ровной плоскости застывшей лавы, у ногъ его земля провалилась еще разъ, образовавъ новое углубленіе съ вертикальными стѣнками глубиною въ 12 саженъ и 1$^1/_2$ версты въ поперечникѣ. Наблюдательный постъ расположенъ на самомъ краю этой ямы, и съ него виденъ весь второй кратеръ какъ на ладони. Его горизонтальное дно состоитъ изъ той же черной и пепельно-сѣрой, волнистой, застывшей, но болѣе свѣжей, чѣмъ на днѣ перваго кратера, лавы. Почти въ центрѣ его находится довольно правильное, круглое сковородообразное возвышеніе въ родѣ тѣхъ, какія видны въ телескопъ на лунѣ. Стѣнки сковороды или, вѣрнѣе, очень низко, у самаго основанія усѣченнаго конуса образовались изъ застывшей лавы. Во время нашихъ наблюденій онѣ возвышались надъ уровнемъ дна второго кратера всего на 3—4 сажени. Самая сковорода имѣетъ 130 саженъ въ діаметрѣ и до краевъ наполнена жидкою лавой, которая кипитъ и волнуется, какъ волновался бы въ сосудѣ кипящій асфальтъ или смола, съ той разницей, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ расплавленнымъ камнемъ, имѣющимъ страшную температуру 2.000° Ц. Поверхность жидкости отъ соприкосновенія съ холоднымъ воздухомъ покрыта тонкой темной пленкой около дюйма толщины! Несмотря на пленку, валы свободно гуляютъ по всему пространству, какъ на озерѣ во время бури, разбиваясь огненными брызгами о берегъ. Отъ нихъ постоянно трескается и разбивается тонкій ледъ на волнующейся рѣкѣ. Ея куски трутся одинъ о другой, надвигаются другъ на друга, выбрасываются волнами на берегъ и производятъ своеобразный шумъ, какъ отъ тронувшагося рѣчного льда.

Цвѣтъ корки—темный; зато въ трещинахъ повсюду виднѣется сама раскаленная жидкость—днемъ кровяно-краснаго, а ночью цвѣта яркаго пламени.

Такъ выглядитъ вулканъ во время полнаго затишья, которое не

продолжается однако долго. Если поглядѣть на него въ этомъ состояніи ночью, вамъ покажется, что вы смотрите съ высоты на большой растилающійся у ногъ вашихъ городъ. Трещины представляются яркоосвѣщенными улицами, а промежуточная корка играетъ роль темноты лежащихъ между ними кварталовъ. Иллюзія полная.

Но это, повторяю, продолжается недолго. Въ разныхъ мѣстахъ поверхности возвышеннаго озера вдругъ начинаютъ брызгать 10—15 огненныхъ фонтановъ. Большая часть ихъ помѣщается у окружности. Подымаясь сплошной огненной струей на высоту нѣсколькихъ саженъ и разсыпаясь тамъ цѣлымъ фейерверкомъ разноцвѣтныхъ линій и брызгъ, онъ разбрасываетъ вокругъ куски жидкой лавы.

Вѣтеръ подхватываетъ и уноситъ отдѣльныя жидкія капли, вытягиваетъ ихъ въ бурыя и зеленоватыя тонкія нити, которыя быстро отвердѣваютъ и отлагаются на окрестныхъ утесахъ. Фонтаны не держатся на одномъ мѣстѣ, а находятся въ постоянномъ вращательномъ движеніи, большею частью по окружности, придерживаясь береговъ. Они гонятся и перегоняютъ другъ друга, встрѣчаются въ серединѣ озера, сливаются, раздѣляются и снова разбѣгаются къ периферіи, начиная сызнова прежнюю гонку. Это настоящій дьявольскій шабашъ, танецъ, полный прелести дикаго, демоническаго разгульнаго веселья. Появленіе фонтановъ и ихъ странная пляска сопровождается какими-то, ни съ чѣмъ несравнимыми звуками, въ которыхъ сувѣрному можетъ почудиться и хохотъ дьяволовъ, и стоны истязуемыхъ, рвущихся на свободу жертвъ.

Время отъ времени стѣнка сковороды подъ напоромъ волнующейся жидкости разрывается въ наиболѣе слабомъ мѣстѣ, и изъ нея огненнымъ водопадомъ низвергается цѣлая рѣка пламени, затопляющая нижележащее дно кратера на большемъ или меньшемъ протяженіи.

При значительномъ и быстромъ поднятіи лава не успѣваетъ застыть по окружности. Въ этомъ случаѣ она перельется поверхъ стѣнокъ вмѣстилища и затопитъ весь $1^1/_2$-верстный кратеръ, какъ переливается и уходитъ во время сильнаго и бурнаго кипѣнія всякая жидкость изъ своего сосуда. Этотъ процессъ можетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока уровень второго кратера не сравняется съ дномъ перваго. Достигнувъ этого уровня, если дальнѣйшее поднятіе медленно, лава растопитъ его берега, тѣ скалы, гдѣ стоитъ теперь обсерваціонный постъ; затѣмъ, при еще дальнѣйшемъ медленномъ поднятіи, начнетъ строить новое, еще большее по размѣрамъ, кольцо. Такъ и случилось въ дѣйствительности. Въ то время, какъ я пишу эти строки, того сковородообразнаго возвышенія, которое мы видѣли въ центрѣ второго кратера, уже не существуетъ. Все углубленіе второго кратера періодическими разливами уже выполнено лавой, растоплены скалы, откуда мы наблюдали вулканъ, уничтоженъ наблюдательный постъ и вокругъ второго кратера

образовалось $1^1/_2$-верстное кольцо, по высотѣ только на 7 саженъ ниже уровня, на которомъ расположенъ Volcano-house. Конечно, въ горизонтальномъ направленіи оно отстоитъ отъ послѣдняго больше, чѣмъ на часъ пути, отдѣляясь отъ него широкимъ и глубокимъ пространствомъ, представляющимъ прежнее дно перваго, главнаго кратера. Теперь изъ новаго кольца рѣки лавы время отъ времени, прорывая стѣнки, тоже разливаются по дну главнаго кратера, и если бы Килауэа былъ такъ же дѣятеленъ, какъ въ тѣ далекія времена, когда образовался главный кратеръ, онѣ могли бы выполнить и эту грандіозную яму, снести Volcano-house и разлиться по самому острову. Такому процессу обязаны своимъ происхожденіемъ широкіе конусы Килауэа, Мауна-Лоа и всѣхъ гавайскихъ вулкановъ, образовавшіеся изъ періодическихъ послойныхъ разлитій жидкой лавы изъ центральныхъ отверстій. Но тѣ времена прошли и врядъ ли когда повторятся. Въ историческія времена энергіи вулкана обыкновенно хватало лишь настолько, чтобы время отъ времени разлиться и наложить новый слой на дно перваго кратера. Послѣдній такой разливъ былъ въ 1868 г. и повторился въ 1894 г. Изліянія же лавы по острову совершаются уже не поверхъ кратера, а подземнымъ путемъ, прорывая въ слабыхъ пунктахъ стѣнки главнаго конуса, обыкновенно далеко отъ вершины. Эти лавовые потоки большею частью избираютъ своимъ русломъ овраги, ущелья и низины, гдѣ никто не селится.

Колебанія уровня лавы имѣютъ періодическій характеръ. Повышенія смѣняются болѣе или менѣе быстрыми значительными пониженіями. Въ послѣднемъ случаѣ вся жидкая лава внезапно убирается, всасывается въ первоначальный, центральный колодецъ, иногда такъ глубоко, что ея совсѣмъ не видно. Такъ было весною 1891 года, когда сковородообразный резервуаръ, въ родѣ описаннаго мною, превратился въ черную зіяющую бездонную пропасть.

Возвратясь на слѣдующее утро къ мѣсту ночныхъ наблюденій, мы отважились въ сопутствіи гида спуститься внизъ на дно второго кратера и пройти черезъ все пространство вплоть до кольцеобразнаго, центральнаго резервуара. Спускъ затруднительный, крутой, по острымъ камнямъ разбитаго базальта, наваленнымъ искусственно для удобства. Гораздо опаснѣе путешествіе по дну второго кратера. Приходится идти порядочное разстояніе по застывшимъ потокамъ лишь нѣсколько дней тому назадъ излившейся лавы. Тонкая корка нерѣдко проваливается подъ ногами, нога уходитъ куда-то въ глубину, гдѣ Богъ вѣсть что ее ожидаетъ; возможно, что она попадетъ и въ жидкую лаву. Съ нами этого однако не случилось. Проваливавшіяся ноги хоть и чувствовали жаръ, но натыкались на вторую, болѣе прочную, корку.

Мы не только прошли чрезъ всѣ эти опасности, дошли до кольца, но взобрались на него и очутились у самой жидкости, погружая въ нее

палки и вынимая на нихъ куски остывающей кашицеобразной лавы. Въ эти куски мы клали и замораживали въ нихъ монеты. Это называется здѣсь „дѣлать образчики". Нашъ отважный гидъ примостился не безъ комфорта на маленькой береговой „льдинкѣ", если такъ можно назвать застывшую лаву, и занялся приготовленіемъ образчиковъ по заказу изъ отеля. Я каждую минуту со страхомъ ожидалъ, что „льдинка" обломится и бѣдняга отправится прямымъ путемъ въ преисподнюю. Тщетно звали мы его; онъ не хотѣлъ покинуть своего выгоднаго поста, пока одинъ изъ демоновъ-фонтановъ не замѣтилъ его излишней фамильярности: фыркая и брызгая огненнымъ дождемъ, подлетѣлъ онъ къ намъ и живо прогналъ всѣхъ на значительное разстояніе. Мы чувствовали себя какъ мальчишки, которыхъ жандармы прогоняютъ во время парадовъ и зрѣлищъ, когда они залѣзутъ ужъ слишкомъ далеко впередъ.

Главная опасность состояла въ томъ, что стѣнка резервуара въ мѣстѣ, гдѣ мы стояли, могла внезапно прорваться и тогда огненная рѣка прямо хлынула бы на насъ. Нѣкоторые смѣльчаки ходили по окружности кольца дальше, къ тому мѣсту, гдѣ уже два дня лился водопадъ; они были у самаго его берега. Говорятъ, очень красиво, но мы повѣрили имъ на слово и сами не отважились послѣдовать ихъ примѣру.

Проживъ три дня въ Volcano-house, собравъ цѣлый ящикъ минераловъ и туго набивши гербарій образчиками здѣшней флоры, на четвертое утро мы двинулись въ обратный путь. Шелъ дождь, и мы должны были плотно закутаться въ свои макинтоши, чтобы не промокнуть до костей. Огіи, бананы, папоротники грустно свѣшивали свои вѣтви. Лѣсъ плакалъ. Была суббота, работъ на дорогѣ не было, и она была пустынна. Лишь изрѣдка обгоняли мы какого-либо японца, какъ грибъ прячущагося подъ огромнымъ краснымъ зонтикомъ, или нагруженныхъ домашнимъ скарбомъ лошадей переселяющагося канака. Ѣхать шагомъ наскучило, и почти всю дорогу я прошелъ пѣшкомъ, ведя лошадь на поводу. Только въ чистой горной атмосферѣ непривычный къ ходьбѣ человѣкъ можетъ сдѣлать безъ устали 15 миль.

Апія.

(Гессе-Вартега.)

Цѣлую недѣлю долженъ былъ употребить нашъ пароходъ, чтобы придти отъ самаго близкаго изъ Соломоновыхъ острововъ къ уединенному Самоанскому архипелагу.

Все яснѣе и яснѣе вырисовывались высокія горы Саваіи въ влажной тропической атмосферѣ, красивѣе и величественнѣе становился прибой

волнъ вдоль бѣлыхъ коралловыхъ скалъ. Оба острова, Саваи и Уполу, окружены кольцомъ скалъ, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежатъ въ нѣсколькихъ километрахъ отъ берега, въ другихъ—подходятъ вплотную къ береговой линіи. Длинные заливы, различной ширины, между берегомъ и скалами, даже въ бурную погоду до извѣстной степени спокойны и доступны для плаванія на веслахъ; но за барьеръ скалъ можно отваживаться выѣзжать только въ тихую погоду. Великій океанъ несправедливо называютъ иногда „Тихимъ", такъ какъ если въ какомъ-нибудь одномъ мѣстѣ и можетъ быть полное затишье, то въ другихъ мѣстахъ зато въ то же время можетъ свирѣпствовать штормъ; водяныя горы разбѣгаются на тысячи верстъ въ разныя стороны, уменьшаясь лишь постепенно и постепенно переходятъ въ длинные вытянутые валы, которые въ открытомъ океанѣ даже въ штиль подвергаютъ корабль сильнѣйшей качкѣ.

Когда эти валы налетаютъ на скалы, подымается огромный прибой. Рѣдко я видѣлъ во время моихъ путешествій болѣе величественную картину, чѣмъ эти могучія волны, разбивающіяся въ бѣлую пѣну. Скалы, вертикально подымающіяся изъ волнъ, вытачиваются и выгрызаются; во многихъ мѣстахъ прибой высверлилъ въ скалахъ ниши, сообщающіяся съ вершиной скалы какъ бы трубой, и когда высокій валъ ударяется о такую скалу, то вода съ такой силой устремляется въ углубленіе, что выбрасывается изъ верхняго отверстія подобно гейзеру, бьетъ фонтаномъ на нѣсколько метровъ вверхъ, чтобы затѣмъ упасть въ океанъ миріадами водяныхъ брызгъ и пыли. Вѣчно идетъ эта атака волнъ, и вѣчно содрогается и стонетъ земля отъ этихъ ударовъ.

Для пассажировъ немногочисленныхъ пароходовъ, которые посѣщаютъ Самоанскіе острова, этотъ прибой доставляетъ любопытное зрѣлище, которымъ нельзя вдосталь налюбоваться. Вокругъ васъ удивительная синева моря съ длинными волнами, тамъ бѣлая полоса прибоя, окружающая берегъ, за нимъ ярко-зеленая линія кокосовыхъ пальмъ по берегу, а тамъ темный, густой первобытный лѣсъ, который взбѣгаетъ на горныя цѣпи и взбирается до самой вершины, иногда теряясь въ облакахъ. Многія береговыя деревни съ ихъ сѣрыми домиками были бы совсѣмъ незамѣтны между пальмами, если бы въ каждой деревнѣ не выдѣлялась бѣлая церковь или молитвенный домъ; между ними въ разныхъ мѣстахъ находятся склады товаровъ и копры.

Послѣ непродолжительнаго плаванья пароходъ входитъ въ проливъ, отдѣляющій Саваи отъ Уполу. Берега Саваи отступаютъ на задній планъ, стушевываются, тогда какъ берега Уполу становятся все яснѣе; мы уже отчетливо различаемъ огромную группу вулкановъ съ высокими кратерами и плантаціи кокосовыхъ пальмъ, расположенныя на постепенномъ скатѣ къ берегу. Это цѣлые лѣса пальмъ въ нѣсколько квадратныхъ

километровъ, съ сотнями тысячъ величественныхъ вѣчнозеленыхъ деревьевъ рѣдкой красоты и величины. Одна деревня смѣняется другой, смѣлыя очертанія горъ, подымающихся за селеніями, становятся все живописнѣе; пароходъ проходитъ узкій полуостровъ и вотъ онъ въ гавани Апіи.

Гавань очень красива. Водяная поверхность прерывается длинными рифами и широкими мелями, обнажающимися во время отлива, и замыкается плоскимъ полуостровомъ съ группами пальмъ, въ тѣни которыхъ виднѣются нѣсколько низкихъ „бунгало". На заднемъ планѣ видна Апія со своими скромными домиками, церковью, складами товаровъ и амбарами около бухты. Но вся панорама гавани не производила бы никакого впечатлѣнія, если бы ее, такъ же какъ и весь берегъ Уполу, не замыкали эти удивительныя горы. Круто и смѣло, какъ форпостъ центральной горной цѣпи, подымается гора Апія, величественная, красивая гора, покрытая пальмами и первобытными лѣсами, а за нею высится еще болѣе высокая горная цѣпь съ вулканическими конусами, подымающимися на высоту тысячи метровъ. Со склоновъ, поросшихъ дѣвственнымъ лѣсами, низвергаются горные ручьи и бѣгутъ по ущельямъ къ берегу, образуя тамъ и здѣсь пѣнящіеся водопады. На восточной сторонѣ высятся обрывы, которые представляютъ собою не что иное, какъ стѣнки обрушившагося огромнаго кратера; они образуютъ всевозможныя формы, съ отдѣльно стоящими шпицами, вершинами и скалами—настоящій горный лабиринтъ. Эти горы, вѣчно покрытыя растительностью, съ вершинами, часто закутанными въ облака, съ причудливыми очертаніями, и составляютъ главную красоту бухты Апіи.

Еще съ парохода я могъ прочитать на различныхъ домахъ „деревяннаго" города (въ Апіи каменныхъ домовъ очень мало) слово „отель". Самой красивой гостиницей мнѣ показалась „Тиволи", расположенная у устья рѣки Вайзигано, пересѣкаемой здѣсь длиннымъ хорошимъ мостомъ. Для этихъ острововъ конечно нѣтъ путеводителя или какой-нибудь другой справочной книги, и я направился къ отелю Тиволи. Онъ состоялъ всего изъ двухъ темныхъ комнатъ и широкой веранды. Эта гостиница мнѣ не понравилась, и я рѣшилъ направиться къ губернатору острова, съ которымъ я былъ ранѣе знакомъ, и просить его, чтобы онъ указалъ мнѣ, гдѣ остановиться. Губернаторъ посовѣтовалъ мнѣ поселиться въ Центральной гостиницѣ.

Жизнь въ Апіи не можетъ быть названа дешевой. Здѣсь въ употребленіи какъ нѣмецкія марки, такъ и англійскіе шиллинги, но ходячей монетой въ 1900 году могъ считаться американскій долларъ. Самая мелкая монета здѣсь англійская, серебряная, въ три пенса. Нумеръ единственной въ 1900 году газеты, появившейся въ Апіи, англійскаго еженедѣльнаго листка „Самоанскаго Герольда", стоилъ двадцать копеекъ. На монеты, болѣе мелкія, чѣмъ три пенса, расчета не производятъ, и если

Апія.

вы хотите въ почтамтѣ купить марку въ три пфеннига, то вы не будете въ состояніи заплатить за нее, а почтовый чиновникъ дать вамъ сдачи мелкими монетами. Но, повидимому, въ недалекомъ будущемъ англійскіе пенсы и американскіе доллары уступятъ мѣсто нѣмецкимъ монетамъ, а ярды—нѣмецкимъ мѣрамъ.

Моя первая прогулка по Апіи была очень интересна. По обѣимъ сторонамъ улицы—одноэтажные деревянные дома съ множествомъ лавокъ, въ которыхъ продаютъ всевозможныя вещи, отъ булавокъ и конфетъ до сѣделъ, только не то, что нужно какъ разъ купить. Товары привозятся на пароходахъ изъ Сиднея.

Идя отъ моста у Тиволи въ восточномъ направленіи, можно увидѣть скоро два дома англійскихъ миссіонеровъ, фотографическое заведеніе и библіотеку, въ которой, кромѣ англійскихъ книгъ, нѣтъ ни одной книги на другомъ языкѣ. На противоположной сторонѣ отъ этихъ домиковъ находятся отдѣльные склады товаровъ вперемежку съ садами и полями, а за ними слѣдуютъ англійское и американское консульства.

Собственно городъ лежитъ къ западу отъ моста, между нимъ и длиннымъ полуостровомъ. Деревянныя хижины расположены на близкомъ разстояніи другъ отъ друга, а гдѣ еще осталось свободное отъ строеній мѣсто, тамъ возвышаются тонкія кокосовыя пальмы или хлѣбныя деревья съ темно-зеленой листвой. Близъ одной прѣсноводной лагуны находятся различныя зданія католической миссіи: солидный каменный домъ, большой каѳедральный соборъ съ готическимъ фасадомъ и еще неоконченными башнями и школа съ нѣсколькими классами.

Напротивъ большой церкви лондонской миссіи, изъ открытыхъ оконъ и дверей которой раздается громкое пѣніе самоанцевъ, кричащихъ во все горло, расположено зданіе королевской администраціи, деревянный домъ, окруженный верандой съ небольшимъ садикомъ вокругъ, а также и почта. Почтмейстеръ есть въ то же время и секретарь губернатора, кассиръ и, кажется, также сборщикъ налоговъ. Здѣсь же по близости находится и зданіе суда, гдѣ можно найти судью, секретаря и полицейскаго чиновника. Вотъ весь персоналъ администраціи Самоанскихъ острововъ. Конечно, всѣ они говорятъ по-англійски. Безъ англійскаго языка въ данное время эти лица были бы безполезны. Апія, несмотря на большое число нѣмцевъ, въ основѣ и по торговлѣ—англійскій городъ, гдѣ каждый говоритъ и пишетъ по-англійски.

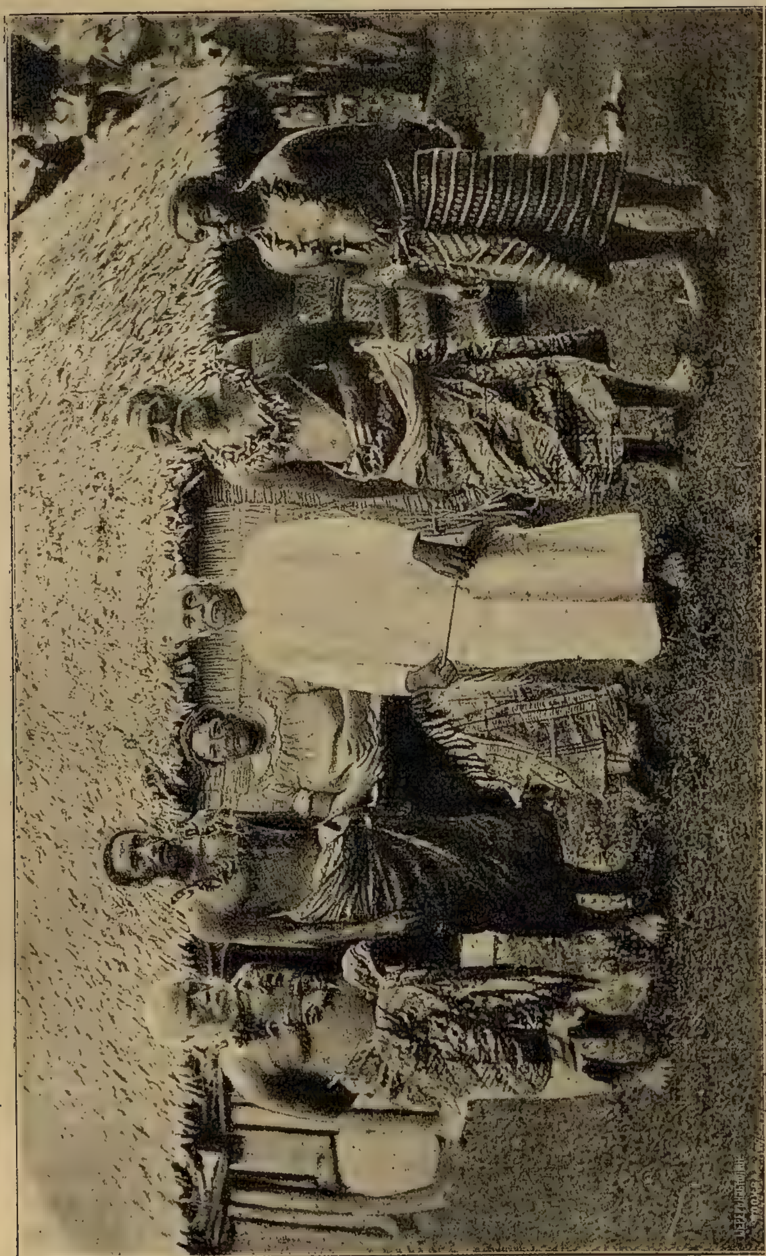
Въ то время, какъ въ восточной части Апіи господствуетъ англійскій языкъ, въ западной встрѣчается болѣе нѣмцевъ. Они составляютъ около половины бѣлаго населенія города. Повсюду обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе бѣлыхъ женщинъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ женъ миссіонеровъ, дамъ кавказской расы можно пересчитать по пальцамъ. Здѣсь вамъ встрѣчаются на каждомъ шагу дѣвушки-каначки.

Единственная улица Апіи достигаетъ песчанаго полуострова, который выдается въ море болѣе чѣмъ на два километра. Здѣсь встрѣчаются отдѣльные дома частныхъ лицъ и склады товаровъ, а затѣмъ вы вдругъ въ тѣни высокихъ пальмъ видите первыя хижины самоанцевъ. Прогуливаясь по городу, можно совсѣмъ забыть, что въ немъ туземныхъ жителей вчетверо болѣе, чѣмъ европейцевъ, такъ какъ деревянныя лавки послѣднихъ съ ихъ крышами совсѣмъ заслоняютъ панораму въ глубь острова, гдѣ среди сплошь покрытыхъ лѣсомъ террасъ горы Апіи, въ тѣни пальмъ, банановъ и хлѣбныхъ деревьевъ, расположены селенія туземцевъ съ ихъ круглыми или овальными хижинами.

Здѣсь на полуостровѣ находится домъ самоанскаго губернатора Матаафы. Мнѣ однажды пришлось услышать въ отелѣ любопытный разговоръ двухъ американскихъ дамъ, недавно пріѣхавшихъ сюда. „О, милая,— обратилась одна,—какой прекрасный человѣкъ! Я только что вернулась изъ королевскаго дворца. Его величество принялъ насъ, его дочь, принцесса, изъ своихъ рукъ угощала насъ кокосовыми орѣхами. Его величество былъ такъ любезенъ! На прощанье онъ пожалъ намъ руки. О!“

Наивныя дамы не знали, что Матаафа не король Самоанскихъ острововъ, а только губернаторъ, получающій отъ нѣмецкаго правительства три тысячи марокъ жалованья. „Королевскій дворецъ“, такъ плѣнившій американку,—простая самоанская хижина, устроенная такимъ же образомъ, какъ и другія, только немного больше размѣрами. Въ „дворцѣ“ я нашелъ и самого Матаафу. Мнѣ было очень интересно взглянуть на внутреннее устройство жилища самоанскаго начальника. Въ немъ все— туземное, за исключеніемъ только керосиновой лампы и металлической чашки для кофе. Самоанцы, хотя и находятся уже десять лѣтъ въ сношеніи съ европейцами, строго придерживаются даже теперь своихъ прежнихъ обычаевъ и привычекъ, и я во время моихъ поѣздокъ по островамъ не встрѣтилъ ни одного самоанца, который бы жилъ въ домѣ, устроенномъ по-европейски, или носилъ бы европейское платье.

На зеленой лужайкѣ поднимается овальной формы фундаментъ изъ обломковъ лавы, покрытый мелкимъ пескомъ. Вокругъ этого овала поставлены на разстояніи приблизительно одного метра одинъ отъ другого столбы крыши, въ 5 футовъ высоты, такъ что нужно наклониться, чтобы взойти внутрь, т.-е. на фундаментъ. На фундаментѣ возвышаются три толстыхъ столба, надъ которыми крестъ-на-крестъ прикрѣплены горизонтальныя балки, до краевъ крыши. Онѣ образуютъ основу для крыши. На нихъ положены полукруглыя бамбуковыя жерди, на которыя настлана пальмовая солома, т.-е. листья пальмы, образующіе крышу. Таковъ дворецъ Матаафы и таковы же, только меньше, и можетъ быть изъ менѣе прочнаго матеріала, дома другихъ самоанцевъ. Ни въ одномъ домѣ вы не найдете гвоздя или другой какой-нибудь желѣзной части;

Матаафа и его свита.

весь домъ скрѣпленъ волокнами, и настолько твердо, что самоанцы переносятъ иногда свои дома на другое мѣсто.

Какъ видите, самоанскій домъ — въ сущности одна легкая крыша, такъ какъ онъ не имѣетъ дверей и стѣнъ. Если самоанцу нужно защититься отъ вѣтра и дождя, то онъ опускаетъ красныя жалюзи изъ пальмовыхъ листьевъ. Въ домѣ рѣдко готовятъ кушанье, для этого отводится особое мѣсто за домомъ; но иногда посрединѣ фундамента имѣется цементированное углубленіе, въ которомъ зажигаютъ огонь ночью для освѣщенія жилища.

Когда гость приходитъ въ домъ, то дѣвушки тотчасъ разстилаютъ на песчаномъ полу тонкія цыновки. Такимъ же образомъ и я былъ принятъ Матаафой. Просить аудіенціи, конечно, вовсе не нужно. „Король“ не можетъ и спрятаться, такъ какъ еще издалека видно всѣхъ находящихся въ домѣ. Онъ сидѣлъ на цыновкѣ съ обнаженнымъ туловищемъ, поджавъ подъ себя по-турецки ноги; напротивъ его на другомъ концѣ площадки сидѣло нѣсколько человѣкъ „его свиты“ и между ними „салелези“ или придворный шутъ. При моемъ появленіи съ пола поднялся высокій старикъ, протянулъ мнѣ правую руку и пригласилъ меня занять мѣсто рядомъ съ нимъ. Стульевъ или какой-нибудь другой европейской мебели, какъ я уже сказалъ, нельзя встрѣтить ни въ одномъ самоанскомъ домѣ. Матаафа, являющійся представителемъ древнихъ королевскихъ родовъ Самоа, не окружаетъ себя королевскимъ блескомъ и совсѣмъ не носитъ знаковъ своей власти. Его скипетръ напоминаетъ формой египетскіе скипетры и представляетъ собой палку длиною въ футъ съ пучкомъ бѣлыхъ лошадиныхъ волосъ на концѣ. Волосы и борода у Матаафы были сѣдые, хотя онъ едва ли имѣлъ болѣе 60-ти лѣтъ. Онъ не помнитъ дня, ни мѣста своего рожденія, ни тѣмъ меньше своихъ лѣтъ. Когда я его объ этомъ спросилъ черезъ переводчика, то онъ сначала не понялъ и отвѣтилъ, что, должно быть, онъ очень старъ, а о томъ, гдѣ онъ родился, онъ могъ бы спросить у своихъ родителей, но, къ сожалѣнію, они уже умерли. Женщины и многочисленные слуги Матаафы живутъ въ отдѣльныхъ хижинахъ позади описаннаго дворца.

Самоанцы.

(Гессе-Вартега.)

Чтобы изучить жизнь и движеніе въ гавани Апіи и на улицахъ, мнѣ вовсе не нужно было выходить изъ отеля. Съ широкой веранды отеля я могъ наблюдать и рейдъ, и омываемые прибоемъ коралловые рифы, и уличную жизнь на улицѣ, прилегающей къ гостиницѣ. На этой улицѣ

съ восхода солнца и до глубокой ночи царитъ оживленіе и шумъ, зато тѣмъ спокойнѣе гавань, если только можно назвать этимъ именемъ опасный для судовъ, открытый сѣвернымъ вѣтрамъ заливъ.

Красивый островъ и симпатичный народъ! Я всегда съ удовольствіемъ смотрѣлъ на этихъ красивыхъ, сильныхъ и здоровыхъ самоанцевъ: самый красивый народъ всего Великаго океана отъ Китая до Перу, отъ Аляски до Австраліи. Въ то время, какъ жители другихъ островов— Гаваи, Фиджи, Тонга, Каледоніи—уже давно въ значительной степени утратили свои національныя особенности, щеголяютъ въ англійскихъ брюкахъ и американскихъ ботинкахъ и нанимаются въ услуженіе къ бѣлымъ, перенимая ихъ привычки (и гораздо чаще плохія, нежели хорошія), самоанцы, даже на Уполу, гдѣ они живутъ среди бѣлыхъ, остались такими же, какими они были до вторженія европейцевъ. Они выглядятъ какъ римляне; это—сильные люди съ отлитыми, какъ у статуи, формами, съ руками и ногами, которымъ могъ бы позавидовать любой англійскій атлетъ, и съ красивыми мужественными лицами. Большіе черные глаза сверкаютъ, красиво очерченный ротъ съ нѣсколько выпуклыми губами обрамленъ небольшой бородой, мелкіе бѣлые зубы, блестящіе какъ перламутръ. Волосы бываютъ коротко острижены и торчатъ на головѣ какъ щетка, или же нѣкоторые носятъ длинные волосы, завивающіеся мелкими кольцами вокругъ висковъ и на затылкѣ. Большинство самоанцевъ красятъ свои волосы известью, такъ что у нихъ получаются русые, иногда желтоватые волосы; многіе насыпаютъ извести въ волосы, и кажутся какъ бы опудренными, что идетъ особенно молодымъ. Но самое красивое украшеніе ихъ это—вѣнки изъ цвѣтовъ, которые они носятъ на шеѣ, и вѣнки изъ листьевъ, въ родѣ лавровыхъ, которыми они украшаютъ голову. Все это, вмѣстѣ съ ихъ красивыми формами и сильно развитой мускулатурой, дѣлаетъ ихъ похожими на гладіаторовъ.

Я никогда не забуду того впечатлѣнія, какое произвела на меня большая лодка съ тридцатью украшенными такимъ образомъ самоанцами. Въ тактъ ударяли они своими короткими веслами по голубымъ волнамъ и пѣли звучными голосами воинскую пѣсню. И мнѣ казалось, что я вижу передъ собой римскую галеру.

Единственная одежда самоанцевъ даже въ настоящее время—кусокъ ткани, бѣлой или цвѣтной, смотря по вкусу. Многіе въ Апіи, выходя на улицу, надѣваютъ короткую, застегнутую до шеи, куртку, которую однако дома немедленно снимаютъ. Шляпъ и обуви самоанцы вовсе не носятъ. Тотъ, кто видѣлъ оевропеившихся канаковъ на Сандвичевыхъ островахъ или Фиджи, или современныхъ японцевъ въ европейскихъ костюмахъ, тотъ возблагодаритъ небо, что самоанцы остались свободными отъ этихъ вещей, для нихъ совершенно безполезныхъ. Самоанцы — народъ съ развитымъ вкусомъ, они знаютъ, что лавровый вѣнокъ на головѣ

и обнаженныя ноги имъ идутъ гораздо лучше, чѣмъ самая красивая шляпа и кожаные башмаки. Къ сожалѣнію, лондонское миссіонерство нашло нужнымъ (для чего, трудно понять), чтобы женщины и дѣвушки, обращенныя въ христіанство, непремѣнно, идя въ церковь, надѣвали шляпы. Безъ шляпы ни одна самоанка англиканскаго исповѣданія не будетъ принята на небо. Какъ красивы эти женщины въ будни, когда онѣ гуляютъ съ вѣнками или цвѣтами хибискуса въ пышныхъ волосахъ! По воскресеньямъ онѣ должны смѣнять это природное украшеніе на шляпки, соломенныя или шерстяныя. Подобнымъ же образомъ французская католическая миссія могла бы приказать своимъ послѣдователямъ ношеніе башмаковъ, но она опасается произвести дурное впечатлѣніе и, можетъ быть, вызвать возмущеніе.

Платье самоанокъ, какъ это можно видѣть на улицѣ въ Апіи, состоитъ изъ куска матеріи, спадающаго до колѣнъ, или изъ коротенькой кофты и рубашки, съ глубокими вырѣзами спереди и сзади, безъ рукавовъ. То и другое шьется изъ тонкой матеріи, бѣлой или окрашенной въ яркіе цвѣта. Дѣйствительно красивыхъ самоанокъ я не видѣлъ въ Апіи. Лица ихъ слишкомъ толсты, точно такъ же, какъ и губы, за которыми виднѣются ослѣпительно бѣлые зубы. Ихъ черные большіе огненные глаза обрамлены густыми черными бровями, а пышные волосы свободно спадаютъ на плечи или слегка связаны на головѣ. Какъ и мужчины, самоанки любятъ придавать своимъ волосамъ красноватый цвѣтъ при помощи извести, поэтому нерѣдко можно встрѣтить брюнетокъ съ свѣтлыми волосами и черными бровями. Но часто молодыя женщины красятъ свои волосы не цѣликомъ, и поэтому у такихъ можно видѣть концы волосъ окрашенными въ желтый цвѣтъ, а остальное въ черный.

Главныя ихъ украшенія составляютъ цвѣты, вѣнки и татуировка. Несмотря на продолжительную совмѣстную жизнь съ европейцами, жители самоанскихъ островов, мужчины и женщины, съ рѣдкой настойчивостью удержали и до сихъ поръ обычай покрывать свое тѣло татуировкой, выводя на тѣлѣ красивые рисунки. Изъ тысячъ самоанцевъ, съ которыми я встрѣчался во время моего путешествія на Саваи и Уполу, я видѣлъ только одного самоанца, который не былъ татуированъ.

Накалываніе рисунковъ производится при помощи различной формы и величины гребней, сдѣланныхъ изъ человѣческихъ костей и снабженныхъ остріями. Эти гребни передъ татуировкой опускаются въ жидкость, приготовленную изъ маслянаго орѣха, и втыкаются въ выбранную часть тѣла; для этого татуировщикъ бьетъ деревяннымъ молотомъ по гребню. Многочисленные уколы вызываютъ ощущеніе острой боли, часто обусловливаютъ воспаленіе и опухоли, такъ что вся операція длится отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ. Обыкновенно нѣсколько молодыхъ людей татуируются одновременно, чтобы дать время татуировщику, который съ однимъ

Самоанки.

человѣкомъ долженъ былъ бы слишкомъ долго ждать, пока окончится воспаленіе.

Теперь, когда самоанцы вообще носятъ одежду, цѣль этого продолжительнаго и мучительнаго татуированья менѣе ясна; почти все тѣло подъ одеждой оказывается покрытымъ такими черно-синими рисунками настолько густо, что путешественники, открывшіе эти острова, сочли эту татуировку за одежду. Когда у самоанца при ходьбѣ раскрывается платокъ, то можно дѣйствительно подумать, что у него подъ платкомъ одѣта нижняя одежда. У женщинъ татуировка, впрочемъ, бываетъ не такая сильная, какъ у мужчинъ. Кромѣ этого, мужчины и женщины татуируютъ также нижнія части рукъ и ногъ мелкими рисунками, которые у многихъ напоминаютъ двойной крестъ. Дѣвочки и мальчики до 12 или 11 лѣтъ носятъ только короткіе платки вокругъ бедеръ.

Особенную картину представляютъ самоанцы въ Апіи по воскресеньямъ, такъ какъ они почти безъ исключенія, хотя только по имени, христіане. Воскресенье, какъ день нерабочій, день отдыха, нравится самоанцамъ, лѣнивымъ отъ природы, не любящимъ работы. Въ пятницу можно видѣть, какъ они ходятъ толпами съ свѣжей известкой въ волосахъ, чтобы добыть себѣ фрукты для субботней пирушки; въ субботу они варятъ ихъ, а мужчины отправляются на рыбную ловлю; а въ воскресенье предаются лѣни и ѣдятъ на всю недѣлю. Тогда семьи устраиваютъ общіе пикники, т.-наз. „тоанай", на которые каждый приноситъ ѣду, но прежде всего всѣ чинно отправляются въ церковь. Было пріятно видѣть въ воскресенье утромъ, какъ дѣвушки католическаго женскаго монастыря шли въ соборъ въ сопровожденіи монахинь, всѣ въ красивыхъ платьицахъ, украшенныя цвѣтами. Женщины надѣваютъ самыя лучшія свои платья, мужчины—бѣлыя куртки. Но безъ этихъ одеждъ и куртокъ они выглядятъ гораздо красивѣе.

Дѣти бѣлыхъ и самоанцевъ, мальчики и дѣвочки до 10—11 лѣтъ, купаются прямо на улицѣ подъ мостомъ у католическаго собора. Ихъ нянньки и старшіе сидятъ въ тѣни пальмъ, а родители ѣздятъ въ легкихъ американкахъ.

Молодые самоанцы—страстные наѣздники. Когда у нихъ остаются лишнія деньги, они употребляютъ ихъ на покупку лошади и галопируютъ по улицамъ. По вечерамъ они сидятъ около хижинъ и играютъ въ кости, деньги или поютъ свои мелодичныя пѣсни. Къ музыкѣ они чувствуютъ особенную любовь, и если играетъ оркестръ военнаго парохода или городская музыка, для самоанцевъ нѣтъ большаго удовольствія.

Къ счастью запрещеніе привозить имъ спиртные напитки соблюдается очень строго, и примѣръ, который подаютъ самоанцамъ иногда пьяные американскіе матросы, не находитъ среди нихъ подражателей.

Кромѣ другихъ положительныхъ качествъ, самоанцы отличаются своимъ гостепріимствомъ и привѣтливостью. На улицѣ мужчины и женщины привѣтствуютъ европейца, говоря „талофа“.

Въ дѣтскіе годы дѣвочки пользуются такою же любовью и нѣжностью родителей, какъ и мальчики. Туземцы, въ особенности вожди, любятъ большія семьи, такъ какъ большее число ея членовъ увеличиваетъ вліяніе и власть главы, и къ тому же содержаніе семьи ничего не стоитъ въ этой благословенной странѣ, гдѣ природа посылаетъ человѣку все нужное въ изобиліи и безъ всякаго труда съ его стороны.

Въ первые дни послѣ появленія на свѣтъ новаго члена общества подруги или родственницы его матери производятъ надъ головой ребенка нѣкоторыя манипуляціи съ цѣлью придать ей болѣе красивую по ихъ понятіямъ форму. Ребенка кладутъ на спину, укрѣпляютъ его голову между двумя тяжелыми камнями и затѣмъ рукою стараются по возможности выпрямить его лобъ и носъ. Наши орлиные носы, носы „лодкой“ по ихъ выраженію, считаются большимъ недостаткомъ наружности. Первыя недѣли ребенка кормятъ сокомъ кокосоваго орѣха, и только позже можетъ онъ утолять свой голодъ материнскимъ молокомъ.

Лѣнивые, любящіе удовольствія туземцы въ рожденіи ребенка и первыхъ событіяхъ его жизни находятъ прекрасный поводъ для различныхъ семейныхъ празднествъ. Когда ребенку исполняется три дня, устраивается большой праздникъ, въ честь чего всѣ друзья и родные приносятъ обычные подарки, съѣстные припасы, тонко сплетенныя пальмовыя цыновки, тапа (матеріи изъ древесной коры) и т. п. Послѣ этого собравшееся общество предается въ теченіе двухъ-трехъ дней пѣнію, танцамъ и ѣдѣ. Когда ребенокъ окрѣпнетъ настолько, что можетъ сидѣть, это событіе тоже празднуется, затѣмъ ползанье на четверенькахъ и наконецъ первые шаги ребенка.

Когда ребенку минетъ четыре или пять лѣтъ, начинается воспитаніе. Мальчики находятся подъ особымъ надзоромъ отца, дѣвочки—подъ надзоромъ матери и уже съ этого юнаго возраста пріучаются открывать кокосовые орѣхи, плести цыновки, собирать ракушки и съѣдобныхъ улитокъ. Такъ растутъ онѣ до 14—15 лѣтъ. Съ этимъ моментомъ связываются снова большія празднества, въ которыхъ принимаютъ участіе только женщины — родственницы и подруги. При этомъ случаѣ волосы дѣвушки коротко обрѣзаются, и совершенно прекращаются ея сношенія съ братьями и родственниками; она уже не ночуетъ въ домѣ родителей, а въ особенномъ помѣщеніи вмѣстѣ съ „таупоу“ (первой красавицей деревни).

Эти „таупоу“ являются одной изъ самыхъ оригинальныхъ особенностей жителей Самоа. Каждая большая деревня имѣетъ свою „таупоу“, обыкновенно самую красивую изъ дочерей вождя. Она является

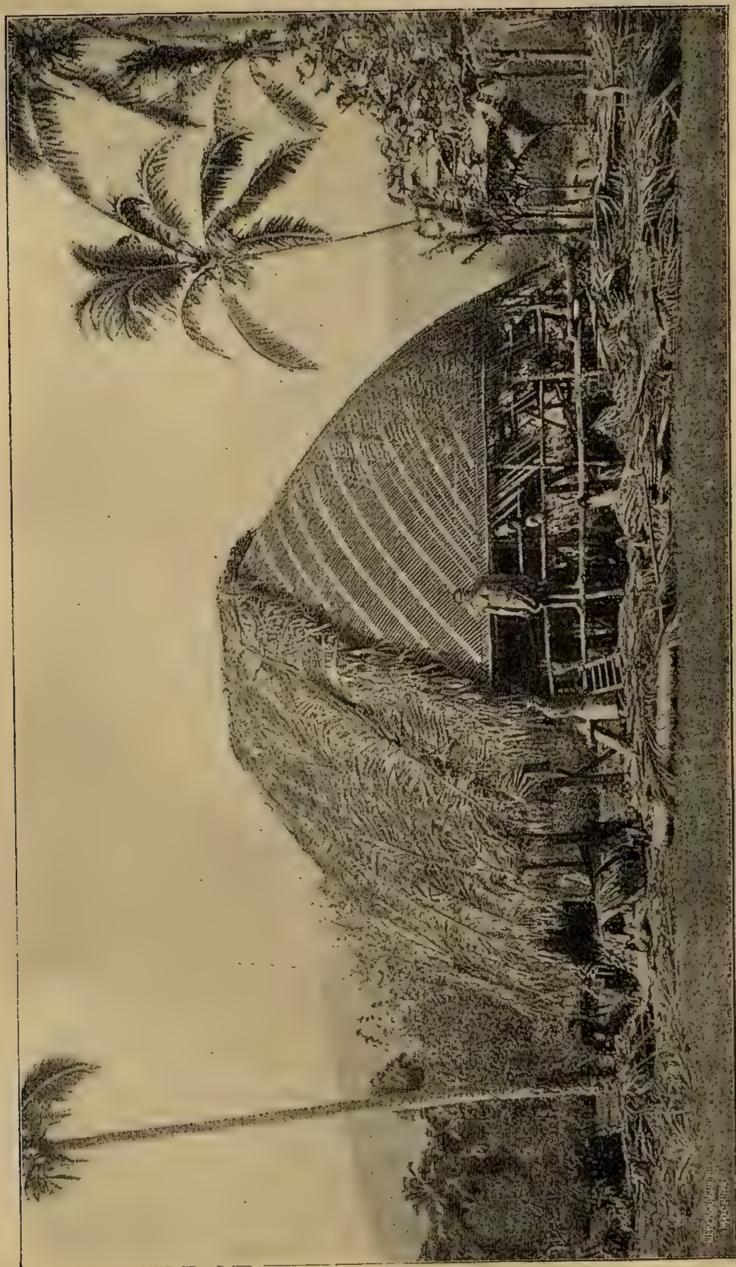
нѣкоторымъ образомъ представительницей деревни, принимаетъ иностранныхъ гостей. При праздничныхъ процессіяхъ она идетъ во главѣ шествія, причудливо изукрашенная; когда мужчины идутъ на войну, она предшествуетъ имъ; при посѣщеніи знатныхъ вождей, которымъ подносится „таалоло", почетные дары, состоящіе изъ съѣстныхъ припасовъ, „таупоу", одѣтая со всею роскошью, доступной туземцамъ, танцуетъ передъ несущими эти дары. Однимъ словомъ, она не только стоитъ во главѣ женской молодежи, но составляетъ гордость цѣлаго селенія и считается нѣкоторымъ образомъ общественной собственностью, за которою наблюдаютъ.

Начальникъ мѣстечка съ раннихъ поръ выбираетъ изъ своихъ дочерей дѣвочку, предназначаемую быть „таупоу"; если среди дѣтей его деревни находится какая-нибудь дѣвочка, обѣщающая превзойти красотой и привлекательностью его собственныхъ дочерей, начальникъ усыновляетъ ее. Такая дѣвочка получаетъ необыкновенно тщательное воспитаніе; она не дѣлаетъ никакихъ работъ внѣ дома, имѣетъ такое же право на лучшія кушанья, какъ самъ начальникъ, является признаннымъ любимцемъ среди жителей деревни, но за это лишается своей свободы: за нею тщательно слѣдятъ ея „соафинэ". Эти „соафинэ" нѣчто въ родѣ ея придворныхъ дамъ, пожилыя женщины, не отходящія отъ нея ни днемъ, ни ночью. Захочется ли ей пойти въ лѣсъ—собрать цвѣтовъ и листьевъ для вѣнка, или выкупаться въ морѣ, или просто посидѣть дома, старухи неуклонно слѣдуютъ за ней и строго охраняютъ ее. При этомъ онѣ дѣлаютъ все возможное, чтобы увеличить ея красоту. Кожа „таупоу" и такъ имѣетъ болѣе свѣтлую окраску, такъ какъ она не работаетъ на открытомъ воздухѣ, а старухи придаютъ ей еще большую нѣжность и гибкость втираніемъ душистаго пальмоваго масла. Затѣмъ избранная дѣвушка объявляется „таупоу" и занимаетъ свое мѣсто во главѣ дѣвушекъ всей деревни, съ которыми вмѣстѣ ночуетъ въ „фалетелэ", т.-е. домѣ для собраній или иностранцевъ.

Чѣмъ „таупоу" красивѣе, чѣмъ лучше она поетъ и играетъ, тѣмъ быстрѣе распространяется слухъ о ней по всей странѣ, и являются многочисленные женихи, но бракъ не совершается такъ быстро и просто, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ какъ ни женихъ, ни „таупоу" сами не смѣютъ располагать собою. На Самоа строго соблюдаются различія рожденія и положенія, такъ что свататься за „таупоу", дочь начальника, могутъ съ надеждой на успѣхъ только сыновья начальниковъ или начальники сами, и вслѣдствіе этого ея бракъ является важнымъ семейнымъ и государственнымъ дѣломъ. При этомъ требуется согласіе старѣйшинъ деревни, а такъ какъ на такихъ свадьбахъ подарки жениха дѣлятся между ними, то они естественно стремятся дать свое согласіе на сватовство только въ томъ случаѣ, если женихъ происходитъ изъ

богатаго и уважаемаго рода. Когда ихъ согласіе получено, въ деревню „таупоу“ посылаются развѣдчики, чтобы посредствомъ всевозможныхъ хитростей разузнать, свободна ли еще дѣвушка и какъ обстоятъ дѣла съ ея сердцемъ и состояніемъ. Только тогда нѣсколько друзей молодого начальника отправляются въ качествѣ официальныхъ сватовъ, снабженные обычными подарками — нѣкоторымъ количествомъ свиней, куръ и плодовъ таро. Если отецъ „таупоу“ принимаетъ эти подарки и она сама не оказываетъ никакого сопротивленія, дѣло покончено. Если отецъ или дочь заупрямятся, изъ деревни жениха отправляется новая экспедиція съ большимъ числомъ членовъ на этотъ разъ, и если „таупоу“ дѣйствительно такъ знатна и богата, что община жениха непремѣнно желаетъ видѣть ее женой ихъ будущаго начальника, то все населеніе деревни отправляется на своихъ лодкахъ въ деревню невѣсты, чтобы смягчить сердце строптиваго отца. Случается, что онъ имѣетъ личныя причины, антипатіи или что-нибудь въ этомъ родѣ, мѣшающія ему согласиться, тогда старѣйшины его деревни отрѣшаютъ его отъ отцовскихъ правъ, объявляютъ себя отцами и соглашаются на бракъ.

Тогда въ деревнѣ жениха совершаются приготовленія къ свадебному торжеству. Бракъ не есть чисто личное, а государственное дѣло, и такъ какъ на Самоа господствуетъ общность имущества, то въ деревняхъ жениха и невѣсты всѣ жители заботятся о томъ, чтобы собрать возможно больше свадебныхъ подарковъ. Друзья и родственники жениха собираютъ всевозможные предметы, приносимые мужчинами, — оружіе, принадлежности рыбной ловли, дубины, праздничныя украшенія, состоящія изъ звѣриныхъ зубовъ, перьевъ, раковинъ и волосъ, даже челноки и дома. Само собою разумѣется, что главную роль въ этомъ „алоа“ (сокровище жениха) играютъ съѣстные припасы. Кромѣ того, подруги невѣсты собираютъ „тонга“—всевозможныя произведенія женскихъ рукъ: тонкія циновки (драгоцѣннѣйшее достояніе туземцевъ), вѣера, гребни съ изящной рѣзьбой, тапа (матеріи изъ древесной коры) и другія вещи. По истеченіи нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ все готово, и невѣста отплываетъ въ деревню жениха со всѣми своими родственницами, подругами, старѣйшинами ея мѣстечка и большимъ или меньшимъ числомъ другихъ деревенскихъ жителей. Тамъ ихъ торжественно принимаетъ вся община, и первый день проходитъ въ удовольствіяхъ, пѣніи, танцахъ, состязаніяхъ и пирахъ. На слѣдующій день совершается бракосочетаніе на большой площади (такъ называемой „мараэ“). Съ одной стороны помѣщаются деревенскіе туземцы подъ тѣнью большихъ хлѣбныхъ деревьевъ, украшающихъ большинство „мараэ“. Послѣ совершенія нѣкоторыхъ обрядовъ тутъ поютъ и танцуютъ, невѣсту всѣ обнимаютъ и ласкаютъ, и день заканчивается общимъ весельемъ. Оба слѣдующіе дня проходятъ въ такомъ же бѣшеномъ весельѣ, пированіи и обмѣнѣ подарками. На четвер-

Постройка хижины.

тый день соотчичи невѣсты возвращаются къ себѣ, а молодая пара переходитъ въ новое жилище.

Такъ же шумно празднуется рожденіе перваго ребенка, послѣ чего молодая женщина на нѣсколько мѣсяцевъ возвращается къ своимъ родителямъ.

Понятно, что любовь не играетъ особенной роли при заключеніи описанныхъ офиціальныхъ браковъ. Это скорѣе родовые и государственные союзы, заключаемые въ интересахъ членовъ начальствующаго рода, и часто случается, что уже черезъ нѣсколько дней или недѣль молодая женщина возвращается въ домъ родителей. Если супруги рѣшаются разойтись, то они обсуждаютъ разводъ совершенно дѣловымъ образомъ, дѣлятъ имущество и дѣтей и разстаются. Но разведенная жена не можетъ выйти второй разъ замужъ при жизни своего мужа, а если онъ главный начальникъ, то и послѣ его смерти.

Христіанство и связанные съ нимъ обряды бракосочетанія почти вытѣснили за послѣднее время прежніе обычаи, но въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Уполу и особенно на островѣ Савайи бракъ иногда совершается и теперь вышеописаннымъ образомъ.

У простого народа сватовство немного разнится отъ вышеприведеннаго. Только вся церемонія проще. Если женихъ желаетъ получить дѣвушку, не соглашающуюся на бракъ, онъ является съ подарками къ ея родителямъ; если подарки приняты, значитъ, дѣло улажено,—хочетъ этого дѣвушка или нѣтъ.

Изъ всего сказаннаго можно вывести заключеніе, что жители Самоа, подобно большинству не-кавказскихъ народностей, считаютъ женщину неравнымъ себѣ существомъ. Но это не такъ. Самоанцы относятся къ женщинамъ съ нѣкоторымъ рыцарствомъ; женщины не дѣлаютъ никакихъ тяжелыхъ работъ, на долю мужчинъ падаетъ не только добываніе съѣстныхъ припасовъ, но и приготовленіе кушанья. Женщины знатнаго рода пользуются величайшимъ уваженіемъ, онѣ могутъ добиваться титуловъ и важныхъ должностей, даже до управленія цѣлыми округами. На празднествахъ, въ сношеніяхъ съ гостями и иностранцами женщины, какъ уже сказано, играютъ большую роль. Случайно попадая въ деревню, я находилъ дѣвушекъ щеголяющими только въ своей бронзовой кожѣ и „лава-лава“; но стоило мнѣ только пробыть тамъ нѣкоторое время, какъ онѣ уже являлись съ огненно-красными цвѣтами хибискуса въ густыхъ пепельно-бѣлокурыхъ отъ обезцвѣчиванія известью или черныхъ волосахъ и цвѣточными гирляндами на шеѣ, спадавшими на грудь.

Если самоанцамъ приходится работать на солнцѣ, они защищаютъ голову отъ палящихъ лучей, обертывая ее, какъ бы тюрбаномъ, кускомъ „сіапо“ (родъ плетенія изъ травы); въ дождливую погоду голова покрывается зеленымъ листомъ банана на манеръ шляпы; этотъ листъ

украшается пестрыми цвѣтами, и все вмѣстѣ образуетъ надежный, необычайно живописный и красивый головной уборъ.

Одинъ изъ лучшихъ обычаевъ жителей Самоа—ихъ опрятность. Такъ какъ почти всѣ живутъ на самомъ берегу моря, имъ легко купаться ежедневно одинъ или два раза, но они кромѣ того съ удовольствіемъ полощутся въ окрестныхъ потокахъ, становятся подъ водопады, а около Апіи даже главнымъ удовольствіемъ является отправиться послѣ обѣда на водопадъ Папазеа, взобраться на верхній край и оттуда соскользнуть въ воду по гладко отшлифованной водою скалѣ. Другое удовольствіе—танцы, которымъ предаются при всякомъ удобномъ случаѣ. Посѣщеніе бѣлыхъ является тоже такимъ случаемъ, особенно если дѣло идетъ о должностномъ лицѣ или знатныхъ иностранцахъ. Да даже моя скромная особа иногда чествовалась такимъ образомъ. Привѣтствуя меня, каждый туземецъ выпивалъ „кава“ по своему чину, послѣ чего старшій начальникъ обращался ко мнѣ съ длинною цвѣтистою рѣчью, на которую я черезъ переводчика отвѣчалъ тѣмъ же. Такимъ образомъ произносилось нѣсколько рѣчей одна за другой. Между тѣмъ наступала темнота, вскорѣ пара плошекъ изъ горящихъ кокосовыхъ скорлупъ освѣщала своимъ трепещущимъ свѣтомъ большую хижину, и мало-по-малу собирались остальные жители деревни, мужчины и женщины, чтобы присутствовать на „сива“. Безъ „сива“ нѣтъ праздника. „Сива“ называется народное пѣніе жителей Самоа, обыкновенно сопровождаемое танцами. Половину большой хижины покрыли цыновками, въ другой половинѣ столпились зрители, и тутъ появились танцовщицы въ фантастическихъ нарядахъ, числомъ около 12. Явленіе было такъ комично и своеобразно, что невольно захватывало вниманіе всѣхъ присутствующихъ. Подобное зрѣлище можно видѣть только на Самоа. Представьте себѣ дюжину дѣвушекъ самаго цвѣтущаго возраста, въ большинствѣ случаевъ настоящихъ красавицъ и на европейскій взглядъ, прикрытыхъ только у пояса передникомъ изъ душистыхъ листьевъ. Пышныя молодыя тѣла умащены душистымъ пальмовымъ масломъ, такъ что всѣ блестятъ, какъ полированная бронза; роскошные волосы падаютъ по плечамъ на спину длинными волнами, цвѣточные вѣнки являются ихъ единственнымъ украшеніемъ; такія же гирлянды обвиваютъ ихъ шеи и, падая иногда до колѣнъ, завязываются вокругъ ноги. Лица сіяютъ отъ волненія, счастливая улыбка играетъ на губахъ, показывая ослѣпительно бѣлые зубы. Слегка танцуя, красиво пошевеливая руками, входятъ онѣ въ двери и садятся въ два ряда на цыновки, скрестивъ ноги. Начинается необыкновенно пріятное пѣніе, при чемъ одинъ изъ туземцевъ на заднемъ планѣ бьетъ тактъ палочкой по свернутой цыновкѣ. На Самоа не существуетъ музыкальныхъ инструментовъ, все ихъ искусство заключается въ пѣніи, но тѣмъ выразительнѣе это пѣніе. Пѣніе большею частью трехголосное: въ первомъ

голосѣ поютъ одна или двѣ пѣвицы, во второмъ вдвое больше; прочія составляютъ заглушенный аккомпанементъ. На ряду съ собственно народными пѣснями поются безчисленныя пѣсни, пріурочивающіяся къ данному случаю, слова которыхъ сочиняются тутъ же пѣвицами очень искусно.

Во время перерывовъ разносятся „кава“ или сладости, и дѣвушки поднимаются, чтобы поболтать и посмѣяться съ присутствующими. Послѣ нѣсколькихъ пѣсенъ и плясокъ между весело настроенными зрителями замѣчается сильное волненіе. Всѣ смотрятъ по одному направленію въ глубокую тьму тропической ночи. Раздуваютъ огонь, такъ что пламя высоко поднимается, и вдругъ въ яркомъ свѣтѣ является „таупоу“ во всей своей юношеской красотѣ. Вся ея одежда также состоитъ изъ легкихъ цвѣточныхъ гирляндъ.

Всѣ бьютъ въ ладоши и кричатъ „майліэ! майліэ!“—туземное слово „браво“. Она благодаритъ милой улыбкой и занимаетъ мѣсто передъ другими пѣвицами, чтобы спѣть особенную, сочиненную въ честь гостя пѣсню. Затѣмъ слѣдуютъ другія пѣсни, пока „таупоу“ не поднимется, чтобы единолично исполнить нѣкоторые въ высшей степени граціозные танцы, которые сдѣлали бы честь даже европейской балеринѣ.

Черезъ Уполу.

(Гессе-Вартега.)

Изъ всѣхъ германскихъ колоній въ различныхъ частяхъ земного шара Самоа, конечно, самая новая и самая очаровательная. Нигдѣ не оставался я охотнѣе, ни на чемъ не останавливаются дольше мои мысли и воспоминанія и теперь, какъ на этой „жемчужинѣ Тихаго океана“, этомъ раѣ тропиковъ, который лежитъ такъ далеко отъ Германіи. Изслѣдованія, произведенныя на Самоа со времени присоединенія ея къ Германіи, касаются почти исключительно меньшаго изъ двухъ главныхъ острововъ Уполу, да и тутъ простираются только на непосредственныя окрестности Апіи и близлежащіе берега. Немногіе путешественники доходили въ своихъ экскурсіяхъ до восточнаго и западнаго конца или даже до южнаго берега острова. Вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ, какъ первый бѣлый поселенецъ ступилъ на Самоа. Тысячи пришли и ушли съ тѣхъ поръ, сотни остались, а на Уполу все еще есть области, мало или вовсе неизвѣстныя.

Величина острова не можетъ затруднить изслѣдованій, потому что Уполу очень малъ (всего 881 квадр. километръ), и проходящіе по нему горные хребты не достигаютъ высоты Шварцвальда. Опасностей со стороны людей и дикихъ звѣрей нѣтъ никакихъ: хищниковъ совсѣмъ не

существуетъ въ этой благословенной странѣ, а люди такъ любезны, такъ гостепріимны, проявляютъ такое уваженіе къ бѣлымъ, несмотря на многіе печальные опыты, что можно безбоязненно войти въ любую деревню и въ любой домъ.

Неизслѣдованность внутренней области Уполу можно объяснить только трудностями путешествія, такъ какъ большая часть острова окружена на далекомъ разстояніи горными хребтами безъ дорогъ и тропинокъ, покрытыми до самыхъ вершинъ тропическимъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Все населеніе ютится на морскомъ берегу; во внутренней части острова едва на разстояніи двухъ, трехъ километровъ отъ берега встрѣчаются только немногіе человѣческіе поселки. Горныя же области совершенно безлюдны. Поэтому о горныхъ мѣстахъ и истокахъ рѣкъ извѣстно очень мало, и большая часть обозначеннаго до сихъ поръ на картахъ Самоа невѣрна и вводитъ въ ошибки. Даже береговая линія дана небезошибочно.

Все это представлялось мнѣ достаточнымъ побужденіемъ для посѣщенія внутренней области Уполу и предпринятія изъ различныхъ пунктовъ поѣздокъ черезъ весь островъ. Начальникъ католической миссіи на Самоа самымъ любезнымъ образомъ помогъ мнѣ въ выполненіи этого предпріятія. Онъ не только далъ мнѣ рекомендаціи къ своимъ миссіонерамъ, работающимъ въ различныхъ частяхъ острова, но даже предоставилъ въ мое распоряженіе двухъ прислужниковъ миссіи, туземцевъ Самоа, двухъ ловкихъ молодцовъ, немного знакомыхъ съ англійскимъ языкомъ и охотно взявшихся переносить мой багажъ по дѣвственному лѣсу. Что это значитъ, я понялъ самъ впослѣдствіи.

Командиръ крейсера, съ которымъ я совершилъ долгій переходъ отъ Бисмаркова архипелага до Самоа, устроилъ бы мнѣ также и путешествіе къ южному берегу Уполу, но я предпочелъ пробраться черезъ горы. Онѣ, какъ декораціи, поднимаются отъ сѣвернаго берега, то загораживая другъ друга, то возвышаясь однѣ надъ другими. Непосредственно за Апіей возвышается холмъ Вайя, на склонахъ котораго сверкаютъ среди зелени бѣлыя зданія и колоннады католической миссіи; за Вайя виднѣются смѣлыя очертанія вѣчно-зеленой, покрытой густымъ лѣсомъ горы Апія, окруженной широкимъ вѣнкомъ болѣе низкихъ горъ, поросшихъ отъ подошвы до вершины дѣвственнымъ лѣсомъ; далѣе къ западу возвышается потухшій вулканъ Ланутоо, въ кратерѣ котораго теперь находится спокойное озеро. То тамъ, то сямъ среди зелени виднѣются темныя базальтовыя скалы, съ которыхъ бѣлой пѣнистой дугой свергаются водопады, бѣгущіе далѣе къ морю по глубокимъ ущельямъ и пальмовымъ рощамъ береговой полосы.

Вдали, господствуя надъ остальными возвышенностями, поднимается самая высокая горная цѣпь, становой хребетъ острова, съ двумя рѣзко выдѣляющимися вершинами, каждая около тысячи метровъ высотою.

Черезъ впадину между ними лежалъ мой путь на другую сторону острова.

Мы бодро выступили изъ Апіи по прекрасной проѣзжей дорогѣ, произведенію европейскаго городского управленія, обязанности котораго теперь взяло на себя германское правительство. Все, что есть на Самоа по части возможныхъ для ѣзды дорогъ, находится исключительно въ Апіи и ея непосредственныхъ окрестностяхъ, т.-е. области, въ прежнее время подлежавшей вѣдѣнію этого управленія. Жители Самоа, какъ и всѣ полинезійскіе островитяне, не знали ни лошадей, ни ословъ, ни воловъ, ни какихъ-либо другихъ рабочихъ животныхъ, не имѣли экипа-

У береговъ Уполу.

жей и, слѣдовательно, не нуждались въ проѣзжихъ дорогахъ. Даже послѣ того, какъ бѣлые ввезли рабочій скотъ, не ощутилось надобности въ проѣзжихъ дорогахъ, такъ какъ почти всѣ деревни лежатъ на морскомъ берегу, у берега же полоса воды отъ одного до двухъ километровъ шириною отдѣлена отъ остальнаго океана коралловыми рифами, которые и служатъ естественной защитой отъ ударовъ волнъ. Поэтому, какъ бы ни волновался океанъ, челноки почти всегда свободно плаваютъ у береговъ. Къ чему же тутъ проѣзжія дороги? Предпочитающій отправиться сухимъ путемъ идетъ просто пѣшкомъ вдоль берега по мягкому песку, въ тѣни высокихъ пальмъ, въ виду моря, съ котораго почти всегда вѣетъ пріятный вѣтерокъ. Слѣды пѣшеходовъ исчезаютъ въ сы-

пучемъ пескѣ, остаются только мѣстами протоптанныя тропинки, какъ и у насъ. Внутренность острова рѣдко посѣщается туземцами, развѣ въ случаѣ охоты за дикими голубями или свиньями, или когда надо посѣтить кого-нибудь на противоположномъ берегу; въ такомъ случаѣ они отправляются по лѣсу черезъ горы, держась извѣстнаго направленія.

Итакъ, во всемъ германскомъ владѣніи Самоа, за исключеніемъ муниципальнаго округа Апія (16 квадр. километровъ), нѣтъ проѣзжихъ дорогъ вовсе, да и пѣшеходныя тропинки, на мой взглядъ, попадаются только мѣстами. Во внутренней области острововъ Уполу и Савайи ихъ совсѣмъ нѣтъ, такъ что порою приходится самимъ прокладывать дорогу по дѣвственному лѣсу и унылымъ каменистымъ мѣстамъ.

У лѣсистой подошвы горы Апія, вдоль которой поднимается дорога, лежатъ нѣсколько прелестныхъ виллъ европейскихъ поселенцевъ. Окружающіе ихъ густые тропическіе сады являются наглядным примѣромъ того, какую трудную борьбу непрестанно ведетъ здѣсь культура съ мощной природой. Стóитъ на нѣсколько недѣль предоставить садъ самому себѣ, и онъ становится дикой чащей. Приблизительно послѣ часового пути по крутой дорогѣ мы достигли высочайшаго мѣстечка въ окрестностяхъ Апіи—Вайлима.

У Вайлима проѣзжая дорога кончается. Передо мной стоялъ лѣсъ и густой кустарникъ, и я былъ пораженъ, когда мои проводники ринулись прямо сквозь этотъ кустарникъ. Это, будто бы, и есть путь къ южному берегу.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я очутился среди тропическаго дѣвственнаго лѣса и долженъ былъ довѣриться своему компасу и проводническимъ способностямъ моихъ юношей, которые были съ южнаго берега и разъ уже предпринимали такое же путешествіе. До сихъ поръ тропическое солнце жгло насъ съ безоблачнаго неба и затопляло все своимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ; здѣсь же подъ тѣнью густой листвы было мрачно, прохладно и сыро. Съ кустарника, по которому намъ пришлось пробираться, капала вода, такъ что шаговъ черезъ сто я промокъ насквозь. Мои молодцы устроились очень удобно на туземный ладъ. До сихъ поръ они были въ царствѣ цивилизаціи и въ качествѣ питомцевъ миссіи носили куртки, брюки и бѣлые полотняные башмаки. Но, едва очутившись въ чащѣ лѣса, они сбросили куртки и башмаки, и я только жалѣлъ, что не могъ имъ подражать: почва, по которой мы шли, мѣстами состояла изъ базальтовыхъ обломковъ различной величины; всѣ они были покрыты лишаями и нѣжными мхами и такъ скользки отъ сырости, что я въ моихъ кожаныхъ сапогахъ никакъ не могъ встать твердо и все скользилъ, къ тому же трава и кусты мѣшали мнѣ видѣть куда ступить. Оступившись нѣсколько разъ въ ямы и трещины и порядочно ударившись, я догадался срѣзать съ ближайшаго дерева два длин-

ныхъ шеста, съ помощью которыхъ было много легче пробираться по этимъ скользкимъ остроугольнымъ обломкамъ.

Мало-по-малу глаза привыкли къ зеленому полумраку, царившему подъ лиственными сводами гигантскихъ деревьевъ, но видѣть было нечего, кромѣ лабиринта стволовъ, ліанъ и кустарниковъ. Налѣво глубоко внизу слышался шумъ рѣки Вайзигано, которая здѣсь водопадами сбѣгаетъ съ горъ, а у Апіи впадаетъ въ море. Мѣстами кустарникъ былъ вырубленъ, и мои проводники обращали мое вниманіе на разрушенныя хижины—одно изъ убѣжищъ, куда скрылись туземцы во время послѣдней войны отъ американцевъ и англичанъ. Преслѣдовать ихъ въ этомъ дѣвственномъ лѣсу было бы безуміемъ, такъ что нападающіе удовлетворились тѣмъ, что бомбардировали со своихъ кораблей тѣ мѣста лѣса, гдѣ ночью виднѣлся свѣтъ. Конечно, туземцы скоро сообразили это и разводили въ чащѣ, далеко отъ своихъ стоянокъ, большіе костры, вслѣдствіе чего ихъ самихъ бомбардировка почти не коснулась. Если принять во вниманіе, что на всемъ протяженіи Уполу и Савайи не дальше одного-двухъ километровъ отъ морского берега начинаются такіе же лѣсистые горные лабиринты, которые тянутся на пространствѣ многихъ километровъ и въ которыхъ въ случаѣ надобности можетъ укрыться все населеніе, то становится понятно, какъ трудно покорить туземцевъ Самоа и насколько нужно быть съ ними въ мирѣ.

За этими разрушенными хижинами прекращался всякій слѣдъ человѣка, и мы шли молча впередъ, точно въ зеленомъ тоннелѣ. На всемъ протяженіи подъема до самой вершины перевала ни разу не блеснулъ солнечный лучъ, не было ни одного просвѣта въ чащѣ—вида на ущелье или близлежащую гору. Лѣсъ здѣсь отличается поразительной густотой—доказательство того, какую прекрасную почву представляетъ вывѣтрившійся базальтъ, смѣшанный съ лѣснымъ перегноемъ. Уносимая дождями, эта смѣсь наполняетъ промежутки между милліонами базальтовыхъ обломковъ, такъ что они высовываются только ребрами и остріями—сущая погибель для ногъ неопытныхъ путешественниковъ. Растенія пускаютъ корни въ эти промежутки, и эти корни ползутъ по всѣмъ щелямъ, отыскивая пищу. Часто эти корни такъ сильны, что приподнимаютъ лежащіе на нихъ куски базальта и еще увеличиваютъ этимъ неровность почвы. Природа здѣсь такъ роскошна, что въ дѣвственномъ лѣсу на Самоа развилось четыре рода растительности, распредѣленной, я бы сказалъ, по четыремъ ярусамъ. Верхній ярусъ образуютъ лиственныя кроны гигантскихъ тропическихъ деревьевъ, прямые стволы которыхъ поднимаются на высоту 30—40 метровъ и могли бы доставлять прекрасный крѣпкій строевой лѣсъ, если бы только найти способы и пути переправлять его на берегъ. Въ ниже лежащихъ округахъ между этими деревьями встрѣчается много такихъ, плоды которыхъ употребля-

ются туземцами, такъ, наприм., дерево „ифи“ (тихоокеанскій каштанъ), „молину“, лимонообразными плодами котораго туземцы моютъ голову, „футу“ съ орѣхами величиною вдвое больше нашихъ грецкихъ орѣховъ. Эти орѣхи содержатъ одуряющій сокъ; поэтому туземцы бросаютъ ихъ въ воду во время рыбной ловли, чтобы одурманить рыбъ. Чѣмъ выше я поднимался, тѣмъ выше и мощнѣе становились растительные гиганты, особенно одно дерево съ корнями, высоко поднимающимися изъ земли и подпирающими стволъ, какъ стѣны, которое туземцы называютъ „мауту“; другое подобное дерево, корневыя подпорки котораго поднимаются выше, носитъ имя „мамалава“, но самыя могучія деревья все же Ficus religiosa или баніаны, по туземному „ака“. Это дерево главнымъ образомъ знакомо путешественникамъ по двумъ экземплярамъ, стоящимъ на Рэффльскверѣ въ Сингапурѣ и вблизи Ботаническаго сада въ Коломбо на Цейлонѣ и бросающимся въ глаза въ высшей степени оригинальнымъ сплетеніемъ стволовъ. Но какъ ни велики эти экземпляры, они исчезаютъ рядомъ съ гигантами, найденными мною въ дѣвственномъ лѣсу Уполу, величайшими деревьями, какія я видалъ на земномъ шарѣ. Одинъ изъ такихъ великановъ стоитъ на разстояніи часовой ходьбы отъ вершины перевала и имѣетъ 60 метровъ въ окружности ствола; другой на полуторачасовомъ разстояніи отъ южнаго берега со стволомъ окружностью немного менѣе 100 метровъ и высотой въ 30 метровъ до нижнихъ сучьевъ, при чемъ крона его, вѣроятно, поднимается еще на высоту 20 метровъ. Изумленный, я остановился у этого короля тропическихъ лѣсовъ, чтобы измѣрить его. Къ сожалѣнію, окружающія деревья и недостатокъ свѣта помѣшали снять съ него фотографію. Но для объясненія такой необычайной величины нужно прибавить, что у баніановъ, такъ же, какъ у яванскихъ варингій, не бываетъ такихъ крѣпкихъ стволовъ, какъ у нашихъ дубовъ и елей. Дерево растетъ и даетъ сучья, какъ и наши деревья, но какъ только сучья разрастаясь становятся слишкомъ тяжелы на стволѣ, на ихъ нижней сторонѣ на разстояніи одного - двухъ метровъ отъ ствола является ростокъ, который растетъ вертикально внизъ, становится крѣпкимъ, тяжелымъ, въ палецъ толщиною и растетъ, пока не достигнетъ земли. Какъ только конецъ его достигаетъ почвы, на немъ являются маленькіе корешки, которые сосутъ пищу изъ почвы, усиливаются и питаютъ свой тяжъ, такъ что онъ, до сихъ поръ висѣвшій на сукѣ, повидимому, становится самъ опорой сука, который можетъ расти далѣе въ горизонтальномъ направленіи, какъ будто только и ждалъ этой подпорки. Потомъ на сукѣ появляется слѣдующій воздушный корень, мало-по-малу достигающій земли, потомъ третій, четвертый и такъ далѣе. То же самое происходитъ со всѣми лучеобразно отходящими отъ ствола сучьями, такъ что по прошествіи нѣкотораго времени баніановое дерево обладаетъ не

однимъ, а цѣлой массой стволовъ, число которыхъ иногда достигаетъ сотни.

У коломбійскихъ и сингапурскихъ баніановъ эти добавочные стволы отстоятъ другъ отъ друга такъ далеко, что можно свободно прогуливаться въ ихъ лабиринтѣ, а въ Коломбо нѣкоторыя сингалезскія семьи поселились между ними и живутъ цѣлые года. Но стволы уполійскихъ великановъ съ теченіемъ времени становятся такъ толсты, другіе стоятъ такъ близко другъ къ другу, что между нѣкоторыми стволами нельзя просунуть руку. Поэтому дерево, если посмотрѣть на него издали, кажется опирающимся на одинъ стволъ съ вертикальными ребрами или на толстый пучокъ стволовъ. Во всякомъ случаѣ эти лѣсные великаны производятъ подавляющее впечатлѣніе даже на привыкшаго къ огромнымъ деревьямъ дѣвственнаго лѣса путешественника.

Незнакомый съ тропическими лѣсами представляетъ ихъ себѣ въ видѣ пальмовыхъ; на самомъ дѣлѣ это лиственные лѣса, издали немного отличающіеся отъ нашихъ. Всѣ гиганты Уполу, образующіе своими кронами верхній ярусъ, если можно такъ выразиться, имѣютъ поразительно мелкіе листья, какъ будто природа нарочно позаботилась о томъ, чтобы оставить проходъ солнечнымъ лучамъ и не лишить нижнія растенія необходимаго свѣта.

Эти высокія древесныя кроны образуютъ вѣчно-зеленый сводъ со стволами вмѣсто пилястровъ, нѣчто въ родѣ теплицы, въ тепломъ и сыромъ зеленомъ полумракѣ которой еще пышнѣе развиваются другія растенія. Второй ярусъ въ этомъ дѣвственномъ лѣсу образуютъ опять кроны деревьевъ отъ четырехъ до 6 и 8 метровъ высотою, листья которыхъ имѣютъ пальмовидную копьевидную форму; между ними я нашелъ массу прекрасныхъ древовидныхъ папоротниковъ и замѣчательное зонтичное дерево, сучья котораго расположены какъ разъ такъ, какъ спицы дождевого зонта. Но я вижу еще цѣлые ряды неизвѣстныхъ мнѣ деревьевъ, необычайно изящныхъ очертаній, съ копьевидными кронами, какъ будто отороченными тончайшимъ кружевомъ. По этимъ большимъ и маленькимъ стволамъ взбираются безчисленныя вьющіяся растенія, прежде всего могучая Mucuna gigantea, роскошнѣйшая изъ всѣхъ ліанъ; ея стебли виснутъ съ вѣтвей, связываютъ изящными линіями кроны деревьевъ, спускаются къ землѣ и снова взбираются на высочайшія верхушки, какъ будто невидимый гигантскій паукъ опуталъ всѣ эти деревья нитями своей паутины въ руку толщиною; со стеблей ліанъ, съ древесныхъ вѣтвей спускаются орхидеи; въ развѣтвленіяхъ сучьевъ сидятъ широколистные эпифиты; куда ни взглянешь, всюду зелень, и зелень самыхъ оригинальныхъ формъ.

Слѣдующій ярусъ дѣвственнаго лѣса образуютъ папоротники и кустарники разнаго рода, по которымъ намъ приходилось пробираться; съ

листьевъ ихъ капала вода, и листва была такъ густа, что мы, только глядя вверхъ, что-нибудь видѣли, впередъ же и назадъ не было видно почти ничего. А глядѣть по сторонамъ здѣсь необходимо: мы каждую минуту натыкались на упавшіе древесные стволы, черезъ которые съ трудомъ переползали, если не оказывалось удобнѣе пролѣзать подъ ними сквозь густую поросль, все время подвергаясь опасности со стороны маленькихъ черныхъ піявокъ. Эти піявки — настоящій бичъ дѣвственнаго лѣса. Мѣстами онѣ сидятъ цѣлыми массами на кустахъ—маленькіе черные червячки не длиннѣе и чуть-чуть толще булавки, трудно замѣчаемые благодаря вѣчно однообразному зеленому полумраку, утомляющему глаза. Мнѣ приходилось ежеминутно поднимать глаза съ дороги, чтобы посмотрѣть, не прицѣпилась ли ко мнѣ пара этихъ непріятныхъ сосуновъ, и стряхнуть ихъ. Если онѣ уже присосались основательно, лучше ихъ не трогать, такъ какъ онѣ разрываются и остающіяся подъ кожей частички вызываютъ воспаленіе.

Подъ кустарниками третьяго яруса мнѣ попадались тоже замѣчательныя деревья, какихъ я еще нигдѣ не видалъ; стволы ихъ достигали высоты человѣческой груди и длинныя крѣпкія вѣтви разстилались горизонтально на этой высотѣ. Если они стояли группами, приходилось пробираться согнувшись подъ ними по камнямъ. Мои туземцы пролѣзали по верху. Но имъ съ босыми ногами было много легче это дѣлать, чѣмъ мнѣ на моихъ кожаныхъ, размякшихъ отъ сырости, гладкихъ подошвахъ.

Послѣднюю ступень растительности, четвертый ярусъ, образуютъ мхи и травы, изящные маленькіе папоротники и другія растенія, мѣстами совершенно покрывающія почву, такъ что невозможно стать твердо иначе, какъ ощупывая путь ногой.

Эти обстоятельства замедляли путь. Послѣ трехчасовой ходьбы мы достигли на высотѣ семисотъ метровъ вершины перевала, гдѣ находится маленькое вмѣстилище свѣтлой воды, истокъ рѣки Вайзинго на сѣверной сторонѣ острова и другой такой же многоводной рѣки на южной сторонѣ. Эта рѣка показалась мнѣ одной изъ крупныхъ рукъ Уполу, а между тѣмъ ея нѣтъ ни на одной картѣ, ни на одной нѣтъ даже устья. При спускѣ мы шли временами по ея теченію, я даже уклонился отъ прямого направленія, чтобы прослѣдить это теченіе дальше, пока глубокое ущелье съ крутыми стѣнами не сдѣлало невозможнымъ дальнѣйшій путь. Тутъ я достигъ перваго и единственнаго мѣста, гдѣ голая каменная площадка перегораживала путь мощной растительности и гдѣ я могъ, наконецъ, насладиться широко развернувшимся передо мною видомъ на прелестную рѣчную долину и прибрежную область съ лазурнымъ моремъ на заднемъ планѣ. Въ первый разъ увидалъ я солнце и свѣтъ и другія краски, кромѣ вѣчной однообразной зелени. Тотъ,

кто проѣзжалъ черезъ С.-Готардскій тоннель или долго находился въ пещерѣ и вдругъ вышелъ снова на дневной свѣтъ, пойметъ радость и наслажденіе, испытанныя мною при взглядѣ на прелестную картину Уполу.

Видъ на Самоа.

Солнце уже склонялось къ горизонту, когда, наконецъ, къ вечеру мы достигли плодородной земли и полузаброшенныхъ посѣвовъ; пройдя еще три километра, мы дошли до деревни. Ея разбросанныя хижины лежатъ подъ тѣнью кокосовыхъ пальмъ, метровъ на сто отъ берега,

круто спускающагося къ морю. Еще дальше на разстояніи около километра высоко взлетающая бѣлая пѣна указала мнѣ прибой у коралловыхъ рифовъ, лежащихъ передъ побережьемъ на протяженіи километровъ 20.

Среди очаровательно расположенной деревни виднѣлась бѣлая церковь, и я поспѣшилъ къ ней, насколько могъ послѣ утомительной ходьбы. Но это была церковь баптистской миссіи съ туземнымъ проповѣдникомъ, и я предпочелъ идти дальше въ знакомый одному изъ моихъ людей домъ, принадлежавшій туземцу-католику. Здѣсь я нашелъ самый дружескій пріемъ. Я въ немъ очень нуждался, такъ какъ мое платье и обувь были разорваны, кожа исцарапана и покрыта ссадинами. Даже перемѣна платья, завернутая въ гуттаперчевую матерію, промокла насквозь.

На островахъ Фиджи.

(Бесслера.)

Городъ Сува въ настоящее время главный городъ архипелага Фиджи. Онъ лежитъ на Виши-Леву, самомъ крупномъ изъ острововъ. Главная улица тянется вдоль берега и заканчивается приблизительно на разстояніи англійской мили отъ города паркомъ губернатора. Всѣ правительственныя учрежденія находятся на Сувѣ, таможня и почта помѣщаются близъ гавани; нѣсколько крупныхъ и значительное число болѣе мелкихъ складовъ, три церкви различныхъ вѣроисповѣданій и три отеля обнаруживаютъ стремленіе города казаться большимъ центромъ.

Положеніе Сувы очень красиво: если смотрѣть со стороны рейда, городъ тянется длинной полосой вокругъ большого залива; среди домовъ выдѣляются по величинѣ упомянутыя уже правительственныя зданія; изъ-за пальмъ блеститъ крыша губернаторскаго дома. Вдали деревни туземцевъ составляютъ задній планъ, а фономъ служатъ зеленые холмы, надъ которыми высятся высокія, рѣзко очерченныя горы. Бухта защищена рифами, по которымъ во время отлива можно даже ходить, но въ бурю или во время прилива они могутъ представлять серьезную опасность для судовъ.

Какъ только я передалъ губернатору острововъ Фиджи мое рекомендательное письмо, онъ увѣрилъ меня, что окажетъ мнѣ содѣйствіе, и началъ съ интересомъ разспрашивать меня о моихъ планахъ относительно путешествія по острову. Для первой поѣздки онъ предложилъ мнѣ путешествіе на сѣверный берегъ острова Кандову, лежащаго на югѣ архипелага, куда представлялся удобный случай отправиться на пароходѣ.

Въ назначенный для отъѣзда день, при восходѣ солнца, я уже былъ на пристани, гдѣ встрѣтилъ своихъ будущихъ спутниковъ.

Солнце, къ сожалѣнію, еще не показывалось, а тяжелыя облака и бѣлые гребни волнъ въ открытомъ морѣ указывали намъ, что мы выбрали для путешествія неблагопріятное время. Небольшое судно, предоставленное въ наше распоряженіе, „Клейдъ", былъ скорѣе паровой баркасъ, чѣмъ пароходъ, однако онъ былъ очень прочной конструкціи и могъ бы выдержать штормъ. Зато онъ отчаянно раскачивался изъ стороны въ сторону, вызывая тѣмъ ярость капитана, который приказалъ себя привязать высоко на мачтѣ, чтобы оттуда смотрѣть на волны.

Мы были обрадованы вмѣстѣ съ нимъ, когда послѣ пятичасового плаванія мы прошли узкій проливъ одного атолла. Среди круглаго кораллового рифа, въ тихую погоду едва возвышающагося изъ воды, на небольшой скалѣ былъ выстроенъ маякъ—единственный знакъ для кораблей въ этихъ опасныхъ мѣстахъ. Мы привезли сюда керосинъ и людей, черныхъ, приговоренныхъ къ наказанію, которые должны пробыть здѣсь, въ этой естественной и надежной тюрьмѣ, пять мѣсяцевъ.

Отсюда нашъ путь шелъ мимо нѣсколькихъ мелкихъ острововъ, пока мы не достигли острова Кандаву; мы однако продолжали плыть вдоль берега острова. Хотя мы были отъ берега, благодаря рифамъ, такъ далеко, что не могли разсмотрѣть подробностей, но подымающійся то здѣсь, то тамъ дымъ указывалъ намъ, что тамъ жили люди.

Цѣпь горъ, густо покрытая яркою зеленью, радовала нашъ глазъ; какъ разъ передъ окончаніемъ нашего пути небо прояснилось; мы могли разсмотрѣть даже лежащій на западной оконечности острова потухшій вулканъ Мбуку-Леву. Мы вступили въ бухту Тавуки, бросили якорь и послали человѣка на островъ извѣстить о нашемъ прибытіи.

Вмѣстѣ съ посланнымъ, вернувшимся съ острова, на наше судно пріѣхало трое рослыхъ мужчинъ, одѣтыхъ очень опрятно. Они привезли въ подарокъ зубы кашалота. Была принесена цыновка, на которой расположились прибывшіе, чтобы сказать длинную привѣтственную рѣчь. Когда рѣчь была окончена, чиновникъ отдалъ подарки одному изъ своихъ фиджіанцевъ и приказалъ ему отвѣтить за него рѣчью, что тотъ и исполнилъ немедленно и сказалъ все свое необыкновенно длинное привѣтствіе безъ передышки. Лично отвѣчать на привѣтствіе здѣсь не принято, этимъ можно уронить себя въ глазахъ туземцевъ.

По окончаніи рѣчи фиджіанцы встали, пожали всѣмъ намъ съ низкими поклонами руки, послѣ чего мы отправились на островъ.

Тавуки лежитъ при большомъ заливѣ того же имени. Это—богатое поселеніе, такъ какъ въ немъ живутъ верховные предводители и другія значительныя лица острова. У всѣхъ ихъ красивые дома. Фиджіанецъ очень высоко цѣнитъ хорошій домъ и старается не только о томъ, чтобы въ немъ было пріятно жить, но и о томъ, чтобы онъ выглядѣлъ хорошо и снаружи, и внутри.

Дома фиджіанцевъ четырехугольные и состоятъ изъ двухъ длинныхъ и двухъ болѣе короткихъ стѣнъ, надъ которыми находится высокая кровля. Дома строятся изъ толстыхъ бревенъ, связанныхъ другъ съ другомъ при помощи „синнета". Синнетъ—это канатъ изъ кокосовыхъ волоконъ, который фиджіанцы красятъ въ разные цвѣта. Въ хорошихъ домахъ стволы сплошь обвиты такими канатами, такъ что дерева вовсе не видно. Стѣны состоятъ изъ очень толстаго слоя травы, который кладутъ посреди двухъ плетней изъ тростника, расположенныхъ по направленію стѣны. Очень толстая крыша покрывается листьями сахарнаго тростника, такъ какъ они очень прочны и могутъ выдерживать нѣсколько лѣтъ, не требуя возобновленія.

Домъ на Фиджи.

Домъ, безъ оконъ, представляетъ всего одну комнату, съ 1, 2 или 3 дверями. Первая дверь всегда находится въ серединѣ длинной стѣны по фасаду. Полъ въ домѣ устланъ листьями и цыновками, такъ что на немъ не только пріятно ходить, но можно сидѣть и спать. Мѣсто для спанья находится въ той сторонѣ хижины, гдѣ нѣтъ двери; здѣсь наложены одна на другую множество цыновокъ, образуя мягкую постель. Во всемъ домѣ прохладно; такъ какъ домъ великъ и двери его по большей части остаются открытыми, то здѣсь воздухъ обыкновенно бываетъ не такъ плохъ, какъ можно предположить на основаніи отсутствія оконъ.

Очагъ есть въ каждомъ домѣ, а иногда ихъ бываетъ нѣсколько. Обыкновенно пищу готовятъ въ домѣ въ горшкахъ. Туземцы безпечно ходятъ съ огнемъ вокругъ своего жилища, такъ что удивительно, что пожары тамъ случаются рѣдко.

Фиджіанецъ не работаетъ; работа не соотвѣтствуетъ его достоинству; онъ долженъ для удовлетворенія своихъ скромныхъ потребностей или вести мѣновую торговлю предметами прежней домашней промышленности или продавать свою землю. Въ результатѣ будетъ то, что онъ скоро лишится всѣхъ своихъ болѣе дорогихъ вещей, которыя перейдутъ въ наши музеи и въ руки любителей, а земля переходитъ все болѣе во владѣніе бѣлыхъ.

Жители Кандаву—красивые, рослые люди, какихъ я не видѣлъ ни на Новой Каледоніи, ни на Новыхъ Гебридскихъ островахъ. Когда я становился среди нихъ, то никто изъ нихъ не былъ меньше меня, а многіе даже больше, и нѣкоторые были выше меня на цѣлую голову. У нихъ умное лицо, красивыя, пропорціональныя формы тѣла. Только одного недоставало этимъ красивымъ сильнымъ фиджіанцамъ—прежняго громаднаго парика. По теперешнимъ полинезійскимъ обычаямъ они носятъ волосы короткіе, тогда какъ прежде они носили громадную прическу, съ колесо величиной. Прежде парикмахеръ былъ у нихъ важнымъ лицомъ; каждый знатный фиджіанецъ имѣлъ своего особаго человѣка для прически; каждый день послѣдній возился съ прической своего господина по нѣскольку часовъ. На нѣкоторыхъ островахъ Фиджи населеніе и теперь придерживается въ значительной степени этого обычая; но такіе фиджіанцы, у которыхъ локоны достигали бы полметра высоты, встрѣчаются еще только внутри архипелага, тогда какъ фиджіанцы, живущіе по берегамъ, волосы обыкновенно носятъ причесанными, что въ извѣстномъ отношеніи придаетъ еще больше красоты. Чтобы не испортить этой прически, ночью фиджіанцы употребляютъ вмѣсто подушки кусокъ бамбуковаго ствола на деревянныхъ ножкахъ, часто очень красиво разукрашенный.

Женщины носятъ такую же прическу, только короче, чѣмъ у мужчинъ. Фиджіанскимъ женщинамъ также нельзя отказать въ извѣстной красотѣ; конечно, старыя женщины не могутъ быть названы красавицами, но молодыя дѣвушки по большей части красивы, а дѣти часто необыкновенно миловидны. Дѣвушки носятъ до замужества длинные пучки волосъ за ушами, которые отрѣзаются только на свадьбѣ. Теперь фиджіанецъ—христіанинъ, конечно, можетъ взять себѣ только одну жену, но прежде онъ покупалъ ихъ себѣ сколько хотѣлъ. Еще и теперь въ обычаѣ давать родителямъ невѣсты подарки; однако англійское правительство хочетъ искоренить и этотъ обычай, чтобы женитьба не имѣла подобія покупки жены.

Цвѣтъ тѣла фиджіанцевъ красивъ; онъ не слишкомъ теменъ, коричневый, часто переходящій въ цвѣтъ-шатенъ. Костюмъ полуевропейскій, полутуземный. Сулу, платокъ вокругъ бедеръ изъ „мази“, долженъ былъ почти вездѣ уступить мѣсто привознымъ бумажнымъ тканямъ, и туземцы,

которые находятся въ частомъ сношеніи съ европейцами, уже привыкли къ брюкамъ и рубашкамъ. Кромѣ этого, носятъ также и платокъ вокругъ бедеръ; но въ праздничные дни онъ замѣняется длиннымъ, въ нѣсколько метровъ мази, который обвязываютъ около туловища. Послѣднее остается большею частью непокрытымъ ничѣмъ, рѣдко впрочемъ задрапировывается тонкой, мягкой „мази". Женщины носятъ также кусокъ ткани около бедеръ, но многія, по настоянію миссіонеровъ, перемѣнили эту одежду на блузу. Но женщины не очень придерживаются этой моды. Небольшая цѣпочка бисера вокругъ шеи или выточенная раковина на рукѣ служатъ для нихъ достаточнымъ украшеніемъ; онѣ предпочитаютъ украшать себя цвѣтами и листьями.

Въ изготовленіи цыновокъ фиджіанскія женщины не достигли того совершенства, какимъ обладаютъ напр. самоанки. Фиджіанки употребляютъ цыновки только для того, чтобы устилать землю, и поэтому онѣ дѣлаются болѣе грубыми, чѣмъ на тѣхъ островахъ, гдѣ цыновки носятъ вмѣсто „тапа", какъ одежду.

Женщины на Фиджи готовятъ ткань „мази" и очень искусно изготовляютъ изъ глины горшки, которые покрываются различными рисунками и обжигаются. На женщинахъ же лежитъ и ловля рыбы. Если ловятъ рыбу на лодкахъ, то принимаютъ участіе и мужчины.

Въ занятіяхъ, необходимыхъ для приготовленія обѣда, мужчины оказываютъ помощь женщинамъ только въ томъ случаѣ, если пища готовится на горячихъ камняхъ внѣ дома. Эта пища теперь состоитъ только изъ жареной свинины, а прежде мужчины предоставляли себѣ готовить человѣческое мясо. Когда-то оно считалось у нихъ очень вкуснымъ кушаньемъ; поэтому былъ обычай, что женщины не получали этого лакомаго кушанья. Имъ было запрещено даже касаться этого блюда, но часто случалось, что мужъ на пиру бросалъ человѣческіе потроха своимъ женамъ, и тѣ съ жадностью набрасывались на нихъ. Во время такихъ пиршествъ люди жарились или цѣликомъ, или кусками завертывались въ банановые листья и коптились. Въ противоположность всѣмъ другимъ кушаньямъ, которыя брали просто руками, людей ѣли всегда длинными деревянными вилками, такъ какъ человѣческое мясо было „табу", т.-е. священно, и нельзя было прикасаться къ нему. Поѣдались чаще всего убитые враги, но нерѣдко вождь и въ мирное время доставалъ себѣ, просто ради лакомства, человѣческое блюдо.

Теперь у фиджіанцевъ, такъ же, какъ у жителей другихъ острововъ Океаніи, свинина составляетъ обычное мясное блюдо; кромѣ него, употребляютъ въ пищу ямсъ, плоды хлѣбнаго дерева и т. п.

Фиджіанцы умѣли изготовлять отличное оружіе. Они были прирожденные воины, война у нихъ никогда не прекращалась. Для войны они должны были имѣть походное оружіе, которое они готовили изъ твердаго дерева

и которымъ они легко разбивали самый крѣпкій черепъ врага. На Фиджи прежде господствовало только право сильнаго, и когда Сакомбау, послѣдній король Фиджи, передавалъ острова въ 1874 году Англіи, онъ могъ съ полнымъ правомъ, посылая въ подарокъ королевѣ большую дубинку, сказать: „я, король, передаю вашему величеству мою старую военную дубинку, прежній и до послѣдняго времени единственный законъ на Фиджи“. Теперь почти все прежнее красивое вооруженіе находится въ европейскихъ музеяхъ; на островахъ господствуютъ миръ и порядокъ. А фиджіанцы, зная, что каждый чужеземецъ охотно привозитъ съ собой домой нѣсколько туземныхъ вещей, изготовляютъ по стариннымъ образцамъ скверныя новыя вещи, которыя они стараются продать за античныя по страшно дорогой цѣнѣ.

Въ Тавуки для чиновника по инородческимъ дѣламъ построенъ небольшой домикъ, который очень походитъ на обычное жилище, но вліяніе цивилизаціи сказалось въ томъ, что въ немъ было закрывающееся окно. Такъ какъ въ немъ было тѣсно, то мы уступили въ немъ мѣсто нашему доктору и просили фиджіанскаго старосту дать пристанище для меня и для чиновника. Онъ охотно исполнилъ наше желаніе. Такъ какъ его домъ былъ великъ, то мы нисколько его не стѣснили; онъ съ своей семьей занялъ одну половину и предоставилъ въ наше распоряженіе другую. Здѣсь мы повѣсили нашу сѣтку отъ москитовъ, разостлали наши цыновки подъ ними, и всѣ приготовленія для отдыха были окончены.

Англичане управляютъ островами Фиджи подобно тому, какъ голландцы управляютъ малайскими колоніями. Они не упразднили туземнаго начальства и оставляютъ вождей управлять, но по соглашенію съ ними даютъ имъ указанія и инструкціи. Верховное управленіе находится въ рукахъ губернатора, и все дѣлается такъ, какъ тотъ пожелаетъ, хотя, повидимому, приказанія исходятъ отъ вождей. Главный среди нихъ на Кандаву, Доко, избранъ англійскимъ правительствомъ, получаетъ отъ него жалованье и служитъ также представителемъ островов въ туземномъ парламентѣ. Ему подвластны восемь „мбули“, начальниковъ областей. Всѣ жители Кандаву—христіане; въ этомъ мы могли убѣдиться въ первый же вечеръ.

Немного спустя, послѣ того какъ мы устроились, раздался звукъ колокола; когда мы вошли въ домъ, вся семья уже собралась на молитву, участвовать въ которой хозяинъ пригласилъ и насъ.

Церковь въ Тавуки если не особенно красива, зато очень стара; по воскресеньямъ и въ одинъ изъ буднихъ дней недѣли тамъ совершается служба; въ домѣ священника и учителя, кромѣ того, каждый вечеръ происходитъ небольшая служба, начинающаяся и заканчивающаяся общимъ пѣніемъ. Въ нѣсколькихъ миляхъ къ западу отъ Тавуки находится домъ миссіонеровъ.

На слѣдующее утро въ мѣстечкѣ было большое оживленіе. Около 60 главныхъ и другихъ вождей со свитами пришли сюда или еще наканунѣ, или сегодня очень рано. Для всѣхъ ихъ нужно было приготовить помѣщеніе и пищу; а такъ какъ селеніе Тавуки одно не въ силахъ было нести это, то были призваны на помощь всѣ поселенія этого района. Со всѣхъ сторонъ шли толпы людей съ свиньями, нагруженные таро, ямсомъ, огромными корнями перцоваго дерева, и клали принесенное передъ домами. Всѣ, для кого предназначались кушанья, сидѣли на корточкахъ въ кружкахъ, а принесшіе клали передъ ними свои подарки. Каждый подарокъ сопровождался громкимъ „ахъ!", а при послѣднемъ всѣ хлопали въ ладоши; послѣ этого всѣ подарки перечислялись въ длинной рѣчи, новое хлопанье въ ладоши заканчивало этотъ актъ. Главный начальникъ раздѣлилъ все принесенное по извѣстной части на каждый домъ.

У насъ также царило большое оживленіе: уже вчера вечеромъ Роко прислалъ намъ кушанья; но сегодня, повидимому, каждый опасался, какъ бы мы не умерли съ голоду; нашъ домъ скоро былъ заваленъ провизіей и такъ было во все время нашего пребыванія. Не было недостатка также и въ посѣщеніяхъ: кто принесъ намъ хоть что-нибудь, считалъ своимъ долгомъ наградить насъ и своимъ присутствіемъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; одни приходили въ надеждѣ выпросить табаку или чего-нибудь другого, а многіе просто изъ любопытства. Гостепріимство на Кандаву развито болѣе чѣмъ гдѣ-либо на островахъ Фиджи: вездѣ принимаютъ радушно, но не такъ какъ здѣсь. Конечно, это имѣло и свои темныя стороны, такъ какъ эти люди особенно любили, чтобы ихъ подарки съѣдали на ихъ же глазахъ, и были очень недовольны, если этого не дѣлали. Кушанья были всѣ жирныя; рыбы всегда плавали въ цѣломъ морѣ соуса. Къ счастію, здѣсь готовятъ на свиномъ салѣ, а не на кокосовомъ маслѣ, такъ какъ было бы непріятно ощущать этотъ запахъ, который и безъ того постоянно слышенъ отъ коричневыхъ, натертыхъ кокосовымъ масломъ туземцевъ, еще и при ѣдѣ. Но когда пришли фиджіанцы съ пуддингомъ, неся его въ невѣроятномъ количествѣ, меня охватилъ тайный ужасъ. На банановыхъ листьяхъ были разложены большіе куски мякоти кокосоваго дерева и таро съ примѣсью масла кокосоваго орѣха и Богъ знаетъ еще съ какими приправами; все это было полито коричнево-чернымъ соусомъ. Пуддингъ состоялъ изъ сока кокосоваго орѣха, смѣшаннаго съ сокомъ сахарнаго тростника, отчего все имѣло противный, сладкій и маслянистый вкусъ. Еще менѣе пріятнымъ вкусомъ обладалъ хлѣбъ, который женщины готовятъ изъ перетертыхъ корней одного растенія.

Всѣ блюда были красиво уложены, тарелки украшены цвѣтами и листьями; въ еще большей степени были украшены женщины, приносив-

шія кушанья. Дѣвушки не только на́чисто вымылись и одѣлись, но изукрасили себя, увѣшали гирляндами. Такъ какъ чиновникъ зналъ заранѣе, какъ мы будемъ завалены провіантомъ, то мы взяли съ собой лишь немного своихъ съѣстныхъ припасовъ. Конечно, мы къ каждому обѣду брали немного консервовъ, чтобы кромѣ фиджіанскихъ кушаній имѣть за обѣдомъ еще что-нибудь европейское, но намъ ихъ рѣдко приходилось отвѣдывать. Глаза всѣхъ присутствовавшихъ такъ долго приковывалъ кусокъ консервовъ, а мы должны были отвѣчать на такую массу вопросовъ относительно содержимаго этого куска, что намъ не оставалось ничего другого, какъ раздать каждому изъ нихъ понемножку. Я не думаю, чтобъ имъ все наше всегда нравилось, но все чужое привлекало ихъ, они хвалили постоянно наши консервы такъ же, какъ я ихъ пуддингъ. Благодарить за подарки мы не могли: фиджіанскій языкъ не имѣетъ для этого словъ; когда кто приносилъ что-нибудь, то говорили просто Vinaka, т.-е. хорошо. Благодарность заключается въ отвѣтномъ подаркѣ, которые не только охотно принимаются, но и всегда ожидаются отъ европейцевъ.

Обыкновенно чиновникъ пріѣзжаетъ въ Тавуки два раза въ годъ. Въ первый день по пріѣздѣ совѣщаются о нуждахъ острова, на слѣдующій день разбираютъ судебныя дѣла. Два раза въ годъ чиновникъ посѣщаетъ въ качествѣ судьи еще другія мѣста острова. Въ сегодняшнемъ засѣданіи должны были принять участіе только начальники, вожди.

Около шестидесяти начальниковъ было въ домѣ, они сидѣли, вытянувъ впередъ ноги. Чиновникъ занималъ мѣсто на стулѣ, стоявшемъ на возвышеніи. Я сѣлъ рядомъ съ чиновникомъ и такимъ образомъ могъ видѣть всѣхъ собравшихся начальниковъ. Всѣ были хорошо вымыты, у всѣхъ были выразительныя лица, всѣ были хорошо одѣты, сверхъ панталонъ и рубашки каждый накинулъ длинную мази.

Все собраніе хранило молчаніе и серьезность. Засѣданіе открылось молитвой. Сначала должны были сдѣла́ть докладъ старосты селеній. Чтобы ничего не забыть, они должны были отвѣтить на цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся здоровья населенія, его занятій, жатвы, состоянія дорогъ, а также и того, какъ принимаются нововведенія и какъ они исполняются, и многаго другого. Затѣмъ начальники должны были изложить, чего они хотѣли бы; незначительныя просьбы, какъ, напримѣръ, просьбы отдѣльныхъ селеній, удовлетворялись тотчасъ же чиновникомъ, о болѣе важныхъ дѣлахъ чиновникъ долженъ сообщить губернатору.

Сегодня какъ разъ предстояло разобрать интересный случай. Одинъ родъ, принадлежавшій прежде къ рабамъ, хотѣлъ воспользоваться своей свободой, дарованной имъ англійскимъ правленіемъ, для того, чтобы выселиться; онъ надѣялся гдѣ-нибудь найти себѣ болѣе счастливый жребій,

чѣмъ на своей родинѣ, гдѣ ему всегда приходилось работать подъ тяжелымъ гнетомъ. Но его прежніе хозяева не хотѣли дозволить переселеніе, такъ какъ черезъ это страна могла бы потерять много работниковъ. Просьба о томъ, чтобы бѣднымъ людямъ дозволили переселиться, была передана губернатору.

Переговоры тянулись очень долго, всѣ ораторы говорили плавно, но хотя случай касался близко ихъ самихъ, никто не терялъ своего спокойствія. Единственное занятіе присутствовавшихъ, помимо рѣчей и слушанья, состояло въ непрерывномъ обмахиваніи пальмовыми листьями, для того, чтобы освѣжиться и отогнать мухъ.

Послѣ обѣда я не замедлилъ сдѣлать визитъ главному начальнику. Прежде всего я посѣтилъ прежняго начальника Роко, дряхлаго 85-тилѣтняго старика, который недавно передъ тѣмъ былъ замѣщенъ болѣе молодымъ фиджіанцемъ. Послѣдній, какъ начальникъ острова, приказалъ выстроить себѣ великолѣпный домъ, лучшій, какой я здѣсь видѣлъ. Онъ еще не былъ готовъ, хотя при постройкѣ каждый обязанъ былъ помогать; архитекторъ получалъ только ѣду, болѣе 250 свиней и нѣсколько тысячъ штукъ ямса и таро, что для фиджіанцевъ совсѣмъ не мало. Фундаментъ у дома былъ очень высокій, онъ состоялъ изъ каменной стѣны, внутри которой былъ засыпанъ песокъ. Громадныя подпорки изъ твердаго дерева въ состояніи поддерживать крышу еще нѣсколько столѣтій такъ же прочно, какъ теперь.

Я побывалъ также и у мбули, священника и доктора и у другихъ знатныхъ лицъ. Бесѣда легко завязывалась, такъ какъ большинство понимало нѣсколько англійскихъ словъ, такъ что я мало долженъ былъ прибѣгать къ фиджіанскому языку. Но дѣло не шло при этомъ далеко, фиджіанцы знали только самыя употребительныя слова, а такъ какъ мои вопросы касались вещей, не входящихъ въ обычный обиходъ фиджіанца, то я часто прибѣгалъ къ помощи переводчика. Только врачъ, который нѣсколько лѣтъ жилъ на Сувѣ, говорилъ сносно по-англійски, а также смотритель тюрьмы, онъ же и начальникъ четырехъ полицейскихъ изъ Тавуки.

Послѣобѣденное время я употреблялъ на измѣренія туземцевъ и фотографированіе; замѣчательно, какъ относились къ послѣднему фиджіанцы, особенно женщины. На другихъ островахъ я наталкивался постоянно па затрудненія, даже подарки не всегда помогали, здѣсь, наоборотъ, просили меня увѣковѣчить ихъ фотографіей—настолько это имъ нравилось. Дѣвушки при этомъ украшали себя цвѣтами и вѣнками и находились все время фотографированія въ самомъ веселомъ настроеніи. Мелкіе подарки брали и онѣ, особенно жадны были онѣ на табакъ, но я думаю все-таки, что фотографированіе доставляло имъ больше удовольствія, чѣмъ бусы и кольца. Мужчины держались солиднѣе, но

передъ позированіемъ надѣвали на себя военныя украшенія или танцовальный нарядъ.

Слѣдующій день прошелъ такимъ же образомъ, но зала представляла совсѣмъ другую картину. Это былъ день суда, когда каждый имѣлъ право входа; поэтому народу сошлось со всѣхъ сторонъ, но изъ начальниковъ были лишь немногіе. По этой причинѣ толпа была пестрѣе, чѣмъ вчера; можно было видѣть болѣе пышныя прически, у многихъ верхняя часть туловища была голая, и только вокругъ бедеръ были сулу. Съ обѣихъ сторонъ чиновника занимали мѣсто члены городского управленія, и чиновникъ, прежде чѣмъ рѣшать дѣло, совѣтовался съ ними о каждомъ дѣлѣ. Чиновникъ записывалъ всѣ тяжбы, а туземецъ-секретарь велъ второй протоколъ. И сегодня все здѣсь было тихо. Обвинители и свидѣтели дожидались на дворѣ, пока ихъ не позовутъ. Свидѣтелей приводили къ присягѣ съ библіей; обвиняемый велъ защиту самъ и часто очень искусно. Приговоръ суда онъ выслушивалъ спокойно, точно такъ же и оправдательный приговоръ не измѣнялъ его спокойнаго выраженія лица.

Фиджіанецъ.

Такъ какъ я не хотѣлъ покидать Кандаву, не отвѣдавши неизвѣстнаго мнѣ до тѣхъ поръ напитка „янгона“, на другихъ островахъ Океаніи называемаго „кава“, то чиновникъ просилъ Мбули приготовить намъ янгона. Тотъ охотно воспользовался случаемъ почтить рѣдкаго гостя и пригласилъ насъ на вечеръ на праздникъ янгона.

Когда мы въ 8 часовъ пришли въ его домъ, внутри сидѣли съ трехъ сторонъ туземцы гости, украшенные вѣнками и цвѣточными гирляндами, а около четвертой стѣны сидѣлъ одинъ самъ хозяинъ. Мы заняли мѣсто около Мбули, послѣ чего на средину комнатъ наложили огромные корни перцоваго дерева. Хозяинъ въ видѣ привѣтствія произнесъ рѣчь, которую закончилъ словами, что онъ дѣлаетъ въ нашу честь праздникъ

Янгона, который посвященъ королевѣ Викторіи и императору яманскому (германскому). Тогда корни опять были убраны со средины и положены въ сторонѣ.

Появились одиннадцать дѣвушекъ, намазанныхъ сильно пахучимъ кокосовымъ масломъ и покрытыхъ, кромѣ того, порошкомъ сандаловаго дерева; онѣ были украшены множествомъ цвѣтовъ и гирляндъ, вѣнками и перьями, но одеждой ихъ служили только маленькія сулу; онѣ заняли мѣсто противъ насъ въ одинъ рядъ: самыя молодыя на правой сторонѣ, запѣвалы или первыя танцовщицы въ срединѣ. Всѣ онѣ сидѣли на положенной на землѣ цыновкѣ съ поджатыми ногами, точно такъ же, какъ зрители и мы. Затѣмъ начались танцы, которые, конечно, нельзя сравнивать съ европейскими. Если подыскивать имъ что-либо подобное среди европейскихъ танцевъ, то, конечно, ближе всего къ нимъ балетъ, въ которомъ танцоры поютъ мотивъ танца или, наоборотъ, пѣвцы сопровождаютъ пѣніе движеніями, жестами, которые соотвѣтствуютъ словамъ пѣсни.

Это былъ первый „меке". Танецъ начался медленною, пріятною пѣсней, которую скоро подхватилъ хоръ. Туловища пѣвицъ раскачивались въ ритмъ, онѣ поднимали руки кверху и волнообразно размахивали ими въ воздухѣ, такъ что каждый, даже кто не понималъ словъ, могъ сообразить, что въ пѣснѣ поется о путешествіи по морю. Въ дѣйствительности это и было такъ; пѣвицы разсказывали объ одной лодкѣ, построенной на большомъ островѣ и приплывшей на Фиджи; онѣ описывали всѣхъ людей, бывшихъ на суднѣ. При этомъ онѣ помогали себѣ движеніями тѣла, руки и ноги находились въ движеніи; было удивительно видѣть, какія разнообразныя положенія принимали онѣ, только наклоняя и выпрямляя корпусъ, раскачиваясь въ разныя стороны, подымая, опуская, вытягивая руки и ноги, и какъ онѣ могли все выразить этой мимикой. Тактъ выбивали руками. Всѣ движенія были граціозны и хорошо согласованы. Но лучше всего было изображеніе того, какъ качалось судно на волнахъ; красивыя движенія могли бы удовлетворить даже привычнаго къ такимъ зрѣлищамъ человѣка. По окончаніи танца одинъ старый начальникъ прокричалъ „Vinaka", что означало, что и туземцы умѣютъ цѣнить танцы. Танцы продолжались затѣмъ еще долго, при чемъ въ нихъ принимали участіе и юноши и дѣвушки.

Наконецъ перешли къ приготовленію янгона.

Къ моему большому удивленію, при насъ остались двѣ дѣвушки—на островахъ Фиджи не позволяется ни одной женщинѣ оставаться въ домѣ, когда готовится янгона.

Посрединѣ комнаты было поставлено большое блюдо на четырехъ ножкахъ, вырѣзанное изъ одного куска дерева. Отъ частаго употребленія внутренняя поверхность его лоснилась и блестѣла какъ металлъ. Подобныя блюда составляютъ самое драгоцѣнное наслѣдство и никогда

не отдаются, точно такъ же какъ и сосуды для питья, изготовляемые изъ самыхъ крупныхъ кокосовыхъ орѣховъ и украшенные съ внѣшней стороны различными рисунками.

Вокругъ блюда группируется молодежь. Пока янгона переливается въ небольшія посудины, мужчины, сидящіе у стѣнъ, начинаютъ торжественныя пѣсни, изъ которыхъ нѣкоторыя такъ древни, что пѣвцы уже не понимаютъ ихъ, хотя и переняли слова. Во время пѣсенъ каждый юноша, сильно сплюнувши предварительно, беретъ кусокъ корня въ ротъ и начинаетъ жевать. Когда кусокъ готовъ, онъ беретъ пальцемъ изо рта бѣлый густой комъ и бросаетъ его въ сосудъ; затѣмъ начинаетъ снова сильно сплевывать, къ счастью не въ блюдо, и полощетъ ротъ водой, чтобы уничтожить острый вкусъ, остающійся отъ корня.

На островахъ Фиджи женщины не должны быть въ домѣ, когда пьютъ янгона, а на архипелагѣ Самоа „кава“ жуютъ только дѣвушки, онѣ же приготовляютъ кава и услуживаютъ мужчинамъ при питьѣ.

Когда всѣ молодые фиджіанцы отдали свою кашицу, въ блюдо прибавляется вода, и вся масса размѣшивается руками, затѣмъ твердыя волокна извлекаются съ помощью пучка твердыхъ лубяныхъ полосокъ, при этомъ напитокъ выливается снова въ чашу, а волокна удерживаются. При такомъ первобытномъ способѣ постоянно остается не малое количество волоконъ въ напиткѣ. Когда янгона была готова, молодые фиджіанцы стали разливать его въ тарелки.

Первая тарелка была поднесена мнѣ; фиджіанецъ низко мнѣ поклонился, сталъ на колѣни и передалъ мнѣ напитокъ, послѣ чего онъ ударилъ въ ладоши. Прежде чѣмъ взять я тоже хлопнулъ въ ладоши, затѣмъ перелилъ бурую жидкость въ другой большой сосудъ, изъ котораго могли пить только главные вожди. Напитокъ былъ такого же вкуса, какъ мыльная вода съ перцемъ и страшно жегъ горло, но всѣ собравшіеся кричать въ одинъ голосъ „Ah maçe!“ такимъ тономъ, какимъ говорятъ: „А вѣдь это дѣйствительно нѣчто хорошее!“ На самомъ дѣлѣ восклицаніе это означаетъ: „Она (т.-е. сосудъ, кружка) нужна“, т.-е. „мнѣ понравилось это, и я выпилъ все!“

Послѣ меня пили мои спутники, потомъ Мбули и вожди по старшинству, и при этомъ соблюдалась та же церемонія: мальчикъ, поднося напитокъ, становится на колѣни, и хлопаетъ въ ладоши. Когда всѣ вожди выпили свою долю, начали обносить остальныхъ гостей.

Если первой порціи янгоны не хватаетъ, то приступаютъ такимъ же образомъ къ приготовленію новой; корней много, и ими можно наполнить не одно блюдо; праздникъ продолжается до ранняго утра. Но моя жажда янгоны была удовлетворена; мы встаемъ и уходимъ, не благодаря, не прощаясь и не пожимая руки, согласно обычаю.

Насколько плохъ вкусъ янгоны, настолько хорошо ея дѣйствіе; она

вызываетъ пріятное освѣжающее ощущеніе во рту и вызываетъ желаніе выпить еще разъ. Она никогда не ударяетъ въ голову и только при неумѣренномъ употребленіи дѣлаетъ ноги нетвердыми; черезъ нѣсколько часовъ это проходитъ.

Главное достоинство этого напитка состоитъ въ томъ, что онъ легко

Фиджіанка.

утоляетъ самую сильную жажду. Какъ многіе бѣлые, я также скоро привыкъ къ нему и потомъ охотно его пилъ.

Когда мы на слѣдующій день стали готовиться къ отъѣзду, всѣ сановныя лица собрались на берегу. Мы пожали имъ руки, обѣщали каждому по подарку и пошли по колѣни въ воду къ нашей лодкѣ, ко-

торая доставила насъ къ пароходу. Когда мы выѣхали изъ бухты, весь Мбуку-Леву былъ ясно виденъ какъ на ладони.

Миссіонеры, ежедневно присылавшіе намъ свѣжее молоко, привѣтствовали насъ на прощанье, выкинувши англійскій флагъ. Теперь на Фиджи только христіанскія церкви, отъ прежнихъ интересныхъ храмовъ не осталось ничего. Только террасообразныя стѣны однѣ указываютъ мѣста, гдѣ стояли храмы; самыя же зданія съ высокими крышами по большей части исчезли безслѣдно, были разрушены. Съ храмами уничтожено все, что употреблялось для служенія богамъ; только въ Мбау при основаніи террасы можно было видѣть большой камень, на которомъ, какъ меня увѣряли туземцы, раздробляли черепа людей, назначенныхъ въ жертву. По жившій на островѣ миссіонеръ утверждалъ, что камень этотъ не настоящій и былъ принесенъ сюда позднѣе фиджіанцами, а что настоящій камень пошелъ на постройку церкви.

На возвратномъ пути въ Суву мы держались ближе къ берегу, чѣмъ во время пріѣзда, и мы могли хорошо разсмотрѣть деревни по берегу, а ихъ было не мало; страна эта, повидимому, плодородна и воздѣлана, вдоль берега вездѣ стояли кокосовыя пальмы. Мы проплыли мимо маленькихъ островов и къ вечеру бросили якорь у острова Дравуни. Здѣсь мы высадились на землю и стали искать въ сторонѣ отъ берега, въ лѣсу, мѣсто, гдѣ бы провести ночь.

Деревушка была бѣдная. Домики стояли тѣсно, и непосредственно сзади ихъ начинался лѣсъ; воздухъ былъ душный, такъ какъ прохладные бризы не проникаютъ сюда сквозь чащу лѣса. На островѣ не было совсѣмъ воды; люди были принуждены собирать дождевую воду, но иногда дождь не идетъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, и какъ разъ во время нашего пріѣзда была засуха въ продолженіе цѣлой четверти года. Вотъ почему люди здѣсь были грязнѣе, чѣмъ въ Кандаву. Въ Тавуки мы ежедневно купались въ рѣкѣ; нѣсколько дальше рано по утрамъ купались женщины. Тотъ, кто захотѣлось бы купаться въ Дравуни, долженъ былъ бы идти на берегъ моря; это, повидимому, дѣлаютъ не часто. Питья здѣсь достаточно, отъ жажды нѣтъ ничего лучше сока кокосоваго орѣха. Нѣкоторые изъ насъ получили кокосовые орѣхи въ качествѣ подарка и отблагодарили табакомъ.

На слѣдующее утро, передъ нашимъ уходомъ, полилъ давно ожидаемый жителями дождикъ, всѣ острова были какъ въ туманѣ, такъ что мы едва могли различить небольшой, покрытый зеленью островъ Мбенга. Около полудня мы достигли Сува.

—

На Таити.

(Тишанскаго.)

Съ шумомъ, какъ бы звеня въ прозрачномъ воздухѣ, рвался выпускаемый изъ машины блестящей бѣлизны паръ, въ контрастъ дыму, черными клубами валившему изъ трубы нашего парохода. Подымаясь вертикально, дымъ терялъ постепенно ясные очерки своихъ громадныхъ клубившихся колецъ, рѣдѣлъ и стлался грязновато-желтымъ облакомъ, относимый легкимъ дуновеніемъ начинавшагося морского бриза. Мы уходили изъ Гонолулу.

Раздалась команда капитана; подняли якорь. „Ходъ впередъ!" раздалось съ мостика. Замолкъ свистъ выпускаемаго пара. Запыхтѣла машина. Забуравилъ винтъ. Корветъ двинулся.

Вечеромъ, въ ожиданіи пассата, мы прекратили пары и вступили подъ паруса, находясь еще на широтѣ острова Оагу. Послѣдній представлялся высокимъ темно-зеленымъ конусомъ, покоившимъ свою вершину въ темнѣвшей лазури вечерняго неба. Изрытая, изборожденная вершина его осѣнялась гигантской шапкой тумана.

Въ полночь, выйдя на вахту, я былъ пораженъ восхитительной картиной. Представьте себѣ теплую темную тропическую ночь. Надъ вами глубокій куполъ неба, который, несмотря на темноту, еще не совсѣмъ утратилъ свой темно-синій колоритъ. Этотъ куполъ былъ усѣянъ миріадами звѣздъ, то тихо и плавно горѣвшихъ, то мерцавшихъ красивыми отблесками.

Весь слѣдующій день прошелъ въ томительномъ и однообразномъ штилѣ. Онъ прерывался лишь время отъ времени налетавшими изъ ущелья горы Оагу сырыми легкими шквалами. Шаловливый бризъ рябилъ поверхность воды, но былъ безсиленъ надуть наши грузно висѣвшіе на реяхъ паруса. Даже флюгеръ—и тотъ, повисши безпомощно, катался кругомъ шеста, къ концу котораго былъ привязанъ.

На третій день тотъ же тягостный штиль, то же безоблачное небо, та же гладкая поверхность водъ. Тоскливо переносились взоры къ неподвижному флюгеру; а отъ него—къ висѣвшимъ парусамъ,—штиль, мертвый штиль.

Тяжелое чувство овладѣло нами. Молча и угрюмо бродили мы, не зная, что дѣлать, за что взяться,—все какъ изъ рукъ валилось.

Къ счастью, къ вечеру этого дня, послѣ прошедшаго шквала съ дождемъ и громомъ, подхватившаго и понесшаго насъ, мы почувствовали признаки столь долго и нетерпѣливо ожидаемаго пассата. Къ утру NO установился, и мы, разсѣкая ровное и частое волненіе тропическаго пояса, понеслись къ Таити, постепенно теряя тонувшій въ лазоревыхъ водахъ Великаго океана островъ Оагу.

Къ полдню горизонтъ былъ чистъ кругомъ, и затѣмъ потекла наша мирная морская жизнь. Двадцатидневный переходъ до Таити былъ скорѣе прогулкой, чѣмъ морскимъ переходомъ. Дѣйствительно, провесть двадцать дней на быстро идущемъ спокойномъ суднѣ въ тропикахъ не лишено прелести. Ночи во время нашего перехода были восхитительны. Полная луна заливала свѣтомъ ровно надутые паруса, какъ будто оживлявшіеся подъ ея томными синеватыми лучами. Легкій кренъ, шумъ отгоняемой отъ остраго водорѣза воды, ея журчащіе всплески,—все это наполняло душу какимъ-то спокойнымъ чувствомъ.

Наконецъ, на двадцать первый день къ вечеру вдали показалось облако, рѣзкія, а, главное, постоянныя очертанія котораго убѣждали, что на нашемъ горизонтѣ всплывала изъ голубыхъ водъ Тихаго океана восхитительная царица этого пояса—Таити.

Таити лежитъ между 17° 29′ и 17° 47′ южной широты и 151° 30′ и 151° 56′ восточной долготы. Онъ состоитъ изъ двухъ неравныхъ половинъ, соединенныхъ между собой низменнымъ и узкимъ перешейкомъ, ширина котораго не превышаетъ двухъ верстъ. На послѣднемъ построенъ фортъ Таравао. Большая половина острова, почти круглой формы, собственно носитъ названіе Таити. Меньшая же, овальная, называется Таиробу.

Какъ и всѣ острова Тихаго океана, Таити окруженъ кольцомъ кораллов, о которое разбиваются волны, вслѣдствіе чего водная поверхность между ними и островомъ всегда гладка и спокойна.

Климатъ Таити постояненъ и тепелъ. За нѣсколько лѣтъ средняя годовая температура была 24,5° С. Разница между временами года незначительна. Первые четыре мѣсяца въ году самые теплые и сырые. Падающіе въ это время дожди имѣютъ не малое вліяніе на общую среднюю температуру острова, понижая ее.

Передъ нами высоко поднималась темная масса острова, вплоть донизу задернутая непроницаемой мглой тумана, тяжелой завѣсой висѣвшаго надъ Таити. Прегражденный островомъ пассатъ спадалъ, хотя доносилъ до насъ теплыя душистыя испаренія земли. На востокѣ, обозначавшееся нитями перистыхъ облаковъ, мѣсто восхода стало свѣтлѣть исполинскимъ сіяніемъ, центръ котораго принималъ багровые оттѣнки зарева. Заливъ былъ покрытъ точно расплавленнымъ металломъ. Солнце озолотило облачную завѣсу острова, а вслѣдъ затѣмъ потянулъ береговой бризъ и разразился сильнымъ шкваломъ съ вихремъ. Но вотъ прекратился дождь, заблистало солнце, и предъ нами во всей красѣ раскинулась картина острова.

Громадная діадема скалъ причудливой формы, похожая на корону съ острыми зубцами, осѣняла вершину острова. Вся эта масса была одѣта зеленью лѣсовъ, почти сплошь покрывающихъ Таити. Эта зеленая глыба не представлялась однако однообразной,—напротивъ, являла

На берегахъ Таити.

всѣ оттѣнки зеленаго цвѣта, начиная отъ самыхъ темныхъ и до самыхъ свѣтлыхъ. Мѣстами только бросались въ глаза красныя блестящія пятна обнаженнаго базальта.

По мѣрѣ нашего приближенія стали выдѣляться подробности очертаній. Показались рощи, посвѣтлѣли вдоль боковъ выпуклости, взамѣнъ чего стали темнѣть и углубляться впадины.

Берега острова, то вдаваясь внутрь, то выдаваясь наружу цѣлыми группами какъ бы жмущихся другъ къ другу мысковъ, образовали цѣлый рядъ бухтъ, издали напоминавшихъ узорное тонкое кружево. Миріады мадрепоръ широкой лентой окружили островъ точно желая защитить изрытые берега его отъ напора не всегда ласковыхъ валовъ. Клокотавшія и пѣнящіяся снаружи кольца волнъ разбивались на несмѣтныя брызги объ эту стѣну, являлись по ту сторону рифа гладкою какъ зеркало поверхностью, въ которой во всей красѣ, во всѣхъ подробностяхъ отражается восхитительный образъ Таити.

Но вотъ показался парусъ. Легкокрылой чайкой къ намъ навстрѣчу, едва касаясь водъ, летѣла шлюпка съ лоцманомъ, а черезъ полчаса съ громомъ несшаяся по палубѣ цѣпь отдаппаго якоря возвѣстила о концѣ перехода.

Мы стали въ небольшомъ кругломъ рейдѣ. Сзади исполинскимъ букетомъ плавалъ островокъ, защищающій бухту съ моря. Кругомъ же по прибрежью обвивалась пестрая кайма, составленная домами и хижинами, утопавшими въ могучей зелени и цвѣтахъ. Куда ни обернись, радостно, свѣтло и весело.

На другой день пріѣхалъ къ намъ губернаторъ колоніи, французъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Съ важностью пройдя по палубѣ, онъ спустился въ каюту адмирала, куда и мы сошли завтракать. Здѣсь представитель Франціи разсыпался въ любезностяхъ и закончилъ свой визитъ приглашеніемъ къ себѣ.

Единственная заселенная часть Таити представляетъ равнину, сложенную изъ мадрепоровыхъ кораллов; она простирается отъ моря до горъ внутри острова полосой различной ширины; на сѣверо-западной сторонѣ острова, гдѣ расположенъ городъ Папіете, она имѣетъ около полверсты въ ширину.

Папіете, столица французскихъ владѣній въ Океаніи, построена на берегу моря. Улицы, обсаженныя манговыми деревьями, разбиты съ геометрической правильностью среди садовъ кофейныхъ деревьевъ и другихъ тропическихъ растеній. Поэтому Папіете мало похожъ на городъ; скорѣе это тропическій лѣсъ, съ правильно расположенными аллеями, гдѣ тамъ и сямъ видны граціозные домики.

Ночью при лунномъ свѣтѣ, когда лучи серебрятъ стройныя кокосовыя пальмы и крыши домовъ, когда ночные цвѣты распространяютъ

далеко въ вечернемъ воздухѣ свой ароматъ, Папіете кажется волшебнымъ сказочнымъ видѣніемъ.

Европейскіе коммерсанты и толстые китайскіе купцы имѣютъ магазины въ центрѣ города, при этомъ китайцы и живутъ въ своихъ торговыхъ помѣщеніяхъ, тогда какъ другіе живутъ, по англійскому обыкновенію, въ особыхъ домахъ.

Кварталъ, гдѣ находится дума,—самая оживленная часть города; здѣсь есть настоящія улицы и площадь. Утромъ, съ восходомъ солнца, таитяне приносятъ сюда для продажи всевозможные фрукты; китайцы-земледѣльцы являются сюда съ европейскими овощами, охотно раскупаемыми колонистами. Рынокъ особенно интересенъ бываетъ по воскресеньямъ, когда таитяне являются сюда закупать провизію на всю недѣлю.

На рынокъ идутъ какъ на праздникъ; красивыя дѣвушки украшаютъ себя цвѣтами и надѣваютъ самыя лучшія платья и отправляются на рынокъ и въ кафе.

Кромѣ этого квартала, есть только нѣсколько тѣнистыхъ улицъ, пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ и кажущихся безжизненными.

Домъ губернатора, вмѣстѣ съ домомъ комиссара и зданіемъ суда, составляетъ лучшую часть города. Сюда на площадь собирается публика въ праздники. Среди сквера находится бесѣдка для военной и таитянской музыки. Въ день музыки все населеніе собирается къ дому губернатора.

Таитянская мелодія „упа-упа“ заканчивается туземнымъ танцемъ, въ которомъ принимаютъ участіе молодые парни и дѣвушки. Кварталъ, носящій названіе св. Амеліи, населенъ главнымъ образомъ офицерами, ведущими здѣсь веселую и праздную жизнь; внѣ службы—кстати сказать, вовсе не обременительной, они пользуются дневнымъ отдыхомъ во время жаркихъ часовъ, которые они проводятъ по большей части на цыновкахъ до четырехъ часовъ пополудни. Въ четыре часа, когда солнце золотитъ горизонтъ, они поднимаются и отправляются на прогулку. Улицы въ это время оживляются и по нимъ проѣзжаютъ экипажи. Обыкновенно на нѣкоторомъ разстояніи отъ города лошадей оставляютъ и гуляющіе отправляются въ горныя ущелья купаться въ чистой и холодной водѣ горныхъ потоковъ. Къ ночи гуляющіе возвращаются домой. По дорогѣ всѣ обмѣниваются другъ съ другомъ дружескимъ таитянскимъ привѣтствіемъ: „Я ора на ое“, т.-е. привѣтствую тебя—трогательный знакъ братскихъ чувствъ въ этой мирной и благодатной странѣ.

Подобнымъ образомъ возникаетъ и растетъ то безсознательное чувство привязанности къ этой странѣ, которое иностранцамъ такъ трудно переносить при отъѣздѣ. Здѣсь можно привыкнуть и къ тѣнистой хижинѣ,

и къ безмятежной жизни въ этомъ жаркомъ климатѣ, и моментъ разлуки кажется особенно тягостнымъ тѣмъ, кто разстается съ этой жизнью надолго.

Надо замѣтить, что это чувство привычки особенно сильно испытываютъ французы; англо-саксонцы разстаются съ страной хладнокровно. Это объясняется складомъ ума французской расы, любящей въ природѣ все экзотическое и легко приспособляющейся къ новымъ условіямъ жизни. Моряки, которыхъ служба обрекаетъ рано на жизнь внѣ родины, особенно склонны заражаться спеціальнымъ микробомъ Таити, который убиваетъ всякую энергію, задергиваетъ густой дымкой самое воспоминаніе о Франціи и такъ измѣняетъ ихъ самихъ, что нѣкоторые рѣшаются навсегда забывать объ отечествѣ и остаются здѣсь. Подобнымъ образомъ французскіе чиновники, офицеры, коммерсанты, отправляющіеся сюда съ цѣлью колонизовать страну, вмѣсто того, чтобы водворять культуру въ краѣ, сами перенимаютъ все отъ туземцевъ. Они настолько подпадаютъ вліянію таитянъ, что совершенно смѣшиваются съ ними. Между ними происходитъ обмѣнъ идей, чувствъ, что ведетъ въ результатѣ къ тому, что побѣдители-европейцы усваиваютъ нравы и обычаи побѣжденныхъ туземцевъ.

Французъ, живущій по-туземному, „по-канацки“, какъ здѣсь говорятъ, ѣстъ пищу полинезійцевъ на банановыхъ листьяхъ, носитъ вѣнки, одѣвается въ національное парео и говоритъ на мѣстномъ языкѣ. Наоборотъ, англичане и американцы, рядомъ съ нимъ, удерживаются отъ подражанія, сохраняютъ всѣ англійскія привычки и занимаются только коммерціей; они остаются людьми Лондона или Нью-Іорка вплоть до своихъ способовъ развлеченій.

Различіе между французами и англичанами сказывается особенно рѣзко на Таити; оно объясняетъ лучше всякихъ цифръ, почему французская колонія сохранилась такою же до сегодня, какою она была полвѣка назадъ въ то время, когда ею завладѣли французы. Въ то же время въ нѣсколькихъ стахъ миль архипелагъ Гаваи, подъ управленіемъ Соединенныхъ Штатовъ, потерялъ свое имя, лишился своихъ правителей и, въ значительной степени, населенія, но зато острова имѣютъ теперь значительные порты, города съ электрическими трамваями и съ населеніемъ только изъ иностранцевъ.

На слѣдующій день мы сдѣлали визитъ губернатору, были представлены его супругѣ, а затѣмъ отправились представиться королевѣ острова, жившей на противоположномъ концѣ города. Дорога шла черезъ мостъ, перекинутый надъ горнымъ потокомъ, бурно бѣжавшимъ, журча, безчисленными каскадами. Одинъ изъ нашихъ товарищей, большой оригиналъ, не говоря ни слова, какъ былъ, съ шапкой на головѣ, бултыхнулся въ воду. „Сумасшедшій,—сказали мы ему, когда онъ, мокрый, вылѣ-

залъ на противоположный берегъ,— вѣдь мы идемъ представляться“.— „Знаю,— отвѣчалъ онъ,—успѣю еще высохнуть“. И дѣйствительно, когда подходили къ дворцу, онъ былъ сухъ. Признаюсь, я пожалѣлъ, что не послѣдовалъ его примѣру.

Резиденція королевы была громадная, окруженная верандой,—бамбуковая хижина, помѣщавшаяся посреди большого двора, обнесеннаго частоколомъ и обсаженнаго большими тѣнистыми деревьями. Большая пріемная, куда насъ ввели, была меблирована оригинальнымъ для дворца образомъ. На полу и на стѣнахъ виднѣлись цыновки, а прислонившись къ одному изъ угловъ, стоялъ убогій, хотя когда-то и вызолоченный диванъ, онъ же и тронъ, предъ которымъ неизвѣстно почему стоялъ туалетный столъ.

Черезъ пять минутъ въ открывшуюся дверь вышла королева. Она была довольно тучная женщина, одѣтая въ блузу, сквозь которую просвѣчивало ея темное тѣло; съ вѣеромъ въ рукахъ и съ жасминнымъ вѣнкомъ на головѣ, она явилась къ намъ въ сопровожденіи трехъ фрейлинъ, молодыхъ дѣвушекъ. Подойдя къ намъ, по старшинству поставленнымъ и выравненнымъ, она стала по очереди разглядывать каждаго съ сосредоточеннымъ вниманіемъ. Послѣ осмотра королева удалилась и, возсѣвъ на диванъ, посадила рядомъ съ собой самаго старшаго изъ насъ. Послѣдній, желая занять королеву, просто закидалъ ее вопросами и разсказами, въ отвѣтъ на которые только и раздавалось протяжное и глубокое „муу“, произносившееся ею съ видимымъ усиліемъ.

Результатомъ нашего представленія было, во-первыхъ, приглашеніе къ обѣденному столу, сервированному на туземный манеръ, и, во-вторыхъ, позволеніе разъ навсегда приходить къ ней по вечерамъ слушать музыку. Понятно, что какъ то, такъ и другое было съ благодарностью принято.

Мнѣ хотѣлось выбраться изъ Папіете, изъ среды французовъ, меня окружавшихъ, и уѣхать подальше въ горы. Запасшись лошадью и проводникомъ, я съ вечера съѣхалъ на берегъ, съ тѣмъ, чтобы до зари пуститься въ путь. Было еще темно, когда меня разбудилъ ѣхавшій со мной проводникъ, ловкій, плутоватый полу-французъ, полу-туземецъ, носившій имя Амбруазъ. Его неоцѣненное достоинство заключалось въ томъ, что онъ зналъ островъ, какъ свои пять пальцевъ.

Выйдя изъ хижины, я засталъ моего Амбруаза верхомъ, державшаго за поводъ крѣпкую, бодрую лошаденку. Все еще спало кругомъ.

Выѣхавъ изъ черты города, мы мѣрнымъ, но быстрымъ галопомъ понеслись по дорогѣ, пролегавшей на нѣсколько верстъ по обработанной части острова, въ концѣ которой находилась значительная плантація сахарнаго тростника, принадлежавшая переселившемуся сюда англичанину. Миновавъ плантацію и перебравшись въ бродъ черезъ рѣку, текущую въ живописномъ ущельѣ, мы въѣхали въ лѣсъ.

Опушку составляли кусты гуявы, полные пахучихъ и своимъ запахомъ раздражающихъ нервы плодовъ. За гуявой потянулась роща чистыхъ, опрятныхъ, какъ изъ кости выточенныхъ, громадныхъ апельсинниковъ и лимонниковъ, съ блестящею зеленью, полныхъ спѣющихъ и спѣлыхъ плодовъ.

Запахъ цвѣтовъ, фруктовъ и листьевъ былъ такъ силенъ, что по временамъ становилось просто тяжело дышать. Сотни тысячъ плодовъ покрывали дорогу. Давимые копытами лошадей, они лопались, при чемъ брызги сладкаго желтаго ихъ сока далеко разбрасывались въ сторону. За этой рощей начинался собственно лѣсъ, почти сплошь покрывавшій склонъ горы, на которую намъ приходилось взбираться. И что это былъ за лѣсъ! Чего здѣсь только не было!

Тутъ хлѣбное дерево съ широкими и глубоко разрѣзанными листьями раскинуло гнущіяся подъ тяжестью плодовъ вѣтви свои. Здѣсь—группа чернаго и краснаго дерева, этихъ красавцевъ, рожденныхъ огненнымъ дыханіемъ тропическаго солнца. Далѣе камфарное дерево, окруживъ себя пахучей атмосферой, гигантомъ раскинулось и высоко, и широко, какъ будто желая пріютить все и всѣхъ подъ сѣнью могучихъ вѣтвей своихъ, а подъ нимъ какъ пигмей росло красивое розовое деревцо, окруженное полнымъ цвѣтовъ кустомъ жасмина.

Тамъ же, на какомъ-нибудь заглушенномъ стволѣ перепутались восемь-десять чужеядныхъ стволовъ, составившихъ такой хаосъ листьевъ и цвѣтовъ, что не разберешь, что кому принадлежитъ. А какъ бы въ контрастъ съ этимъ сплошнымъ покровомъ зелени вдали, на одинокой скалѣ, разрослась группа желѣзныхъ деревьевъ. Тонкіе и висящіе игловидные листья ихъ напоминали издали зеленый газъ, въ который будто окутались эти вѣтвистые исполины, — газъ, рябившій голубыми оттѣнками неба, проглядывавшаго промежъ петель этой сѣти. Все это вмѣстѣ было въ свою очередь перепутано висѣвшими и качавшимися ліанами, фестоны которыхъ, перекидываясь съ дерева на дерево, образовывали самые причудливые узоры зелени и цвѣтовъ.

Болѣе часа скакали мы по извивавшейся по лѣсу тропѣ и наконецъ выѣхали на дорогу, лѣпившуюся на краю глубокой пропасти, куда спадалъ шумящій каскадъ горнаго потока. Дорога, по которой предстояло намъ ѣхать, подымаясь, вилась по горѣ. Она то пропадала въ чащѣ лѣса, то опять показывалась, перерѣзывая рядъ холмовъ, на которыхъ высоко и стройно вытягивались группы тонкоствольныхъ прямыхъ пальмъ. Послѣднія рѣзко выдѣляли на лазури неба свои мелкіе, пушистые султаны.

Становилось жарко; лошади и мы порядкомъ измучились, проѣхавъ безъ отдыха часовъ пять сряду, какъ вдругъ за поворотомъ скалы открылся частоколъ и крыша туземной хижины, гдѣ предполагалось отдохнуть.

Хозяинъ поднесъ мнѣ кокосъ, полный кисловатаго, вкуснаго и прохладительнаго молока, а Амбруазъ уже взобрался съ ловкостью обезьяны на прямой какъ мачта стволъ кокосовой пальмы и сбивалъ оттуда крупные зеленые орѣхи.

Дворъ, гдѣ я находился, представлялъ собою площадь въ какихъ-нибудь полдесятины и былъ единственнымъ достояніемъ цѣлаго семейства изъ двѣнадцати членовъ. Этотъ клочокъ земли ихъ кормилъ, тутъ же было и ихъ жилище. Обнесенный низкимъ частоколомъ изъ круглыхъ связанныхъ между собою бамбуковъ, онъ представлялъ сплошной коверъ сочной травы, на которомъ вились узкія дорожки къ деревьямъ, расположеннымъ живописными группами.

Поблагодаривъ хозяина и одаривъ бусами и лентами трехъ хозяйскихъ дочерей, я выѣхалъ со двора, напутствуемый ласковыми пожеланіями.

Дорога проходитъ болотистыми мѣстами, орошаемыми безчисленными каскадами воды. Затѣмъ мы останавливаемся и дѣлаемъ привалъ, чтобы раздѣлить трапезу съ рыбаками. Нашъ ужинъ состоитъ, во-первыхъ, изъ „майоре“ (плодъ хлѣбнаго дерева) и, во-вторыхъ, изъ „деви“ (бананъ шафраннаго цвѣта, составляющій для полинезійцевъ главную пищу и замѣняющій имъ нашъ сыръ).

Хлѣбное дерево растетъ во множествѣ около жилищъ, и плодовъ его хватило бы съ избыткомъ на рѣдкое населеніе Таити, даже если бы жителямъ не надоѣдала со временемъ эта своеобразная мучная пища.

Наоборотъ, отъ банановъ „феи“ туземцы никогда не отказываются, но сборъ этихъ плодовъ болѣе затруднителенъ. Бананы эти растутъ въ глубокихъ ущельяхъ, на утесахъ крутыхъ скалъ.

Каждую недѣлю, въ субботу (день сбора продовольствія), молодые люди отправляются въ долины и ущелья обрывать плоды „феи“. Они возвращаются оттуда вечеромъ съ цвѣтами на головахъ, съ красными бананами на всю недѣлю.

Сборъ этотъ является какъ бы религіозною обязанностью; женщины обыкновенно, въ знакъ благодарности, выходятъ навстрѣчу мужчинамъ и цѣлуютъ ихъ колѣни.

Мы присутствовали при томъ, какъ открывали туземную печь, гдѣ плоды жарятся, обсыпанные землей и обвернутые въ сочные листья. Вмѣстѣ съ майоре и феи намъ подали очень соленую рыбу. Передъ каждымъ поставили на банановомъ листѣ кокосовый орѣхъ, наполненный „мити-гюе“, который здѣсь въ общемъ употребленіи. Это—нѣчто въ родѣ соуса изъ морской воды и мякоти молодыхъ кокосовыхъ орѣховъ, который бродитъ нѣсколько дней въ особыхъ бутылкахъ. Все, что ѣдятъ, полинезійцы обмакиваютъ въ этотъ соусъ.

Таитянамъ даетъ значительный и легкій доходъ копра. Это продуктъ, добываемый изъ кокосовыхъ орѣховъ, когда они падаютъ съ дерева;

копра покупаютъ для мыловаренныхъ заводовъ и платятъ отъ 250 до 300 франковъ за 1000 килогр. Таитяне не знаютъ другой заботы при этомъ, какъ только собирать падающіе орѣхи; они ихъ разрубаютъ топоромъ, вынимаютъ мякоть, раскладываютъ на солнцѣ и въ сушеномъ видѣ продаютъ. Одна кокосовая пальма даетъ отъ 2 до 3 франковъ дохода. Если представить себѣ, какъ много пальмъ растетъ здѣсь, то можно составить себѣ представленіе, нѣсколько значительна польза отъ кокосовой пальмы. Она идетъ на все. Кокосъ „агаари" носитъ около дюжины названій, смотря по степени зрѣлости. Совсѣмъ молодой орѣхъ даетъ около литра прекраснаго освѣжающаго напитка; позже самая мякоть идетъ дѣтямъ туземцевъ, которыя сосутъ ее вмѣсто соски; перебродившую мякоть употребляютъ какъ соусъ; мякотью же кормятъ животныхъ, куръ и свиней, волокна съ оболочки плода идутъ на веревки, молодые листья даютъ салатъ и пальмовое вино; наконецъ, дерево само идетъ на постройки.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о будущности Таити. Уже много лѣтъ экономическое положеніе этой французской колоніи остается то же, и нельзя надѣяться на быстрый прогрессъ въ будущемъ. Таити, по своему географическому положенію, удалена и закрыта отъ Франціи; послѣдняя поддерживаетъ сношенія съ колоніей только съ помощью парусныхъ кораблей. Наоборотъ, ихъ сосѣди, Соединенные Штаты, распространяютъ свое вліяніе по островамъ Океаніи съ большой энергіей. Они уже наводнили Таити своими капиталами и конкурируютъ съ французскими купцами. Почтовое пароходное сообщеніе отъ С.-Франциско до Таити откроетъ имъ еще больше свободы дѣйствій въ колоніи. Если Франція не приметъ мѣръ, американцы тамъ будутъ хозяевами положенія и, быть можетъ, уничтожатъ туземцевъ, которые до сихъ поръ жили подъ покровительствомъ французовъ.

Мы подъѣзжали къ быстрой горной рѣкѣ съ виднѣвшимися развалинами поломаннаго каменнаго моста. Пришлось переправляться въ бродъ. Бурливый потокъ сбивалъ своимъ теченіемъ лошадей, то и дѣло спотыкавшихся или останавливавшихся.

Поднявшись на полгоры, мы вдругъ очутились предъ огромной отвѣсной скалой, подножіе которой омывалось большимъ бассейномъ воды, куда съ шумомъ впадала серебристой струей рѣка. Зелень, сопровождавшая ее, густо разрослась. Цѣлая гирлянда тонкихъ стволовъ и листвы, какъ бы слѣдомъ за водой, свѣсилась сверху скалы внизъ, омываясь брызгами рѣки.

Было темно, когда Амбруазъ повелъ меня въ селеніе, прилѣпившееся неподалеку къ скалѣ. Гостепріимные туземцы съ радостью приняли меня на ночлегъ, а въ виду рѣдкости подобнаго посѣщенія послали оповѣстить и сосѣдей о пріѣздѣ гостя. Амбруазъ хлопоталъ. Развѣсить га-

макъ, разсѣдлать коней было для него минутнымъ дѣломъ. Затѣмъ онъ исчезъ, и я не успѣлъ, какъ говорится, оглянуться, какъ онъ уже возвращался, торжественно влача за ноги большого, только что заколотаго имъ поросенка. Впослѣдствіи оказалось, что поросенка этого онъ укралъ у жившаго здѣсь француза.

Хозяева выпотрошили, вымыли лакомое животное и, наполнивъ внутренности его душистыми листьями банана и горячими каменьями, обвернули его снаружи пахучими травами и, положивъ въ яму, завалили грудой горячихъ булыжниковъ.

Туземецъ съ Таити.

Пока пеклось такимъ образомъ жаркое, дворъ понемногу наполнялся самой характерной туземной толпой. Невдалекѣ отъ меня, съ сигарами въ зубахъ, расположились статные мужчины. Они были одѣты въ широкія рубахи, поверхъ маро*). Дѣвушки и женщины составляли другую группу. Одежда туземной женщины состоитъ изъ длинной открытой кисейной широкой блузы и цвѣтовъ. Послѣдніе всегда носятся въ изобиліи. Служа головнымъ украшеніемъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ замѣняютъ серьги, ожерелья и браслеты.

Стемнѣло совершенно. Небо запскрилось тысячами звѣздъ. Въ воздухѣ было тихо и тепло, а въ хижинѣ, освѣщенной пылавшимъ пламенемъ кокосоваго масла, горѣвшаго въ скорлупахъ орѣха, собралось нѣсколько дѣвушекъ и мужчинъ. И вотъ понеслась изъ хижины стройная туземная пѣсня, спѣтая чистыми, звучными голосами.

---

*) Маро—пестрый кусокъ матеріи, которымъ туземцы обвертываютъ верхнія части ногъ вмѣсто панталонъ.

Рано утромъ разбудилъ меня Амбруазъ. Было еще темно, когда я пустился въ путь пѣшкомъ. Легкій утренній туманъ, сѣвшій на каменья узкой и круто подпимавшейся тропы, заставлялъ постоянно скользить и спотыкаться. Около часа подымались мы. По мѣрѣ приближенія къ цѣли прогулки доносившійся шумъ каскадовъ, сгущаясь все болѣе и болѣе, перешелъ сначала въ звуки шипѣвшихъ потоковъ, а затѣмъ въ ревъ массы падающей воды.

Мы подошли къ водопадамъ Фатауа. Кругомъ меня восхитительная декорація горъ. Столпившись, онѣ образовали глубокую воронку, рѣзко выдѣляя красивыя линіи своихъ очертаній на голубомъ небѣ. Впереди подымалась изукрашенная блестящими на солнцѣ скалами, точно драгоцѣнными каменьями, Фатауа, а на ней, въ изумрудной рамкѣ зелени, виднѣлся рядъ синеватыхъ уступовъ съ водными бассейнами, вымытыми въ гранитѣ ниспадающей рѣчкой. Спрыгивая со скалы на скалу, ея шумящія струи добѣгаютъ до послѣдняго бассейна, изливаясь изъ котораго пропадаютъ въ неизвѣстной глубинѣ пропасти. Дна послѣдней не видно, а бока ея вплоть заросли цѣлымъ покровомъ висящей зелени эпифитовъ, на которой, вѣчно играя яркой радугой, садится водяная пыль разбитой, исчезающей рѣчки.

Спускъ съ горы былъ восхитителенъ не менѣе, чѣмъ подъемъ. Картины, полныя новизны и красотъ, смѣнялись одна за другой безъ перерыва, какъ бы желая разнообразной панорамой заставить забыть опасности спуска по висѣвшей большею частью надъ пропастями горной тропѣ.

Отдохнувъ на дорогѣ, я вечеромъ спустился почти къ морю и остался ночевать въ деревушкѣ, группировавшейся вокругъ готической церкви. На слѣдующій день я около полудня подъѣзжалъ уже къ другому селенію, разбросанному по берегамъ рѣки, невдалекѣ отсюда впадающей въ море. Красиво извиваясь въ глубинѣ ущелья, она окаймлялась пышной рамой восхитительной растительности и представляла крайне оживленный видъ. Тамъ тихо скользила пирога, ловко управляемая молодцомъ-туземцемъ; здѣсь группа женщинъ весело купалась въ затишьѣ; тутъ взапуски плавали, ныряли и кричали человѣкъ двадцать дѣтей, чуть ли не цѣлый день проводившихъ въ рѣкѣ.

За деревней начинался округъ Паппара, славящійся на островѣ своимъ плодородіемъ. Дорога шла, то углубляясь внутрь, то приближаясь къ морю, шла по извилинамъ живописнаго кряжа, выходившаго прямо въ океанъ. Скалы совсѣмъ нависли надъ моремъ, образовавъ у подошвы своей обширную темную пещеру, полную воды. Туземцы страшатся этой пещеры, предполагая, что она заселена духами, и никто не рѣшится не только въѣхать въ глубину ея, но даже дать вамъ свою пирогу, боясь навлечь на себя гнѣвъ наполняющихъ пещеру свирѣпыхъ духовъ.

Стлавшійся по склонамъ горъ туманъ постепенно собирался въ тем-

ныя тучи. Пошелъ дождь, теплый, частый и крупный, промочившій меня насквозь, но не надолго: выглянувшее изъ-за тучъ солнце скоро высушило меня своими теплыми лучами. Въ продолженіе дня я нѣсколько разъ мокъ и столько же разъ сушился. Въ этихъ-то ежедневныхъ дождяхъ, орошающихъ чуть ли не круглый годъ эту мѣстность, должно искать причину ея баснословнаго плодородія.

Къ вечеру пятаго дня я вернулся въ Папіете.

На Новой Зеландіи.

(Э. Циммермана.)

Словно громадная стальная плита разстилалось передъ нами темно-синее море, когда, приближаясь къ берегамъ Новой Зеландіи, пароходъ нашъ огибалъ сѣверную оконечность острова. Морская поверхность до того спокойна, что, за исключеніемъ длиннаго струистаго слѣда малахитоваго цвѣта, оставляемаго за собою рулемъ, на ней не видать даже хотя бы легкой зыби; это въ полномъ смыслѣ слова — Тихій океанъ. Издавая отрывистый крикъ, бѣлыя чайки стаей вьются вслѣдъ за нами. Альбатросъ мощными крыльями спокойно разсѣкаетъ воздухъ, то отставая отъ парохода, то опережая его. Вотъ слѣва показались три сѣрыя зубчатыя, мохомъ покрытыя скалы, высоко торча надъ морскою гладью: это такъ называемые „Три короля", а справа на покрытой лѣсомъ горѣ бѣлѣетъ башня маяка. Своротивъ къ югу, пароходъ на шестыя сутки по выходѣ изъ Сиднея проплылъ всю ночь въ виду восточнаго берега острова и на утро, пробравшись между островами и рифами, вошелъ въ просторный заливъ, въ глубинѣ котораго показались раскинутыя по холмамъ и въ долинѣ строенія Оклэнда.

Мнѣ не случалось видѣть городъ, который былъ бы такъ странно расположенъ, какъ Оклэндъ. Онъ выстроился не только по холмамъ и долинамъ между ними, но даже по оврагамъ, которыми перерѣзана здѣсь вулканическая мѣстность. И въ самомъ дѣлѣ, пройдемся хоть по главной Королевской улицѣ. Она отъ самой пристани тянется сперва по долинѣ между двумя холмами; потомъ вы вдругъ видите передъ собою оврагъ, черезъ который перекинутъ мостъ. А въ оврагѣ подъ мостомъ пролегаетъ поперечная улица, то же съ двумя рядами трехъэтажныхъ домовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены даже лѣстницы, по которымъ пѣшеходы съ улицы, проходящей по дну оврага, могутъ подняться наверхъ.

Никакъ не ожидаешь, чтобы городъ, возникшій всего нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ изъ незначительнаго поселенія, могъ такъ широко и прекрасно устроиться, тѣмъ болѣе, что объ Оклэндѣ не разносилась по свѣту такая слава, какъ о Мельбурнѣ. Что касается наруж-

ной обстановки и вообще бытового склада здѣшнихъ колонистовъ, то они ничѣмъ не отличаются отъ австралійцевъ. Гостиницы ведутся по тому же типу; постройки въ городѣ тоже воздвигаются по англійскому образцу; но здѣсь такого рода строенія болѣе, чѣмъ въ Австраліи, отвѣчаютъ климатическимъ условіямъ, такъ какъ Новая Зеландія лежитъ далѣе отъ тропической полосы и пользуется болѣе умѣреннымъ климатомъ. Здѣшніе колонисты проявляютъ энергичную дѣятельность. Въ городѣ то и дѣло приходится видѣть вновь возникающія постройки; прежніе деревянные дома, не успѣвъ еще обветшать, замѣняются уже новыми каменными; по холмамъ открываются новые сады и скверы; вообще, здѣшній народъ показался мнѣ болѣе живымъ и подвижнымъ. Замѣчу между прочимъ, что здѣсь мнѣ вовсе не приходилось встрѣчать нищихъ. Не слѣдуетъ также упускать изъ вида, что въ Новую Зеландію никогда не ввозились преступники, положившіе, можно сказать, починъ колонизаціи въ Австраліи. Здѣсь, напротивъ, молодыя колоніи изумительно быстрымъ развитіемъ своимъ обязаны исключительно энергіи свободныхъ переселенцевъ. Поэтому мы отнюдь не считаемъ заносчивыми заявленія здѣшнихъ колонистовъ, называющихъ свой край будущей Великобританіей Тихаго океана.

Бродя по улицамъ города, я съ удивленіемъ остановился предъ невысокой каменной оградой, за которой раскинулось обширное кладбище. Кладбище это спускается къ глубокому оврагу, по другую сторону котораго, не въ дальнемъ отъ него разстояніи, возвышается прекрасное и обширное зданіе городской больницы. Остальныя три стороны кладбища окружены домами и даже лавками.

Мимо этого кладбища проходитъ дорога въ одно изъ здѣшнихъ предмѣстій, раскинувшееся вокругъ потухшаго вулкана, по имени Эденъ. Оставивъ за собою городъ и предмѣстье, раскинутое у подножія горы, я свернулъ влѣво и сталъ подниматься по довольно крутому скату. Невысокая гора представляетъ видъ усѣченнаго конуса около ста саженъ вышины. Когда я дошелъ до вершины, то передо мною открылась довольно глубокая, круглая, обширная котловина. Это не что иное, какъ кратеръ. Весь кратеръ поросъ травой, и на днѣ его пасутся теперь коровы и лошади. Обратясь лицомъ къ югу, я съ вершины увидѣлъ еще нѣсколько такихъ же конусообразныхъ горъ съ давно потухшими кратерами. Однако и теперь еще по всему видно, что изверженія происходили здѣсь не такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ вулканы стояли обыкновенно далеко другъ отъ друга. Здѣсь, напротивъ того, вулканическія силы порывались наружу въ разсыпанныхъ вокругъ Окленда пунктахъ, въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга. И дѣйствительно, въ окрестностяхъ города, не далѣе пятнадцати верстъ отъ него, насчитываютъ слишкомъ шестьдесятъ потухшихъ вулкановъ. Равнина передъ горою на большомъ пространствѣ покрыта остывшею лавой. По ней

успѣли уже разрастись кусты и папоротникъ. Лава, какъ видно, вытекала здѣсь не изъ одного только эденскаго жерла, но также изъ другихъ сосѣднихъ кратеровъ; эти каменныя породы въ настоящее время служатъ здѣсь для сооруженія домовъ, потомъ еще для устройства оградъ, окружающихъ тѣ же самыя поля, на которыхъ собраны эти каменныя глыбы.

Когда я обратился лицомъ къ востоку, то передо мною развернулся выстроенный тоже на вулканической, изобилующей оврагами почвѣ городъ съ его предмѣстьями и прекрасной гаванью, а на противоположной сторонѣ, на западномъ горизонтѣ, также синѣла водная гладь другого залива. Дѣло въ томъ, что Окландъ лежитъ какъ разъ на перешейкѣ, образованномъ двумя глубоко врѣзавшимися въ землю бухтами. Ширина перешейка въ этомъ мѣстѣ не болѣе семи или восьми верстъ. Горожане имѣютъ въ виду со временемъ прорыть здѣсь каналъ, такъ что городъ въ такомъ случаѣ будетъ пользоваться двумя хорошими гаванями: одною на восточной, другою на противоположной сторонѣ перешейка. Тамъ, на берегу западнаго залива, и въ настоящее время уже находится мѣстечко Онеюнга.

На верхней площадкѣ Эдена видны еще слѣды укрѣпленія, принадлежавшаго жившимъ здѣсь нѣкогда маори. Всякое такое обведенное крѣпкими палисадниками селеніе на холмѣ называется у дикарей „па“. По долинамъ, гдѣ не такъ еще давно стояли жилища туземцевъ, раскинулись теперь цвѣтущія фермы англійскихъ колонистовъ. Разводя пшеницу и клеверъ, они вытѣсняютъ съ здѣшнихъ полей разрастающійся по нимъ папоротникъ и другія туземныя растенія. Мало того, животныя, какія попадають сюда вмѣстѣ съ переселенцами изъ Европы, какъ, напримѣръ, крысы, мухи, оказываются настолько сильнѣе и здоровѣе туземныхъ породъ, что неминуемо выживаютъ ихъ, точно такъ же, какъ англичане-переселенцы выживаютъ туземное населеніе маори. Сами дикари теперь уже предчувствуютъ, что ихъ расѣ суждено исчезнуть съ лица земли и уступить мѣсто европейскимъ пришельцамъ, которымъ они придали названіе „пакеа“. Это предчувствіе свое маори высказали даже въ заунывной народной пѣснѣ.

„Какъ муха пакеа изгнала муху маори, какъ злаки пакеа сгубили злаки маори, какъ крыса пакеа убила крысу маори, какъ клеверъ пакеа выжилъ травы маори, — такъ, наконецъ, самъ пакеа выморитъ и туземца маори!“

Здѣсь скоро пропадетъ всякій слѣдъ прежней первобытной жизни, и теперь уже въ окрестностяхъ Оклэнда мало такихъ мѣстъ, гдѣ природа сохранилась бы въ нетронутомъ еще, дѣвственномъ состояніи. А потому я былъ очень доволенъ, когда одинъ знакомый мнѣ нѣмецъ пригласилъ меня проѣхаться съ нимъ въ первобытный лѣсъ. Я случайно узналъ,

что этотъ негоціантъ переселился сюда изъ Россіи лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Встрѣтясь со мной, онъ обрадовался случаю поговорить по-русски о давно покинутомъ имъ далекомъ краѣ.

Въ одно прекрасное утро онъ заѣхалъ за мною въ кабріолетѣ, и мы выѣхали за городъ. Сначала по дорогѣ попадались фермы съ пшеничными полями и пастбищами, по которымъ бродили овцы и коровы. Но чѣмъ дальше, тѣмъ пустыннѣе становилась мѣстность. Верстахъ въ десяти отъ города мы стали подниматься въ гору, поросшую густымъ боромъ. Наконецъ, экипажъ остановился передъ небольшимъ деревяннымъ домикомъ, одиноко стоявшимъ среди пустыннаго лѣса. Въ домѣ помѣщалась сельская школа для дѣтей разселившихся по сосѣдству фермеровъ. Насъ привѣтливо встрѣтилъ учитель школы. Это было въ воскресенье, а потому мы не застали здѣсь учениковъ.

Отложивъ лошадь и поставивъ ее подъ навѣсъ, мы, въ сопровожденіи учителя, тотчасъ же пошли въ лѣсъ. За угломъ дома, на площадкѣ, увидѣлъ я въ первый разъ царицу новозеландскихъ дебрей, мощную даммару, или такъ называемую у колонистовъ сосну-каури. Группа изъ шести громадныхъ деревъ съ ихъ объемистыми прямыми стволами и темно-зеленою мелкою листвою представляетъ величественное зрѣлище. Шишки на даммарѣ похожи на еловыя, но немного мельче ихъ. Это дерево растетъ только на сѣверномъ островѣ Новой Зеландіи, да и здѣсь оно встрѣчается теперь весьма рѣдко.

Но не такъ еще давно даммара росла тутъ цѣлыми дебрями, подобно нашимъ соснамъ. Исчезнувъ, эти хвойные лѣса оставили по себѣ однако ясные слѣды въ почвѣ, а именно въ видѣ смолы. По виду и происхожденію своему она напоминаетъ собою янтарь. И дѣйствительно, послѣдній, какъ извѣстно,—не что иное, какъ смола давно исчезнувшихъ съ лица нашей земли растеній. Колонисты безпощадно вырубали лѣса даммары, и замѣчено, что на почвѣ, гдѣ росла эта сосна, не произрастаетъ потомъ никакое другое дерево. Такія мѣста сплошь покрываются низкими кустами папоротника. Тутъ-то, подъ папоротникомъ, туземцы и выкапываютъ изъ земли отвердѣвшую смолу, накопившуюся подъ корнями стоявшихъ здѣсь нѣкогда сосенъ. Полупрозрачная съ виду, она желтоватаго цвѣта съ легкимъ зеленоватымъ отливомъ, но не такъ тверда, какъ янтарь. Встрѣчаются, впрочемъ, большіе прекрасные куски, настолько отвердѣвшіе, что здѣшніе токари пользуются ими, какъ у насъ янтаремъ, для выдѣлки разныхъ украшеній. Менѣе чистые куски въ большомъ количествѣ вывозятся изъ Окленда въ Англію, гдѣ смола-каури употребляется для приготовленія отличныхъ лаковъ. Превосходное дерево даммары идетъ на постройки. Почти всѣ деревянные дома въ городѣ и окрестностяхъ выстроены изъ этой сосны. Учитель увѣрялъ насъ, что всѣ доски на стѣны, полъ и потолокъ для его школы напилены

изъ одной срубленной тутъ поблизости даммары: такъ громадны размѣры этого дерева!

Спустясь по легкому скату горы, мы стали все болѣе углубляться въ чащу лѣса. Густая чудная растительность отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Вотъ по стволу большого хвойнаго дерева, подобно хмелю, взбирается вверхъ цѣпкое растеніе съ красивыми желтыми цвѣтами. Оно называется у колонистовъ рата. Обвившись вокругъ сучьевъ, рата пускаетъ отъ себя внизъ тонкіе стебли. Спустясь до почвы, они укореняются въ ней. Въ другомъ мѣстѣ это эпифитное растеніе успѣло уже укорениться и разрастись настолько, что сильно сжимаетъ служившую ему для поддержки сосну. Она гибнетъ наконецъ отъ истощенія, и вотъ обвивавшая ее рата стоитъ уже одна въ видѣ твердаго и пышнаго дерева.

Тутъ же рядомъ растетъ большой кустъ съ багряными цвѣтами, похожими на маленькія круглыя щеточки. Это красивое растеніе замѣняетъ у колонистовъ наши рождественскія елки, почему они назвали его рождественскимъ деревомъ.

Подъ сѣнью могучихъ сосенъ пальма-арека распустила свои большіе перья-листья. А тамъ, изъ темной листвы, выдѣляются пышные свѣтло-зеленые, кудряво очерченные листья древовиднаго папоротника. По стволамъ и сучьямъ деревъ гнѣздятся чужеядныя орхидеи, переплетаются ліаны; мѣстами невозможно пробраться сквозь сѣть цѣпкихъ растеній. Въ одномъ мѣстѣ я хотѣлъ было отломить сучокъ отъ куста, но тутъ же отъ сильнаго укола въ пальцы отдернулъ руку; кровь брызнула изъ нея струею. Я по неосторожности задѣлъ за цѣпкое растеніе съ здоровыми колючками, похожее нѣсколько на нашу ежевику.

Хорошо, что нашъ предупредительный хозяинъ захватилъ съ собою топоръ, иначе намъ не продраться бы въ чащѣ. А тамъ вниманіе мое привлекло къ себѣ новое растеніе изъ рода аралій. Бороздчатый прямой стволъ его въ видѣ нетолстой жерди подымается сажени на двѣ въ вышину, а длинные, довольно твердые, но узкіе листья наподобіе шпагъ горизонтально торчатъ во всѣ стороны отъ ствола. Туземцы употребляютъ легкій стволъ на копья, почему эту аралію и прозвали копейнымъ деревомъ. Я срубилъ одно изъ нихъ и, очистивъ его отъ листьевъ, сдѣлалъ себѣ довольно толстую, но легкую палку. Тутъ же въ чащѣ набралъ я разнаго вида папоротниковъ и другихъ интересныхъ растеній. Меня поразило однако, что въ лѣсу не попадалось ни одной птички, ни даже бабочки, ни насѣкомаго, исключая развѣ комаровъ, и то только въ болѣе сырыхъ мѣстахъ.

Былъ уже поздній вечеръ, когда мы вернулись въ городъ. На другой день я собрался въ путь во внутрь острова, на знаменитые горячіе ключи и гейзеры. Для этого пришлось прежде всего на пароходѣ до-

браться до мѣстечка Тауранга, лежащаго на восточномъ берегу къ югу отъ Окленда. Тамъ близъ пристани поджидала пассажировъ большая карета, влекомая четверкою лошадей цугомъ [1]). Насъ помѣстилось семь человѣкъ въ громоздкомъ экипажѣ, и между прочими молодой маори съ своей женой. Эта чета освоилась уже со всѣми европейскими обычаями, такъ что оба они были щегольски одѣты въ европейское платье.

Выѣхавъ изъ Тауранга, карета покатила по песчаной дорогѣ съ горки на горку среди открытой, слегка всхолмленной мѣстности. По сырымъ низменностямъ вездѣ виднѣлся новозеландскій ленъ. Похожіе на листы лиліи длинные остроконечные листья пучками изъ одного корневища поднимаются въ ростъ человѣка. Изъ середины пучка выходитъ высокій темнобурый цвѣтовой стержень съ оранжевыми цвѣтами метелкой. Дѣти туземцевъ лакомятся имъ, высасывая медовый сокъ изъ вѣнчиковъ. Изъ листьевъ новозеландскаго льна добывается отличное глянцевитое волокно съ желтоватымъ оттѣнкомъ. Онъ гораздо крѣпче пеньки и волокна, получаемаго изъ нашего льна. Имѣя всегда подъ рукой это растеніе, маори пользуются имъ вмѣсто веревки: для этого они просто срѣзаютъ свѣжій листъ, разрываютъ его вдоль узкими полосками и связываютъ ими что угодно. Изъ тѣхъ же листьевъ плетутся плоскія корзинки, замѣняющія иногда наши блюда и тарелки. Изъ нихъ же изготовляются коврики въ родѣ цыновокъ, сѣти и паруса. Соскобливъ съ помощью раковины сочныя части съ листьевъ, маори получаютъ чистое тонкое волокно. Изъ него они дѣлаютъ свою одежду. Однако въ настоящее время туземцы мало занимаются выдѣлкою своего льна. Зато колонисты изобрѣли особенныя машины для приготовленія волокна и выдѣлываютъ изъ него отличные канаты.

Проѣхавъ съ часъ по бугристой мѣстности, мы затѣмъ стали проникать въ чащу первобытнаго лѣса. Онъ густо разросся по холмамъ и оврагамъ. На спускахъ наши лошади неслись вскачь, а потомъ медленно взбирались въ гору. Пользуясь этимъ, я выскакивалъ изъ кареты и пѣшкомъ пробирался по окраинѣ дремучаго бора. Тутъ то и дѣло встрѣчались новые для меня виды растеній. Особенно много попадалось папоротниковъ самыхъ разнообразныхъ видовъ и странныхъ очертаній. Они появлялись и на землѣ, и подъ ногами, и на стволахъ деревьевъ въ видѣ чужеядныхъ растеній, и въ щеляхъ валявшихся камней. Но привлекательнѣе всего по красотѣ своей были, конечно, древовидные папоротники. Вонъ тамъ внизу, въ оврагѣ, стоитъ цѣлая группа этихъ деревъ. Огромные листья ихъ, изрѣзанные словно кружевная ткань, своею свѣтлою зеленью ярко обрисовываются на густой синевѣ протекающаго по дну потока.

[1]) Въ настоящее время здѣсь проведена желѣзная дорога.

Проѣхавъ верстъ тридцать отъ Тауранга, мы остановились у лачужки, среди лѣса, чтобы дать вздохнуть усталымъ лошадямъ. Недалеко отъ лачуги въ чащѣ увидѣлъ я пару красивыхъ птицъ, величиною почти съ горлицу и такого же статнаго сложенія. Онѣ покрыты прелестными перьями темнаго стального цвѣта, съ зеленоватымъ отливомъ, но на шейкѣ у нихъ красуются, наподобіе воротничковъ, два пучка бѣлыхъ перышекъ съ завитками. Туземное прозвище этой птицы—туи—намекаетъ на звонкій крикъ, какой издаетъ она, перелетая съ сучка на сучокъ. И дѣйствительно, туи отличается пріятнымъ голосомъ, съ гибкими переливами напѣва, такъ что его считаютъ здѣсь чуть ли не лучшимъ пѣвцомъ, въ родѣ нашего соловья. Маори очень любятъ эту птицу и нерѣдко держатъ ее въ клѣткѣ. Своимъ гибкимъ голосомъ она подражаетъ крику разныхъ животныхъ и выучивается даже произносить простыя слова. Потѣшно было видѣть, какъ туи, забавляясь, весело порхали съ дерева на дерево. Они то быстро летѣли впередъ, то поднимались выше лѣса стоячаго и вдругъ, сложивъ крылья, падали внизъ, кувыркомъ въ воздухѣ, подобно турману. Какъ въ голосѣ, такъ и въ граціозныхъ движеніяхъ эта привлекательная птица равно проявляетъ веселый нравъ.

Когда наши лошади съѣли заданный имъ овесъ, то ихъ опять заложили, и снова пустились по горамъ и лѣсамъ. По обѣ стороны дороги тянулся все тотъ же густой боръ. Подъ вечеръ наконецъ мы выѣхали изъ него, и передъ нами среди открытой равнины засинѣла гладкая поверхность почти круглаго озера Рото-Руа. Солнце закатилось уже, когда мы подъѣзжали къ берегу его. Я замѣтилъ только, какъ то тутъ, то тамъ поднимался изъ земли бѣлесоватый паръ отъ раскинутыхъ по берегу горячихъ ключей. Вскорѣ экипажъ остановился передъ гостиницей. Пріѣхавшій съ нами маори и жена его тотчасъ же выскочили изъ кареты и, встрѣтившись со своими знакомыми, начали тереться съ ними носами, радостно привѣтствуя другъ друга.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня я изъ гостиницы спустился по отлогому скату къ береговому краю, гдѣ пріютилось старое селеніе туземцевъ. Жилища въ безпорядкѣ разбросались по берегу, отдѣляясь другъ отъ друга небольшими дворами, часто ничѣмъ не огороженными.

Когда я сталъ проходить затѣмъ между разбросанными въ безпорядкѣ хижинами, то сначала былъ крайне озадаченъ представшимъ мнѣ зрѣлищемъ. Было еще раннее утро. Жители, повидимому, только что поднялись съ ночного ложа и теперь брали свои обычныя ванны на вольномъ воздухѣ. Дѣло въ томъ, что здѣсь по берегу вездѣ бьютъ горячіе ключи. Пользуясь этимъ, маори вырыли передъ своими жилищами четырехугольныя неглубокія ямы, въ которыя набирается теплая вода. Вотъ я и засталъ теперь туземцевъ въ этихъ естественныхъ ван-

нахъ. Сидя по шею въ теплой водѣ, и старъ и младъ, и мужчины и женщины съ наслажденіемъ предавались купанью. Я думалъ сперва, не стѣснитъ ли ихъ мое присутствіе. Но ничуть не бывало: нисколько не смущаясь, они весело улыбались на мое привѣтствіе.

Въ нѣкоторыхъ ямахъ, какъ я замѣтилъ, вода была горяча, какъ кипятокъ. Хозяйки-маори пользуются этимъ кипяткомъ словно готовой, самою природою устроенною для нихъ кухней: онѣ варятъ тутъ картофель, мясо и вообще всякую пищу. Самыя хижины стоятъ на нагрѣтомъ подземными теплыми ключами грунтѣ и, пользуясь какъ бы паровымъ отопленіемъ, вовсе не нуждаются въ печахъ. Такія жилища имѣютъ еще то преимущество, что въ нихъ не заводятся насѣкомыя. Пропитанный парами воздухъ въ этихъ мѣстахъ, какъ говорятъ, благотворно дѣйствуетъ на людей. И дѣйствительно, здѣшнее племя отличается здоровымъ тѣлосложеніемъ.

Послѣ полудня я отправился къ другой деревушкѣ маори, верстахъ въ пяти отъ озера. Туда ведетъ тропинка по ровному полю. Издали мнѣ показалось, что оно поросло высокой травой; но, подойдя ближе, я увидѣлъ, что все поле сплошь покрыто папоротникомъ, по поясъ вышиною. Такія поросли попадаются здѣсь сплошь да рядомъ. Колонисты выжигаютъ обыкновенно папоротникъ, потомъ вспахиваютъ новь и засѣваютъ поле пшеницею, при чемъ зола служитъ отличнымъ удобреніемъ.

Переѣзавъ поле, я подошелъ къ берегу ручейка. На другой сторонѣ его крупными желто-бурыми скатами подымаются горы, и къ нимъ, словно птичьи гнѣзда, прилѣпились хижины деревушки по названію Вакареварева. Я перешелъ на другой берегъ по перекинутой черезъ ручеекъ доскѣ. Изъ деревни ко мнѣ навстрѣчу вышелъ молодой человѣкъ, котораго я принялъ бы за европейскаго франта, если бы не увидѣлъ его темнаго, каштановаго цвѣта, лица. Новая темно-синяя жакетка, бѣлый жилетъ и клѣтчатые брюки были очень къ лицу этому статному молодому маори. Онъ предложилъ мнѣ свои услуги въ качествѣ вожака, такъ какъ по здѣшней вулканической почвѣ опасно ходить незнакомому съ мѣстностью. И въ самомъ дѣлѣ, въ окрестностяхъ Вакареваревы находится настоящее жерло вулканической дѣятельности, которая вездѣ обнаруживается въ видѣ горячихъ ключей.

Прежде всего мы подошли къ довольно большому пруду неправильной формы. Онъ до самыхъ краевъ наполненъ густо-синею водою, которая постоянно клокочетъ, какъ въ котлѣ надъ пылающимъ очагомъ. Жители и здѣсь тоже для домашняго обихода пользуются этимъ, всегда готовымъ для нихъ, кипяткомъ самой чистой воды.

Вожакъ мой повелъ меня далѣе. За деревней мнѣ представилась обширная бугристая мѣстность, по которой то тутъ, то тамъ брызгали

фонтаны, разнося кругомъ бѣловатый паръ. Слѣдуя за вожакомъ, я осторожно ступалъ по почвѣ, подернутой кремнистымъ налетомъ. Онъ, подобно извести, бѣлаго цвѣта. Намъ чуть ли не на каждомъ шагу попадались то ямы, наполненныя кипяткомъ, то щели, по краямъ которыхъ осѣла желтая сѣра, то отверстія въ родѣ маленькихъ кратеровъ, изъ которыхъ съ шипѣніемъ извергается горячій паръ.

Поднявшись на усыпанный каменными глыбами бугоръ, мы подошли къ котловинѣ, наполненной кипящею водою. Она клокотала и поднималась въ котлѣ все выше и выше, а потомъ вдругъ брызнулъ вверхъ, на высоту трехъ саженей, объемистый столбъ кипятку. Послѣ такого изверженія вода въ котловинѣ опустилась ниже; но тотчасъ же вновь стала подниматься, и минуты черезъ три изъ котла опять взлетѣлъ горячій фонтанъ. Тутъ по сосѣдству находится еще шесть подобныхъ гейзеровъ. Иногда они по нѣскольку за разъ выбрасываютъ вверхъ кипучую влагу; но большею частью гейзеры дѣйствуютъ порознь. Нѣкоторые изъ нихъ успокаиваются даже на долгое время и вовсе перестаютъ извергать кипятокъ.

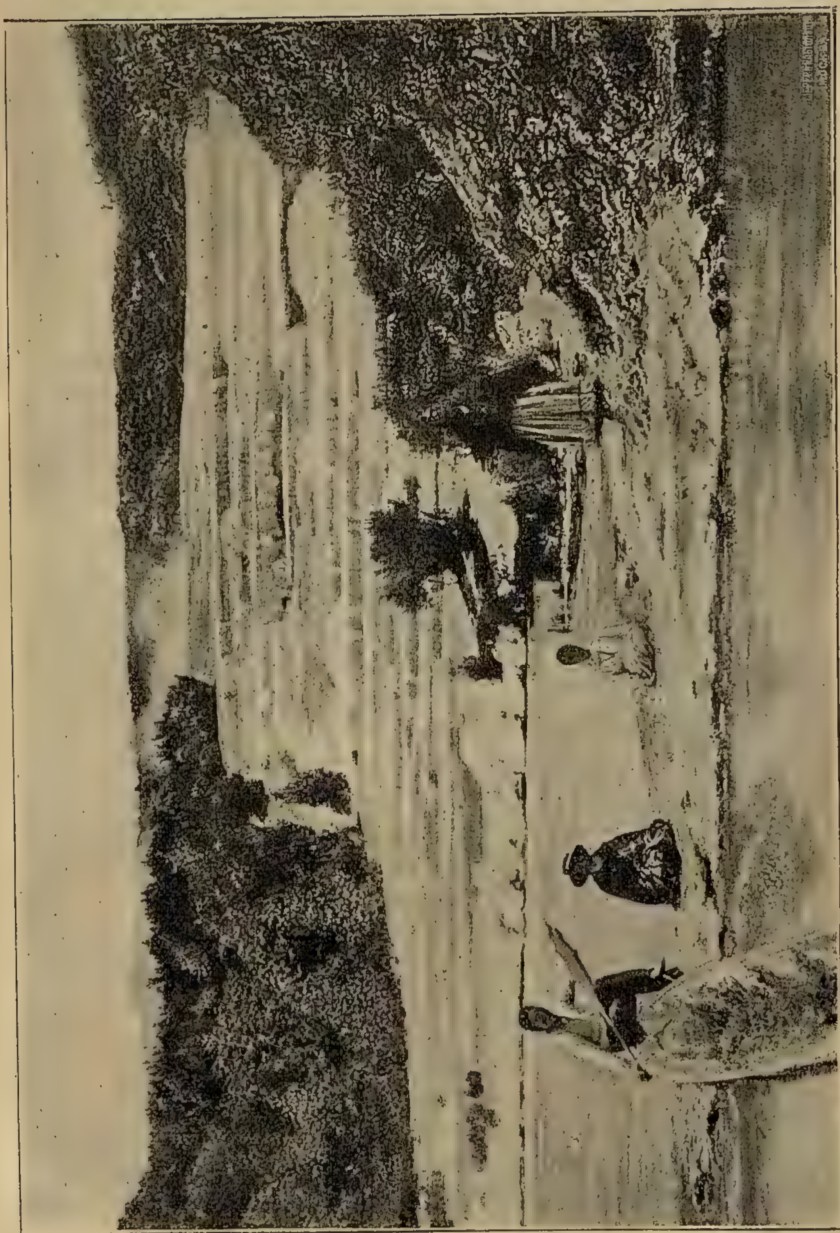
Въ одномъ мѣстѣ намъ пришлось проходить между мелкими кустами. Я шагнулъ было въ сторону, чтобы разсмотрѣть поближе кустики. Но мой маори пригрозилъ мнѣ, указавъ на узкую тропинку, и прибавилъ, чтобы я ни на шагъ не отклонялся отъ нея. По обѣ стороны на почвѣ бѣлѣлъ такой же кремнистый налетъ, какъ вездѣ, и я не предвидѣлъ тутъ никакой опасности. Однако вожакъ мой сказалъ:

— Недѣли двѣ тому назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ, въ двухъ шагахъ отъ тропинки, провалился сквозь землю маори. Онъ былъ пьянъ и, возвращаясь домой, сбился въ сторону. Кремнистая кора подломилась подъ нимъ, и онъ мигомъ исчезъ подъ землею. Изъ деревни сбѣжался народъ, но его уже нельзя было спасти.

Такія несчастія здѣсь нерѣдко повторяются. И дѣйствительно, по сосѣдству въ разныхъ мѣстахъ можно видѣть деревянныя фигуры, поставленныя въ память погибшихъ здѣсь людей.

Вскорѣ затѣмъ вожакъ подвелъ меня къ обрыву. Тутъ на верхней площадкѣ струятся два потока съ разныхъ сторонъ. Одинъ изъ нихъ съ холодной, а другой съ горячей водой. Они сливаются вмѣстѣ и потомъ низвергаются внизъ съ обрыва водопадомъ. Потоки легко можно направлять въ одну или другую сторону и такимъ образомъ придать смѣшанной водѣ какую угодно температуру. Жители пользуются этимъ и устраиваютъ себѣ изъ водопада нѣчто въ родѣ естественнаго душа. Маори предлагалъ и мнѣ также облиться этой водой. Стоило бы только раздѣться и стать подъ струю водопада. Къ сожалѣнію, со мной не было полотенца и я отказался отъ этого удовольствія.

Наконецъ, мы вернулись въ деревню. Обративъ вниманіе на бинокль

Террасы „Ротомагана“.

въ моей рукѣ, проводникъ спросилъ, что это за штука. Я удовлетворилъ его любопытству, показавъ ему, какъ пользоваться этой штукой. Пока онъ осматривалъ окрестность, насъ окружила ватага мальчиковъ и дѣвочекъ, одѣтыхъ кто въ блузу, кто въ рубашку. Всѣмъ имъ тоже захотѣлось глянуть въ инструментъ, и бинокль сталъ переходить изъ рукъ въ руки. Восторгамъ крикливой толпы не было конца. Любо было смотрѣть на это веселое сборище темнолицыхъ дѣтей съ курчавыми черными волосами и смѣло смотрящими темными, быстрыми глазами. Наглядѣвшись вдоволь, они, наконецъ, передали мнѣ бинокль, и, распростившись съ веселою гурьбою, я воротился въ гостиницу.

Прежде пріѣзжавшіе сюда путешественники осматривали еще знаменитыя известковыя террасы Ротомаганы на берегу озера Таравера. Террасы эти, образовавшіяся изъ известковыхъ отложеній гейзеровъ и горячихъ ключей, по своей красотѣ принадлежали къ числу замѣчательнѣйшихъ явленій этого рода во всемъ свѣтѣ. Но 10 іюня 1886 г. онѣ были совершенно уничтожены во время страшнаго изверженія вулкана Таравера, который до тѣхъ поръ считался бездѣятельнымъ. Изверженію предшествовали землетрясеніе и повышенная дѣятельность гейзеровъ, а страшная гроза и ливень сопровождали самое изверженіе. Въ 2 ч. утра восточная сторона горы осѣла и образовала длинную трещину, а въ четыре часа во время новаго сильнаго подземнаго удара въ этой трещинѣ исчезло озеро Ротомагана съ своими замѣчательными террасами. Столбы пепла взлетѣли на высоту 6.700 метровъ, а грохотъ былъ слышенъ за 500 километровъ. Къ 6 часамъ изверженіе прекратилось и страна совершенно измѣнила свой видъ: образовался рядъ новыхъ кратеровъ, западный склонъ горы былъ засыпанъ пепломъ, а вдоль восточнаго склона зіяла громадная трещина, изъ которой вылетали пары. Пепелъ и илъ на далекое пространство покрывали мѣстность. Многія деревни маори были разрушены и погибло свыше ста человѣкъ.

Еще до сихъ поръ эта страна представляетъ яркую картину опустошенія, которая только кое-гдѣ сглаживается скудною растительностью.

Среди маорисовъ.

(Бесслера.)

Если южный островъ Новой Зеландіи считается красивѣйшимъ изъ островов, лежащихъ къ юго-востоку отъ Австраліи, то сѣверный островъ является во всякомъ случаѣ самымъ интереснымъ. Сѣверный островъ хранитъ нѣчто, чего совершенно нѣтъ на южномъ островѣ: здѣсь еще живутъ послѣдніе потомки нѣкогда могучихъ маорисовъ.

Они встрѣчаются кое-гдѣ по берегамъ рѣкъ и озеръ, но большая часть изъ нихъ удалилась въ горы, и немногіе, не смѣшавшіеся съ

другою расой, селятся въ настоящее время въ такъ называемой „Королевской области“ на западѣ и въ округѣ Урівера на востокѣ острова.

Для переѣзда по „Королевской области“ я купилъ нѣсколько пони и поѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи одного маориса отъ мѣстечка къ мѣстечку, пока не добрался до лежащаго почти посрединѣ острова большого озера Таупо.

Здѣсь я долженъ былъ найти маорисовъ въ первобытномъ состояніи, едва затронутыхъ вліяніемъ бѣлыхъ колонистовъ: еще немного лѣтъ назадъ въ эту часть острова было невозможно проникнуть. По сколько

Домъ вождя маорисовъ.

я ни старался, не могъ найти настоящихъ, вовсе нецивилизованныхъ или хоть мало цивилизованныхъ туземцевъ.

Озеро Таупо окружено многочисленными дѣйствующими вулканами, надъ которыми возвышаются нѣсколько потухшихъ, часто покрытыхъ снѣгомъ. На берегахъ его раньше лежали большія, густо заселенныя мѣстечки, маорійскія „па“. Теперь здѣсь кое-гдѣ виднѣются жалкія хижины; дыры въ стѣнахъ и крышахъ забиты жестяными четырехугольниками, стѣнками тѣхъ сосудовъ, въ которыхъ сюда привозили керосинъ. Дома большею частью располагаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ изъ-подъ земли выступаетъ горячая вода, цѣлебная сила которой высоко цѣнилась еще въ древнія времена. И теперь сюда стекаются маорисы со всѣхъ областей, чтобы лѣчиться отъ различныхъ болѣзней; они очень точно знаютъ, какая лужа цѣлебна отъ какой болѣзни. Женщины и мужчины,

юноши, дѣвушки и дѣти всѣхъ возрастовъ купаются въ горячихъ лужахъ, нисколько не стѣсняясь своей наготой.

На сѣверѣ въ озерѣ беретъ начало и служитъ ему истокомъ довольно большая рѣка Ваикато. Тамъ маленькая старая крѣпость могла бы многое разсказать о недавнихъ кровавыхъ битвахъ между бѣлыми и маорисами. Теперь крѣпость покинута, миръ царитъ въ странѣ и вмѣсто военнаго коменданта почтмейстеръ управляетъ маленькимъ мѣстечкомъ, возникшимъ около почтовой конторы и имѣющимъ даже гостиницу. Эта гостиница предназначена для ночлега путешественниковъ, прибывшихъ сюда на почтовыхъ, потому что почта, проѣзжающая два раза въ недѣлю, останавливается здѣсь на ночь и даетъ своимъ пассажирамъ достаточно времени для разсужденій о томъ, какъ прекрасенъ міръ, если не сидѣть въ такой проклятой коробкѣ.

Въ селеніе Апуаегаруру я попалъ въ благопріятное время. Между тѣмъ какъ большую часть другихъ „па" я находилъ безлюдными, а жителей приходилось искать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, гдѣ они какъ разъ были заняты полевыми работами, здѣсь, гдѣ въ другое время врядъ ли увидишь одного маориса, собралось все племя Мгатикаіоли (пожиратели огня) вокругъ своего вождя Папунуи Тамагики, ожидавшаго посѣщенія своего зятя Арапета Гапуку съ его племянникомъ Нгатипагаувера (мужчина съ сожженной бородой). Для маорисовъ возлѣ дома вождя, построеннаго на европейскій ладъ, было воздвигнуто только одно общее помѣщеніе, „варепуни", которое не могло вмѣстить всѣхъ семей; поэтому вокругъ этого помѣщенія устроили настоящій лагерь, гдѣ всякая семья имѣла въ своемъ распоряженіи маленькую палатку.

Маорійскій „вгарэ" (домъ) представляетъ изъ себя четвероугольную постройку, приблизительно равностороннюю, и состоитъ изъ внутренняго пространства и сѣней, занимающихъ всю переднюю сторону, открытыхъ спереди, но защищенныхъ крышей и боковыми стѣнами. На крѣпкихъ деревянныхъ, приблизительно въ ростъ человѣка вышиною, столбахъ покоятся круто поставленныя стропила крыши, которыя въ хорошихъ домахъ обшиваются деревянными досками точно такъ же, какъ передняя и боковыя стѣны. Въ нѣкоторыхъ хижинахъ крыша поддерживается еще одной или двумя деревянными колоннами, которыя большею частью ставятся внутри дома, рѣже въ передней его части. Эти колонны, а также боковые пилястры, балки и, главнымъ образомъ, переднія стѣны прежде украшались искусной рѣзьбой; эта рѣзьба представляла или фигуры людей и животныхъ (теперь къ сожалѣнію изуродованныя миссіонерами), или богатую орнаментацію. Колонны часто покоились на цѣльной вырѣзанной фигурѣ, служившей подпоркой. Домъ стоитъ прямо на землѣ, безъ фундамента; плотно утоптанная земля и служитъ поломъ. Сѣни отгорожены отъ внѣшняго міра широкими досками, чтобы избѣжать втор-

женія непрошенныхъ четвероногихъ гостей. Изъ сѣней во внутренность дома ведетъ маленькая дверь, прорубленная посрединѣ передней стѣны. Окошко около этой двери прежде устраивалось только въ домахъ восточнаго берега, между тѣмъ какъ обитатели суроваго западнаго берега предпочитали строить дома безъ оконъ. По обѣимъ сторонамъ двери находятся двѣ низкія широкія доски, обозначающія начало прохода посрединѣ жилища; направо и налѣво отъ нихъ остается еще столько мѣста, что взрослый мужчина можетъ свободно улечься, вытянувшись во всю длину. Внутреннія стѣны устраиваются на разные лады: изъ досокъ, изъ кусковъ тростниковыхъ цыновокъ или рогожи; эти куски вставляются между пилястрами и скрѣпляются волокнами новозеландскаго льна.

Не всѣ дома устроены одинаково тщательно: болѣе бѣдныя жилища лишены рѣзьбы, въ нѣкоторыхъ стѣны устроены изъ древесной коры, крыша соломенная или тоже изъ коры; въ болѣе теплыхъ мѣстностяхъ употребляютъ уже для построекъ легкій матеріалъ тропическихъ странъ, а въ горахъ защищаются отъ холода, покрывая стѣны и крышу строеній землею, часто въ такомъ количествѣ, что собственно хижины не видно, и все вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе землянки. Воздухъ такихъ жилищъ ужасенъ: дверь большею частью закрыта, и огонь, вокругъ котораго ютится возможно большее количество людей, тѣсно прижавшись другъ къ другу, горитъ день и ночь.

Стряпня производится внѣ дома; и варятъ и жарятъ (скорѣе парятъ) на открытомъ воздухѣ съ помощью горячихъ камней, или пользуются (если они есть) маленькими вулканическими отверстіями въ почвѣ; туда опускаютъ съѣстные припасы въ корзинѣ и подвергаютъ ихъ дѣйствію подымающагося пара. Иногда кушанье поджаривается прямо на раскаленной почвѣ. Таро, бататы и клубни нашего картофеля, который теперь пользуется предпочтеніемъ, сохраняются въ кладовыхъ, вырытыхъ въ землѣ; все прочее переносится въ маленькія кладовыя, устроенныя на столбахъ около метра вышиною, формою похожія на жилые дома и часто еще богаче разукрашенныя рѣзьбою.

Въ Тапуаегаруру только „варепуни“ построено въ маорійскомъ стилѣ. Выстроено оно недавно; вмѣсто рѣзныхъ балокъ въ немъ виднѣются лакированныя доски, около двери съ патентованнымъ замкомъ имѣется окно со стеклами и два такихъ же окна въ задней стѣнѣ; кромѣ того, оно можетъ похвалиться деревяннымъ поломъ, его переднія балки украшены очень грубой рѣзьбой, а вечеромъ зданіе освѣщается даже двумя керосиновыми лампами. Оно „принадлежитъ“ начальнику, но въ дѣйствительности составляетъ собственность всего племени. На передней стѣнѣ красуется дощечка съ надписью, гласящей, что этотъ домъ посвящается Каукапуануи, отцу племени; продажа его со стороны Папануи была бы невозможна. Жилище начальника устроено совершенно по-европейски.

Только общественныя зданія (для общихъ собраній) и устраиваются теперь по стариннымъ образцамъ; кто побогаче, предпочитаютъ европейскія жилища, а бѣдняки строятъ жалкія хижины, не имѣющія опредѣленнаго стиля. Величина общественныхъ домовъ различна. Этими общественными зданіями почти не пользуются, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда собирается вмѣстѣ все племя, живущее большею частью въ очень удаленныхъ другъ отъ друга „па". Тогда они служатъ не только мѣстомъ совѣщанія, но и жилищемъ, при чемъ количество обитателей большею частью совершенно не соотвѣтствуетъ законамъ гигіены и нашимъ взглядамъ на удобство и опрятность.

Жители Тапуаегаруру были ревностно заняты приготовленіями къ пріему гостей. Не недѣлю, не мѣсяцъ, а уже цѣлый годъ работали они, такъ какъ надо было запасти столько съѣстныхъ припасовъ, чтобы ихъ хватило на нѣсколько недѣль для двухъ сотенъ или болѣе людей; а что это значитъ, можетъ сказать только тотъ, кто видѣлъ, какія порціи способенъ поглощать желудокъ маориса утромъ, днемъ и вечеромъ.

Всѣ кладовыя были наполнены, землянки набиты картофелемъ и множество свиней ожидали высокой участи — составить лакомое блюдо для пріѣзжихъ гостей.

На мое счастіе посѣщеніе этихъ гостей нѣсколько запоздало вслѣдствіе смерти ихъ начальника, котораго надо было раньше похоронить и оплакать, а все это вмѣстѣ съ неизбѣжными пирушками заняло около двухъ недѣль. Такимъ образомъ я попалъ въ Тапуаегаруру гораздо раньше ихъ пріѣзда и имѣлъ время ознакомиться съ племенемъ. По совѣту почтмейстера — англичанина по происхожденію, родившагося на островѣ, съ самой ранней юности жившаго между маорисами и вполнѣ владѣвшаго языкомъ—я отправился къ Папануи съ подаркомъ въ видѣ двухъ мѣшковъ муки; черезъ это я сейчасъ же удостоился чести считаться почти своимъ между маорисами, вслѣдствіе чего имѣлъ постоянно свободный доступъ въ ихъ „па".

Число всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей равнялось приблизительно сотнѣ. Ростъ и наружность маорисовъ очень разнообразны: отъ низкихъ толстыхъ человѣчковъ существуютъ всѣ переходы къ красиво и крѣпко сложеннымъ исполинскимъ фигурамъ, которые могли бы служить украшеніемъ любому гвардейскому полку. Папануи былъ выше всѣхъ; ему было около 50-ти лѣтъ, но онъ выглядѣлъ мужчиной въ лучшей порѣ жизни, несмотря на то, что его прежде густые и черные волосы начали слегка сѣдѣть и просвѣчивать на маковкѣ. Онъ носилъ окладистую довольно жидкую на щекахъ бороду съ просѣдью. У маорисовъ обыкновенно густыя бороды, но они брѣютъ все, кромѣ усовъ, а волосы на головѣ стригутъ большею частью коротко.

Хорошо выглядѣли также двое красивыхъ молодыхъ людей лѣтъ

около 25-ти, которые по росту немного уступали начальнику, а по вечерамъ въ танцовальномъ залѣ, чисто одѣтые, имѣли большой успѣхъ и у бѣлыхъ дѣвушекъ. За это бѣлые старались вознаградить себя танцами съ одной изъ ихъ сестеръ, которая славилась красотой, несмотря на то, что раннее замужество и многочисленныя дѣти отняли у нея уже много прежней прелести. Все-таки она была красивѣйшей женщиной маори, какую я видѣлъ, и когда она появлялась вечеромъ на танцахъ въ бѣлой одеждѣ съ блестящими отъ радости прекрасными темными глазами, не удивительно было, что ее приглашали всѣ. Между остальными женщинами было мало красавицъ; многія, съ распущенными по спинѣ длинными волосами, напоминали индіанокъ Сѣверной Америки, большинство были толсты и неуклюжи; ступни были такъ толсты, что я часто жалѣлъ бѣдняжекъ, думая, что онѣ страдаютъ слоновой болѣзнью. Только среди молодыхъ дѣвушекъ попадались иногда болѣе красивыя лица.

Вождь маорисовъ.

У низенькихъ мужчинъ также были ненормально короткія толстыя ноги и руки и полныя круглыя лица съ широкими носами. Когда мой другъ Ваимаиги Маніапото, начальникъ, сосѣдъ Папанул, стоялъ неподвижно, завернувшись въ свой широкій, висящій до земли начальническій плащъ, и втягивалъ въ плечи голову, почти не имѣвшую шеи, то являлось искушеніе покатить его, какъ шаръ. Насколько различны тѣла, настолько же различны и лица: рядомъ съ красивыми людьми встрѣчаются отталкивающе-безобразные, наряду съ круглыми головами и грубыми чертами лица — болѣе изящный и благородный обликъ. Получается такое впечатлѣніе, какъ будто раса уже

давно не отличается чистотой, но всякій и всякая увѣрястъ, что въ его жилахъ течетъ чистая безъ примѣси кровь маори.

Татуировка встрѣчалась только у немногихъ стариковъ и у нѣкоторыхъ женщинъ вокругъ рта и на подбородкѣ — украшеніе, которое нимало не смягчаетъ и безъ того вызывающее выраженіе лица маори.

Одежда была болѣе или менѣе европейскаго покроя, при этомъ часто въ лохмотьяхъ. Прежнія цыновки изъ новозеландскаго льна, непромокаемыя и необыкновенно прочныя одежды изъ собачьихъ шкуръ, украшенія изъ пестрыхъ перьевъ давно уже оставлены. Одежда Папануи не лучше одежды любого изъ его подданныхъ: бѣлая рубаха безъ воротника, морская куртка, разорванная по всей широкой спинѣ, панталоны съ многочисленными неискусными заплатами, черные, никогда не чистящіеся башмаки и низенькая истертая поярковая шляпа съ широкими прямыми полями. Большею частью носятъ толстыя матеріи, такъ какъ онѣ стоятъ столько же, сколько тонкія. Въ дождливые дни, какъ бы ни было холодно, обыватели являются безъ костюмовъ, боясь ихъ испортить, и только закутываются въ шерстяныя покрывала. Только въ горячей, дымной атмосферѣ „варепуни“ они снова надѣваютъ свои костюмы.

Изъ старинныхъ украшеній носятъ еще только маленькіе нефритовые идолы на шеѣ и продолговатые шлифованные куски зеленаго камня въ ушахъ. Съ этими реликвіями маорисы неохотно разстаются. Но европейскія бездѣлушки берутъ верхъ; Папануи не мало гордился своимъ массивнымъ золотымъ перстнемъ и такой же цѣпочкой, на которой висѣли неважные серебряные часы.

И мужчины и женщины много и охотно курятъ; рѣдко можно ихъ видѣть безъ трубки во рту, но съ недавнихъ поръ они предпочитаютъ папиросы.

Около общественнаго дома было отгорожено пространство для стряпни, куда допускались только повара; всякій же забредшій туда посторонній наказывался денежнымъ штрафомъ. Въ этомъ отдѣленіи мужчины въ большихъ котлахъ готовятъ мясо и другія кушанья, за исключеніемъ картофеля, который приготовляется женщинами. Меню было довольно однообразно: большею частью подавалась свинина и овощи, но различно приготовленные; иногда за обѣдомъ подавалась жареная свинина съ картофелемъ и что-то въ родѣ лапши, за ужиномъ вареное мясо, картофель и тыквы, на другой день чай, за которымъ потреблялось большое количество сахару и поглощалась неимовѣрная масса бѣлаго хлѣба. Когда ѣда бывала готова, то ее раскладывали на жестяныя тарелки и разставляли ихъ длиннымъ рядомъ по землѣ, послѣ чего главный поваръ сзывалъ народъ къ ѣдѣ, очень негармонично трубя въ жестяную трубку. Нѣкоторые прибѣгаютъ поспѣшно, чтобы захватить заранѣе на-

мѣченную тарелку, другіе не торопятся и, получивъ свою долю, усаживаются гдѣ придется. Мужъ, жена и дѣти сидятъ вмѣстѣ надъ одной тарелкой и ѣдятъ обыкновенно руками.

Такъ какъ для ожидаемыхъ гостей требовалось еще многое приготовить, то дѣло было почти у всѣхъ. Надо было построить столовую, нарубить и привезти массу дровъ, пеклись хлѣбы и пироги, и всѣ кушанья располагались въ такомъ порядкѣ, чтобы быть всегда подъ рукой. Разучиваніе привѣтственной пѣсни и танца занимало также много времени, такъ какъ танецъ въ празднествахъ играетъ не малую роль. Маорисы издавна высоко цѣнили хорошую пляску; если собирались два племени,

Купанье въ горячихъ источникахъ.

каждое танцовало что-нибудь и оба старались превзойти другъ друга. Лучшій танцоръ провозглашался побѣдителемъ безъ всякой зависти со стороны противниковъ и гордился этимъ долго, спустя многіе годы.

Несмотря на обиліе работы, большинство людей находило еще время ежедневно полежать нѣсколько часовъ въ цѣлебныхъ лужахъ. Въ Тапуасгаруру это было особенно удобно. Тамъ повсюду клокотало и дымилось, повсюду гейзеры выбрасывали высоко вверхъ струи горячей воды. Горячія и холодныя ванны принимались по желанію; въ мѣстахъ, негодныхъ для купанья, можно было безъ большого труда заняться изготовленіемъ хорошенькихъ вещицъ—вода въ нѣсколько минутъ покрывала слоемъ силикатовъ опущенные въ нее предметы; въ другихъ мѣстахъ

глазъ любовался оригинальными природными образованіями. Самое красивое изъ этихъ образованій было такъ называемое „воронье гнѣздо“: вѣтки, лежавшія вокругъ источника, постепенно покрывались силикатами, такъ что въ концѣ-концовъ образовывали нѣчто цѣлое; это цѣлое имѣло видъ большого птичьяго гнѣзда, которое вслѣдствіе столѣтнихъ отложеній достигло высоты человѣческаго роста. Почти каждыя сорокъ минутъ изъ этого гнѣзда вырывался высокій, толстый снопъ воды, падавшій снова на землю миллiардами капель: прелестнѣйшій фонтанъ, какой можно было себѣ вообразить и который при каждомъ изверженіи все болѣе украшалъ свой бассейнъ.

Излюбленнымъ мѣстомъ купанья былъ одинъ сѣрный источникъ, гдѣ горячая и холодная вода били изъ земли совершенно рядомъ, смѣшивались въ узкой щели и потомъ вмѣстѣ наполняли большой природный бассейнъ, гдѣ могли купаться нѣсколько человѣкъ заразъ. Вода и въ этомъ бассейнѣ была нѣсколько горяча, но для маориса не существуетъ слишкомъ высокой температуры; да и я привыкъ понемногу и сталъ наконецъ находить необыкновенно благодѣтельными горячіе пары этой щели.

Послѣ дневного труда маорисы обыкновенно собирались вечеромъ на танцы въ залу, устроенную колоніальнымъ правительствомъ для судебныхъ разбирательствъ въ случаѣ необходимости. Молодой маорисъ игралъ на губной гармоникѣ, подъ европейскія мелодіи которой кружилась молодежь: танцовали польку, мазурку, кадриль, лянсье, кое-гдѣ мѣстный танецъ, къ сожалѣнію въ очень искаженномъ видѣ. Иногда во время паузы кто-нибудь пѣлъ пѣсню или исполнялъ негритянскій танецъ или пляску съ мечами, но круговые танцы брали верхъ; кадрилью дирижировали на англійскомъ языкѣ. По вечерамъ всѣ были чисто одѣты; при бѣгломъ взглядѣ на залу казалось, что находишься въ нѣмецкой деревенской корчмѣ, гдѣ веселятся послѣ работы загорѣлые на лѣтнемъ солнцѣ крестьяне.

Если по вечерамъ не танцовали, то собирались въ общественномъ домѣ, чтобы слушать разсказы стариковъ о прошедшихъ временахъ. Въ такихъ случаяхъ маорисы могутъ сидѣть безъ усталости всю ночь; разсказчикъ такъ искусно перемѣшиваетъ пережитое со слышаннымъ, что передаетъ все, какъ истинные факты. При этомъ онъ цитируетъ старинныя пѣсни, поетъ, измѣняя иногда текстъ, какъ это подходитъ къ его рѣчи, при чемъ всѣ, знающіе пѣсню, присоединяются и поютъ вмѣстѣ. По окончаніи пѣсни разсказчикъ продолжаетъ прозой. Всѣ маорисы—превосходные ораторы и могутъ не уставая говорить нѣсколько часовъ. Изъ женщинъ только немногія знаютъ нѣсколько англійскихъ словъ, изъ мужчинъ же большинство настолько владѣетъ этимъ языкомъ, что въ состояніи выразить свои желанія относительно денегъ, сигаръ и табаку.

Всѣ собиравшіеся здѣсь маорисы были христіане и каждое утро и ве-

черъ собирались на общую молитву, за исключеніемъ тѣхъ, которые уже спали. Рано поутру звучалъ колоколъ, сзывавшій протестантовъ въ общественный домъ, католиковъ въ маленькую хижину; въ первомъ Папануи или кто-нибудь изъ стариковъ читалъ нѣкоторыя молитвы, послѣ чего пѣлись хоромъ нѣсколько священныхъ стиховъ, а въ хижинѣ католики молились по своему обряду. Вечеромъ послѣ ужина повторялось то же самое; по воскресеньямъ проповѣдникъ или учитель, если таковой находился здѣсь, совершалъ торжественную обѣдню съ проповѣдью.

У новозеландцевъ.

(Г. Сегюра.)

28-го января 1900 года, около 4-хъ часовъ пополудни, пассажиры и матросы парохода „Руахина“ стояли кучками на палубѣ; въ рукахъ пассажировъ были и зрительныя трубы, и обыкновенные бинокли. Всѣ пристально вглядывались въ горизонтъ впереди парохода; слушая наши восклицанія, можно было подумать, что земля показывалась со всѣхъ сторонъ; на самомъ же дѣлѣ кругомъ было волнующееся море, небо было облачно, и, кромѣ большихъ альбатросовъ, парящихъ надъ волнами, ничего не было видно. Можетъ быть, это былъ миражъ: въ морскихъ путешествіяхъ они бываютъ чаще даже, чѣмъ въ пустыняхъ Сахары. Мы были уже сорокъ семь сутокъ въ морѣ, и намъ хотѣлось скорѣе добраться до твердой земли.

Только къ вечеру показались берега Новой Зеландіи. Солнце садилось, и закатъ горѣлъ такими яркими красками, какія бываютъ только на крайнемъ сѣверѣ или подъ тропиками. На пурпурномъ фонѣ облаковъ, сквозь которыя мѣстами прорѣзывались изумрудныя полосы свѣта, съ необыкновенною ясностью вырисовывались очертанія высокихъ горъ. Мысъ Феруэль, находящійся на сѣверѣ Южнаго острова, при входѣ въ проливъ Кука, выдѣлился изъ тумана; подулъ сильный вѣтеръ съ противоположной стороны: это означало, что мы вошли въ проливъ, раздѣляющій оба острова. Позднѣе, подъ вечеръ, мы прошли мимо семафора, поставленнаго на мысѣ Феруэль, и обмѣнялись привѣтственными сигналами.

На другой день, рано утромъ, „Руахинъ“ бросилъ якорь въ бухтѣ Веллингтонъ, въ полумилѣ отъ берега. Прежде чѣмъ сойти съ парохода, намъ приходилось дожидаться прибытія карантиннаго врача. Но въ Австраліи не любятъ спѣшить и рано не встаютъ. Времени у насъ было много, и мы имѣли возможность осмотрѣть все кругомъ; изъ окна каждой каюты высовывались любопытные.

Мы находились въ центрѣ обширнаго залива въ формѣ подковы: здѣсь могутъ найти безопасную стоянку суда всѣхъ размѣровъ. Позади

нашего судна виднѣлся островъ Соамъ, который служитъ карантинной станціей.

Городъ Веллингтонъ былъ ярко освѣщенъ солнцемъ; на ясномъ голубомъ небѣ кое-гдѣ пестрѣли бѣлыя облачка, бросавшія тѣнь на гладкое зеркало залива, въ которомъ отражались прибрежные дома и виллы, расположенные по склонамъ холмовъ.

„Зачѣмъ здѣсь всѣ эти гостиницы, банки и конторы?“ думалъ я, проходя въ первый разъ по набережной Ламбтона въ Веллингтонѣ. Я никакъ не ожидалъ, что въ городѣ столь недавняго происхожденія найду такія широкія улицы, такіе красивые дома; я любовался хорошо содержимыми набережными, загроможденными грузами и товарами, гдѣ кишатъ носильщики и любопытные, привлеченные прибытіемъ нашего парохода. По всей улицѣ надъ тротуарами тянется навѣсъ, прикрывающій входъ въ лавки и защищающій отъ солнца и дождя. Большинство зданій—изъ дерева, благодаря землетрясеніямъ: когда происходитъ колебаніе почвы, они, повидимому, поддаваясь сообщенному движенію, трещатъ отъ толчка, но держатся крѣпко, тогда какъ тяжелое каменное строеніе, оказывая сопротивленіе, раскалывается и внезапно разрушается. Впрочемъ, случаи землетрясеній теперь рѣдки; въ Веллингтонѣ начинаютъ появляться кирпичныя постройки. Новая почта, недавно отстроенная, украшаетъ набережную своимъ огромнымъ фасадомъ и своими красными каменными стѣнами. Но это—исключеніе, почти первый опытъ: церкви, гостиницы, торговые дома—всѣ выстроены изъ дерева. Пожары здѣсь такъ часты, что заранѣе принимаются всевозможныя предосторожности. Вы пріѣзжаете въ отель, васъ отводятъ въ предназначенную вамъ комнату. На двери крупными буквами выступаетъ надпись: „Fire-escape“, „выходъ на случай пожара“. Вы входите; первое, что вамъ бросается въ глаза — это толстая веревка съ узлами, прикрѣпленная къ окну; около нея вы замѣчаете другую надпись красными буквами: „Отворите окно, выкиньте веревку и спускайтесь. NB. Въ случаѣ пожара въ коридорѣ ударятъ въ гонгъ“. Я видѣлъ это приспособленіе со времени моего перваго пріѣзда въ Веллингтонъ по крайней мѣрѣ въ пятидесяти комнатахъ разныхъ отелей. Къ счастью, пожарныя команды въ колоніи устроены хорошо; въ каждомъ городѣ или деревнѣ есть пожарная бригада. Безъ этихъ мѣръ предосторожности огонь, конечно, уничтожалъ бы цѣлыя предмѣстья.

Въ Веллингтонѣ есть одно деревянное зданіе, составляющее гордость мѣстныхъ жителей, — зданіе, гдѣ происходятъ засѣданія парламента, „самое большое въ мірѣ“, какъ говорятъ веллингтонцы, „самое некрасивое, тяжелое и неуклюжее“, какъ утверждаютъ иностранцы, которые его осматриваютъ. Домъ губернатора, расположенный вблизи отъ него на небольшой возвышенности, не лишенъ изящества въ своихъ очерта-

ніяхъ и вызываетъ сожалѣніе, что онъ построенъ изъ такого непрочнаго матеріала, какъ дерево.

Образцомъ государственнаго устройства новой Зеландіи послужила система управленія, существующая въ Австраліи и Канадѣ. Король назначаетъ губернатора, которому колонія платитъ 5.000 фунтовъ въ годъ. Кромѣ губернатора, исполнительная власть принадлежитъ выборнымъ министрамъ, которые образуютъ „кабинетъ". Парламентъ, которому принадлежитъ право издавать законы, состоитъ изъ депутатовъ, изъ которыхъ четверо—маорисы, всѣ выбранные народнымъ голосованіемъ. Прежде столица была въ Оклендѣ, но съ 1865 г. она перенесена въ Веллингтонъ.

Въ нынѣшней новозеландской конституціи есть одинъ пунктъ, особенно интересный для нашихъ современниковъ: это избирательныя права женщинъ. Маленькая колонія, затерянная среди громаднаго Тихаго океана, первая разрѣшила вопросъ, о которомъ такъ много спорили въ Европѣ. Въ 1893 году впервые былъ примѣненъ новый избирательный законъ, согласно которому женщины обѣихъ расъ—туземной и европейской—получали право голоса. Требованія, предъявляемыя для обоихъ половъ при подачѣ голосовъ, были признаны одинаковыми. Съ этого времени каждая женщина, достигшая двадцати одного года и живущая въ странѣ не менѣе шести мѣсяцевъ, пользуется правомъ голоса наравнѣ съ мужчиной; она имѣетъ право избирать депутатовъ въ законодательный совѣтъ, она можетъ поставить свою кандидатуру, можетъ принимать участіе въ засѣданіяхъ палаты, если за нее высказалось большинство голосовъ. Если она пропускаетъ выборы и не участвуетъ въ нихъ, ея имя вычеркивается изъ списка избирателей, но отъ нея самой зависитъ снова занять мѣсто въ спискѣ. Вліянію женщинъ Новая Зеландія обязана многими удачными нововведеніями. Между прочимъ, онѣ достигли того, что въ арестныхъ домахъ присмотръ за арестантами порученъ женщинамъ; благодаря ихъ же стараніямъ существенно измѣненъ законъ о пенсіяхъ; теперь женщины пользуются тѣми же правами и преимуществами, какими до сихъ поръ пользовались одни мужчины.

Невдалекѣ отъ парламента находится городской музей, заключающій цѣнныя коллекціи чучелъ и полинезійскихъ рѣдкостей. Между прочимъ, здѣсь сохраняются заключенныя въ банки двѣ живыхъ гаттеріи (Hatteria punctata),—рѣдкость, которая возбуждаетъ зависть другихъ музеевъ колоніи. Гаттерія по внѣшности походитъ на ящерицу; ученые причисляютъ ее къ особому типу, переходному между ящерицами и крокодилами и существенно отличающемуся отъ всѣхъ извѣстныхъ ящерицъ. Посрединѣ головы у очень молодыхъ особей можно замѣтить третій глазъ; позднѣе этотъ глазъ покрывается перепонкой, которая съ теченіемъ времени утолщается и совершенно закрываетъ его. Гаттерія живетъ въ

расщелинахъ скалъ; до сихъ поръ ея не встрѣчали нигдѣ, кромѣ уединенныхъ островковъ, находящихся по сосѣдству съ Новой Зеландіей.

Чтобы получить понятіе объ общемъ видѣ Веллингтона, съ его заливомъ и окружающими холмами, надо подняться на одну изъ улицъ, упирающихся въ набережную Ламбтона, и взойти на террасу, возвышающуюся надъ городомъ. Отсюда виденъ весь Веллингтонъ съ его набережными, вся долина, въ которую углубляется городокъ, какъ бы уходя отъ моря. Поднимаясь дальше по ту сторону террасы, извилистыя тропинки приведутъ васъ за городъ, къ оградѣ ботаническаго сада. Онъ расположенъ по склонамъ холма, съ вершины котораго открывается лучшій видъ на городъ, гораздо болѣе обширный, чѣмъ только что упомянутый. Это прелестный садъ, скорѣе похожій на уголокъ дѣвственнаго лѣса, чѣмъ на паркъ, въ которомъ естественной растительности предоставлена полная свобода, лишь бы она не заглушала аллей. Путешественникъ, недавно прибывшій въ страну, увидитъ здѣсь въ первый разъ древовидные папоротники, и, кто не бывалъ еще въ настоящихъ порosляхъ, можетъ любоваться ихъ огромными кольчатыми стволами, прямыми и стройными, какъ пальмы, достигающими 25—30 футовъ высоты и увѣнчанными гордо раскинувшимися широкими зубчатыми листьями.

Ежегодно къ марту большое оживленіе обнаруживается на улицахъ и въ предмѣстьяхъ столицы. Толпы разряженныхъ музыкантовъ проходятъ по набережной Ламбтона, движеніе трамваевъ останавливается; подъѣзжаютъ двухколесные и четырехколесные кэбы, а толпа слѣдуетъ за ними. Музыканты идутъ группами на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга; каждая для бодрости играетъ какой-нибудь мотивъ, не заботясь о какофоніи, которая происходитъ отъ этого. Это—band contest, или ежегодный музыкальный конкурсъ: каждый городъ, мѣстечко или провинція посылаетъ въ Веллингтонъ своихъ музыкантовъ, одѣтыхъ въ особые мундиры; они собираются на площади передъ отдѣльнымъ жюри и здѣсь исполняютъ по очереди номера программы. Церемонія эта длится нѣсколько дней, къ великой радости веллингтонцевъ, которые цѣлыми толпами присутствуютъ при ней, расположившись на склонѣ холма, надъ площадью. Затѣмъ происходитъ раздача наградъ; наконецъ, всѣ расходятся, возвращаются домой, на ферму или въ глубь лѣсовъ, чтобы черезъ годъ явиться снова.

Несмотря на празднества, въ родѣ этого знаменитаго музыкальнаго конкурса, Веллингтонъ считается нѣсколько скучнымъ городомъ, въ которомъ жизнь въ обыкновенное время течетъ болѣе чѣмъ ровно. На лѣтніе мѣсяцы жители охотно переѣзжаютъ въ другія мѣста; и только зимой, съ іюня до сентября, когда засѣданія парламента и открытіе „сезона" возвращаютъ сюда избранное общество, балы, обѣды и вечера

смѣняютъ другъ друга въ частныхъ домахъ и клубахъ,—городъ оживаетъ. Аристократія Веллингтона веселится, и въ спокойныхъ кварталахъ иногда ночью слышится грохотъ разъѣзжающихся экипажей.

Въ одинъ прекрасный день я, въ обществѣ нѣсколькихъ друзей, сѣлъ на маленькій старый пароходъ „Роторуа", который перевезъ меня черезъ проливъ Кука на другой берегъ, въ г. Нельсонъ. Въ продолженіе двухъ часовъ насъ качало какъ разъ настолько, чтобы вызвать у наиболѣе чувствительныхъ морскую болѣзнь; затѣмъ мы вошли въ спокойныя воды фіорда Королевы Шарлотты, длиною въ 15 миль. Оба берега залива гористы и покрыты лѣсомъ, на которомъ большія темныя пятна отмѣчаютъ слѣды огня: почернѣвшіе стволы, обуглившіеся сучья виднѣются тамъ, гдѣ нѣкогда росъ дѣвственный лѣсъ.

Холмы, подошвы которыхъ омываются моремъ, представляютъ любопытную картину, впрочемъ часто встрѣчающуюся на Новой Зеландіи и въ особенности на Сѣверномъ островѣ: они спускаются къ морю довольно отлого, уступами, а основанія ихъ раздѣляются параллельными гребнями, которые вырѣзываютъ берегъ на соотвѣтственное число небольшихъ бухтъ. Мы проходимъ мимо островковъ, настолько заросшихъ деревьями и папоротниками, что они кажутся плавучими лѣсами; заливъ поворачиваетъ, раздѣляется на извилистые рукава и совершенно неожиданно оканчивается. Здѣсь намъ приходится отдохнуть нѣсколько часовъ въ деревнѣ Пиктонъ. Значительная глубина позволяетъ судну бросить якорь у набережной.

Видъ Пиктона очаровательнъ; его бѣлые домики разбросаны въ тѣнистой долинѣ и подходятъ къ самому морю, при чемъ зелень отражается въ водѣ. На заднемъ планѣ возвышаются синеватыя горы. Яркія краски заходящаго солнца придаютъ всей картинѣ волшебный видъ: волны фіорда отражаютъ золотое небо, розовыя, голубыя и пурпурныя полосы затуманиваютъ далекій горизонтъ, подобныя легкому, едва замѣтному покрывалу... но прошло нѣсколько мгновеній, и все расплывается въ безцвѣтныхъ тонахъ; ночь быстро наступаетъ, и блескъ умирающаго дня еще не исчезъ изъ нашихъ глазъ, какъ на небѣ загорается Южный Крестъ.

Въ 6 часовъ утра мы сходимъ съ парохода въ Нельсонѣ.

Изъ гостиницы, гдѣ мы остановились,—образцоваго семейнаго пансіона, удобнаго и опрятнаго, какъ швейцарскій шале,—сквозь цвѣтущія магноліи сада открывается видъ на городъ. Среди роскошной зелени долины выглядываютъ крыши домовъ и коттеджей съ широкими верандами, то безпорядочно разбросанные, то образующіе улицы. Улыбаясь навстрѣчу первымъ лучамъ солнца, бѣлые дома кажутся еще спящими; извилистая рѣчка, окаймленная рядами плакучихъ ивъ, купающихъ въ водѣ вѣтви, протекаетъ внизу, придавая пейзажу грустный оттѣнокъ.

Въ настоящее время желѣзная дорога въ нѣсколько часовъ переноситъ путешественника изъ Нельсона въ Кристчёрчъ, главный городъ южнаго острова. Почти все время путь идетъ по чрезвычайно живописной мѣстности, по горнымъ ущельямъ, по долинамъ бурныхъ потоковъ, среди дѣвственныхъ лѣсовъ. За нѣсколько часовъ до Кристчёрча мы оставляемъ позади себя высокіе горные хребты и ѣдемъ по высокому пустынному плоскогорью, на которомъ солнце, повидимому, сожгло всякую растительность. Кругомъ видна только жалкая трава, называемая „песчаной", желтоватая и сухая, напоминающая траву пустыни. Но овцы не пренебрегаютъ ею; стада пасутся по оголеннымъ склонамъ горъ; иногда ихъ сопровождаютъ всадникъ и собака, они гонятъ скотъ къ новымъ пастбищамъ, когда овцы уничтожатъ тощую зелень на прежнихъ.

Мы проѣзжаемъ мимо маленькихъ озеръ, прячущихъ свою лазоревую поверхность между сѣроватыхъ скалъ. Страна становится все болѣе и болѣе суровой: ни деревьевъ, ни жилья, кромѣ одной фермы у подножья холма, которой принадлежитъ только что видѣнное нами стадо овецъ.

Но вотъ мы достигаемъ высшей точки плоскогорья. Отсюда передъ нами открывается видъ на восточную возвышенность и обширныя равнины провинціи Кентербёри. Еще одинъ продолжительный спускъ съ невѣроятно крутыми поворотами—и мы выѣзжаемъ на равнину. Главное занятіе здѣшняго населенія составляетъ овцеводство; направо и налѣво виднѣются стада, всегда охраняемыя собакой, главная обязанность которой состоитъ въ томъ, чтобы не давать овцамъ переходить дорогу. Этихъ собакъ называютъ здѣсь „пограничными собаками". Когда между двумя фермами пролегаетъ дорога, необходимо воспрепятствовать овцамъ переходить ее, такъ какъ стада имѣютъ естественное стремленіе соединиться. Пріученная для этой цѣли собака прекрасно выполняетъ свою трудную задачу, которая истощила бы всякое человѣческое терпѣніе. Бѣдное животное проводитъ всю свою жизнь въ одиночествѣ; всадникъ, пріѣзжающій съ фермы, доставляетъ ему пищу ежедневно или на два дня; это единственное ея развлеченіе. Въ большихъ фермахъ нѣсколько собакъ поочередно исполняютъ обязанность караульщиковъ и поочередно же пользуются нѣкоторой свободой. Главный врагъ овцеводства—обыкновенный, всюду распространенный кроликъ. Истребивъ всю траву на пастбищахъ, онъ во многихъ мѣстахъ совсѣмъ изгналъ овцу. Кроликовъ никто не стрѣляетъ: стоитъ ли цѣлиться въ животное, спокойно сидящее въ десяти метрахъ отъ васъ? Чтобы бороться съ нашествіемъ грызуновъ, пришлось обратиться къ иному способу, чѣмъ охота съ ружьемъ, примѣняемому также и въ Австраліи, а именно—отравлять кроликовъ. Въ одной изъ своихъ экскурсій я встрѣтилъ нѣсколькихъ человѣкъ съ ведрами въ рукахъ, шедшихъ на небольшомъ разстояніи

другъ отъ друга по склону холма. Издали я принялъ ихъ за золотоискателей, но когда они приблизились, увидалъ свою ошибку: время отъ времени каждый изъ нихъ поочередно наклонялся, вынималъ что-то изъ своего ведра и клалъ на землю. Изъ любопытства я спросилъ одного изъ этихъ людей, что они дѣлаютъ, и онъ объяснилъ мнѣ, что онъ и его товарищи уничтожаютъ кроликовъ, которые опустошаютъ страну. Для этого они приготовляютъ смѣсь изъ поджаренной муки и фосфора и разбрасываютъ ее у входа въ норки грызуновъ. Ядъ дѣйствуетъ почти моментально. Когда я возвращался назадъ, сотни мертвыхъ кроликовъ валялись на поляхъ и на дорогѣ. Бѣдные звѣрки околѣваютъ въ страшныхъ мученіяхъ, сожженные фосфоромъ, который проглатываютъ вмѣстѣ съ мукой. Бѣдствіе, причиняемое кроликами въ Австраліи, такъ велико, что пришлось прибѣгнуть къ этому жестокому средству истребленія ихъ. Въ каждомъ округѣ правительство содержитъ чиновника, обязаннаго наблюдать за размѣрами бѣдствія у каждаго скотовода, и распространеніе кроликовъ не должно переходить за извѣстныя границы, подъ страхомъ большихъ штрафовъ. Я часто встрѣчалъ этихъ надсмотрщиковъ, путешествуя по обоимъ островамъ. Въ одинъ прекрасный день они пріѣзжаютъ верхомъ въ ту мѣстность, которую собираются осмотрѣть, останавливаются въ харчевнѣ, если она тамъ есть, и оттуда отправляются пѣшкомъ по окрестностямъ, опредѣляя размѣры опустошенія, о которомъ должны дать отчетъ начальству.

Прежде околѣвшихъ кроликовъ просто бросали или закапывали въ землю, не думая извлекать изъ нихъ пользы, но теперь шкурки ихъ вывозятъ въ Англію, гдѣ изъ нихъ выдѣлываютъ дешевыя шляпы. На станціи Лумсденъ есть три смежныхъ домика, совершенно одинаковыхъ, но на каждомъ изъ нихъ можно прочесть на вывѣскѣ различныя имена, съ добавленіемъ: „скупщикъ кроликовъ“. Въ 1893 г. этотъ промыселъ достигъ своего апогея: было вывезено до 17 милліоновъ шкурокъ. Ежегодное число ихъ, постепенно уменьшаясь съ 1895 г., въ 1898 г. понизилось до 6.700.000. Это цифры успокоительныя, доказывающія уменьшеніе размѣровъ бѣдствія, по крайней мѣрѣ въ Новой Зеландіи. Въ то же время замѣчается увеличеніе числа овецъ, и пастбища, на которыхъ недавно не было и слѣда травы, теперь уже начинаютъ зеленѣть.

Кристчёрчъ называютъ еще „городомъ равнинъ“. Вокругъ всего города, исключая восточной стороны, гдѣ горы отдѣляютъ его отъ морской гавани, на разстояніи 40—50 миль тянется гладкая, какъ скатерть, равнина.

Съ перваго раза нельзя составить себѣ понятія о крупныхъ размѣрахъ Кристчёрча; чтобы опредѣлить здѣшнія разстоянія, необходимо пройтись по городу пѣшкомъ. Населеніе, по переписи въ мартѣ 1899 г. равнялось 54.500 душъ, вмѣстѣ съ предмѣстьями.

Кристчёрчъ, какъ и Веллингтонъ, построенъ исключительно изъ дерева. Только нѣсколько большихъ домовъ выстроены болѣе прочно. Яркій бѣлый цвѣтъ этихъ зданій придаетъ столицѣ веселый характеръ; солнце отражается на нихъ особенно ярко, точно веселѣе сіяетъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Кристчёрчѣ, сѣроватыя каменныя постройки Дёнедина кажутся мрачными. Почти черезъ весь городъ проходитъ оживленная торговая улица, которая пересѣкаетъ главнѣйшіе пункты города, въ томъ числѣ городскую площадь, обсаженную деревьями, отъ которой расходятся въ разныя стороны другія главныя улицы. Здѣсь же возвышается величественный соборъ. Всѣ зданія этой центральной части города имѣютъ зажиточный, опрятный видъ, что, въ соединеніи съ общимъ расположеніемъ улицъ и архитектурой домовъ, напоминаетъ англійскій городъ. Надо замѣтить, что изъ четырехъ новозеландскихъ городовъ Кристчёрчъ считается наиболѣе англійскимъ: квинтъ-эссенція англійскаго элемента, укрѣпившагося въ Новой Зеландіи, сгруппировалась въ его стѣнахъ, считая себя здѣсь ближе всего къ родинѣ. Моды и вкусы Великобританіи сказываются въ устройствѣ общественныхъ садовъ, хорошо обсаженныхъ и содержимыхъ, а также во множествѣ частныхъ садовъ, которыми изобилуютъ предмѣстья и ближайшія окрестности города.

Что касается гребного спорта, столь любимаго англо-саксами, то для него какъ бы нарочно протекаетъ по главному парку прелестная рѣка Авонъ. Пока лѣнивцы отдыхаютъ на ея тѣнистыхъ берегахъ, спортсмены скользятъ въ своихъ лодкахъ по ея прозрачнымъ волнамъ между безконечными рядами ивъ. Это печальное дерево нашего климата быстро размножилось въ Новой Зеландіи; въ Кристчёрчѣ оно привилось случайно. Судно, которое нѣкогда перевозило эмигрантовъ, остановилось однажды у острова Святой Елены, и одинъ изъ пассажировъ, садовникъ по ремеслу, срѣзалъ два черенка плакучей ивы, растущей на могилѣ Наполеона I. Прибывъ въ Кристчёрчъ, онъ посадилъ эти отростки на берегу рѣки, гдѣ они прекрасно принялись и превратились въ деревья. Таково происхожденіе безчисленныхъ плакучихъ ивъ, украшающихъ теперь городъ.

Заглянувъ ради покупокъ въ нѣкоторые модные магазины Кристчёрча, я замѣтилъ, что цѣны здѣсь совсѣмъ не такъ высоки, какъ мнѣ предсказывали. Каждый новый предметъ, ввезенный въ страну, оплачивается пошлиной, которая иногда достигаетъ 40% стоимости товара. Несмотря на это, въ магазинахъ Кристчёрча оказывается множество предметовъ англійскаго производства, продаваемыхъ по очень умѣренной цѣнѣ. Очевидно, купцы довольствуются здѣсь небольшими барышами. Воскресные дни они, разумѣется, празднуютъ: это вполнѣ естественно; но, кромѣ того, они даютъ себѣ свободу разъ, а иногда и

два раза въ недѣлю послѣ полудня; напримѣръ, извѣстно, что въ Дёнединѣ по субботамъ, съ 12 час. дня, непремѣнно закроются всѣ магазины и всѣ конторы. Въ Кристчёрчѣ всѣ дѣла пріостанавливаются по четвергамъ. Но такъ какъ каждый городъ имѣетъ свой особый свободный день, то иностранецъ, незнакомый съ мѣстными обычаями, можетъ очутиться въ очень непріятномъ положеніи. Торговля прекращается, кромѣ того, по праздникамъ національнымъ и мѣстнымъ, напр., въ день рожденія основателя города, день его смерти и т. д. При этомъ надо замѣтить, что въ рабочіе дни ни одна лавка, ни одинъ банкъ не открываются раньше 9—10 час. утра, а послѣ 5 час. вечера они уже закрыты. Этотъ обычай существуетъ не только въ Новой Зеландіи, но и во всей Австраліи.

Въ одинъ дождливый день я отправился съ нѣсколькими друзьями въ прославленный городской музей. Ни одна изъ столицъ Океаніи даже сравнить не можетъ свои жалкія витрины съ тысячами сокровищъ и рѣдкостей, собранныхъ здѣсь. Напр., музей обладаетъ единственной въ мірѣ коллекціей „моа“—особой породы исполинскихъ птицъ, теперь уже исчезнувшихъ. Въ стеклянной клѣткѣ заключено около дюжины скелетовъ „моа“, возстановленныхъ до мельчайшихъ подробностей. Самый большой достигаетъ 3—4 метровъ вышины, тогда какъ болѣе мелкіе экземпляры равняются величинѣ казуара. Моа (Dinornis), какъ и страусъ, принадлежалъ къ семейству безкилевыхъ птицъ, среди которыхъ онъ былъ гигантомъ. Опереніе его было яркое. Разсматривая внимательно скелеты моа, можно различить съ каждой стороны его тѣла по зачаточной кости; этотъ совершенно безформенный обрубокъ замѣнялъ ему крылья. Никто никогда не видалъ моа живого, только нѣкоторые старые маорійскіе вожди утверждали, будто въ молодости охотились на него и ѣли его мясо; но изъ ихъ неясныхъ показаній нельзя вывести заключенія о времени исчезновенія моа.

Кромѣ скелетовъ, музей Кристчёрча обладаетъ еще полной коллекціей мѣстной фауны. Любопытно, что въ этой гористой странѣ, богатой обширнѣйшими лѣсами, нѣтъ ни одного туземнаго млекопитающаго. Маорійскія собака и крыса давно уже уступили мѣсто своимъ европейскимъ собратьямъ. Кенгуру, столь распространенные въ Австраліи и Тасманіи, здѣсь совершенно отсутствуютъ. Зато Новая Зеландія очень богата птицами. На обоихъ островахъ насчитывается около ста тридцати породъ птицъ; изъ нихъ семьдесятъ три совершенно отсутствуютъ въ другихъ странахъ. Многія изъ нихъ представляютъ большой интересъ и кажутся какъ бы созданными для изумленія ученыхъ. Особенно интересны попугаи. Одинъ изъ нихъ—„какапо̀“ (Strygops habroptilus)—показывается только въ сумерки. Ростомъ этотъ попугай съ курицу; клювъ у него, какъ у большого попугая. Слишкомъ слабыя и короткія

крылья едва позволяютъ ему летать. Опереніе свѣтло-зеленое, на груди желтоватое и съ темно-коричневыми полосками. Живетъ онъ преимущественно на возвышенныхъ мѣстахъ, гдѣ гнѣздится въ углубленіяхъ почвы и въ разсѣлинахъ скалъ. По большей части они живутъ обществами. Въ лѣсу, съ наступленіемъ ночи, часто можно видѣть, какъ нѣсколько какапо прогуливаются вмѣстѣ, подстерегая добычу; одинъ изъ нихъ обыкновенно исполняетъ роль сторожа и заботится объ общей безопасности. Птица эта совсѣмъ не труслива. Однажды, расположившись на ночлегъ въ рѣдко посѣщаемой части сѣвернаго острова, я вдругъ увидѣлъ подходившаго какапо; онъ съ любопытствомъ приблизился легкими шажками къ моей палаткѣ и въ концѣ-концовъ пробрался въ нее. Я успѣлъ снять съ него фотографію и безъ всякаго затрудненія поймалъ его; на другой день мы его съѣли. Мясо оказалось превосходнымъ и напоминало бѣлизной и вкусомъ цыпленка.

Еще интереснѣе несторъ, или „кеа“ (Nestor notabilis); ростомъ онъ немного больше грача; опереніе его зеленоватаго цвѣта; клювъ такъ же крѣпокъ, какъ и у ястреба, и когти очень остры. Водится онъ чаще всего на возвышенныхъ мѣстахъ. Когда его видятъ парящимъ въ облакахъ, всѣ знаютъ, что онъ ищетъ добычи для утоленія голода, но вы не угадаете, какую пищу предпочитаетъ этотъ попугай: замѣтивъ на плоскогорьѣ или въ долинѣ ягненка или даже взрослаго барана, случайно отдѣлившагося отъ стада, кеа кидается на него, опускается къ нему на спину, запускаетъ свои страшные когти въ шерсть, и ягненокъ погибъ: ничто не можетъ заставить кеа выпустить свою добычу—ни жалобное блеяніе, ни отчаянные прыжки несчастнаго животнаго. Клювомъ и когтями вырываетъ кеа шерсть, расклевываетъ мясо, пока не доберется до почекъ, которыя онъ пожираетъ съ наслажденіемъ. Можно себѣ представить, какую ненависть питаютъ овцеводы къ хищному попугаю и какъ они стараются истреблять его; однако, несмотря на постепенное уничтоженіе его, подъ когтями кеа ежегодно погибаетъ множество ягнятъ. Это тѣмъ болѣе удивительно, что овцы сравнительно недавно ввезены въ Новую Зеландію; слѣдовательно, кеа долженъ былъ или измѣнить свой инстинктъ, или пріобрѣсти новый.

Въ Новой Зеландіи существуютъ также нѣсколько породъ безкрылыхъ птицъ, также мало извѣстныхъ и еще болѣе странныхъ по внѣшности и нравамъ, чѣмъ эти попугаи. Особенно интересна „века“ (Ocydromus australis), которую жители лѣсовъ называютъ лѣсной курицей; это—порода дергачей; хвостъ у нея короткій и жесткій, опереніе коричневаго цвѣта, клювъ и лапы свѣтло-коричневые, а щеки и шея черныя. Она не летаетъ, но бѣгаетъ съ необыкновенною быстротой. Она роетъ землю, какъ всѣ куриныя, чтобы достать червей, которыми она питается. Имя „века“ дано ей за ея клохтанье, такъ какъ маорисы

обыкновенно даютъ названія птицамъ по ихъ крику. Века, подобно другимъ новозеландскимъ птицамъ, легко дается въ руки. Въ лѣсахъ она встрѣчается часто.

Гораздо болѣе рѣдкая порода—„киви“ (Apteryx australis); вмѣсто крыльевъ у „киви“ два зачатка, оканчивающихся чѣмъ-то въ родѣ когтя: но они слишкомъ малы, чтобы помогать ей во время бѣга, весьма, впрочемъ, быстраго. Ея длинный клювъ похожъ на ручку пера; киви пользуется имъ для добыванія изъ сырого мха червей и насѣкомыхъ, которыми она питается. Говорятъ, что иногда киви отдыхаетъ на своемъ клювѣ, какъ на костылѣ, опираясь имъ о землю. Лапы у нея короткія и сильныя, вооруженныя шпорами. Обыкновенно она держится прямо; въ этомъ положеніи высота ея достигаетъ 1—2 футовъ. Существуетъ нѣсколько видовъ киви. У всѣхъ перья похожи на очень тонкую шерсть, и каждое перо заканчивается маленькимъ ноготкомъ. Жители колоніи очень цѣнятъ эти шкурки за ихъ нѣжность и красоту, такъ же какъ и маорисы; старые вожди ихъ носятъ, какъ знакъ отличія, плащъ изъ перьевъ киви.

Во время кладки яицъ, которая бываетъ только разъ въ годъ, самка вырываетъ себѣ яму, предпочтительно у подножія раты, и кладетъ въ эту яму одно огромное яйцо; это яйцо только на треть меньше яйца казуара; длина его—шесть, а ширина—три дюйма. Оно такъ велико въ сравненіи съ птицей, что, видя ихъ рядомъ, трудно повѣрить, чтобы киви могла снести его. Днемъ киви спитъ, укрывшись гдѣ-нибудь подъ кустомъ, а съ наступленіемъ ночи покидаетъ свое убѣжище и выходитъ на добычу. На ходу киви издаетъ, не переставая, своебразное ворчанье, переходящее въ рѣзкій крикъ или свистъ, какъ только птица приходитъ въ волненіе; за этотъ крикъ она и получила свое названіе. Въ тѣ времена, когда въ лѣсахъ и на равнинахъ, заросшихъ кустарникомъ, водилось много киви, маорисы охотились за ними и употребляли въ пищу; собаки туземцевъ всегда догоняли ихъ на открытыхъ мѣстахъ. Говорятъ, что мясо киви вкусомъ очень похоже на воловье. Частью ради мяса, частью ради шкуръ, но ихъ истребляютъ въ такихъ количествахъ, что вскорѣ киви постигнетъ та же участь, какъ и исчезнувшихъ уже моа. Всѣ эти птицы, показавшіяся мнѣ наиболѣе замѣчательными туземными видами, въ музеѣ Кристчёрча имѣются въ превосходныхъ экземплярахъ, и тамъ мнѣ удалось изучить ихъ прежде, чѣмъ я познакомился съ ними на свободѣ. Въ музеѣ же я впервые увидѣлъ красиваго „жуи“ (Prosthemadera Novae Zelandiae), голубого дрозда съ бѣлымъ горлышкомъ. Мѣстныя породы птицъ быстро исчезаютъ въ Новой Зеландіи; чтобы найти ихъ, приходится забираться въ необитаемыя мѣстности и проникать въ глубину дѣвственнаго лѣса.

Отъ Кристчёрча до Дёнедина десять часовъ ѣзды на курьерскомъ

поѣздѣ, и такъ какъ это разстояніе равняется 230 милямъ, то особенно жаловаться на медленность нельзя. Новозеландскіе курьерскіе поѣзда устроены довольно удобно; наружный коридоръ, нѣчто въ родѣ рѣшетчатой веранды, даетъ возможность дышать свѣжимъ воздухомъ; вы сидите въ шестимѣстномъ купэ или въ салонъ-вагонѣ; къ поѣзду прицѣпленъ еще вагонъ-ресторанъ. Остановки бываютъ по нѣскольку въ часъ, каждыя три-четыре станціи проходитъ контролеръ, осматривающій билеты, затѣмъ появляется продавецъ газетъ, за нимъ кельнеръ изъ ресторана съ корзиной фруктовъ и заранѣе приготовленнымъ чаемъ. Когда вся эта провизія, чайныя чашки и „послѣднія изданія" газетъ нѣсколько разъ обойдутъ поѣздъ, вы надѣетесь, что наступитъ наконецъ покой; но не тутъ-то было: входитъ кондукторъ съ листомъ бумаги и вѣжливо проситъ всѣхъ пассажировъ записать свое имя, фамилію и обозначить конечный пунктъ путешествія. На другой день въ мѣстной газетѣ появляется списокъ путешественниковъ, и всѣ знаютъ, гдѣ можно найти друзей и знакомыхъ.

Въ Дёнединѣ есть хорошій университетъ, гдѣ можно получить законченное образованіе по всѣмъ отраслямъ знанія; тамъ преподаются также и искусства. Мнѣ пришлось быть тамъ на конкурсномъ экзаменѣ фортепьянной игры: передъ старымъ профессоромъ, въ присутствіи растроганныхъ родителей, тридцать три молодыя дѣвушки исполняли одна за другой одну и ту же пьесу съ одинаковой головокружительной быстротой, послѣ чего профессоръ возложилъ вѣнокъ на голову одной изъ нихъ, почти еще дѣвочки, предсказавъ, что она прославится въ Европѣ.

Въ общемъ образованіе въ колоніи поставлено хорошо; всѣ умѣютъ читать; въ колоніи, гдѣ обученіе стоитъ правительству 5 р. 75 к. на человѣка, т.-е. въ шесть разъ больше, чѣмъ въ Англіи, нельзя оставаться полнымъ невѣждой. Экзамены подлежатъ вѣдѣнію университета; лучшія высшія школы находятся въ Оклендѣ, Дёнединѣ, Кристчёрчѣ и Вангануи. Кромѣ того, въ каждой деревнѣ правительство содержитъ второразрядныя школы, гдѣ обученіе безплатное и обязательное. Здѣсь установилось своего рода равновѣсіе: пріѣзжающихъ поражаетъ то обстоятельство, что высшіе классы отличаются нѣкоторою ограниченностью, между тѣмъ какъ люди болѣе простого происхожденія часто возвышаются надъ своей средой, благодаря своимъ познаніямъ. Система обученія, очевидно, стремится къ уничтоженію умственной границы между обоими классами, которые по образу жизни и безъ того очень близки между собою. Австралійскій рабочій имѣетъ видъ почти джентльмена; онъ выражается свободно и правильно, и рѣчь его не имѣетъ ничего общаго съ жаргономъ, на которомъ говорятъ низшіе слои англійскаго народа. Я имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ этомъ; указанный фактъ еще

больше способствуетъ уничтоженію и безъ того едва замѣтной здѣсь границы, которая въ Европѣ отдѣляетъ народъ отъ аристократіи.

Въ городѣ, построенномъ частью у подножія, частью на склонахъ холмовъ, многія улицы очень круты; тѣмъ не менѣе всѣ его части соединены правильными путями сообщенія для облегченія перевозки и движенія между заводами. Способы сообщенія здѣсь самые разнообразные: тамъ, гдѣ подъемъ слишкомъ крутъ для коннаго трамвая, легко поднимаются по рельсамъ маленькіе электрическіе поѣзда или же вагоны взбираются по безконечному подземному кабелю. Въ послѣднемъ случаѣ тяга производится паровой машиной, поставленной на вершинѣ горы.

Говоря о Кристчёрчѣ и Дёнединѣ, нельзя не упомянуть о промыслѣ, весьма способствовавшемъ обогащенію и заселенію не только этихъ городовъ, но и всего Южнаго острова, — о золотѣ. Когда, вскорѣ послѣ присоединенія Новой Зеландіи, тамъ былъ найденъ драгоцѣнный металлъ, золотоискатели налетѣли цѣлыми стаями изъ Австраліи, Англіи и Америки. Деревни, до тѣхъ поръ мало населенныя, переполнились; стали возникать новыя селенія всюду, гдѣ только предполагалось присутствіе золотоносной жилы; недавно бѣдныя мѣстечки въ нѣсколько лѣтъ превратились въ цивилизованные города. Первое время каждый золотоискатель работалъ на опредѣленномъ участкѣ, одинъ или въ сообществѣ съ нѣсколькими другими; лопата и рѣшето составляли все его снаряженіе. Копали русло рѣки и перемывали песокъ, изъ котораго добывали золотыя крупинки. Теперь объ этомъ способѣ осталось только воспоминаніе, такъ какъ современные пріемы добыванія золота требуютъ затраты крупнаго капитала, доставляемаго частными компаніями или правительствомъ.

Драгоцѣнный металлъ встрѣчается въ Новой Зеландіи въ рѣкахъ и въ горахъ. Золотыя розсыпи стали разрабатываться уже лѣтъ тридцать пять назадъ, и теперь это — наиболѣе цвѣтущій промыселъ. Онъ занимаетъ множество рабочихъ рукъ и приноситъ большіе барыши. Цѣль его—при наименьшихъ затратахъ собрать и промыть наибольшее количество золотоноснаго песку, изъ котораго извлекаются золотыя крупинки. Для этого служатъ черпаки, доставляемые главнымъ образомъ дёнединскими мастерскими; количество требуемыхъ снарядовъ, постоянное появленіе новыхъ способовъ, безпрерывное усовершенствованіе старыхъ особенно рѣзко указываютъ на поразительное развитіе этого промысла; заводы Дёнедина не успѣваютъ вырабатывать необходимаго количества черпаковъ; чтобы увеличить ихъ производство, пришлось выстроить машинныя мастерскія. И замѣчательное явленіе—Австралія, англійская Колумбія, Калифорнія, Борнео, Сибирь и другія страны ежегодно посылаютъ въ колоніи инженеровъ для изученія въ Отаго и въ Александріи

наиболѣе распространенныхъ и усовершенствованныхъ системъ черпаковъ. Недавно двое русскихъ владѣльцевъ одного изъ сибирскихъ пріисковъ пріѣхали въ Отаго и осмотрѣли нѣкоторые дѣйствующіе черпаки; они были такъ изумлены всѣмъ видѣннымъ, что тотчасъ же заказали въ Дёнединѣ, для своихъ пріисковъ, три машины того же типа, который они видѣли въ дѣйствіи. Самый большой изъ этихъ черпаковъ свободно управляется двумя рабочими, между тѣмъ какъ сибирскія машины такой же величины требуютъ десяти-двѣнадцати рабочихъ. При подобныхъ снарядахъ нельзя изумляться достигнутымъ результатамъ, и нѣкоторыя компаніи получаютъ огромные барыши и выдаютъ значительные дивиденды.

Золотоносный кварцъ, плохо разрабатывавшійся до послѣдняго времени, теперь начинаетъ приносить выгоды. Горныя области Южнаго острова богаты золотымъ кварцемъ. Мнѣ удалось осмотрѣть золотые пріиски въ Рифтонѣ, считающіеся самыми богатыми въ колоніи. Пріискъ находится въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города того же имени. Чтобы добраться до него, надо пройти дикое ущелье, заваленное остатками старыхъ деревьевъ, срубленныхъ и сожженныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Тамъ и сямъ въ палаткахъ и хижинахъ, расположенныхъ въ видѣ поселка, живутъ рудокопы, изъ которыхъ большинство—китайцы. Они, какъ и всѣ рабочіе колоніи, получаютъ высокую плату: отъ 4 р. 25 к. до 5 р. 25 к. за 8-мичасовой день.

Со дна главной шахты, достигающей 1.000—1.200 фут. глубины, видно, какъ они ловкими ударами кирки откалываютъ отъ скалы глыбы кварца; другіе рабочіе наполняютъ корзины, которыя подъемныя машины выносятъ къ отверстію шахты, въ наружный сарай, гдѣ производится сортировка. Несомнѣнно, нужна большая опытность, чтобы различить въ камнѣ золотую жилку: неопытный глазъ не замѣтитъ въ немъ ни единой частицы драгоцѣннаго металла. Послѣ разборки золотоносный кварцъ снова складывается въ небольшіе вагоны; затѣмъ по натянутой проволокѣ эти вагоны проходятъ широкую долину на разстояніи 2-хъ километровъ и поступаютъ на заводъ, называемый „дробильней“. Здѣсь огромные молоты превращаютъ кварцъ въ мелкій порошокъ. Этотъ порошокъ высыпаютъ на столы, покрытые ртутью, по которымъ непрерывно течетъ вода. Песокъ уносится водой, а золото удерживается ртутью: его надо собрать и химическимъ способомъ отдѣлить примѣшанныя къ нему постороннія вещества. Затѣмъ его расплавляютъ и охлаждаютъ, и, отвердѣвъ, оно принимаетъ видъ слитковъ, готовыхъ къ вывозу.

Въ новозеландскихъ ледникахъ.

(Ленденфельда.)

Мы наняли большую повозку на высокихъ колесахъ, запряженную тройкой лошадей, и отправились въ путь. Хорошая дорога, по которой мы поѣхали, идетъ на западъ вверхъ по долинѣ. По обѣимъ сторонамъ виднѣются многочисленныя усадьбы, и на самой дорогѣ то тамъ, то сямъ попадается кузница или постоялый дворъ. Черезъ нѣсколько часовъ ѣзды мы добрались до большого перевала черезъ водораздѣлъ между бассейнами рѣкъ Вайтанги и Тангаваи.

Вайтанги—величайшая рѣка южнаго острова Новой Зеландіи; она впадаетъ въ море на юго-восточномъ берегу острова и образуется отъ слiянія трехъ рѣкъ—Текапо, Пукаки и Огау, сбѣгающихъ съ восточнаго склона центральнаго хребта Новозеландскихъ Альпъ.

На перевалѣ, лежащемъ на высотѣ 751 метра надъ уровнемъ моря, стоитъ маленькая деревушка съ маленькой гостиницей. Въ ней мы сдѣлали привалъ и тутъ же встрѣтились съ нашими людьми, которымъ я велѣлъ придти туда. Это были три овечьихъ пастуха, шотландскіе горцы по происхожденію, говорившіе между собою на кельтскомъ нарѣчіи. Въ горахъ Новой Зеландіи большую часть года никто не заботится объ овцахъ, и пастухи выступаютъ на сцену только тогда, когда приходится мѣтить и считать овецъ или сгонять ихъ на стрижку. Тогда пастухи со своими собаками устраиваютъ настоящую охоту за овцами. Сломя голову гонятся они за удирающими овцами по камнямъ и скаламъ, черезъ обрывы, и сгоняютъ ихъ вмѣстѣ. Все стадо загоняется въ огороженное пространство, и тамъ производится мѣтка. Ремесло пастуха въ новозеландскихъ горахъ требуетъ много ловкости и мужества, и меня не обмануло предположеніе, что хорошіе горные пастухи смогутъ оказать большія услуги и мнѣ въ моихъ изслѣдованіяхъ. Мы спустились въ пустынную, широкую болотистую долину, гдѣ не было ни деревьевъ, ни кустарника, ни какого-либо слѣда человѣческой дѣятельности, кромѣ самой дороги, которая прямо, какъ стрѣла, пробѣгала по этой печальной мѣстности. Далѣе страна опять стала холмистой. Дорога круто поднимается, и мы стоимъ уже на вершинѣ стариннаго мореннаго вала, который пересѣкаетъ и ограничиваетъ долину рѣки Текапо. Къ вечеру передъ нами появилось красивое, около 20-ти километровъ длиною, озеро Текапо, надъ которымъ возвышались высокіе утесы, обрамляющіе верхнюю долину рѣки Текапо. Черезъ рѣку Текапо перекинутъ прекрасный висячій мостъ, какъ разъ около того мѣста, гдѣ она вытекаетъ изъ озера,—послѣдній мостъ на нашемъ пути. По ту сторону моста стоитъ гостиница, гдѣ мы провели нашу послѣднюю ночь въ постели.

Блестящія капли росы сверкали подъ копытами нашихъ лошадей, и

съ горъ вѣялъ холодный вѣтеръ, когда мы снова пустились въ путь на слѣдующій день 2 марта. Было чудное утро. Глубокая тѣнь еще покрывала темное озеро, а снѣжныя вершины далеко на сѣверѣ ярко сіяли. Мы рѣшили, что повозка съ моей женой и двумя изъ нашихъ людей поѣдетъ по дорогѣ до овцеводной станціи въ Тасмановой долинѣ, гдѣ эта дорога кончается. Отсюда они были должны подняться до мѣста впаденія рѣчки Іолли, маленькаго притока Текапо, по длинной и плоской Тасмановой долинѣ. Я же съ остальными людьми хотѣлъ проѣхать верхомъ по области холмовъ прямо къ устью Іолли, чтобы ближе познакомиться съ этой мѣстностью, отдѣляющей долину Текапо отъ Тасмановой долины.

Нашъ путь шелъ къ сѣверо-западу то вверхъ, то внизъ по волнистой мѣстности, покрытой густымъ травянымъ ковромъ. Здѣсь совершенно нѣтъ деревьевъ и кустарниковъ. Трава кажется нѣсколько темной и выжженной, такъ какъ здѣсь очень рѣдко идутъ дожди. Тамъ и сямъ въ травѣ попадаются большіе камни, повидимому валуны ледниковаго періода; на нихъ растутъ различныя растенія подальпійской флоры, съ которыми мы ознакомились впослѣдствіи. Благодаря волнистой поверхности, виды очень однообразны. Отъ времени до времени я соскакивалъ съ лошади, чтобы разглядѣть камень, захватить растеніе или напиться у источника.

Такъ ѣхали мы часа четыре, какъ вдругъ надъ однимъ изъ ближайшихъ темныхъ зелено-бурыхъ холмовъ блеснула стройная серебряно-бѣлая пирамида. Высоко поднимаясь въ темное небо, рисовался передъ нами хребетъ горы Кука, высшей точки Новозеландскихъ Альпъ. Мы поднялись на возвышеніе, чтобы воспользоваться болѣе широкимъ кругозоромъ. Гора лежитъ отсюда на юго-востокъ, форма ея напоминаетъ отчасти крышу, обрывающуюся во всѣ стороны неприступно крутыми склонами. Я неохотно оторвался отъ чуднаго зрѣлища, и мы продолжали свой путь на западъ. Почва становилась каменистѣе и труднѣе для ѣзды, но наши пастушескія лошади настолько къ этому привыкли, что нашъ путь продолжался безъ всякихъ затрудненій. Одинъ изъ моихъ людей, которому я выразилъ свое удивленіе по этому поводу, увѣрялъ меня, что онъ, загоняя стада рогатаго скота или лошадей, проѣзжалъ по этой самой почвѣ самымъ быстрымъ аллюромъ. Замѣтя мою недовѣрчивую улыбку, онъ тронулъ шпорой свою лошадь—по здѣшнему обычаю носятъ только одну шпору на лѣвой ногѣ—и поскакалъ впередъ по камнямъ и трещинамъ. Другой послѣдовалъ его примѣру. Такимъ образомъ мы всѣ трое скакали по старой моренѣ до большого валуна, лежавшаго передъ нами на разстояніи 500 метровъ.

Проѣхавъ область холмовъ, мы увидали внизу передъ собою глубокую Тасманову долину.

Рѣка сильно поднялась, и глухой шумъ ея мутныхъ водъ долеталъ до насъ снизу. Послѣ нѣкотораго отдыха мы спустились по крутому склону въ долину. Повозка еще не пріѣхала, и мы рѣшили ожидать ее здѣсь. Прошло нѣсколько часовъ, ея все не было, а такъ какъ мѣстность, по которой она ѣхала, была безъ дороги и частью болотиста, явилось невольное опасеніе, не произошло ли какого-нибудь несчастія. Мы снова сѣли на лошадей и поѣхали по долинѣ, выглядывая повозку. Солнце садилось за западными горами, и легкій туманъ стлался надъ болотистой низиной. Мы уже боялись, что наступающая темнота и туманъ вовсе не дадутъ намъ найти нашихъ спутниковъ, какъ вдругъ передъ нами на разстояніи километра показался столбъ дыма. Мы поѣхали на него и скоро встрѣтились со своими. Повозка застряла въ болотѣ и стояла недвижимо; лошади паслись поблизости; на разстояніи 20-ти шаговъ отъ повозки сидѣли вокругъ огня наши спутники и готовили чай. Кучеръ предложилъ намъ чаю; однако послѣ нѣкотораго размышленія мы рѣшили не ночевать на этомъ мѣстѣ, а попытаться въ тотъ же вечеръ достигнуть усадьбы. Мы впрягли всѣ шесть лошадей въ повозку, а трое изъ насъ стали подталкивать ее сзади. Соединенными усиліями удалось освободить повозку, и мы позднею ночью добрались до усадьбы, около которой разбили свою палатку.

На другой день послѣ полудня мы продолжали свой путь и стали лагеремъ на удобномъ мѣстѣ въ 6-ти километрахъ къ сѣверу отъ Іолли. Маленькій ручей, сбѣгавшій съ ближняго склона, снабжалъ насъ водою для питья; нашлись также кусты, такъ что не было недостатка въ топливѣ, а выдававшійся впередъ утесъ защищалъ насъ отъ вѣтра. Густая трава, росшая вблизи лагеря, доставляла кормъ лошадямъ; однимъ словомъ, все было въ порядкѣ. Мы разбили двѣ палатки на мягкомъ дернѣ—одну для насъ, другую для нашихъ людей.

Вечеръ былъ мраченъ, въ воздухѣ душно. Въ долинѣ царила тишина. На высочайшихъ вершинахъ колыхались клочья тумана, по положенію которыхъ было видно, что тамъ вверху дулъ сѣверо-западный вѣтеръ. Прежде чѣмъ солнце успѣло зайти, небо омрачилось и его зеленовато-голубой цвѣтъ постепенно перешелъ въ тусклый сѣрый, хотя отдѣльныхъ облаковъ не было замѣтно. Сначала солнце еще виднѣлось сквозь туманную завѣсу, но скоро исчезло совсѣмъ. Спустилась черная беззвѣздная ночь. Температура все поднималась; термометръ всю ночь не падалъ ниже 17°.

Полноводность Тасмановой рѣки, питающейся исключительно ледниковой водой, естественно зависитъ отъ температуры. Поэтому, такъ какъ дулъ фенъ, вода сильно поднялась, и когда мы на слѣдующее утро осматривали рѣку, оказалось, что нечего и думать переправиться черезъ нее.

Изслѣдуя рѣку послѣ обѣда, мы увидѣли, что вода скорѣе поднялась, чѣмъ понизилась; это было неудивительно, такъ какъ средняя

температура въ этотъ день (4 марта) превышала 23°. Такимъ образомъ наши надежды на скорое пониженіе уровня воды оказались напрасными, и мы рѣшили на слѣдующій день попытаться пройти по лѣвому берегу. Собственно только это и было возможно. Такъ какъ мы шли только на розыски, то и оставили всѣ вещи въ палаткахъ. Все время было пасмурно и душно. Горы были закутаны туманомъ почти на 1500 метровъ. На высотахъ дулъ сѣверо-западный вѣтеръ, въ долинѣ было тихо. Мы ѣхали вверхъ по плоскому дну долины, проѣзжая то по каменистымъ подъемамъ, то по участкамъ дерна, пересѣкли нѣсколько маленькихъ притоковъ Тасмановой рѣки и, наконецъ, достигли мѣста, гдѣ мощный и бурный потокъ прекратилъ наше дальнѣйшее движеніе впередъ. Мы взобрались на правый склонъ и продолжали ѣхать къ сѣверу. Сначала все шло довольно хорошо, но скоро пришлось отступить. Склонъ, по которому мы ѣхали, пересѣкался неглубокими ущельями, поросшими густымъ, низенькимъ кустарникомъ. До сихъ поръ мы находились въ полосѣ степей; только теперь начиналась полоса древесной растительности. Это измѣненіе въ характерѣ флоры можно объяснить увеличеніемъ сырости въ ближайшемъ сосѣдствѣ высокихъ горныхъ кряжей и ихъ ледниковъ. Кустарникъ былъ низокъ, но такъ густъ и колючъ, что казался совершенно непроходимымъ. Мы пошли далѣе пѣшкомъ, прорубая себѣ дорогу топоромъ. Такимъ образомъ мы пробрались черезъ два ущелья и выбрались на широкое, покрытое травой пространство; чаща кустарниковъ осталась въ глубинѣ ущелья, по которому было легко двигаться впередъ. Но за нимъ лежало третье ущелье—гораздо больше двухъ первыхъ, которыя мы уже прошли, и растительность въ немъ была еще гуще и колючѣе. Несмотря ни на что, мы безъ дальнихъ размышленій бросились въ чащу и принялись храбро выдираться изъ нея. Мы видѣли, что, если даже мы сами проберемся сквозь чащу, протащить сквозь нее нашъ багажъ будетъ невозможно, но не хотѣли вернуться. Колючки изорвали наше платье и расцарапали тѣло. Идти впередъ было немыслимо, и мы, огорченные, молча, оборванные и исцарапанные, пошли обратно, добравшись до лагеря только къ вечеру подъ начинающимся дождемъ.

Дождь шелъ цѣлую ночь. День задался пасмурный. Мелкій дождь кропилъ палатку, а въ долинѣ грозно ревѣла высоко вздувшаяся рѣка. Съ трудомъ развели мы огонь подъ защитою скалы и, такъ какъ дѣлать было нечего, принялись на зло дождю раскладывать огромный костеръ. Вечеръ былъ такой же, какъ утро, и мы легли спать безъ надежды на скорое улучшеніе погоды. Все было мокро. На полу палатки стояли лужи. Съ потолка капало. Каждую минуту мнѣ на лицо падала капля за каплей. Долгое время выносишь все это въ полудремотѣ съ молчаливой покорностью, наконецъ терпѣніе истощается, — дѣлаешь быстрое

движеніе, чтобы увернуться отъ капель, и попадаешь локтемъ въ лужу. Невольно вырывается крѣпкое слово, послѣ чего опять покоряешься судьбѣ.

На слѣдующее утро было чуть-чуть прохладнѣе, и съ юга повѣялъ легкій вѣтерокъ. Все это вмѣстѣ съ показаніями барометра предвѣщало скорое улучшеніе погоды, хотя дождь продолжалъ упорно идти. Повсюду стояли лужи, какъ будто промокшая земля не могла болѣе впитывать воду. Мы испекли большой хлѣбъ въ горячей золѣ нашего очага, и эта стряпня заняла все наше вниманіе съ утра до поздняго вечера. Ночью стало холодно, термометръ упалъ до 5°. Утромъ, когда я вышелъ изъ палатки, дулъ свѣжій южный вѣтеръ и снѣжныя вершины Альпъ ярко сверкали. Черезъ рѣку еще нельзя было перейти, такъ что мы занялись топографическими работами и просушкой нашего имущества.

Утромъ 9-го марта мы отважились наконецъ перейти черезъ Тасманову рѣку. Вода все еще стояла очень высоко, опасность была не малая, но наше терпѣніе уже истощилось. Рано утромъ мы были уже на ногахъ, уложили наше имущество на повозку, впрягли въ нее четырехъ лошадей и двинулись. Двое изъ нашихъ людей поѣхали впередъ, разыскивая бродъ, остальные усѣлись въ повозку.

Скоро мы добрались до первыхъ рукавовъ, они были не велики и удобопроходимы; но чѣмъ дальше, тѣмъ глубже и яростнѣе становились потоки, черезъ которые мы перебирались, и послѣ двухчасовой переправы мы очутились въ настоящемъ лабиринтѣ дикихъ пѣнящихся рѣчныхъ рукавовъ. Мы пробирались по маленькимъ каменистымъ островамъ, переходя тутъ одинъ рукавъ, тамъ другой—нашъ авангардъ изъ двухъ всадниковъ все время ѣхалъ впереди, изслѣдуя дорогу. Вскорѣ послѣ полудня мы дошли до главнаго потока, текущаго близъ западнаго края долины. Это — послѣдній переходъ. Скоро мы очутились среди бурно стремящихся волнъ. Молочно-бѣлая, мчащаяся съ быстротой стрѣлы вода доходила лошадямъ до плечъ. Волны разбиваются о лошадей и о повозку, надъ нами летитъ бѣлая пѣна. Ревъ воды, сквозь который прорывается глухой шумъ камней, переворачиваемыхъ по дну силою теченія, производитъ какое-то ошеломляющее впечатлѣніе, которое слишкомъ громко для слуха и уже не воспринимается въ формѣ звука. По физіономіи сидящаго около кучера я вижу, что онъ громко понукаетъ лошадей, но голоса не слышно. Движеніе впередъ незамѣтно, и только по плечамъ лошадей видно, что мы ѣдемъ впередъ. Наконецъ вода становится мельче. Наши передовые уже стоятъ на противоположномъ берегу, и мы спрыгиваемъ съ повозки въ ароматную траву — на правомъ берегу Тасмановой рѣки.

Тасманова долина въ верхней своей части покрыта роскошной травой. Дорога идетъ по мягкому дерновому ковру. Было прекрасное утро,

и радостное, бодрое чувство вливалось въ душу, когда мы проѣзжали по прелестной долинѣ.

Впереди долина заканчивается выпуклой, почти полукруглой стѣной около 100 метровъ высотою. Склоны ея очень круты и густо поросли травою и низенькими кустарниками подальпійской флоры. Эта стѣна совершенно замыкаетъ западную часть долины. На востокѣ она прерывается, размытая, повидимому, Тасмановой рѣкой. Мы вскорѣ достигли угла, образуемаго западнымъ концомъ стѣны и правымъ склономъ долины. Эта стѣна не что иное, какъ старая, хорошо сохранившаяся конечная морена Тасманова глетчера. Было ясно, что далѣе дорога будетъ неудобна для лошадей, и поэтому мы устроили складъ провизіи въ углу между западнымъ склономъ и старой мореной.

Совершивъ необходимыя приготовленія, четверо изъ насъ снова пустились въ дорогу. Прокладывая дорогу въ чащѣ, мы взобрались на морену и увидали передъ собою узкую долину, поросшую густымъ кустарникомъ, на ней маленькое голубое озеро и далѣе крутые сѣрые утесы теперешней конечной морены Тасманова глетчера, которая поднималась метровъ на десять выше того мѣста, на которомъ мы стояли. Продолжая свой путь, мы скоро спустились въ глубину долины, но здѣсь наше передвиженіе сильно затруднилось почти непроходимой чащей колючихъ кустовъ.

Надъ густой сѣтью ползучихъ, частью свѣжихъ, частью полу—или совершенно сгнившихъ стволовъ отъ 3 до 10 см. толщиною поднимается цѣлая чаща узловатыхъ сучковъ дискаріи, растопырившихъ во всѣ стороны свои твердыя, острыя колючки въ палецъ длиною. Въ рѣдкихъ просвѣтахъ, гдѣ солнечный лучъ можетъ проникнуть до земли, она покрыта кустиками ежовой травы, жесткіе, шиповатые листья которой образуютъ куполообразныя розетки, въ родѣ ежей, достигающія полметра ширины. Посрединѣ розетки поднимается на высоту человѣческаго роста цвѣтоносный стебель, усаженный шипами. Нашъ тяжелый багажъ все время цѣплялся за эти шипы. Почти ползкомъ мы пробирались между кустами и наконецъ-то добрались до озера. Шлепая по его низкому берегу, мы шли уже легче и черезъ нѣсколько часовъ достигли конечной морены, сложенной изъ голыхъ камней разнообразной величины. Мы взобрались съ трудомъ по ея крутому каменистому склону на высоту, потомъ повернули налѣво, слѣдуя направленію западной боковой морены, и продолжали свой путь въ сѣверномъ направленіи. Преодолѣваемыя препятствія между тѣмъ задержали насъ настолько, что уже приходилось подумать о ночлегѣ. Между боковой мореной, на вершинѣ которой мы стояли, и западной стѣной Тасмановой долины лежала впадина метровъ до 100 глубиною, поросшая травой и колючими кустами. Мы спустились въ нее и разбили тамъ свои палатки.

На слѣдующій день погода была не особенно благопріятна. Идти впередъ было нельзя, такъ какъ сначала надо было перенести вещи, и мы прошли черезъ нижнюю часть ледника, желая поближе познакомиться съ нимъ.

Мы нашли, что вся конечная часть ледяного потока усѣяна обломками скалъ, такъ что льда не видно нигдѣ: все закрыто конечной мореной. Поверхность ея волнообразна, и надъ ней кое-гдѣ возвышаются конусовидные холмы. Въ углубленіяхъ мѣстами виднѣются большія воронкообразныя впадины, какихъ я никогда не видалъ въ европейскихъ ледникахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ воронокъ очень велики. Ихъ правильный кругообразный верхній край достигаетъ 100 и болѣе метровъ въ поперечникѣ.

12-го марта былъ пасмурный, туманный день, и накрапывалъ мелкій дождь, когда мы, тяжело нагруженные, покидали свою стоянку, взбираясь на высокій валъ морены, чтобы продолжать свой путь по ея верхушкѣ. Не испытавъ самому, очень трудно себѣ представить, насколько трудно тяжело нагруженному человѣку взбираться по моренѣ. Когда нѣтъ груза, взбираться легко: цѣпляешься за выступы, прыгаешь съ камня на камень, болѣе высокіе камни обходишь, подъ нависшими ползешь и подвигаешься впередъ легко и быстро. Но съ 25-ю килограммами неудобной клади за спиной дѣло идетъ иначе. Балансировать на шаткихъ камняхъ, что всякій привычный человѣкъ дѣлаетъ невольно и безъ особеннаго напряженія, становится совершенно невозможно.

Чистый ледъ на срединѣ ледника спускается гораздо ниже, чѣмъ по краямъ, потому что конечная морена имѣетъ форму подковы. Взвѣсивъ это обстоятельство, мы рѣшили свернуть на востокъ къ срединѣ ледника, чтобы идти по чистому льду, который я тамъ предполагалъ. Безъ сомнѣнія, идти съ нашей кладью по чистому льду было бы легче, чѣмъ по моренѣ.

Мы перебрались черезъ нѣсколько моренныхъ гребней и очутились въ волнистой мѣстности, состоявшей, повидимому, изъ непрерывной морены. Напрасно искали мы взоромъ желанный ледъ, все была одна сѣрая безконечная морена. Дождь между тѣмъ мало-по-малу усилился, и въ то же время поднялся туманъ. При такихъ обстоятельствахъ было невозможно дольше разыскивать чистый ледъ, мы вернулись на правую боковую морену и шли по ней къ сѣверу вплоть до маленькаго расширенія долины. Погода еще ухудшилась; мы спустились въ это расширеніе и разбили палатки.

Дождь шелъ всю ночь, но на другое утро была прекрасная погода, и мы поднялись довольно рано.

Снова тяжело нагруженные поползли мы на морену, опять повернули къ востоку и принялись искать полосу чистаго льда, которую такъ на-

прасно отыскивали вчера. На этотъ разъ намъ повезло, и послѣ двухчасовой ходьбы по моренѣ передъ нами появилась полоса чистаго, довольно гладкаго и удобнаго для ходьбы льда метровъ въ 800 шириною. По ней мы пошли сначала довольно быстро. Съ каждымъ шагомъ окружающая картина становилась величественнѣе. Къ сѣверу и югу простирается огромный ледяной потокъ со своими гигантскими моренами. Далеко на югъ взоръ проникаетъ въ широкую Тасманову долину, гдѣ голубоватые туманы лежатъ надъ озеромъ Пукаки. Налѣво надъ плоскимъ дномъ долины подпимается красивый утесистый горный хребетъ. На сѣверѣ виднѣется мощная ледяная вершина горы Эли де Бомонъ, лежащая на разстояніи 22 километровъ отъ насъ. Съ восточныхъ склоновъ горы Кука и горы Тасмана спускаются мощные ледники и соединяются съ раскинувшимся внизу Тасмановымъ глетчеромъ. Эти дикія, разорванныя ледяныя массы, лежащія прямо передъ нами, составляютъ передній планъ одной изъ самыхъ величественныхъ картинъ на землѣ. Ледники, скалы и крутыя, изрытыя лавинами, снѣжныя стремнины образуютъ валъ около 2.700 метровъ высотою, который лежитъ такъ близко, что высшая точка его—вершина горы Кука, кажется, вздымается прямо надъ нашими головами. Эта вершина въ то же время высшій пунктъ всей Новой Зеландіи—3.768 метровъ высотою. Гребень вершины горы Кука имѣетъ значительную длину и тянется километра на два, все время сохраняя высоту болѣе 3.600 метровъ, послѣ чего круто обрывается съ обѣихъ сторонъ, что и придаетъ горѣ ея характерную кряжевидную форму.

Къ сѣверу отъ горы Кука лежитъ еще болѣе красивая, вся ледяная Тасманова гора въ 3.247 метровъ высотою, вторая по высотѣ вершина Новозеландскихъ Альпъ. Эта гора имѣетъ видъ ледяной иглы, обрывающейся на сѣверѣ и на югѣ острыми фирновыми ребрами, а на западѣ и востокѣ невѣроятно крутыми стѣнами льда. Поэтому Тасманова гора должна быть одной изъ наиболѣе недоступныхъ для восхожденія горъ.

Въ 2 часа пополудни мы остановились и стали держать совѣтъ, гдѣ намъ поставить палатку.

Перейдя ледникъ въ западномъ направленіи, послѣ долгихъ поисковъ мы нашли не только удобное мѣсто для палатки, но еще топоръ и фонарь, оставленные здѣсь путешественниками въ прошломъ году, а намъ пришедшіеся очень кстати. Наша главная квартира оставалась на этомъ мѣстѣ отъ 13 до 27 марта.

Мы наложили на землю гибкихъ можжевеловыхъ вѣтокъ, на нихъ сухой травы и на этомъ фундаментѣ разставили свою палатку. Пока люди занимались приготовленіемъ обѣда, я осмотрѣлъ окрестности.

Долина имѣетъ плоское дно метровъ въ 50 шириною, частью песчаное и каменистое, частью поросшее густой широколиственной травой

Тасмановъ глетчеръ.

Область колючихъ растеній не поднимается высоко и на склонахъ долины смѣняется низкорослымъ можжевельникомъ. Кое-гдѣ на этомъ склонѣ попадаются низенькія кривыя сосенки. У скалъ и во влажныхъ углубленіяхъ встрѣчаются альпійскіе цвѣты — между ними особенно замѣчателенъ горный лютикъ съ его большими, кожистыми чашеобразными листами и роскошными бѣлыми цвѣтами.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей палатки черезъ стѣну долины проходитъ расщелина. Внутренность ея камениста и чисто выметена лавинами. У подошвы расщелины свалена масса сучковатыхъ стволовъ альпійскихъ кустарниковъ. Все это дерево было очень сухо и доставило намъ нужное топливо. Нѣсколько ниже палатки, на разстояніи сотни метровъ, моренный валъ прерывается, и виденъ чистый ледъ. Здѣсь, въ маленькой расщелинѣ ледника, мы берегли мясо. Черезъ расщелину боковой морены выбѣгалъ маленькій, молочнобѣлый ледниковый ручей. Онъ бѣжалъ нѣкоторое время на югъ по плоскому дну нашей маленькой долины и затѣмъ исчезалъ подъ грудой моренныхъ обломковъ, замыкавшей долину съ южной стороны. Такимъ образомъ здѣсь у насъ были вода, дерево и ледъ, а кромѣ того, вѣрное, теплое убѣжище.

Вернувшись въ палатку послѣ своей прогулки, я нашелъ почти готовый обѣдъ. Послѣ обѣда я закуриваю трубку и съ наслажденіемъ растягиваюсь на мягкомъ ложѣ изъ можжевельника и сѣна. Снаружи ярко горитъ костеръ, люди варятъ свой пуншъ и бесѣдуютъ. Скоро они засыпаютъ. Все тихо, въ воздухѣ не шелохнетъ и даже ручеекъ замолкаетъ. Костеръ погасаетъ, и однѣ звѣзды озаряютъ картину ночи. Меланхолическая гармонія наполняетъ сердце, и покой ночи обнимаетъ душу. Мысль не хочетъ коснуться кропотливыхъ заботъ и вѣчной борьбы человѣка, какъ будто всюду, какъ здѣсь, царятъ любовь и миръ, покой и согласіе. Съ громкимъ трескомъ срывается лавина съ одного изъ нависшихъ ледниковъ. Шумъ и свистъ ея заглушаются дребезжаньемъ разлетающихся о скалы льдинъ и глухимъ грохотомъ большихъ скатывающихся камней. Далеко въ горахъ отзывается грозное эхо, гремитъ и утихаетъ мало-по-малу.

Среди озеръ и фіордовъ.

(Г. Сегюра.)

Три большихъ озера: Манонури, Те-Аноу и Вакатипу, которые называютъ „холодными озерами“, въ противоположность теплымъ озерамъ сѣвернаго острова, расположены въ юго-западной части Южнаго острова. Изъ него легче всего добраться до Вакатипу; это единственное озеро, окрестности котораго вполнѣ изслѣдованы. На одномъ изъ береговъ его возвышается Куинстоунъ, красивый городокъ съ тысячью жителей, куда лѣтомъ съѣзжаются изъ разныхъ частей колоніи.

Изъ Дёнедина желѣзная дорога доставила меня въ деревню Кингстонъ на восточномъ берегу Вакатипу, гдѣ пароходъ уже ожидаетъ пассажировъ. Это очень удобное колесное судно, напоминающее пароходы итальянскихъ и швейцарскихъ озеръ. Отсюда нельзя окинуть глазомъ всего озера, такъ какъ онъ имѣетъ изогнутую форму буквы S, но часть, видная изъ Кингстона, даетъ возможность судить объ его обширныхъ размѣрахъ. Длина его равняется 50 милямъ, а ширина колеблется между 1—$3^1/_2$ милями. Несмотря на высоту въ 1.000 футовъ надъ уровнемъ моря, дно его еще ниже этого уровня; почти нигдѣ не удалось опредѣлить его глубину, даже съ помощью лота въ 1.000—1.400 фут. длины; температура же его на незначительной глубинѣ никогда не превышаетъ 1—2°.

Нашъ пароходъ направляется къ Куинстоуну при самой лучшей погодѣ. По берегамъ Вакатипу понемногу выступаютъ горы, ясно выдѣляясь на прозрачномъ южномъ небѣ. Главныя вершины очень высоки. Одна только гора ниже 5.000 фут., большинство же превышаетъ 6.000 фут. Прозрачность воздуха такъ велика въ этихъ мѣстахъ, что на вершинахъ горъ ясно видны трещины, а самыя высокія горы кажутся совсѣмъ близкими. Этой же причиной объясняется и яркость отраженій въ водѣ: на лонѣ бирюзовой воды, какъ въ зеркалѣ, выдѣляются, въ опрокинутомъ видѣ, эти острія и вершины со всѣми подробностями очертаній. Пейзажу недостаетъ зелени: глазъ напрасно ищетъ на этихъ безплодныхъ склонахъ, на этихъ суровыхъ скалахъ нашихъ старыхъ сосенъ. Туземный лѣсъ уже давно исчезъ съ береговъ Вакатипу: его сожгли и уничтожили главнымъ образомъ золотоискатели.

Наступаетъ ночь. Мы приближаемся къ цѣли нашего путешествія. Вотъ цѣпь „Замѣчательныхъ“ горъ, достигающихъ 8.000 футовъ высоты; онѣ дѣйствительно заслуживаютъ свое названіе: странныя вершины ихъ изрѣзаны, какъ зубья граблей; отвѣсныя стѣны, гдѣ переливаются всевозможные оттѣнки красокъ, смотря по времени дня и цвѣту неба, кажутся сдѣланными нарочно, чтобы привлекать взоры. У подошвы ихъ, на первомъ изгибѣ озера, Куинстоунъ раскинулъ свои бѣлые домики. Отъ пристани, гдѣ остановился нашъ пароходъ, до гостиницы всего нѣсколько шаговъ; первые пассажиры входятъ туда раньше, чѣмъ послѣдніе успѣваютъ сойти съ парохода. Здѣсь васъ встрѣчаютъ такъ гостепріимно, какъ будто мы пріѣхали къ хорошимъ знакомымъ; цѣны столь же умѣренны, какъ хорошъ столъ. Вечеромъ была подана громадная форель, пойманная утромъ въ Вакатипу: рыба превосходная, хотя нѣсколько страннаго вкуса. Большая комната, отведенная мнѣ, выходитъ на веранду съ видомъ на озеро. Позади „Замѣчательныхъ“ горъ восходитъ луна, озаряя ихъ зубчатыя вершины своимъ таинственнымъ свѣтомъ; отраженіе ея чуть колеблется у моихъ ногъ въ серебристыхъ волнахъ.

Прошло нѣсколько дней, описать которые было бы довольно трудно. Я любовался озеромъ въ разное время: при восходѣ солнца, при облачномъ небѣ, въ ясную погоду; но одну изъ этихъ картинъ я никогда не забуду. 2-го марта я ожидалъ знакомыхъ съ пароходомъ изъ Кингстона и къ вечеру поднялся на вершину холма Куинстоуна; отсюда я увидалъ маленькій пароходикъ, выбрасывающій клубы чернаго дыма, въ разстояніи часа ѣзды отсюда. По тому же направленію поднимались надъ водою 15—20 вершинъ, опоясывая нижній рукавъ озера, а на противоположномъ концѣ у послѣдняго изгиба возвышался гигантъ горной цѣпи—гора Ирнслау [1]), скованная вѣчными льдами. Я не успѣлъ еще спуститься съ возвышенности, какъ солнце исчезло за вершинами, и въ ту же минуту цѣлое море мелкихъ облаковъ, носившихся между ними, загорѣлось яркимъ пламенемъ. Пустынные склоны горъ окутались мглою, кромѣ тѣхъ мѣстъ, куда проникалъ послѣдній лучъ, прорываясь между двухъ вершинъ. На фонѣ моря, какъ бы залитаго золотомъ, эвкалипты Куинстоуна выдѣлялись своей синеватой листвой. Озеро, только что неподвижное, теперь какъ будто убѣгало въ фіолетовую даль, теряясь въ туманѣ, какъ призракъ. Наконецъ, голубыя тѣни окутали горы, вершины одѣлись пурпуромъ, и маленькія золотыя облачка, останавливая свое движеніе по мѣрѣ того, какъ они принимали сѣрые цвѣта, ютились въ углубленіяхъ скалъ, какъ бы для того, чтобы заснуть тамъ спокойно, пока заря не разбудитъ и не выгонитъ ихъ изъ убѣжища.

Изъ Куинстоуна я ѣздилъ на пароходѣ, чтобы осмотрѣть другой конецъ озера, надъ которымъ подымаются самыя высокія горы и ледники этой цѣпи. Пароходъ утромъ отвезъ меня туда и въ тотъ же вечеръ доставилъ обратно. Гладкая поверхность озера сверкала на солнцѣ; какъ только мы вошли въ послѣдній изгибъ его, передъ нами открылась вся западная часть озера. Гора Ирнслау своими громадными размѣрами подавляетъ сосѣдей; другія горы, превышающія 8.000 футовъ, составляютъ для него только красивую рамку, изъ которой выдѣляются вершины и величественные ледники Ирнслау. Хотя онъ довольно далеко отстоитъ отъ озера, можно подумать, что онъ выступаетъ изъ самыхъ его водъ и склоняется къ нему, чтобы любоваться своимъ отраженіемъ въ его бирюзовыхъ водахъ. Два-три островка оживляютъ здѣсь Вакатипу; мы проходимъ мимо „Острова съ однимъ деревомъ", вершина котораго украшена одинокой пальмой; затѣмъ слѣдуетъ „Голубиный островъ", нѣсколько больше предыдущаго, весь покрытый такими же пальмами. Пароходъ останавливается на нѣсколько минутъ, чтобы высадить здѣсь рыбака съ неводомъ. Большія форели, которыми изобилуетъ озеро, не ловятся на удочку, и потому для поимки ихъ примѣняется этотъ хищническій способъ.

[1]) Около 3.000 метровъ высоты.

На оконечности Вакатипу стоятъ два селенія, отбивающія другъ у друга туристовъ, оба одинаковой величины: три-четыре дома и маленькая гостиница составляютъ всю деревню. Съ наступленіемъ зимы соперничество ихъ прекращается; повсюду господствуютъ безлюдіе, пустота; обѣ гостиницы стоятъ другъ противъ друга, на противоположныхъ берегахъ озера.

По возвращеніи насъ ожидалъ сюрпризъ. Когда часъ спустя мы всѣ собрались въ салонѣ гостиницы, въ ожиданіи обѣда, съ улицы раздался страшный шумъ, похожій на сильный порывъ вѣтра, смѣшанный съ глухими раскатами. Стекла задребезжали, стѣны затрещали, и сильный толчокъ всколыхнулъ съ чердака до подвала наше деревянное зданіе, перемѣстивъ всю мебель, распахнувъ двери и заставивъ скрипѣть связи дома. Землетрясенія часто бываютъ на обоихъ островахъ, поэтому и теперь, хотя оно было довольно сильно и продолжалось нѣсколько мгновеній, никто не испугался. Въ Новой Зеландіи давно уже перестали бояться такого пустяка, какъ колебанія почвы; всѣ такъ привыкли здѣсь къ вулканическимъ явленіямъ, что жители колоній удивились бы развѣ тогда, если бы въ одинъ прекрасный день землетрясеніе поглотило всю ихъ страну.

Нельзя себѣ представить большей противоположности, какъ эти два озера—Вакатипу, озеро туристовъ, и Манапури, дѣвственную пустыню. Здѣсь нѣтъ ни суровыхъ скалъ, ни голыхъ вершинъ: горные кряжи, подножія которыхъ омываются водами озера, покрыты до высоты 3—4.000 футовъ дѣвственными лѣсами, по большей части еще не изслѣдованными. Вдали нѣсколько островковъ, густо заросшихъ лѣсомъ, какъ будто плаваютъ по темно-синей водѣ. Съ одной стороны печальная горная цѣпь Татироя возвышается надъ закругленнымъ холмомъ, „Памятникомъ“, какъ его называютъ; противъ него, какъ бы выросшія изъ противоположнаго берега, поднимаются вершины „Собора“, дѣйствительно нѣсколько напоминающія колокольни громадной церкви. Горы Такитимо закрываютъ горизонтъ въ томъ направленіи, гдѣ течетъ рѣка Вайау, служащая стокомъ для озера. И всѣ эти скалы, горы, острова и мысы окутаны покрываломъ дѣвственнаго лѣса; человѣкъ едва пытается теперь робкой рукой приподнять это покрывало.

Этотъ видъ поразилъ меня, когда, на другой день моего пріѣзда, я открылъ окно, чтобы насладиться утреннимъ воздухомъ. Восходъ солнца на Манапури восхитителенъ: озеро и окружающія его вершины сверкаютъ золотистыми, лиловатыми и синеватыми красками, яркость которыхъ напоминаетъ крылья тропическихъ бабочекъ. Изъ гостиницы Манапури кажется почти круглымъ; островки скрываютъ его заливы, фіорды и извилины его береговъ. Для подробнаго изслѣдованія его въ распоряженіе путешественника предоставленъ маленькій пароходъ.

Однажды мы сѣли на „Титироа“, взявъ съ собой провизіи на цѣлый день. Это плохое, старое судно, величиной съ барку, немало послужившее на своемъ вѣку. Видъ его напоминаетъ первыя времена пароходства, когда, вѣроятно, онъ и былъ построенъ. Нашъ лоцманъ также имѣетъ видъ доисторическій, но, несмотря на преклонный возрастъ, онъ вѣрной рукой проводитъ насъ въ излучинахъ маленькаго залива къ бухтѣ, гдѣ мы останавливаемся и выходимъ на нѣсколько минутъ. Сизыя утки и нырки тотчасъ же подымаются съ берега, цѣлая семья черныхъ лебедей граціозно удаляется, скользя по волнамъ. Озеро образуетъ здѣсь родъ перешейка, покрытаго лѣсомъ до самой воды. Страшная сырость, обусловливаемая малою разницею въ уровняхъ воды и суши, способствуетъ росту папоротниковъ и лишаевъ; здѣсь можно также видѣть во множествѣ особаго рода нѣжный мохъ, чуть-чуть окрашенный въ розовый цвѣтъ и называемый „коралловымъ мхомъ“, такъ какъ онъ очень похожъ на кораллы.

Манапури раскидываетъ свои фіорды, какъ щупальцы. Своей глубиной и общимъ видомъ они очень напоминаютъ фіорды западнаго берега, къ которымъ они и направляются. На первый взглядъ кажется, что они могутъ соединяться съ океаномъ по ту сторону горъ. Но этого нѣтъ. Самый западный фіордъ Манапури не доходитъ нѣсколькихъ миль до фіорда Смита. Здѣсь есть множество проходовъ, черезъ которые можно пѣшкомъ добраться до западнаго берега; но установлено, что вездѣ между моремъ и озеромъ есть болѣе или менѣе широкая полоса земли, покрытая лѣсомъ.

Высокія горныя цѣпи какъ бы раздвигаются передъ нами, уступая мѣсто безчисленнымъ развѣтвленіямъ Манапури, и озеро безпрепятственно извивается, углубляется въ лѣса, суживается и снова расширяется, образуя обширные бассейны. Мы неожиданно поворачиваемъ подъ прямымъ угломъ и черезъ узкій проходъ проникаемъ во внутреннюю, совершенно круглую бухту: это Сефъ-Ковъ—прелестное мѣсто, гдѣ можно позавтракать и отдохнуть. Вокругъ насъ римусы, тоэ-тоэ, древовидные папоротники купаютъ свою листву въ водахъ бухты; сквозь небольшое отверстіе, ведущее въ бассейнъ, виднѣется часть Манапури, сверкающаго на солнцѣ. Но намъ безпрестанно приходится воевать съ мошкарой; эти насѣкомыя всегда водятся вблизи воды и лѣса. Они нападаютъ на насъ цѣлыми тучами; табачный дымъ отгоняетъ ихъ на нѣсколько минутъ, но затѣмъ они снова набрасываются на насъ съ еще большею яростью.

Къ концу нашей экскурсіи внезапно налетѣвшій вѣтеръ поднялъ небольшую бурю на озерѣ; пароходъ нашъ качаетъ и бросаетъ изъ стороны въ сторону во все время обратнаго пути, и волны заливаютъ палубу, но, къ счастью, никто изъ насъ не боится качки. Мало-по-малу

Фіордъ въ Новой Зеландіи.

густыя облака окутываютъ горныя вершины и озеро печальнымъ лиловатымъ покрываломъ. Темныя пятна тотарасовъ дѣвственныхъ лѣсовъ, покрывающихъ горы до самыхъ вершинъ, темнѣютъ еще мрачнѣе. Качаемыя вѣтромъ деревья въ желтомъ вечернемъ освѣщеніи все болѣе и болѣе принимаютъ человѣческіе образы: это черные призраки въ развѣвающихся длинныхъ плащахъ, печальныя вдовы въ траурныхъ вуаляхъ, простирающія руки къ небу... И каждый изъ насъ, прислушиваясь къ завыванію вѣтра, вспоминаетъ трогательную маорійскую легенду о Манапури—„озерѣ опечаленнаго сердца".

„Нѣкогда, во времена Нгатимамоэ, вѣтвь этого племени жила въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Вайау сливается съ Манапури. Вскорѣ послѣ того люди племени Нгатаху завладѣли островомъ; они напали на Нгатисмамоэ и многихъ изъ нихъ убили, но нѣкоторые остались живыми, и вслѣдствіе ихъ плача объ убитыхъ товарищахъ озеро получило названіе „Манавапури", т.-е. „озеро опечаленнаго сердца". Впослѣдствіи оставшіеся въ живыхъ Нгатимамоэ были оттѣснены къ востоку, но они не переставали мечтать о своей родинѣ, о Манавапури, и сложили жалобную пѣснь: „Глаза мои наполняются слезами, когда я снова вижу горы Такитимо и Манавапури. Я хотѣлъ бы быть маленькой птичкой, чтобы улетѣть. Я хотѣлъ бы имѣть крылья, чтобы улетѣть въ горы Манавапури!"

Те-Анау—другое озеро, скрытое въ горахъ и лѣсахъ на разстояніи миль 12 отъ Манапури. На южномъ берегу его мы находимъ небольшую гостиницу, гдѣ оставляемъ свои вещи, и пѣшкомъ разсчитываемъ добраться до залива Мильфорда на западномъ берегу и до знаменитаго водопада Сѣтерленда, черезъ дѣвственные лѣса, покрывающіе всю эту область. Въ такихъ путешествіяхъ нельзя затруднять себя лишними вещами. Нѣтъ надобности даже брать съ собой много съѣстныхъ припасовъ: по всему пути, по распоряженію правительства, выстроены домики, въ которыхъ можно получить чай, молоко и всевозможные консервы.

Мы переѣзжаемъ на прекрасномъ катерѣ озеро, длиною около 40 миль. На томъ берегу насъ встрѣчаетъ проводникъ, заранѣе предупрежденный о нашемъ прибытіи. Это образованный человѣкъ, вполнѣ заслуживающій довѣрія и могущій сообщить намъ множество подробностей о мѣстной флорѣ и фаунѣ.

У самаго озера—гостиница, гдѣ мы завтракаемъ, и въ 2 часа дня мы отправляемся въ путь. Мы углубляемся въ лѣсъ, подымаясь по правому берегу рѣки Клинтонъ. Рѣка эта течетъ на днѣ долины, сдавленной высокими скалистыми горами, вершины которыхъ часто покрыты снѣгомъ. Питаемая безчисленными водопадами, бѣгущими съ ледниковъ, она то несется быстрымъ потокомъ между гранитныхъ утесовъ, то гра-

ціозно извивается, расширяясь въ глубокіе бассейны, голубоватая вода которыхъ такъ прозрачна, что можно сосчитать на днѣ ея камни; кажется, точно жидкій хрусталь течетъ по серебрянымъ камешкамъ. Иногда видна большая форель, медленно плывущая противъ теченія вдоль тѣнистаго берега. Мягкія зимы, а въ особенности чрезвычайная влажность климата поддерживаютъ здѣсь вѣчную зелень. На западномъ берегу въ среднемъ выпадаетъ около 286 сантим. дождя въ годъ. Куда ни ступишь—проступаетъ вода; надо остерегаться ходить по мху, чтобы не завязнуть. Вы любуетесь чуднымъ, переливающимся ковромъ, раскинутымъ здѣсь повсюду,—и вдругъ чувствуете, что коверъ этотъ колеблется подъ тяжестью тѣла, и вы погружаетесь по колѣно въ болото. Проводникъ совѣтуетъ намъ ощупывать почву палкой, по мѣрѣ того, какъ какъ мы подвигаемся, чтобы хотя отчасти избѣжать этихъ проваловъ; тамъ, гдѣ разстилается вѣроломный мохъ, мы прыгаемъ съ камня на камень, съ одного бревна на другое. Но кто незнакомъ съ здѣшнимъ лѣсомъ, можетъ смѣло разсчитывать выкупаться нѣсколько разъ при первомъ посѣщеніи лѣса. Съ нами происходитъ то же самое. Иногда, думая ловко перескочить черезъ зыбкое мѣсто, мы прямо попадаемъ въ болото, и тогда приходится прыгать направо и налѣво, уподобляясь рѣзвящимся кенгуру.

Маленькія рѣчки, притоки Клинтона, задерживаютъ наше движеніе. Мы переходимъ ихъ по старымъ стволамъ деревьевъ, скользкимъ отъ воды и настолько тонкимъ, что нога едва умѣщается на нихъ. Но, пройдя съ полдюжины такихъ мостовъ, слѣдующіе вы переходите уже безъ труда и при нѣкоторомъ стараніи скоро научаетесь преодолѣвать препятствія и затрудненія, встрѣчающіяся въ лѣсу. Къ концу перваго уже дня наши шаги стали болѣе увѣренными, и каждый изъ насъ могъ отдаться тому особенному очарованію, присущему только новозеландскому лѣсу.

По богатству растительности дѣвственный лѣсъ Новой Зеландіи похожъ на тропическіе лѣса; тѣмъ не менѣе они отличаются другъ отъ друга, какъ тепличный цвѣтокъ отъ весенняго полевого цвѣтка Въ новозеландскомъ южномъ лѣсу нѣтъ ни хищныхъ звѣрей, ни ядовитыхъ змѣй; тамъ не встрѣчается даже ни одного четвероногаго животнаго. Единственные обитатели его—туземныя птицы, столь не привыкшія къ присутствію человѣка въ этихъ неизвѣданныхъ областяхъ, что онѣ еще не научились его бояться и спокойно подходятъ къ нему, какъ бы для того, чтобы разсмотрѣть его. Маленькіе цвѣточки, выглядывающіе изъ мха, окрашены самыми нѣжными тонами; но чѣмъ выше, тѣмъ они становятся блѣднѣе, образуя, наконецъ, подъ ногами бѣлый коверъ. Вѣчная зелень и крупные деревья и папоротники, плотная ткань ліанъ и косматые лишаи обнаруживаютъ такое богатство природы, о какихъ наша растительность не можетъ дать понятія.

Какъ изобразить или описать дѣвственный лѣсъ въ этой части Новой Зеландіи? Представьте себѣ, что всѣ эти римусы, тотаросы, огромныя хвойныя деревья, составляющія лѣса, сплетаютъ свою зелень въ плотную сѣть съ листвою ліанъ. Вообразите себѣ безчисленное множество папоротниковъ, растущихъ то кучками, то букетами, то вытягивающихся гигантскими снопами, чтобы на высотѣ 30—40 футовъ раскинуть свои зубчатые листья. Папоротники и мхи оспариваютъ другъ у друга первенство; мхи покрываютъ деревья, скалы, валежникъ, живыя растенія и упавшія деревья; подъ покровомъ толщиною въ футъ покоятся самые толстые стволы, погруженные въ зеленый атласъ; маленькіе папоротники въ пылу борьбы цѣпляются за древесныя вѣтви, прячутся въ скважины коры, заполняютъ расщелины скалъ; самые маленькіе изъ нихъ гнѣздятся въ чуть замѣтныхъ углубленіяхъ, возлѣ ручьевъ и прудовъ, образовавшихся отъ дождей, которыхъ почва уже не можетъ впитать, или же они смѣло выставляютъ изъ мха свои влажныя верхушки, поглощая стеблемъ и листьями живительную воду.

За нѣсколько минутъ до нашей остановки на ночлегъ, отстоящей миляхъ въ восьми отъ Те-Ануа, лѣсъ свѣтлѣетъ и образуетъ открытую поляну; здѣсь передъ нами растилается во всей ея красотѣ долина Клинтона въ мягкомъ вечернемъ свѣтѣ; обнаженныя гранитныя скалы окружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ; два ледника, называемые „Помполона", вздымаются надъ рѣкой, окрашенные голубоватыми тѣнями сумерокъ. Эти ледники питаютъ три каскада, не имѣвшихъ до сихъ поръ названія; мы украшаемъ ихъ нашими именами. Вблизи отъ Клинтона построена маленькая хижина, гдѣ мы устраиваемся на ночлегъ. Наши кровати сложены изъ досокъ, на которыя мы кладемъ матрацъ изъ свѣжихъ папоротниковъ.

Нашъ проводникъ поднялъ насъ въ половинѣ шестого. Пока онъ разводилъ огонь, чтобы заварить чай, мы всѣ спустились къ рѣкѣ и разбрелись по берегу, отыскивая мѣсто для купанья. Я скоро нахожу себѣ уютное мѣстечко, окруженное римусами со свѣшивающимися вѣтвями; глубина воды достаточна для плаванія, но температура кажется мнѣ ледяною. „Туи", заинтригованный моимъ появленіемъ, помѣщается на одинъ изъ римусовъ, испуская время отъ времени такіе же звуки, какъ звукъ падающей въ водоемъ капли. Все окружающее содѣйствуетъ здѣсь впечатлѣнію общей гармоніи: и частый призывъ птицы, и прозрачная, какъ голубой свѣтъ, рѣка, и легкій туманъ, плывущій между горъ, едва вырисовывающихъ на небѣ очертанія своихъ утесовъ и розовыхъ ледниковъ.

Еще не было семи часовъ, когда наши мѣшки были затянуты, и мы бодро отправились въ путь. Было довольно свѣжо; солнце, конечно, не успѣваетъ нагрѣть эту долину, окруженную со всѣхъ сторонъ высокими

горами; сырость лѣса здѣсь также способствуетъ поддержанію прохлады. Лѣсъ попрежнему представляетъ собою обширное болото, усѣянное ловушками въ видѣ расщелинъ и ямъ, наполненныхъ водой. Препятствіе въ новомъ родѣ задерживаетъ насъ на минуту: отвѣсная скала въ нѣсколько метровъ, съ которой намъ надо спуститься. Одинъ услужливый тотаросъ подставляетъ намъ для опоры свою толстую вѣтвь, и спускъ происходитъ благополучно.

При всякой остановкѣ происходитъ одно и то же: каждый вооружается ножемъ; всѣ выбиваются изъ силъ, отдирая отъ одежды репейникъ особаго вида, который подъ конецъ покрываетъ васъ плотной сѣткой: ткань исчезаетъ, превращаясь въ настоящую медвѣжью шкуру. Но едва мы принимаемся за дѣло, какъ налетаютъ тучи отвратительныхъ мошекъ, чтобы окончательно отравить намъ и безъ того скучное занятіе. Они забираются намъ въ носъ, тысячами жалятъ руки и на нѣсколько минутъ превращаютъ нашу жизнь въ адъ; только и слышны сердитые и отчаянные возгласы; приходится уступить имъ мѣсто, бѣжать и благодарить Бога, что движеніе вскорѣ ихъ разгоняетъ.

Мы перебираемся черезъ новыя рѣки по новымъ стволамъ; на одной изъ нихъ дерево, служащее мостомъ, слишкомъ тонко и гнется подъ тяжестью человѣка: чтобы избѣжать непріятнаго паденія въ потокъ, несущійся подъ этимъ импровизированнымъ мостомъ, мы осторожно переходимъ по одиночкѣ. На противоположномъ берегу насъ ожидаетъ века; она безъ страха продолжаетъ клевать около насъ. Такъ какъ мнѣ очень хотѣлось достать экземпляръ этой птицы, я прошу проводника словить мнѣ ее, и онъ дѣлаетъ это слѣдующимъ образомъ. Онъ срываетъ длинный стебель тоэ-тоэ, обрываетъ листья на концѣ и дѣлаетъ на немъ петлю; потомъ ложится на землю и осторожно приближаетъ эту ловушку къ птицѣ. Надо замѣтить, что нѣтъ болѣе любопытной птицы, чѣмъ века: жители лѣса остерегаются оставлять въ своихъ палаткахъ предметы, которые могли бы привлечь ея вниманіе, напр.: часы, кольца, вилки, ложки и т. п.; воровствомъ она превосходитъ сороку. Наша века также не устояла противъ гибельнаго стремленія потрогать клювомъ протянутое кольцо: черезъ секунду быстрымъ, какъ молнія, движеніемъ проводникъ накинулъ петлю ей на шею. Въ тотъ же вечеръ мы сняли съ нея шкурку.

Еще дальше мы идемъ мимо пруда, въ который капля за каплей стекаютъ маленькія струйки воды, просачиваясь по миріадамъ мелкихъ папоротниковъ и лишаевъ. Поверхность его отражаетъ стѣну скалы и ледникъ, свѣшивающійся надъ нашими головами. Тамъ спокойно полощутся сизыя утки; ихъ присутствіе указываетъ, что мы достигли уже значительной высоты, такъ какъ онѣ водятся преимущественно на возвышенныхъ мѣстахъ. Плавая, онѣ вытягиваютъ клювъ въ уровень съ

водой и глухо свистятъ; если подражать этому свисту, онѣ изумленно подымаютъ головы и мало-по-малу подплываютъ совсѣмъ близко къ берегу.

По утрамъ въ лѣсу можно видѣть всего больше птицъ и наслаждаться ихъ пѣніемъ. Послѣ полудня въ тишинѣ дѣвственнаго лѣса есть что-то удручающее; съ грустью вспоминается безпрерывное щебетаніе нашихъ лѣсныхъ пташекъ.

Туи первый привѣтствуетъ зарю своею звонкою пѣснью, подавая сигналъ къ концерту маленькихъ птичекъ. Затѣмъ все умолкаетъ. Единственные звуки, обнаруживающіе по временамъ животную жизнь, это— нескладный, хриплый крикъ, гортанный звукъ „кеа-кеа", доносящійся съ высоты. Съ наступленіемъ вечера туи тѣмъ же чистымъ голоскомъ прощается съ заходящимъ солнцемъ; раздается крикъ веки, похожій на клохтанье цецарки, а если въ окрестности водятся киви, ихъ слышно позднѣе, среди ночи, когда громко раздается ихъ протяжный свистъ.

Между тѣмъ почва подъ нашими ногами становится тверже; вмѣсто зеленѣющаго ковра изъ мховъ мы карабкаемся по обломкамъ скалъ. Къ часу дня мы достигаемъ конца долины, гдѣ разстилается красивое, синее, какъ сапфиръ, озеро; мы останавливаемся на его берегахъ позавтракать и отдохнуть, прежде чѣмъ начать восхожденіе къ проходу Макъ-Киннонъ.

Мы съ грустью покидаемъ прелестное озеро Минтара, по которому плаваютъ райскія утки, и перебираемся черезъ рѣку выше ея впаденія въ озеро. Дорога становится все болѣе и болѣе крутою; тяжесть нашего багажа вмѣстѣ съ усталостью затрудняютъ восхожденіе на гранитную стѣну. Лѣсъ рѣдѣетъ, и мы не можемъ уже, какъ прежде, опираться на вѣтви деревьевъ; мы медленно карабкаемся по скользкому граниту, цѣпляясь за малѣйшую неровность его. Характеръ растительности совершенно измѣнился; вокругъ насъ только одни цвѣты, желтые, оранжевые, бѣлые, покрывающіе склоны горъ: нѣсколько видовъ прелестно пахнущей вероники, горечавка, маорійскій лукъ, ромашка и крестовникъ. Мѣстами виднѣется туземный эдельвейсъ, похожій на европейскій, но гораздо болѣе мелкій; я нахожу также жирянку, странное, довольно часто встрѣчающееся въ Швейцаріи растеніе, пищу котораго составляютъ микроскопическія насѣкомыя: едва только мошка усядется на вѣнчикъ цвѣтка, лепестки его тотчасъ же смыкаются; насѣкомое поглощается и переваривается.

Наконецъ мы достигаемъ вершины прохода на высотѣ 3.500 футовъ. Благодаря ясной погодѣ, передъ нашими глазами открывается дивный видъ. Проходъ Макъ-Киннонъ господствуетъ надъ тремя долинами. На востокѣ видна долина Клинтона, извивающагося на тысячу футовъ ниже, среди огромныхъ каменныхъ утесовъ. Добравшись до края страшной пропасти, можно видѣть вдали хижину, изъ которой мы вышли

утромъ; озеро Минтара, величиною въ тарелку, виднѣется какъ разъ на днѣ пропасти, а водопады, берущіе начало въ ледникахъ, которые опоясываютъ ущелье, кажутся тонкими сталактитами, висящими на гранитныхъ стѣнахъ. На другомъ склонѣ открывающаяся бездна кажется еще глубже. Она дѣлится на двѣ долины и исчезаетъ, направляясь къ западу, между другими скалистыми и снѣжными горами. Въ одну изъ нихъ устремляется знаменитый водопадъ Сётерландъ, котораго отсюда не видно. Другая долина заканчивается фіордомъ Мильфордъ. Гранитныя подошвы горныхъ исполиновъ повсюду окутаны темною зеленью лѣсовъ, а вершины покрыты снѣгомъ. А наверху, господствуя надъ перекресткомъ долинъ, ущельемъ и цѣлой арміей окружающихъ его пиковъ, гора Нелиль-Рокъ своею остроконечной вершиной, на которую не ступала еще человѣческая нога, прорѣзываетъ облака прямой линіей въ полторы мили высоты.

Но мы должны, наконецъ, оторваться отъ этой панорамы; сорвавъ наскоро нѣсколько цвѣтовъ крестовника, образующихъ цѣлое желтое поле, мы начинаемъ спускаться съ западнаго склона, гораздо менѣе крутого, чѣмъ тотъ, по которому мы поднимались. Солнце еще не скрылось за горизонтомъ, когда показалась „Буковая хижина", гдѣ мы должны были ночевать.

Рано утромъ, на другой день, мы уже находимся въ пути къ водопаду Сётерланду, одному изъ самыхъ большихъ водопадовъ въ свѣтѣ. Впрочемъ, водопадъ Іоземита, въ Америкѣ, на нѣсколько метровъ выше: это, кажется, единственный соперникъ водопада Сётерланда. Этотъ послѣдній былъ открытъ нѣсколько лѣтъ назадъ изслѣдователемъ того же имени, живущимъ теперь у залива Мильфорда. Съ мѣста нашего ночлега водопадъ не виденъ, но, несмотря на двухмильное разстояніе, слышенъ его глухой гулъ. Дѣвственный лѣсъ долго заслоняетъ его отъ насъ; шумъ, сперва отдаленный, растетъ съ каждый минутой, становится оглушительнымъ и наконецъ превращается въ ревъ, въ громъ: мы выходимъ изъ лѣса, и передъ нами внезапно открывается громадная масса воды, падающая съ отвѣсной скалы, прямой, какъ стволъ гигантскаго дерева. Облака водяного пара ослѣпляютъ насъ еще на разстояніи 60 метровъ; если подойти ближе, брызги проникаютъ сквозь одежду. Водопадъ образуетъ три послѣдовательныхъ уступа; первый—на высотѣ 815 футовъ, второй—750 ф. и третій—338 ф., но послѣ большихъ дождей всѣ три части соединяются въ общую массу; на землю падаетъ одна струя съ шумомъ, похожимъ на пушечную пальбу; земля дрожитъ подъ страшнымъ ударомъ этого водяного столба, летящаго съ высоты 580 метровъ. Чтобы оцѣнить все величіе этого зрѣлища, надо сѣсть на нѣкоторомъ разстояніи: впечатлѣніе, производимое водопадомъ, становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше вы отъ него находитесь. Рамка здѣсь особенно ярко выдѣляетъ картину: съ одной стороны въ глубинѣ долины исполин-

ская водяная струя падаетъ между гранитными скалами, а напротивъ поднимается черное гладкое остріе горы Кестльрокъ, какъ будто природа нарочно помѣстила ихъ тутъ рядомъ, чтобы дать имъ возможность вѣчно созерцать другъ друга.

Мы снова возвращаемся къ хижинѣ, прежде чѣмъ идти дальше къ фіорду. Намъ осталось не болѣе 12 миль до Мильфордскаго залива, погода стоитъ попрежнему прекрасная—исключительно счастливый случай въ этой дождливой области. Мы идемъ вдоль рѣчки Артура, среди самой роскошной растительности. Попрежнему—безконечные древовидные папоротники; чтобы измѣрить одинъ изъ нихъ, мы срываемъ качающуюся надъ нами ваю съ листьями, серебристыми снизу и ярко-зелеными сверху. Длина ея больше 11 футовъ; между тѣмъ дерево, съ котораго мы ее сорвали, далеко не самое большое. Попрежнему насъ окружаютъ плауны и рѣдкіе пленчатолистные папоротники, покрывая плотною сѣткой стволы большихъ папоротниковъ; ихъ смѣняетъ любопытная порода такъ называемыхъ почечныхъ папоротниковъ, единственный листъ которыхъ имѣетъ форму почки. Въ тѣни, въ сырыхъ мѣстахъ, букетами растетъ папоротникъ, который мнѣ нравится больше всѣхъ: это „тодея“ или „султанъ принца Уэльскаго“; его плотные, граціозные и тяжелые листья похожи на страусовыя перья и отливаютъ на солнцѣ темно-синимъ цвѣтомъ.

Около полудня мы достигаемъ мѣста, гдѣ Артуръ становится судоходнымъ. Здѣсь мы находимъ у берега грубо сдѣланную лодку, на которой мѣстные жители обыкновенно отправляются, подобно намъ, къ фіорду, не забывая по возвращеніи привязать ее къ тому же мѣсту. Позавтракавъ, какъ всегда, консервами, мы садимся на лодку и спускаемся внизъ по рѣкѣ. Мѣстами русло ея такъ мелко, что намъ приходится выходить и тащить лодку вдоль берега, пробираясь сквозь тоэтоэ высотой въ 8 футовъ, папоротники и траву, до того мѣста, гдѣ теченіе становится медленнѣе, а рѣка—глубже.

Артуръ впадаетъ въ озеро и вытекаетъ изъ него съ противоположной стороны, по направленію къ фіорду. Мы переѣзжаемъ черезъ озеро Ада, длиной около 4 миль. Оно окружено деревьями; лѣсъ кажется растущимъ прямо изъ воды. Глазъ отдыхаетъ при видѣ зеленыхъ горъ послѣ голыхъ пиковъ и скалъ Клинтона, застывшихъ въ своей каменной неподвижности. Мы должны грести съ большою предосторожностью вслѣдствіе множества старыхъ древесныхъ стволовъ, упавшихъ нѣкогда изъ лѣса на дно озера; ихъ тѣмъ болѣе надо остерегаться, что очень часто они едва прикрыты водою, и лодка легко можетъ опрокинуться, если натолкнется на нихъ. Эти „змѣи“, какъ ихъ называютъ, представляютъ серьезную опасность для судоходства, и всюду, гдѣ онѣ засоряютъ воду, парусное судоходство почти невозможно.

Добравшись до конца озера Ада, мы снова идемъ пѣшкомъ милю или двѣ и снова садимся въ лодку, какъ только Артуръ, образующій здѣсь пѣнящіеся водовороты, успокоивается и опять течетъ спокойно. Теперь теченіе несетъ насъ къ фіорду; навстрѣчу намъ несется свѣжій соленый морской воздухъ; мы достигаемъ цѣли нашей экскурсіи. Римусы, свѣшивающіе справа и слѣва надъ нашимъ челнокомъ свои тяжелыя вѣтви, какъ будто привѣтствуютъ насъ, а восхитительныя крошечныя бѣлыя орхидеи (Dendrobium Cunninghami), выглядывающія изъ-за вербъ, дышатъ на насъ своимъ нѣжнымъ благоуханіемъ. Послѣднимъ поворотомъ Артуръ огибаетъ островокъ, на которомъ колышатся и гнутся отъ вѣтра тоэ-тоэ, и мы входимъ въ фіордъ Мильфордъ.

Кто бывалъ въ Норвегіи, пусть вспомнитъ ея картины; если въ частностяхъ норвежскіе фіорды и новозеландскіе „заливы" и отличаются другъ отъ друга, то общій видъ ихъ чрезвычайно сходенъ. Мы находимся въ большомъ внутреннемъ озерѣ, берега котораго изрѣзаны заливами и бухтами; на востокѣ видѣнъ Ширдоунъ, отвѣсная гранитная стѣна; какъ разъ напротивъ мы различаемъ входъ въ фіордъ: узкій проходъ шириной въ 5—6 миль, уходящій между крутыхъ горъ къ океану, маленькій уголокъ котораго сверкаетъ на горизонтѣ, какъ клочокъ неба, видимый черезъ слуховое окно. Открываясь въ сторону „залива", узкій проходъ неожиданно оканчивается и соединяется съ моремъ между двумя одиноко стоящими пиками. На югѣ вершина Митры— огромный конусъ въ 5.500 футовъ, на сѣверѣ—пикъ Пемброкъ въ 7.000 футовъ, опирающійся всей своей массой на вершину Льва и скрывающій свои обширные склоны подъ ледникомъ, который спускается къ озеру. Возможно, что эти горы подъ водой продолжаются на глубину, равную ихъ высотѣ; большія суда принуждены причаливать съ помощью каната, прикрѣпленнаго къ береговымъ деревьямъ, якорь же бросать безполезно: онъ нигдѣ не достигаетъ дна.

Можно подумать, что гранитныя стѣны, окружающія фіордъ, нѣкогда были раздвинуты невѣдомой силой, что какой-нибудь переворотъ вырылъ среди нихъ эту бездну, въ которую ринулся океанъ. Отвѣсныя пропасти, крутые склоны, камни—все сплошь покрыто большими деревьями, папоротниками и лишаями. Безчисленные ручейки обмываютъ горы серебристой сѣткой. На траурныхъ тотарасахъ, полощущихся вѣтвями въ фіордѣ, висятъ, какъ длинныя вуали, черные мхи, составляя рѣзкій контрастъ со сверкающею зеленью папоротниковъ и рельефно выдѣляя яркій пурпуръ цвѣтущихъ „раша". Два водопада сбѣгаютъ къ заливу съ высоты болѣе чѣмъ 500 футовъ; водопадъ Бовена описываетъ изящную дугу и потомъ съ ревомъ отвѣсно падаетъ въ воду; но онъ едва замѣтенъ среди поразительнаго нагроможденія всѣхъ этихъ скалъ, вершинъ, ледниковъ и потоковъ.

На островахъ Индѣйскаго океана.

(К. Куна.)

Послѣ того, какъ мы вечеромъ 29-го декабря потеряли изъ вида Кергуэльскіе острова, поднялась бурная погода и побѣжали высокія волны отъ запада и сѣверо-запада. Судно наше претерпѣвало сильнѣйшую качку, вѣтеръ постепенно крѣпчалъ и достигъ къ полудню 30 декабря 10 балловъ. При этомъ замѣчалось повышеніе температуры, несмотря на то, что солнце лишь время отъ времени прорывало облака и освѣщало зеленоватое море и огромныя волны. Тучи черныхъ буревѣстниковъ вмѣстѣ съ многочисленными гигантскими альбатросами сопровождали насъ.

31-го декабря западный вѣтеръ развелъ такое сильное волненіе, что около 10-ти часовъ утра мы были принуждены повернуть носомъ противъ вѣтра и держаться противъ волны. О какихъ-либо работахъ нечего было и думать. Грязновато-зеленая вода, имѣвшая температуру въ 4—4,5°, чередовалась временами съ чисто голубыми полосами теплой воды въ 7,6—9,4° С. Наступающій Новый годъ намъ пришлось встрѣчать среди бури.

Только вечеромъ 2-го января, послѣ нѣсколькихъ сильныхъ порывовъ, сѣверный вѣтеръ перемѣнился на западо-юго-западный и значительно ослабѣлъ, уменьшилось и волненіе. Раннимъ утромъ 3-го января зоркій глазъ нашего капитана замѣтилъ на горизонтѣ уединенно лежащій вулканическій островъ св. Павла. Съ разсвѣтомъ небо прояснилось и волненіе утихло. Около 8-ми часовъ загремѣли наши якорныя цѣпи около входа во внутреннюю лагуну кратера, и мы отправились на берегъ, чтобы познакомиться съ этимъ островомъ, лежащимъ посреди Индѣйскаго океана въ разстояніи 3.150 морскихъ миль отъ Мыса Доброй Надежды и отъ береговъ Австраліи.

Островъ св. Павла походитъ по формѣ на подкову, отверстіе которой обращено къ сѣверо-востоку. Онъ образованъ вулканомъ, около одной трети конуса котораго погрузилось на восточной сторонѣ въ море. Если смотрѣть съ восточной стороны, островъ кажется обширнымъ амфитеатромъ, въ который ведетъ лишь узкій проходъ. Мелководный барьеръ преграждаетъ доступъ въ глубокій бассейнъ, который со всѣхъ сторонъ окруженъ круто падающими стѣнами, достигающими 270 метровъ въ вышину. Напоръ волнъ прорвалъ его середину и образовалъ проходъ, къ сожалѣнію недостаточно глубокій, чтобы могли входить большія суда.

Когда мы приблизились къ острову, мы замѣтили, что на сѣверномъ концѣ барьера кто-то машетъ французскимъ флагомъ. Вскорѣ мы разглядѣли нѣсколько человѣкъ, которые встрѣтили насъ, когда мы выса-

дились, со свойственною французамъ любезностью и предупредительностью. Это былъ рыбопромышленникъ съ острововъ Таити, который вмѣстѣ со своимъ сыномъ и командой изъ 20 негровъ и малайцевъ занимается здѣсь рыболовствомъ.

Рыболовная двухмачтовая шхуна стояла внутри кратера, недалеко отъ очень просто устроенныхъ каменныхъ домиковъ, въ которыхъ жили рыболовы. Впервые послѣ двухъ мѣсяцевъ мы встрѣтили опять постороннихъ людей, которые также со своей стороны были очень довольны, что однообразное существованіе ихъ было прервано хоть на нѣсколько часовъ нѣкоторымъ развлеченіемъ.

Островъ св. Павла, такъ же какъ и островъ Новый Амстердамъ, чрезвычайно богатъ рыбой. Здѣсь ловятся крупныя рыбы; онѣ солятся и отправляются на островъ св. Маврикія и острова Товарищества. Насъ поразила, съ какою тщательностью и чистоплотностью производится засолка рыбы. Рыбы совершенно не обладали запахомъ, что зависѣло, главнымъ образомъ, отъ того, что черезъ два дня послѣ засаливанія онѣ подвергались прессованію, чтобы извлечь весь жиръ.

Хотя какъ разъ во время нашего посѣщенія наступило время, несмотря на хорошую погоду неблагопріятное для рыбной ловли, командѣ нашей все же удалось въ короткое время добыть съ борта корабля на крючокъ большое количество очень вкусныхъ рыбъ. Внутри бассейна кратера наши рыбаки добыли множество превосходныхъ лангустовъ, которые понравились рѣшительно всѣмъ изъ нашей каютъ-компаніи.

Колонисты острова св. Павла также снабдили насъ большимъ количествомъ свѣжей рыбы и лангустовъ и, въ свою очередь, приняли съ большою благодарностью отъ насъ сигары, табакъ и красное вино. Можно было подумать, что мы перенеслись въ отдаленныя времена мѣновой торговли, когда продаваемый товаръ въ глазахъ продавца не имѣлъ никакой цѣны, но зато тѣмъ болѣе цѣненъ для него былъ товаръ вымѣниваемый.

У берега моря, какъ на сѣверномъ концѣ барьера, такъ и въ пяти минутахъ ходьбы оттуда, на берегу кратера встрѣчаются въ качествѣ свидѣтелей неисчезнувшей еще вулканической дѣятельности—теплые ключи, въ которыхъ обитатели острова варятъ свою рыбу и раковъ. Насъ поразило, что, несмотря на высокую температуру, камни водоемовъ, заключавшихъ горячую воду, были покрыты зелеными водорослями. Въ береговой полосѣ обильно разрастались красныя водоросли, тогда какъ передъ входомъ въ кратеръ виднѣлась широкая полоса фукусовъ. Довольно грустное настроеніе навѣваетъ цѣлый рядъ могилъ, находящихся за барьеромъ,—надписи на нихъ уже большей частью стерты.

Растительность острова св. Павла въ общемъ мало характерна: кустарниковъ и деревьевъ нѣтъ совершенно, но зато стѣны амфитеатра покрыты высокими кустами травы, мятлика и камыша, за которые легко

держаться, когда взбираешься наверхъ. Между этими злаками разстилается коверъ изъ мховъ и печеночниковъ, а между ними бросается въ глаза распространенная по всему свѣту старая знакомая маршанція. Ближе къ краю кратера встрѣчаются папоротники.

Съ вершины кратера открывается видъ, поражающій своимъ величіемъ и врядъ ли имѣющій гдѣ-либо себѣ равный. Отвѣсно спускаются стѣны амфитеатра къ гладкому, какъ зеркало, и спокойному внутреннему бассейну. Стѣны эти зеленоваты, благодаря высокимъ пучкамъ травы, и лишь кое-гдѣ проглядываютъ сѣрые или красноватые слои пепла, базальта и лавы. Обрывъ такъ крутъ, что, кажется, можно докинуть камнемъ до стоящей въ кратерѣ шкуны или до крышъ четырехъ домиковъ, пріютившихся у бухты. Несмотря на то, что море спокойно, длинныя волны прибоя все же непрерывно разбиваются о барьеръ и опоясываютъ островъ каймой бѣлой пѣны.

Подъ ногами разстилается безконечное пространство Индѣйскаго океана, и взоръ находитъ себѣ точку опоры лишь на нашемъ красивомъ суднѣ, стоящемъ на якорѣ.

Когда поднимаешься на стѣны кратера, цѣпляясь за траву, и доберешься примѣрно до середины, то не мало поражаетъ поднимающихся многоголосый крикъ. Взобравшись выше, встрѣчаешь огромное, пестрое общество пингвиновъ. Тысячи птенцовъ находились какъ разъ въ это время въ періодѣ линьки и производили впечатлѣніе какъ бы выѣденныхъ молью, кругомъ нихъ летали въ воздухѣ цѣлыя тучи перьевъ и пуха, какъ хлопья снѣга. Нерѣдко цѣлая компанія пингвиновъ устремлялась впередъ и вторгалась въ область, занятую другими пингвинами,—тотчасъ же начинался неописуемый крикъ, сыпались во всѣ стороны удары клювами, и непрошенные гости снова изгонялись.

Удивительно, какъ много труда затрачиваютъ пингвины при постоянныхъ спускахъ и подъемахъ по скаламъ. Явственно замѣтны тропинки, протоптанныя ими въ теченіе столѣтій,—по нимъ пингвины спускаются съ высоты къ морскому берегу и затѣмъ опять поднимаются наверхъ, съ большимъ трудомъ неся добычу въ зобу. Птенцы были чрезвычайно жирны, такъ что мы невольно прониклись уваженіемъ къ заботамъ старшихъ пингвиновъ, которые все время то спускаются съ горы, то поднимаются и приносятъ своимъ птенцамъ пищу. При кормленіи птенцовъ они держатся далеко одинъ отъ другого и всегда соблюдаютъ, чтобы не толклись около чужіе птенцы. Пріѣзжающіе сюда рыбаки не ѣдятъ яицъ ни пингвиновъ, ни ихъ мяса, тѣмъ болѣе, что имъ доставляютъ достаточно мясныхъ продуктовъ выпущенные на островъ и одичавшіе кролики.

Какъ ни живописенъ видъ съ вулкана острова св. Павла, все же нельзя особенно позавидовать постояннымъ обитателямъ этого островка, имѣющаго лишь 3 морскія мили въ діаметрѣ. Здѣсь нѣтъ ни одного де-

ревца, дающаго тѣнь, ни одного журчащаго ручья; въ теченіе южной зимы здѣсь завываютъ бури, образуютъ вихри внутри вулканической воронки и разводятъ страшную волну въ бассейнѣ кратера. По цѣлымъ днямъ приходится сидѣть обитателямъ въ своихъ каменныхъ лачугахъ, у которыхъ вѣтеръ нерѣдко срываетъ крыши; ничто не нарушаетъ однообразія ихъ существованія. Бассейнъ кратера недоступенъ для крупныхъ судовъ, добываніе прѣсной воды здѣсь затруднительно, и потому суда, направляющіяся въ Австралію или въ Остъ-Индію, не заходятъ на островъ св. Павла. Единственное развлеченіе для постоянныхъ жителей острова — это, когда вдали покажется парусъ или дымокъ парохода, и, какъ свѣтлыя точки, сохраняются въ ихъ памяти среди однообразнаго фона повседневной жизни посѣщенія судовъ научныхъ экспедицій. Въ 2 часа пополудни мы подняли якорь и отправились далѣе.

Ночь была ясная и звѣздная, при совершенно спокойной погодѣ, и мы остановились въ виду острова Новаго Амстердама, такъ какъ предполагали слѣдующимъ утромъ произвести около него нѣкоторыя работы. Когда мы подошли съ разсвѣтомъ къ острову, мы имѣли рѣдкій случай видѣть его совершенно свободнымъ отъ облаковъ, море въ то же время было гладко, какъ зеркало.

Надъ островомъ выдается постепенно поднимающійся вулканическій конусъ въ 920 метровъ вышины, на которомъ замѣтно лишь небольшое отверстіе кратера. Кромѣ того, уже издали замѣтны многочисленные второстепенные конусы, которыхъ при приближеніи къ острову съ сѣверо-востока насчитывается не менѣе 8. Здѣсь, какъ и на о-вѣ св. Павла, французы поставили въ 1893 г. флагштокъ и устроили складъ провіанта. Подойдя на 4 мили къ острову, мы направились прямо къ берегу, чтобы попытаться высадиться.

Уже издали мы замѣтили на обрывахъ множество черныхъ и красноватыхъ точекъ, разсѣянныхъ по склонамъ и двигавшихся. Мы терялись въ догадкахъ, что онѣ изъ себя представляютъ, тѣмъ болѣе, что ни въ одномъ изъ путешествій не упоминалось о существованіи здѣсь крупныхъ наземныхъ животныхъ. Наше изумленіе было велико, когда, подойдя ближе, мы замѣтили, что это стада быковъ, пасшіяся какъ вблизи береговъ, такъ и выше по склонамъ. Одинъ коричневый быкъ занялъ позицію около флагштока, съ изумленіемъ глядѣлъ на пароходъ и билъ себя хвостомъ по бедрамъ. Къ встрѣчѣ съ такимъ внушающимъ уваженіе защитникомъ французскаго трехцвѣтнаго флага противъ германскихъ пришельцевъ мы совершенно не были подготовлены! Оба нашихъ лучшихъ стрѣлка, первый помощникъ и штурманъ, горѣли желаніемъ поохотиться. Никто не оспаривалъ ихъ права перваго выстрѣла, мы спустили лодку и удачно пристали къ острову. Прячась за обломки скалъ, старшій помощникъ началъ подкрадываться къ быку, находившемуся въ 100 мет-

рахъ отъ берега, и выстрѣлилъ. Надо думать, что вслѣдствіе волненія, охватившаго стрѣлка, такъ же какъ и зрителей на пароходѣ, пуля его, миновавъ быка, ударилась въ скалу вулканическаго туфа, и точно такъ же пролетѣла и вторая. Тогда однако положеніе сдѣлалось критическимъ,—быкъ нагнулъ голову впередъ и направился къ своему противнику; лишь послѣ третьяго выстрѣла онъ остановился, и затѣмъ медленно, съ сознаніемъ одержанной побѣды, возвратился не торопясь къ коровамъ и телятамъ, которые уже давно убѣжали внутрь острова.

Штурманъ началъ подкрадываться ко второму огромному черному быку, котораго мы наблюдали уже болѣе часа. Ему удалось подъ прикрытіемъ обломковъ скалъ подкрасться къ животному и удачнымъ выстрѣломъ подъ лопатку повалить его на землю. Раздалось громкое „ура", но въ этотъ же самый моментъ быкъ опять поднялся на ноги, подбросилъ рогами нѣсколько обломковъ лавы въ вышину и напалъ на одного изъ матросовъ, который преждевременно подскочилъ къ нему слишкомъ близко. Счастіе еще, что во-время раздался второй выстрѣлъ, окончательно убившій животное.

Команда принялась сдирать шкуру по всѣмъ правиламъ искусства и перетаскивать пудовые куски мяса на берегъ. Всеобщее изумленіе возбуждала длинная мохнатая шерсть животнаго и длинная кисть на концѣ хвоста, а также и черепъ съ огромными рогами.

На слѣдующій день мы имѣли удовольствіе, какого давно уже были лишены: именно, ѣли свѣжія котлеты; надо, впрочемъ, сознаться, что врядъ ли кому приходилось дѣлать котлеты изъ такого жесткаго мяса. Послѣ описаннаго боя съ быками путь былъ очищенъ для болѣе подробного ознокомленія съ островомъ. Вся поверхность его покрыта огромными вулканическими бомбами, которыя дѣлаютъ хожденіе по острову чрезвычайно затруднительнымъ и нерѣдко небезопаснымъ. Насколько трудно передвигаться по острову, можно судить по слѣдующему примѣру. 24-го августа 1853 г. около Новаго Амстердама разбилось англійское судно „Меридіанъ". Случайно проходившій китобой замѣтилъ сигнальный огонь, разложенный на островѣ потерпѣвшими крушеніе, но благодаря сильному прибою не могъ ихъ взять. Сигналами дали имъ понять, чтобы они съ южнаго берега перешли на сѣверо-восточную сторону острова, гдѣ ихъ возьмутъ шлюпки. Несмотря на то, что островъ имѣетъ всего лишь 5 морскихъ миль въ ширину, несчастнымъ понадобилось не менѣе пяти дней, чтобы добраться до того мѣста, гдѣ и мы устроили нашу высадку.

Всюду зіяютъ черныя отверстія, въ которыя легко проваливается нога; приходится радоваться, когда отъ времени до времени попадетъ подъ ноги гладкая базальтовая поверхность, дающая твердую опору. Нерѣдко края базальтовыхъ покрововъ свѣшиваются и образуютъ глубокіе гроты,

въ которыхъ можно найти защиту отъ непогоды. Вулканическая природа острова сказывается уже издали присутствіемъ черноватыхъ вулканическихъ конусовъ, которые встрѣчаются всюду, какъ вблизи берега, такъ и по бокамъ главнаго конуса. Два ближайшихъ конуса, расположенныхъ выше флагштока, недалеко отъ мѣста высадки, составляли цѣль нашей прогулки. Они оказались сложенными изъ черныхъ бомбъ и шлаковъ чрезвычайно правильной формы и настолько мало разложившихся, что это указываетъ, несомнѣнно, на недавность изверженія.

Природа носила отпечатокъ мрачной пустыни, скрашиваемой лишь богатой травяной растительностью, настоящимъ ковромъ травы. Болѣе всего бросаются въ глаза встрѣчающіеся и на островѣ св. Павла кусты мятлика и камыша, достигающіе половины человѣческаго роста; ближе къ берегу они замѣщаются другимъ красивымъ злакомъ. Между травами произрастаютъ папоротники. Особенно во впадинахъ, хорошо защищенныхъ со всѣхъ сторонъ обломками вулканическихъ породъ, мы находили прямо великолѣпные экземпляры папоротника, листья котораго достигали въ вышину полутора метра. Съ большою радостью встрѣтили мы здѣсь опять впервые низкое деревцо, которое, какъ это ни странно, встрѣчается еще на островѣ Тристанъ-д'Акунья, одиноко лежащемъ въ южномъ Атлантическомъ океанѣ. Деревца эти то стоятъ въ одиночку, то собраны въ небольшія рощицы.

Нигдѣ въ окрестностяхъ мы не замѣтили текущей воды. Прежніе посѣтители острова сообщаютъ, правда, что она имѣется на южной сторонѣ острова, и, разумѣется, существованіе быковъ было бы совершенно необъяснимо, если бы лѣтомъ прѣсная вода здѣсь совершенно изсякала.

Пробывъ на островѣ 4 часа, мы подняли въ 3 часа дня якорь. Кто-то изъ бывшихъ на островѣ, очевидно, неосторожно обращался съ огнемъ, и мы замѣтили, что сухіе кусты травы выше мѣста нашей высадки загорѣлись. Этотъ степной пожаръ, подхваченный вѣтромъ, сталъ распространяться, и на островѣ поднимались густыя облака дыма, а издали можно было подумать, что происходитъ вулканическое изверженіе.

Покинувъ Новый Амстердамъ, мы взяли нашъ курсъ нѣсколько на сѣверо-востокъ. Послѣ тѣхъ бурныхъ дней, которые мы провели до прихода къ островамъ св. Павла и Новому Амстердаму, мы съ необыкновеннымъ удовольствіемъ видѣли, что солнце не сходитъ съ постоянно голубого неба. Правда, одновременно повысилась чрезвычайно быстро и температура, такъ что мы 9-го января имѣли уже 21,5°, а черезъ недѣлю и настоящую тропическую жару въ 28°. Вскорѣ на палубѣ опять начали устраивать души, не было больше никакого влеченія къ согрѣвающему грогу, пришлось извлечь тентъ, и вечера проводились на палубѣ, при чемъ можно было любоваться неописуемой роскошью южнаго звѣзднаго неба. Облака Магеллана явственно выдѣлялись направо отъ

Млечнаго Пути, точно такъ же рѣзко обрисовывалось лишенное звѣздъ поле между Южнымъ Крестомъ и Млечнымъ Путемъ,—такъ называемый „мѣшокъ съ углями“, и съ особымъ великолѣпіемъ блисталъ Оріонъ.

Поверхность моря была гладка, какъ зеркало, и покрылась 5 января животными, которыя въ подантарктическихъ водахъ совершенно отсутствовали. Мелкія и крупныя физаліи колыхались на поверхности моря, перемѣшанныя съ синими парусниками; къ нимъ присоединялись радіоляріи, сифонофоры, сальпы и небесно-голубые крабы, которые тщательно обыскивали борта нашего судна. Чрезвычайно интересное зрѣлище наблюдали мы 6-го и 7-го января: цѣлые длиннѣйшіе ряды альбатросовъ сидѣли на поверхности моря и поднимались съ нея, лишь когда нашъ пароходъ подходилъ къ нимъ слишкомъ близко. Мнѣ удалось подстрѣлить 4 изъ нихъ съ лодки; это были великолѣпныя птицы съ черными крыльями, которыя рѣзко выдѣлялись на снѣжно-бѣломъ тѣлѣ, темный клювъ ихъ на верхней сторонѣ имѣлъ красновато-желтую полосу. Очевидно, птицы эти собирались въ такія огромныя стаи, чтобы отправляться на свои гнѣздовья.

Покинувъ эту колонію альбатросовъ, мы замѣтили позднѣе, что жизнь пернатаго царства вокругъ нашего судна чрезвычайно быстро стала убывать.

Подъ 27° шир. мы попали въ область юго-восточнаго пассата, первоначально слабаго, затѣмъ разыгравшагося въ бурю и въ теченіе нѣсколькихъ дней мѣшавшаго намъ производить болѣе сложныя работы.

ПОЛЯРНЫЯ СТРАНЫ.

Въ Антарктическомъ океанѣ.

(К. Куна.)

Во вторникъ 13-го декабря „Вальдивія“ находилась на точкѣ пересѣченія 60° южн. шир. и 50° вост. долг. Къ вечеру засвѣжѣлъ восточный вѣтеръ и поднялась сильная снѣжная метель, покрывшая наше судно толстымъ слоемъ снѣга.

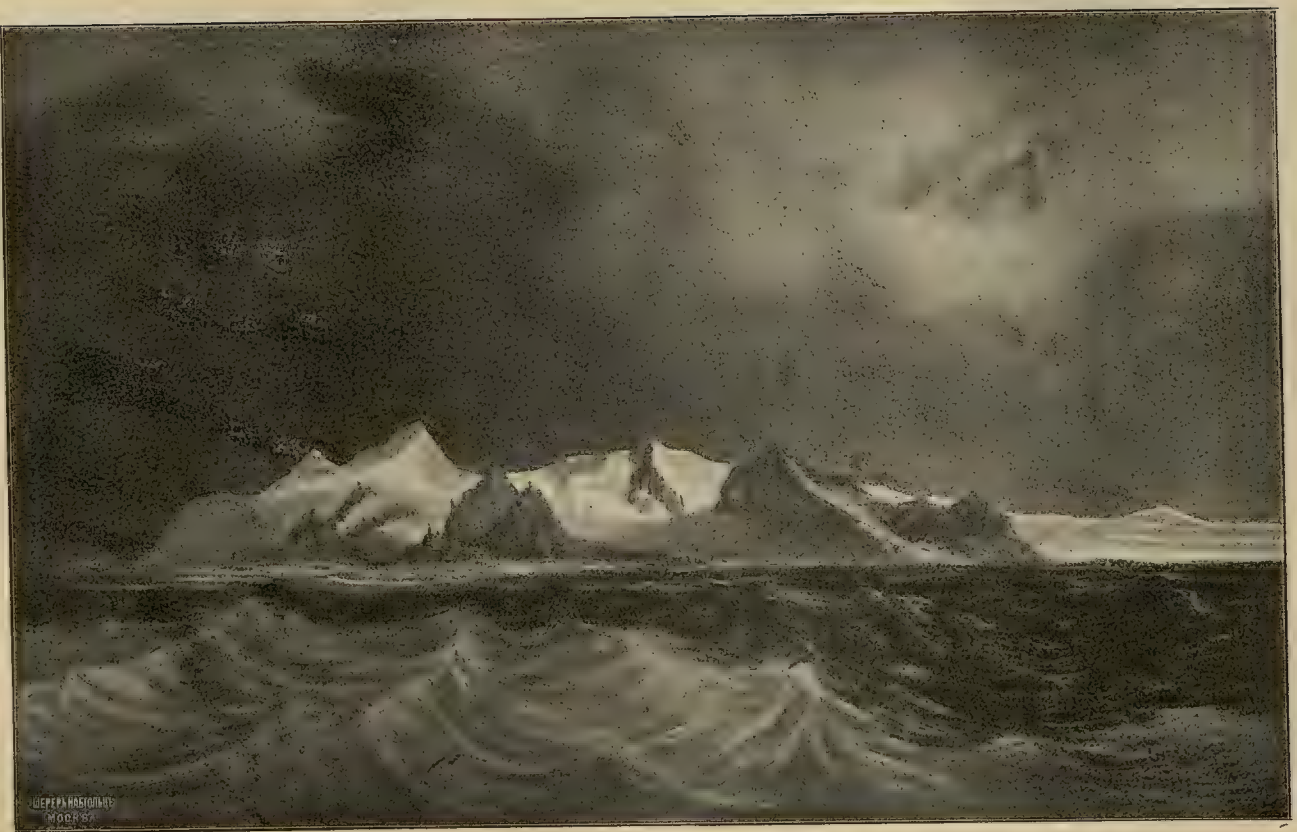
На слѣдующій день около 2 часовъ пополудни мы приблизились къ пловучему льду, и это заставило насъ повернуть на сѣверо-востокъ; впрочемъ, вскорѣ мы потеряли опять ледъ изъ вида и могли продолжать придерживаться нашего прежняго курса. Какъ разъ въ той части моря, куда мы теперь попали, граница пловучихъ льдовъ, описывая острый уголъ, отступаетъ далеко на югъ. Объясненіе этому можетъ быть лишь въ томъ, что здѣсь оказываетъ свое вліяніе нѣсколько болѣе теплое теченіе, направляющееся отъ Кергуэльскихъ острововъ къ югу.

Поэтому, когда утромъ 14-го декабря мы увидѣли на югъ отъ себя свободное отъ льда море, явился вопросъ, не сдѣлать ли попытку еще разъ направиться прямо къ югу.

Мы рѣшили попытаться, и въ 6 часовъ утра взяли курсъ прямо на югъ.

Въ теченіе 14-го декабря попытка наша казалась много обѣщающей. За ночь вѣтеръ совершенно улегся, воздухъ оставался сравнительно прозрачнымъ, и лишь около полуночи спустился туманъ, который заставилъ насъ идти съ большой осторожностью и отъ времени до времени останавливать машину, такъ какъ въ этотъ день намъ повстрѣчалось не менѣе 14 ледяныхъ горъ. Первыя встрѣтившіяся горы были малы и являлись, очевидно, сильно обтаявшими; въ 9 час. утра однако мы миновали гигантскую гору, вышиною въ 54 метра при длинѣ въ 575 метровъ. 15-го декабря мы уже перешли 62° юж. шир. Намъ опять попадались навстрѣчу разложившіяся ледяныя горы и нѣсколько болѣе крупныхъ, но закругленныхъ льдинъ, которыя лишь немного выдавались надъ поверхностью моря.

Температура поверхностныхъ слоевъ воды опустилась до 1,5°, и съ нею вмѣстѣ понизилась и температура воздуха. Въ теченіе всего послѣобѣденнаго времени падала какая-то снѣжная пыль и вмѣстѣ съ тѣмъ наши мачты и снасти покрылись ледяной корой въ 2 сант. толщиной. Кора эта иногда отваливалась большими кусками, такъ что по палубѣ

Въ Антарктическомъ океанѣ.

надо было ходить съ осторожностью. Движеніе впередъ облегчалось намъ тѣмъ, что ночью, несмотря на облачное небо, было свѣтло почти какъ днемъ. О снѣ всѣ думали мало и лишь на часъ, другой спускались къ себѣ въ каюты. Когда вечеромъ 15-го декабря я пошелъ отдохнуть, стали чаще попадаться крупныя льдины. Около часу ночи капитанъ велѣлъ меня разбудить, такъ какъ мы находились уже посреди пловучаго льда. Когда я вышелъ на палубу, передо мной развернулась картина, которой я никогда не забуду: всюду на горизонтѣ торчали ледяныя горы, тогда какъ наше судно было со всѣхъ сторонъ окружено льдинами въ 15—20 метровъ шириною, — онѣ дѣлали дальнѣйшее движеніе впередъ совершенно невозможнымъ. Мы находились подъ 64° 19,3′ ю. ш. и 54° 31,4′ вост. долг. Это была самая южная точка, которой намъ удалось достигнуть.

Пока мы измѣряли въ этомъ мѣстѣ глубину, тяжелыя и огромныя льдины надвигались на самое судно и могли оборвать проволоку, такъ что матросы должны были отпихивать ихъ шестами. Намъ приходилось теперь выбираться изъ льда. „Вальдивія“ повернула на сѣверъ и, лавируя между льдинами, медленно подвигалась впередъ. Подъ утро ледъ порѣдѣлъ и у насъ отлегло отъ сердца.

Судьба какъ будто хотѣла вознаградить насъ за перенесенные въ послѣдніе дни труды и лишенія и подарила насъ днемъ, какой рѣдко выпадаетъ въ антарктическихъ водахъ на долю мореплавателей. Ночью на 17-е декабря вѣтеръ совершенно улегся и барометръ продолжалъ подниматься. Ночь была свѣтлая какъ день, и мы плыли по морю, какъ по Эльбѣ. Однако на слѣдующій день утромъ показался сплошной пловучій ледъ, и яркій отблескъ на горизонтѣ убѣдилъ насъ въ томъ, что въ этомъ направленіи мы никоимъ образомъ не могли бы пробраться. Около 8 часовъ утра солнце на нѣсколько мгновеній прорвало завѣсу облаковъ, въ остальное же время все небо было обложено сѣрыми облаками и отъ времени до времени поднималась снѣжная метель.

Этому суровому и однообразному ландшафту придавали большое оживленіе птицы. Сѣрые альбатросы плавно носились надъ морскою поверхностью, усѣянною льдинами. Въ большинствѣ случаевъ они носились по два или по три, рѣдко количество ихъ доходило до 9 — 10. Въ теченіе часовъ и даже дней слѣдовали они за нашимъ судномъ безъ малѣйшей усталости. Лишь рѣдко производятъ они ударъ крыльями, обыкновенно же несутся безъ малѣйшаго движенія, только поворачивая тѣло то нѣсколько наклонно, то почти набокъ. Ни одна изъ антарктическихъ птицъ не приковываетъ къ себѣ такъ вниманіе, какъ эти неутомимые пловцы въ воздушномъ океанѣ! Иногда они приближались къ мостику такъ близко, что, казалось, ихъ можно схватить руками, и при этомъ внимательно смотрѣли своими глазами, блестѣвшими

на сѣромъ фонѣ головы. Изслѣдованіе содержимаго желудка показало, что сѣрые альбатросы питаются преимущественно головоногими моллюсками и ракообразными, но не брезгаютъ и мелкими птицами. Когда судно наше стояло безъ движенія, они нерѣдко опускались на поверхность воды и жадно хватали всѣ судовые отбросы. Они не брезгали и трупами сотоварищей, застрѣленныхъ нами, и растерзывали ихъ прежде, чѣмъ спущенная лодка успѣвала подобрать плавающій на поверхности воды трупъ. Другіе виды альбатроса давно уже не попадались намъ. Изъ настоящихъ буревѣстниковъ за нами слѣдовали вдоль границы льдовъ гигантскій антарктическій, ледяной и сизый буревѣстники. Оба первыхъ вида избираютъ райономъ своей охоты полосу прибоя около ледяныхъ горъ и нерѣдко, садясь длинными рядами, украшаютъ собою ледяные колоссы. Оба вида являются типичными обитателями открытаго моря и охотно опускаются вблизи самаго судна, избирая однако при этомъ навѣтренную сторону, гдѣ имъ легче подниматься на воздухъ. Сизые буревѣстники встрѣчались намъ еще въ области западныхъ вѣтровъ и съ тѣхъ поръ сопровождали насъ вдоль границы льдовъ, а оттуда до Кергуэльскихъ островoвъ. Они пугливѣе другихъ буревѣстниковъ, держались поэтому далѣе отъ судовъ и охотились усердно въ водѣ нашей килевой полосы. Когда при приготовленіяхъ къ измѣренію глубины или къ работѣ сѣтями пароходъ нашъ давалъ ходъ назадъ и винтъ его взбивалъ бѣлую пѣну на далекое разстояніе, они собирались нерѣдко стаями по нѣсколько сотъ, чтобы поживиться въ взмученной водѣ пелагическими животными. Полетъ ихъ неровенъ и, благодаря производимымъ ими быстрымъ поворотамъ, напоминаетъ полетъ летучихъ мышей; восхитительное зрѣлище представляетъ стая этихъ птицъ, когда онѣ сразу, какъ по командѣ, производятъ поворотъ и въ воздухѣ блеститъ ихъ бѣлая брюшная поверхность.

Въ антарктическомъ морѣ для всѣхъ этихъ безчисленныхъ пернатыхъ гостей всегда готова трапеза. Пловучія льдины и ледяныя горы даютъ имъ превосходныя мѣста отдохновенія, и въ то же время постоянный прибой, разбивающійся объ отвѣсныя ледяныя стѣны, ежеминутно обнажаетъ огромное количество пелагическихъ организмовъ, служащихъ пищею птицамъ; между этими организмами особенно любимымъ блюдомъ являются красивые свѣтящіеся раки, десятиногіе раки и головоногіе моллюски. Въ зобу буревѣстника накопляется въ значительномъ количествѣ въ видѣ желтыхъ и красноватыхъ маслянистыхъ капель жиръ, содержащійся въ ракообразныхъ. Жиръ этотъ служитъ, съ одной стороны, пищевымъ запасомъ на черный день, съ другой же — является до нѣкоторой степени и орудіемъ защиты. Кто окажется такъ неостороженъ, что схватитъ буревѣстника, напримѣръ, пойманнаго на крючокъ, въ руки, тотъ моментально будетъ облитъ этой мало ароматич-

ной жидкостью, которую птица можетъ выплевывать даже въ нѣсколько пріемовъ, одинъ за друимъ.

Говоря о птицахъ, попадающихся въ открытомъ морѣ, нельзя не упомянуть объ антарктическихъ пингвинахъ, которые при своихъ странствованіяхъ избираютъ своей постоянной квартирой низкіе выступы льдинъ и выдающіеся мысы ледяныхъ горъ. При нашемъ приближеніи, спугнутые ружейными выстрѣлами, они скатывались прямо съ крутыхъ откосовъ льда въ воду, возбуждая этимъ веселость нашихъ матросовъ. Успокоившись, они затѣмъ снова приставали къ льдинѣ, съ большою ловкостью пользовались прибоемъ, чтобы взобраться на ледъ и, балансируя своими крыльями-плавниками, вскарабкаться наверхъ. Со свою черною головою, черною спиною и крыльями и бѣлымъ брюхомъ, съ черной полосой на шеѣ, эти удивительныя птицы производятъ издали впечатлѣніе небольшихъ пограничныхъ столбовъ на прусской границѣ. Если подойти къ нимъ ближе, они поднимаютъ страшный гамъ, вытягиваютъ шеи къ небу, принимаютъ забавнѣйшія позы и, окончательно разсердившись, скатываются, наконецъ, безъ помощи салазокъ съ ледяной горы въ воду. Здѣсь пингвинъ въ своей стихіи и невольно возбуждаетъ удивленіе своей ловкостью и проворствомъ, тогда какъ на сушѣ онъ можетъ считаться лишь забавнымъ и оригинальнымъ аксессуаромъ антарктическаго пейзажа. Какъ бы быстро ни шелъ пароходъ, пингвинъ все же перегонитъ его безъ всякаго напряженія и при этомъ найдетъ еще время и полежать съ развернутыми плавниками на поверхности воды, поглядывая своими плутовскими блестящими глазами на приближающееся незнакомое чудовище,—какъ только разстояніе между нимъ и судномъ сократится, въ одно мгновеніе ока онъ снова исчезаетъ подъ поверхностью и нѣсколькими могучими взмахами крыльевъ-плавниковъ опускается на такую глубину, что надолго исчезаетъ изъ глазъ. Когда онъ затѣмъ снова показывается внезапно надъ поверхностью, онъ вылетаетъ изъ воды съ прижатыми къ тѣлу крыльями, описываетъ дугу и снова пропадаетъ въ глубинѣ. Ничего не можетъ быть интереснѣе, какъ наблюдать за стайкой такихъ пингвиновъ, когда они покидаютъ ледяную гору и, подобно стаду миніатюрныхъ дельфиновъ, граціозными прыжками приближаются къ судну. Ни одинъ буревѣстникъ не можетъ добыть себѣ съ такой легкостью добычу, какъ эти профессіональные водолазы,—мы находили желудки антарктическихъ пингвиновъ постоянно совершенно набитыми свѣтящимися рачками, которые были гораздо крупнѣе тѣхъ, какіе попадались въ наши сѣти.

Около десяти часовъ вечера туманъ снова разошелся, и судно наше оказалось окруженнымъ густымъ пловучимъ льдомъ. Пока мы пробивались черезъ него, мы замѣтили на востокѣ самую крупную изъ всѣхъ ледяныхъ горъ, которыя намъ до тѣхъ поръ попадались. Первоначально

мы думали даже, что имѣемъ передъ собой ледяную стѣну антарктическаго континента, но затѣмъ выяснилось, что это настоящій ледяной островъ, который мы, къ сожалѣнію, не были въ состояніи точнѣе измѣрить, такъ какъ лавировали въ плавучемъ льдѣ. По опредѣленію на глазъ нашего капитана и офицера, она была шириною въ 4—5 морскихъ миль.

Уже подъ 61° шир. мы замѣтили появленіе сильной волны съ сѣверо-запада, затѣмъ волненіе постепенно приняло подъ вліяніемъ вѣтровъ восточное и сѣверо-восточное направленіе и разыгралось въ полной силѣ. Неоднократно приходилось намъ мѣнять курсъ и держаться противъ волны полнымъ ходомъ. При такихъ обстоятельствахъ съ мостика открывается поразительное зрѣлище: буря воетъ и реветъ между мачтами и снастями, мокрый, тающій снѣгъ несется прямо въ лицо, и волны вздымаются такой вышины, какой намъ ни разу не приходилось видѣть за весь путь. Пароходъ нашъ съ трудомъ взбирается на гребень волны, поднявшись — стремглавъ летитъ во впадину между волнами, чтобы затѣмъ, зарываясь бугшпритомъ въ пѣнящихся волнахъ, снова начать подъемъ. Волны хватали даже до рулевой рубки, и мы едва могли поддерживать сообщеніе на палубѣ.

Послѣднія ледяныя горы были нами встрѣчены 19-го декабря. Буря въ теченіе 7 дней мѣшала намъ работать. Люки были задраены, и въ лабораторіяхъ было полное запустѣніе: баночки и бутылочки были закрѣплены тамъ треугольными деревяшками, микроскопы, лупы и всѣ мелкія принадлежности, въ которыхъ нуждается изслѣдователь, были привинчены и завернуты въ вату и тряпки. Тѣмъ не менѣе отъ времени до времени, при хорошемъ размахѣ парохода, то то, то другое срывалось съ мѣста и отправлялось путешествовать по лабораторіи, производя полнѣйшій хаосъ въ остальныхъ вещахъ.

Мы имѣли достаточно свободнаго времени, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ Рождества. На наше піанино пришлось натянуть новыя струны изъ проволоки, служившей для измѣренія глубины; елка, сдѣланная изъ зеленой бумаги и палочекъ, была крѣпко привязана въ нашей каютъ-компаніи, тогда какъ команда устроила такую же точно елку у себя и убрала ее сладостями и колбасами. Пришлось однако отказаться отъ первоначальнаго намѣренія разложить подарки членамъ каютъ-компаніи подъ елкой,—и тому еще приходилось радоваться, если удавалось благополучно вытащить ихъ изъ кармана.

Неоднократно подарки эти вылетали изъ кармановъ на полъ къ великому удовольствію нашего такса,—такая же участь постигла и блины, которые умудрился изготовить нашъ поваръ, даже и при столь затруднительныхъ обстоятельствахъ. Тѣмъ съ большимъ одушевленіемъ пили мы однако нашъ пуншъ за здоровье родныхъ и знакомыхъ, отъ которыхъ были удалены болѣе чѣмъ какъ на 100° широты!

Еще менѣе успѣха имѣлъ нашъ фотографъ, попытавшійся было увѣковѣчить этотъ знаменитый рождественскій вечеръ снимкомъ при вспышкѣ магнія: онъ отлетѣлъ вмѣстѣ съ своимъ аппаратомъ въ другой уголъ, вспышка пропала даромъ и лишь напугала до смерти нашего негра! Недурно было и положеніе начальника экспедиціи, котораго веревками привязали къ піанино, чтобы насладиться его игрою, сопровождаемой цитрой капитана и окариной одного изъ сочленовъ. Инструменты эти, правда, разнились между собой примѣрно на полтона, но, благодаря реву бури, выходило все же недурно! Врядъ ли композитору грезилось когда-нибудь, что его мотивы долетятъ до слуха полярныхъ альбатросовъ!

Кергуэленъ.

(К. Куна.)

Между 48° и 50° южной широты и 68° и 71° восточной долготы располагается группа островов, занимающая поверхность около 180 кв. миль. По имени открывшаго ихъ, группа эта называется Кергуэленомъ или Кергуэльскими островами и состоитъ изъ одного главнаго, большого острова и около 130 болѣе мелкихъ островковъ.

При имени Кергуэльскихъ островов въ моей памяти воскресаютъ разнообразныя и захватывающія воспоминанія: горы, отчасти покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, съ фирновыми полями и свѣшивающимися глетчерами, фіорды, ограниченные часто отвѣсными обрывами и окаймленные базальтовыми скалами, столообразныя террасы, слагающіяся изъ горизонтальныхъ базальтовыхъ слоевъ и придающія вулканическому ландшафту своеобразный отпечатокъ; вода отъ таянія льда собирается въ многочисленныхъ углубленіяхъ и низвергается живописными каскадами по крутымъ стѣнамъ фіордовъ; зеленые ковры луговъ, покрытыхъ совершенно оригинальной флорой, одѣваютъ долины и нерѣдко всползаютъ по обрывамъ; наконецъ, все это оживляется удивительно богато развитымъ міромъ пернатыхъ, который прекрасно уживается съ населяющими берегъ морскими слонами. Однако впечатлѣніе, которое эти острова производятъ на посѣтителей, зависитъ въ значительной степени отъ предшествовавшихъ впечатлѣній. Для того, кто недавно покинулъ мысъ Доброй Надежды, гдѣ всегда свѣтитъ солнце и роскошно развивается растительность, Кергуэльскіе острова, конечно, покажутся безотрадной страною тумановъ; тамъ почти постоянно дуетъ сильнѣйшій сѣверный или западный вѣтеръ, сопровождаемый снѣжною метелью, градомъ или дождемъ и, обыкновенно, туманомъ; иногда, впрочемъ, такой вѣтеръ бываетъ и при ясномъ небѣ. Силу вѣтра очень наглядно описываютъ какъ участники различныхъ экспедицій, такъ и тюленебои: его порывы налетаютъ столь внезапно и настолько сильны, что суда, даже стоящія въ бухтахъ, срываются съ

якорей, лодки переворачиваются, а люди на сушѣ принуждены бывають ложиться пластомъ на землю. Съ западной стороны острова разбивается постоянно такой страшный прибой, что до сихъ поръ точныя очертанія острова съ этой стороны почти неизвѣстны. Экспедиція „Чэлленжера", посѣтившая острова эти лѣтомъ, въ теченіе 26 дней отмѣчаетъ 16 разъ бурю, тогда какъ Россъ, который стоялъ у острововъ зимою въ теченіе 68 дней, пережилъ бурю 45 разъ и было всего лишь 3 дня, когда не было снѣга и дождя. Однако для тѣхъ, кто, подобно намъ, въ теченіе 52 дней не видали ничего, кромѣ антарктическаго моря, волнуемаго страшными бурями, кромѣ безконечныхъ полей пловучаго льда, ледяныхъ горъ и окованнаго льдомъ острова,—Кергуэльскіе острова показались почти раемъ. Въ теченіе тѣхъ трехъ дней, которые мы провели тамъ, господствовала превосходная весенняя погода при температурѣ въ 4°. Вся наша экспедиція разбилась на партіи, которыя разбрелись по всѣмъ направленіямъ, чтобы познакомиться съ окрестностями; насъ не бросала болѣе буря, туманъ не разстилался непроницаемой пеленой передъ глазами и при яркомъ солнечномъ свѣтѣ мы обошли всю сѣверо-восточную сторону острова до бухты Рождества.

Утромъ въ день Рождества, 25 декабря, въ 6 часовъ утра мы замѣтили на горизонтѣ узкую полоску земли съ выдающимися снѣжными вершинами. При приближеніи открылся видъ на плоскую низменность крайней восточной части Кергуэльскаго острова, на которой выдѣлялось нѣсколько низкихъ горныхъ вершинъ. Уже здѣсь можно было замѣтить поразительно богатое развитіе жизни пернатыхъ: тысячи голубыхъ буревѣстниковъ колыхались на поверхности воды, альбатросы трехъ видовъ окружали наше судно или же виднѣлись на берегу, на своихъ гнѣздахъ, тогда какъ совсѣмъ непугливые бакланы приближались къ судну, широко распустивъ свои крылья, неуклюже хлопая ими и вытянувъ свои длинныя шеи — они съ любопытствомъ глядѣли на насъ и подлетали такъ близко, что можно было схватить ихъ. Около полудня мы приблизились къ покрытому снѣгомъ хребту. Волны стали замѣтно слабѣе, послѣ того какъ мы завернули за горы; въ то же время длинныя бурыя полосы указывали на мѣста, гдѣ глубина меньше и на днѣ растутъ гигантскія водоросли—фукусы. Благодаря этимъ водорослямъ, можно съ увѣренностью вести судно вблизи этихъ бухтъ: если избѣгать тѣхъ мѣстъ, гдѣ замѣтны водоросли, то можно разсчитывать на вполнѣ безопасный фарватеръ. Все время передъ нами открывались превосходные виды на высокія снѣговыя горы и глубоко врѣзывающіеся заливы, которые отдѣляютъ эти горы отъ массы крупныхъ и мелкихъ островковъ, расположенныхъ передъ восточнымъ берегомъ.

Одинъ изъ этихъ заливовъ ведетъ въ фіордъ, далеко врѣзывающійся въ островъ. Узкій проливъ образованъ двумя базальтовыми скалами, кото-

рыя, какъ два бастіона, защищаютъ входъ въ него. Передняя часть фіорда получила названіе гавани Газели, задняя—гавани Хорошей Погоды. Котлы наши требовали безотлагательной чистки, и мы избрали въ качествѣ временнаго прибѣжища гавань Газели. Эта гавань—лучшая и наиболѣе защищенная гавань Кергуэльскаго острова, въ которую вѣтеръ никогда не врывается съ такою страшною силою, какъ въ другіе фіорды. Въ теченіе тѣхъ трехъ съ половиною дней, которые „Вальдивія" провела въ гавани Газели, стоя на двухъ якоряхъ, намъ казалось, что мы положительно стоимъ у пристани въ Гамбургѣ.

Окружающіе гавань Газель хребты ниже, чѣмъ въ гавани Хорошей Погоды, гдѣ они мѣстами совершенно отвѣсно спускаются къ морю. Со всѣхъ сторонъ легко взобраться на плоское плато, съ котораго открывается поразительный кругозоръ: на западѣ виднѣется покрытый глетчерами основной массивъ острова, завершающійся пикомъ Ричардса, на востокѣ вершины горъ Крозье, Гукера и Ляйелля. На югѣ замѣчается рядъ поднятій въ видѣ плато, которыя представляютъ характерную черту рельефа Кергуэльскихъ острововъ; на сѣверѣ открывается видъ на цѣлый лабиринтъ острововъ и фіордовъ восточнаго берега.

Всѣ прежніе путешественники указываютъ на то, что ранѣе глетчеры спускались гораздо ниже по берегамъ острова. Посѣтивъ плато одного изъ полуострововъ, мы также убѣдились въ томъ, что нѣкогда онъ былъ покрытъ огромнымъ глетчеромъ, слѣды дѣятельности котораго замѣтны и теперь на сѣверныхъ склонахъ. Обломки базальта совершенно округло обточены, боковые склоны отполированы и покрыты глетчерными царапинами, всюду встрѣчаются валуны, перенесенные глетчеромъ. Гдѣ только на плато образуется углубленіе, тамъ собирается вода отъ таянія льда, образуетъ лужи и прудики или болѣе или менѣе крупныя прѣсноводныя озера. Нѣтъ недостатка и въ текущей водѣ. Въ западномъ углу находится очень хорошенькій маленькій водопадъ; тамъ же, на плоскомъ мысу стоитъ флагштокъ съ нарисованнымъ на металлическомъ щитѣ трехцвѣтнымъ флагомъ (острова принадлежатъ Франціи). Напротивъ него на полуостровѣ устроенъ складъ провіанта, который оказался совершенно нетронутымъ. Изъ этого обстоятельства можно заключить, что за послѣднее десятилѣтіе Кергуэльскіе острова не были посѣщаемы китоловами и тюленебоями.

При входѣ изъ гавани Газели въ гавань Хорошей Погоды разбросаны небольшіе островки, о которыхъ у меня осталось особенно пріятное воспоминаніе. Когда я тотчасъ же послѣ нашего прихода посѣтилъ эти островки, намъ представился случай наблюдать ту замѣчательную безбоязненность животнаго міра острововъ по отношенію къ человѣку, которая положительно приближаетъ ихъ къ условіямъ, существовавшимъ въ раю.

Граціозныя крачки летали вокругъ насъ цѣлыми стаями и довѣрчиво опускались на парусинную крышу нашего парового катера. На черныхъ глыбахъ базальта, обточенныхъ волнами, прыгали бѣлыя птицы, похожія по величинѣ на бѣлыхъ куръ, — это были футляроносы (Chionis minor), единственныя сухопутныя птицы Кергуэльскихъ островов и вообще антарктической области. Опереніе ихъ совершенно снѣжно-бѣлое, черноватый клювъ снабженъ надъ ноздрями футлярообразнымъ придаткомъ, ноги мясокраснаго цвѣта и напоминаютъ куриныя. Футляроносы съ любопытствомъ клевали наши башмаки и приклады ружей, прыгали вокругъ насъ и сопровождали насъ во время нашей прогулки.

Мы сдѣлали лишь нѣсколько шаговъ и остановились какъ вкопанные, инстинктивно схватившись за оружіе. Передъ нами лежало огромное животное — самка морского слона (Macrorhinus leoninus), смотрѣвшая на насъ своими чудными каштаново-коричневыми глазами и не трогавшаяся съ мѣста. Лишь когда ее атаковалъ сопровождавшій насъ таксъ, она широко раскрыла свою пасть, приподняла голову и нѣсколько разъ издала глухое и хриплое рычаніе; вскорѣ она однако опять успокоилась, опустила голову, закрыла глаза и продолжала спать. Кто не привыкъ къ такой безбоязненности животнаго міра, не знающаго преслѣдователей, тотъ, конечно, лишь съ большою осторожностью будетъ подходить къ животному, имѣющему въ длину около трехъ метровъ; но затѣмъ, разумѣется, всякій сдѣлается похрабрѣе и не откажетъ себѣ въ удовольствіи дать нѣсколько шлепковъ ревущему морскому слону, чтобы принудить его выйти изъ спокойнаго состоянія и покинуть занятое мѣсто. Цѣлый рой замѣчательно красивыхъ чаекъ поднялся и сопровождалъ насъ, летя надъ самыми нашими головами и издавая нѣчто въ родѣ громкаго хохота. Это было однако еще не все. Когда мы усѣлись, чтобы прослѣдить за поведеніемъ футляроносовъ и успокоившагося морского слона, два баклана нашли для себя очень интереснымъ побывать въ нашемъ обществѣ и усѣлись на той же дерновинкѣ, на которой сидѣли и мы, плутовато вытягивая свои головы на длинныхъ шеяхъ. Весь островъ былъ покрытъ раковинами мидій (Mytylus) и блюдечекъ (Patella), такъ что иногда, положительно, можно было подумать, что видишь здѣсь кухонные остатки доисторическихъ временъ, — всѣ эти раковины были притащены сюда чайками, которыя набросали ихъ около своихъ гнѣздъ. Мы нашли множество такихъ гнѣздъ, устроенныхъ весьма незамысловато и выстланныхъ травою — въ нихъ находилось по 4 — 5 птенцовъ въ еще коричневомъ пуховомъ нарядѣ.

Когда я полѣзъ рукою въ одну изъ ямокъ въ землѣ, оттуда выскочила утка, величиною съ нашу крякву, — она сидѣла и высиживала свое единственное яйцо, и вскорѣ присоединилась къ другимъ своимъ товаркамъ, которыхъ здѣсь было множество. Всѣ посѣтители Кергуэльскихъ

острововъ указываютъ на эту породу утокъ, какъ на отличающуюся замѣчательно вкуснымъ мясомъ.

Не менѣе своеобразной оказалась фауна низшихъ организмовъ. Отгибая листья кергуэльской капусты, мы замѣтили на черешкахъ ихъ насѣкомыхъ, которыя сперва намъ показались чрезвычайно крупными тлями;—при болѣе близкомъ ознакомленіи однако выяснилось, что это настоящія мухи. Вполнѣ естественно, что мы не признали ихъ сперва за таковыхъ: у нихъ не хватало наиболѣе важныхъ атрибутовъ мухъ, именно крыльевъ. Эта безкрылость представляетъ изъ себя удивительнѣйшее приспособленіе къ жизни въ области, обвѣваемой столь бурными вѣтрами. Ясно, что мухи, снабженныя крыльями и способныя летать, очень скоро совершенно погибли бы, а мухи этого вида, кромѣ того, избираютъ еще и чрезвычайно хорошо защищенное мѣстожительство, именно держатся на черешкахъ растенія, которое способно оказывать сильное сопротивленіе вѣтру. Должно замѣтить, что на Кергуэльскихъ островахъ извѣстно не менѣе 7 видовъ мухъ, не имѣющихъ крыльевъ; одинъ изъ этихъ видовъ зато обладаетъ сильно развитыми бедрами заднихъ ногъ, благодаря чему можетъ дѣлать огромные скачки.

Отсутствіемъ крыльевъ отличаются также и жуки Кергуэльскихъ острововъ, которыхъ не трудно собрать большое количество подъ камнями. Они преимущественно относятся къ слоникамъ и именно къ тому роду, представители котораго въ другихъ странахъ живутъ подъ корою деревьевъ. Это обстоятельство невольно заставляетъ думать, что Кергуэльскіе острова нѣкогда обладали древесною растительностью, и дѣйствительно уже Россъ указалъ на то, что въ бухтѣ Рождества въ нѣкоторыхъ пластахъ встрѣчаются пропитанные кремнекислотою стволы деревьевъ. Нахожденіе слоевъ каменнаго угля также указываетъ на то, что въ отдаленныя времена здѣсь имѣлись лѣса.

Растительность острова столь же интересна, какъ и животный міръ. Прежде всего виднѣются всюду темно-зеленыя подушки типичнаго растенія Кергуэльскихъ острововъ—азорелли; растеніе это разсѣяно по всѣмъ островамъ и образуетъ на возвышенныхъ плато полушарообразныя кочки, въ которыя легко погружается нога; поднимается это растеніе до 500 метровъ высоты, а на нѣкоторыхъ защищенныхъ мѣстахъ даже и выше. Такихъ гигантскихъ подушекъ однако, какія встрѣчаются на хорошо защищенныхъ островкахъ гавани Газели, мы не встрѣчали позднѣе нигдѣ. Растеніе это принадлежитъ къ крестоцвѣтнымъ и распространено по всѣмъ антарктическимъ островамъ, а также встрѣчается и на южной оконечности Огненной Земли. Обыкновенно подушки его окаймляются кустиками одного сложноцвѣтнаго, листья котораго покрыты серебристымъ, блестящимъ пушкомъ—это растеніе встрѣчается только на островахъ, лежащихъ на югъ отъ Новой Зеландіи.

Наиболѣе интереснымъ является однако знаменитая уже со временъ Росса кергуэльская капуста (Pringlea antiscorbutica), — ея яйцевидные или ланцетовидные, покрытые войлочкомъ, листья обнимаютъ собою стебель соцвѣтія, достигающій метра въ вышину. Это растеніе является единственнымъ, свойственнымъ исключительно Кергуэльскимъ островамъ, и не встрѣчается нигдѣ болѣе на земномъ шарѣ, кромѣ развѣ располагающихся нѣсколько южнѣе островововъ. Команда Росса долгое время питалась листьями этой капусты, которая считается весьма дѣйствительнымъ средствомъ противъ цынги. Мы также не упустили случая попробовать это растеніе, — оно имѣетъ довольно пріятный, нѣсколько горьковатый вкусъ.

Если упомянуть еще, что всюду въ видѣ отдѣльныхъ кустиковъ встрѣчаются злаки изъ родовъ Poa, Agrostis и Festuca, то этимъ мы почти и исчерпаемъ всѣ наиболѣе типичныя растенія, придающія мѣстности ея своеобразную физіономію. Всѣ они обусловливаютъ тотъ сѣровато-зеленый основной тонъ, который свойственъ лугамъ и склонамъ горъ Кергуэльскихъ островововъ. Значительное участіе въ окраскѣ ландшафта принимаютъ также и многочисленные лишайники и мхи, которые покрываютъ обломки скалъ сплошнымъ покровомъ и обладаютъ нерѣдко довольно яркой желтой, серебристо-сѣрой или черной окраской.

Цвѣтковыхъ растеній извѣстно здѣсь очень мало, тогда какъ мховъ, печеночниковъ и лишаевъ—не менѣе 160 видовъ. Къ нимъ присоединяются еще и 4 вида папоротниковъ, между которыми, къ изумленію, два широко распространенныхъ вида, встрѣчающихся даже въ средней Европѣ. Если сравнить цвѣтковыя растенія Кергуэльскихъ островововъ съ таковыми въ арктическихъ областяхъ, то бросится въ глаза прежде всего, что, съ одной стороны, количество видовъ относительно не велико, съ другой—отсутствуетъ то великолѣпіе окраски, какое встрѣчается даже на сѣверѣ Гренландіи и Шпицбергена во время короткихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Извѣстно, что пахучіе и ярко окрашенные цвѣты предназначены для приманиванія насѣкомыхъ, которыя высасываютъ изъ нихъ медвяный сокъ и въ то же время принимаютъ на себя заботы объ опыленіи цвѣтовъ. И дѣйствительно, арктическимъ странамъ свойственны многочисленныя летающія насѣкомыя и даже еще довольно большое количество пестрыхъ бабочекъ, тогда какъ здѣсь насѣкомыя, которыя могли бы взять на себя опыленіе цвѣтковыхъ растеній, совершенно отсутствуютъ и всѣ цвѣтковыя растенія Кергуэльскихъ островововъ приспособлены къ опыленію вѣтромъ. Пестрые лепестки вѣнчиковъ, служащіе для привлеченія насѣкомыхъ, отсутствуютъ не только у кергуэльской капусты, но даже у обоихъ видовъ гвоздики, свойственныхъ спеціально Кергуэльскимъ островамъ, а у двухъ здѣшнихъ видовъ лютиковъ лепестки выродились въ узкія бѣлыя полоски. Поэтому даже и лѣтомъ растительность Кер-

гуэльскихъ острововъ лишена яркихъ цвѣтовъ и производитъ довольно меланхолическое впечатлѣніе.

Гавань Газели, такъ же, какъ и всѣ другіе фіорды, врѣзывающіеся въ островъ, покрыты всюду, гдѣ скалистыя стѣны подходятъ къ водѣ, обломками базальтовыхъ скалъ, которые затянуты разнообразно окрашенными видами лишаевъ. Разрушеніе каменныхъ породъ должно здѣсь особенно энергично сказываться, такъ какъ температура часто колеблется то въ ту, то въ другую сторону около 0°, и вода, просачивающаяся въ трещинахъ, замерзая, производитъ своимъ расширеніемъ раскалываніе камней. Эти мѣста, усѣянныя обломками, являются наиболѣе излюбленнымъ мѣстопребываніемъ одного вида пингвиновъ, который не мало оживляетъ островъ. Это превосходно окрашенный хохлатый пингвинъ; брюхо у него снѣжно-бѣлое, спина и плавники стальнаго сѣраго цвѣта, клювъ ярко-красный, такіе же глаза и пучокъ золотистыхъ перьевъ съ каждой стороны головы. Когда приближаешься къ поселенію пингвиновъ, они встрѣчаютъ посѣтителя страшнѣйшимъ крикомъ, напоминающимъ крикъ огромнаго стада гусей. Между ними царятъ постоянные ссоры и раздоры; комическій видъ пингвиновъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того обстоятельства, что они держатся на своихъ двухъ ногахъ, отставленныхъ далеко назадъ, совершенно какъ маленькіе гномы, и съ самой забавной безпомощностью подпираются постоянно своими крыльями-плавниками. Всюду по группамъ камней виднѣются самцы, стоящіе кучками и хватающіе клювомъ каждаго, кто приближается къ нимъ или даже нечаянно скатится откуда-нибудь сверху. Лазанье по обломкамъ скалъ уже само по себѣ довольно затруднительно, тѣмъ болѣе, что всюду нога попадаетъ на скользкій и вонючій пометъ птицъ. Когда же удается подойти ближе къ кучкѣ пингвиновъ, поднимается всеобщій крикъ, и птицы, двигаясь бокомъ и собравшись вмѣстѣ, стараются нанести потревожившему ихъ покой удары клювомъ и плавниками. Не только на камняхъ, но и между ними начинается недовольный и тревожный крикъ: тамъ сидитъ обыкновенно самка на своемъ очень просто устроенномъ гнѣздѣ— если вообще можно назвать такъ плоскую ямку, покрытую пометомъ; она высиживаетъ свое единственное бѣлое, но сильно запачканное пометомъ яйцо. Въ большинствѣ случаевъ она спокойно позволяетъ отнять у нея это яйцо, ограничиваясь лишь нѣсколькими ударами клюва. Мы собрали довольно много этихъ яицъ. Самцы дѣятельно заняты снабженіемъ самокъ пищею: съ изогнутой спиной и косо разставленными крыльями, они, вытянувъ голову, прыгаютъ сразу обѣими ногами внизъ по скаламъ, спускаются къ водѣ, бросаются въ нее и только тамъ уже чувствуютъ себя въ родной стихіи. Нерѣдко они собирались вокругъ насъ, чистя и приводя въ порядокъ свои перья и постоянно ворочая во всѣ стороны свою голову съ золотистыми пучками перьевъ,—между со-

бою они обмѣнивались то нѣжными взглядами, то гнѣвными ударами клюва и крыльевъ и при нашемъ приближеніи поднимали отчаянный крикъ. Я не понимаю, правда, языка пингвиновъ, но думаю, что то, что они кричали по нашему адресу, блестя своими красными глазами и перекашивая свою голову, было, должно быть, очень нелестнаго свойства. Постоянно встрѣчаются также между скалами футляроносы, поведеніе которыхъ однако, несмотря на ихъ невинный видъ, далеко не заслуживаетъ одобренія: какъ только самка пингвина оставитъ свое гнѣздо, они уже тутъ какъ тутъ; ударомъ клюва разбиваютъ яйцо и съ жадностью поглощаютъ содержимое. Можно думать, что футлярообразный придатокъ на клювѣ ихъ имѣетъ, главнымъ образомъ, назначеніе предохранять ноздри отъ залѣпленія бѣлкомъ яйца.

Если принять во вниманіе, сколько сотъ тысячъ пингвиновъ находится всюду, гдѣ имѣются по краямъ бухтъ скалы, и присоединить къ нимъ еще все огромное количество другихъ плавающихъ птицъ, то невольно придетъ въ голову вопросъ, откуда же беретъ все это пернатое населеніе необходимый для его существованія огромный запасъ пищи. Уже безконечное количество раковинокъ моллюсковъ, находимыхъ всюду около гнѣздовій птицъ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что антарктическій пернатый міръ питается преимущественно продуктами моря. Дѣйствительно, береговая фауна моря у Кергуэльскихъ острововъ необычайно богата. Достаточно приподнять камень у берега, чтобы оттуда выскочили десятки морскихъ мокрицъ, разбѣгающихся во всѣ стороны, чтобы найти себѣ защиту подъ другими камнями. Вмѣстѣ съ ними встрѣчаются во множествѣ и морскіе черви и огромное количество другихъ низшихъ животныхъ, — они особенно изобилуютъ между кустами всѣхъ оттѣнковъ краснаго цвѣта водорослей, которыми въ изобиліи зарастаетъ дно моря. Между ними ползаютъ красновато окрашенныя морскія звѣзды, офіуры и краббы, на нихъ сидятъ прикрѣпленныя асцидіи, мшанки, актиніи и гидроиды. Тамъ, гдѣ нѣтъ кустиковъ мелкихъ багрянокъ, встрѣчаются въ береговой полосѣ огромныя лентообразныя водоросли, своеобразно расщепленныя на лопасти, или произрастаетъ гигантскій фукусъ, держащійся на нѣсколько большой глубинѣ, на зеленовато-сѣромъ илистомъ грунтѣ дна; въ этомъ или онъ развиваетъ цѣлое гнѣздо корней, отрастающихся между собой какъ вѣтви коралла. Отъ корней этихъ отходитъ стебель съ ланцетовидными листьями, несущими бутыльчатыя воздушныя камеры. Попадались растенія длиною болѣе 200 метровъ. Водоросль эта держится на скалахъ, лежащихъ не болѣе какъ на 20 метрахъ глубины, и благодаря своимъ плавательнымъ приспособленіямъ, видна на поверхности, обнаруживая такимъ образомъ для моряка тѣ мѣста, которыхъ должно избѣгать при захожденіи въ бухты. Въ то же время на этой водоросли поселяются чрезвычайно разнообразные орга-

низмы, которые составляютъ излюбленную пищу птицъ: прежде всего на ней сидитъ огромное количество моллюсковъ-блюдечекъ, которые своей ногой, имѣющей видъ присоски, крѣпко держатся за гладкіе листья; болѣе старые листья нерѣдко совершенно покрыты мшанками и колоніями гидроидовъ, между которыми сидятъ свѣтло-розовыя небольшія голотуріи, вытягивающія свои развѣтвленные щупальцы. Защищенныя мѣста бухтъ часто бываютъ покрыты сплошь на большое разстояніе мидіями, которыя по своей внѣшности чрезвычайно похожи на европейскихъ. Такимъ образомъ, и на поверхности моря, и на водоросляхъ, и на берегу для морскихъ птицъ постоянно готова обильная трапеза. Лишь въ од-

Пингвины.

номъ отношеніи воды Кергуэльскихъ острововъ могутъ быть названы бѣдными, — именно фауна рыбъ въ нихъ развита чрезвычайно скудно; она ограничивается 4 видами костистыхъ рыбъ.

Было вполнѣ естественно, что вскорѣ по приходѣ всѣ члены нашей экспедиціи разсѣялись въ разныя стороны, чтобы изучить, согласно со своими наклонностями, высшій и низшій животный міръ, растительность и геологію окрестностей. Офицеры наши вмѣстѣ съ капитаномъ отправились на слѣдующее утро въ бухту, находящуюся направо отъ узкаго входа въ гавань Газель. Тамъ вниманіе ихъ было привлечено стадомъ морскихъ слоновъ, которые лежали около берега въ углубленіяхъ, пережидая здѣсь періодъ линьки. Они убили 18 штукъ, съ которыхъ на

слѣдующій день наша команда сняла шкуры и отчасти приготовила скелеты.

Въ окрестностяхъ гавани Газели намъ попадались во множествѣ прячущіеся въ своихъ земляныхъ норкахъ кролики, завезенные сюда одной англійской экспедиціей. Эти сѣрые, рѣже черные грызуны кишѣли всюду и, въ противоположность не боящимся никого остальнымъ обитателямъ Кергуэльскихъ острововъ, не утратили свойственной имъ боязливости: замѣчательный примѣръ наслѣдованія психическихъ свойствъ при обстоятельствахъ, при которыхъ можно было бы предполагать пониженіе даннаго инстинкта подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій. Къ сожалѣнію, это наводненіе острововъ кроликами вызвало также и измѣненіе въ физіономіи растительности. Прежде кергуэльская капуста встрѣчалась во множествѣ по всему острову; Россъ собралъ такое количество ея, что его команда питалась ею въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. Въ настоящее время уже врядъ ли бы удалось это,—на всѣхъ мѣстахъ, доступныхъ кроликамъ, капуста истреблена совершенно и встрѣчается лишь на отвѣсныхъ скалистыхъ стѣнахъ или же на островкахъ, разбросанныхъ по бухтамъ.

Несмотря на то, что морскіе слоны были убиты только утромъ, кругомъ собрались уже тысячи птицъ и усердно работали вокругъ труповъ, выклевывая мясо и стараясь добраться до внутренностей. Это удавалось лишь гигантскимъ буревѣстникамъ, вооруженнымъ огромными клювами и напоминавшимъ грифовъ болѣе теплыхъ странъ. Они сотнями окружали трупы и наѣдались до того, что не были въ состояніи летѣть. Хищныя чайки также носилась густыми тучами около тѣхъ мѣстъ, гдѣ наши матросы были заняты сдираніемъ шкуръ. Между морскими слонами находился лишь одинъ молодой самецъ, еще не имѣвшій характерныхъ признаковъ старыхъ самцовъ, именно хоботообразнаго удлиненія носовой области. Морскіе слоны живутъ стадами, при чемъ около сотни самокъ находится подъ покровительствомъ одного самца, который по величинѣ по крайней мѣрѣ вдвое болѣе самки и достигаетъ въ длину 9—10 метровъ; при помощи своихъ могучихъ бивней онъ отражаетъ нападеніе другихъ соперниковъ. Во время такой борьбы эти огромныя животныя со страшнымъ ревомъ приподнимаются, выпускаютъ со свистомъ воздухъ чрезъ свой хоботъ и своими бивнями наносятъ другъ другу сильныя раны. Самки въ сентябрѣ собираются на сушу и родятъ здѣсь по одному дѣтенышу, который становится взрослымъ лишь черезъ 6—8 лѣтъ. Въ декабрѣ онѣ появляются снова и въ это время чрезвычайно неподвижны, совершенно не принимаютъ никакой пищи и, забравшись въ свое логовище, претерпѣваютъ линьку. Дѣйствительно, желудки убитыхъ экземпляровъ были совершенно пусты.

За короткое время нашего пребыванія мы видѣли большія стада морскихъ слоновъ. Они попадались всюду, гдѣ имѣлись мѣста достаточно

пологія, чтобы животныя могли выбраться на берегъ. Нерѣдко мы сидѣли около самыхъ морскихъ слоновъ, и они обращались въ бѣгство лишь въ томъ случаѣ, если матросы пугали ихъ, иначе же они со своими дѣтенышами оставались совершенно спокойными и, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, позѣвывали и спали.

Когда они были не въ сонливомъ настроеніи, то лежали на боку и лишь слегка приподнимали голову, осматривая окрестности своими замѣчательно красивыми и полными выраженія глазами, или же съ такою граціей, на какую способенъ лишь морской слонъ, почесывали свою спину и бока переднимъ ластомъ.

Вечеромъ 28-го декабря работы по очисткѣ нашихъ котловъ были закончены, и на слѣдующій день въ 5 часовъ утра мы снялись съ якоря. Барометръ упалъ—это предвѣщало перемѣну погоды, которая и сказалась прежде всего легкимъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ.

Когда судно покойно скользило по привѣтливымъ водамъ гавани Газели, впервые открылся видъ на блещущую вдали снѣгами гору Росса вышиною въ 1860 метровъ,—это самая высокая вершина Кергуэльскихъ островов. Погода была совершенно спокойная.

Описавъ широкую дугу и миновавъ нѣсколько островов, мы въ три часа дня вошли въ бухту Рождества. Красотою пейзажа эта бухта значительно превосходитъ гавань Газели и всѣ другія бухты Кергуэльскихъ островов, но зато она представляетъ судамъ сравнительно лишь плохую защиту, такъ какъ внезапно врывающіеся западные вѣтры способны сорвать судно съ якорей. Намъ не удалось пристать къ берегу вслѣдствіе слишкомъ сильнаго прибоя, но мы ясно видѣли темныя жилы угля, выходящія на отвѣсныхъ обрывахъ. Уголь этотъ однако плохого качества и мало пригоденъ для топлива; по сообщеніямъ китоловов, въ прилежащихъ гаваняхъ выходятъ слои угля нѣсколько лучшаго качества. На обратномъ пути мы имѣли возможность познакомиться съ неудобствами бухты Рождества: неоднократно поднимался порывистый вѣтеръ, который разводилъ такую волну, что пѣна ея обдавала насъ съ головы до ногъ. Лишь послѣ двухчасовой усиленной гребли удалось намъ добраться до судна.

Между тѣмъ другіе члены экспедиціи совершили экскурсію на плоскій берегъ во внутреннія части бухты и, какъ только пристали къ берегу, натолкнулись на крупнаго морского леопарда (Stenorrhynchus leptnoyx), который, будучи гораздо болѣе подвижнымъ и пугливымъ, чѣмъ морскіе слоны, тотчасъ же обратился въ поспѣшное бѣгство къ водѣ, но былъ настигнутъ по дорогѣ пулею. Морскихъ слоновъ, которые цѣлыми стадами лежали около лужъ, оставили въ покоѣ, если не считать того, что одинъ изъ офицеровъ попробовалъ, не годятся ли они для верховой ѣзды. Компанія наша натолкнулась также и на королевскихъ пингвиновъ и убила нѣ-

сколько штукъ. Узнавъ объ этомъ, мы еще разъ съѣхали на берегъ, чтобы снять шкуру съ морского леопарда и доставить на судно пингвиновъ.

На берегу намъ представилось зрѣлище, полное жизни. Несмотря на то, что морской леопардъ былъ только что убитъ, вокругъ него собрались цѣлыя стаи огромныхъ буревѣстниковъ и коричневыхъ хищныхъ чаекъ. Отъ этихъ голодныхъ нахальныхъ птицъ не было положительно никакого покоя; одна изъ чаекъ вырвала у меня изъ рукъ вырѣзанное сердце морского леопарда, другія старались разорвать двухъ изъ убитыхъ пингвиновъ. Между тѣмъ морскіе слоны совершенно не обращали вниманія на все происходившее вокругъ нихъ и спокойно лежали въ своихъ логовищахъ.

Королевскіе пингвины достигаютъ метра высоты. Это красивѣйшія между всѣми птицами антарктической области,—бѣлоснѣжное брюхо ихъ окаймлено ниже шеи ожерельемъ золотисто-желтыхъ перьевъ, тогда какъ спина, плавники и голова, снабженная длиннымъ и сильнымъ клювомъ,—сѣры. Они какъ будто чувствуютъ превосходство своей породы, и всѣ движенія ихъ исполнены сознанія своего достоинства. Тогда какъ хохлатые пингвины постоянно прыгаютъ и суетятся, королевскіе двигаются медленно и величественно, переставляя одну ногу за другой; съ самодовольнымъ видомъ расправляютъ они перышки на спинѣ или на отрощенномъ брюшкѣ и отъ времени до времени поднимаютъ свой клювъ кверху и испускаютъ хриплое карканье. Чаще всего однако они стоятъ со втянутой шеей и направленной косо вверхъ головою; они, повидимому, задыхаются отъ жару и терпѣливо ожидаютъ, когда перемѣнятся у нихъ перья—это было какъ разъ время линьки. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи погнать все стадо къ берегу. Когда они пришли въ движеніе, казалось, что кучка почтенныхъ пасторовъ направляется въ залу своего собранія. Когда же я пробовалъ ихъ гнать поскорѣе, они старались доказать мнѣ ударами клювомъ и ластовъ, что такъ не полагается обращаться съ королевскими птицами; если же я останавливался, то вся компанія, очевидно въ полномъ изнеможеніи, останавливалась также и затѣмъ приходила въ движеніе лишь съ большимъ трудомъ. Когда же мнѣ вздумалось запѣть, они всѣ вытянули шеи и, подтягивая мнѣ своими хриплыми „кре-кре-кре-кре“, снова отправились въ путь. Подъ такой веселый аккомпаниментъ мы прибыли, наконецъ, черезъ полчаса къ лодкѣ. Матросы, которые выказали мало уваженія къ королевскому достоинству и схватили четырехъ самыхъ крупныхъ птицъ, чтобы доставить ихъ живыми на судно, подверглись такимъ отчаяннымъ ударамъ клювомъ и ластами, что врядъ ли они рѣшатся второй разъ на подобное покушеніе.

Въ 8 часовъ вечера мы подняли якорь и, кинувъ прощальный взоръ на живописныя стѣны бухты Рождества, усѣянныя футляроносами и сотнями тысячъ крикливыхъ пингвиновъ, направили нашъ путь на сѣверъ.

На Землѣ Викторіи.

(Л. Берначчи.)

Дни становились все короче и короче: приближалось время, когда солнце должно было совсѣмъ скрыться изъ нашего кругозора. Оно и теперь уже медленно и какъ будто нехотя показывалось изъ-за горъ и опять исчезало, оставляя за собою красноватое зарево. Къ началу мая море снова замерзло и оставалось скованное льдомъ до декабря мѣсяца. Средняя температура въ мартѣ — 6,4° Реомюра, въ апрѣлѣ — 9,7° Р., въ маѣ — 15,9° Р.

Утромъ 4-го мая разразился ужасный ураганъ сильнѣе всѣхъ тѣхъ, которые были раньше. Вообще мы очень часто страдали отъ ураганов, постоянно налетавшихъ по направленію съ востока и юго-востока съ быстротою сорока миль въ часъ. Сильное пониженіе температуры до —28° Р. мѣшало движенію на открытомъ воздухѣ; лицо, руки и ноги особенно сильно страдали отъ холода. При наблюденіяхъ съ мѣдными инструментами надо было соблюдать большую осторожность; при всякомъ прикосновеніи къ нимъ голыми руками казалось, что трогаешь раскаленное желѣзо. Собаки, желавшія полизать поставленное на улицѣ ведро, поднимали страшный вой, потому что языкъ ихъ примерзалъ къ желѣзу; нерѣдко у нихъ были отморожены лапы.

15-го мая мы въ послѣдній разъ увидали солнце,—оно скрылось отъ насъ въ этотъ день до 29 іюля. Невольная печаль овладѣла всѣми; три мѣсяца постояннаго мрака, безъ живительныхъ солнечныхъ лучей, должны были губительно отозваться на организмѣ. Тѣло становилось какимъ-то дряблымъ, кровообращеніе замедлялось, человѣкомъ овладѣвала сонливость и нежеланіе чѣмъ-либо заниматься. Малѣйшее усиліе требовало громаднаго напряженія воли, и мысли какъ-то вяло зарождались въ мозгу, не достигая обычнаго развитія. Душевное настроеніе въ большинствѣ случаевъ наблюдалось или подавленное, или безразличное. Меньше всѣхъ страдали зимою лопари, такъ какъ они привыкли на своей родинѣ и къ холоду, и къ мраку.

У одного изъ нашихъ товарищей, Гансона, вскорѣ появилось очень болѣзненное разстройство организма — сильныя головныя боли и отекъ ногъ. Докторъ ухаживалъ за нимъ и пробовалъ всякія средства, но не могъ доставить ему большого облегченія.

Для развлеченія мы устраивали празднества, факельныя шествія, занимались музыкой, игрой въ карты, шахматной игрой, бѣгали на лыжахъ, — словомъ, всѣми силами боролись противъ овладѣвавшей нами невольной скуки и унылаго настроенія духа. Интересно было также наблюдать за ледяными громадами, которыя вѣтеръ подгонялъ къ нашему

берегу; онѣ съ трескомъ сталкивались и дробились, вздымая цѣлые потоки пѣны и ледяныхъ осколковъ. Мы подолгу стояли около дверей домика и любовались на величественное зрѣлище. Отходить далеко отъ поселка во время бури было небезопасно. Такъ однажды въ три часа пополудни Эвансъ долженъ былъ пройти въ палатку, чтобы произвести наблюденія надъ барометромъ, термометромъ и другими метеорологическими инструментами. Сильный порывъ вѣтра затушилъ фонарь, а его самого свалилъ съ ногъ, какъ только онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ. Среди мрака и снѣгового бурана Эвансъ пытался вернуться обратно въ хижину, но сбился съ пути и кружился все на одномъ мѣстѣ, пока не упалъ отъ усталости. Мы были встревожены его долгимъ отсутствіемъ и отправились на розыски. Вѣтеръ рѣзалъ лицо, снѣгъ осыпалъ насъ точно иглами, можно было двигаться только ползкомъ. Съ каждой минутой опасенія наши увеличивались. Мы усердно искали пропавшаго, но сами сбивались съ пути, такъ какъ человѣческаго голоса не было слышно. Все лицо, наконецъ, покрылось ледянымъ панцыремъ, руки и ноги совершенно окоченѣли. Три часа продолжались поиски, пока, выбившись изъ силъ, мы по очереди не вернулись въ хижину. Пропавшаго отыскали у подошвы скалы; онъ пролежалъ три часа, наполовину занесенный снѣгомъ, оглушенный вѣтромъ, такъ что долго не могъ придти въ себя. Мы всѣ поплатились отмороженными лицами и руками.

Въ іюнѣ морозы бывали очень чувствительны, они доходили до 27° Р.; случалось, что въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ наступала болѣе мягкая погода, а затѣмъ морозъ опять крѣпчалъ.

Въ тихія лунныя ночи мы предпринимали прогулки по льду и любовались чуднымъ зрѣлищемъ свѣтлаго мѣсяца, который не переставая кружился на небѣ. Здѣсь не замѣчается такого яркаго луннаго блеска, какъ въ нашихъ странахъ; надъ землею царитъ какой-то таинственный полусвѣтъ; кругомъ полнѣйшая тишина; скалы, снѣгъ—все вмѣстѣ взятое производитъ жуткое впечатлѣніе, точно находишься не на землѣ, а на невѣдомой планетѣ, гдѣ никогда не сіяетъ солнце. Временами трудно было себѣ представить, что когда-нибудь снова увидишь солнце, другую природу, другихъ людей. Однѣ сутки медленно смѣнялись другими, не принося никакой перемѣны, кромѣ ураगановъ. Въ ушахъ звенѣло и шумѣло отъ постоянной тишины; она, казалось, была накоплена здѣсь вѣками и тяготѣла надъ нами, точно кошмаръ.

Нашъ домикъ былъ совершенно занесенъ снѣгомъ. Ртуть замерзала въ термометрахъ и всякая работа была крайне затруднительна. Боргревинкъ пробовалъ совершать поѣздки на саняхъ, но собаки такъ одичали, что справиться съ ними бывало почти невозможно. Онѣ поднимали страшныя драки и нерѣдко загрызали до смерти своего товарища, пре-

Зимовка на южно-полярномъ материкѣ.

слѣдуя его съ необыкновенной настойчивостью. Никакія мѣры строгости не помогали. Вѣроятно, и на нихъ отсутствіе солнца дѣйствовало неблагопріятно и портило имъ характеръ.

Однажды намъ удалось взобраться въ свѣтлую ночь на возвышенность мыса Эдерп и окинуть взоромъ далекое пространство моря. Тамъ плавали громадныя ледяныя горы, похожія на хрустальные дворцы; ихъ покачивало изъ стороны въ сторону и онѣ блистали и переливались матовыми блестками. Мѣстами надъ полыньями подымался густой паръ и разстилался бѣловатой пеленой.

За зиму было убито много тюленей, изъ нихъ нѣкоторые замѣчательной величины; попадались совершенно серебристые, очень рѣдкіе экземпляры, обогатившіе нашу зоологическую коллекцію.

Здоровье членовъ экспедиціи находилась въ довольно удовлетворительномъ состояніи, кромѣ Гансона, который продолжалъ страдать. Докторъ постоянно слѣдилъ за нашимъ пульсомъ и предписывалъ возможно болѣе легкую и разнообразную пищу. Подъ конецъ зимы однако всѣ болѣе или менѣе испытали на себѣ ея пагубное вліяніе. Частенько происходили ссоры изъ-за пустяковъ, просто потому, что постоянное однообразіе удручающе дѣйствовало на душу. Только научные интересы и бесѣды нѣсколько отвлекали отъ мрачнаго настроенія; каждый радовался, когда къ нему обращались съ вопросами по его спеціальности, и давалъ подробныя объясненія; иногда устраивались научныя лекціи. Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ душѣ каждаго оживлялась надежда, что скоро появится солнце, наступитъ лѣто, а съ нимъ возможность возвращенія на родину. Размышляя объ этомъ радостномъ событіи, сердце работало быстрѣе, воображеніе рисовало заманчивыя картины, и мы съ восторгомъ отмѣчали каждый прожитый день, заглядывая на горизонтъ, откуда долженъ былъ показаться первый отблескъ солнца.

И вотъ желанія наши сбылись: горизонтъ около полудня начиналъ розовѣть и слабый свѣтъ разливался по снѣжной равнинѣ. Все ярче и ярче окрашивались облака надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ должно было появиться могучее свѣтило; лиловатые тона смѣнялись розовыми и снова гасли. 27-го іюля показался край огненнаго шара, ослѣпивъ насъ пурпуровыми лучами. Мы смотрѣли на него, какъ очарованные; мрачное настроеніе покинуло насъ, душа ликовала, — мы снова увидѣли солнце. 3-го августа оно появилось уже надъ горизонтомъ, и снѣговыя вершины окружающихъ горъ загорѣлись всѣми переливами радуги. Мы смотрѣли другъ на друга и были поражены блѣдностью нашихъ лицъ; три мѣсяца мы видѣли своихъ товарищей лишь при свѣтѣ фонаря и не замѣчали происшедшей въ насъ перемѣны. Всѣ какъ-то осунулись и цвѣтъ лица былъ землистый. Мы пережили ужасное лишеніе — безотрадное существованіе во мракѣ. Вмѣстѣ съ солнечными лучами къ намъ возвра-

щались и силы, и надежда, мы опять были охвачены желаніемъ проявить свою энергію въ борьбѣ съ природой и обстоятельствами.

Мы всѣ засидѣлись дома и съ удовольствіемъ помышляли о движеніи на открытомъ воздухѣ, несмотря на страшный холодъ; августъ мѣсяцъ оказался самымъ суровымъ, солнце только свѣтило, но не грѣло. 4-го августа днемъ температура упала до —32° Реом. при совершенно ясной и тихой погодѣ, а вечеромъ была еще на градусъ ниже. Съ такимъ морозомъ нельзя было шутить. Громадныя массы льда поглощали то незначительное тепло, которое давало солнце, и препятствовали наступленію весны. Стоять на мѣстѣ было невозможно, надо было усиленно двигаться, чтобы не замерзнуть. Все вниманіе членовъ экспедиціи обратилось теперь на термометръ; только и слышались вопросы:—А сколько градусовъ?—и нашихъ метеорологовъ постоянно тревожили, требуя предсказаній о наступленіи болѣе теплаго времени года.

Времени терять было нельзя, такъ какъ предстояло еще много работы по изслѣдованію дна моря, его глубины, собиранія коллекцій морскихъ животныхъ и той скудной растительности, состоящей изъ лишайниковъ, которая покрывала скалы. Окружающіе насъ ледники и скалы тоже представляли много интереса съ научной точки зрѣнія. Нигдѣ сила подземнаго жара и дѣйствіе наружнаго холода не производятъ такихъ разрушеній, какъ среди горъ около южнаго полюса. Въ углубленіяхъ скалъ мы находили остатки ископаемыхъ животныхъ, указывающіе на то, что въ этой странѣ климатъ когда-то былъ гораздо мягче.

Въ свѣтлые дни мы производили наблюденія надъ движеніемъ ледяныхъ громадъ на морѣ и надъ ихъ формой. Здѣсь ледяныя горы, повидимому, двигаются очень медленно во всѣ времена года, между тѣмъ какъ около Гренландіи онѣ двигаются съ большей быстротой, чѣмъ гдѣ-либо на земномъ шарѣ. Сильный трескъ и шумъ, доносившійся до насъ, указывалъ однако на то, что и здѣсь происходило движеніе среди, повидимому, неподвижныхъ массъ льда.

Въ октябрѣ наступила отличная погода — ясная, тихая, но все еще холодная. Дни становились все длиннѣе и длиннѣе. Въ полночь на югѣ уже виднѣлась восходящая заря. 4-го октября насъ постигло большое горе; болѣзнь добраго товарища нашего, Гансона, приняла такой оборотъ, что не было надежды на его спасеніе. Утромъ 13-го октября ему сдѣлалось такъ плохо, что мы всѣ оставили хижину и поселились въ палаткѣ, чтобы предоставить больному необходимую тишину. Докторъ не отходилъ отъ постели. Въ 2 часа ночи на 14-е октября Фугнеръ, помогавшій доктору ухаживать за больнымъ, разбудилъ насъ и сообщилъ, что Гансону совсѣмъ плохо и что онъ желаетъ проститься съ нами передъ смертью.

Съ тяжелымъ сердцемъ вошли мы въ хижину. Больной лежалъ со-

всѣмъ ослабѣвшій и съ трудомъ дышалъ. Около него сидѣлъ докторъ; когда мы вошли, онъ сказалъ:—„Я предупредилъ мистера Гансона, что онъ едва ли выживетъ, и больной пожелалъ проститься съ вами и пожать вамъ руку“.

Гансонъ сохранилъ полное присутствіе духа и примирился съ неизбѣжнымъ. Онъ просилъ, чтобы мы не забывали его, когда снова очутимся на палубѣ „Южнаго Креста“. Его зоологическія работы до конца поглощали все его вниманіе; онъ далъ нѣсколько указаній относительно коллекцій и передалъ свои записки Борхгревинку.

У береговъ мыса Эдери весною.

— Гдѣ вы меня похороните?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Гдѣ желаете,—былъ отвѣтъ.

— Помните, въ прошломъ году вы снимали съ меня фотографію на вершинѣ мыса Эдери, около большого камня. Подъ этимъ камнемъ я бы желалъ, чтобы меня похоронили.

Ему обѣщали исполнить его желаніе. Охваченные горемъ, мы медленно одинъ за другимъ вышли изъ комнаты. Когда мы въ нее вернулись, рука, такъ горячо пожимавшая наши руки, была холодна и неподвижна.

На другой день финны и я отправились на вершину мыса Эдери; тамъ при помощи динамита мы взорвали кусокъ скалы и затѣмъ углубили отверстіе до пяти футовъ. Тѣло завернули въ норвежскій флагъ и

положили въ деревянный гробъ. Съ трудомъ втащили мы сани съ останками друга по крутой скалѣ. Надъ могилой прочитали молитвы, а лопари спѣли нѣсколько церковныхъ гимновъ на родномъ языкѣ. На гробъ возложили нѣсколько сушеныхъ цвѣтовъ, увезенныхъ съ родины. Громадный валунъ, скатившійся съ материка, лежитъ на одинокой могилѣ; кругомъ царитъ вѣчная тишина, лишь морскія птицы рѣютъ надъ вершинами скалъ.

Въ самый день смерти нашего зоолога появилась первая пара пингвиновъ; они въ продолженіе трехъ недѣль прибывали въ неимовѣрномъ количествѣ и цѣлыми тысячами занимали высоты Эдери и уходили еще дальше въ глубь материка. Появились они съ сѣвера и двигались по льду стройными колоннами, точно громадная армія.

По гладкому льду пингвины шествовали, выпрямившись, мелкими шажками, но лишь только на дорогѣ попадался снѣгъ, они принимались ползать изъ стороны въ сторону при помощи своихъ крыльевъ-плавниковъ. Всѣ они двигались по одной и той же дорожкѣ, и вскорѣ она окрасилась кровью, такъ какъ острыя льдины рѣзали имъ подошвы ногъ.

Появлялись они съ сѣвера и, вѣроятно, не менѣе двѣнадцати миль прошли по льду. Нѣкоторые располагались около мыса Эдери; другіе же продолжали двигаться еще южнѣе. Ровно двѣ недѣли продолжалось это безпрерывное нашествіе крикливыхъ квартирантовъ.

Взобравшись на возвышенность мыса Эдери, мы прослѣдили черную линію двигающихся пингвиновъ по крайней мѣрѣ на протяженіи двухъ миль. Шли они не торопясь, спокойно, дѣлая около мили въ часъ. Если мы становились на ихъ пути, они никогда не уступали дорогу, а какъ-то съеживались и наклоняли голову, точно смотрѣли себѣ подъ ноги, а потомъ вытягивали шею, издавая короткій негодующій крикъ. Да, они очень ясно выражали намъ свое негодованіе, страха же не было и слѣда. Случалось, что болѣе предпріимчивые вырывались впередъ и начинали изо всѣхъ силъ щипать нашу обувь; слѣды ихъ клювовъ ясно виднѣлись на кожѣ. Отойти же хоть на одинъ дюймъ въ сторону ни одному изъ нихъ не приходило въ голову.

На материкѣ пингвины направлялись въ разныя стороны; они подымались на самую вершину мыса, съ необыкновенною быстротой карабкались по скаламъ, разсѣивались по берегу или выбирали мѣсто у подошвы скалъ. Они собирались стаями штукъ по сорока-пятидесяти и немедленно приступали къ постройкѣ гнѣздъ. Выкопавъ ямку среди прошлогодняго помета, они натаскивали камешки, голыши и укладывали ихъ вокругъ отверстій. На другой день гнѣздо было готово, въ него усаживалась самка, а самецъ развлекалъ ее далеко не гармоничнымъ пѣніемъ.

Пингвины—большіе воришки и лѣнтяи. Они не очень-то охотно та-

скаютъ издалека камешки, а норовятъ украсть ихъ у сосѣдей. При этомъ они придерживаются хитроумной тактики: подходя къ чужому гнѣзду, они принимаютъ самый невинный видъ, притворяясь, что осматриваютъ мѣстность; но чуть владѣлецъ гнѣзда зазѣвался, какъ воришка ловко схватываетъ камешекъ и пускается наутекъ. Если его воровство замѣчено, самецъ бросается за нимъ въ погоню, и начинается драка, при чемъ сосѣди пользуются случаемъ и въ свою очередь растаскиваютъ голыши.

Пингвины дерутся, ударяя другъ друга крыльями - плавниками, и нерѣдко избиваютъ непріятеля въ кровь. Самки болѣе миролюбивы и бросаются разнимать своихъ повелителей, но это не всегда имъ удается,— разгоряченные вояки дерутся до тѣхъ поръ, пока одинъ не упадетъ въ бою. Разлетающіяся перья подбираются сосѣдями и употребляются на подстилку гнѣзда. Вся ватага поднимаетъ при этомъ оглушительный крикъ.

Пингвины начинаютъ кладку яицъ въ началѣ ноября; каждая самка кладетъ обыкновенно по два яйца бѣлаго цвѣта съ довольно толстой скорлупой. Содержимое яйца зеленоватаго цвѣта; желтокъ очень небольшой, зато много бѣлка.

Мы собрали около 4.000 яицъ для пищевого запаса и посолили ихъ. Вкусъ ихъ довольно пріятный, и мы ѣли свѣжія яйца съ удовольствіемъ.

Бѣдные пингвины, у которыхъ украли яйца, казались сильно опечаленными; впрочемъ, мы были не единственными похитителями; главные враги пингвиновъ — чайки, которыя безъ церемоніи прогоняютъ ихъ съ насиженнаго гнѣзда и кладутъ туда свои яйца.

Во время высиживанія самки ничего не ѣдятъ и только глотаютъ снѣгъ. Первые выводки появились 9-го декабря. Это были преуморительныя существа, темно-сѣрыя съ чернымъ ободкомъ вокругъ глазъ. Когда пингвинъ вырастаетъ, черный ободокъ становится бѣлымъ; растутъ птенцы необыкновенно быстро, при чемъ пожираютъ страшное количество пищи. Родители то и дѣло по очереди бѣгаютъ за кормомъ— всевозможными ракушками—и, вернувшись, раскрываютъ ротъ, куда птенецъ засовываетъ всю голову, чтобы достать пищу.

Около 18-го января птенцы оперились и покинули гнѣзда: родители пригласили ихъ на берегъ моря и тамъ учили плавать.

Кромѣ чаекъ, къ намъ прилетали и буревѣстники, вившіе гнѣзда на высотѣ 800 футовъ надъ уровнемъ моря. Если подойти къ самкѣ буревѣстника, она выплевываетъ красноватую жидкость очень непріятнаго запаха—это ея средство защиты.

Представителями млекопитающихъ были только киты и тюлени. Въ лѣтніе мѣсяцы мы видѣли довольно много китовъ, но количество ихъ было не настолько велико, чтобы могло составить промыселъ. Мы видѣли тюленей четырехъ видовъ, изъ нихъ самый большой — „морской леопардъ“, съ громадной головой, широкими челюстями и крупными

острыми зубами. Глаза у него маленькіе, но очень злые. За все время намъ удалось убить лишь четырехъ тюленей-леопардовъ. Рыба разной величины водилась въ изобиліи; породы рыбы намъ были совсѣмъ неизвѣстны, и зоологамъ еще предстоитъ опредѣлить эти наши находки. Безпозвоночныхъ животныхъ въ морѣ несчетное количество; морская вода такъ и кишѣла ими; мы добыли для своихъ коллекцій очень интересные экземпляры моллюсковъ, морскихъ звѣздъ, червей, всевозможныхъ медузъ, ракушекъ и даже нѣсколько кусочковъ краснаго коралла. Въ декабрѣ намъ удалось поймать такую огромную медузу, что три человѣка съ трудомъ вытащили ее изъ воды. Она была темно-коричневаго цвѣта съ желтыми щупальцами, и величиной $2^1/_2$ фута въ діаметрѣ.

Флора южныхъ полярныхъ странъ гораздо бѣднѣе, чѣмъ сѣверныхъ; тамъ на сѣверѣ встрѣчаются даже цвѣтущія растенія, а здѣсь мы могли разыскать только мхи и лишайники и то въ очень небольшомъ количествѣ на сѣверныхъ склонахъ скалъ. Изъ насѣкомыхъ были замѣчены лишь совсѣмъ крошечныя ногохвостки, которыя ползали по поверхности мха.

Антарктическое лѣто вполнѣ вознаграждаетъ за мучительную, безпросвѣтную зимнюю ночь. За исключеніемъ ураганов, которые свирѣпствуютъ и въ лѣтніе мѣсяцы, погода стояла удивительно пріятная, хотя и свѣжая. Ничто не можетъ сравниться съ красотою свѣтлой ночи, когда полуночное солнце мягкими желтоватыми лучами освѣщаетъ далекія снѣговыя вершины. Свѣтлая полночь безъ единой звѣзды! Солнце безъ-устали кружится по небу въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ — съ востока на западъ и съ запада на востокъ, черезъ каждые двѣнадцать часовъ пересѣкая меридіанъ на сѣверѣ и на югѣ. Солнечный свѣтъ не ослѣпляетъ своею яркостью, но всѣ самые отдаленные предметы видны отчетливо съ малѣйшими подробностями. Ночью лучи солнца теряютъ теплоту и воздухъ значительно охлаждается, но, собранные черезъ двояковыпуклое стекло, лучи солнца и ночью обладаютъ такою же силою, какъ и днемъ. Кусокъ картона, поставленный позади стекла, выжигался постепенно по мѣрѣ движенія солнца.

Ноябрь мѣсяцъ — самый пріятный въ южно-полярной области; небо было почти безоблачно, и ураганы не безпокоили насъ такъ часто, какъ въ другіе мѣсяцы. За лѣто было произведено много научныхъ работъ и сняты прекрасныя фотографіи. Магнитныя наблюденія дѣлались ежедневно съ большимъ интересомъ и безъ помѣхъ; зимою часто мѣшали полярныя сіянія, которыя производятъ такъ называемыя магнитныя бури; магнитная стрѣлка вдругъ начинаетъ безпорядочно вращаться то въ ту, то въ другую сторону, отклоняясь отъ своего нормальнаго положенія.

Члены экспедиціи теперь часто совершали поѣздки по льду замерзшей бухты на далекое разстояніе. Мнѣ удалось такимъ образомъ познакомиться съ ледяными горами, затертыми льдами около материка. Боль-

шинство изъ нихъ достигало отъ 100 до 140 футовъ вышины: верхняя покатая плоскость была покрыта снѣгами, края же представляли крутые обрывы. Наружныя части этихъ ледяныхъ громадъ представляютъ болѣе рыхлое строеніе, чѣмъ подводныя, которыя тяжелѣе, и не позволяютъ ледяной горѣ опрокинуться или накрениться на бокъ.

Ледъ и снѣгъ, покрывающій внутренность материка Земли Викторіи, спускается съ высоты и, достигая моря, образуетъ ледяную преграду въ нѣсколько сотъ футовъ толщины. Отдѣльныя льдины, отламываясь отъ сплошного льда, уплываютъ въ океанъ, представляя громадныя ледяныя горы или плоскія возвышенности.

Около средины ноября сплошной ледъ началъ раздаваться, и отъ самаго мыса Эдери открылась широкая полоса воды. Съ какимъ восторгомъ прислушивались мы къ плеску воды и любовались набѣгающими волнами. Нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ мы были затерты льдами и вдругъ увидѣли, что передъ нами раскрылся водный путь! Тысячи пингвиновъ бросились въ открытое море и ныряли и плескались, смывая накопившуюся грязь. Мы воспользовались открывшимся просторомъ, чтобы совершить нѣсколько поѣздокъ на каякахъ (лодкахъ). Надо было соблюдать однако большую осторожность, потому что приливы и отливы здѣсь очень сильны; мы видѣли, какъ льдины двигались съ быстротою 10—12 верстъ въ часъ, и если бы онѣ налетѣли на каякъ, то непремѣнно сокрушили бы его. Вода была настолько прозрачна, что можно было слѣдить за движеніемъ по дну моря всевозможныхъ моллюсковъ и ракообразныхъ. Въ верхнихъ слояхъ воды мы наловили много водорослей.

Къ концу декабря весь береговой ледъ взломался и его унесло теченіемъ въ открытое море. Съ какимъ волненіемъ наблюдали мы теперь, не возвращается ли нашъ „Южный Крестъ". Каждый день мы взлѣзали на вершину мыса Эдери и жадными взорами впивались въ горизонтъ; но ничего не было видно, и мы съ грустью возвращались въ свой поселокъ. Наступило Рождество и Новый годъ, а ожиданія наши все еще были напрасны. Невесело провели мы рождественскіе праздники. Невольно закрадывалось сомнѣніе, не случилось ли что-нибудь съ кораблемъ. Провизіи у насъ едва ли хватило бы еще на годъ, а запаса угля оставалось лишь на шесть мѣсяцевъ. Тяжелые переживались дни. Еще одна безпросвѣтная зима вдали отъ родины явилась бы тяжелымъ испытаніемъ.

Въ самый Новый годъ погода была великолѣпная; за послѣдніе дни ураганы не давали намъ покоя, и мы радовались наступившей тишинѣ. Мы лежали на крышѣ хижины почти цѣлый день и грѣлись на солнцѣ, какъ тюлени. Январь оказался однако очень сквернымъ мѣсяцемъ, чрезвычайно бурнымъ; къ тому же и настроеніе у всѣхъ было отчаянное. Несмотря на непогоду, мы попрежнему карабкались на скалы и наблю-

дали за горизонтомъ. Но каждый день слышался одинъ отвѣтъ: „корабля не видно“. Мы не могли даже работать, всякое дѣло валилось изъ рукъ,—такъ сильно было нетерпѣніе скорѣе увидать спасительное судно. Только туманъ носился надъ моремъ.

28-го января утромъ всѣ крѣпко спали па своихъ койкахъ, только Эллефсенъ вышелъ изъ хижины, чтобы принести мѣшокъ углей. Вдругъ онъ увидѣлъ человѣка, который шелъ къ нему навстрѣчу. Такое необычное явленіе настолько его поразило, что онъ сразу не могъ сообразить, спитъ ли онъ и видитъ сонъ, или это дѣйствительность. Но вскорѣ онъ къ великой радости призналъ въ этомъ человѣкѣ капитана Іенсена, который шелъ къ намъ съ почтовой сумкой черезъ плечо. Освѣдомившись, все ли у насъ благополучно, онъ вломился въ дверь нашей залы и, бросивъ мѣшокъ па столъ, закричалъ: „Почта!“ Мы всѣ повыскакали изъ своихъ берлогъ и окружили его. Бѣдняга очень постарѣлъ; видно, что отвѣтственность, которая лежала на немъ, тяжело отозвалась на его здоровьѣ. Мы обмѣнялись рукопожатіями, и эта минута была очень торжественна. Затѣмъ всѣ бросились къ мѣшку и, захвативъ почту, разбрелись, чтобы на свободѣ прочитать вѣсти изъ дома и узнать, что творится на бѣломъ свѣтѣ.

Можно сказать, что въ этотъ день мы испытали такое счастье, отъ котораго давно отвыкли.

Къ южному полярному материку.

(Э. Дригальскаго.)

21 февраля меня разбудили рано поутру извѣстіемъ: „Передъ нами земля!“ Сейчасъ же съ палубы я увидалъ сливающіяся, однообразныя, бѣлыя очертанія ледяныхъ горъ съ плоскими вершинами. Весь этотъ ледъ несомнѣнно лежалъ на материкѣ, такъ какъ на его поверхности виднѣлись темныя щели, расположенныя въ опредѣленномъ порядкѣ. У моря этотъ материковый ледъ заканчивается отвѣснымъ обрывомъ отъ 40 до 50 метровъ высотою. Лежащіе за этимъ обрывомъ склоны достигали до 300 метровъ высоты, и становились настолько плоскими, что прослѣдить ихъ дальше въ глубь страны было невозможно. Нигдѣ не виднѣлось свободной ото льда земли, все было погребено подъ исполинскимъ покровомъ материковаго льда. Въ четыре часа утра мы сдѣлали промѣры и получили зеленый илъ,—осадокъ материковаго происхожденія.

Сдѣлавши промѣры, мы повернули къ западу. Вокругъ насъ носился небольшой буревѣстникъ, на льдинахъ стояли пингвины.

Характеръ ледяного берега оставался тотъ же. Линія горизонта была слегка волниста; всюду къ морю материковый ледъ шелъ сначала отлого, потомъ все круче и круче до ледяного обрыва, спускавшагося въ

море. Судя по ледяному покрову, материкъ долженъ былъ представлять собою плоскую, холмистую страну.

Мы, повидимому, были на разстояніи около 3-хъ километровъ отъ берега, но пристать къ берегу было несомнѣнно негдѣ.

Прямо на западъ пути больше не было. Тамъ передъ нами тянулся рядъ ледяныхъ горъ, приблизительно, съ юга на сѣверъ; это были исполинскія глыбы, окруженныя болѣе мелкими осколками. Только на сѣверо-западѣ виднѣлся вдали болѣе широкій проходъ; туда мы и направились.

Около 3-хъ часовъ пополудни поднялся восточный вѣтеръ, который все крѣпчалъ и повлекъ насъ по нашему пути гораздо скорѣе, чѣмъ мы желали. Такимъ образомъ около 8 часовъ вечера мы очень быстро вошли въ широкій проливъ между ледяными полями.

Вокругъ насъ лежали сравнительно мелкіе обломки, колыхавшіеся на водѣ; кое-гдѣ на нихъ лежали тюлени. Мы прошли мимо горы, на которой стояли 21 пингвинъ; къ югу между ледяными горами тянулись полыньи.

Около 9-ти часовъ вечера, когда стало темнѣть, мы сдѣлали еще круговой обзоръ и обсудили положеніе вещей. Было невозможно продолжать тотъ же курсъ при надвигающейся темнотѣ, и крѣпнущемъ восточномъ вѣтрѣ. Лучше всего казалось держаться въ свободномъ пространствѣ, окружавшемъ насъ.

Трудно сказать въ точности, что было съ нами потомъ, и лишь нѣкоторые отдѣльные моменты остались въ памяти. Вѣтеръ превратился въ снѣжную бурю, которая заволокла все вокругъ. Мы боролись съ ней подъ полными парами, уклоняясь то къ югу, то къ сѣверу, и не въ силахъ были ничего сдѣлать. Буря трепала насъ, какъ и окружающіе льды, которые появлялись изъ тумана то тамъ, то здѣсь, гдѣ мы раньше и не были. Непроглядный туманъ вызывалъ массу оптическихъ обмановъ. Низкія льдины казались могучими горами, налетающими и грозящими обрушиться, погребая подъ собою нашего „Гаусса" и все бывшее на немъ, а, подойдя къ кораблю вплотную, таяли въ туманѣ или уплывали мелкими обломками. Но попадались и дѣйствительно большія горы, отъ которыхъ приходилось уходить на всѣхъ парахъ. Внутри корабля непрестанно раздавались сигналы машинисту, вверху, на палубѣ, команда капитана рулевому. Мы могли судить о собственномъ направленіи только по тому, какъ пересѣкалъ волны нашъ путь. Я самъ метался туда и сюда, капитанъ тоже. И все та же картина полнѣйшаго безсилія, безплодной борьбы съ побѣдоносно окружавшими насъ стихіями. Мы нѣсколько разъ мѣняли направленіе. Сначала мы легли къ востоку, но не попали противъ вѣтра; потомъ къ юго-востоку, повернувшись по вѣтру, и даже къ сѣверо-востоку, все съ тѣмъ же отрица-

тельнымъ результатомъ. Впередъ мы, конечно, не подвинулись; куда насъ унесло, тоже было неизвѣстно.

Такъ шли часы за часами. Возбужденіе смѣнилось покорностью, такъ какъ дѣлать было нечего. Только когда ледъ напиралъ и терся о корабль, являлась мысль—послѣдній ли это толчокъ или какъ-нибудь еще обойдется. Около четырехъ часовъ утра шорохъ у бортовъ сталъ сильнѣе и продолжительнѣе, потомъ перешелъ въ болѣе слабые звуки. Казалось, мы были окончательно затерты. Машина работала судорожно, но треніе не прекращалось; потомъ машина остановилась, и на кораблѣ настала тишина. Короткій сонъ нѣсколько успокоилъ взволнованныхъ отчаянной ночью людей.

Выйдя утромъ 22 февраля 1902 года на палубу, я увидалъ, что наше положеніе совершенно измѣнилось со вчерашняго дня: вчера—видъ новаго материка, кругомъ открытое море, свѣжее, бодрое рабочее настроеніе, сегодня—снѣгъ, вѣтеръ, туманъ, корабль, стиснутый сплошнымъ льдомъ, который уже почти успокоился и только слабо терся о борта. Полыньи являлись и пропадали; работать не приходилось, такъ какъ положеніе корабля оставалось неизмѣнно. У руля стоялъ матросъ и отъ времени до времени поворачивалъ его, чтобы освободить ото льда, но корабль не слушался. Мы лежали неподвижно, и это было даже хорошо, потому что въ бурю метаться межъ ледяныхъ горъ было бы страшно трудно.

Мы принялись за внутреннія работы—занимались въ лабораторіи, у машины, на палубѣ. Снаружи въ полыньѣ совсѣмъ около насъ плескался китъ, но его почти не было видно. Анемометръ показывалъ силу вѣтра 15 метровъ въ секунду, но навѣрное слишкомъ малую, такъ какъ мелкій снѣгъ сейчасъ же садился на инструментъ и служилъ помѣхой. Я самъ спустился въ машину и изслѣдовалъ поврежденіе судна. Въ нижней части у ватерлиніи свѣтилась большая дыра. Насосъ работалъ все время и помощникъ капитана заявилъ, что въ случаѣ, если не удастся починить дыру, намъ придется пожертвовать большою частью нашего угля.

Положеніе дѣлъ дня обсуждалось многократно, но безъ всякаго результата: мнѣній было много, совѣта ни одного, какъ всегда въ такихъ случаяхъ. Послѣ наизрѣлѣйшаго размышленія пришлось дѣйствовать наудачу, такъ какъ судьба наша была въ рукахъ стихій.

На слѣдующій день положеніе не измѣнилось. Наканунѣ, вечеромъ, буря притихла на короткое время, теперь же снова неистовствовала съ неизмѣнной силой. Снѣгъ былъ мелокъ и зернистъ, только изрѣдка встрѣчались сформировавшіяся звѣздочки; онъ хлесталъ въ лицо и мѣшалъ глядѣть. Температура—5° ниже нуля. Поутру брали ледъ, чтобы запастись водой, и нашъ докторъ Гацертъ взвѣшивалъ весь экипажъ,

что дѣлалось каждыя двѣ недѣли. Матросы спрашивали меня, останемся ли мы тутъ; я отвѣчалъ: „Надѣюсь, что нѣтъ, но не знаю“. Но общее настроеніе духа было лучше, чѣмъ наканунѣ; моряки нѣсколько оправились отъ напряженія и волненія. Это воскресенье было днемъ смерти Гаусса, какъ мы прочли въ календарѣ, и это наводило насъ на нѣкоторыя грустныя сопоставленія.

Послѣ обѣда отъ 4-хъ до 6-ти часовъ стало нѣсколько яснѣе. Съ мостика на разстояніи около 300 метровъ къ юго-востоку мы увидали ту самую гору съ пингвинами, мимо которой мы пронеслись вечеромъ 21-го февраля и которая во время бури послѣдовала за нами. Двое изъ нашихъ захотѣли попытаться пробраться къ ней по льдинкамъ, чтобы достать пингвиновъ, и сдѣлали это, хотя неоднократно проваливались въ воду и совершенно промокли. Волненіе было такъ сильно, что временами мы ихъ и они насъ теряли изъ виду. Они поймали двѣнадцать пингвиновъ и восемь изъ нихъ принесли съ собой; двое пришли самостоятельно по льдинамъ, и, конечно, прямо къ кораблю. Это были пингвины Адели (Pygoscelis Adeliae), которые какъ разъ въ это время линяли, ходили распустя перья, и поэтому не лазили въ воду. Несмотря на простую окраску—бѣлая грудь при черной головѣ и спинѣ,—они нравятся своей живостью; особенно выразительны большіе глаза, съ бѣлой каймой. Въ желудкахъ нашли камни и перья.

Метеорологическая будка окончательно отказалась служить, такъ какъ мелкій снѣгъ проникъ внутрь и сдѣлалъ самопишущіе инструменты негодными къ употребленію. Поэтому были установлены ежечасныя наблюденія, пока одному изъ младшихъ офицеровъ не пришла мысль окутать будку влажной матеріей, что очень помогло дѣлу. Снѣгъ ночью совершенно засыпалъ собакъ на палубѣ. „Гауссъ“ лежалъ спокойно, качаясь отъ вѣтра, но безъ всякихъ толчковъ. Не было замѣтно ни малѣйшаго волненія. Руль часто поворачивали, чтобы не дать ему вмерзнуть въ ледъ.

Вѣтеръ продолжался и въ слѣдующую ночь на 24-е февраля, сообщивъ нѣкоторое движеніе кораблю, который чуть-чуть повернулся, при этомъ на штирбортѣ было замѣчено значительное давленіе со стороны льда. Вѣтеръ былъ все еще очень силенъ; мачты гнулись, и помощникъ капитана со всѣми своими подчиненными только съ трудомъ удержалъ большой отвязавшійся парусъ; едва можно было держаться на мостикѣ противъ вѣтра. Мы—внутри корабля—занимались научными изслѣдованіями; я разсматривалъ снѣгъ подъ микроскопомъ: онъ представлялъ собою тонкій зернистый порошокъ; зернышки были большею частью круглы, меньше миллиметра въ поперечникѣ, нѣкоторыя неправильной формы. Съ полудня барометръ сталъ довольно быстро подниматься, температура также; позднѣе намъ пришлось не разъ убѣдиться, что въ

такихъ буряхъ наибольшій подъемъ температуры приходится къ концу. Въ полдень у насъ было только —0,8° и снѣгъ былъ влаженъ. 25 февраля было спокойнѣе, хотя сначала все еще шелъ снѣгъ. Собакъ спустили на ледъ, что ихъ безконечно обрадовало послѣ долгаго заточенія. Восточный вѣтеръ еще дулъ, но гораздо слабѣе. Передъ обѣдомъ мы произвели первый промѣръ въ нашемъ новомъ положеніи и нашли 385 метровъ глубины. Глубинный термометръ и приборъ для пробы воды, который мы присоединили къ лоту, не дали результатовъ, потому что снѣжная каша набилась въ винты и крышки инструментовъ, такъ что термомометръ три раза возвращался неперевернутымъ, а черпакъ открытымъ. На этотъ разъ мы впервые испытали, какъ трудно брать водяныя пробы въ полярной области,—едва вынутыя на воздухъ, онѣ замерзаютъ, и вслѣдствіе этого содержаніе соли претерпѣваетъ существенное измѣненіе. Послѣ этой попытки хотѣли заняться ловлей, но маленькій паровой воротъ, который мы хотѣли употребить для этой цѣли, оказался замерзшимъ. Удалось его оттаять; драгу спустили и со дна достали интересныхъ мшанокъ, а также другую богатую добычу.

Двое товарищей выискали себѣ льдину, гдѣ было можно производить магнитныя наблюденія, и начали строить ледяной домъ. Снѣгъ нигдѣ на льду не лежалъ толстымъ слоемъ и лишь слегка прикрывалъ многочисленныя трещины, изукрашенныя прекрасными пирамидальными кристаллами. Льдины соединяла густая снѣжная каша, ступивъ на которую, человѣкъ медленно увязалъ; многія льдины стояли торчкомъ, мѣстами были перемѣшаны съ обломками ледяныхъ горъ; но въ общемъ онѣ были нетронуты, только края округлились отъ тренія, а самыя льдины были угловаты и почти не источены водой, откуда можно было заключить, что въ этой области періодъ движенія льдовъ весьма коротокъ, что льды вскрылись недавно и теперь снова готовятся замерзнуть.

На корабль принесли маленькаго пингвина, который расхаживалъ по нему безъ всякаго стѣсненія, кряхтя и покрикивая съ гнѣвными тѣлодвиженіями; онъ сильно линялъ, густой покровъ перьевъ сохранился только на головѣ, что также могло увеличить дурное расположеніе его духа. Утромъ одинъ изъ товарищей застрѣлилъ тюленя-крабоѣда (Lobodon carcinophagas) и принесъ его на корабль. Нашъ зоологъ отпрепарировалъ черепъ и показалъ намъ любопытное устройство зубовъ этого тюленя; они сцѣпляются сверху и снизу 5—6-ю закругленными зубчиками и образуютъ нѣчто въ родѣ верши, черезъ которую при закрытой пасти вытекаетъ вода, оставляя во рту пойманныхъ ракообразныхъ.

Послѣ обѣда выглянуло солнце и къ 8-ми часамъ вечера стало свѣтлѣе, такъ что послѣ четырехъ дней снѣжной бури мы впервые могли осмотрѣться вокругъ въ нашемъ новомъ положеніи. Капитанъ съ мачты сообщилъ, что съ запада до сѣвера только въ одномъ мѣстѣ

видно свободное море; достигнувъ его, мы найдемъ свободный путь на западѣ; все остальное пространство покрыто льдомъ. Мы рѣшили на слѣдующее утро попытаться достигнуть этого свободнаго моря.

Наша попытка началась 26-го февраля съ 2-хъ часовъ ночи. Машина сильно работала, но „Гауссъ“ не шевелился. Чтобы дать ему нѣкоторый просторъ, вырубили дыру около задняго винта и снова попытались, — опять отрицательный результатъ. Тогда мы рѣшили взорвать ледъ, и главный механикъ сейчасъ же занялся приготовленіями. Въ это время мы бродили по льду, чтобы изучить окрестности, пока нашъ зоологъ опускалъ на самое дно свои верши и сѣти и вытаскивалъ множество ракообразныхъ.

Когда наши товарищи занимались магнитными работами на отдаленной льдинѣ, къ нимъ подошелъ одинокій странникъ въ образѣ королевскаго пингвина (Aptenodytes Forsteri), и скоро къ кораблю пришли еще четыре этихъ величавыхъ и крупныхъ птицы. Это въ высшей степени сильныя животныя, достигающія 70 фунтовъ вѣса; императорскій пингвинъ значительно крупнѣе. Двухъ изъ нихъ мы взяли живьемъ и принесли на корабль, другихъ двухъ убили, чтобы употребить въ пищу. Они были и остались совершенно безъ подозрѣній относительно людей и собакъ; если пойти имъ навстрѣчу и раздразнить ихъ, они, пожалуй, ударятъ клювомъ, но большею частью ближайшаго изъ собственныхъ родичей, на которыхъ возлагаютъ отвѣтственность за всякую помѣху. Эти королевскіе пингвины стали съ той поры нашими постоянными товарищами.

Послѣ обѣда 26-го февраля были сдѣланы первые опыты взрыва; прежде всего въ пробуравленную дыру въ 3 метра глубиною ввели патронъ пикриновой кислоты около килограмма вѣсомъ. Буреніе льдинъ шло попеременно легко и трудно: легко тамъ, гдѣ попадался болѣе твердый ледъ, въ которомъ буръ часто быстро проскальзывалъ сквозь пустыя скважины, тяжело—когда буръ проникалъ въ рыхлую снѣжную кашу, залегающую по скважинамъ и между слоями ледяныхъ глыбъ, гдѣ густой соленый растворъ поддерживаетъ ее въ полужидкомъ состояніи. Въ этой ледяной кашѣ буръ быстро застрявалъ, не двигался ни взадъ, ни впередъ, такъ что приходилось его откапывать.

Когда пришло время поджигать патронъ, зажигательный шнуръ отказался дѣйствовать. Очевидно, гуттаперчевая оболочка продырявилась и порохъ въ середкѣ отсырѣлъ.

На другой день были возобновлены попытки прорваться сквозь льды, — опять безъ результата. „Гауссъ“ не трогался, хотя экипажъ наканунѣ вырылъ ровъ вокругъ всего корабля. При этомъ нашли, что со штирборта подъ корабль втиснулась льдина, сообщивъ ему наклонъ въ этомъ направленіи. Слѣдовало взорвать ее и освободить задній винтъ.

Это удалось сдѣлать около 3 часовъ пополудни, послѣ чего „Гауссъ“ вдругъ освободился и накренился на другую сторону. Тѣмъ не менѣе попытки выйти изо льдовъ остались тщетными. Фунтовой патронъ пикриновой кислоты произвелъ трещины на 10 метровъ въ окружности, но ледъ не вскрылся. Взрывъ былъ силенъ, а трещины—тонкіе лучи, которые расходились отъ буровой скважины и сейчасъ же смерзались.

Къ вечеру взорвали цѣлую мину изъ 6-ти патроновъ, заложенныхъ въ ледъ на глубину до $4^1/_2$ метровъ вокругъ задней части корабля. Всѣ патроны взорвались одновременно, но отверстія не сдѣлали: ледъ былъ слишкомъ рыхлъ, и трещины, образованныя взрывомъ, снова закрылись.

Вдали тоже ничего не измѣнилось; на западѣ льды сдвинулись, но на сѣверо-востокѣ еще виднѣлись открытые проходы между горами. На югѣ, вдали, виднѣлся материковый ледъ, казавшійся поднятымъ надъ землею. Вокругъ насъ начинало таять подъ яркимъ и теплымъ свѣтомъ солнца; поверхность льда потрескалась, на краяхъ сильно потаявшихъ льдинъ повисли сосульки. Но это таяніе не проникало глубоко.

Вечеръ за вечеромъ мы видѣли прекрасное полярное сіяніе. Погода была ясна и тиха, только съ юго-востока дулъ легкій вѣтерокъ. Въ виду отсутствія другихъ занятій, общество упражнялось въ катаньѣ наролькахъ, что доставило большое удовольствіе и экипажу.

Въ послѣдующіе дни мы, повидимому, замѣтили приближеніе водной границы съ восточной стороны. Это могло быть обманомъ зрѣнія, происшедшимъ отъ того, что находившаяся тамъ полынья была одно время покрыта новымъ льдомъ, отчего она казалась бѣлой и лежащей въ большемъ отдаленіи; когда же ледъ растаялъ, темная вода стала видна отчетливѣе и казалась ближе.

28-го февраля въ прекрасную солнечную погоду была предпринята прогулка на край льдовъ. Берегъ полыньи, лежавшій немного далѣе одного километра отъ насъ, былъ испещренъ трещинами, и въ водѣ было замѣтно даже легкое волненіе. Изъ этого мы почерпнули надежду на возможность освобожденія, хотя на западѣ все было попрежнему и полыньи между горами понемногу затягивало льдомъ.

На краю полыньи всегда встрѣчались пингвины, доставлявшіе намъ много удовольствія. Они быстро плаваютъ по льду, отталкиваясь ногами и правя крыльями; по склонамъ искусно соскальзываютъ въ воду на животахъ.

Если ихъ гонятъ, они ныряютъ и кажутся совершенно скрывшимися изъ виду; тѣмъ болѣе удивились мы, когда 28-го февраля въ первый разъ увидали, какъ они одинъ за другимъ выпрыгивали на ледъ. Поднимаясь вертикально изъ воды, они подпрыгиваютъ вверхъ почти метра на два, откуда ловко падаютъ на ледъ и продолжаютъ свой путь

на животѣ. Слѣдуетъ соблюдать извѣстную осторожность, чтобы не быть пораненнымъ выскакивающими птицами. Это странныя созданія. Они плаваютъ по льду и летаютъ въ водѣ.

Во время экскурсіи на западъ мы встрѣтили небольшую ледяную гору, покрытую пингвинами Адели, которые сильно линяли и поэтому были въ самомъ немилостивомъ расположеніи духа. Они ворчали, какъ разгнѣванныя собаки, но потомъ обыкновенно падали другъ черезъ друга или кусали протянутыя имъ палки. Эти маленькіе пингвины не долго оставались около насъ. По мѣрѣ того, какъ ледяное поле вокругъ насъ расширялось, они удалялись за свободной ото льда водой.

Вечера въ это время были чудесные. Роскошная заря поднималась высоко въ небо на западѣ, между тѣмъ какъ съ востока набѣгали голубыя сумерки. Ясно сіяли звѣзды, приглашая къ астрономическимъ наблюденіямъ. На небѣ часто появлялось полярное сіяніе, озаряя холодную природу своимъ волшебнымъ свѣтомъ. Печать покоя лежала на всемъ, хотя открытое море было еще близко и на востокѣ, и на западѣ.

Всѣ на кораблѣ работали надъ его освобожденіемъ. 1-го марта поддалась общимъ усиліямъ льдина, которая, застрявши внизу, слегка нагнула „Гауссъ“ напередъ; ставшій относительно свободнымъ, корабль на всѣхъ парахъ двигался метровъ на 10 взадъ и впередъ въ продѣланной нами полыньѣ. Но выйти намъ не удалось; за нами и передъ нами льдины уже сплотились, какъ бы насмѣхаясь надъ всѣми попытками прорваться сквозь нихъ.

Ночи были такъ холодны, что все растаявшее днемъ подъ яркими лучами солнца замерзало снова, что въ сущности способствовало болѣе плотному спаиванію льдинъ между собою.

Нашъ метеорологъ провелъ въ наблюденіяхъ подъ открытымъ небомъ всю ночь на 2-е марта, давая себѣ короткіе промежутки отдыха въ спальномъ мѣшкѣ. Уже въ 10 часовъ вечера температура воздуха равнялась -17°, между тѣмъ какъ снѣгъ недалеко отъ поверхности имѣлъ только -6°. Эти температуры были все время такъ низки, что замораживали все. Поэтому нисколько не удивительно, что нашъ товарищъ въ своемъ спальномъ мѣшкѣ почувствовалъ нѣкоторую прохладу, такъ какъ онъ спалъ безъ палатки. Внутри ледяного дома, гдѣ онъ производилъ наблюденія, температура колебалась въ предѣлахъ отъ $1{,}9^{\circ}$ до $2{,}1^{\circ}$, несмотря на большую разницу между днемъ и звѣздной ясной ночью. Изъ этого было видно, какую хорошую защиту отъ холода представляютъ ледяные дома.

2-го марта вѣтеръ нѣсколько измѣнился, именно, онъ подулъ съ юго-востока; мы возымѣли нѣкоторую надежду, что этотъ, хотя и сла-

бый, вѣтеръ измѣнитъ наше положеніе. Въ зрительную трубу мы увидали еще полыньи; одна изъ нихъ, уже извѣстная намъ, тянулась съ востока къ сѣверо-западу на разстояніи 1—2 километровъ отъ насъ и на сѣверо-западѣ терялась среди ледяныхъ горъ, которыя кулисами виднѣлись тамъ. Но эти полыньи были уже отчасти покрыты новымъ льдомъ, толщина котораго 2-го марта равнялась 25 миллиметрамъ. Между плитками этого льда просачивался густой растворъ соли; когда онъ стекалъ, ледъ оказывался прѣснымъ и свѣжимъ на вкусъ, несмотря на свое происхожденіе изъ морской воды: соленыя составныя части заключены въ немъ механически и вытекаютъ или диффундируютъ наружу.

Послѣ полудня 2-го марта, второго воскресенья нашего заточенія, произошло событіе, взволновавшее весь экипажъ. При посѣщеніи края полыньи мы замѣтили вдали на другой сторонѣ крупныя ледяныя горы, которыя двигались туда и сюда, но къ намъ замѣтно не приближались. Вдругъ онѣ двинулись прямо на насъ и очень быстро. На кораблѣ все встревожилось, такъ какъ являлась мысль, что онѣ пробьютъ ледяное поле, защищающее насъ, и ринутся на „Гаусса". Но на восточномъ краю нашего ледяного поля онѣ запнулись и свернули къ западу-сѣверо-западу, слѣдуя внѣшней чертѣ ледяного поля; еще вечеромъ ихъ движеніе еще не прекратилось.

Мы взяли на корабль всѣхъ собакъ и уже разставленныя на льду сооруженія на случай, если ледяное поле уступитъ натиску горъ.

Долго въ этотъ вечеръ я стоялъ на мостикѣ и слѣдилъ за движеніемъ ледяныхъ горъ, которыя надвигались на насъ точно подъ вліяніемъ какого-то волшебства при совершенно тихой погодѣ. Онѣ затихли только къ 11-ти часамъ; вереница горъ, прошедшихъ къ сѣверу вдоль восточнаго края нашего ледяного поля, остановились передъ нимъ на разстояніи 1—2 километровъ сѣвернѣе „Гаусса". Такимъ образомъ мы были охвачены тѣснымъ кольцомъ ледяныхъ горъ, легко разбивавшихъ передъ собою еще некрѣпкій новый ледъ полыньи у края ледяного поля, такъ что все трещало и хрустѣло, пока и это движеніе не затихло. Я увидалъ, что наша судьба рѣшена: западня, въ которую мы попали, закрылась; природа поставила могучіе затворы передъ единственнымъ выходомъ, захватила насъ крѣпко въ ледяные тиски.

Къ южному полюсу.

(М. Жерлаша.)

Покинувъ Огненную Землю, мы направились къ Южно-Шетландскимъ островамъ.

19-го января 1895 г. около полудня мы замѣтили на юго-западѣ бѣловатый свѣтъ, принятый мною сначала за отблескъ льдовъ, — бѣло-

ватое сіяніе на небѣ, извѣстное морякамъ, привычнымъ къ полярнымъ путешествіямъ; оно происходитъ отъ отраженія на небѣ обширныхъ ледяныхъ полей, лежащихъ вдалекѣ. Но путь нашъ до сихъ поръ былъ свободенъ отъ льда и замѣченное сіяніе скорѣе происходило отъ отраженія покрытыхъ снѣгомъ острововъ, которые такимъ образомъ давали знать о своемъ появленіи на горизонтѣ.

Въ тотъ же день пошелъ сильный снѣгъ, и въ четыре часа мы встрѣтили первую ледяную гору. Всѣ сбѣжались на палубу, чтобы съ любопытствомъ осмотрѣть эту гору. Вокругъ судна стали появляться птицы все въ большемъ количествѣ: морскія ласточки, альбатросы, буревѣстники и многія другія.

20-го января въ 4 часа дня мы замѣтили землю на юго-востокѣ. Погода была пасмурная; во время ночи атмосфера сгущается, и скоро все заволакивается густымъ туманомъ. Въ воздухѣ тихо, но море волнуется легкой западной зыбью. Намъ часто встрѣчаются ледяныя горы и слышится какъ будто шумъ отдаленной грозы, происходящей отъ обваловъ этихъ горъ; во время нашего пребыванія среди льдовъ мы потомъ постоянно слышали этотъ шумъ, то отдаленный и глухой, то грозный и рѣзкій.

На слѣдующій день утромъ мы наткнулись на погруженную въ море подошву огромнаго покрытаго льдомъ острова и съ нѣкоторымъ трудомъ выбрались изъ этого непріятнаго положенія. Медленно мы двигаемся къ югу; море свободно ото льда, встрѣчаются только отдѣльныя льдины, съ которыхъ глядятъ на насъ любопытные пингвины. Иногда подымается туманъ и заволакиваетъ все кругомъ.

Острова и островки, встрѣчающіеся намъ въ теченіе двухъ дней, принадлежатъ къ группѣ Южно-Шетландскихъ острововъ. Большая часть ихъ вулканическаго происхожденія; они раздѣляются глубокими проливами и окружены рифами, что дѣлаетъ очень опаснымъ приближеніе къ нимъ, особенно если принять во вниманіе густой туманъ, постоянно обволакивающій ихъ. Они покрыты высокими холмами и горами, изъ которыхъ нѣкоторыя достигаютъ болѣе 1200 метровъ высоты. Круглый годъ этотъ архипелагъ погребенъ подъ толстымъ слоемъ снѣга. Но въ самой срединѣ лѣта, въ январѣ, тощіе мхи и лишайники покрываютъ кое-гдѣ скалы. Эти острова, гдѣ солнце рѣдко свѣтитъ нѣсколько часовъ сряду, надъ которыми никогда не искрятся звѣзды, скрытыя тяжелыми низкими облаками, — самая унылая страна, какую можно себѣ представить.

22-го января туманъ все такъ же густъ, дождь и снѣгъ идутъ попеременно, и море, все еще взволнованное, яростно бьется о рифы берега, который мы замѣчаемъ въ свѣтлые моменты. Ледяныя горы быстро проплываютъ мимо насъ, выдѣляясь на мрачномъ небѣ своими блѣд-

ными очертаніями. Волны съ глухимъ рокотомъ бросаются на корабль, обливая палубу его потоками воды. Около шести часовъ вечера мы подходимъ подъ вѣтромъ къ острову, гдѣ и остаемся въ дрейфѣ всю ночь.

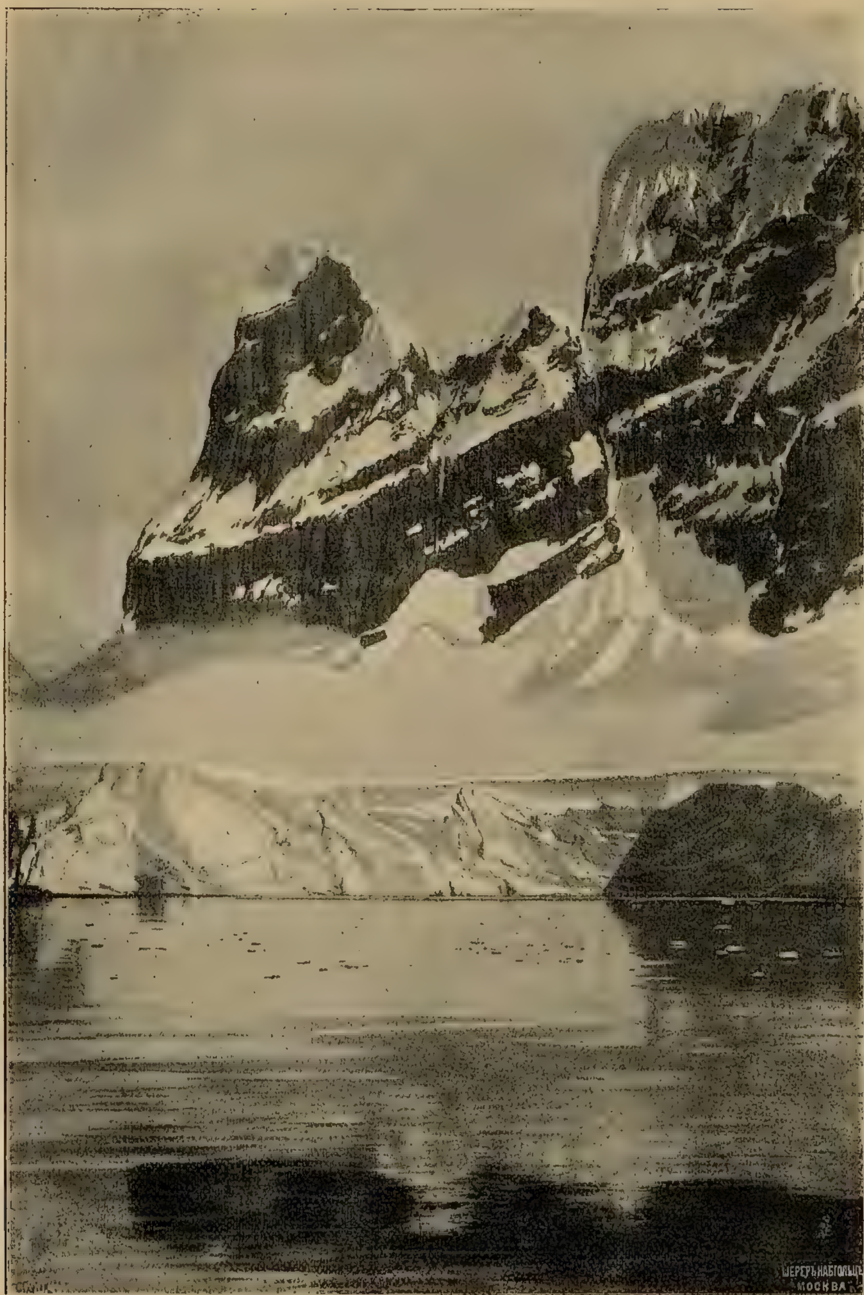
На другой день, 23-го января, погода была сносная, и мы направились къ Землѣ Греама, къ заливу Юза. Вскорѣ мы увидали берегъ и въ немъ обширный заливъ. Высокія горы замыкаютъ его со всѣхъ сторонъ, но туманъ довольно густъ и не позволяетъ намъ составить ясное представленіе о берегахъ. Окружающіе насъ берега высоки; въ бухтѣ видно нѣсколько ледяныхъ горъ, островковъ и островковъ, изъ которыхъ одинъ, не покрытый снѣгомъ, особенно привлекъ наше вниманіе, и мы сдѣлали на него нашу первую высадку. Мы пробыли тамъ около часа и, возвращаясь на судно, привезли хорошенькую коллекцію образцовъ горныхъ породъ, мховъ, лишаевъ, пингвиновыхъ яицъ и т. п., привели также двухъ молодыхъ пигвиновъ живьемъ.

Желая проникнуть какъ можно дальше въ глубь страны, мы направились къ юго-востоку, гдѣ, кажется, возможно пробраться между скалами. Около часа пополудни мы вошли въ узкій проходъ; но черезъ полчаса насъ остановилъ огромный ледникъ, запирающій этотъ проходъ на востокѣ. Оказывается, это узкая бухта; она усѣяна маленькими ледяными горами; нѣкоторыя изъ нихъ источены моремъ самымъ фантастическимъ образомъ. Перемѣнивъ направленіе, мы вышли изъ бухты и пошли около берега, снимая его очертанія съ помощью буссоли. Около пяти часовъ туманъ разсѣялся, и мы увидали довольно широкій проходъ въ цѣпи горъ, повидимому, совершенно замыкающихъ заливъ. Весь этотъ и слѣдующіе дни мы обходили берега залива Юза, снимая ихъ на карту. Во время нашего пребыванія въ заливѣ погода держалась почти спокойная и въ концѣ-концовъ достаточно ясная.

Закатъ солнца здѣсь удивителенъ, но хотя солнце уходитъ за горизонтъ, ночи нѣтъ: закатъ сливается съ разсвѣтомъ. Мы этимъ пользуемся, чтобы идти и работать почти безъ перерыва. Только очень поздно вечеромъ мы даемъ себѣ нѣсколько часовъ отдыха.

Наконецъ, 27-го января въ $3^1/_2$ часа мы оставили заливъ Юза и вошли въ проходъ, замѣченный ранѣе; заливъ Юза является только входомъ въ него. Дѣйствительно ли это проходъ? И куда онъ насъ выведетъ? Въ Тихій океанъ или въ Атлантическій? Было совершенно невозможно составить никакого мнѣнія на этотъ счетъ; невозможно даже опредѣлить, входимъ мы въ проливъ или въ фіордъ. Длинный каналъ замыкается выступами береговъ, рисующихся какъ кулисы одинъ за другимъ, — они могутъ скрывать и незамѣтные проходы и непреодолимыя препятствія.

Несмотря на наши опасенія, мы испытывали радость и волненіе, свойственныя морякамъ, когда ихъ корабль бороздитъ совершенно не-

Мысъ Ренаръ на землѣ Данко.

вѣдомыя волны. Мы не могли наглядѣться на высокія скалы, погружающіяся въ море, на таинственныя бухты, куда спускаются ледники, на вершины, устремляющіяся въ небо. Все это дико, безплодно, обнажено, но это наше богатство, такъ какъ это наши открытія. Когда мы высаживались, нашъ геологъ, откалывавшій куски самаго обыкновеннаго гранита, казался изыскателемъ, ищущимъ золотоносный песокъ; нашъ ботаникъ въ рѣдкихъ перерывахъ ледяного покрова, окутывающаго землю, срывалъ порою крохотный мохъ съ такой заботливостью, какъ будто дѣло шло о самой рѣдкой орхидеѣ.

Картина, развертывающаяся передъ нашими глазами и никѣмъ еще никогда не видѣнная, сурово величава. На полувысотѣ черныхъ, сѣрыхъ или красныхъ утесовъ плывутъ облака, легкія, какъ газъ; у подошвы утесовъ виднѣется блестящій бѣлый ледъ, окрашивающійся лазурью на уровнѣ моря. Тамъ и сямъ колышутся ледяныя горы странныхъ формъ и очертаній, словно очарованные замки или лазурные гроты, притягивающіе и обманчивые. Ледники, подобные большимъ застывшимъ рѣкамъ, впадаютъ и теряются въ морѣ, которое кажется совершенно чернымъ по сравненію съ такою массой бѣлизны. Вершины, увѣнчанныя снѣгомъ и льдомъ, сверкающія огнями подъ лучами солнца, бросаютъ отъ себя тѣни тонкихъ, сливающихся красокъ — нѣжно-голубыя, блѣдно-фіолетовыя. На льдинахъ тюлени двухъ видовъ блаженно дремлютъ или съ наслажденіемъ вытягиваются подъ лучами солнца. Море населено китами. Куда ни взгляни, всюду увидишь игры трехъ, четырехъ полосатиковъ или еще чаще горбачей. Ночью мы слышимъ ихъ глубокое дыханіе, которое одно, вмѣстѣ съ пронзительнымъ крикомъ пингвиновъ и глухимъ грохотомъ отдаленныхъ обваловъ, нарушаетъ величественную тишину, царствующую вокругъ насъ. Высокіе берега, окружающіе проливъ, изрѣзаны многочисленными значительными бухтами или просто маленькими заливчиками, въ которые сползаютъ ледники. Остроконечныя скалы, или „нунатаки“, черные силуэты которыхъ рисуются на бѣломъ фонѣ пейзажа, являются единственными точками, которыми можно воспользоваться для снятія карты.

30-го января я рѣшилъ высадиться на берегъ и произвести быструю съемку; всего насъ отправилось пять человѣкъ. Мы приготовили двое саней, навьючили на нихъ теодолитъ, нашу шелковую палатку, жаровню, запасъ керосина, спальные мѣшки изъ оленьей шкуры,—словомъ, все необходимое для болѣе или менѣе продолжительной экскурсіи по снѣгу и льду. Хотя мы располагали покинуть судно не болѣе чѣмъ на недѣлю, но провизіи взяли на двѣ.

Около четырехъ часовъ пополудни нашъ корабль подошелъ къ маленькой бухтѣ, около того пункта, который показался намъ наиболѣе удобнымъ для высадки, и гдѣ берегъ былъ не очень крутъ. Нагруженныя

Ледяная гора въ Антарктическомъ океанѣ.

санки были поставлены въ лодку, и мы поплыли. Весь берегъ загроможденъ обломками льда, и плаваніе было очень затруднительно; высадиться пришлось у подошвы крутой скалы, занятой бакланами; зыбь сильно затрудняла насъ.

Матросы помогли намъ втащить сани. Подъемъ былъ крутой: отъ 35 до 40 градусовъ. Мы лѣземъ, поминутно погружаясь въ снѣгъ и только послѣ усиленнаго труда, часамъ къ 8-ми вечера, добираемся до плато на высотѣ 1100 футовъ, гдѣ и устраиваемся на ночь. Мы поставили палатку, а наши товарищи возвратились на корабль, который во

Ледяная гора.

время нашего отсутствія продолжалъ изслѣдованіе канала къ югу и юго-западу.

Первую нашу ночь на землѣ мы провели со всевозможнымъ комфортомъ. Мы были тепло закутаны въ наши оленьи мѣшки, холодъ не очень силенъ, и насъ скорѣе заставляла страдать сырость. 31-го января часовъ въ 9 утра мы сложили багажъ и покинули мѣсто ночлега; утро было очень туманное, и мы по компасу направились къ сѣверо-сѣверо-западу, гдѣ мы еще раньше замѣтили скалистыя вершины. Но скоро туманъ усилился, и около 11 часовъ утра пришлось сдѣлать привалъ. Въ часъ дня туманъ порѣдѣлъ, и мы снова направили свой путь вверхъ по покатости, которая, повидимому, должна привести насъ къ

возвышенному пункту. Сначала мы прошли долину, пересѣченную нѣсколькими трещинами, потомъ, все время влача съ трудомъ свои санки, мы протащились около ста метровъ по подъему градусовъ въ сорокъ. Послѣ четырехъ часовъ изнурительной ходьбы мы остановились передъ глубокой и широкой трещиной, совершенно непереходимой; намъ не осталось ничего другого, какъ возвратиться по той же дорогѣ и вернуться ночевать въ равнину, пройденную нами послѣ полудня.

Когда мы проснулись на другой день, шелъ снѣгъ; вѣтеръ крутилъ по равнинѣ вихри мелкихъ и твердыхъ, какъ песокъ, снѣжинокъ. Мы попытались подняться по другому склону, съ южной стороны, но вскорѣ убѣдились, что скалистыя вершины, къ которымъ мы стремились, совершенно недоступны и подняться на нихъ немыслимо.

Во время этого перехода мы испытали сильное волненіе. Мой товарищъ Данко былъ впряженъ въ тѣ же сани, что и я; онъ налѣво, я направо, на разстояніи нѣсколькихъ метровъ. Вдругъ я вижу, что мой товарищъ внезапно исчезаетъ, какъ будто подъ его ногами открылся люкъ; я напрягаю всѣ силы, чтобы его удержать, но, по всей вѣроятности, я бы упалъ вмѣстѣ съ нимъ, если бы онъ не зацѣпился за стѣнки трещины, къ счастію не широкой, которая была скрыта отъ насъ снѣжнымъ мостомъ. Наши товарищи бросаются на помощь Данко, и мы вскорѣ вытаскиваемъ его безъ единой царапины.

Такой опасности мы подвергались ежеминутно. Равнина, по которой мы шли, была пересѣчена множествомъ узкихъ, но длинныхъ трещинъ, открытыхъ только на очень маломъ протяженіи. Въ виду этого приходилось на каждомъ шагу ощупывать почву своей палкой.

Въ пять часовъ мы снова остановились въ равнинѣ и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ принуждены были выбрать мѣстомъ наблюденія вершину одного изъ крутыхъ утесовъ „нунатаковъ", возвышающихся среди снѣжной равнины надъ маленькой бухтой, при входѣ въ которую мы высадились. Но туманъ снова сгустился и дѣлать съемку стало невозможно.

Благодаря туману въ продолженіе цѣлой недѣли едва ли удалось производить наблюденія долѣе трехъ часовъ сряду. Только одинъ разъ мы имѣли возможность любоваться удивительно величественной картиной. У нашихъ ногъ виднѣется прекрасный ледникъ, спускающійся въ заливъ; его нижняя часть, испещренная трещинами, имѣетъ видъ взволнованнаго и внезапно застывшаго моря. За проливомъ, разстилающимся передъ нами во всемъ своемъ величіи, виднѣется земля, насколько хватаетъ глазъ. Она имѣетъ видъ необозримаго ледяного поля, совершенно ровнаго: материковый ледъ все сравнялъ, выполнивъ собой глубочайшія долины, и совершенно закрылъ материкъ, который, повидимому, лежитъ на югѣ. Къ сожалѣнію, высота была не такъ велика, чтобы можно было

ясно различить многочисленные острова, лежащіе на востокѣ отъ главнаго материка. Земля эта была названа впослѣдствіи Землей Данко.

Туманъ и плохая погода осуждали насъ на бездѣйствіе. Тогда мы вели жизнь сибаритовъ у нашего скромнаго домашняго очага, вставали поздно, ложились рано, ѣли часто и много, чтобы убить время. Маленькая жаровня совсѣмъ не отдыхала; палатка постоянно была наполнена ароматомъ шоколада или вкуснымъ запахомъ гороховаго супа и овсяной каши.

Но этой пріятной жизни не суждено было продолжаться. Пятаго февраля пришлось перенести нашъ лагерь и поставить палатку на склонѣ, по которому придется спускаться къ кораблю. Дулъ сильный вѣтеръ

Въ саняхъ по материковому льду.

съ востока-сѣверо-востока, и палатка разорвалась со всѣхъ сторонъ. Сначала мы старались починить ее съ помощью булавокъ: получались все новыя и новыя дыры. Чтобы спасти хоть часть нашего убѣжища, пришлось принять энергическое рѣшеніе: мы сильно уменьшили размѣры палатки, пожертвовавъ черезчуръ плохими частями, потомъ для защиты отъ вѣтра воздвигли снѣжную стѣну съ подвѣтренной стороны. Теперь намъ приходилось очень тѣсно и мы прямо были притиснуты другъ къ другу. Холодно не было, но зато все время было очень сыро: почва оттаивала и мы вязли въ ней, а она—холоднѣе самаго льда. Всю слѣдующую ночь погода была ужасная, вѣтреная, и шелъ дождь. Дождь былъ такъ силенъ, что наша стѣна начинала таять. Утромъ нашъ лагерь прямо погибъ отъ оттепели, затопленный водой и талымъ снѣгомъ.

Когда вѣтеръ немного стихъ, мы взобрались на возвышеніе и подняли маленькій флагъ, чтобы указать мѣсто нашего пребыванія. Съ очень понятнымъ удовольствіемъ мы замѣтили наше судно въ проливѣ. Въ пять часовъ съ корабля за нами выѣхала лодка, и черезъ нѣсколько времени мы были уже у себя дома.

У береговъ земли Луи-Филиппа.

(О. Норденшильда.)

Въ четыре часа утра 12-го февраля 1902 года я стоялъ на палубѣ, впервые разсматривая берегъ и острова, которые должны были стать нашей родиной почти на два года. Былъ жестокій рѣжущій холодъ. Передъ нами лежалъ островъ Сноу-Гилль, покрытый мощнымъ ледникомъ. Ледяная масса, выдавшись въ море, образовала на сѣверо-западѣ узкій мысъ; между этимъ мысомъ и плоскогорьемъ лежитъ невысокій берегъ, положеніе и устройство котораго показались мнѣ какъ бы нарочно приспособленными для постройки станціи.

Во всякомъ случаѣ мнѣ хотѣлось ближе изслѣдовать это мѣсто,—и скоро была снаряжена лодка, въ которой я отправился на берегъ вмѣстѣ съ наиболѣе заинтересованными изъ моихъ спутниковъ. Между неподвижными глыбами льда пробрались мы къ берегу. Упомянутый низкій участокъ берега представляетъ узкій промежутокъ, самая длинная сторона котораго тянется на нѣсколько сотъ метровъ; съ одной стороны онъ защищенъ высокимъ краемъ плоскогорья, съ другой—отвѣсной ледяной стѣной.

Не мало различныхъ вещей пришлось намъ доставить на берегъ, чтобы дать шести человѣкамъ возможность провести здѣсь два года. Всѣ люди были заняты переправой до поздней ночи, и въ концѣ этого долгаго рабочаго дня мы могли быть довольны сознаніемъ того, что значительная часть необходимыхъ для зимней станціи припасовъ была уже на сушѣ.

Вечеромъ большая часть нашего груза была на берегу. На суднѣ, кромѣ нашего багажа и нѣкоторыхъ вещей, нарочно оставленныхъ до самаго послѣдняго времени, находилась еще большая часть угля для станціи. Такимъ образомъ, слѣдующій день долженъ былъ быть послѣднимъ, проведеннымъ нами на борту судна.

Я сидѣлъ и писалъ еще до трехъ часовъ утра, но прежде, чѣмъ лечь въ постель, вышелъ на палубу. Вечеръ былъ чудесный, и ни раньше, ни послѣ я не видалъ въ этихъ мѣстностяхъ такой яркой окраски неба. Теперь начинало свѣтать, утро было прекрасно и все вокругъ такъ тихо и мирно. Я обмѣнялся нѣсколькими словами съ штур-

Во льдахъ.

маномъ, который держалъ вахту и прохаживался взадъ и впередъ по палубѣ. Онъ обратилъ мое вниманіе на массу льда, вплывавшую въ проливъ, хотя это не возбуждало опасеній ни съ какой стороны. Только что я заснулъ въ своей койкѣ, какъ капитанъ велѣлъ мнѣ сообщить, что сѣверный вѣтеръ крѣпчаетъ и намъ навстрѣчу движутся массы льда. Въ тотъ же мигъ я былъ опять на ногахъ, и потребовалось немного времени, чтобы работа была снова въ полномъ разгарѣ. Дѣло было въ томъ, чтобы перевезти на берегъ хотя бы самое главное изъ оставшихся вещей. Ледъ прибывалъ мощными глыбами и приходилось опасаться, не стали бы онѣ слишкомъ сильно ударять о корабль. Вначалѣ мы были очень озабочены, потому что крупная льдина могла легко оборвать якорную цѣпь и погнать насъ прямо на ледникъ Споу-Гилля. Какъ всегда, въ минуты прощанья оказалось множество вещей, о которыхъ надо подумать, личные вопросы, которые надо рѣшить, порученія, которыя надо передать путешественникамъ, и т. д. Между тѣмъ нагруженныя лодки начали свое послѣднее медлительное путешествіе. Но часы шли быстро, и скоро мы увидѣли, что лодки отчалили отъ берега, приближаясь къ кораблю.

Ледъ шелъ не такъ быстро, какъ мы думали, но онъ шелъ большими глыбами, и капитанъ стремился къ тому, чтобы какъ можно скорѣе отправить насъ въ путь. Наконецъ, пришли послѣднія пустыя лодки,—теперь надо было отвезти на берегъ, кромѣ насъ, еще собакъ, нѣкоторые инструменты и кое-какія позабытыя мелочи. Не хватало также еще двухъ лодокъ, которыя были должны остаться при станціи. Пока „Антарктикъ“ поднималъ якорь и разводилъ пары, мы спустили собакъ, съ большимъ безпокойствомъ наблюдавшихъ за опасной переправой. Послѣ короткаго прощанья мы сами спустились въ лодки и отчалили. Обѣ стороны ощущали что-то странное, но торжественнаго прощанья не было, только нѣсколько взмаховъ желто-синяго флага, пока мы мало-по-малу удалялись отъ корабля. Грести было тяжело и, когда мы достигли берега, „Антарктикъ“ уже исчезъ изъ виду. И вотъ мы стояли на берегу, одинокіе и покинутые, первые обитатели этой пустынной страны. Былъ отливъ, и масса большихъ ледяныхъ глыбъ, которыя сѣверный вѣтеръ загналъ въ заливъ, стали у берега, такъ что намъ было тяжело пробираться съ лодкой и стоило большого труда доставить наши вещи до большого склада, устроеннаго тутъ же на берегу.

Мы присѣли на нѣсколько минутъ среди вещей, чтобы осмотрѣть окрестность и сообразить, какъ слѣдуетъ распредѣлить работу. Прежде всего мы рѣшили приняться за магнитную обсерваторію: она была устроена такъ, что намъ оставалось только соединить между собою отдѣльныя заранѣе изготовленныя части. Такимъ образомъ при ничтожной затратѣ труда мы могли имѣть готовый домъ, дающій намъ по крайней

мѣрѣ крышу надъ головою. Мы принялись за работу, и дѣло стало подвигаться быстро впередъ.

Съ самаго ранняго утра никто изъ насъ не имѣлъ времени подумать о ѣдѣ. Видя, что постройка почти закончена, я пошелъ на берегъ въ сопровожденіи Экелӧфа, чтобы смастерить кое-какой ужинъ. Мы намѣревались разбить палатку, но оказалось невозможно найти всѣ необходимыя части въ ворохѣ вещей. Вмѣсто этого мы устроили себѣ премиленькую столовую, поставивъ другъ на друга нѣсколько ящиковъ положивъ сверху ситцевую занавѣску, которая сдвигалась по мѣрѣ надобности. Здѣсь мы и питались въ теченіе послѣдующихъ дней, въ

Зимнее жилье.

снѣжную, бурную или солнечную погоду, смотря по обстоятельствамъ. Теперь, во время самой тяжелой работы, мы не жадничали на лакомые куски. Собаки ѣли вмѣстѣ съ нами и часто пили изъ тѣхъ же чашекъ.

Для насъ было большое счастье, что оба слѣдующіе дня погода была такъ хороша и мы могли всѣ силы употреблять на постройку нашего жилища. 16 февраля было воскресенье, но объ этомъ было нечего и думать при нашихъ обстоятельствахъ. Тѣмъ не менѣе послѣ обычнаго восьмичасового рабочаго дня, въ теченіе котораго я плотничалъ, сколачивая стѣны и крышу, я счелъ возможнымъ сдѣлать послѣобѣденную прогулку въ горы, чтобы осмотрѣть наше королевство и сверхъ того получить нѣкоторое представленіе о количествѣ льда вокругъ насъ и возможности возвращенія судна.

Мой путь шелъ по крутому склону, на который я такъ часто взбирался съ тѣхъ поръ. Какое множество чудеснѣйшихъ окаменѣлостей валялось вокругъ! Но сегодня я не могъ терять времени около нихъ,— послѣ будетъ довольно случаевъ для этого. Преодолѣвъ послѣдній подъемъ, я очутился на верхнемъ плато, куда еще не ступала человѣческая нога. Здѣсь было множество предметовъ, привлекавшихъ вниманіе,— передо мною разстилалась цѣлая коллекція каменныхъ породъ острова, перемѣшанныхъ кое-гдѣ съ чуждыми глыбами, появленіе которыхъ требовало особыхъ объясненій. Очень было заманчиво остаться около нихъ, но я хотѣлъ пройти дальше внутрь материка. Путь шелъ по краю глубокихъ ущелій; мощные утесы подымались надъ окрестностью, подобно крѣпостямъ со стѣнами, зубцами и башнями, порою принимая фантастическія очертанія, выдѣляясь изъ безформенныхъ массъ, точно исполинскіе сфинксы. Такъ и хочется продолжить это сравненіе, потому что вокругъ меня разстилалась пустыня страшнѣе Сахары. Ни слѣда растительности, песокъ даже не можетъ лежать на одномъ мѣстѣ,— буря уноситъ все, что можно сдвинуть съ мѣста, такъ что почва состоитъ изъ крѣпко сплоченныхъ камней или голыхъ скалъ, которымъ вѣтеръ придалъ своеобразныя очертанія.

Но я иду впередъ внутрь материка. Къ югу передо мною разстилается безконечная слегка волнистая равнина льда и снѣга. Это Сноу-Гилль, „Снѣжная верхушка", именемъ котораго я назвалъ весь островъ, что, впрочемъ, не совсѣмъ справедливо, такъ какъ мы выбрали островъ для зимовки не изъ-за снѣга, а благодаря присутствію свободнаго отъ снѣга мѣстечка, что и послужитъ его извѣстности въ грядущія времена. Туда я направляю свои шаги и тамъ нахожу открытый видъ въ обѣ стороны. На востокѣ моимъ глазамъ представляется безконечное, покрытое льдомъ море, но ледъ расположенъ такъ, что наше судно могло бы безъ затрудненія проложить себѣ дорогу.

И такъ стоялъ я среди этой величественной природы, пока солнце медленно спускалось за горделивымъ снѣжнымъ гребнемъ горы Хаддингтона, золотя дальніе льды на восточномъ горизонтѣ. Вокругъ—ни звука; трудно было бы найти болѣе одинокаго и отрѣзаннаго отъ міра человѣка. Эта пустынная страна теперь на долгое время должна быть родиной, составить все для меня и моихъ товарищей.

Уже темнѣло, когда я возвращался. На крайнемъ выступѣ скалы я пріостановился и посмотрѣлъ въ долину, гдѣ стоялъ нашъ домъ. Товарищей я едва различалъ, но удары молотковъ говорили, что работа еще не прерывалась. Скоро и я былъ внизу между ними.

Янъ-Майенъ.

(К. Фохта.)

Двѣнадцатаго августа, въ понедѣльникъ, рано утромъ задулъ попутный вѣтеръ и въ нѣсколько часовъ скрылъ материкъ изъ нашихъ глазъ; но не долго дуло; вскорѣ началось сильное морское волненіе, пошелъ дождь, палъ туманъ и насъ непріятно качало. Однако на слѣдующій день ярко сіяло солнце и была теплая погода, что, казалось, нравилось и китамъ; они цѣлый день играли вокругъ корабля и особенно трое провожали насъ часа два на нѣкоторомъ разстояніи. Пріятно было глядѣть, какъ въ опредѣленные промежутки времени всплывали они одинъ за другимъ, пускали вверхъ фонтаны, потомъ выставляли надъ поверхностью воды свои темныя спины и хвосты и затѣмъ опять опускались, но на такую глубину, что можно было ясно различить ихъ движенія по волнамъ, которыя они разводили на спокойной поверхности. Показались и буревѣстники—обитатели открытаго моря, которыхъ до сихъ поръ намъ не доводилось видѣть. У нихъ толстыя совиныя головы, короткое тѣло и длинныя сѣрыя крылья. Они постоянно носятся надъ волнами почти у самой воды, легко прорѣзываютъ водяные валы, въ гребнѣ которыхъ они преимущественно отыскиваютъ свою пищу, состоящую изъ маленькихъ рачковъ, и съ ненасытною жадностью набрасываются на куски сала и хлѣба, которые мы бросаемъ съ корабля. Говорятъ, они предвѣщаютъ бурю, наша же счастливая звѣзда пересилила и они принесли съ собой только хорошій сѣверо-восточный вѣтеръ, который гналъ шкуну со скоростью десяти узловъ въ часъ. Нашъ корабль невыносимо качало, такъ какъ морское волненіе было въ бокъ. Китъ почти 20 фут. длины (по его бѣлому брюху и бѣлымъ плавательнымъ перьямъ мы признали въ немъ молодого гренландскаго кита) нѣсколько разъ выныривалъ изъ-подъ корабля и такъ близко отъ киля, что мы дивились, не чувствуя никакого толчка.

Понедѣльникъ, 19-ое августа. Нельзя сказать, чтобы поѣздка Ледовитымъ океаномъ была пріятна. Вчера, въ воскресенье, цѣлый день полнѣйшій штиль; море гладкое, какъ зеркало, и темное, черноватое, какъ кровельный шиферъ, и рѣшительно ни одного живого существа на его поверхности, на которую точно пролили масло; прибавьте къ этому сильную зыбь: море медленно вздымалось и опускалось, такъ что корабль страшно накренивало и за завтракомъ намъ трудно было спасать чашки и стаканы, которые ежеминутно сползали со стола. Вначалѣ хоть было на что смотрѣть; надъ моремъ носилось множество буревѣстниковъ и они летали такъ близко, что мы, давъ нѣсколько промаховъ, убили троихъ. Но потомъ туманъ обволокъ насъ, сталъ гуще и тяжелѣе, съ парусовъ капало, какъ при сильномъ дождѣ; все было сыро, мокро, хо-

лодно, непріятно и во ста шагахъ нельзя было ничего разглядѣть. Холодно: 6° по Реомюру. Но мы были довольны и веселы, надѣясь, что туманъ скоро уляжется: намъ просто казалось невозможной продолжительность такого густого тумана. Вечеромъ потянуло свѣжимъ северозападнымъ вѣтромъ и это еще болѣе обнадежило насъ. Шкуну держали прямо на островъ Янъ-Майенъ, лежащій почти у полярныхъ льдовъ.

Сегодня утромъ, хотя небо покрыто сѣро-свинцовыми, низкими тучами, туманъ поднялся вверхъ, и поэтому въ 5 часовъ подняли всѣ паруса и скоро понеслись на сѣверъ—туда, гдѣ долженъ показаться Янъ-Майенъ. Но вотъ 11 часовъ, и еще ничего не показывается, кромѣ тупиковъ, которые на своихъ короткихъ крыльяхъ вообще не далеко летятъ отъ берега и, такимъ образомъ, даютъ знать, что неподалеку земля. Мы сидимъ въ своей хорошо натопленной каютѣ, чертимъ, рисуемъ, пишемъ и по временамъ кто-нибудь изъ насъ поднимается наверхъ и обозрѣваетъ шиферно-сѣрый океанъ, не покажется ли гдѣ земля. Становится холоднѣе; термометръ Реомюра показываетъ въ воздухѣ и водѣ только 4°; итакъ, со вчерашняго дня похолодало на 2 градуса. Во всякомъ случаѣ это доказываетъ близость льда, хотя, можетъ быть, и на порядочномъ разстояніи, такъ какъ еще не замѣтно того яркаго блеска, который отражаетъ ледъ на горизонтѣ на разстояніи нѣсколькихъ миль, прежде чѣмъ завидѣть его. Мы, конечно, полагаемся не на одни эти признаки, а дѣлаемъ и другія наблюденія, которыя должны разъяснить намъ, въ чемъ дѣло. Вѣдь вода и воздухъ становятся холоднѣе вблизи льда—и мы наблюдаемъ ежеминутно термометръ, повѣшенный на палубѣ, и онъ дѣйствительно падаетъ противъ утреннихъ показаній, тогда какъ ему слѣдовало бы подниматься при приближеніи полудня. Кромѣ того, регулярно каждые 4 часа, иногда и чаще, мы черпаемъ морскую воду, опускаемъ въ нее термометръ, и его пониженіе доказываетъ усиливающійся холодъ и, слѣдовательно, близость льда.

Уже 4 часа пополудни. Наконецъ-то! Когда мы въ половинѣ третьяго сидѣли за обѣдомъ, капитанъ закричалъ: „Янъ-Майенъ! Скорѣй!“ Мы бросились сломя голову на палубу; передніе еще видятъ высоко въ небѣ громадную снѣжную вершину въ разступившемся туманѣ, заднимъ ничего не видно. Нѣсколько минутъ спустя еще разъ показалась косо поднятая снѣжная линія съ немногими хребтами скалъ, потомъ опять все покрылось мрачнымъ туманомъ. Немного погодя со стороны моря порвалась нѣсколько завѣса и, на разстояніи одной мили, показался длинный, темный берегъ, о который мѣстами высоко разбивается прибой въ колоссальные фонтаны; виднѣются глетчеры, сползшіе къ самому морю и въ туманѣ похожіе на громадные каскады. Мы насчитали три: одинъ большой и нѣсколько меньшихъ, точно небольшіе ручьи. Но виденъ только небольшой, невысокій отрѣзокъ надъ водою, только подошва

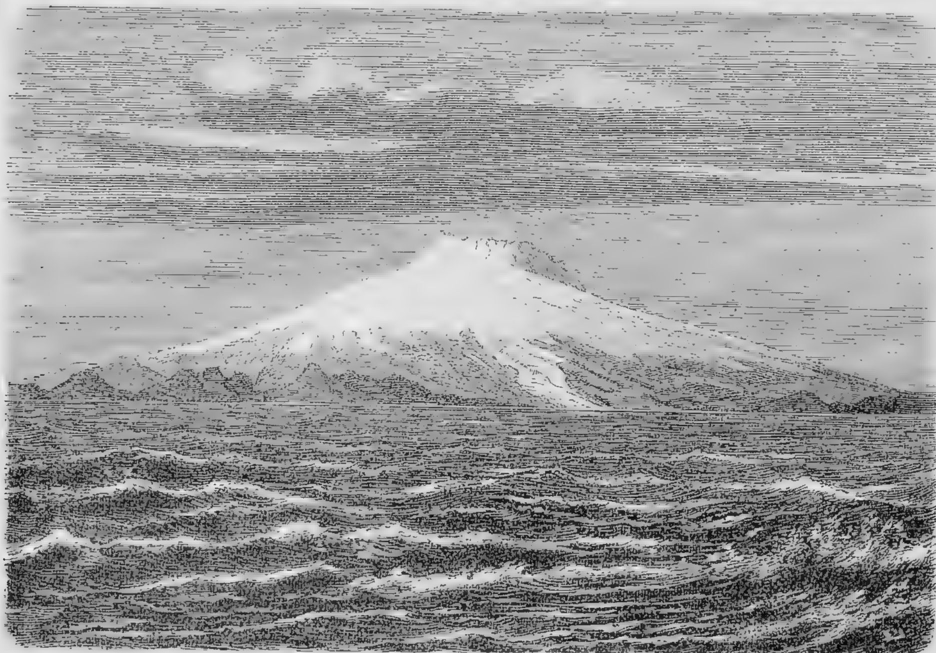
горы; все остальное, повыше, густо закутано туманомъ. Сію минуту, когда я пишу это, въ прорывѣ тумана еще разъ показалась вершина и яснѣе, чѣмъ прежде. Слѣва, на югъ, широкая вершина покрыта снѣгомъ, за нею нѣсколько болѣе низкихъ вершинъ, на которыхъ снѣгъ нависъ кровлею; дальше опять высокая вершина, за нею—еще перевалъ и мрачный снѣжный утесъ, круто обрывающійся въ море. Закутанная въ непроглядный туманъ, который порвался только въ этомъ мѣстѣ, съ мрачнымъ моремъ у подошвы, эта гора была гораздо поразительнѣе и величавѣе Юнгфрау. Здѣсь такая же потрясающая картина, если даже не болѣе, такъ какъ здѣсь нѣтъ передняго плана, и только туманъ, сѣрыя тучи, темное, шиферное море да нѣсколько морскихъ птицъ даютъ рамку этой картинѣ.

Врядъ ли можно выразить наше восхищеніе, еще менѣе восторгъ нашего капитана, котораго мы осыпали похвалами, такъ какъ онъ, несмотря на частую перемѣну курса, такъ вѣрно опредѣлилъ, гдѣ мы были. Онъ прыгалъ по палубѣ, попалъ въ чанъ съ водой и былъ веселъ какъ дитя, нашедшее потерянный мячъ... „Теперь все хорошо,—кричалъ онъ,—теперь мы знаемъ, гдѣ онъ, и возлѣ него нѣтъ льда, потому что видны буруны у обнаженнаго берега! Это колоссальный хребетъ! Да и высокъ долженъ быть онъ! Я видѣлъ Этну, та гораздо меньше! Какъ вы сказали его вышина? 6.870 футовъ? Онъ по крайней мѣрѣ въ 14.000 ф.! Но я на него не полѣзу!“

Мы мирно согласились съ нимъ; и такъ какъ берегъ совершенно свободенъ и на горизонтѣ нигдѣ не видно льда, то мы рѣшили обождать до завтра, не прояснится ли. И если такъ, то мы направимся къ западной части острова, гдѣ хорошая якорная стоянка, которая, конечно, можетъ быть разъ въ двадцать лѣтъ бываетъ чиста ото льда, какъ сегодня, и попробуемъ выйти на берегъ и изслѣдовать островъ.

Среда, 21-ое, утро. Вчера въ полчаса третьяго на разсвѣтѣ насъ разбудилъ капитанъ. Было холодно,—только $+2,5^0$ по Реомюру, но видъ очаровательный. На юго-западѣ заходила полная луна, на сѣверо-востокѣ заря предвѣщала скорый восходъ солнца; а между ними почти въ $1^1/_2$ миляхъ отъ насъ громадная гора. Свѣтло, ясно, небо безоблачно и туманъ оставилъ по себѣ нѣсколько полосъ, которыя вскорѣ пропали. То, что мы приняли вчера за отдѣльныя вершины, оказалось полукруглымъ вѣнцомъ кратера, который весь покрытъ громаднымъ количествомъ снѣга и вырѣзанъ зубьями, между которыми вьются книзу глубокія трещины. Что существуетъ внутреннее отверстіе, вѣроятно кратеръ, засыпанный снѣгомъ, можно заключить по тому, что изъ-за полукруглаго вѣнца поднимается зубецъ, обращенный къ намъ своею отвѣсною, черною стороною, тогда какъ противоположная его сторона покрыта снѣгомъ. Мы видимъ теперь новые глетчеры, которые идутъ сверху и спу-

скаются въ море, постоянно сосущее ихъ; глетчеры такъ же страшно круты и изорваны, какъ самые дикіе швейцарскіе ледники, и не можетъ быть даже и рѣчи о томъ, чтобы взойти на нихъ, тѣмъ болѣе, что они падаютъ въ море совершенно отвѣсными уступами въ 1.000 фут. высоты. Многіе глетчеры совершенно засыпаны валунами, пескомъ, каменными глыбами и пепломъ, другіе нѣсколько свѣтлѣе, но нѣтъ ни одного совсѣмъ чистаго, хотя всѣ они почти до основанія покрыты снѣгомъ. Они спускаются по дикимъ ущельямъ, которыя прорыты въ высокихъ отвѣсныхъ скалахъ. У верхушки горы эти скалы образуютъ заостренныя нависшія ребра, ясно указывая на свое происхожденіе изъ слоевъ лавы. Отъ нихъ внизъ, къ морю идутъ отвѣсные уступы, о которые бьется бурунъ и брызжетъ высокимъ фонтаномъ. Средняя часть горы занята большимъ ледниковымъ полемъ, которое только мѣстами порвано каменными ребрами и откуда берутъ начало всѣ глетчеры.

Янъ-Майенъ.

Мы всѣ до одного рисовали по крайней мѣрѣ часа 2 сряду, несмотря на рѣзкій холодъ, и только иногда спускались въ капитанскую каюту погрѣть себѣ руки у печурки, а желудокъ—черным кофе и коньякомъ. Солнце взошло—и прямо противъ насъ дивно заблистала вся восточная сторона горы.

Отдохнувъ часа два, мы попробовали причалить къ берегу. Большая лодка при четырехъ гребцахъ съ капитаномъ и со всѣми нами отчалила къ берегу. Гребутъ часъ, а берегъ кажется все такъ же далекъ. Буревѣстниковъ несмѣтное число и они до того дерзки, что почти сбиваютъ шапки съ нашихъ головъ. Наконецъ, послѣ двухъ часовъ, мы у берега. Плотные сѣрые пласты лавы выдаются уступами наподобіе лѣстницы и отвѣсно падаютъ въ море; между ними вывѣтрившіяся, раздробившіяся, истертыя горныя породы, здѣсь цвѣта киновари или крови, тамъ сѣрно-желтыя или зеленоватыя, тамъ опять глубоко-черныя и земляныя, усажены несмѣтными стаями птицъ (исключительно буревѣстниками); страшные зубцы скалъ поднимались вверхъ какъ пальцы или руки на отвѣсныхъ, выполненныхъ трещинахъ, въ которыя лава проникала снизу. Право, страшно! Подъ этими отвѣсными скалами въ тысячу футовъ вышины, которыя доступны только птицамъ и между которыми висятъ токіе же отвѣсные, крутые глетчеры, тамъ и сямъ стоятъ наносные конусы съ довольно крутыми отлогостями; эти конусы образованы вывѣтрившимися горными породами, и къ нимъ еще можно бы пристать. Но какъ разъ на эти песчаные и пепельные склоны, на которыхъ изрѣдка только лежитъ глыба побольше, море накатываетъ съ неописаннымъ бѣшенствомъ валы прибоя. Капитанъ объявляетъ, что нѣтъ никакой возможности пристать. Мы гребемъ часъ, два, три вдоль берега; высматриваемъ, споримъ, ругаемся, а пристать все-таки нельзя.

Мы поплыли мимо обоихъ большихъ глетчеровъ, которые сливаются внизу у моря. Вода мутна, дальше показалась красноватая пузыристая пѣна, пепелъ, смѣшанный съ пѣной прибоя, такъ что кажется, будто пемза плаваетъ по водѣ; наконецъ, видны и куски льда на волнахъ, оторванные отъ глетчера бушующимъ буруномъ. Но во льду застряли камни и зола, такъ что нѣкоторые куски на видъ совершенно черны.

Мы добывали куски льда баграми и палками, околачивали камни побольше, и вдобавокъ нагрузили лодку цѣлой партіей льда, который мы думали растопить на кораблѣ и такимъ образомъ добыть золу и песокъ.

Было ужъ поздно, и такъ какъ снова наступилъ туманъ, то рѣшено воротиться. Буревѣстники, которыхъ мы прежде щадили въ надеждѣ на лучшую добычу на берегу, теперь поплатились за обманутую надежду. Я схватилъ ружье и убилъ нѣсколько этихъ птицъ.

А птицъ все больше и больше, и ихъ безстыдство перешло всякія границы. Капитанъ бросилъ ружье, сталъ на носъ лодки, схватилъ тяжелый багоръ футовъ въ десять и начиналъ свирѣпствовать надъ буревѣстниками, какъ неистовый Роландъ; онъ машетъ и рубитъ во всѣ стороны. И въ самомъ дѣлѣ ему удалось убить четыре сѣрыя птицы.

До корабля мы добрались въ самомъ веселомъ расположеніи духа,

но очень продрогшіе. А густой туманъ надвигался снова; вѣтеръ задулъ съ юго-запада, волненіе усилилось и качка стала крайне непріятна.

Пятница, 23 августа. Утромъ туманъ постепенно разсѣялся и часамъ къ 11 мы увидали юго-восточную часть острова, гдѣ, намъ показалось, была возможность пристать. Вчера горькій опытъ научилъ насъ, что большая лодка, напичканная людьми, не въ состояніи пристать, если берегъ очень крутъ, а прибой слишкомъ силенъ. Теперь въ маленькую лодку сѣли я и Берна, взявъ съ собою только двухъ матросовъ да рулевого и обѣщавъ, въ случаѣ удачной высадки, прислать лодку за остальными.

Мы отъѣхали немного отъ корабля и передъ нами предсталъ во всемъ своемъ великолѣпіи вулканъ Беренбергъ и съ южной стороны, а вчера мы видѣли его съ восточной. Съ южной стороны на верхнемъ конусѣ виднѣются только незначительные утесы по обѣимъ окраинамъ; все остальное—снѣгъ и ледъ, изъ котораго образовался громадный глетчеръ съ немногими трещинами; онъ спускается къ морю широкимъ потокомъ. По его боковымъ краямъ тянутся двѣ громадныя наносныя гряды, а нижній край отдѣленъ высокими наносными кучами. Море теперь на отливѣ. Правѣе на востокѣ подымается высокій скалистый гребень, густо усыпанный какимъ-то веществомъ сѣрно-желтой окраски, по которой проведены яркія красныя полосы и пятна. Очевидно это лавовый хребетъ. По направленію его, далеко вдавшись въ море, стоитъ одинокая скала, которую наши матросы давно уже окрестили именемъ „Парохода“: такъ поражаетъ она сходствомъ съ большимъ о двухъ трубахъ пароходомъ.

Между тѣмъ мы подъѣхали къ берегу и напрасно искали, гдѣ бы пристать. Нѣтъ возможности пристать къ большому южному глетчеру, на который мы прямо держали; наносный берегъ здѣсь еще круче, чѣмъ нѣсколько дальше у песчаныхъ валовъ, и прибой еще сильнѣе. Но къ западу спускается съ горы въ море широкій, зубчатый потокъ лавы, и мнѣ показалось, будто бы въ немъ быстро сбѣгаетъ въ море ручей и представляетъ удобное мѣсто для высадки. Мы направились туда. Устье потока, конечно, оказалось иллюзіей—разбиваясь о скалы, море высокимъ песчанымъ валомъ загородило дорогу слабому ручейку, который течетъ не больше двухъ часовъ въ день и теряется въ этомъ валу, не достигая соленой воды. Но планомъ мы все-таки остались довольны. Въ самомъ потокѣ лавы открылась маленькая, полукруглая бухта, окруженная дикими, черными, твердыми скалами, которыя нѣсколько выдались въ море и немного защищаютъ ее отъ прибоя. Но только немного. Почти вся бухта наполнена чернымъ пескомъ, который довольно сыпучъ, но все-таки даетъ возможность пристать тому, кто не боится ножной ванны. Итакъ, туда! Повернули лодку, вынули руль, направили килемъ

въ песокъ и съ слѣдующей большой волной, упираясь изо всей силы веслами, мы въѣхали нѣсколько въ берегъ. Въ ту же минуту мы выпрыгнули изъ лодки, кто направо, кто налѣво и ушли въ песокъ выше щиколки, выскочили и полѣзли выше. Но прежде чѣмъ мы достаточно вытащили нашу лодку, другая злая волна хватила насъ по ногамъ. Вотъ когда пришлось упражняться въ гимнастикѣ. За эти усилія, которыя надо было удвоить при отплытіи, мы назвали нашу пристань „Бухтой Гимнастики" и обозначили ее тѣмъ же именемъ на картахъ.

Полукруглая Бухта Гимнастики, восемьдесять шаговъ въ поперечникѣ, обставлена сѣрыми причудливыми скалами изъ лавы. Верхняя часть скалъ имѣетъ шлаковое строеніе, а нижнюю образуютъ плотныя массы, которыя частью распались на плиты, частью на великолѣпный камень, годный для мостовой и построекъ. Мелкій и крупный песокъ, наполняющій бухту, черенъ, перемѣшанъ съ маленькими, свѣтло-зелеными кристаллами и красными частицами лавы. Мы замѣтили на немъ слѣды птицъ: большія трехпалыя ноги, должно быть цапли, потомъ слѣды маленькихъ ножекъ песочниковъ и неуклюжія лапы плавающихъ птицъ—утокъ и буревѣстниковъ. На высотѣ прибоя лежитъ много водорослей, вырванныя ламинаріи, у корней которыхъ всегда висятъ маленькія раковины, но всегда только одного вида. У верхней черты прилива скопился прибитый моремъ лѣсъ — нѣсколько сосновыхъ стволовъ толщиною въ ногу, мелкія полѣнья, береговые сучья и кора—все, кажется, норвежскій и шотландскій лѣсъ. И положительно нѣтъ ни одного южнаго дерева.

Въ самомъ концѣ бухты песокъ доходитъ до самаго края скалъ: мы рѣшили подняться прямо въ гору и въ пять часовъ, къ закускѣ, вернуться къ лодкѣ. Чей-то слѣдъ ведетъ насъ изъ бухты. Это слѣды лисицы! Но какъ могутъ лисицы жить здѣсь, въ этой ужасной пустынѣ? Но, быть можетъ, это нѣсколько затертый слѣдъ водяной птицы! Гм! Гдѣ водятся лисицы, тамъ могутъ быть и медвѣди. Берна захватилъ съ собой на всякій случай голышей. Итакъ, мы начали взбираться наверхъ; а рулевой, отыскивая мѣсто для якорной стоянки, дѣйствительно наткнулся на бѣлую лисицу, которая сначала вытаращила на него глаза, а потомъ спокойно удалилась, иногда оглядываясь и дѣлая прыжки. Матросы остались при лодкѣ, отбивали каменья, набирали песокъ и искали раковинъ.

А мы все подвигались впередъ по потоку лавы. Я еще раньше предполагалъ, что онъ долженъ повести къ боковому кратеру. Нельзя себѣ представить ничего безнадежнѣе и пустыннѣе. Самыя странныя, причудливыя формы шлаковъ, утесовъ и горныхъ породъ, удивительно перепутанныхъ и разбросанныхъ; въ одномъ мѣстѣ темныя, черныя, закоптѣлыя, какъ старыя развалины, въ другомъ—яркія, красныя, какъ ста-

рый кирпичъ или хлѣбная печь. Шахты и ходы надъ ямами свидѣтельствуютъ объ изверженіяхъ, которыя бывали въ потокахъ лавы, безпорядочныя массы шлаку окаменѣли въ своемъ теченіи, грубыя глыбы впаяны въ рыхлую массу, и промежъ всего насыпанъ черный, сѣрый, зеленый, желтый и красный песокъ, въ которомъ талый снѣгъ прорылъ множество дорожекъ и ложбинъ; его поверхность часто бороздили бури и потому на немъ, какъ и на наносномъ пескѣ, видны волнистыя борозды. Ни малѣйшаго признака жизни, только изрѣдка виднѣется чахлое растеньице; былинка, пускающая въ песокъ тонкіе корни въ локоть длиною; клочки мха и лишайника, которые по необходимости боязливо жмутся къ лавѣ. Никакого слѣда животной жизни: только тамъ и сямъ разбросанѣ птичьи перья и кости, быть можетъ остатки соколинаго пира, да черепная кость тюленя, затащенная сюда лисицей. Мы поднялись выше, перешли крутой гребень лавы, подъ нависшими утесами котораго трава, щавель, нѣкоторыя камнеломки и снѣжный лютикъ нашли себѣ лучшую защиту и принялись довольно хорошо. Съ трудомъ мы нашли переходъ, и чтобы на колѣняхъ влачить свое тѣло я принужденъ былъ одной рукой уцѣпиться за верхъ, а другую подать Берна. За гребнемъ пошло такое же сѣрое мало покатое лавовое поле. Скалы подымаются все круче, и такъ какъ онѣ обращены на югъ, то растительность развивается—чуть было не сказалъ роскошнѣе, да грѣшно такъ сказать. Три или четыре вида камнеломковыхъ—одинъ красивый искрасно-фіолетовый образуетъ дернъ, — щавель, ложечная трава, снѣжный лютикъ, разные мхи и лишаи, да ползучая ива покрываютъ почву изъ сѣрыхъ и красныхъ обломковъ и пыли, упавшихъ сверху, покрывшихъ крутой склонъ и теперь, вслѣдствіе разложенія, превратившихся отчасти въ темную почву, которая дала пищу растеніямъ. Но что за жалкія растенія! Все ползетъ по землѣ, тѣснится между камней, будто ищетъ защиты отъ снѣга и льда, которые все покрываютъ здѣсь, по крайней мѣрѣ 9 мѣсяцевъ въ году. Теперь мы по крайней мѣрѣ убѣдились въ томъ, что желтыя и зеленоватыя площадки, видѣнныя нами съ корабля и которыхъ не удалось изслѣдовать при нашей первой попыткѣ высадиться, не сѣра, а дѣйствительно растительный покровъ, покрывшій разложившіяся горныя породы.

Еще съ корабля я замѣтилъ мѣсто, гдѣ надѣялся найти боковой кратеръ, и взбираясь не выпускалъ его изъ виду. Виднѣлась глубокая трещина, по которой протекалъ ручей, извивавшійся зигзагомъ, и вотъ эта-то трещина, я полагаю, ведетъ къ кратеру. Когда мы взошли на уступъ футовъ на 600, то повернули на маленькой террасѣ, защищенной выдавшимися утесами лавы, направо, внизъ къ разсѣлинѣ, чтобы взглянуть на нее сверху. Но разсѣлина не оканчивалась кратеромъ, а направлялась къ глетчеру, сползавшему съ Беренберга. Но кратеръ все-

таки нашелся, только на другомъ мѣстѣ. Глубоко внизу, почти у берега, гдѣ разсѣлина дала послѣдній поворотъ, нашелся крохотный кругленькій кратеръ, онъ былъ совершенно круглый, съ глубокимъ воронкообразнымъ жерломъ, въ которое мы могли заглянуть сверху. Послѣ подробнаго осмотра я сталъ искать подъ лавовымъ утесомъ защищеннаго мѣста отъ рѣзкаго холоднаго вѣтра, чтобы набросать эскизъ замѣчательной маленькой штучки, которая, повидимому, только и выбрасывала, что песокъ да пепелъ, такъ какъ ея край нигдѣ не порванъ.

Едва я набросалъ 2—3 черты, какъ Берна кричитъ: „сюда, наверхъ, вотъ гдѣ кратеръ“! Я бросился какъ сумасшедшій, и какъ можно скорѣе поползъ еще футовъ на 400 по крутой насыпи съ угломъ наклоненія въ 30 градусовъ; только почва до того мягка, что нога до половины вязнетъ и тонетъ. Тамъ и сямъ валялись большія, красивыя пузыристыя глыбы цвѣта киновари, съ вкрапленными въ нихъ черно-зелеными кристаллами; глыбы отвалились отъ остроугольнаго, краснаго утеса, возлѣ котораго подпрыгивалъ Берна. Утесъ явно образованъ плотными пластами лавы, которые вывѣтриваются и рушатся. Наконецъ и я поднялся наверхъ, вспотѣлъ, нагрѣлся и мой взоръ нырнулъ въ совершенно круглый, зіяющій кратеръ — его глубина будетъ футовъ въ 500, да въ поперечникѣ тысяча; на совершенно кругломъ днѣ, во сто футъ, скопилась желтоватая глина и нѣсколько водяныхъ струекъ. Крутыя стѣны образованы щебнемъ и золой и только кое-гдѣ въ нихъ проглядываетъ плотный слой лавы, а на острыхъ окраинахъ виднѣется еще нѣсколько такихъ же утесовъ, какъ и тотъ, у котораго мы стоимъ. Очевидно, кратеръ выбрасывалъ много золы и камней и очень мало лавы, затѣмъ осыпался, и то, что мы теперь видимъ, только результатъ осыпанія.

Видъ впереди величавый. На сѣверо-востокѣ, высоко надъ нашими головами, вознеслась бѣлая вершина Беренберга и еще только одѣвается въ туманъ. На сѣверо-западѣ за краемъ неширокаго острова видно открытое море и надъ его блестящимъ горизонтомъ почти нависъ мрачный туманъ, прорѣзанный только яркой полосой свѣта. Берегъ тянется вдаль утесистый, угловатый, изрѣзанный отдѣльными зубьями, — вѣроятно широкій потокъ лавы — и онъ свободенъ, совершенно свободенъ ото льда. Ближе къ намъ берегъ юго-западной стороны; длинная, едва изогнутая песчаная полоса отдѣляетъ море отъ длинной, узкой, прѣсноводной лагуны, которая пролилась между нею и скалами острова. Въ концѣ этой лагуны на юго-западѣ отъ насъ выдался полуостровъ, кратеръ, обрушившійся со стороны моря, и на его откосахъ нависла точно шапка какая-то бѣловатая масса, которую мы приняли за ледъ и снѣгъ, покрытые пепломъ. У нашихъ ногъ потокъ лавы съ Бухтой Гимнастики, маленькій кратеръ, откосы вдоль морского берега, могучій южный глет-

черъ и вдали, очаровательно освѣщенные въ противоположность съ мрачной и темной окраской южной вершины, восточные мысы острова, впереди которыхъ „Пароходъ“ стоитъ совершенно такъ же, какъ на югѣ еще два утеса, изъ которыхъ первый имѣетъ разительное сходство съ кораблемъ, плывущимъ на всѣхъ парусахъ.

Но вся эта великолѣпная панорама должна быть окинута и схвачена однимъ взглядомъ. Берна набрасываетъ нѣсколько штриховъ, по которымъ еще сегодня можно рисовать красивый эскизъ красками; я опредѣлилъ компасомъ нѣсколько важнѣйшихъ пунктовъ, и мы сбѣжали внизъ отогрѣть окоченѣвшіе члены. Тамъ наверху дулъ страшно холодный вѣтеръ и можно было выдержать только нѣсколько минутъ. Внизу насъ поджидали матросы, голодные и мучимые жаждой. Съ ними былъ отличный сырой окорокъ, пиво, бутылка шампанскаго, которую мы и роспили въ честь Янъ-Майена. Мы поставили пустую бутылку подъ нависшимъ утесомъ, написали на ярлыкѣ наши имена и вложили въ нее билетикъ: „Кто намъ опять покажетъ эту бутылку, тотъ можетъ ее взять! Пусть будетъ его собственность“.

До отъѣзда Берна застрѣлилъ маленькую гагару, вѣроятно у ней было по близости гнѣздо съ птенцами, которымъ она несла кормъ, такъ какъ клювъ и зобъ были напичканы множествомъ маленькихъ ракушекъ, и я могъ сохранить ихъ въ значительномъ количествѣ въ спиртѣ. Мы видѣли также тюленей, небольшихъ песочниковъ, стадо великолѣпныхъ утокъ, но онѣ были слишкомъ далеко, чтобы стрѣлять въ нихъ. Мнѣ показалось, что это были гаги и все больше самцы, и мое предположеніе подтвердилось тѣмъ, что въ большомъ стадѣ были только двѣ сѣрыя птицы. Самцы гаги чрезвычайно красивы: на брюхѣ у нихъ черныя, бѣлыя и желтовато-зеленыя перья, а у самки перо сплошь сѣраго цвѣта.

На другой день послѣ этой удачной экскурсіи было холодно, туманно, что, при ненадежной стоянкѣ нашего корабля, не допускало никакой высадки.

Мы кончали набросанные наканунѣ рисунки и профили, писали свои замѣтки, подстерегали нѣсколькихъ тюленей, которые въ туманѣ подплывали къ самому кораблю, который, казалось, они съ удовольствіемъ разсматривали. Намъ удалось положить на мѣстѣ одного тюленя, всадивъ ему пулю прямо въ затылокъ. Большое животное судорожно перекинулось нѣсколько разъ на поверхности, сильно забилось и бездыханно понеслось въ громадной лужѣ крови, у которой тотчасъ же слетѣлись буревѣстники.

Прошло довольно времени, пока спустили лодку, сѣли въ нее и втащили тюленя на корабль. Оказалось, что это нерпа (Phoca barbata). Это былъ большой взрослый самецъ, надъ которымъ тотчасъ же принялись работать. Жиръ, покрывавшій все тѣло, былъ толщиною въ ладонь,

а мясо до того грубо, жилисто и темнокрасно, что, при одномъ видѣ даже матросы отказались отъ намѣренія приготовить его.

28-го августа. Только къ полудню разошелся туманъ и мы увидѣли, что насъ отнесло дальше на юго-западъ вдоль берега и что мы находимся на западъ отъ выдающагося кратера, тогда какъ наканунѣ мы причалили къ его восточной сторонѣ.

Мы были теперь гораздо ближе къ берегу; сдѣлавши промѣръ, мы пришли къ заключенію, что и тутъ должно быть хорошее якорное мѣсто; мы подвели корабль къ берегу еще на одну англійскую милю, укрѣпили посредствомъ маленькаго запасного якоря и приготовили большую лодку для вторичной высадки. На длинной отмели, которая тянется по прямой линіи отъ кратера до выдавшагося мыса, нашли удобное мѣсто, откуда можно выйти на берегъ, употребивъ прежніе гимнастическіе пріемы.

Какъ въ первый разъ около Бухты Гимнастики, было разбросано на пескѣ множество пловучаго лѣса, такъ и здѣсь онъ былъ положительно нагроможденъ кучами, такъ что, въ благопріятное время года, дѣйствительно, стоило бы посылать сюда корабль изъ Исландіи для сбора плавучаго лѣса. Большею частью это былъ пиленый лѣсъ, т.-е. такой, какимъ его сплавляютъ въ гористыхъ мѣстностяхъ, стало быть, очевидно, изъ Норвегіи, откуда теченіе принесло его почти въ прямомъ западномъ направленіи, или же, что также вѣроятно, Гольфстремъ занесъ его сперва на сѣверъ, къ Шпицбергену, откуда полярное теченіе принесло его къ Янъ-Майену. Кромѣ наноснаго лѣса, скрывшагося отъ людского присмотра, тутъ лежало еще множество свидѣтельствъ людского несчастія: обломки кораблей, лодочныя весла, мачты, доски, все это изломано, разбито и между ними еще плотно закупоренная винная бочка съ клеймомъ извѣстной бордосской фирмы. Очевидно она была выброшена на берегъ полною, но подъ вліяніемъ солнца постепенно убывала, такъ что теперь въ ней остались только слѣды благороднаго напитка. Она замѣнила обѣденный столъ; оставшіеся при лодкѣ матросы развели веселый огонекъ, который бросалъ свѣтъ и на корабль. Общество разсѣялось по всѣмъ направленіямъ, чтобы отыскать доступъ внутрь острова.

Мѣстность, къ которой причалили, была къ несчастію крайне неблагопріятна. Почти на необозримое пространство вправо и влѣво тянулась узкая, вся изъ чернаго песку отмель. Почва сначала незамѣтно подымается въ гору, потомъ идетъ нѣсколько круче. Направо и налѣво возвышаются почти отвѣсныя стѣны лавы и между ними вьется узкій проходъ къ сѣверу. Пошли проходомъ, поднялись немного въ гору и неожиданно подошли къ едва замѣтному водораздѣлу, по другую сторону котораго открылся океанъ. По всей вѣроятности это самое узкое мѣсто острова между двухъ бухтъ.

Океанъ совершенно чистъ на сѣверномъ горизонтѣ; нигдѣ не замѣтно даже слѣда льду; самая бухта образовалась, какъ и остальныя, вслѣдствіе округленія морского берега, образованнаго здѣсь чернымъ вулканическимъ пескомъ; но вмѣсто пловучаго лѣса тутъ лежатъ только въ громадномъ количествѣ китовыя кости: позвонки, ребра, черепныя кости, явные остатки множества китовъ, которые, быть можетъ, валяются здѣсь со временъ голландцевъ или же занесены сюда позднѣе съ сѣвера. Очевидно, здѣсь притонъ тѣхъ немногихъ лисицъ, которыя живутъ на островѣ и зимой, когда птицы, составляющія ихъ главную пищу, улетаютъ, вынуждены питаться выброшенными остатками китовъ и тюленей.

Только поздно къ вечеру собрались къ мѣсту высадки, гдѣ не обошлось безъ приключеній.

Наши охотники разсыпались по всѣмъ направленіямъ, въ надеждѣ сыскать добычу. Въ пылу охотничьей горячки, капитанъ сбросилъ съ себя пальто неподалеку отъ огня и полѣзъ за чайкой, усѣвшейся на выдавшемся кратерѣ острова. Всѣ разошлись; тутъ-то и явились полярныя лисицы, которыхъ искали. Ихъ было три, двѣ бурыхъ и одна свѣтло-сѣрая; онѣ подошли къ огню, посмотрѣли на матросовъ, понюхали лодку и подошли такъ близко, что матросы бросили въ нихъ нѣсколько полѣнъ, отгоняя отъ фуража. Лисицы удалились только послѣ учащенныхъ враждебныхъ дѣйствій, но, на бѣду, на дорогѣ наткнулись на пальто капитана и повозились съ нимъ немножко. Когда же капитанъ вернулся съ безплодной охоты и захотѣлъ надѣть пальто, то нашелъ воротникъ и борты изгрызенными, а самое пальто до того надушеннымъ, что нужна была вода и нѣсколько недѣль провѣтриванія, пока изъ него совершенно выдохлись лисицы.

Мы намѣревались еще разъ сойти на берегъ, но 24-го августа спустился туманъ и подулъ попутный сѣверо-восточный вѣтеръ. Капитанъ заявилъ, что нѣтъ возможности обогнуть сѣверный берегъ острова, и мы съ сожалѣніемъ распростились съ Янъ-Майеномъ.

На Шпицбергенѣ.

(Коротнева.)

Раннее утро, и мы бѣжимъ уже близко отъ берега. Волненіе улеглось, и море серебристо-сѣраго цвѣта слабо отражаетъ блѣдные лучи солнечнаго свѣта, съ трудомъ проникающіе чрезъ легкій слой волнистыхъ облаковъ. Берега все рѣзче и рѣзче обрисовываются и производятъ гнетущее впечатлѣніе: это — сѣро-коричневыя скалы, испещренныя бѣлыми пятнами нетронутаго, дѣвственнаго снѣга. Вершины остроконечныхъ утесовъ насупились и покрылись шапками свинцовыхъ тучъ. Мѣстами замѣчаются въ очертаніяхъ берега значительныя прогалины, черезъ

которыя въ море выдвигаются широкіе каскады ледяныхъ массъ глетчеровъ. Какъ разъ у самой воды эти массы рѣзко обрываются, образуя уступы прозрачно-голубого льда, придающаго нѣкоторую красочность неприглядному и мрачному пейзажу. Нашъ пароходикъ круто поворачиваетъ въ наибольшій фіордъ Шпицбергена, въ Эйсфіордъ, и проходитъ поблизости одного изъ глетчеровъ. Мы пользуемся этимъ случаемъ, требуемъ себѣ лодку и въ ней стараемся подобраться поближе къ глетчеру. Если издали видъ этой грандіозной ледяной массы поразителенъ, то поблизости онъ едва ли поддается описанію. Отвѣсная свѣтло-бирюзовая ледяная скала поднимается на нѣсколько десятковъ саженъ изъ моря, образуя въ своей толщѣ множество широкихъ трещинъ и темныхъ пещеръ. Море бушуетъ, ударяя о непреступную твердыню, и покрыто на поверхности точно изъ бисквита вырѣзанными льдинами различной величины и формы; вотъ точно Лоэнгринъ со своимъ бѣлымъ лебедемъ; далѣе—ледяной дельфинъ, изрыгающій потоки полупрозрачной массы, а затѣмъ еще какое-то необъяснимое чудовище. А тамъ вдали на льдинѣ растянулось чье-то черное тѣло; подходимъ совсѣмъ близко: это—тюлень, который повертываетъ въ нашу сторону свою круглую голову и смотритъ на насъ своими умными человѣческими глазами. Воспользовавшись равнодушіемъ и довѣрчивостью кроткаго животнаго, одинъ изъ охотниковъ выпалилъ и—увы!—черезчуръ удачно; бѣдная жертва какъ-то мгновенно осунулась, распростерла лапы, и горячая струя алой крови брызнула фонтаномъ изъ раны.

Торжеству не было конца, и трофей багромъ былъ притянутъ къ лодкѣ. Впечатлѣніе, производимое окружающею обстановкою, усиливается еще и постояннымъ шумомъ, похожимъ на падающій дождь,—шумомъ, который перемежается съ трескомъ разступающаго льда. Величественно, жутко и, прибавлю, холодно. Отталкиваясь баграми и веслами отъ наступающихъ на насъ льдинъ, мы спѣшимъ причалить къ нетерпѣливо пыхтящему пароходу для того, чтобы слѣдовать къ конечной цѣли нашего пути, къ Адвентъ-бай, находящейся въ глубинѣ Эйсфіорда.

Отъѣхавъ отъ глетчера на нѣкоторое разстояніе и взглянувъ на него съ противоположной стороны, я былъ изумленъ не то, чтобы мрачнымъ, а вѣрнѣе глубоко печальнымъ характеромъ пейзажа: темныя громады съ бѣлою пеленою глетчера посрединѣ представлялись траурнымъ катафалкомъ, на который какъ будто сейчасъ возложатъ чье-то холодное, огромное мертвое тѣло.

Впрочемъ, чѣмъ болѣе мы вдаемся въ растянутый просторъ Эйсфіорда, тѣмъ больше исчезаетъ меланхолія, природа даже какъ будто начинаетъ намъ слабо улыбаться. Начну съ того, что на скалахъ, рядомъ съ снѣжными залежами, выступаютъ значительнаго размѣра слабо-зеле-

ныя пятна блѣдной растительности. Воды становятся мало-по-малу свѣтло-голубыми, отражая блѣдную лазурь сѣвернаго неба. Окружающія горы дѣлаются необыкновенно гулкими, также отражая и какъ бы играя на разные лады съ каждымъ малѣйшимъ звукомъ. Такимъ образомъ, мы мало-по-малу вступаемъ въ какой-то невѣдомый для насъ и точно очарованный міръ, охватывающій душу удивительною и неизяснимою прелестью. Адвентъ-бай — третій отъ входа заливъ фіорда и наименьшій изъ всѣхъ; повернувъ въ него, мы замѣчаемъ, что на правомъ берегу начинаетъ вырастать желтенькій домикъ съ небольшими окошечками, съ балкончикомъ посрединѣ и съ норвежскимъ флагомъ на крышѣ. Впереди домика намѣчается бѣлое пятнышко.

— Медвѣдь!—восклицаетъ одинъ.

— По всей вѣроятности, чучело,—сосредоточенно замѣчаетъ другой. Эта иллюзія была непродолжительна, ибо вскорѣ медвѣдь превратился въ палатку. Еще десять минутъ нетерпѣливаго ожиданія, якорь брошенъ, пары выпущены, и вся наша разношерстная компанія съ трепетнымъ сердцемъ разсаживается въ двухъ шлюпкахъ и черезъ нѣсколько ударовъ веселъ причаливаетъ къ помосту, долженствующему служить пристанью.

Что прежде всего поражаетъ лѣтомъ на Шпицбергенѣ прибывшаго натуралиста — это почва, которую, безъ прикрасъ, ни съ чѣмъ нельзя лучше сравнить, какъ съ чуднымъ ковромъ, поражающимъ не столько пестротой, сколько гармоничнымъ сочетаніемъ темныхъ, какъ бы выцвѣтшихъ красокъ. Небольшая щетинистая, желто-зеленая мурава испещрена причудливыми арабесками разноцвѣтныхъ мховъ, которые составляютъ узоръ по основному зеленоватому фону. Во множествѣ разсѣяны всюду сѣровато-зеленые голыши, покрытые круглыми пятнами лишайника различныхъ оттѣнковъ. Точно самоцвѣтные камни, невольно подумаешь, смотря на разстилающуюся предъ вами далеко-далеко равнину. Нельзя однако сказать, чтобы коверъ лишенъ былъ яркихъ красокъ; эти краски, спѣшу оговориться, обусловливаются множествомъ, въ большинствѣ крошечныхъ, прелестныхъ цвѣточковъ, которые однако сразу останавливаютъ ваше вниманіе, такъ какъ соединены въ значительные пучки. Вотъ наибольшій между ними нѣжно-свѣтло-зеленый макъ (Papaver nudicaule), лепестки котораго какъ-то причудливо свернуты; далѣе цѣлыя, какъ бы бархатныя, подушечки изъ темной зелени, исходящей изъ одного общаго корня, съ мелкими лиловыми цвѣтками: это мѣстная шпицбергенская гвоздика (Silene acaulis). Въ огромномъ количествѣ встрѣчаются также разныя камнеломки, съ желтыми чашечками цвѣтовъ. Ко времени нашего пріѣзда одинъ изъ видовъ камнеломки уже потерялъ лепестки, завязь же имѣла ярко-красный цвѣтъ и казалась какъ бы каплями крови на темномъ фонѣ почвы. Между крупными камнями боль-

шими пучками попадается мелколистный верескъ (Cassiope tetragona) съ слабо пахучими цвѣтками, напоминающими нашъ ландышъ. А затѣмъ, сколько бѣлыхъ, желтыхъ, оранжевыхъ цвѣтковъ, которые гордо высятся надъ окружающею муравой! Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ кроется удивительное различіе между нашею и полярною зеленью: у насъ полевые цвѣты скрываются въ травѣ, тогда какъ здѣсь они храбро выставляютъ свои яркія головки надъ окружающею поверхностью.

Какая-нибудь сотня саженъ отдѣляетъ пристань отъ небольшого домика съ верандою и близлежащими службами, со скромной кличкой — „Хижина для туристовъ". Входимъ: въ просторной залѣ весело пылаетъ необъятный каминъ, въ которомъ помѣщается цѣлый костеръ дровъ.

Пріятно поражаетъ удивительная чистота (эта черта едва ли не болѣе присуща Норвегіи, чѣмъ Швейцаріи), накрытый бѣлою скатертью столъ со всевозможными яствами, среди которыхъ красуется огромныхъ размѣровъ дыня. И это въ разстояніи какихъ-нибудь 1.200 верстъ отъ сѣвернаго полюса, въ странѣ полуночнаго солнца, моржей и бѣлыхъ медвѣдей.

Затѣмъ, впрочемъ, легкое разочарованіе: настоящихъ спаленъ не полагается, а имѣются только маленькія каюты съ одной надъ другою расположенными койками. Однако и тутъ дѣло скоро оканчивается къ общему удовольствію: на случай пріѣзда значительнаго количества туристовъ чердакъ отеля превращенъ въ обширный дортуаръ, который отдается въ наше распоряженіе. Въ немъ мы, я и мой компаніонъ по путешествію, съ нашимъ громоздкимъ багажомъ и располагаемся, занимая, по русскому обычаю, вдвое болѣе мѣста, чѣмъ это нужно. Разобравшись, каждый принимается за свойственное ему занятіе.

Мы поспѣшили къ морю. Пока мы дѣлали свое дѣло, солнце не отставало отъ насъ: оно проглянуло и залило окрестность своими серебристыми полярными лучами. Термометръ съ $+6^0$ поднялся до $+10^0$ C.; море заискрилось и пріобрѣло синевато-стальной оттѣнокъ; линіи горъ получили рѣзкія очертанія. Все окружающее ясно улыбается и смотритъ горною, альпійскою страной, а никакъ не такимъ далекимъ сѣверомъ. Впрочемъ, одного взгляда, брошеннаго на противоположный гористый берегъ Эйсфіорда, который насупилъ свои густыя брови и мрачно смотритъ на насъ, достаточно для того, чтобы очнуться и вспомнить, что мы въ объятіяхъ полярной природы.

Поѣздка на сѣверъ стала теперь настоящимъ спортомъ. Ѣдутъ сюда, чтобы „полюбоваться полуночнымъ солнцемъ и прожечь имъ фуражку, или, по крайней мѣрѣ, платокъ". Первая полночь повергла насъ въ разочарованіе: солнце въ 11 часовъ скрылось за тучи, озаривъ ихъ край, какъ и у насъ, огненнымъ полымемъ; то же разочарованіе и во вторую ночь, но уже по иной причинѣ: не дойдя нѣсколькихъ градусовъ до горизонта, оно стало подниматься.

Пребываніе на Шпицбергенѣ пріобрѣтаетъ скоро монотонный характеръ: три раза въ день питаемся и затѣмъ цѣлый день экскурсируемъ, то по сушѣ, то по морю, собирая разную тварь, какъ зоологическую, такъ и ботаническую, и всякій разъ сожалѣемъ, что всѣ эти сборы не отнесены на ночь, а совершаются днемъ, такъ какъ ночь неизмѣримо лучше дня, нѣсколько прохладнѣе, правда (отъ $+4^0$ до $+6^0$) но зато какая чудная тишина, какое величавое спокойствіе. Море не шелохнется, воздухъ привѣтливо ласкаетъ васъ. Мрачные утесы, полукольцомъ сжимающіе бухту, и сверкающіе бѣлизною ледники, точно гигантскіе бѣлые медвѣди, молча и раболѣпно преклоняются передъ вами. Въ такія минуты особенно пріятно наблюдать природу и собирать: все живое приводитъ въ умиленіе, каждый мелкій цвѣточекъ можетъ вызвать чуть ли не слезы радости. Гулять по Шпицбергену не вездѣ легко и удобно. Чудный коверъ, испещренный цвѣтами, нерѣдко смѣняется пустымъ и вязкимъ болотомъ, которое, впрочемъ готовитъ намъ неожиданный и интересный сюрпризъ.

По его поверхности во множествѣ разбросаны желто-зеленыя моховыя кочки, всматриваясь въ которыя, мы замѣчаемъ, какъ изъ ихъ мшистой массы привѣтливо выглядываютъ зеленые овальные листочки, принадлежащіе небольшому, густо развѣтвляющемуся кустику полярной ивы (Salix polaris) въ одну четверть въ землю. Впрочемъ, это не единственная древесная растительность Шпицбергена: въ горахъ встрѣчается такая же микроскопическая береза (Betula nana); ходимъ по лѣсу и не подозрѣваемъ того. Мы пробуемъ экскурсировать внутрь острова. Ближайшимъ поводомъ являются чудно сохранившіяся окаменѣлости изъ царства растеній, встрѣчающіяся въ горахъ, къ тому же интересно составить себѣ представленіе о внутренности острова и о тѣхъ суровыхъ вершинахъ и пикахъ, покрытыхъ льдомъ и снѣгомъ, которые окружаютъ котловину Адвентъ-бая.

Ясное утро, солнце обдаетъ насъ горячими лучами, и мы пересѣкаемъ однообразную равнину, усѣянную скатившимися съ окружающихъ вершинъ камнями, которыя досадливо преграждаютъ намъ путь. Идемъ далѣе. Съ одной стороны, точно грозные бастіоны гигантской крѣпости, поднимаются отвѣсные утесы, служащіе мѣстопребываніемъ несмѣтнаго множества птицъ, которые наполняютъ воздухъ дикими криками. То здѣсь, то тамъ виднѣются на значительной высотѣ снѣговыя пятна, привлекающіе наше вниманіе своимъ розовымъ цвѣтомъ, который зависитъ отъ живущей въ немъ микроскопической водоросли. Съ другой стороны, необозримая полоса океана, который безсильно лѣзетъ на приступъ береговыхъ громадъ, но сейчасъ же въ изнеможеніи отступаетъ и яростно воетъ отъ неудавшейся попытки. Дорогою попадается небольшое озерцо, которое привлекаетъ наше вниманіе тѣмъ, что окру-

жено широкою рамкою птичьихъ перьевъ и пуха, свидѣтельствующихъ о значительномъ количествѣ пернатыхъ, прилетающихъ сюда ради добычи; къ большой радости оказывается, что озерцо населено довольно большими рачками (Apus), величиною съ миндалину. Безконечная цѣль истребленія! Какова же должна быть масса тѣхъ низшихъ организмовъ, которые должны насытить этого рачка, для того чтобы этотъ послѣдній могъ представить достаточный кормъ для такого количества птицъ.

Затѣмъ мы покидаемъ береговую полосу и углубляемся, слѣдуя ущелью, внутрь острова; у нашихъ ногъ бѣжитъ довольно широкій горный ручей, унося съ собою все то, что не въ силахъ противостоять его

Видъ на Шпицбергенѣ.

стремительности. Чѣмъ выше мы поднимаемся, тѣмъ суровѣе окружающая панорама; изъ-за горизонта выступаютъ все новыя и новыя снѣговыя вершины; на нашемъ пути попадаются значительные заносы снѣга, которые жмутся къ ручью. Сперва мы ихъ обходимъ, но затѣмъ взбираемся на ихъ хрупкую и предательскую поверхность, постоянно проваливаясь и теряя силы.

Въ воздухѣ чувствуется ранняя, мартовская весна; она сказывается какъ въ рыхломъ, тающемъ снѣгѣ, такъ и въ особой весенней воркотнѣ мимо стремящагося потока; дышишь полной грудью, въ ушахъ стучитъ по весеннему, голова кружится, и чувство физическаго довольства проникаетъ въ душу. Нами же прокладываемая тропинка круто поднимается;

мы останавливаемся для того, чтобы перевести духъ, и тутъ съ грустью замѣчаемъ, что въ этой шпицбергенской веснѣ чего-то недостаетъ; нѣтъ въ ней надежды на продолжающееся обновленіе.

Въ душѣ вашей вы не слышите радостнаго: „весна идетъ, весна идетъ“; она, напротивъ, упорно стоитъ; ликъ ея суровъ и ничего вамъ не обѣщаетъ. Изъ-подъ снѣжной пелены не пробивается молодой, зеленый, только что очнувшійся листочекъ, земля не млѣетъ и природа не раскрываетъ вамъ своихъ объятій; надъ головою не заливается жаворонокъ, и лишь изрѣдка на значительной высотѣ, со свистомъ разрѣзая холодный и рѣзкій воздухъ, проносится стая черно-пестрыхъ гагаръ или дикихъ гусей. Но вотъ проводникъ нашъ, тяжелый и бѣлобрысый юноша, норвежецъ, останавливается и разсматриваетъ въ пропитанной влагою почвѣ чьи-то слѣды и съ широкою улыбкою говоритъ: „олень“. Это— слѣды сѣвернаго оленя, громадныя стада котораго водятся на возвышенныхъ плато.

Нѣсколько далѣе что-то бѣлѣется между камнями; это не снѣгъ. Подходимъ ближе: оказывается, шкура съ рогами убитаго оленя; въ сторонѣ лежитъ другая, третья; проводникъ нашъ объясняетъ намъ, что здѣсь оленей много и что ихъ бьютъ не жалѣя, бьютъ для того, чтобы бить, вырѣзывая часто одни языки.

Съ большимъ трудомъ подвигаемся дальше; оставляя въ сторонѣ ручей, поднимаемся вдоль очень крутого склона, усѣяннаго громадными лежащими камнями. Рвемъ платье и обувь, царапаемъ руки и постоянно рискуемъ быть раздавленными вышележащими валунами, которые подъ нашими ногами съ грохотомъ подвигаются намъ навстрѣчу.

Израсходовавъ остатокъ силъ, взбираемся на верхнее плато, при чемъ наиболѣе труднымъ является послѣдній шагъ, такъ какъ выдающійся карнизъ этого плато виситъ надъ пропостью. Ура! мы его взяли, но зато—увы!—наши старанія ничѣмъ не вознаграждены: мерзлая бурая равнина, изрѣзанная пропастями, тянется на безконечное разстояніе. Всюду залежи снѣга и небольшіе полузамерзшіе водоемы; подъ камнями абсолютное отсутствіе жизни; нигдѣ ни травки, ни листочка. Возвращеніе оказывается не менѣе головокружительнымъ, мы сворачиваемъ нѣсколько въ сторону, при чемъ замѣчаемъ, что ближайшія окрестности домика для туристовъ не лишены нѣкоторой поучительности.

Во многихъ мѣстахъ видны кресты и памятники съ длинными и короткими надписями по погибшимъ здѣсь въ борьбѣ съ суровой обстановкой людямъ всѣхъ національностей. Въ верстѣ отсюда, на вершинѣ небольшого холмика, подъ южнымъ крутымъ склономъ котораго журчитъ небольшая рѣчка, находятся развалины полуземлянки, полухижины, въ которой съ 1895 на 1896 годъ зимовали четверо норвежскихъ промышленниковъ.

Разверстая могила не вызываетъ того щемящаго чувства, которое охватываетъ душу при видѣ безмолвныхъ остатковъ напряженно бившейся здѣсь, въ когтяхъ неумолимой природы, человѣческой жизни. Исторія этихъ несчастныхъ и поучительна и полна трагизма. На небольшомъ одномачтовомъ бригѣ „Эльда“ они плавали у береговъ Шпицбергена до половины октября мѣсяца. Охота за звѣремъ шла удачно: за лѣто они положили слишкомъ двѣсти штукъ оленей да около десятка медвѣдей, а потому и задержались долѣе обыкновеннаго; когда же собрались вернуться назадъ, то необыкновенно рано проявившійся у нижней оконечности Шпицбергена ледъ преградилъ имъ путь, пришлось скрыться въ Бельзундѣ (наиболѣе южная бухта Шпицбергена), но и она оказалась до самаго входа затертою льдомъ, а тутъ еще на бѣду на нихъ обрушился сильнѣйшій снѣговой штормъ, который перешелъ въ зюдъ-вестъ и погналъ ихъ на сѣверъ къ Эйсфіорду. Что тутъ оставалось дѣлать оробѣвшимъ промышленникамъ? Приходилось бросить якорь и укрыться въ наиболѣе покойномъ пунктѣ Эйсфіорда, Адвентъ-бай. Скоро однако оставаться на бригѣ оказалось невозможнымъ, такъ какъ судно накренилось и стало подозрительно кряхтѣть подъ напоромъ собравшагося кругомъ льда. Перспектива зимовки на Шпицбергенѣ стала для нихъ неизбѣжной, а потому они рѣшили, скрѣпя сердце, перебраться на берегъ и сколотить себѣ домикъ на ближайшей возвышенности, которая казалось достаточно сухою. Остовъ, жалкій, вывѣтрившійся скелетъ, домика еще вполнѣ сохранился; на глубину одного метра вынута земля, затѣмъ настланъ полъ; мачта и весла послужили основой для крыши, которая собрана была изъ досокъ развалившейся „Эльды“, и покрыта сверху дерномъ, мхомъ и оленьими шкурами. Входомъ служила дверь каюты. Четырехугольный помостъ, выложенный также оленьими шкурами, служилъ всѣмъ тремъ постелью. Небольшую плиту, которая и до сихъ поръ валяется между различными обломками, они перенесли также съ брига. Въ этомъ жалкомъ жилищѣ пришлось зимовать.

Величайшею опасностью полярной зимовки является бездѣятельность, въ которую впадаетъ человѣкъ въ зависимости въ значительной степени отъ мрака полярной ночи; эта бездѣятельность въ связи съ окружающею сыростью является одной изъ причинъ цынги, съ которой человѣкъ еще относительно успѣшно борется въ теченіе зимы, но которая имъ овладѣваетъ съ наступленіемъ теплаго времени, съ появленіемъ перваго луча. Промышленники это знали, а потому насколько возможно проводили время на чистомъ воздухѣ, охотились и собирали топливо въ отдаленныхъ отъ землянки мѣстахъ; такимъ образомъ они перебились до Рождества и Новаго года, чувствуя себя крѣпкими и бодрыми, хотя и исхудали порядкомъ. Холодъ, который имъ за это время пришлось испытать, не превосходилъ 22° R. Къ несчастью землянка сдѣлалась въ концѣ-

концовъ сырой и нездоровой, но и тутъ судьба ихъ выручила: они вспомнили, что по другую сторону фіорда, у мыса Тордсена, долженъ еще находиться домикъ, выстроенный Норденшильдомъ, и на саняхъ и лыжахъ они перебрались туда по льду. Переѣздъ не обошелся однако безъ непріятности: одинъ изъ людей, Антонъ Нильсъ, окончательно отморозилъ себѣ носъ и едва доплелся до новаго жилища. Домикъ, къ счастью, оказался очень крѣпкимъ и вполнѣ благонадежнымъ.

Въ половинѣ февраля трое изъ промышленниковъ, кромѣ Антона, ради оставшихся запасовъ рѣшили побывать на прежнемъ пепелищѣ. Увы! провіанта, состоявшаго изъ оленьихъ тушъ, не оказалось, такъ какъ бѣлые медвѣди поѣли ихъ, отдѣливши мясо отъ костей не хуже человѣка. Вернувшись въ февралѣ же назадъ, они застали Антона въ добромъ здоровьѣ и весело распѣвающимъ норвежскія пѣсни, несмотря на отсутствіе органа, немаловажнаго въ звуковомъ отношеніи. Въ мартѣ однако Антонъ сталъ болѣть цынгой, остальные же трое ради болѣе успѣшной охоты рѣшили снова переселиться въ землянку Адвентъ-бая. Дорогою къ старому жилищу имъ посчастливилось: они убили двухъ медвѣдей и четырехъ оленей. Весенняя сырость и тающій снѣгъ сдѣлали однако свое дѣло: промышленники, поселившись въ старой землянкѣ, стали болѣть, и сильнѣе всѣхъ капитанъ бывшаго брига; весь апрѣль онъ не сходилъ съ койки и въ концѣ мѣсяца скончался (объ Антонѣ забыли и думать, такъ какъ рѣшили, что его уже нѣтъ на свѣтѣ). Въ началѣ мая фіордъ въ значительной степени очистился отъ льда, и оставшіеся въ живыхъ двое охотниковъ рѣшили попробовать счастье и, несмотря на одолѣвшую ихъ болѣзнь и безсиліе, отправились въ маленькой лодочкѣ посмотрѣть, не наткнутся ли они на какое-либо судно; умершаго же капитана, такъ какъ земля была очень замерзшей, они рѣшили, ради сохранности отъ дикихъ звѣрей, запрятать въ двѣ бочки: головою въ одну, ногами же въ другую. Послѣ неимовѣрныхъ усилій имъ удалось наконецъ добраться до Бельзунда, но—увы!—берегъ его представлялся рядомъ неприступныхъ ледниковъ и нашимъ охотникамъ пришлось цѣлыхъ пять сутокъ скитаться въ лодкѣ, изнемогая и питаясь сырымъ мясомъ убитыхъ чаекъ, прежде чѣмъ удалось высадиться. Наконецъ, 18 мая вдали показалось парусное судно, услышало ихъ выстрѣлы, подобрало еле живыхъ и доставило въ Варде.

На ряду съ этими несчастными промышленниками въ представленіи выростаетъ фигура нашего богатыря-помора Старостина, который въ концѣ прошлаго столѣтія отправился охотиться на Шпицбергенъ. За лѣто набилъ онъ значительное количество оленей, натопилъ немало тюленьяго жира; ему на счастье подвернулись штукъ пять бѣлыхъ медвѣдей, которымъ онъ спуска не далъ, и съ богатой добычей вернулся домой. На слѣдующее лѣто повторилось то же; жизнь приглянулась ему,

свободная, независимая, благо онъ былъ одинокъ, и сталъ онъ каждый годъ съ наступленіемъ теплаго времени (въ половинѣ іюня) ѣздить на Шпицбергенъ, а затѣмъ лѣтъ черезъ пять Старостинъ попробовалъ перезимовать. Зимовка обошлась благополучно, и онъ рѣшилъ, что вообще возвращаться на родину не стоитъ, благо у него никаго тамъ не оставалось; онъ окончательно поселился на Шпицбергенѣ.

За 36 лѣтъ своего пребыванія на Шпицбергенѣ Старостинъ только 13 зимъ провелъ дома, а цѣлыхъ 23 полярныхъ зимы, представляющихъ собою столько же сплошныхъ восьмимѣсячныхъ ночей, лицомъ къ лицу съ полной ужаса природой, среди безмолвной тишины, нарушаемой лишь выстрѣлами собственной винтовки да грознымъ трескомъ льдинъ фіорда, провелъ на Шпицбергенѣ. Что помогло ему? Его простота и непосредственность, прирожденное, а не выработанное искусственно сознаніе ничтожности окружающаго калейдоскопа. И гдѣ слѣды этого богатыря-философа? Ихъ почти уже нѣтъ, если не считать остатковъ жалкой землянки, около которой природа съ любовью насадила цѣлое поле пахучаго вереска и нѣсколько мака, да мыса, названнаго его именемъ при входѣ въ Эйсфіордъ. Тутъ же онъ и заснулъ вѣчнымъ сномъ. Только тогда оцѣнишь въ достаточной степени силу и выдержку этого богатыря, когда подумаешь, что четверо людей, будучи снабжены всѣмъ необходимымъ, не испытавшіе чувства одиночества, послѣ одной зимовки только въ половинномъ числѣ вернулись домой.

Зимовка на Землѣ Франца-Іосифа.

(Ф. Нансена.)

Въ среду, 14 августа, мы добрались наконецъ до острововъ и въ первый разъ по прошествіи двухъ лѣтъ увидали подъ ногами свободную ото льда землю. Было невыразимо пріятно перепрыгивать съ одной базальтовой глыбы на другую. Еще пріятнѣе было встрѣтить здѣсь, въ уголкѣ между камнями, мохъ и цвѣты, большой красивый макъ, камнеломку и звѣздчатку.

Островъ, на которомъ мы теперь находились, представлялъ изъ себя длинный хребетъ, тянущійся съ сѣвера на югъ и сложенный изъ большихъ и малыхъ, большею частью очень крупныхъ камней. Островъ едва возвышается надъ снѣговымъ полемъ, его окружающимъ, которое постепенно переходитъ въ краевой ледъ. Къ западу отъ насъ лежитъ голый, нѣсколько болѣе высокій островъ, а къ сѣверу два островка и небольшой утесъ.

17-го августа къ полудню мы перебрались съ нашего островка по льду на болѣе высокій островъ, лежащій западнѣе; плоскій берегъ, старая береговая линія съ бѣлыми, всюду валяющимися раковинами, и

узкая полоса открытой воды вдоль берега, гдѣ на днѣ видны были раковины и морскіе ежи, а на поверхности кишѣли прыгающіе рачки. Скалы надъ нами покрыты были сотнями кричащихъ нырковъ, а около насъ порхали съ веселымъ чириканьемъ подорожники. Внезапно прорвалось солнце сквозь легкій слой облаковъ и освѣтило все своимъ блескомъ. На днѣ моря, у самаго берега, я увидалъ цѣлый лѣсъ морскихъ водорослей, ламинарій и фукусовъ. Подъ скалами виднѣлись кое-гдѣ снѣжныя полянки съ красивымъ розовымъ снѣгомъ, цвѣтъ котораго обусловливается микроскопической красной водорослью. Виднѣлись также желтовато-зеленыя пятна на снѣгу, которыя, несомнѣнно, должны быть приписаны другому виду водорослей.

На сѣверной сторонѣ острова, на скалистой стѣнѣ встрѣтили мы стаи чаекъ, сидѣвшихъ съ своими птенцами на выдающихся краяхъ утесовъ. Я намѣревался взлѣзть на вершину острова, чтобы взглянуть вдаль, но скоро спустился туманъ и закрылъ вершину. Мы сѣли потому въ наши каяки и поплыли вдоль берега, покуда каналъ не закрылся и не пришлось снова тащиться по льду. Въ водѣ встрѣтилось цѣлое стадо тюленей, нырявшихъ, опрокидывавшихся и плескавшихся.

Послѣ довольно долгаго перехода по льду пришли мы къ его окраинѣ. Передъ нами разстилалась открытая синяя поверхность. Къ сѣверу виднѣлась земля, съ черными базальтовыми, вертикально подымавшимися утесами. Мысъ за мысомъ выступали къ сѣверу, а въ самой дали можно было различить синеватый глетчеръ.

Въ полночь съ 17 на 18 августа мы оставили нашу послѣднюю стоянку при чудно-прекрасной погодѣ. Было облачно, солнца не видно, но на краю горизонта, на сѣверѣ горѣли красноватымъ отблескомъ золотисто-окаймленныя облака и тихое море переливалось разными цвѣтами. Мы скользили на веслахъ, и можно было бы только наслаждаться, если бы не эта подозрительная тишина, тѣмъ болѣе, что барометръ быстро падалъ. Черезъ нѣсколько часовъ увидали мы впереди ледъ, а взобравшись на небольшой бугоръ, убѣдились, что ледъ этотъ тянется на большое пространство между разбросанными здѣсь небольшими островками. Вѣтеръ все свѣжѣлъ, ледъ напиралъ со всѣхъ сторонъ, и скоро ни въ какую сторону нельзя было замѣтить открытаго моря. Всѣ наши надежды достигнуть еще въ нынѣшнемъ году родины пали сразу.

Положеніе наше было отнюдь не завидное. Передъ нами массивный взломанный морской ледъ, за нами земля, ничуть не манящая къ зимовкѣ, а провіантъ нашъ сильно на исходѣ. Пришлось пожалѣть, что мы не застрѣлили одного-двухъ тюленей, еще на-дняхъ встрѣчавшихся стаями. Покуда не оставалось ничего, какъ убивать время сномъ, до тѣхъ поръ, пока не разобьетъ ледъ и не окажется возможнымъ попол-

нить нашъ запасъ провіанта. Въ то время какъ я думалъ такъ, лежа въ палаткѣ, услыхали мы какую-то возню и движеніе около насъ. Это оказался медвѣдь, котораго мнѣ и удалось убить двумя зарядами. Вопросъ о провіантѣ былъ такимъ образомъ на время разрѣшенъ, но тѣмъ болѣе безпокоилъ другой—въ состояніи ли мы будемъ идти далѣе или должны будемъ здѣсь зимовать.

24-го августа мы замѣтили, что ледъ около земли треснулъ и образовался уже широкій каналъ.

Теперь нужно было во что бы то ни стало достигнуть берега, чтобы не быть увлеченными морскимъ льдомъ въ море. Мы рѣшили связать наши каяки вмѣстѣ, поставить мачту и попробовать пойти съ парусомъ. Попытка оказалась удачной, и мы понеслись быстро, хотя по временамъ волны и заливали наше утлое суденышко.

Пройдя такъ цѣлый день, мы достигли виднѣвшагося вдали мыса, обогнули его и встрѣтили рядъ мелкихъ острововъ, а нѣсколько далѣе—высокіе базальтовые утесы, сложенные изъ безчисленныхъ вертикальныхъ столбовъ, выдающихся вверху острыми зубцами. Переночевавъ подъ такой стѣной, мы увидали на другой день, что къ востоку отъ насъ тянется длинный фіордъ, а нашъ путь ведетъ на ю.-з., къ мысу на другой сторонѣ фіорда. Погода была хорошая, и, несмотря на плавающія льдины, мы отправились было наперерѣзъ фіорда, но поднявшійся вскорѣ штормъ заставилъ насъ повернуть къ ближайшему за нами берегу. Приставая здѣсь, мы встрѣтили медвѣдя, котораго и удалось застрѣлить, а въ водѣ видѣли нѣсколько моржей.

Снявъ шкуру съ убитаго медвѣдя, мы отправились внутрь страны, чтобы ознакомиться съ новымъ царствомъ, и были не мало удивлены, увидавъ вблизи того мѣста, гдѣ мы впервые замѣтили медвѣдя, двухъ спокойно лежавшихъ на льду моржей. Въ разстилавшейся далѣе полыньѣ увидали мы также одного моржа, высовывавшаго безпрестанно голову изъ воды и такъ сильно втягивавшаго въ себя воздухъ, что это можно было слышать на далекомъ разстояніи. Нѣсколько позже можно было наблюдать, какъ онъ приблизился къ краю льда и вонзилъ въ ледъ свои большіе клыки, тяжело при этомъ дыша, какъ утомленный пловецъ. Затѣмъ онъ высоко поднялся на своихъ бивняхъ, посмотрѣлъ черезъ ледъ въ ту сторону, гдѣ лежали другіе, и снова погрузился въ воду. Скоро потомъ онъ появился съ большимъ шумомъ ближе къ землѣ; онъ повторялъ описанный маневръ нѣсколько разъ.

Голова моржа, показывающаяся изъ воды, имѣетъ не особенно красивый видъ. Съ огромными бивнями, грубыми щетинами на губѣ, неуклюжая — она представляетъ собою нѣчто столь дикое и страшное, что въ прежнія времена господства суевѣрія должна была внушать по-

нятный ужасъ и вызывать представленіе о сказочныхъ чудовищахъ, которыми кишѣли тогда, какъ принималось, эти воды.

Наконецъ моржъ появился въ отверстіи, около котораго лежали другіе моржи, и поднялся немного на своихъ бивняхъ надъ краемъ льда; появленіе его внезапно оживило болѣе крупнаго изъ прочихъ двухъ, огромнаго стараго самца. Онъ фыркнулъ угрожающимъ образомъ и безшумно повернулся. Вновь прибывшій почтительно нагнулъ голову до самаго льда, но скоро осторожно вползъ на льдину, такъ что держался за нее передними ластами. Старый самецъ всталъ тогда во всемъ своемъ величіи. Онъ вертѣлся, лаялъ и наступалъ на пришельца, чтобы вонзить ему въ спину свои колоссальные бивни. Послѣдній, не уступавшій, видимо, старому моржу ни по зубамъ, ни по величинѣ, склонялся тѣмъ не менѣе передъ нимъ почтительно, какъ рабъ передъ султаномъ, кладя голову на ледъ, послѣ чего старый самецъ возвращался къ своему товарищу и спокойно ложился попрежнему. Но какъ только шевелился пришелецъ, пробывшій нѣкоторое время въ своей рабской позѣ, какъ старый моржъ бросался къ нему, и послѣдній почтительно отступалъ. Такъ продолжалось нѣсколько разъ. Наконецъ, послѣ многихъ подобныхъ маневровъ, удалось вновь прибывшему совершенно взобраться на льдину и помѣститься около другихъ. Такимъ-то дружественнымъ образомъ принимаютъ моржи своихъ гостей. Животныя эти должны быть одарены необыкновеннымъ инстинктомъ общительности, если, несмотря на подобный пріемъ, постоянно ищутъ сообщества другихъ и ложатся всегда тѣсно одинъ къ другому. Когда мы позже вернулись посмотрѣть на нихъ, къ нимъ присоединился еще одинъ, а на слѣдующее утро лежало ихъ рядомъ цѣлыхъ шесть. Трудно даже повѣрить, что эти лежащія рядомъ туши — живые звѣри. Съ подтянутыми головами и подобранными подъ туловище задними ногами, они часами лежатъ совершенно безо всякаго движенія и выглядятъ какими-то огромными колбасами. Легко понять, что такіе гиганты чувствуютъ себя въ безопасности и не боятся никого на свѣтѣ.

Насмотрѣвшись вволю и весьма близко на моржей, мы вернулись къ нашей стоянкѣ, приготовили себѣ обильный обѣдъ изъ свѣже убитаго медвѣдя и завалились на сушѣ въ палаткѣ спать. На берегу, ниже палатки бѣлыя чайки шумѣли неистово. Онѣ собрались отовсюду стаями и не могли столковаться относительно правильнаго распредѣленія медвѣжьихъ кишокъ; непрерывно продолжались ихъ споры и драки, наполнявшіе воздухъ нестерпимымъ крикомъ. Въ небольшомъ разстояніи сидѣли чайки-нырки и присматривались, издавая нѣсколько болѣе гармонично звучащіе крики. Далѣе, въ морѣ, сопѣли и лаяли непрестанно моржи. Среди ночи насъ однако разбудили странные звуки: какъ будто кто-то стоналъ и плакалъ словно больной. Я всталъ и посмотрѣлъ

черезъ отверстіе въ палаткѣ. Рядомъ съ нашей медвѣжьей тушей стояли два медвѣдя — медвѣдица и ея дѣтенышъ и нюхали кровавые слѣды на снѣгу, при чемъ медвѣдица стонала, словно оплакивала дорогого ей умершаго. Немедленно схватилъ я ружье и осторожно высунулъ его дуло въ отверстіе, но медвѣдица замѣтила меня, и оба пустились бѣжать, мать впереди, дѣтенышъ за нею. Я оставилъ ихъ въ покоѣ,— намъ рѣшительно не было въ нихъ надобности, — мы вернулись и снова завалились спать.

На другой день (28 августа) путь все еще былъ закрытъ, а такъ какъ уже наступала осень, то мы рѣшились остаться здѣсь на зиму. Предстояло немедленно же начать приготовляться къ зимовкѣ, покуда дичь была еще въ изобиліи; къ тому же здѣсь имѣлось и хорошее мѣсто для перезимовки. Что всего скорѣе слѣдовало сдѣлать, это перестрѣлять моржей, которые лежали въ первые дни на льду, но теперь ужъ, конечно, исчезли. Море однако кишѣло ими: они сопѣли и лаяли ночью и днемъ. Покамѣстъ мы помѣстились въ неглубокой пещерѣ, но послѣ собиранія пищевого и горючаго матеріала самымъ важнымъ было построить жилье. Соорудить стѣны его было не трудно; камня и мху имѣлось достаточно. Труднѣе было устроить крышу, и мы не знали, чѣмъ для нея воспользоваться. По счастью, я нашелъ здоровый стволъ лиственницы, выброшенный на берегъ; онъ долженъ былъ служить конькомъ для нашей крыши. Если же нашелся одинъ стволъ, могли найтись и другіе. Однимъ изъ первыхъ нашихъ предпріятій была поэтому прогулка по берегу, но все, что мы нашли, оказалось только короткимъ обрубкомъ гнилого дерева, ни на что негоднаго. Мнѣ пришло тогда въ голову воспользоваться для крыши вмѣсто лѣса моржовыми шкурами.

На слѣдующій день мы рѣшили испробовать счастья въ охотѣ за моржами. Опасаясь рисковать въ отдѣльныхъ каякахъ, мы связали ихъ вмѣстѣ и направились въ нихъ къ большому, лежавшему вдали на водѣ и нырявшему самцу. Мы безъ труда приблизились къ нему на разстояніе выстрѣла и пустили ему въ голову двѣ пули; звѣрь на мгновеніе ошалѣлъ, но затѣмъ началъ биться и извиваться въ водѣ. Моментально онъ нырнулъ подъ каяки и сталъ нырять подлѣ насъ, тяжело дыша, въ то время какъ изо рта и носа его лилась кровь, окрашивая кругомъ воду. Мы дали новый залпъ, и такъ повторялось нѣсколько разъ; наконецъ, моржъ ослабѣлъ, но, прежде чѣмъ мы успѣли къ нему подъѣхать, пошелъ ко дну. Мы рѣшили не пробовать болѣе подобной охоты и обратили вниманіе на двухъ моржей, лежавшихъ на льду. Намъ удалось безъ особаго труда къ нимъ подкрасться и застрѣлить обоихъ. Сдѣлавъ это, мы отправились за нашими санками, захвативъ предусмотрительно и каяки. Послѣдніе оказались весьма кстати, такъ какъ, покуда мы занялись сдираніемъ кожи, вѣтеръ усилился, перешелъ

въ штормъ, и мало-по-малу узкая трещина у берега начала расширяться и насъ понесло со льдомъ въ море. Нельзя было терять времени, такъ какъ грести на нашихъ каякахъ противъ вѣтра было дѣломъ затруднительнымъ. Отдѣлать вполнѣ убитыхъ огромныхъ звѣрей было немыслимо; пришлось удовольствоваться тѣмъ количествомъ мяса, которое могло помѣститься въ каякахъ, да четвертой частью шкуры съ саломъ. Какъ только мы покинули свою добычу, стаи чаекъ опустились на оставленныя туши. Мы же должны были напрячь всѣ свои силы, чтобы достичь берега. Въ водѣ плавало много льдинъ, но ледъ былъ настолько тонокъ, что проваливался подъ ногами. Пришлось держаться каналовъ, разъединивъ наши каяки, но и тутъ намъ ежеминутно угрожала опасность. Ледъ былъ въ сильномъ движеніи и отдѣльныя льдины кружились, сталкивались и напирали одна на другую. То и дѣло нужно было вытаскивать каякъ, чтобы его не раздавило льдомъ, и затѣмъ спускать опять на воду; при этомъ брызги и водяная пыль обдавали насъ съ ногъ до головы. Море сильно волновалось и при нѣсколькихъ ударахъ вѣтра можно было ожидать, что онъ опрокинетъ или подброситъ наши каяки. Но мы работали изо всѣхъ силъ и, по мѣрѣ того какъ подходили къ скаламъ, чувствовали, что становилось тише. Наконецъ, послѣ долгой работы, удалось достигнуть берега и отдохнуть отъ напряженныхъ усилій. Съ какимъ наслажденіемъ улеглись мы въ нашей пещерѣ, хотя и промокшіе, подлѣ нашего горшка съ мясомъ. Сожалѣли мы только о потерянныхъ моржахъ, которыхъ уносилъ теперь штормъ, но зато радовались, что не остались въ ихъ компаніи.

Ночью къ нашей пещерѣ подошла медвѣдица съ двумя медвѣжатами, и пришлось снова взяться за ружья. Медвѣдица была убита уже на льду, гдѣ она попала въ лужу и не могла изъ нея выкарабкаться, а медвѣжата побѣжали на ледъ, который начало относить отъ берега. Осмотрѣвъ потомъ наши каяки, мы увидали, что одинъ лежитъ наполовину въ водѣ, другой вытащенъ и всунутъ между камнями, куски мяса изъ нихъ выброшены, разбросаны, сало оглодано—медвѣди возились здѣсь долго. По счастью сами каяки не пострадали. Взявъ каяки, мы отправились отыскивать медвѣжатъ, загнали ихъ къ берегу и убили обоихъ. Такимъ образомъ въ этотъ день мы убили трехъ медвѣдей, что вознаградило насъ за потерю моржей. Кромѣ того, мы увидѣли, что потонувшій ранѣе моржъ также оказался прибитымъ къ берегу; мы притащили его по трещинѣ во льду въ болѣе вѣрное мѣсто и привязали его тамъ. Только поздно ночью окончили мы свѣжеваніе медвѣдей, причемъ сложили мясо въ кучу и закрыли его шкурами. Послѣ того мы крѣпко заснули, ибо должны были вознаградить себя за двѣ проведенныя въ работѣ ночи.

Только 2-го сентября могли мы приняться за лежавшаго въ водѣ

моржа. Прежде всего надо было притащить тушу ближе къ берегу, воспользовавшись трещиной во льду, расширивъ ее и просунувъ веревку черезъ двѣ дыры въ кожѣ. Все это было сдѣлано, но усилій нашихъ оказывалось недостаточно. Во время этой работы около насъ появился новый моржъ, съ любопытствомъ на насъ смотрѣвшій; мы убили и его. Взглянувъ въ это время на фіордъ, я замѣтилъ въ немъ цѣлую стаю бѣлухъ, подскакивавшихъ надъ водою. Черезъ часъ онѣ всѣ исчезли; откуда онѣ появились и куда направились, я не могъ опредѣлить.

Въ слѣдующіе дни мы мучились надъ сдираніемъ кожъ, разрѣзываніемъ моржовыхъ тушъ и надъ переносомъ мяса и сала на берегъ. Приходилось лежать въ водѣ на убитыхъ звѣряхъ и копаться въ ихъ трупахъ. Еще ничего, что при этомъ мы насквозь промокли, со временемъ можно было высохнуть, но хуже всего было то, что намъ предстояло съ ногъ до головы напитаться жиромъ и кровью. Нашему жалкому одѣянію (въ которомъ намъ предстояло оставаться еще цѣлый годъ безъ перемѣны) пришлось за эти дни сильно пострадать. Оно настолько пропиталось жиромъ, что послѣдній проникъ до нашей кожи. Эта работа надъ моржовыми тушами была, несомнѣнно, самой скверной за все время экспедиціи; мы охотно бросили бы ее, если бы она не была такъ необходима. Мы нуждались особенно въ горючемъ матеріалѣ на зиму. Покончивъ работу, мы не мало радовались, когда на берегу оказались огромныя кучи сала и мяса, прикрытыя толстыми моржовыми шкурами.

7-го сентября мы принялись за постройку жилья, за отыскиваніе и отбиваніе подходящихъ камней и за кладку стѣнъ. Инструментовъ у насъ было мало; наиболѣе подходящими оказывались наши кулаки и пальцы. Кирками служили полозья отъ саней и палки отъ лыжъ съ желѣзнымъ шипомъ. Изъ моржовой лопатки, привязанной къ палкѣ отъ лыжъ, мы смастерили лопату и изъ поперечины отъ саней съ моржовымъ зубомъ—мотыгу. Какъ ни какъ, но работа все-таки подвигалась и стѣны складывались изъ камней, при чемъ щели затыкались мохомъ и землей. Погода становилась однако холоднѣе, земля тверже, камни вмерзали крѣпче; къ тому же выпалъ снѣгъ. Велико было поэтому наше удивленіе, когда утромъ 12 сентября мы почувствовали тепло и термометръ показалъ $+4^{0}$ Ц. Это была почти что высшая температура за все время нашей экспедиціи. Повсюду неслись съ горъ и съ ледника шумные потоки и водопады, весело журча далѣе по дорогѣ къ морю между камнями. Снѣгъ стаялъ, и на холмахъ показалась опять зелень. Но это было не долго. На слѣдующій же день все измѣнилось, снова вернулся холодъ, пошелъ снѣгъ, и съ этихъ поръ зима стала устанавливаться.

Черезъ недѣлю стѣны нашего жилища были готовы; онѣ поднимались на одинъ метръ надъ землею и столько же уходили въ глубь, такъ

что внутри можно было стоять во весь ростъ. Оставалось только сдѣлать крышу; для этой цѣли намъ послужили: найденный на берегу стволъ въ 30 сант. толщины, который Іогансенъ, помощью небольшого топора, поработавъ цѣлый день, умудрился разрубить пополамъ вдоль, и моржовыя шкуры, съ которыми намъ пришлось, впрочемъ, долго возиться, такъ какъ онѣ оказались очень тяжелыми и къ тому же такъ смерзлись, что пришлось ихъ оттаивать въ водѣ.

24-го сентября, отправляясь на стройку, мы увидали стадо моржей; Іогансенъ думалъ оставить ихъ въ покоѣ, но я не хотѣлъ упускать случая увеличить наши запасы, и мы убили еще двухъ, въ томъ числѣ одного молодого. Теперь у насъ довольно кожъ и запасовъ жиру на топливо. Шкуры оказались настолько длинными, что доставали съ одной стороны вновь построеннаго жилья на другую черезъ крышу; мы натянули ихъ, привязавъ къ ихъ угламъ, при помощи полосокъ кожи, по большому камню. Чтобы сдѣлать жилище внутри болѣе удобнымъ, мы устроили въ немъ каменныя скамьи для сидѣнья и дверь. Послѣдняя состояла изъ отверстія въ углѣ стѣны, отъ котораго шелъ вырытый въ землѣ ходъ, прикрытый сверху льдинами, на манеръ жилищъ эскимосовъ. Ходъ этотъ былъ такъ низокъ, что имъ можно было только ползти. Внутреннее отверстіе коридора закрывалась медвѣжьей шкурой, пришитой къ моржовой шкурѣ крыши. Наружное отверстіе также закрывалось медвѣжьей шкурой, лежавшей свободно.

Стало становиться холодно, ниже 20° Ц., и жить въ нашей временной низкой пещерѣ становилось все болѣе невыносимо.

Наконецъ, вечеромъ 28 сентября перебрались мы въ наше новое жилище, которое оказалось однако порядочно холоднымъ. Наши лампы, которыя мы смастерили изъ жестяныхъ листовъ съ загнутыми краями, наполненныхъ ворванью, со свѣтильней изъ холста отъ бандажей, давали болѣе свѣта, чѣмъ грѣли, а нашъ спальный мѣшокъ, сшитый изъ двухъ шерстяныхъ одѣялъ, мы раздѣлили пополамъ для большаго удобства. Всю ночь мы дрожали отъ холода, какъ никогда, а утромъ съ необычайнымъ аппетитомъ принялись за завтракъ. Удивительно, какія массы горячаго бульона изъ медвѣжатины мы поглотили, чтобы нѣсколько согрѣть наши промерзшія тѣла. Было рѣшено произвести улучшеніе въ томъ смыслѣ, чтобы устроить у задней стѣны широкую кровать для двоихъ; мы покрыли ее медвѣжьими шкурами и сшили себѣ снова одинъ мѣшокъ изъ одѣялъ. Съ этихъ поръ мы ужъ не дѣлали попытокъ разлучаться ночью. Въ углу жилья мы устроили небольшой очагъ, а въ крышѣ прорѣзали дыру въ моржовой шкурѣ и провели къ ней трубу изъ шкуры. Хижина однако настолько наполнялась дымомъ, что пришлось озаботиться возведеніемъ трубы на крышѣ. Для этого мы воспользовались льдомъ и снѣгомъ, построивъ изъ этого

матеріала вполнѣ удовлетворительную трубу. Правда, она имѣла то свойство, что постепенно таяла и расширялась внутри, при чемъ вода капала и текла на очагъ, но такъ какъ строительнаго матеріала было много, то не представило затрудненій подвергнуть ее два-три раза въ теченіе зимы капитальному ремонту. Пользовались мы также въ качествѣ матеріала моржовымъ мясомъ, костями, вообще всѣмъ, что оказывалось подъ руками. Наше питаніе состояло утромъ изъ вареной медвѣжатины и бульона, вечеромъ—изъ жареныхъ ломтей медвѣжьяго мяса. Ѣли мы очень много, но замѣчательно, что никогда не чувствовали отягощенія и всегда имѣли прекрасный аппетитъ. Иногда прибавляли еще сала или макали куски мяса въ жиръ или лакомились кусками пригорѣлаго жира отъ лампъ.

У насъ еще оставалась часть провіанта, взятаго въ санную экспедицію, но мы рѣшили не трогать его до весны и сохранить въ депо, подъ тяжелыми камнями, въ безопасности отъ песцовъ. Эти твари заявили себя форменными грабителями и тащили, что могли. Такъ, 10-го октября я открылъ, что они утащили изъ другого моего склада всѣ положенныя тамъ мелочи: куски бамбука, стальную проволоку, гарпуны и лини къ нимъ, мою коллекцію камней, мховъ и т. д., сохранявшихся въ мѣшкахъ изъ парусины. Хуже того, они утащили большой мотокъ нитокъ, единственную нашу надежду на случаи необходимости сшить платье изъ медвѣжьяго мѣха. Еще счастье, что они не могли справиться съ теодолитомъ и другими инструментами. Стараясь найти что-нибудь изъ утащеннаго, я замѣтилъ одного песца между камнями; при видѣ меня онъ издалъ пронзительный, непріятный вой; я пустилъ въ него камнемъ и, конечно, безъ результата; тратить же на нихъ патроны было немыслимо. Скоро песцы утащили висѣвшій наружи термометръ, который съ трудомъ удалось потомъ разыскать. Съ этихъ поръ мы стали его защищать камнемъ, но однажды утромъ мы нашли его сброшеннымъ, а термометръ снова исчезнувшимъ и на этотъ разъ безвозвратно. У насъ оставался съ этихъ поръ одинъ только термометръ, который намъ удалось сохранить.

Между тѣмъ время проходило. Солнце опускалось все ниже и ниже и, наконецъ, 15-го октября въ послѣдній разъ показалось изъ-за горъ на югѣ. Наступала наша третья полярная ночь.

8-го и 21-го ноября мы видѣли послѣднихъ медвѣдей; съ тѣхъ поръ они не появлялись до весны.

Началась для насъ крайне однообразная жизнь: утромъ мы вставали и варили нашъ завтракъ, подкрѣпляли себя, потомъ снова отдыхали и, наконецъ, пробовали выходить на прогулку. Но прогулка оказывалась не особенно пріятной въ нашихъ дырявыхъ и изодранныхъ одеждахъ, особенно при сильномъ, постоянно дувшемъ вѣтрѣ. Иногда мы по цѣ-

лымъ днямъ оставались въ нашей душной хижинѣ, вылѣзая изъ нея только по необходимости, чтобы достать льду для питья или мяса и сала для ѣды или лампы. Наше намѣреніе сшить себѣ платье изъ медвѣжьихъ шкуръ оказалось трудно выполнимымъ; требовалось много времени, чтобы очистить шкуру отъ сала и жира, и еще больше, чтобы ее высушить подъ крышей. Когда же она оказывалась готова, ее приходилось употреблять прежде всего на подстилку вмѣсто прежнихъ сырыхъ, начинавшихъ гнить. Затѣмъ потребовались сухія шкуры для спальнаго мѣшка, взамѣнъ имѣвшагося изъ шерстяныхъ одѣялъ и ставовившагося все болѣе и болѣе недостаточнымъ. Такъ были использованы всѣ шкуры, и намъ пришлось оставаться все въ тѣхъ же изодранныхъ лохмотьяхъ. Въ хижинѣ было довольно удобно. При помощи лампъ можно было поддерживать температуру на точкѣ замерзанія; но у стѣнъ было холоднѣе. На нихъ выступала сырость въ видѣ чудесныхъ ледяныхъ кристалловъ, позволявшихъ мечтать, что мы живемъ въ хрустальномъ дворцѣ. Но эта роскошь имѣла и свою невыгоду, ибо при повышеніи температуры наружи или при нѣсколько большемъ нагрѣваніи внутри кристаллы таяли и струйки воды проникали по стѣнамъ въ нашъ спальный мѣшокъ. Мы попеременно завѣдывали стряпней, каждый по недѣлѣ, и это разнообразило нашу жизнь.

Мы не могли почти себѣ представить возможности сбросить съ себя всѣ тяжелыя, замасленныя тряпки, облекающія наше тѣло. Какъ глина онѣ прилипали ко всему тѣлу. Особенно приходилось страдать нашимъ ногамъ, вслѣдствіе того, что штаны прилипали крѣпко къ колѣнамъ, такъ что при каждомъ движеніи они терли и сдирали кожу съ бедра, до того, что на ногѣ получались кровавыя раны. Мнѣ стоило не мало труда предохранить эти раны отъ засоренія жиромъ и грязью. Мы дѣлали разнообразныя попытки отмывать наиболѣе грязныя мѣста, но все было безуспѣшно. Вода не производила никакого дѣйствія на эту грязь; выгоднѣе оказалось сцарапывать ее мхомъ или пескомъ. Песокъ мы находили въ большомъ изобиліи въ стѣнахъ нашей хижины, очищая ихъ предварительно ото льда. Но лучшей методой оказалось намазывать руки теплой медвѣжьей кровью и ворванью и затѣмъ снова стирать ихъ мхомъ. Когда нельзя было достать этихъ туалетныхъ принадлежностей, мы считали за лучшее очищать кожу ножомъ. Если уже было трудно въ чистотѣ держать свое тѣло, то достигнуть этого относительно нашей одежды было вполнѣ невозможно. По цѣлымъ часамъ варили мы наши рубашки въ котлѣ, но, вынимая ихъ, находили, что онѣ столь же пропитаны саломъ, какъ и вначалѣ. Затѣмъ мы пытались удалить жиръ изъ платья, и это дѣло шло нѣсколько успѣшнѣе. Единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ оказалась варка, а затѣмъ, пока платье было еще теплое, сцарапывать жиръ ножомъ. Наши волосы и наши лица были вороново-

чернаго цвѣта, и, глядя другъ на друга при дневномъ свѣтѣ, мы находили, что наши зубы и бѣлки глазъ выглядятъ необычайно бѣлыми.

Какъ только приходилось брать листъ бумаги, пальцы оставляли на немъ темное жирное пятно, а когда его задѣвалъ край рукава, то получалась темная полоса.

Наши дневники этого періода выглядятъ ужасно,—настоящія „черновыя книги", въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

25-го февраля впервые почувствовалось приближеніе весны. Мы видѣли первыхъ птицъ, сначала стаю нырковъ штукъ въ двѣнадцать, а затѣмъ еще четырехъ; они летѣли съ юга вдоль суши, по всей вѣроятности черезъ проливъ на юго-востокъ, и исчезли за горнымъ хребтомъ на сѣверо-западѣ.

Намъ стало приходиться довольно туго вслѣдствіе недостатка сала и мяса, главнымъ образомъ—сала; мы тосковали по медвѣдямъ и полагали, что теперь время имъ вернуться. Какъ разъ 8-го марта я занимался чинкой одежды, чтобы быть вполнѣ готовымъ на случай появленія медвѣдя. Іогансенъ, стряпавшій эту недѣлю, также нѣкоторое время занимался шитьемъ и какъ разъ приводилъ наше жилище въ порядокъ къ воскресенью и выносилъ кости и остатки мяса наружу. Едва онъ достигъ выхода — приподнялъ закрывавшую отверстіе шкуру, какъ со всею поспѣшностью бросился назадъ и закричалъ: „какъ разъ передъ дверьми стоитъ медвѣдь". Онъ сорвалъ съ потолка свое ружье, высунулъ голову въ проходъ и сказалъ: „онъ стоитъ прямо у отверстія и очевидно хочетъ влѣзть".

Затѣмъ онъ выстрѣлилъ. Я услышалъ глухое рычаніе и топотъ тяжелыхъ ногъ, направлявшихся наверхъ. Іогансенъ снова зарядилъ и просунулъ голову къ отверстію, онъ сказалъ, что медвѣдь подымается кверху и что, повидимому, ему мало досталось отъ перваго выстрѣла. Быстро я былъ готовъ и, вооруженный ружьемъ и ножомъ, вышелъ вслѣдъ за Іогансеномъ. Я пошелъ по слѣдамъ, которые вели вдоль берега. Вскорѣ со мной встрѣтился Іогансенъ и сообщилъ, что медвѣдь лежитъ впереди, что ему удалось наконецъ догнать и убить звѣря выстрѣломъ въ спину. Въ то время, какъ онъ возвращался за санями, я отправился, чтобы приняться за потрошеніе. Когда я былъ уже недалеко отъ мѣста, гдѣ долженъ былъ лежать медвѣдь, я увидѣлъ, что „убитое" животное довольно быстро удалялось вдоль берега. Отъ времени до времени оно останавливалось, чтобъ оглянуться на меня. Я сталъ взбираться на ледъ, чтобы, если возможно, попасть на другую сторону глетчера и отогнать медвѣдя назадъ, дабы намъ не пришлось тащить его слишкомъ далеко. Когда, черезъ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени, мнѣ удалось взобраться на ту же высоту, на которой находился звѣрь, онъ сталъ прятаться наверху на

глетчерѣ подъ скалы. Не оставалось ничего другого, какъ елико возможно скорѣе помѣшать ему въ этомъ; но какъ разъ въ ту минуту, какъ я подошелъ на разстояніе выстрѣла, онъ исчезъ за выступомъ скалы. Вскорѣ я снова увидѣлъ его значительно выше и совершенно внѣ выстрѣла. Онъ поворачивалъ голову, чтобы посмотрѣть — преслѣдую ли я его. Я взобрался за нимъ еще на нѣкоторую высоту, но такъ какъ онъ бѣжалъ вдоль горы быстрѣе, чѣмъ я могъ за нимъ слѣдовать по глубокому снѣгу, подъ которымъ сверхъ того были скрыты трещины, то я предпочелъ снова спуститься на ледъ фіорда. Спустя немного медвѣдь появился подъ вертикальной скалой съ крутымъ обвалившимся склономъ и сталъ осторожно ползти по осыпи. Я боялся, что онъ уляжется здѣсь, на мѣстѣ, съ котораго мы не могли бы его достать, и поэтому рѣшилъ стрѣлять, несмотря на большое разстояніе. Казалось, что звѣрь не имѣлъ тамъ твердой почвы подъ ногами. Подъ скалой чувствовалось сильное теченіе воздуха, и я видѣлъ, что медвѣдь при сильныхъ порывахъ вѣтра ложился на брюхо, и долженъ былъ держаться лапами, но съ этой цѣлью онъ могъ пускать въ ходъ только три ноги, такъ какъ правая передняя нога была прострѣлена. Я всталъ на камень у основанія обвала, хорошенько прицѣлился и выстрѣлилъ. Я увидалъ, что пуля попала въ снѣгъ подъ звѣремъ; раненый или нѣтъ, онъ вскочилъ и пытался перейти черезъ сугробъ снѣга, но поскользнулся и полетѣлъ внизъ. Нѣсколько разъ пытался онъ удержаться, но продолжалъ падать, пока, наконецъ, ему не удалось стать на ноги и онъ началъ снова медленно карабкаться вверхъ. Тѣмъ временемъ я снова зарядилъ ружье, разстояніе стало меньше, и я опять выстрѣлилъ. Одно мгновеніе медвѣдь стоялъ неподвижно, а затѣмъ сталъ скатываться все ниже по склону, сначала медленно, а затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе, при чемъ онъ много разъ перевертывался. Я думалъ, что онъ летитъ какъ разъ на меня, но надѣялся, что камень, за которымъ я стоялъ, былъ достаточно проченъ. Ставъ на корточки, я быстро вложилъ патронъ въ стволъ. Медвѣдь летѣлъ внизъ вмѣстѣ съ массою камней и снѣжныхъ комьевъ, изъ которыхъ одинъ былъ больше другого. Странно было видѣть, какъ его громадное бѣлое тѣло дѣлало въ воздухѣ одинъ поворотъ за другимъ, какъ будто какая-нибудь дощечка. Наконецъ онъ сдѣлалъ еще одинъ сильный скачокъ и затѣмъ ударился о большой камень. Раздался трескъ, и онъ лежалъ рядомъ со мной; затѣмъ прошли судороги по тѣлу, и все было кончено. Это былъ необычайно большой самецъ съ прекрасной толстой шубой, которую съ удовольствіемъ можно было бы носить дома; но главное—онъ былъ чрезвычайно жиренъ. Вскорѣ пришелъ, Іоганзенъ и въ концѣ-концовъ мы раздѣлили тушу на части, стащили на ледъ и уложили въ сани. Было трудно впотьмахъ бороться съ вѣтромъ, такъ что лишь позднимъ вечеромъ намъ удалось

вернуться домой. Уже давно мы не радовались настолько возвращенію, возможности лечь въ мѣшокъ и получить къ ужину свѣжее мясо и горячій супъ. Шесть недѣль мы продовольствовались на счетъ этого медвѣдя.

Весна и лѣто на островахъ Новой Сибири.

(В. Катинъ-Ярцева.)

Тундра ожила. Вѣяніе весны сказалось и на лагунѣ. 24-го мая видѣли гусей, 25-го—утокъ. Нерпы *) начали вылѣзать через продышанныя ими во льду отверстія, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и погрѣться въ весеннихъ лучахъ полярнаго солнца. Всего въ 400 саженяхъ отъ судна боцманъ замѣтилъ въ бинокль вылѣзшаго въ подобную продушину тюленя. Онъ подползъ къ нему шаговъ на 100. Нерпа наслаждалась жизнью, нѣжась на солнцѣ, пока роковой выстрѣлъ не положилъ предѣла ея безмятежному существованію. При 142,5 см. длины животное вѣсило болѣе $4^1/_2$ пуд. Толстый слой жира залегалъ подъ его толстой шкурой, которую я пріобщилъ къ коллекціямъ экспедиціи. Изъ любознательности мы заказали бифштексъ изъ нерпы. Гадость порядочная. Получилось что-то въ родѣ сапогъ въ смятку: запахъ ворвани, смѣшанный еще чортъ знаетъ съ чѣмъ.

Яснѣе и яснѣе обозначались чернѣвшіе понемногу берега лагуны. Таяніе пошло энергичнѣй. Однако на тундрѣ оставалось еще сколько угодно снѣга: всему не растаять подъ холодными лучами холоднаго солнца. Снѣгъ сталъ такимъ рыхлымъ и пористымъ, что того и гляди провалишься по поясъ, а внизу — вода. На почернѣвшей тундрѣ стали иногда попадаться пучки блѣдно-зеленой растительности.

Температура стала значительно подниматься надъ точкой замерзанія. 25-го мая она достигла на солнцѣ + 11,2 С.; максимальный термометръ въ будкѣ показывалъ больше 4-хъ, а на поверхности снѣга температура достигала 5^0 слишкомъ выше 0.

Этотъ день, положимъ, выдавался въ ряду другихъ: такая была теплая и ясная погода. Я пошелъ прогуляться на лыжахъ, которыя оставилъ около одного изъ астрономическихъ знаковъ, и пустился въ тундру. Пошатавшись по тундрѣ, я вернулся къ знаку, послѣ нѣкотораго колебанія спустился на лыжахъ съ горы и возвратился на судно, неся съ собою пучокъ блѣдно-зеленой травы, какъ залогъ наступающей весны.

Къ концу мая прогулки по льду становились непріятными и даже до метеорологической станціи трудно было дойти, не промочивъ ногъ. На лыжахъ было хуже ходить, чѣмъ безъ нихъ, а канадскія, очень

*) Нерпа—видъ тюленя.

удобныя въ подобныхъ обстоятельствахъ, почему-то пришлись мнѣ не по вкусу. Трещины, бывшія раньше пустыми или набитыми снѣгомъ, стали наполняться водой. Снѣгъ, подтаивая и просачиваясь внизъ, образовывалъ ледянистую кашу, и тамъ, гдѣ его скопилось значительное количество, эта каша декорировалась сверху на видъ какъ будто и твердымъ, а на самомъ дѣлѣ предательскимъ слоемъ снѣга. Пѣніе пуночекъ и рѣзкій крикъ чаекъ стали раздаваться иногда совсѣмъ вблизи судна. Изрѣдка пара утокъ пролетала невдалекѣ; нерпа вылѣзала на ледъ.

На суднѣ начались заблаговременно приготовленія къ навигаціи, съ одной стороны, и къ обезпеченію себѣ отступленія въ случаѣ аваріи— съ другой. Судно могло раздавить льдомъ, ледъ же могъ выпереть его на берегъ, оно могло вернуться послѣ неудачнаго плаванія въ гавань съ израсходованнымъ запасомъ угля,—и вотъ на одинъ изъ этихъ случаевъ и устраивался въ поварнѣ на косѣ складъ провіанта.

Оставшись вдвоемъ съ командиромъ въ каютъ-кампаніи, мы дежурили черезъ день и вели самый регулярный образъ жизни. Каждый изъ насъ оставался черезъ день на суднѣ, исполняя обязанности дежурнаго, отпускалъ на охоту и принималъ возвратившихся охотниковъ. Отказа въ отпускѣ пока не могло быть, но контроль былъ необходимъ, чтобы кто не затерялся на тундрѣ.

Около судна появились въ одинъ изъ теплыхъ дней двадцатыхъ чиселъ мая мыши-лемминги. Эти интересные звѣрки, немного побольше полевой мыши, типичны для полярной области. Лемминги иногда массами переселяются. Замѣчено, что ихъ кочевки періодичны и происходятъ черезъ каждые три года. Это храбрый и злой народъ. Если вы, идя по тундрѣ, наткнетесь на лемминга, бѣгущаго извилистой тропинкой къ своей норкѣ или пустившагося на промыселъ, онъ присядетъ, ощерится и зашипитъ на васъ. Но онъ слишкомъ малъ, чтобы оборониться отъ песца или собаки, которые ѣдятъ леммииговъ живьемъ.

Мы поймали пару леммииговъ въ числѣ другихъ бѣгавшихъ по льду вокругъ судна къ большому удовольствію охотившихся за ними псовъ. Я посадилъ ихъ въ клѣтку. Мыши охотно ѣли, на глазахъ у людей, кусочки тюленьяго жира, которые имъ давали, но мнѣ не удалось ихъ приручить. Одинъ изъ леммииговъ палъ жертвой единоборства, а его счастливый соперникъ, какъ бы боясь законнаго возмездія, поспѣшилъ улизнуть, найдя маленькую лазейку въ своей прочной клѣткѣ.

Въ ночь съ 4-го на 5-е іюня я совершилъ въ обществѣ одного матроса и боцмана свою самую большую прогулку по тундрѣ. Выступили мы уже въ девятомъ часу вечера, когда вернулся съ охоты командиръ. Тундра почти совсѣмъ почернѣла, но растительность пока замѣтна только при самомъ внимательномъ разглядываніи. Овраги еще часто полны

снѣгомъ, подъ которымъ скрывается вода. Кочковатая поверхность тундры напоминала высохшее болото. На болѣе низкихъ мѣстахъ, гдѣ оттаяло и имѣлся достаточный запасъ влаги, почва топкая, но уже на 40 см. на глубину начинается вѣчная мерзлота.

Хороша была одна, попавшаяся намъ на пути, рѣчка чукочья, которая несла къ морю свои недавно образовавшіяся отъ тающаго снѣга и продолжавшія еще образовываться воды. Высоко надъ нами слышался крикъ гусей. Четыре гуся держали путь, очевидно къ рѣчкѣ. Увидѣвъ насъ, они повернули назадъ, и снова къ намъ возвратились, что повторяли до трехъ разъ.

Быстро, какъ по мановенію волшебства, нѣсколько разъ спускался туманъ и такъ же быстро разсѣивался. Далеко на пригоркѣ обрисовалось небольшое стадо оленей. Сквозь туманъ я едва разсмотрѣлъ ихъ въ бинокль. Было такъ далеко, что не стоило стрѣлять, а позиція для подкрадыванія у насъ была очень невыгодная. Олени загалопировали и скрылись въ туманѣ.

Послѣ долгаго скитанія по тундрѣ, перейдя рѣчку Чукочью, на которой видѣли гусей, мы попали въ довольно красивую и дикую мѣстность. Два-три оврага, нѣсколько большихъ байджараховъ, да виднѣвшееся въ дали море составляли пейзажъ. Байджарахи—это болѣе или менѣе крупные курганы, состоящіе изъ торфа, пожалуй достаточно сухого, чтобы служить топливомъ. Между байджарахами безшумно летали снѣжныя совы (Nyctea nivea), мѣрно и красиво взмахивая крыльями. На верхушкахъ байджараховъ они гнѣздятся. Совы были настолько осторожны, что ни одному изъ насъ не удалось подойти на разстояніе выстрѣла. Любопытно было наблюдать, какъ пара чаекъ-паразитниковъ, ростомъ значительно меньше крупной снѣжной совы, испускали воинственные крики, нападая на сову, а та только крыломъ отмахивалась отъ нихъ, какъ отъ назойливыхъ мухъ.

Разныхъ видовъ кулички пересвистывались или гонялись маленькими стайками за паразитникомъ, который ударомъ клюва могъ бы раздробить черепъ любому изъ нихъ. „Куликъ! Ку-у-ликъ!“ свистали кулички. „Тра-та-та-та!“ раздавался грубый, какъ собачій лай, крикъ куропатки. Пѣли свои свадебныя пѣсни пуночки. Крошечный и скромный, но хорошенькій, съ малиновымъ ожерельицемъ „пѣтушокъ“ своимъ пѣніемъ будто старался напомнить намъ степного жаворонка. Время отъ времени чайки, красиво разсѣкая воздухъ крѣпкими крыльями, оглашали тундру рѣзкими криками. Нѣтъ-нѣтъ да и покажутся турпаны,—то влюбленной парочкой, то скромная дама въ сопровожденіи нѣсколькихъ нарядныхъ, по случаю сезона любви, кавалеровъ. Кулички и прочая мелкая братія, какъ водится, преобладали.

Отъ байджараховъ мы повернули домой. Опять пришлось гдѣ шле-

пать по водѣ, гдѣ брести по снѣгу. Приходилось разуваться и выливать воду изъ сапогъ.

Мы пробыли въ отлучкѣ болѣе полусутокъ и сдѣлали въ это время до 40 верстъ: для прогулки недурно. Нашими жертвами пали за это время дюжина куликовъ, куропатка, пара чаекъ и турпанъ.

Послѣ пятичасового сна я все еще чувствовалъ утомленіе. Мышцы побаливали. За препаровкой птицъ и чтеніемъ, однако, я скоро „отошелъ".

Ледъ въ лагунѣ настолько сталъ портиться, многочисленныя прѣсноводныя лужи, образовавшіяся отъ таянья снѣга, настолько испещрили его поверхность и наполнили трещины, что идти на метеорологическую косу приходилось постоянными зигзагами. Вода въ лужахъ солоновата отъ примѣси кристаллизовавшейся на поверхности льда соли и для питья не хороша. Пришлось все-таки сдѣлать запасъ этой воды въ цистерны (опрѣснителя на „Зарѣ" не было: онъ—излишняя роскошь въ полярномъ плаваніи), но, употребляя ее для приготовленія пищи, мы предпочитали для питья доставать воду съ косы.

И коса обнажилась отъ зимняго наряда. Ручьи и ручейки медленно, но неукоснительно дѣлали свою работу, содѣйствуя таянію снѣга, образуя мѣстами порядочныя лужи. Масса гальки, цѣлыя залежи плавнику, котораго хватило бы для постройки цѣлой помѣщичьей усадьбы, выступили изъ-подъ снѣга. Обнажилась и ровная болотистая почва, въ которую переходила коса у подножія тундры. Но коса, какъ и тундра къ западу отъ судна, пока была бѣдна жизнью. Орнитологическая коллекція наша обогатилась двумя гнѣздами съ 5-ю и 6-ю яйцами въ каждомъ. Гнѣзда принадлежали маленькимъ птичкамъ съ малиновой грудкой и ожерельемъ, которыхъ мы называли пѣтушками. Птички эти дѣлаютъ себѣ гнѣзда изъ сухой травы и перьевъ, такъ искусно располагая ихъ между кочками тундры, что ихъ съ трудомъ можно различить, какъ и самихъ птичекъ, цвѣтомъ подходящихъ къ тундрѣ.

Явленія предохранительной окраски вообще очень рельефно выступаютъ въ полярныхъ странахъ. Бѣлая куропатка, сливаясь по цвѣту—зимой со снѣгомъ, среди котораго она живетъ, мѣняя опереніе, и лѣтомъ едва замѣтна на тундрѣ. То же надо сказать и о гостяхъ съ далекаго юга—куликахъ.

Числа около 7-го іюня къ моей коллекціи прибавилась наконецъ, давно ожидаемая снѣжная сова. Это одна изъ самыхъ крупныхъ здѣшнихъ птицъ; благодаря пышному оперенію, она кажется еще крупнѣй и коренастѣй. Самка нѣсколько крупнѣе самца. Птица совершенно бѣлаго цвѣта—съ темно-коричневыми крапинками на крыльяхъ у самки. Крупные, какъ у доброй кошки, глаза, мохнатыя лапы, большіе острые и цѣпкіе когти. Полярная сова не вьетъ себѣ гнѣзда, а кладетъ яйца въ простомъ углубленіи на верхушкѣ байджараха. Яйца и цвѣтомъ, и величи-

ной совершенно сходны съ куриными, хотя, можетъ быть, будутъ немного тяжелѣй; форма ихъ остается постоянной, не варьируетъ такъ, какъ у куръ.

7-го іюня стояла совсѣмъ осенняя погода. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, метровъ до 15-ти въ секунду, весь день свистѣлъ въ снастяхъ. Небо заволокло тучами. Къ вечеру былъ маленькій дождь,—первый въ эту весну. Полыньи, вѣроятно подъ вліяніемъ вѣтра, стали быстро увеличиваться, разливаясь по поверхности льда обширными наледями, образуя цѣлыя озера волнующейся голубовато-зеленоватой воды. Къ ночи вода разливалась больше и больше. Всю ночь, не ослабѣвая, гудѣлъ вѣтеръ. Пріятно было видѣть послѣ обширнаго снѣжно - ледяного поля, такъ недавно окружавшаго судно, большое количество воды кругомъ него,—воды, дававшей иллюзію открытаго моря. Но сильный и холодный вѣтеръ дѣлалъ не очень пріятнымъ пребываніе на палубѣ. И этой водѣ суждено была черезъ нѣсколько дней уйти въ трещины. Барометръ падалъ.

Часу въ 3-мъ ночи 13-го іюня мы слышали громъ, что составляетъ рѣдкость въ этихъ широтахъ, гдѣ напряженіе электричества въ воздухѣ ничтожно.

27-го іюня командиръ распорядился начать работы по освобожденію „Зари“ отъ льда и разводить пары. Пошли въ ходъ кайлы, пешни, ледяная пила, пироксилинъ. Взрывы пироксилиномъ производились такъ: во льду прокалывалось отверстіе, черезъ которое вводилась подъ ледъ съ помощью длинной палки сухая и мокрая шашка пироксилина. Затѣмъ замыкали электрическій токъ, дѣйствіе котораго по электрическимъ проводамъ передавалось пироксилину. Происходилъ взрывъ. Слышался сильный глухой звукъ. Судно вздрагивало, а вспучившійся ледъ давалъ трещины, расширявшіяся при слѣдующихъ минахъ, все болѣе и болѣе дробившихъ ледъ.

Работа увѣнчалась успѣхомъ, и рано утромъ 1-го іюля „Заря“, воспрянувъ отъ продолжительной зимней спячки, мѣрно вздрагивая, вышла въ наружную полынью. Начался новый періодъ судовой жизни.

Новая стоянка судна представляла слѣдующую картину. Саженяхъ въ 150-ти отъ „Зари“—косы и между ними входъ въ лагуну Нерпалахъ, обозначенный входными знаками въ видѣ толстыхъ шестовъ съ цвѣтными жестянками. Ближайшая къ нимъ постройка — баня. Немного дальше на косѣ — остальныя постройки. Вблизи бани — поставленная инородцами ураса, въ которой они пока проживали.

На разстояніи верстъ 5—6 отъ судна къ сѣверу и югу виднѣлись мысы, обозначавшіе входъ въ Нерпичью губу. На западъ разстилалось море, нѣсколько загороженное находившимся верстахъ въ 25 отъ насъ Бѣльковскимъ островомъ.

На тундрѣ кончалась кладка яицъ. Многія птицы уже вывели дѣтенышей.

Матросъ принесъ мнѣ 9 живыхъ совятъ и совиное яйцо съ начавшимъ уже вылупляться птенцомъ. Яйца этой совы были найдены еще 11-го іюня, но оставались въ гнѣздѣ, такъ какъ въ коллекціи ихъ было достаточно и мнѣ было интересно заполучить птенцовъ. Уже тогда двое старшихъ вылупились изъ яицъ. Теперь передо мной была цѣлая серія совятъ различнаго возраста: почти голые, маленькіе, съ непомѣрно большой головой и большіе — пушистые, круглые, какъ шары, съ огромными глазами. Они пронзительно пищали, широко разѣвая рты. Я оставилъ двухъ старшихъ на воспитаніе, остальные пошли въ спиртовую коллекцію. Въ ихъ желудкахъ были свалявшіеся въ шаръ полупереваренные остатки мышей. Запасливая сова, сидя на гнѣздѣ, обкладываетъ себя мышами, которыми и кормитъ своихъ дѣтенышей.

Оставленные мною на совята не обнаруживали разборчивости въ пищѣ и проявляли чрезвычайную жадность. Давали ли имъ мышей или кусочки тюленьяго сала и мяса, или убитой для ихъ прокормленія чайки, они все поглощали съ одинаковымъ аппетитомъ и въ огромныхъ количествахъ. Интересно, что сами они долго не могли расправляться съ провизіей, а ѣли только изъ рукъ уже отрѣзанные для нихъ куски. Я имъ устроилъ въ корзинѣ нѣчто въ родѣ гнѣзда и сначала держалъ ихъ на мостикѣ, а потомъ въ сѣняхъ лабораторіи, которую они наполнили вонью.

Кромѣ совятъ, у меня были и другіе питомцы. Одинъ изъ матросовъ принесъ съ тундры пару прехорошенькихъ песцовъ. Съ мягкой голубовато-сѣрой шерстью, злыми и умненькими глазками, смышлеными мордочками, они стали скоро общими любимцами. Для нихъ была сдѣлана клѣтка съ проволочной рѣшеткой. Сначала бѣдные звѣрки отказывались отъ пищи, которая потеряла для нихъ вкусъ съ лишеніемъ свободы. Но уже на другой день голодъ взялъ свое и, не рѣшаясь еще ѣсть въ присутствіи людей, дававшихъ имъ пищу, они истребляли ее, какъ только оставались наединѣ. Ручными они не сдѣлались. Но недѣли черезъ двѣ все же настолько освоились съ неволей, что очень мило хлебали молоко, грызли сахаръ или жевали мясо, не особенно стѣсняясь присутствіемъ зрителей, и нерѣдко братъ вступалъ въ драку съ сестрой. Послѣдняя не была задорной и, наоборотъ, имѣла сравнительно кроткій характеръ. Маленькіе песцы очень забавно лаяли, но постепенно ихъ голосъ грубѣлъ, приближаясь къ хриплому—скорѣе вою, чѣмъ лаю взрослаго песца. Во многомъ они напоминали щенковъ, когда играли или огрызались при приближеніи человѣка.

Находившееся, при господствовавшемъ западномъ вѣтрѣ, подъ постоянною угрозой движенія льда, судно стояло подъ парами. У офице-

ровъ установились суточныя дежурства. Сношенія съ берегомъ постоянно поддерживались съ помощью вельботовъ, шлюпокъ и байдарокъ. Съ берега привозились на вельботѣ дрова, нарубленныя командированными съ этою цѣлью матросами; пары поддерживались дровами, чтобы сдѣлать экономію на углѣ. Съ берега привозилась прѣсная вода для чая, пріѣзжали промышленники за провизіей для себя и для собакъ, которыхъ кормили норвежской вяленой рыбой, предварительно размачивая ее. Прогулки стали рѣже.

Отъ 6-го до 7-го іюля я находился съ матросами въ экскурсіи на байдаркахъ въ устьѣ рѣки Чукочьей, или Чукотской. Мы взяли двѣ двухмѣстныхъ байдарки, уложили въ нихъ палатку, немного провизіи, захватили ружья и тронулись въ путь. Нашею цѣлью было главнымъ образомъ пополненіе орнитологической коллекціи и постановка знака на мысу у устья рѣки Чукотской.

Въ 4-мъ часу утра 7-го іюля, послѣ одиннадцатичасового пути, мы разбили палатку у устья рѣки Чукотской. 30 верстъ отдѣляли насъ отъ „Зари“. При впаденіи въ море и немного выше рѣчка достигаетъ въ ширину, пожалуй, болѣе 60-ти саженъ. Берега вверхъ по теченію рѣки высокіе, скалистые, а около устья, по обѣимъ берегамъ ея—косы, покрытыя галькой и плавникомъ. Недалеко отъ устья рѣчки утесы выступаютъ въ море. На этихъ утесахъ обосновали свои лѣтнія резиденціи многочисленныя чайки и пуночки, немного далѣе кажется, и кайры.

Тундра, одѣтая зеленой травой съ немногочисленными и очень скромными цвѣтами, простиралась передъ нами, круто спускаясь къ рѣчкѣ. Немного блѣдноватыя незабудки всего вершка на два поднимались надъ землей своими тонкими стебельками; скромно желтѣли цвѣты полярнаго мака. Полярная ива протянула свой чахлый стебель, не болѣе двухъ-трехъ вершковъ поднимающійся кверху. Но и эта скудная зелень ласкала взоръ, утомленный мертвыми, хотя иногда и величавыми картинами льдовъ.

Огромныя стаи самцовъ-турпановъ пролетали одна за другой чуть ли не каждые полчаса, придерживаясь преимущественно сѣвернаго направленія. Появились стайки ледяныхъ утокъ (Harelda glacialis). Вблизи рѣчки мы видѣли слѣды оленей, спускавшихся къ водопою; издали наблюдали пару оленей, переплывавшихъ черезъ рѣку. Одинъ изъ матросовъ, Толстовъ, отправился на охоту.

Когда я, утомленный непривычно долгой греблей и скитаніемъ по окрестной тундрѣ, крѣпко разоспался, до моихъ сонныхъ ушей долетѣлъ дикій крикъ. Сначала, впросонкахъ, я приписалъ его сновидѣнію. Но крикъ былъ слишкомъ явственнымъ и становился все настойчивѣй.

„Док-торъ! док-торъ!“ Выглянувъ изъ палатки, я увидалъ благополучно возвращающагося на байдаркѣ Толстова, и, зная его сангвиническій

темпераментъ, махнулъ ему рукой въ знакъ привѣтствія и опять юркнулъ подъ одѣяло. Однако, тотъ не унимался. „Гуси!" долетѣло до моего уха. „Несите ружье!" Передъ байдаркой, ожесточенно подгоняемой моимъ компаньономъ, кидаясь въ разныя стороны и опять сбиваясь въ кучу, плыло десятка два черныхъ гусей. Получалось странное впечатлѣніе, будто кто гонитъ домашнихъ гусей на бойню,—до того безпомощными казались птицы.

Вооружившись ружьемъ, я сѣлъ въ байдарку, передалъ нѣсколько патроновъ Толстову и черезъ нѣсколько времени 16 ленныхъ гусей, частью застрѣленныхъ, частью оглушенныхъ на смерть веслами, лежали на днѣ нашихъ байдарокъ.

Ленные гуси, лишенные на время линянія способности летать, ныряютъ сравнительно плохо, такъ что этимъ они мало затруднили охоту. А одинъ гусь, которому я на байдаркѣ отрѣзалъ отступленіе къ серединѣ рѣки, находясь между байдаркой и берегомъ, пробовалъ нырнуть, обезумѣвъ отъ страха, даже на глубинѣ двухъ четвертей. Надо замѣтить, что гуси зато очень быстро бѣгаютъ, а потому мнѣ надо было спѣшить съ ударомъ, чтобы не упустить такую полезную для экипажа добычу.

По словамъ Толстова, гусей было штукъ сто, но онъ израсходовалъ патроны, а пока гналъ ихъ внизъ по рѣкѣ, значительная часть ихъ успѣла вылѣзть на берегъ и разбрелась по тундрѣ.

Мы провели у устья рѣки Чукотской около $3^1/_2$ сутокъ. Закончивъ свое пребываніе здѣсь постановкой четырехъ-саженнаго знака на наиболѣе выдающемся мѣстѣ мыса у рѣки, мы собрались въ обратный путь. Картина льда измѣнилась. Отчасти существовавшіе забереги расширились и образовались новые, а ледъ отодвинулся къ морю, отчасти, наоборотъ, ледъ подошелъ къ берегу. Все-таки въ общемъ открытой воды было больше, чѣмъ прежде. Вѣтеръ дулъ противный, значительно затруднявшій плаваніе.

Когда мы обогнули ближайшій къ „Зарѣ" мысъ, мы увидѣли, что она перемѣнила мѣсто стоянки. Насъ заждались.

Отъ огромнаго, въ десятки квадратныхъ верстъ, ледяного поля отрывало большіе и малые куски. Наносимыя на якорную цѣпь теченіемъ или вѣтромъ, ледяныя глыбы разламывались и неслись дальше и снова возвращались назадъ, постепенно уменьшаясь въ объемѣ отъ таянія и размыванія. Болѣе обширныя и массивныя льдины заставляли травить якорную цѣпь. Раза три команда принуждена была мѣнять стоянку, чтобы спасти якорь и избѣгнуть слишкомъ крупныхъ для судна льдинъ.

Внутри лагуны, съ увеличеніемъ забереговъ, образовался огромный ледяной блинъ, понемногу уменьшавшійся въ объемѣ.

Отчасти во время экскурсіи, а главнымъ образомъ вскорѣ по возвращенію на судно я имѣлъ случай наблюдать образованіе торосовъ. Огромныя глыбы льда, гоняемыя приливомъ или вѣтромъ, выпирало на берегъ, глыба нагромождалась на глыбу съ сильнѣйшимъ шумомъ и трескомъ, летѣли ледяные осколки, образовались террасы, монументы и иныя скопленія льда. То же происходило, въ меньшихъ пока размѣрахъ, и на нѣкоторомъ отдаленіи отъ береговъ.

Я ѣздилъ на берегъ съ командиромъ, а потомъ одинъ фотографировать торосы, при чемъ, чтобы дать понятіе о настоящихъ размѣрахъ

Нагроможденіе торосовъ.

тороса, мы ставили рядомъ какой-нибудь предметъ, напримѣръ, ружье, или позировали сами.

18-го іюля ледъ сильно напиралъ на берегъ. Полынья значительно сузилась, и судно сѣло кормой на мель. Закипѣла работа. Перекладывали каменный уголь, перераспредѣляя его, чтобы уменьшить нагрузку кормы. Наконецъ удалось освободить корму и перемѣнить мѣсто.

24-го іюля вѣтеръ погналъ ледъ къ сѣверо-западу. „Зарѣ“ удалось, маневрируя среди льда, отчасти форсируя его, стать на якорь въ Нерпичьей губѣ.

Съ 26-го іюля затертое льдами судно стало дрейфовать на юго-вос-

токъ, временами освобождаясь отъ льда, чтобы снова стать на ледяной якорь и снова поставить себя въ зависимость отъ движенія льда, продолжая вмѣстѣ съ нимъ невольное путешествіе. Западные и сѣверо-западные вѣтры нагнали массу льда.

31-го іюля былъ первый закатъ солнца. Кончился полярный день. Заходящее солнце было скрыто отъ насъ облаками.

1-го августа, когда мы всѣ трое сидѣли въ каютъ-компаніи, вахтенный открылъ люкъ и закричалъ: „Ваше благородіе, звѣрь какой-то! огромный!“ Первая мысль у всѣхъ насъ была о медвѣдѣ. Мы выскочили на палубу, вооруженные винтовками. Но вотъ надъ водой изогнутая дугой появилась огромная бѣлая спина... за ней другая, третья... Это были бѣлухи. Ихъ оказалось штукъ восемь. Плавно поднимаясь надъ водой и снова погружаясь въ воду, громко фыркая и пуская водяные фонтаны, онѣ скоро очутились вдали отъ насъ, по другую сторону судна. А мы все стояли и смотрѣли.

Судно продолжало дрейфовать со среднею скоростью одного узла въ часъ. Къ вечеру 2-го августа мы были уже южнѣе Медвѣжьяго мыса. Въ отдаленіи показались Ляховскіе острова.

Нѣтъ ничего скучнѣе этого вынужденнаго плаванія, особенно для моряковъ. Пассивное положеніе, ничѣмъ не осмысленное. Общее настроеніе отражалось и на мнѣ — профанѣ. Ледъ то заключалъ „Зарю“ въ свои мощныя объятія, то раздвигался, образуя полынью вокругъ судна. Угрожаемое движущимся льдомъ, судно спѣшило стать подъ защиту ледяного поля. Была у насъ и ночная тревога въ ожиданіи давленія льда, но, по счастью, сомкнувшійся было вокругъ судна ледъ сталъ мирно расходиться.

Чтобы хоть сколько-нибудь сократить скучные дни ожиданія перемѣны вѣтра, упорно дувшаго съ западныхъ румбовъ, то заходя къ сѣверу, то какъ бы дѣлая тщетную попытку зайти къ югу, мы стали вести „Журналъ каютъ-компаніи“, преимущественно юмористическаго содержанія. Когда судно становилось въ безопасную позицію, мы всѣ сходились ненадолго въ каютъ-компаніи и начинались разговоры. Разговоры часто вращались около полярныхъ сюжетовъ.

Наконецъ, 3-го августа мы перешли отъ выжиданія къ активному плаванію. Былъ взятъ курсъ къ Нерпалаху. Сначала пришлось пробивать себѣ путь черезъ ледъ, при чемъ довольно серьезное препятствіе представило старое, многолѣтнее ледяное поле. Вѣтеръ былъ противный. Стали на ледяной якорь и, маневрируя съ помощью переднихъ и заднихъ ходовъ, повернули судно и обошли зловредное поле.

Встрѣчаясь съ однолѣтнимъ льдомъ, хотя бы въ видѣ полей довольно солидныхъ размѣровъ, судно почти не испытывало толчка. А ледъ крошился и кололся. Наоборотъ, сталкиваясь со старыми, многолѣтними

полями, судно испытывало сильное сотрясеніе, а на льду только грязное пятно отъ форштевня указывало на мѣсто, куда стукнулось судно.

Послѣ энергичнаго маневрированія во льду мы вышли въ открытое море. Ледъ попадался рѣдко, тѣмъ не менѣе, благодаря противному сѣверо-западному вѣтру, мы шли со скоростью всего двухъ узловъ въ часъ.

На востокъ отъ насъ простиралась береговая линія съ волнистымъ абрисомъ горъ, а вокругъ—море, море... Виднѣвшіяся далеко на горизонтѣ льдины, при блескѣ солнца, украдкой выглянувшаго изъ-за облаковъ казались кристаллически прозрачными, а порою, сверкнувъ на солнцѣ напоминали маковки отдаленныхъ церквей. Зеленоватая окраска моря, освѣщеннаго солнцемъ, причудливые узоры облаковъ, огромные тороса, изрѣдка показывавшіеся въ отдаленіи, довершали картину. Солнце, не любившее баловать насъ, скрылось — и картина пріобрѣла суровый, даже мрачный колоритъ.

Когда стихъ неблагопріятный для насъ вѣтеръ, судно пошло по четыре узла въ часъ. Верстъ 80 прошли мы открытымъ моремъ, при рѣдкомъ льдѣ. Утромъ 4-го августа ледъ сталъ гуще и, массивнѣе, такъ что приходилось въ буквальномъ смыслѣ продираться изъ полыньи въ полынью, но все-таки часамъ къ 12-ти мы были уже въ виду Розоваго мыса.

Температура, въ самые жаркіе дни лѣта не достигавшая и $+15^{\circ}$ С. на солнечномъ припекѣ, во второй половинѣ іюля, видимо, пошла на пониженіе. Повышаясь maximum до $+6^{\circ}$ С., къ вечеру она опускалась ниже 0. Первые дни августа мы были лишены удовольствія видѣть ртутный столбикъ хотя бы максимальнаго термометра выше 0. Вода въ лужахъ на льдинахъ стала замерзать, и даже морская вода въ мѣстахъ, закрытыхъ отъ вѣтра, покрывалась ледяной корой. Температура воды на поверхности моря опускалась ниже -1° С. Около того было и на днѣ. Въ ночь съ 3-го на 4-е августа шелъ снѣгъ. Туманы бывали часты.

Около четырехъ часовъ дня 4-го августа, пройдя между довольно рѣдкимъ льдомъ, мы были въ почти свободной отъ льда Нерпичьей губѣ, откуда вышли въ лагуну. Тамъ плавало всего нѣсколько льдинъ; изъ нихъ двѣ-три глыбы стараго льда, зашедшія съ моря.

Промышленники, возлѣ моряковъ научившіеся обхожденію, выкинули на банѣ флагъ, импровизированный изъ какой-то ветоши, и съ радостными восклицаніями стояли на берегу. Съ лаемъ и визгомъ бросились псы къ концу косы.

Судно плавно прошло сквозь узкій проходъ и стало на якорь въ лагунѣ.

Гренландія.

(Ф. Броггера.)

Гренландія — удивительная страна, и всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы знали о ней немного больше, чѣмъ наши предки 900 лѣтъ тому назадъ. Большинствомъ новыхъ свѣдѣній о ней міръ обязанъ изслѣдователямъ датчанамъ, норвежцамъ и шведамъ.

Гренландія, какъ можно теперь утверждать съ достовѣрностью,— островъ, притомъ величайшій въ свѣтѣ, занимающій пространство въ два съ половиной раза больше Новой Гвинеи и Борнео, въ три раза больше Мадагаскара. Она почти въ два съ половиной раза больше Швеціи и Норвегіи вмѣстѣ, или, чтобы взять примѣръ болѣе близкій намъ, равняется $^2/_5$ Европейской Россіи. Число же жителей на этомъ огромномъ пространствѣ равняется всего 10.000 чел., т.-е. на каждые 200 килом. приходится 1 житель; даже Сахара и Гоби едва ли населены такъ рѣдко. Итакъ, „Гренландія", „страна зелени", несмотря на свое привлекательное названіе, одно изъ безплоднѣйшихъ пространствъ на землѣ, безотрадная пустыня, гдѣ ничего не подѣлаешь ни артезіанскими колодцами, ни другими искусственными мѣрами,—это сѣверная, ледяная Сахара.

Еще сравнительно недавно о ней имѣлось очень мало положительныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній. Знали только, что берега Гренландіи представляютъ узкую скалистую полосу, изрѣзанную заливами, что дно этихъ заливовъ, а также составляющія ихъ продолженія долины загромождены громадными массами льдовъ, доходящими въ иныхъ мѣстахъ до самаго моря, и что если попытаться проникнуть изъ упомянутыхъ долинъ внутрь страны, то прежде всего наткнешься на сплошную ледяную стѣну, а если съ невѣроятнымъ трудомъ взберешься на эту, усѣянную трещинами и провалами, ледяную стѣну, то взору представится безбрежная ледяная пустыня. Въ настоящее время, благодаря главнымъ образомъ самопожертвованію и трудамъ датчанъ, съ приблизительною точностью занесена на карту и изучена большая часть береговой полосы Гренландіи—сначала западный берегъ отъ мыса Фарвель къ сѣверу, а затѣмъ и восточный, какъ извѣстно, наиболѣе недоступный по причинѣ пловучихъ полярныхъ льдовъ.

Берега этой замѣчательной страны извѣстны теперь въ общихъ чертахъ; они не во всѣхъ мѣстахъ одинаково гостепріимны, но во всякомъ случаѣ должны быть признаны такой частью земного шара, гдѣ лишь самая неприхотливая изъ человѣческихъ расъ можетъ, напрягая всѣ свои силы, влачить жизнь безъ помощи извнѣ. Узкая, дикая, голая скалистая береговая полоса опоясываетъ всю Гренландію; ширина всей страны больше 1.200 километровъ, ширина же непо-

крытой ледяной корою береговой полосы рѣдко достигаетъ и 150 кил. (у Гальштейнборга), а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ льды занимаютъ весь берегъ сплошь до самаго моря. Флора крайняго побережья — травы, лишайники и мхи; дальше вглубь, по берегамъ глубоко вдающихся заливовъ, изрѣзывающихъ южную часть западнаго берега, встрѣчаются кусты и кустарники ивъ, карликовыхъ березокъ и вереска; въ колоніяхъ взращиваютъ капусту, рѣдиску, морковь и петрушку, а въ самыя жаркія лѣта удается вырастить и немножко зеленаго стручковаго гороху. Но ужъ не встрѣтишь на этомъ берегу ни лѣсочка, ни колоса ржи.

Въ жалкихъ каменныхъ домишкахъ или землянкахъ влачатъ тутъ жизнь тысячъ десять гренландскихъ эскимосовъ въ жестокой борьбѣ

У береговъ Гренландіи.

за существованіе, источниками котораго служатъ охота на тюленей, китовъ и рыболовство. Это умный, славный народъ, который, какъ и всѣ первобытные народы, безпощадно обреченъ благами неподходящей для него культуры на вымираніе. Всѣ путешественники въ одинъ голосъ говорятъ, что гренландцы любятъ свою бѣдную безплодную родину и не стараются искать лучшихъ мѣстъ для поселенія. По своему Гренландія даже красивая страна съ гордой и дико-прекрасной природой, подобной которой поискать. Скалы съ острыми вершинами и отроги горъ, глубоко врѣзывающіеся заливы можно, впрочемъ, встрѣтить и въ Норвегіи, вообще много напоминающей, особенно дикими скалистыми мѣстностями вдоль Вестъ-фіорда, берега Гренландіи. Но въ Гренландіи скалы выше и голѣе, а въ ея заливахъ плаваютъ не

только киты да тюлени, но также масса ледяныхъ горъ, высланныхъ движущимися ледниками. А самые ледники! И въ Норвегіи есть ледники, но что они передъ гренландскими, это ручейки—передъ Амазонкой или Ниломъ! Норвежскіе ледники Юстедальсъ или Свартисенъ—карлики передъ гренландскими ледниками: ледникомъ Якобсхаунъ и въ особенности передъ ледникомъ Гумбольдта, который спускается широкой дугой въ 110 километровъ и заканчивается стѣною въ 90 метровъ высоты.

День и ночь, лѣто и зиму, годъ за годомъ ползутъ эти безчисленные ледники, образующіе какъ бы стоки для материковаго льда Гренландіи. Какъ въ Норвегіи рѣки образуютъ стоки для внутреннихъ озеръ, такъ въ Гренландіи безчисленные колоссальные ледники или рѣки льда образуютъ стоки для внутреннихъ ея льдовъ.

Воздухъ у береговъ Гренландіи холоденъ, сыръ и рѣзокъ, окружающее ихъ море круглый годъ полно льдами: частью извергаемыми ледниками, частью пловучими льдами изъ Ледовитаго океана, приносимыми полярнымъ теченіемъ, которое огибаетъ Гренландію. И годовая температура на Гренландіи гораздо ниже, чѣмъ это обыкновенно бываетъ на данной широтѣ. Гренландія — островъ, окруженный не только водой, но и льдомъ; это страна великихъ льдовъ, покрытая величайшими изъ извѣстныхъ намъ пока ледниковъ сѣвернаго полушарія, занимающими въ общемъ площадь свыше $1^1/_2$ милліона кв. километровъ. Казалось бы, что сами гренландцы первые должны были стараться изслѣдовать или хоть при случаѣ узнать колоссальные внутренніе источники льдовъ, извергающихся ежегодно въ долины и въ заливы всей береговой полосы. Но нѣтъ, гренландцы питаютъ суевѣрный ужасъ къ внутреннимъ льдамъ, тамъ обитаютъ всѣ злые духи гренландцевъ, ихъ покойники, привидѣнія, разныя сверхъестественныя чудовища, ледяные великаны и проч. и проч. Да къ тому же, что искать гренландцамъ въ этихъ льдахъ! Ихъ жизнь—непрерывная борьба за хлѣбъ насущный, а на внутреннихъ льдахъ не водится ни китовъ, ни тюленей, ни оленей, ни бѣлыхъ куропатокъ, вообще ничего съѣдобнаго; тамъ—безжизненная пустыня. Такъ нечего удивляться, что не гренландцы ближе ознакомили міръ съ внутреннимъ ледянымъ плато Гренландіи; сравнительно недавно о послѣднемъ и не зналъ ничего достовѣрнаго ни одинъ человѣкъ въ мірѣ. Первая извѣстная намъ попытка взойти на внутреннее ледяное плато Гренландіи была сдѣлана датскимъ купцомъ Делагеромъ. Онъ въ сентябрѣ 1752 года поднялся въ сопровожденіи одного гренландца, его дочери и трехъ молодыхъ эскимосовъ на окраину плато. Делагеръ взлѣзъ на высокую, торчащую изъ льда скалу (такъ называемую „нунатакъ“), чтобы оттуда взглянуть на внутреннія пространства Гренландіи, и увидѣлъ ровное снѣжное ледяное поле, уходившее изъ глазъ.

Глетчеръ у береговъ Гренландіи.

И ему показалось несбыточнымъ дѣломъ для человѣка перейти черезъ это поле къ восточному берегу, отчасти потому, что для такого перехода потребовалось бы чрезмѣрное количество провіанта, отчасти потому, что можно было замерзнуть, проведя много ночей на льду въ такой холодъ. Затѣмъ прошло болѣе ста лѣтъ, прежде чѣмъ вновь была сдѣлана серьезная попытка американскимъ путешественникомъ по полярнымъ странамъ. Честь же первой попытки, приведшей къ болѣе серьезнымъ и значительнымъ научнымъ результатамъ, принадлежитъ барону Норденшельду и доктору Бергрену. Никакихъ оазисовъ въ этой ледяной пустынѣ найдено не было, но довольно яснымъ образомъ установлено, что страшно истрескавшійся ледяной покровъ, по которому пришлось идти всѣмъ экспедиціямъ, долженъ былъ указывать на поясъ, окружающій самое ледяное плато.

Въ январѣ 1888 года норвежскій ученый Нансенъ опубликовалъ планъ новой экспедиціи въ Гренландію. Онъ предполагалъ высадиться съ корабля на ея восточный берегъ. Имъ, слѣдовательно, предстояло бы перерѣзать ледяное плато только разъ, такъ какъ на западномъ берегу были колоніи, откуда они могли отплыть домой. Правда, такимъ образомъ, они почти отрѣзывали себѣ отступленіе,—мало гостепріимный восточный берегъ, обитаемый лишь нѣсколькими племенами эскимосовъ-язычниковъ, представлялся крайне незавиднымъ мѣстомъ для зимовки въ томъ случаѣ, если бы непредвидѣнныя затрудненія заставили путешественниковъ вернуться обратно. Зато, съ другой стороны, такое положеніе вещей служило бы еще лучшимъ побужденіемъ къ тому, чтобы они приложили всѣ усилія для достиженія западнаго берега. Такимъ образомъ, однимъ изъ главныхъ лозунговъ экспедиціи являлся девизъ: „ломай за собой всѣ мосты“.

Второго мая 1888 г. Нансенъ уѣхалъ изъ Христіаніи черезъ Копенгагенъ и Лондонъ въ Лейчъ, гдѣ ему предстояло примкнуть къ остальнымъ членамъ экспедиціи *). Изъ Шотландіи всѣ отправились въ Исландію, и только 4 іюня удалось имъ тамъ пересѣсть на промысловое судно „Язонъ“, которое взялось доставить ихъ къ восточному берегу Гренландіи. 11-го іюня вдали показались первыя очертанія восточнаго берега Гренландіи: высокія зубчатыя скалы на сѣверъ отъ мыса Дана. Полоса льда между кораблемъ и берегомъ оказалась однако еще слишкомъ широкою—отъ 9 до 10 миль, чтобы можно было рискнуть на попытку пробраться здѣсь къ берегу. И прошелъ еще слишкомъ мѣсяцъ, прежде чѣмъ экспедиціи удалось оставить корабль.

*) Въ гренландской экспедиціи, кромѣ Нансена, принимали участіе слѣдующія лица: капитанъ Свердрупъ, Дитрихсонъ, Христіансенъ Трана и два лапландца, Балта и Равна.

Наконецъ, 17 іюня утромъ „Язонъ“ очутился отъ берега настолько близко — всего приблизительно въ $2^1/_2$ миляхъ, что Нансенъ рѣшилъ пробиться здѣсь черезъ неширокую сравнительно полосу пловучаго льда. Живо спустили съ корабля лодку экспедиціи, затѣмъ еще другую, предоставленную путешественникамъ капитаномъ „Язона“, и въ 7 часовъ вечера все было готово къ отплытію. Нансенъ въ послѣдній разъ поднялся, чтобы высмотрѣть фарватеръ, и въ подзорную трубу ясно увидѣлъ свободную ото льда полосу воды у самаго берега за полосой пловучаго льда.

„Высаживаемся въ лодки съ несокрушимой надеждой на счастливый исходъ нашего плаванія“, писалъ Нансенъ передъ отправленіемъ корабля. Скоро, однако, надежда эта подверглась весьма суровому испытанію. Вся первая ночь прошла въ тщетныхъ попыткахъ достигнуть въ дождь и непогоду фіорда Сермиликъ, и утромъ члены экспедиціи увидѣли свои лодки стиснутыми пловучими льдинами, которыя несло теченіемъ. Пришлось поспѣшно вытащить лодки на льдины. При этомъ одна изъ лодокъ такъ пострадала, что надо было хоть на скорую руку исправить ее, но какъ ни коротко было потраченное на это время, льдина, на которой находились путешественники, успѣла попасть въ другое теченіе и съ неимовѣрной быстротой понеслась къ югу, удаляясь отъ берега. Оставалось только продолжать нестись вмѣстѣ съ льдиной на югъ, пока не представится случая снова приблизиться къ берегу.

Цѣлыхъ десять дней неслись члены экспедиціи вдоль восточнаго берега Гренландіи. Помимо того, что это продолжительное плаваніе подвергало Нансена и его отважныхъ товарищей тысячамъ серьезныхъ опасностей, оно еще удаляло экспедицію отъ выбраннаго ею пункта, откуда долженъ былъ начаться самый переходъ черезъ материковый ледъ, и заставляло ее даромъ тратить дорогое время. Только 29 іюня членамъ экспедиціи удалось, наконецъ, выступить на берегъ, и такимъ образомъ лучшая часть лѣта была уже для нихъ потеряна. Въ ясную погоду они явственно могли видѣть рѣзкія очертанія скалистаго берега, отъ котораго, — увы! — они все больше и больше удалялись во время этого долгаго и опаснаго плаванія. Одна ночь легко могла стать послѣднею для членовъ экспедиціи. Льдина ихъ подошла къ границѣ берегового теченія и касалась морского; море было взволновано, и шквалы одинъ за другимъ безпрерывно окатывали льдину, доходя до самой палатки, разбитой посрединѣ. Тресни льдина посрединѣ, едва ли удалось бы членамъ экспедиціи спустить лодки въ такую непогоду среди этого хаоса крутящихся льдинъ. Много-много, если имъ удалось бы спустить одну изъ лодокъ, захвативъ лишь кое-что самое необходимое изъ провіанта и матеріаловъ. Но въ ту минуту, когда, казалось, гибель была уже неизбѣжна, льдина вдругъ измѣнила направленіе и

понеслась, словно управляемая невидимой рукой, обратно къ берегу. Когда они увидѣли передъ собой свободный ото льда фарватеръ, они сразу забыли всѣ опасности.

Первая задача экспедиціи—пробиться цѣлой и невредимой черезъ полосу пловучихъ льдовъ у восточнаго берега Гренландіи—была, такимъ образомъ, выполнена, хотя и съ большимъ трудомъ и потерею дорогого времени. Короткій отдыхъ былъ ознаменованъ пиршествомъ: члены экспедиціи разрѣшили себѣ горячій шоколадъ и добавочныя порціи овсяныхъ бисквитовъ, швейцарскаго сыра и брусничнаго варенья! Затѣмъ съ началомъ плаванія они перешли на обычное меню: холодную воду, бисквиты и сушеное мясо. На приготовленіе горячаго кушанья некогда было тратить время, такъ какъ предстояло грести изо всѣхъ силъ, чтобы наверстать упущенное время, проведенное на льдинѣ. Плаванье на лодкѣ, вдоль берега, оказалось также крайне тяжелымъ. На большихъ протяженіяхъ приходилось выбиваться изъ силъ, чтобы продвинуть лодки между встрѣчавшимися льдинами или же тащить лодки за собой по льду вдоль низкаго пустыннаго берега съ его снѣжными полями и ледниками, доходящими въ иныхъ мѣстахъ до самой воды. Наконецъ 10-го августа экспедиція высадилась при густомъ туманѣ на восточномъ берегу Гренландіи, на сѣверѣ фіорда Умивика. Тутъ насталъ конецъ плаванію на лодкахъ, и спутники Нансена съ радостнымъ усердіемъ принялись вытаскивать ихъ на берегъ. Затѣмъ члены экспедиціи принялись налаживать обувь, лыжи и проч., перекладывать багажъ, вообще тщательно готовиться къ предстоящему переходу по льду. Погода, къ сожалѣнію, все стояла мягкая и дождливая, что мало благопріятствовало выступленію въ путь.

16-го августа все было готово. Багажъ уложили на пять ручныхъ санокъ. Подъемъ былъ очень крутъ, и члены экспедиціи подвигались впередъ крайне медленно, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе долго стоявшей дождливой погоды почва совершенно размокла, а ледъ былъ весь въ трещинахъ, къ счастью небольшихъ размѣровъ, такъ что можно было шагать черезъ нихъ. Дождь продолжалъ лить, и путники промокли до костей. Медленно тащились путешественники по крутой, усѣянной трещинами мѣстности. Погода, наконецъ, прояснилась, и подморозило настолько, что стало удобнѣе ходить по снѣгу. Съ этого дня и вплоть до того, когда члены экспедиціи достигли западнаго берега Гренландіи, они не находили воды для питья и все время страдали невыносимой жаждой. Единственнымъ средствомъ заготовить себѣ воды для питья было, набивъ небольшія плоскія бутылочки снѣгомъ, носить ихъ на груди, пока снѣгъ не таялъ отъ теплоты тѣла и не превращался въ воду. При морозахъ слишкомъ въ сорокъ градусовъ, которые настали потомъ, такое питье доставалось имъ таки не легко. Почва была

неровная, такъ что путешественникамъ стоило ужасныхъ трудовъ тащить тяжелыя санки. Морозъ все крѣпчалъ; тѣмъ не менѣе по дорогѣ часто попадались мѣста съ таявшимъ снѣгомъ, въ который санки глубоко проваливались. Подъемъ все еще оказывался настолько крутымъ, что каждыя санки приходилось втаскивать троимъ людямъ, и поэтому путешественники вынуждены были понѣскольку разъ возвращаться и дѣлать тотъ же самый конецъ. Не удивительно, что у Христіансена, рѣдко вообще раскрывавшаго ротъ, послѣ одного изъ такихъ возвращеній вырвалось-таки: „Господи, и охота же людямъ самимъ лѣзть на такія мученія!“ Встрѣчавшіяся имъ до тѣхъ поръ на пути черезъ материковый ледъ, торчащія изо льда вершины скалъ не попадались болѣе, и взорамъ ихъ уже не представлялось ничего, кромѣ снѣжно-ледяной волно-образной равнины, вплоть до того, какъ они достигли западнаго берега.

Путь все еще шелъ ввысь, и дни проходили за днями все въ томъ же безконечно тяжеломъ трудѣ съ утра до вечера. Поверхность, по которой шли члены экспедиціи, была совершенно гладкая, ровная, какъ зеркало, но выпадавшій снѣгъ былъ до того мелокъ и сухъ, что чрезвычайно затруднялъ передвиженіе санокъ, и ежедневные переходы были поэтому довольно небольшіе—въ одну, двѣ мили, хотя путешественники и могли уже тутъ пользоваться лыжами.

По мѣрѣ углубленія путниковъ внутрь страны холодъ давалъ себя знать все сильнѣе и сильнѣе. Правда, при ясной погодѣ днемъ солнце пекло еще изрядно, такъ что снѣгъ таялъ, образуя слякоть, и члены экспедиціи промачивали ноги, но едва солнце заходило, наступалъ жестокій холодъ, и путешественники подвергались опасности отморозить себѣ мокрыя ноги: часто по вечерамъ, когда они хотѣли снять сапоги, оказывалось, что послѣдніе представляли съ чулками одно смерзшееся цѣлое.

11-го сентября ночью температура упала въ палаткѣ до —40° С., а внѣ палатки до —45° С. Разница между дневною и ночною температурою часто превышала 20°. Даже въ закрытыхъ мѣшкахъ, въ которыхъ спали члены экспедиціи, было до того холодно, что къ утру головы ихъ оказывались всѣ обындевѣвшими. Постоянно испытывать такіе морозы не всегда пріятно, каково же пришлось ея участникамъ, когда къ морозамъ прибавилась вьюга! Всякій пойметъ, какъ тяжело было тащиться при такихъ условіяхъ впередъ, изо дня въ день, черезъ безконечную ледяную пустыню, на высотѣ 8—9.000 метровъ надъ моремъ да еще волоча за собой тяжелыя санки.

11-го и 12-го сентября экспедиція находилась уже на высотѣ 8.300 ф. и съ этихъ поръ, хотя и не особенно замѣтно, путь пошелъ по покатости внизъ. 16-го сентября наклонъ сталъ довольно замѣтнымъ, и тем-

пература вечеромъ пала до —18°, что всѣмъ показалось уже совсѣмъ теплой погодой.

Вскорѣ путешественники увидали снѣжнаго воробья и заключили изъ этого, что „земля" близка. Подулъ попутный вѣтеръ; тотчасъ же къ санкамъ прикрѣпили паруса изъ брезентовъ, связавъ ихъ по два вмѣстѣ, и скоро затѣмъ понеслись во весь духъ — уже по наклону къ берегу. Послѣ обѣда взоръ ихъ впервые встрѣтилъ „землю"! Продолжая „плыть на парусахъ по льду" при свѣтѣ мѣсяца, они чуть было не покончили поѣздку въ расщелинѣ, такъ какъ достигли уже усѣяннаго трещинами (часто въ нѣсколько сотъ метровъ глубины) края плато. Высунувшись на другое утро изъ палатки, они увидѣли передъ собой внизу всю мѣстность къ югу отъ фіорда Готхобъ. Легко представить себѣ, какія чувства въ эту минуту волновали ихъ. „Мы были словно дѣти. Что-то подступило намъ къ горлу въ то время, какъ глаза наши разсматривали очертанія долинъ и тщетно искали глазами вдали море".

На другой день они подвигались впередъ довольно быстро, хотя и соблюдая крайнюю осторожность изъ-за множества трещинъ, которыя не разъ грозили имъ бѣдой. 21-го вечеромъ они впервые съ того дня, какъ покинули восточный берегъ, напали на воду, и въ первый разъ за столько недѣль утолили свою жажду какъ слѣдуетъ. И пили же они! „Мы явственно ощущали, какъ раздувались у насъ желудки", говорится въ описаніи экспедиціи. Дни эти остались для всѣхъ незабвенными. Невзирая на такія опасности и препятствія, путешественникамъ удалось въ теченіе слѣдующихъ дней пройти и этотъ послѣдній конецъ по истрескавшейся краевой полосѣ материковаго льда, и 24-го сентября они достигли, наконецъ, настоящей земли; материковый ледъ остался назади.

„Словами нельзя выразить ни тѣхъ чувствъ, — пишетъ Нансенъ, — которыя волновали насъ, когда подъ ногами оказались земля и камни, ни того чувства несказаннаго блаженства, когда мы увидѣли подъ ногами мягкій коверъ вереска и вдохнули въ себя чудный ароматъ травъ и мховъ".

Въ теченіе нѣсколькихъ дней они достигли верховья фіорда. Здѣсь Свердрупъ и Балта взялись смастерить лодку изъ парусины, служившей поломъ въ палаткѣ, а Нансенъ принялся срѣзывать вѣтви кустовъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ шпангоуты *). Весла изготовили изъ бамбуковыхъ тросточекъ и раздвоенныхъ вѣтвей, обернутыхъ парусиной. Для скамеекъ же не нашлось ничего другого, кромѣ подставки отъ одного изъ инструментовъ да двухъ тоненькихъ бамбуковыхъ тросточекъ. Вышла какая-то странная скорлупка, еле-еле вмѣстившая только Нан-

*) Брусья, составляющіе остовъ судна.

сена и Свердрупа съ самымъ необходимымъ багажомъ. Послѣ страшной возни доставили эту лодку, вмѣстѣ съ багажомъ, къ открытому фарватеру фіорда, и 29 сентября Нансенъ и Свердрупъ могли, наконецъ, взяться за весла и начать грести по направленію къ устью фіорда Амералика. Хотя лодка, само собой, оказалась далеко не перваго сорта и къ тому же скоро дала изрядную течь, требовавшую выкачиванія воды каждыя десять минутъ, смѣлые пловцы тѣмъ не менѣе благополучно добрались въ ней до намѣченнаго пункта.

Дитрихсонъ, Христіансенъ и оба лапландца оставались между тѣмъ съ большею частью багажа, хотя съ очень малымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, у верховья фіорда. Какъ только погода позволила, за ними поѣхали и благополучно доставили и ихъ въ Готхобъ. Такимъ образомъ, замѣчательная экспедиція эта безъ всякаго несчастія завершилась 16-го октября.

„Работали мы шибко, вытерпѣли не мало невзгодъ, чтобы достичь этой, теперь столь близкой намъ цѣли. И что же? Какія волновали насъ чувства? Чувства счастливыхъ побѣдителей? Нѣтъ, мы такъ долго стремились къ намѣченной цѣли, такъ нетерпѣливо ждали ее, что когда, наконецъ, она была достигнута, событіе это застало насъ какъ-то врасплохъ“!—вотъ какъ самъ Нансенъ описываетъ свои чувства наканунѣ прибытія въ Готхобъ. Когда экспедиція достигла, наконецъ, Готхоба, оказалось, что заходившій туда корабль уже отплылъ обратно. Нансену удалось однако послать ему вдогонку письма съ эскимосами на каякахъ. Доставленныя письма скоро затѣмъ обошли по телеграфу весь міръ, всюду, какъ извѣстно, возбуждая всеобщій восторгъ.

Изъ Готхоба Нансенъ и его спутники на кораблѣ „Бѣлый медвѣдь“ прибыли въ Копенгагенъ. Прошелъ годъ слишкомъ съ тѣхъ поръ, какъ Нансенъ на пути въ Гренландію, ненадолго завернулъ въ Копенгагенъ, ради послѣднихъ приготовленій къ экспедиціи. Много воды утекло за этотъ годъ, многое совершилось въ этотъ промежутокъ, и самъ Нансенъ, хотя и остался въ сущности такимъ же, какимъ былъ въ первый свой пріѣздъ, сталъ другимъ въ глазахъ свѣта. Тогда въ немъ видѣли только молодого, отчаяннаго смѣльчака, стремящагося къ великой цѣли, теперь же это былъ всемірно-извѣстный путешественникъ, счастливо достигшій цѣли.

Среди эскимосовъ.

(Ф. Нансена.)

Мы плыли вдоль берега Гренландіи и подыскивали удобное мѣсто для высадки. Вдругъ съ берега мы услышали громкіе крики, похожіе скорѣе на лай собакъ, чѣмъ на человѣческіе голоса. Мы посмотрѣли въ ту сторону и увидѣли вдали нѣсколько темныхъ массъ, среди кото-

рыхъ было движеніе. Приблизившись, мы увидѣли, что это были группы людей, находившихся на высокихъ скалахъ близъ берега,—людей, очень оживленно говорившихъ другъ съ другомъ, кричавшихъ что-то, жестикулировавшихъ и указывавшихъ на насъ. Мы продвигались къ берегу среди ледяныхъ глыбъ.

Подъѣхавъ ближе, мы замѣтили также нѣсколько палатокъ близъ скалъ и почувствовали своеобразный запахъ ворвани и чего-то другого, который несся намъ навстрѣчу съ берега.

Хотя до вечера было еще далеко, мы рѣшили остановиться здѣсь и посѣтить этихъ замѣчательныхъ, намъ неизвѣстныхъ, людей.

Какъ только наша лодка направилась къ берегу, крики еще болѣе усилились. Тамъ, на скалахъ, всѣ кричали и звали, указывали руками по направленію къ намъ и бѣжали внизъ со скалъ къ берегу, а нѣкоторые взбирались еще выше, чтобы лучше насъ видѣть. Когда мы останавливались, чтобы прочистить себѣ путь среди льдовъ, затруднявшихъ плаваніе и цѣплявшихся за наши длинные багры, крики доходили до дикихъ воплей; тамъ кричали и смѣялись.

Близъ берега нѣсколько эскимосовъ выѣхали намъ навстрѣчу на своихъ каякахъ. Они улыбались во все свое широкое лицо и, окруживъ насъ съ своими маленькими лодками, очень любезно вызывались показывать намъ дорогу, которую мы могли бы съ такимъ же успѣхомъ найти и одни, и удивлялись на наши крѣпкія деревянныя лодки, которыя спокойно скользили среди льдинъ, тамъ, гдѣ ихъ кожаныя лодки навѣрное были бы разорваны.

Наконецъ, проплывъ мимо послѣднихъ льдинъ, мы пристали къ берегу, и здѣсь въ сгустившемся уже сумракѣ намъ представилась фантастическая картина, какой я никогда не видѣлъ. Вся гора на берегу была покрыта группами мужчинъ, женщинъ, дѣтей, всѣ въ одинаковыхъ одеждахъ. Они удивленно осматривали насъ, показывали на насъ другъ другу и издавали тѣ же лающіе звуки, какіе мы раньше слышали. Теперь они скорѣе напоминали ревъ коровъ.

У берега мы замѣтили мужчинъ, оживленно махавшихъ руками и указывавшихъ, гдѣ лучше остановиться. На горѣ были видны нѣсколько желтыхъ кожаныхъ палатокъ, а каяки, женскія лодки и другіе предметы были разбросаны на берегу. Кругомъ насъ по морю плавали въ каякахъ эскимосы, море было покрыто все льдинами, на берегу виднѣлись огромные ледники, подходящіе къ самому морю; все это, освѣщенное розоватыми лучами заходящаго солнца, представляло интересную и рѣдкую картину. Здѣсь была жизнь, было движеніе. Какой контрастъ съ угрюмымъ молчаніемъ, окружавшимъ насъ во время плаванія по морю.

Когда мы вытащили лодки на берегъ, насъ окружила толпа эскимосовъ, которые сначала удивленно осматривали насъ, а затѣмъ всѣ за-

смѣялись, привѣтствуя насъ. На языкѣ эскимосовъ нѣтъ словъ, въ родѣ „здравствуйте“ или „добрый день“; дружественный смѣхъ служитъ для нихъ единственнымъ привѣтствіемъ.

Намъ что-то говорили и кричали до того, что звенѣло въ ушахъ, но мы не могли понять ни одного слова.

Мало-по-малу и мы стали осматривать окружившихъ насъ людей; повидимому, они очень недурно живутъ здѣсь, среди снѣговъ и льдовъ, и у насъ явилось невольно желаніе подольше погостить здѣсь. Мы направились къ самой большой палаткѣ, гдѣ свѣтилъ гостепріимный огонекъ, и насъ знаками пригласили войти. Мы приняли приглашеніе и вошли въ переднее отдѣленіе палатки; передъ нами висѣлъ занавѣсъ изъ кишекъ; одинъ уголъ его былъ откинуть. Мы должны были, чтобы проникнуть во внутреннее помѣщеніе, наклонить голову.

Картина, представившаяся намъ, и атмосфера, пахнувшая на насъ, должны были, по крайней мѣрѣ для европейскаго глаза и носа, выражаясь мягко, показаться намъ непривычными. Я слышалъ, что эскимосы на восточномъ берегу Гренландіи въ своихъ хижинахъ обходятся почти безъ одежды, что въ ихъ жилищахъ воздухъ мало пріятенъ для обонянія, но такого вида и такого запаха я никогда себѣ не представлялъ. Одного запаха было достаточно. Это былъ своеобразный букетъ самыхъ различныхъ запаховъ. Болѣе всего выдѣлялась вонь отъ лампочекъ съ ворванью, къ этому присоединялись выдѣленія человѣческихъ тѣлъ, пары вонючихъ жидкостей, сохраняемыхъ въ сосудахъ; щадя читателя, я не буду подробнѣе описывать всего, что висѣло въ атмосферѣ. Но ко всему можно привыкнуть; можно привыкнуть и къ атмосферѣ эскимосскихъ жилищъ и даже находить ее пріятною; конечно, это удается не всѣмъ, и двое изъ нашихъ товарищей выбѣжали поскорѣе вонъ изъ палатки.

Я лично чувствовалъ себя сносно, настолько, что могъ осмотрѣться вокругъ. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, это была куча голыхъ тѣлъ, сидѣвшихъ и лежавшихъ въ палаткѣ. У всѣхъ были лишь небольшія повязки изъ узкой матеріи вокругъ бедеръ. Между тѣмъ въ палатку входили все новыя лица. Скоро въ палаткѣ стало тѣсно. Насъ усадили на ящикахъ, находившихся около полога изъ кишекъ. Это— мѣсто, отводимое обыкновенно для гостей, тогда какъ жители палатки помѣщаются на длинныхъ нарахъ или скамьяхъ вдоль задней стѣны.

Нары дѣлаются изъ досокъ и такой ширины, что поперекъ можетъ улечься человѣкъ; длиной онѣ дѣлаются смотря по размѣрамъ жилища. Онѣ покрываются въ нѣсколько слоевъ тюленьими шкурами, и на нихъ эскимосы, въ своихъ четырехъ стѣнахъ, проводятъ всю свою жизнь: здѣсь они сидятъ, женщины часто поджавши ноги, здѣсь они работаютъ, здѣсь ѣдятъ, лежатъ и спятъ.

Палатка эскимосовъ имѣетъ своеобразную форму. Основой служитъ

деревянный столбъ, надъ которымъ полукругомъ расположены длинныя жерди такимъ образомъ, что онѣ сходятся верхушками; на нихъ наложены два слоя шкуръ, внутрь шерстью; для покрышки палатки обыкновенно употребляются старыя шкуры, раньше бывшія на каякахъ или женскихъ лодкахъ. Входъ находится у столба, передъ которымъ находится пологъ изъ кишекъ, упомянутый выше.

Въ палаткѣ, въ которой мы находились, размѣщалось четыре или пять семействъ; каждое семейство имѣло свое мѣсто, обозначенное перекладиной на нарахъ. Размѣщались эскимосы очень тѣсно. Пространство шириной въ четыре фута считается достаточнымъ для трехъ взрос-

Эскимосы у лѣтняго жилища.

лыхъ человѣкъ и шестерыхъ дѣтей. Передъ каждой семьей горѣла лампа. Лампы изготовляются изъ камня, имѣютъ полукруглую форму; онѣ напоминаютъ раковину, неглубоки и сравнительно велики, часто не менѣе фута. Свѣтильней служитъ сухой мохъ, который лежитъ съ одной стороны лампы. На обязанности женщинъ лежитъ поддерживать лампы въ порядкѣ и особой палочкой поправлять фитиль, чтобы лампа не коптила и не горѣла слишкомъ слабо. На этихъ лампахъ они готовятъ тѣ кушанья, которыя употребляются въ вареномъ видѣ. Странно то, что эскимосы не употребляютъ торфа, хотя этотъ матеріалъ имъ можно бы доставать безъ особыхъ затрудненій.

Въ нашей палаткѣ было зажжено нѣсколько лампъ; надъ нѣкоторыми висѣли котлы и въ нихъ кипѣли кушанья. Лампы горятъ днемъ

и ночью. Онѣ служатъ и для отопленія, и для освѣщенія вечеромъ и ночью—эскимосы не спятъ ночью, какъ мы, въ темнотѣ,—а также для того, чтобы распространять ароматъ ворвани, который для европейцевъ кажется не особенно пріятнымъ.

Пока мы сидѣли на ящикахъ и разсматривали незнакомую обстановку, наши сосѣди дѣлали попытки занимать насъ разговорами. Намъ объясняли назначеніе всѣхъ предметовъ, бывшихъ у насъ передъ глазами, частью съ помощью словъ, которыхъ мы не понимали, частью знаками и движеніями,—послѣднее было для насъ понятнѣе. Путемъ такого обмѣна мыслей мы поняли, что тѣ планки, которыя находятся подъ кровлею, служатъ для просушки кожъ, что въ котлахъ варится тюленье мясо и т. д. Потомъ эскимосы стали показывать предметы, которые имъ казались особенно цѣнными. Между прочимъ нѣкоторыя женщины вынули изъ мѣшковъ листовой голландскій табакъ, а одинъ мужчина показалъ намъ ножикъ. Оба эти предмета были, очевидно, самыми замѣчательными для всѣхъ, такъ какъ другіе эскимосы разсматривали ихъ съ глубокимъ почтеніемъ.

Затѣмъ эскимосы пытались знаками сдѣлать для насъ понятнымъ ихъ родственныя отношенія. Одинъ мужчина взялъ за руки женщину, и оба съ самой довольной миной показали на нѣсколькихъ ребятъ, что, конечно, должно было обозначать, что это мужъ и жена съ дѣтьми. Всѣ мужчины этой палатки имѣли по одной женѣ, хотя на восточномъ берегу Гренландіи обыкновенно бываетъ, что эскимосъ, когда обстоятельства позволяютъ ему эту роскошь, имѣетъ двухъ женъ; больше двухъ женъ не встрѣчается.

Мужчины вообще очень хорошо обходятся со своими женами, и часто можно видѣть, какъ они цѣлуются другъ съ другомъ, правда, особымъ образомъ, прикасаясь носомъ къ носу. Конечно, бываютъ и раздоры въ семьяхъ, которые оканчиваются нерѣдко тѣмъ, что мужъ отколотитъ жену или даже ранитъ ее ножомъ въ руку и ногу, но это не вліяетъ на ихъ семейную жизнь, и отношенія послѣ ссоры остаются такими же дружественными, какъ и до нея. Бываетъ однако, что и мужъ получаетъ побои отъ своей жены.

Вообще между обитателями палатокъ, повидимому, самыя хорошія отношенія; съ нами всѣ были очень радушны, смѣялись и говорили безъ умолку, хотя давно уже было ясно, что мы не понимаемъ у нихъ ни одного звука. Одинъ пожилой эскимосъ, который, кажется, занималъ первое мѣсто, державшійся съ достоинствомъ, послѣ долгихъ усилій знаками объяснилъ намъ, что нѣкоторые изъ эскимосовъ, бывшихъ здѣсь, пришли съ сѣвера и намѣреваются отправиться на югъ, тогда какъ другіе пришли съ юга и направляются на сѣверъ, что они встрѣтились случайно, а вотъ теперь явились и мы, и это кажется ему

забавнымъ. Ему хотѣлось узнать, откуда мы пришли; объяснить это для насъ было гораздо труднѣе; мы показывали за море и льды и старались сдѣлать понятнымъ, что мы приплыли сюда изъ-за моря и что мы теперь намѣреваемся держать путь на сѣверъ. При этомъ извѣстіи наши новые друзья сдѣлали глубокомысленныя физіономіи, а затѣмъ разразились хохотомъ—они сочли насъ за ненормальныхъ людей. Въ такомъ духѣ продолжался нашъ разговоръ, который поддерживался очень дружно обѣими сторонами, но на посторонняго наблюдателя наши пантомимы навѣрное произвели бы самое комичное впечатлѣніе.

Я не могу утвердительно сказать, чтобы всѣ эти блестящія жиромъ лица, которыя насъ окружали, были чисты. Отъ природы у нихъ кожа по большей части имѣетъ желтоватую или буроватую окраску, но насколько въ окраскѣ этихъ совершенно темныхъ лицъ было натуральнаго цвѣта и сколько грязи, это для меня осталось неяснымъ. На лицахъ нѣкоторыхъ—особенно у дѣтей—грязь лежала такимъ толстымъ слоемъ, что образовывала совершенно черную кожу, сквозь которую, и лишь тамъ, гдѣ эта корка отваливалась, просвѣчивала натуральная окраска кожи. Женщины, особенно молодыя, понятно, какъ и вездѣ, очень занимаются собою, часто умываются и выглядятъ гораздо чище. Но объ этомъ умываніи, мнѣ кажется, будетъ дано достаточное представленіе, если я скажу, что онѣ умываются уриной (мочей). Моча же является, повидимому, также излюбленнымъ парфюмернымъ средствомъ,—ею смачиваютъ также волосы, она же хранится для различныхъ цѣлей въ особыхъ сосудахъ. Почему моча имѣетъ такое важное значеніе для эскимоса, намъ становится понятнымъ, если мы вспомнимъ, что она обладаетъ способностью обмыливать жиры, особенно въ несвѣжемъ состояніи, и только съ помощью этого средства для нихъ возможно обмыть ихъ покрытыя жиромъ руки и лицо, а также и одежду, такъ какъ мыла они не знаютъ. Мочу употребляютъ также для выдѣлки кожъ.

Въ свободное время эскимосы очень любятъ руками чесать свои взъерошенные длинные черные волосы. Волосы особенно густы на головѣ у мужчинъ, и они растутъ свободно безъ всякой подстрижки; о гребешкѣ эскимосы не имѣютъ представленія. Иногда въ этихъ первобытныхъ лѣсахъ на своихъ головахъ эскимосы устраиваютъ настоящія охоты, и добыча обыкновенно сейчасъ же съѣдается. Большая часть эскимосовъ носитъ на своихъ головахъ съ собой цѣлыя поселенія этихъ колонистовъ. Эскимосы, кажется, уживаются хорошо со своими колонистами, такъ какъ, во-первыхъ, охота на нихъ даетъ маленькое развлеченіе въ скучные часы, во-вторыхъ, повидимому, этихъ животныхъ очень охотно ѣдятъ, какъ лакомство.

Изъ всего, что было сказано выше объ эскимосахъ, можно, пожалуй, вывести заключеніе, что эти люди производятъ отталкивающее впеча-

тлѣніе. Отнюдь нѣтъ; оставивъ въ сторонѣ ихъ малопривлекательную внѣшность, ихъ привычку совать руки то въ носъ, то въ уши, то въ волосы, забывши объ ихъ грязныхъ лицахъ (чистотой лицъ не могутъ похвалиться и европейцы—участники полярныхъ экспедицій) и объ ужасной атмосферѣ ихъ жилищъ, мы должны признать, что они производятъ хорошее впечатлѣніе. Въ обществѣ ихъ чувствуешь себя хорошо; есть что-то естественное, трогательное, простое во всѣхъ ихъ поступкахъ и обхожденіи.

Красивы ли они? На этотъ вопросъ трудно отвѣтить, такъ какъ взгляды на красоту могутъ быть различные. По сравненію съ европейскимъ, греческимъ идеаломъ красоты эскимосы не могутъ быть названы красивыми, но если считать красивымъ все то, что намъ нравится, то рѣшить этотъ вопросъ гораздо труднѣе. Я думаю, что если дольше жить среди этого народа и больше привыкать къ нему, то можно находить среди нихъ и привлекательныя и даже красивыя лица. По крайней мѣрѣ иногда среди нихъ встрѣчаются лица, которыя даже въ европейскомъ смыслѣ могутъ быть названы, пожалуй, красивыми. Я убѣжденъ, что если бы эти эскимосскія дамы появились въ европейскомъ обществѣ въ элегантныхъ туалетахъ, то всѣ признали бы ихъ не только интересными, но даже очень красивыми.

Лица эскимосовъ чаще всего круглы, съ широкими выдающимися скулами и очень полны. Щеки у нихъ круглыя, и часто лицо имѣетъ самый цвѣтущій видъ. Глаза черные, часто поставлены нѣсколько наискось, носъ плоскій, очень узкій между глазъ и широкій внизу. Все лицо оставляетъ такое впечатлѣніе, какъ будто оно было приплюснуто и разрослось въ ширину. У женщинъ и особенно у дѣтей оно часто настолько плоско, что отъ края одной щеки къ другой можно положить линейку, и носъ ей нисколько не помѣшаетъ, такъ какъ у нѣкоторыхъ дѣтей онъ не только не выдается, но даже образуетъ какъ бы впадину на лицѣ. Изъ этого можно заключить, что у многихъ эскимосовъ о красотѣ въ европейскомъ смыслѣ не можетъ быть и рѣчи, но далеко не всѣ таковы, и не красивыя линіи дѣлаютъ ихъ лица привлекательными и симпатичными,—въ ихъ округлыхъ, плоскихъ, блестящихъ отъ жира чертахъ столько добродушія, веселья и расположенія, что къ нимъ невольно привязываешься. Руки и ноги у нихъ не велики и хорошо сложены; ихъ движенія нельзя назвать угловатыми. Эскимосу его жена кажется всегда красивой, и чѣмъ она толще, тѣмъ красивѣе; врядъ ли европейскія красивыя женщины могли бы надѣяться получить призъ за красоту на восточномъ берегу Гренландіи.

Волосы у эскимосовъ черные. У мужчинъ они часто придерживаются на лбу шнуркомъ и спадаютъ внизъ на плечи. Тѣ эскимосы, которые не носятъ шнура, обрѣзаютъ себѣ волосы на лбу и кругомъ головы че-

люстью акулы: желѣзо, по ихъ представленіямъ, не должно касаться ихъ волосъ. Существуетъ своеобразный обычай, что мужчина, который, будучи мальчикомъ, обрѣзалъ свои волосы, долженъ продолжать это въ теченіе всей своей жизни, и это обставляется каждый разъ особыми церемоніями и формальностями. Женщины завязываютъ волосы на затылкѣ узломъ, который обвертывается кускомъ шкуры и долженъ торчать возможно крѣпче на головѣ. Особенно заботятся объ этомъ молодыя незамужнія женщины; и чтобы достигнуть этого, онѣ до такой степени стягиваютъ волосы на лбу и на вискахъ, что они, наконецъ, выпадаютъ, и женщины въ молодомъ возрастѣ дѣлаются лысыми; такая голова, конечно, не представляетъ красиваго вида, но къ тому времени женщины уже давно бываютъ замужемъ и имъ больше нѣтъ нужды заботиться о своихъ волосахъ. Для эскимосской женщины, принадлежащей къ „хорошему обществу", стянуть свои волосы на лбу такъ же необходимо, какъ для европейской женщины носить корсетъ.

Въ палаткѣ, въ которой мы находились, женщины всѣ были красивѣе или, правильнѣе сказать, менѣе безобразны, чѣмъ мужчины, которые, впрочемъ, также имѣли добродушное и симпатичное выраженіе. У мужчинъ совсѣмъ не было бороды и усовъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, имѣвшихъ легкій пушокъ на верхней губѣ.

По прошествіи нѣкотораго времени одинъ изъ старыхъ эскимосовъ всталъ и вышелъ. Скоро онъ вернулся къ намъ съ длиннымъ ремнемъ тюленьей кожи, который онъ, усѣвшись на нарахъ, началъ развертывать. Я съ удивленіемъ слѣдилъ за его работой, не понимая, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. Затѣмъ онъ вынулъ ножикъ, отрѣзалъ большой кусокъ ремня и подалъ одному изъ насъ. Потомъ отрѣзалъ такой же другой кусокъ и далъ другому и такъ далѣе, пока мы всѣ шестеро не получили по куску. Окончивъ эту раздачу, онъ посмотрѣлъ на насъ улыбаясь, довольный собой и всѣми. За нимъ поднялся другой, вышелъ, принесъ также тюленій ремень и раздѣлилъ его подобнымъ же образомъ; третій, четвертый, пятый сдѣлали то же самое; въ результатѣ у каждаго изъ насъ оказалось въ рукахъ по связкѣ тюленьихъ ремней. Эти бѣдные люди дарили намъ самое лучшее, что было у нихъ, будучи увѣрены, что намъ ихъ подарки пригодятся.

Когда они окончили одаривать насъ, мы снова замолчали и сидѣли, глядя другъ на друга. Я ждалъ, что намъ будетъ дано понять, что и они отъ насъ ждутъ подарковъ. Немного спустя поднялся опять первый старикъ и принесъ съ собой предметъ, повидимому, самый драгоцѣнный для него. Это было не что иное, какъ старое, заржавленное ружье съ какимъ-то страннымъ куркомъ, который мнѣ бросился прежде всего въ глаза. Онъ состоялъ изъ большого куска желѣза, въ которомъ было сдѣлано отверстіе, куда просовывался палецъ, чтобы спустить пру-

жину. Какъ я потомъ узналъ, ружье подобной формы можно часто встрѣтить на западномъ берегу Гренландіи; оно обыкновенно употребляется для стрѣльбы съ каяковъ. Когда это удивительное сооруженіе было съ гордостью намъ показано и мы, какъ подобаетъ, выразили свое удивленіе, старикъ далъ намъ понять, что у него нѣтъ того, что кладутъ въ ружье. Я сдѣлалъ видъ, что не понимаю, но когда онъ повторилъ мнѣ о своей нуждѣ, я долженъ былъ ему отвѣтить, что для подобнаго ружья у меня никакихъ запасовъ нѣтъ. Онъ сдѣлалъ печальное, огорченное лицо и спряталъ ружье. Удивительно, что никто другой не обнаружилъ желанія получить что-либо въ вознагражденіе за свои подарки. Это было сдѣлано исключительно изъ гостепріимства и радушія, но, конечно, у нихъ была задняя мысль получить что-нибудь за это, что, конечно, мы и сдѣлали на слѣдующій день.

Гостепріимство у этихъ людей, живущихъ на пустынныхъ берегахъ восточной Гренландіи, не знаетъ границъ. Даже самый заклятый врагъ можетъ найти себѣ пріютъ и жить цѣлые мѣсяцы. Природа и кочевая жизнь воспитала въ нихъ обычай гостепріимства, и этотъ обычай сдѣлался для нихъ закономъ.

Просидѣвши въ палаткѣ довольно долго, — нѣкоторые изъ насъ, какъ извѣстно, сократили для себя это время,—мы поднялись и вышли наружу.

Мы нашли себѣ мѣсто для палатки на равнинѣ недалеко отъ нашихъ лодокъ и начали переносить туда наше имущество. Тотчасъ толпа эскимосовъ бросилась въ лодки, и безчисленныя руки услужливо протянулись къ нашимъ вещамъ, быстро расхватали наши ящики и мѣшки и понесли на холмъ. Каждый предметъ эскимосы разсматривали съ криками изумленія, все казалось имъ забавнымъ и они отъ души веселились. Особенную радость и изумленіе вызвали среди нихъ наши большіе блестящіе жестяные ящики, въ которыхъ хранилась часть нашей провизіи, ящики переходили изъ рукъ въ руки, ихъ внимательно осматривали и ощупывали по всѣмъ угламъ и бокамъ.

Скоро лодки были опорожнены, и мы хотѣли ихъ вытащить на берегъ, но всѣ эскимосы тотчасъ уцѣпились за нихъ. Лодку привязали къ канату, и всѣ 20—30 человѣкъ ухватились за него и дружно потянули пустую лодку на берегъ. Какое веселье это было для нихъ! И когда одинъ изъ насъ, по заведенному матросскому обычаю, затянулъ пѣсню, чтобы облегчить работу, веселье достигло высшаго пункта, эскимосы пѣли и смѣялись, всѣ отъ большого до малаго, до того, что болѣе не могли тащить. По ихъ мнѣнію, мы, должно быть, были очень забавныя созданья. Скоро лодки были вытащены и мы могли разбить нашу палатку. Смотрѣть на это для нихъ было очень интересно, такъ какъ ничто эскимосовъ не интересуетъ въ такой степени, какъ то, что касается ихъ

собственнаго образа жизни—напримѣръ, устройства палатки, лодки и т. п. Они съ удовольствіемъ и удивленіемъ смотрѣли, какъ быстро и легко мы разбили нашу палатку.

Наша одежда тоже вызывала большое удивленіе, особенно одежда бывшихъ съ нами лапландцевъ. Высокія четырехугольныя шапки съ четырьмя выступами, ихъ широкая, похожая на рубашку куртка съ красными и желтыми полосами—все это казалось страннымъ и удивительнымъ для эскимосовъ. Но до чего дошло ихъ удивленіе, когда вечеромъ лапландцы показались въ сапогахъ изъ оленьихъ шкуръ! Они всѣ должны были ощупать эти сапоги, потрогать удивительный мѣхъ, котораго они никогда не видѣли; это не была шкура ни тюленя, ни медвѣдя, ни лисицы—можетъ быть, это собачья шерсть? И они указывали на лающихъ собакъ, спрашивали объ этомъ знаками, но ни то, ни другое было невѣрно, и воображеніе эскимосовъ дальше этого не шло. Одинъ изъ нашихъ товарищей показывалъ знаками оленя, картинно изображалъ надъ головой руками оленьи рога,—ничего не помогало, эскимосы отказывались понимать. Повидимому, они ни разу не видѣли сѣверныхъ оленей, которые въ той части восточно-гренландскаго берега, гдѣ они живутъ, дѣйствительно не встрѣчаются.

Мы раздѣлили порціи пищи другъ другу и расположились ужинать передъ входомъ въ палатку, окруженные многочисленной публикой. Мужчины, женщины и дѣти стояли вокругъ насъ, окруживъ насъ тройнымъ кольцомъ, внимательно слѣдя за каждымъ нашимъ кускомъ.

Мы видѣли, что у нихъ при видѣ нашего ужина текли слюнки, но у насъ хлѣба было не болѣе того, сколько было нужно для насъ, а если бы мы вздумали одѣлить эту толпу, то должны были бы опорожнить всѣ наши запасы; по правдѣ сказать, намъ ѣсть было непріятно, когда столько людей пожирало взглядами всякій кусокъ бисквита. Покончивъ съ ужиномъ, мы отправились бродить вокругъ лагеря и осматривать наше мѣстоположеніе.

У самаго моря на берегу лежало нѣсколько каяковъ и женскихъ лодокъ, которыя мнѣ хотѣлось разсмотрѣть получше. Одинъ эскимосъ особенно горячо старался объяснить мнѣ и показать все. Каждый предметъ, который мнѣ попадался на глаза, онъ тотчасъ объяснялъ.

Но прежде всего ему хотѣлось показать мнѣ свой собственный каякъ, который былъ украшенъ костями, и всѣ орудія для рыбной ловли, находившіяся полномъ порядкѣ и также разукрашенныя костяными инкрустаціями. Больше всего гордился онъ своимъ гарпуномъ, на концѣ котораго былъ насаженъ зубъ нарвала. Онъ мнѣ картинно объяснилъ, какъ держать доску и какъ гарпунъ съ помощью ея можетъ быть съ силой брошенъ на далекое разстояніе. Всѣ эскимосы гордятся своими орудіями и каяками и съ большимъ стараніемъ украшаютъ ихъ.

Между тѣмъ солнце уже закатилось, наступила ночь, и вся эта картина и эти люди, окруженные со всѣхъ сторонъ льдомъ и снѣгомъ, стали еще фантастичнѣе.

Темныя тѣни двигались по горѣ въ разныхъ направленiяхъ; особенно странными казались силуэты женщинъ, несшихъ дѣтей въ своихъ мѣшкахъ за спинами — онѣ казались издали горбатыми. Сквозь тонкiй пологъ изъ палатокъ свѣтились красноватые огоньки. Они очень походили издали на пестрые бумажные фонари и невольно напоминали намъ лѣтнiе праздники и иллюминацiи въ нашихъ садахъ на родинѣ.

Наступало время отдыха. Мы сильно въ немъ нуждались, такъ какъ послѣднiя сутки намъ пришлось очень мало спать. Мы разложили наши спальные мѣшки на полу палатки и стали готовиться ко сну. Эта процедура также страшно заинтересовала эскимосовъ; любопытные зрители окружили входъ въ палатки плотнымъ кольцомъ. Я долженъ сказать, что здѣсь были не только мужчины, но также и много женщинъ. Онѣ безъ всякаго смущенiя смотрѣли, какъ мы снимали наше верхнее платье. Что намъ было дѣлать? Если бы мы дали имъ понять, что по нашимъ взглядамъ женщины не должны здѣсь быть, то удивленiе было бы еще больше, и втолковать неумѣстность ихъ присутствiя мы бы не могли. Поэтому мы рѣшили ихъ оставить въ покоѣ слѣдить за всѣми нашими приготовленiями. Удивленiе присутствующихъ возросло, когда мы наконецъ полѣзли въ наши мѣшки и одинъ за другимъ исчезали въ нихъ, пока отъ всѣхъ насъ не осталось наружи только шесть головъ; тогда мы пожелали имъ покойной ночи и закрыли входъ въ палатку.

Эту ночь мы могли спать безъ дежурства и мы спали всѣ очень крѣпко, несмотря на лай собакъ. Поздно утромъ проснулись мы и услыхали, что эскимосы собрались около нашей палатки. Въ щель палатки мы могли увидать, что они нетерпѣливо ждали нашего пробужденiя, чтобы еще разъ увидѣть такъ много для себя новаго и необыкновеннаго. Мы увидѣли что они—должно быть ради насъ—надѣли свои лучшiе костюмы. Ихъ чистыя бѣлыя верхнiя одежды и рубашки бѣлѣли издали, и эскимосы ходили, гордясь своими нарядами. У нашихъ лодокъ было цѣлое сборище эскимосовъ; нѣкоторые забрались въ лодки, другiе стояли вокругъ; каждый предметъ, каждая желѣзная часть осматривалась и ощупывалась, но ничего не было повреждено. Какъ только дверь въ палатку отворилась, вся толпа зрителей хлынула къ намъ, тѣсня другъ друга; заднiе подымались на пальцы, чтобы увидѣть, какъ мы лежали въ своихъ мѣшкахъ, какъ мы будемъ оттуда выбираться и какъ мы будемъ надѣвать на себя принадлежности нашего костюма. Больше всего заинтересовалъ зрителей пестрый поясъ, украшенный блестящимъ пестрымъ бисеромъ съ большой мѣдной пряжкой. Всѣ брали этотъ поясъ въ руки, переворачивали его и затѣмъ смѣхомъ выражали свое удо-

вольствіе. Нашъ завтракъ, состоявшій изъ сухарей съ водой, прошелъ среди глубокаго молчанія внимательныхъ наблюдателей, какъ и вчерашній ужинъ.

Я собирался было незамѣтно отъ нихъ сдѣлать фотографическій снимокъ съ группы, толпящейся у входа въ палатку, но какъ только я навелъ на нихъ аппаратъ, нѣкоторые замѣтили мое движеніе, и вся толпа бросилась врассыпную, какъ будто они боялись, что изъ аппарата раздастся выстрѣлъ или выскочитъ что-либо страшное. Я попытался было снять группу эскимосовъ, сидѣвшихъ на горѣ, но съ тѣмъ же результатомъ. Тогда я отвернулся отъ нихъ, сдѣлалъ видъ, что занимаюсь чѣмъ-то постороннимъ, чѣмъ отвлекъ ихъ вниманіе, и мнѣ удалось сдѣлать нѣсколько снимковъ.

Послѣ этого мы пошли бродить по лагерю. Въ одной палаткѣ мы увидали двухъ эскимосскихъ дѣвочекъ за ѣдой. Онѣ вытаскивали куски мяса изъ котла и ѣли, откусывая каждая съ своей стороны. Мясо птицы было покрыто перьями, что нисколько не смущало дѣвочекъ: должно быть, онѣ просто выплевывали перья, попадавшіяся въ ротъ вмѣстѣ съ мясомъ.

Нѣкоторыя женщины замѣтили, что наши лопари носятъ въ сапогахъ растущую здѣсь траву и принесли намъ огромный запасъ этой травы, при этомъ лица ихъ сіяли отъ удовольствія и онѣ весело смѣялись. Мы поблагодарили ихъ, конечно, также смѣясь въ свою очередь. Тогда онѣ знаками дали понять, что имъ очень хотѣлось бы получить въ подарокъ нѣсколько иголокъ. Я могъ бы имъ сдѣлать это удовольствіе, такъ какъ со мной былъ запасъ иголокъ, но я расчитывалъ оставить ихъ про запасъ для нашей зимовки, когда онѣ могли пригодиться. Вмѣсто этого я подарилъ имъ жестяную коробку. Онѣ были въ восторгѣ отъ подарка, глаза ихъ заблестѣли и онѣ стали наперерывъ показывать коробку другъ другу и любоваться ею.

Однако наступало время намъ сниматься съ лагеря. Мы понемногу начали готовиться къ выступленію. Во время этихъ приготовленій къ намъ пришелъ одинъ эскимосъ и спросилъ знаками, не на сѣверъ ли мы собираемся итти. Когда мы отвѣтили утвердительно, его лицо вдругъ просіяло; онъ сказалъ, что его семья тоже отправляется на сѣверъ. Онъ сейчасъ же побѣжалъ разсказать другимъ эту новость, и во всемъ лагерѣ началось движеніе и суета; европейцы и эскимосы торопливо разбирали и складывали свои палатки, спускали на воду лодки, нагружали ихъ подъ громкій лай собакъ. Эскимосы, у которыхъ вчера мы были въ гостяхъ, направлялись на югъ. Прежде чѣмъ разстаться съ ними, намъ нужно было отблагодарить ихъ за подарки, поднесенные намъ вчера. Я отправился къ нимъ въ палатку, захвативъ съ собой нѣсколько листовъ жести, и засталъ нашихъ знакомцевъ за обѣдомъ. Когда ка-

ждый изъ нихъ получилъ по жестяному листу, они всѣ остались очень довольны, и нѣкоторые объяснили намъ, что они сдѣлаютъ изъ нихъ кружки для воды.

Скоро всѣ палатки были собраны и нагружены въ лодки. Изумительно, съ какой скоростью эскимосы приготовились къ походу и собрали все свое имущество; правда, что у нихъ было много рукъ — всѣ что-либо дѣлали. Двѣ женскихъ лодки направились на югъ, гдѣ былъ свободный ото льда проходъ, двѣ другія поплыли въ сѣверномъ направленіи и скрылись скоро за полуостровомъ. Мужчины нѣсколько задержались. Они должны были болѣе основательно проститься другъ съ другомъ, разставаясь, можетъ быть, на нѣсколько лѣтъ, и здѣсь мы были свидѣтелями самой комичной сцены, какую мнѣ когда-либо приходилось видѣть.

Всѣ двѣнадцать каяковъ были выстроены тѣсно въ рядъ, какъ рота солдатъ. Затѣмъ эскимосы вынули рога съ табакомъ и начали передавать другъ другу. Какъ они нюхали! Они открывали табакерку и втягивали въ носъ съ силой табакъ. Нѣсколько табакерокъ были въ ходу и каждая сдѣлала два круга, переходя отъ одного къ другому. Сколько табаку было истреблено и сколько было чиханія! Нѣкоторые чихали до того, что, казалось, не смогутъ править лодкой. У эскимосовъ восточнаго берега въ обычаѣ угощать другъ друга табакомъ, подобно тому, какъ наши крестьяне угощаются водкой. Въ данномъ случаѣ угощали табакомъ своихъ сородичей тѣ эскимосы, которые пришли съ юга, повидимому изъ датскихъ колоній. Но у эскимосовъ и это угощеніе не всегда бываетъ, и они совершаютъ иногда цѣлыя путешествія, тянущіяся нѣсколько лѣтъ, къ югу только затѣмъ, чтобы тамъ купить въ запасъ это дорогое для нихъ лакомство. Эскимосы, живущіе на сѣверѣ, употребляютъ на это путешестіе цѣлыхъ четыре года. Понятно, что это путешествіе не можетъ повторяться часто. Съ трудомъ можно повѣрить, что единственной причиной этихъ путешествій на югъ является закупка табаку. На восточномъ берегу Гренландіи не знаютъ куренья и жеванья, но нюхаютъ больше, чѣмъ гдѣ-либо. Табакъ обыкновенно покупается листовой свертками, такъ называемый голландскій; затѣмъ эскимосы его разрѣзаютъ, сушатъ надъ лампой и растираютъ между камнями. Кромѣ того, его смѣшиваютъ съ мелко истолченнымъ известковымъ шпатомъ, кварцемъ и тому под., чтобы табакъ хватилъ на болѣе долгій срокъ, а какъ нѣкоторые утверждаютъ, чтобы табакъ былъ крѣпче.

Когда весь табакъ былъ истребленъ, эскимосы усѣлись въ каяки. Одна за другой лодки поплыли въ разныхъ направленіяхъ и скоро исчезли вдали за поворотомъ залива. Мы тоже поплыли, держа курсъ на сѣверъ.

По великому льду Гренландіи.

(Р. Пири.)

Мы смотрѣли на Ледовитый океанъ съ земли, которой никогда раньше не видѣлъ глазъ человѣка. Мы видѣли острова по другую сторону пролива, омывающаго сѣверный берегъ материка. Мы сдѣлали все, что могли, и съ удовольствіемъ повернулись лицомъ къ дому. Но прежде всего нужно было остановиться въ лагерѣ на моренѣ, такъ какъ и животныя и люди сильно нуждались въ отдыхѣ. Кромѣ того, нужно было просмотрѣть все наше снаряженіе и заботливо приготовиться къ обратному путешествію. Были заботливо изслѣдованы и приведены въ порядокъ сбруя и лыжи и было починено много дыръ и прорѣхъ на нашей одеждѣ. Вся наша обувь износилась, и нѣкоторыя части ея до такой степени изорвались во время нашего путешествія по землѣ, что нужно было серьезно позаботиться о приспособленіи ихъ къ дальнѣйшей службѣ. Окончивъ всѣ приготовленія, я взобрался на вершину морены, чтобы еще разъ взглянуть на дикую сѣверную страну подо мной. Въ противоположномъ направленіи лежалъ нашъ путь черезъ замерзшую „Сахару“— почти вдвое болѣе длинный, чѣмъ путь Нансена черезъ Гренландію, сдѣланный имъ со свѣжими силами. Бѣшеные и продолжительные штормы, обычные въ горныхъ частяхъ этого ледяного покрова, могли задержать насъ плѣнниками въ теченіе долгихъ дней. Можно было заболѣть, могло случиться несчастье. Тысячи подобныхъ кошмаровъ смущали меня. Однако таково могущество полнаго здоровья и сознательной силы, таково очарованіе лѣтняго солнечнаго свѣта, что даже и тѣни этихъ сомнѣній не осталось теперь у меня. Я безгранично вѣрилъ въ свои способности и пригодность нашего снаряженія. О болѣзни я и не думалъ. Если падутъ собаки, то у насъ были лыжи, и съ ними, я зналъ, мы могли проходить по 50 миль въ день въ теченіе трехъ и даже четырехъ дней. Кромѣ того, этотъ яркій солнечный свѣтъ говорилъ о жизни, а не о смерти. Развѣ сама великая Сахара, несмотря на яркость ея гнѣва, по временамъ пустынная, полная невообразимыхъ ужасовъ для бѣдныхъ туземцевъ и незнакомыхъ съ ней, не была нашимъ другомъ? Развѣ мы не путешествовали по ней цѣлыми днями? Развѣ мы не спали много уже ночей на ея груди? Развѣ мы не находили убѣжища на ея блещущей поверхности? Мы покорили ее, какъ покорили собакъ, тащившихъ наши сани, и подобно имъ она была нашимъ другомъ.

Наконецъ, все было готово. Наканунѣ 7-го іюля, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, мы повернулись спиною къ землѣ и начали подыматься по уклону на ледяную высоту. Чтобы избѣжать трещинъ и ледниковыхъ бассейновъ, такъ затруднявшихъ насъ во время путешествія сюда, я намѣревался на обратномъ пути держаться болѣе къ востоку и югу.

Двѣ первыя мили отъ лагеря на моренѣ представляли крутой подъемъ, и мы были принуждены впрячься и помогать нашимъ собакамъ. Я не удивился, что въ первый день было пройдено только 10 миль, такъ какъ мы поднялись на 1.000 фут. Дорога была прекрасная. Сани легко скользили по твердой зернистой корѣ, и намъ съ Аструпомъ легко было идти. Скинувъ лыжи, мы шли въ комагахъ.

9-го іюля мы поднялись на 1.300 фут. вверхъ на протяженіи $21^1/_2$ мили. Ровная снѣжная поверхность простиралась передъ нами. И день и дорога были прекрасны. На ночлегѣ мнѣ уже казалось, что я вывелъ благополучно свое судно изъ гавани и, освободившись, наконецъ, отъ всѣхъ скалъ и мелей, не видѣлъ больше земли, а только глубокую воду вокругъ себя. Мы взбирались на покрытое облаками плато континентальнаго водораздѣла; восхожденіе на туманныя замерзшія высоты было пріятно. Ледъ, покатый къ сѣверу, имѣлъ также чувствительный уклонъ къ востоку. Всѣ заструги были направлены на востокъ, и вѣтеръ, постоянно дувшій съ запада, спускался внизъ по склону.

Въ 3 часа вѣтеръ утихъ, и мы сняли свои мѣховыя куртки. Во все время пути солнце находилось сзади, и намъ было пріятно имѣть къ концу перехода вполнѣ здоровые глаза. На ночлегъ мы остановились въ 7 час. утра, почти на полмили выше лагеря на моренѣ. Теплота солнца была такова, что лежа, въ палаткѣ, я проснулся въ полдень обливаясь потомъ. Я былъ очень доволенъ вліяніемъ мясной пищи на нашихъ собакъ; оно было еще замѣтно. У меня было теперь восемь хорошо упитанныхъ помощниковъ. Почти всю дорогу мы шли безъ лыжъ и надѣли ихъ только къ концу пути.

10-го іюля мы поднялись почти на 1.000 фут. выше, пройдя немного болѣе двадцати миль. Очевидно, континентальный водораздѣлъ имѣлъ скаты на сѣверъ и на югъ и находился еще впереди насъ. Этотъ день былъ труднымъ для меня; свою упавшую энергію и умственную тупость я приписывалъ питью кофе за завтракомъ. Подъ этимъ числомъ въ моемъ дневникѣ записано, что мы съ радостью окончили кофе. Весь день я шелъ на лыжахъ. Поверхность снѣга была довольно тверда и выдерживала сани и собакъ, и, что лучше всего, не было метели.

11-го іюля мы прибавили 600 фут. къ нашей высотѣ и двадцать миль пути. Мы приближались къ области облаковъ и находились теперь на высотѣ 7.300 фут. надъ уровнемъ моря. Воздухъ былъ свѣжій и пріятный въ продолженіе половины дня, но затѣмъ погода испортилась, и мы оставались два дня на мѣстѣ, забившись въ снѣжную нору отъ жестокаго шторма.

На полпути упалъ отъ истощенія и не могъ больше тянуть Поллуксъ, одна изъ собакъ, купленная у эскимосовъ. Путешествіе по землѣ было, очевидно, непосильнымъ для него. Мы привязали его сзади саней, и онъ

бѣжалъ еще нѣсколько времени, но затѣмъ снова упалъ. Его положили на сани и привезли въ лагерь, гдѣ онъ былъ убитъ; мясо его увеличило запасъ собачьяго провіанта.

Барометръ показывалъ наступленіе шторма. Въ послѣдніе нѣсколько часовъ нашего пути мы попали въ полосу замерзшаго тумана; онъ дѣйствовалъ на наши глаза болѣе неблагопріятно даже, чѣмъ самый яркій солнечный свѣтъ. Едва только мы успѣли построить себѣ снѣжную хижину, какъ надъ нами разразилась буря во всей своей ярости.

Мы были въ заточеніи на внутреннемъ льдѣ. Въ теченіе двухъ сутокъ, до 3 час. утра 14-го іюля, ни на мгновеніе не прекращалось завываніе бури, съ неудержимой яростью несшейся внизъ по скату къ дикому восточному берегу. Нашъ ровъ былъ въ 2 фута высотою, 3 фута шириною и 7 футовъ длиною; до половины своей длины онъ былъ покрытъ парусомъ. Въ этомъ покойномъ убѣжищѣ мы провели 60 часовъ, и намъ было очень удобно. Во все время бури намъ было тепло, и, несмотря на нанесенный на насъ сугробъ, мы могли, по желанію, мѣнять свое положеніе. За все это время я выходилъ только одинъ разъ изъ нашего занесеннаго снѣгомъ пріюта. Большую часть времени мы спали. Не имѣя возможности продолжать свой путь, мы пользовались случаемъ отдохнуть въ предвидѣніи новаго и болѣе сильнаго напряженія силъ. Можно было подумать при видѣ нашего лагеря, что мы были зарыты живыми. Сани, люди, собаки были невидны, и только снѣжные холмы показывали мѣста, гдѣ они находились. Ни одного звука не доносилось отъ собакъ; были слышны только ревъ бури и шумъ снѣга, несшагося надъ нами внизъ по скату къ восточному берегу.

Когда, наконецъ, буря утихла и показалось солнце, метель была еще все такъ сильна, что собаки не могли бы бороться съ ней, и потому я не пытался выступать въ путь. Послѣдніе 12 часовъ нашего невольнаго ничегонедѣланія тянулись очень медленно, но, наконецъ, мы приготовились къ отправленію — болѣе страшная задача, чѣмъ можно было предположить.

Сорокъ пять минутъ усерднаго труда понадобилось Аструпу, чтобы развязать замерзшій узелъ постромокъ, до такой степени запутанный постоянно безпокойными собаками, что онъ посрамилъ бы дюжину Гордіевыхъ узловъ. Откапываніе саней взяло у меня столько же времени.

Осматривая запасы, я замѣтилъ съ ужасомъ, что двѣ жестянки пеммикана испортились. Это, безъ сомнѣнія, произошло отъ того, что онѣ пролежали нѣсколько дней на солнцѣ, когда сани стояли на скалахъ въ лагерѣ на моренѣ. Съ большимъ страхомъ изслѣдовалъ я другія жестянки и нашелъ еще нѣсколько испорченныхъ.

Не въ очень пріятномъ настроеніи духа пустились мы въ путь. Потеря одной изъ лучшихъ собакъ и порча части пеммикана показалась

мнѣ предвѣстникомъ грядущихъ бѣдствій. Шестидесятичасовая бездѣятельность въ нашей снѣжной ямѣ испортила слегка мое пищевареніе; мнѣ глянула въ глаза перспектива ѣсть собачье мясо и тащить нѣсколько сотъ миль сани. Къ довершенію всего, при самомъ отправленіи насъ окружали облака, и безнадежная погода еще усилила мое дурное настроеніе духа. Послѣ завтрака я послалъ Аструпа впередъ выбирать путь, а самъ съ цѣлью развлечься отъ своихъ мыслей принялся погонять собакъ.

Не знаю, испыталъ ли кто изъ моихъ читателей ощущеніе, повидимому, безцѣльной ходьбы въ теченіе нѣсколькихъ недѣль? Есть ли въ Сахарѣ мѣсто, до такой степени унылое, лишенное всякаго элемента надежды, какъ то большое плато, по которому мы тащились усталые въ продолженіе двухъ недѣль? Сырой, липкій снѣгъ находился подъ нашими ногами, и густой замерзшій туманъ душилъ насъ и осѣдалъ на одеждѣ молочно-бѣлыми кристаллами инея. Здѣсь не было оазиса, куда бы мы могли направить свои шаги и снова набраться тамъ бодрости и силы для дальнѣйшихъ трудовъ въ полярной пустынѣ. Единственные наши оазисы были въ небѣ, гдѣ по временамъ мы видѣли неясное солнце, сверкнувшее на мгновеніе сквозь туманъ, а вдали, на южномъ горизонтѣ, — полосу восхитительно блѣднаго, зеленовато-голубого неба.

Единственной утѣшительной мыслью, когда мы остановились лагеремъ въ концѣ перваго перехода послѣ бури, было, что мы приблизились къ дому на 20 миль. Отъ утомленія мы не могли заснуть; послѣдніе часы сыли очень тяжелыми. Мы не подымались больше и находились на большомъ ровномъ плато на вершинѣ Гренландіи. Вѣтеръ дулъ прямо на востокъ. Сани съ трудомъ скользили по свѣжему снѣгу. Собаки тащили хорошо, но невесело. Хвосты ихъ были опущены съ самымъ безнадежнымъ видомъ.

Хвостъ гренландской собаки — прекрасный барометръ состоянія ея буха. Онъ служитъ безошибочнымъ показателемъ ея чувствъ. Одинъ взглядъ на него скажетъ много. Хорошо наполненный желудокъ и легко дкользящія сани подымаютъ его на высоту собачьяго счастья. Тяжелый путь, рѣзкій ударъ бича или несчастливое сраженіе съ сосѣдомъ по упряжи погружаютъ его въ глубину отчаянія. Хвостъ ея говоритъ все. Въ настоящее время всѣ хвосты были низко опущены.

До полуночи 15-го іюля мы прошли 100 миль нашего пути къ югу. Утромъ сдѣлалось холоднѣе. Морозъ скрѣпилъ снѣгъ, валившій хлопьями, когда мы ложились спать. Аструпъ совершенно замерзъ подъ своимъ снѣжнымъ одѣяломъ, и я былъ принужденъ выкопать его. Низкая температура подбодрила насъ, и мы пустились въ путь въ пріятномъ расположеніи духа, несмотря на окутывавшій насъ туманъ.

Погонщикъ собакъ съ трудомъ видѣлъ вожака, шедшаго въ шести

саженяхъ впереди. Одно только было хорошо: дорога для лыжъ была прекрасная, и мы сдѣлали хорошій дневной переходъ. Для разнообразія мы мѣнялись съ Аструпомъ по временамъ работою.

На слѣдующій день пала еще одна собака, и мы скормили ее ея же товаркамъ. Эта собака была моей любимицей. Ея привязанность ко мнѣ казалась безграничной. Во все время путешествія по внутреннему льду ни одно мое движеніе не ускользало отъ ея взоровъ, и когда послѣ отдыха я бралъ маленькій флагъ и отправлялся впередъ, ея рѣзкій лай и усилія слѣдовать за мной служили для остальныхъ собакъ сигналомъ начала работы.

День за днемъ просвѣты голубого неба изрѣдка чередовались съ широкими полосами густого тумана, покрывавшаго насъ; сани, собаки и грузъ покрывались мельчайшими бѣлыми кристаллами льда. Побочныя солнца, радуги, солнечные столбы появлялись и исчезали вокругъ насъ въ безчисленномъ разнообразіи, но все это блестящее зрѣлище не вознаграждало насъ за саванъ темнаго холоднаго тумана. Мы быстро подвигались на западъ, и я надѣялся вскорѣ быть на болѣе низкомъ уровнѣ и внѣ облаковъ. Собаки меня сильно безпокоили. Хвосты ихъ были низко опущены. Потеря второй собаки была зловѣщей, и мнѣ казалось, что животныя вполнѣ выбились изъ силъ. Мои глаза страдали отъ тумана почти столько же, какъ и отъ яркаго солнечнаго свѣта.

18-го іюля я проснулся отъ холода и нашелъ, что вѣтеръ дулъ прямо въ кухню, хотя наканунѣ она была поставлена своей закрытой стороной къ вѣтру. Эта полная перемѣна воздушныхъ теченій скоро оказала свое вліяніе на облака, которыя начали разрываться, позволяя намъ видѣть по временамъ солнце. Во время полуденной остановки надъ нами разстилалось голубое небо; поверхность снѣга, лежавшаго сугробами, была довольно крѣпкой и выдерживала собакъ и сани. Мы прошли уже 70 миль среди облаковъ; временная перемѣна оживила насъ, и движенія собакъ сдѣлались болѣе быстрыми. Мы перешли водораздѣлъ и начали спускаться по западному скату. Воспользовавшись восточнымъ вѣтромъ, я для облегченія собакъ приладилъ на своихъ саняхъ мачту и парусъ.

Ночь на 18-е іюля была самой холодной (20° Ц.), какую мы только перенесли съ начала мая. Утромъ 19-го іюля былъ густой туманъ, и все было покрыто молочно-бѣлыми кристаллами. Шелъ снѣгъ и дулъ сильный противный вѣтеръ; мы промедлили своимъ отправленіемъ два часа, пока вѣтеръ не утихъ немного. Идти на лыжахъ было хорошо, но безъ лыжъ мы проваливались на каждомъ шагу на 8 или 10 дюймовъ въ снѣгъ.

Во все время нашихъ долгихъ переходовъ въ туманѣ было очень трудно держаться прямого направленія. Для пѣшехода компасъ былъ

почти безполезенъ. На снѣгу было абсолютно ничего не видно, на чемъ могъ бы остановиться глазъ. Единственнымъ ресурсомъ былъ вѣтеръ, но онъ тогда былъ до такой степени слабъ, что я былъ принужденъ придумать особый флюгеръ. Провѣряя по компасу каждые четверть или полчаса направленіе вѣтра и наблюдая, чтобы флагъ былъ всегда подъ нужнымъ угломъ, я могъ сохранить приблизительно нужное направленіе въ полной бѣлизнѣ, окружающей насъ.

20-ое іюля было праздникомъ: мы прошли 20 миль. Солнце сдѣлало намъ короткій визитъ около часа пополудни. Накануне во время тумана мнѣ показалось, что начался спускъ къ западу; теперь въ этомъ нельзя было болѣе сомнѣваться. Мы ясно видѣли отлогіе скаты къ западу и юго-западу. Безпокоясь относительно собакъ, я слегка увеличилъ ихъ паекъ, и онѣ пришли въ лучшее настроеніе, хотя дорога была еще трудной.

21-е іюля однако было днемъ разочарованія. Мы разсчитывали пройти по меньшей мѣрѣ 15 миль, а сдѣлали только 9. Снѣгъ, выпавшій послѣ завтрака слоемъ толщиною въ дюймъ, сдѣлалъ дорогу до того тяжелой, что собаки едва могли тащить сани, и Аструпу казалось, что его лыжи были покрыты снизу пескомъ.

Сегодня я нашелъ, что у насъ осталось только 90 ф. пеммикана для насъ двухъ и шести собакъ. Путешествіе, судя по проходимому въ среднемъ пространству за сутки, дожно было длиться еще болѣе двадцати дней. Частыя метели и безконечные туманы сильно задерживали насъ. Я рѣшилъ оставить однѣ сани и выкинуть все, безъ чего можно было обойтись. Мы нагрузили все на маленькія сани и бросили двѣ пары лыжъ и другихъ вещей, вѣсившихъ всего около 50 фунтовъ. Большія сани я взялъ временно на буксиръ, убѣдившись же, что меньшія хорошо выдерживаютъ свой грузъ на плотномъ снѣгѣ, я бросилъ первыя. Мы сдѣлали болѣе 16 миль, хотя снѣгъ былъ глубокъ и тяжелъ для хода саней.

Въ 6 час. утра 22 іюля надъ лагеремъ пролетѣла съ востока на западъ чайка на высотѣ около 50 фут. надъ нашими головами. Замерзшій туманъ опустился на насъ, покрывъ все своими кристаллами. Слѣдующій день былъ туманнымъ; по показанію анероида, мы спустились на 400 фут. Постепенно мы оставляли страшную пустыню плато и направлялись къ леднику Гумбольдта. Другая чайка пролетѣла надъ нашимъ лагеремъ въ 8 ч. вечера 23 іюля. Мы выступили въ путь въ метель. Скоро туманъ сдѣлался до того густъ, что я не могъ регулировать ходъ, поэтому мы легли въ палатку и проспали 7 часовъ. Раздѣвшись среди снѣжной бури, я позволилъ себѣ роскошь вытереться снѣгомъ при температурѣ —5 Ц. и затѣмъ снова улегся на 3 часа. Я могу искренно рекомендовать это очень укрѣпляющее средство всякому здоровому человѣку.

При отправленіи въ путь буря уже прекратилась. Полосы тумана и облака висѣли впереди насъ до полудня, а затѣмъ разсѣялись.

Царство тумановъ, наконецъ, осталось надъ нами и позади насъ. Слѣва мы видѣли вокругъ себя безграничную снѣжную равнину. По временамъ видъ ея утомлялъ насъ, но зато какой прекрасной казалась она намъ теперь во всей своей сверкающей чистотѣ и сіяніи! Снова мы видѣли восхитительную лазурь неба. Какъ обрадовала она насъ и какъ сердечно привѣтствовали мы дуновеніе рѣзкаго, но пріятнаго для насъ юго-восточнаго вѣтра.

Мы находились теперь южнѣе фіорда Петермана и приблизительно на высотѣ 5.000 фут. надъ моремъ. Самымъ труднымъ для меня временемъ на внутреннемъ льдѣ были тѣ дни и ночи, когда я ничего не видѣлъ впереди себя дальше длины нашихъ саней. Нелегко было выдерживать непрерывное напряженіе, когда приходилось управлять санями. Прибавьте къ этому постоянное ощущеніе тяжести и разслабленія вслѣдствіе густыхъ тумановъ и отчасти высоты мѣстности, и вы повѣрите, что двѣ недѣли, проведенныя на ледяномъ покровѣ на высотѣ 8.000 фут., были самымъ непріятнымъ временемъ моихъ гренландскихъ путешествій.

Наступили пріятные дни нашего путешествія. Въ ночь на 28-ое мы сдѣлали блестящій переходъ. Передъ завтракомъ мы вступили на очень тонкую стекловидную кору, выдерживавшую сани и лыжи, но не собакъ. На слѣдующій день мы все еще шли по этой корѣ, и ея крѣпкая полированная поверхность вмѣстѣ съ уклономъ помогла намъ оставить позади себя много миль. Еще одна собака пала и была скормлена своимъ болѣе счастливымъ товарищамъ. Оставшіяся пять были сильныя мускулистыя животныя, худощавыя и крѣпкія, какъ сталь. Онѣ совершенно оправились отъ своего угнетеннаго состоянія и навѣрно вернутся домой, если только какое-нибудь совершенно непредвидѣнное несчастье не принудитъ меня съ Аструпомъ съѣсть ихъ.

На слѣдующій день мы прошли немного больше, а затѣмъ еще больше и все-таки оставались бодрыми. Погода все это время была прекрасная, и я никогда не испытывалъ полнѣе удовольствія, вызваннаго физическимъ оживленіемъ отъ быстрой ѣзды. Собаки чувствовали это, вѣроятно, еще болѣе меня и Аструпа. Хотя онѣ вслѣдствіе напряженной работы послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ и утратили свой длинный волчій галопъ, однако, прежнее рвеніе и огонь ихъ сохранились. Работа не была непосильной, и хвосты собакъ были молодецки подняты и закручены.

Еще разъ мы облегчили грузъ, тщательно осмотрѣли скрѣпленіе саней и привели въ порядокъ свою одежду. Мы находились теперь на востокѣ отъ бассейна ледника Гумбольдта. Наша пристань была почти на 200

миль впереди, и нужно было быстро пройти это пространство. Мы еще не видѣли земли, но черезъ нѣсколько дней покажутся знакомыя окрестности Китоваго пролива.

31-го іюля и 1-го августа мы шли безъ льда по неровной замерзшей поверхности. Нѣкоторые изъ попадавшихся на пути снѣжныхъ холмовъ были футовъ въ 50 высотою; такіе сугробы были наметены около торчащихъ глыбъ льда. Заструги также были многочисленны. Ледяная поверхность замѣтно понижалась къ западу. Затѣмъ мы шли цѣлыя мили, не встрѣчая ни сугробовъ, ни заструговъ.

Мы весело спускались въ углубленіе къ сѣверу отъ Куполообразной горы; это названіе я далъ самому сѣверному изъ гигантскихъ торосовъ, простиравшемуся отъ края внутренняго льда до вершины бухты Макъ-Кормика.

Солнце до такой степени размягчило поверхность глубокаго снѣга, что наши собаки не могли перейти черезъ него. Несмотря на всѣ наши усилія попасть на обращенный къ сѣверу скатъ Куполообразной горы, мы не успѣли въ этомъ и были принуждены остановиться и ждать, пока поверхность снѣга не затвердѣетъ снова. Какъ только снѣгъ подмерзъ, мы тронулись въ путь и черезъ нѣсколько часовъ спустились зигзагами съ Куполообразной горы.

Поднявшись на вершину ея, я увидѣлъ на разстояніи двухъ миль нѣсколько черныхъ предметовъ, двигающихся на снѣгу. Предметы на этомъ разстояніи казались парою саней въ сопровожденіи партіи, и я обернулся къ Аструпу съ крикомъ: „Наши идутъ навстрѣчу". Въ этотъ моментъ члены той партіи, очевидно, увидѣли насъ, и слабое привѣтствіе ихъ достигло до моихъ ушей. Предметы раздѣлились, и я увидѣлъ, что ихъ было семь или восемь. Очевидно, въ бухту пришло судно. Мы быстро пустились внизъ по скату, желая скорѣй увидѣть знакомыя лица. Тѣ, въ свою очередь, сошли съ возвышенія, на которомъ находились, и черезъ нѣсколько времени я пожималъ руку профессора Гельприна и привѣтствовалъ другихъ членовъ его партіи, съ трудомъ пробиравшихся по глубокому снѣгу.

Встрѣча была радостная и сердечная. Мѣсяцъ тому назадъ „Коршунъ" съ проф. Гельприномъ на бортѣ направился изъ гавани С.-Джонъ на сѣверъ и все это время плылъ по голубымъ волнамъ. Мѣсяцъ тому назадъ мы съ Аструпомъ отправились на югъ изъ долины Мускуснаго быка на новооткрытомъ сѣверномъ берегу и съ тѣхъ поръ шли по замерзшимъ волнамъ ледяного покрова. А теперь мы встрѣтились здѣсь, въ этой ледяной пустынѣ, при яркомъ свѣтѣ полуночнаго солнца, и пути наши шли такимъ образомъ, что, даже будучи слѣпыми, мы должны были бы попасть въ объятія другъ друга.

Проф. Гельпринъ и его спутники повернули немедленно назадъ. Время для насъ шло быстро въ болтовнѣ съ различными членами партіи, пока мы проходили 10 миль, отдѣляющія насъ отъ бухты.

Въ 2 часа утра я снова стоялъ на краю утесовъ, на которые втащилъ сани три мѣсяца тому назадъ, и смотрѣлъ на зеленыя воды бухты, испещренныя ледяными горами, и на „Коршуна“, покойно покачивающагося на якорѣ у моихъ ногъ. Часомъ позже я вступилъ на палубу „Коршуна“. Радостное привѣтствіе моей жены прозвучало въ моихъ ушахъ. Длинный бѣлый путь кончился.

Изданія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, въ Москвѣ.

Народы Европейской Россіи. Наброски перомъ и карандашомъ. Рисунки Л. Л. Бѣлянкина. Текстъ подъ редакціей проф. Н. Ю. Зографа. Три выпуска формата in-folio, содержащихъ въ себѣ художественно исполненныя фототипическимъ способомъ свыше 200 фигуръ типовъ народовъ, населяющихъ Европейскую Россію, дающихъ наглядное и вѣрное представленіе о наружномъ видѣ народностей, изображеніе ихъ жилищъ, одеждъ, бытовыхъ и этнографическихъ особенностей, домашней обстановки и характерныхъ сценъ изъ народной жизни.

Цѣна за всѣ три выпуска 1 руб. 80 к.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. вып. 1-ый *одобренъ* для ученическихъ библіотекъ высшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и всѣ три *включены* въ каталогъ книгъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Де-Фо, Даніэль. Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузо, іоркскаго моряка, разсказанныя имъ самимъ. Полный переводъ съ англійскаго П. Канчаловскаго. *Одобрено* Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для библіотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ портретомъ автора и 100 прекрасными иллюстраціями въ текстѣ. Клише исполнены въ Лондонѣ. М., 1888 г. Цѣна за 2 тома 4 руб., пересылка по разстоянію за 3 фунта. Въ роскошномъ переплетѣ цѣна 5 руб.

Лермонтовъ, М. Ю. Сочиненія. Художественное изданіе. Текстъ вновь пересмотрѣнъ и исправленъ по рукописямъ поэта, согласно указаніямъ нашего извѣстнаго библіографа П. А. Ефремова. Біографія поэта и критическая статья объ его произведеніяхъ написаны П. И. Ивановымъ. Рисунки исполнены исключительно для этого изданія художниками: И. К. Айвазовскимъ, В. М. Васнецовымъ, А. М. Васнецовымъ, М. А. Врубелемъ, Е. Е. Волковымъ, Н. М. Дубовскимъ, С. В. Ивановымъ, К. А. Коровинымъ, В. К. Менкъ, В. Е. Маковскимъ, В. Д. Полѣновымъ, Л. О. Пастернакомъ, И. Е. Рѣпинымъ, К. А. Савицкимъ, В. А. Сѣровымъ, В. И. Суриковымъ, К. А. Трутовскимъ и И. И. Шишкинымъ. Томы I и II этого изданія *распроданы*, въ продажѣ остался только *томъ третій*, составляющій приложеніе къ нимъ. Третій томъ содержитъ произведенія, не помѣщенныя въ I и II, и алфавитный указатель къ сочиненіямъ. Цѣна 1 р., въ роскошн. перепл. съ золот. тиснен. 1 р. 65 к.

Свифтъ, Джонатанъ. Путешествіе Лемьюэля Гулливера. Полный переводъ П. Канчаловскаго и В. Яковенко, съ біографіей Свифта и примѣчаніями Вальтеръ Скотта, Шеридана, Кука, Тейлора, Теккерея и др. Томъ I. Путешествіе въ Лилипуту и Бробдиньягъ. Томъ II. Путешествіе въ Лапуту и въ Гуигнгнамъ. Съ 164 рисунками, рѣзанными въ Лондонѣ. М., 1890 г. За 2 тома цѣна 4 р. 40 к. Пересылка по разстоянію за 3 фун. Роскошный переплетъ 1 р.

Тысяча одна ночь. Арабскія сказки. Новый полный переводъ Ю. Доппельмайеръ, съ 450 рисун. въ текстѣ, въ трехъ томахъ. При второмъ томѣ помѣщена статья академика А. Н. Веселовскаго, написанная для этого изданія (пересылка каждаго тома за 3 фун. по разстоянію). Томъ I, изд. 2-е. Ц. 3 р. 15 к. Томъ II. Ц. 2 р. 75 к. Томъ III. Ц. 2 р. 75 к. (за переплеты по 50 к. за каждый томъ).

Тиндаль. Теплота, разсматриваемая какъ особый родъ движенія. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей проф. А. Шимкова, съ 120 рисун. въ текстѣ. Книга рекомендована Мин. Нар. Просв. для фундамен. и ученич. библ. муж. и жен. гимназій, реал. училищъ и учител. семинарій, а также для библіотекъ учит. институтовъ и городскихъ училищъ. Изданіе 2-е. М., 1889 г. Цѣна 2 р. (вмѣсто 3 р. 75 к.).

Морлей, Джонъ. Вольтеръ. Перев. съ 4-го англ. изданія подъ ред. проф. А. Н. Кирпичникова. Содержаніе: Введеніе.—Вліяніе Англіи на міросозерцаніе Вольтера.—Его литературная дѣятельность.—Жизнь въ Берлинѣ.—Борьба съ католицизмомъ.—Вольтеръ какъ историкъ.—Жизнь въ помѣстьѣ „Ферне". М., 1889 г. Ц. 2 р.

Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или новая Элоиза, или письма двухъ любовниковъ, живущихъ въ маленькомъ городкѣ у подножья Альпъ. Пер. П. Канчаловскаго. Съ портретомъ Ж.-Ж. Руссо и рисунками. М., 1892 г. Цѣна 2 р.

Жоржъ-Зандъ. Сочиненія. Томъ I. Замокъ Вильпрэ. (Le compagnon du tour de France.) Перев. Ю. В. Доппельмайеръ. М., 1892 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Дебо, Эмиль. Чудесное въ наукѣ (популярная физика). Содержаніе: Кн. I. Фонографъ.—Телефонъ.—Телефонографія.—Телефотъ.—Кн. II. Электрическая энергія.—Кн. III. Свѣтовая энергія.—Физическіе опыты безъ аппаратовъ. М., 1892 г. 516 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Главный складъ изданій при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, **въ Москвѣ**: Пименовская, соб. д., и отдѣленіяхъ: **въ С.-Петербургѣ**: Фонтанка, 117, типогр. М-ва Путей Сообщенія; **въ Кіевѣ**: Караваевская, 5.

Цѣна 2 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Москва, Пименовская ул., с. д., телефонъ № 526,
и отдѣленіяхъ: С.-Петербургъ, Фонтанка, 117, и Кіевъ, Караваевская, 5.

